Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 2
(XI-XII века)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2: XI–XII века. – 555 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Из Египетского патерика *(Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой)*

Из Синайского патерика *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова)*

Житие Андрея Юродивого *(Подготовка текста, перевод и комментарии А. М. Молдована)*

Повесть о Варлааме и Иоасафе *(Подготовка текста, перевод и комментарии И. Н. Лебедевой)*

Из Пролога *(Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой)*

Из Изборника 1076 года *(Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова)*

Служба Воздвиженью Креста Косьмы Маюмского *(Подготовка текста, перевод и комментарии Т. В. Ткачевой)*

Вступление

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА В РАЗВИТИИ ЛИТЕРАТУРЫ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

Русь, а в последующем Россия, пережила в своей истории пять крупнейших катаклизмов в своей политической ориентации. Первая из таких ломок или, напротив, созидательных перестроек государственного и социального строя была осуществлена при Владимире Первом Святославиче, по прозванию Святом; вторая — при Иване Грозном в период установления единого управления для всей России, для всех русских областей; третья — при Петре Великом в период смены ориентации с Юга Европы на Север Европы; четвертая, наиболее мирная и спокойная, но трагически оборвавшаяся, — при Александре Втором Освободителе; пятая началась с овладения государством и установления большевистской власти после разгона Учредительного собрания 19 января 1918 года. Каждая из этих смен была подготовлена снизу, но заканчивалась сверху — от государства, от правительства. Вместе с тем каждая из этих смен ознаменовывалась прежде всего государственной поддержкой нового идейно-культурного направления. При Владимире Святом — христианства. При Иване Грозном перемена была поддержана двумя идеологическими соборами, из которых наибольшее значение имел Стоглавый 1551 года; при Петре Великом — сопровождалась прекращением деятельности земских соборов и Боярской думы и направлялась личной волей императора; при Александре Втором Освободителе, наиболее мирной, — частичным восстановлением прав народа, при большевистской — насильственным подчинением многонациональной страны узкой марксистской идеологии.

Что привлекает внимание во всех этих переломах? Все они начинались с культуры, с попыток изменить в первую очередь духовную атмосферу страны.

Отличительная черта первого и наиболее глубокого перелома в истории Руси — перелома от язычества к христианству — активное присутствие его в течение наиболее длительного времени в духовной и практической жизни народа. Перелом этот ознаменовался прежде всего и глубже всего в письменности, в приобретении страной не просто знаков для букв, но правил правописания, расстановки знаков препинания, обретении литературного языка и огромной литерагуры, приобщившей Русь к культуре Европы через переводы, частично

сделанные в Болгарии и на Русь перенесенные, а частично сделанные на самой Руси — в Киеве, Новгороде, Владимире, Суздале, Полоцке.

Для того чтобы конкретно представить себе роль переводной литературы в развитии русской литературы, следует прежде всего проанализировать характер самой переводной литературы.

Литература, перешедшая на Русь с помощью русских и болгарских переводов, была теснейшим образом связана с церковью. Она была подчинена задачам дидактики, поучения, воспитания. Значительная ее часть была связана с богослужением или входила в распорядок уставных чтений всех трех монашеских уставов, перенесенных на Русь с принятием христианства, была в значительной мере отрешена от жизни, от всего конкретного и национального, обращалась к потустороннему и вневременному.

Наряду с церковной литературой на Русь была перенесена и светская литература Византии.

Из Византии и Болгарии проникали на Русь апокрифы и еретические учения, и каналы их проникновения были совершенно иными. Так, например, волхвы, с которыми столкнулся в Чудской земле некий новгородец, по летописному повествованию 1071 года, рассказывали о своем вероучении, а оно представляло собой любопытную смесь древнерусского язычества и богумильства. Ясно, что последнее явилось на Русь далеко не официальными путями.

*

Переводная литература, широким потоком влившаяся в русскую литературу в XI—XII вв., способствовала утверждению в литературе христианской идеологии, принеся с собой ряд новых жанров: жития, проповеди, различные виды церковных песнопений и т. д. Эти новые жанры также способствовали утверждению христианства. Наконец с переводной литературой был перенесен на Русь ряд способов выражения этой новой идеологии: в отдельных приемах риторического искусства, в отдельных приемах изображения внутреннего состояния христианских подвижников и т. д. Наконец, переводная литература способствовала утверждению в русской литературе ряда образов, символов, метафор.

Однако переводная литература была воспринята на Руси далеко не пассивно.

Современное понятие перевода не всегда применимо к так называемой переводной литературе древнерусского государства. Русские «переводчики», а главным образом русские переписчики и иногда даже читатели постоянновносили (сперва на полях рукописей) в эти переводы добавления, разъяснения, упрощали язык, иногда сокращали содержание памятника или, наоборот, вставляли целые куски из других произведений, приспосабливая переводы к нуждам русской действительности. Иногда русские книжники перестраивали

композицию переводного сочинения или создавали на основе их сводные большие композиции, посвященные крупным темам: всемирной истории, ветхозаветной истории и т. п. «Переводчики» предпочитали считаться с потребностями читателя иногда в большей мере, чем соблюдать близость к оригиналу.

По мнению А. И. Соболевского, на Руси в первые века после официального крещения Руси были уже «почти все те южнославянские переводы IX—X вв., которые мы знаем по дошедшим до нас спискам».[*] Однако очень рано, со времени княжения Ярослава Мудрого, который «собра писце многы, и прекладаше от грекь на словеньскый язык и письмо»,[*] переводы начали делаться и на Руси.

Акад. В. М. Истрин, много поработавший над установлением русского происхождения различных переводов XI—XIII вв. с греческого, так определяет сумму переводов, сделанных, по его мнению, русскими переводчиками еще при Ярославе: «Новопереведенная литература была разнообразного содержания. Тут были произведения и исторического характера, как “Хроники” Георгия Синкелла и Георгия Амартола или “История Иудейской войны” Иосифа Флавия, и естественно-научного, как “Христианская топография” Козьмы Индикоплова, и повествовательного, как “Повесть об Александре Македонском” (“Александрия”) или “Повесть об Акире Премудром”, и житийного, как “Житие Василия Нового”, и апокрифическо-пророческого, как “Откровение Мефодия Патарского”, и богословско-догматического, как “Исповедание веры” Синкелла, вошедшее скоро в летопись и т. п.».[*]

Если учесть, что приведенный В. М. Истриным перечень далеко не полон и что весь он падает на одно княжение Ярослава Мудрого, то мы должны будем прийти к выводу, что переводы с греческого должны были быть предметом государственной заботы на Руси. Известие «Повести временных лет» о личной заботе Ярослава о переводах «на словеньское письмо» получает, следовательно, подтверждение и в чисто фактическом материале.

Что же представляла собой переводная литература, явившаяся на Русь путем собственных — русских и болгарских переводов, и что нового внесла она в русский литературный обиход?

Прежде всего, практические потребности богослужения вызвали появление на Руси богослужебных книг. Эти книги должны были служить руководством при совершении довольно сложного к началу XI в. христианского культа. От XI в. до нас дошли в болгарском переводе служебная месячная Минея (собрание служб в календарном порядке на весь год), Триоди («постная» — тексты праздничных служб до Пасхи и «цветная» — тексты служб в послепасхальное время), затем служебники и требники. Помимо исключительно «деловой» части, эти богослужебные книги заключали в себе тексты литературно-поэтического характера — песнопения и чтения, составлявшие, так сказать, художественную часть богослужебного ритуала. Эти богослужебные книги могли служить и для чтения вне церкви и использовались при обучении грамоте (Часослов). В церковных

песнопениях — канонах, стихирах, кондаках, икосах Иоанна Дамаскина, Григория Назианзина, патриарха Софрония — не утратилась еще связь с античной и эллинистической поэзией, с настроениями античной философской лирики. Несложные по тематике (молитвы об исцелении и защите, покаянные молитвы, хвалы святым и божеству), церковные песнопения были очень сложны по своей стилистике и перенесли в русский литературный обиход отдельные цветистые выражения, рифму (обычного в Византии глагольного типа), ритмическое построение прозы, сложные и изысканные сравнения.

Основной «корпус» христианского вероучения — Библия — не был еще полностью переведен в XI—XII вв. Переведено было только то, что отвечало непосредственным потребностям христианского культа, либо ее исторические части для включения в большие исторические сочинения сводного характера — Толковую Палею и др. Тем не менее библейские книги были довольно хорошо представлены в переводах — полностью или в сокращениях.

Значение переводов из Библии было для русской литературы очень велико. Чрезвычайно пестрый и в идеологическом, и в художественном отношении состав библейских книг, созданных в разное время на протяжении более тысячелетия, включал произведения самых разнообразных жанров, начиная с философской лирики и кончая воинской повестью. Библейские книги заключали в себе обильные фольклорные мотивы, сказочные сюжеты, полулегендарную историю еврейского народа, проповеди, космогонические мифы, биографические повествования, богословские трактаты, лирические песнопения и т. д.

Перенесены были на Русь из Болгарии, а частично и переведены на Руси многочисленные сочинения христианских писателей III—XI вв. Это была по преимуществу учительная литература — проповеди и поучения, созданные в целях христианизации языческих стран, для борьбы с ересями и для пропаганды христианской догматики и морали внутри самих христианских стран. Отдельные приемы этих проповедей и поучений восходили еще к античному ораторскому искусству, к античной эпистолярной практике и к философской прозе. Из учительной литературы особенным распространением пользовались на Руси сочинения Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина и др., из сборников — составленный в X в. в Болгарии при царе Симеоне — Златоструй. Вместе со сборниками поучений и проповедей на Русь перешли произведения популярной вопросно-ответной формы (ведущей свое начало от так называемого сократического диалога) и разного рода толкования Священного писания (толковые Псалтыри и т. д.).

Замечательно, что русские переводчики или русские переписчики дополняли переводные поучения своими вставками, применяли поучения к русской действительности. Так, например, в «Слове о дерзости Павла апостола», где проповедник уговаривает паству не лениться слушать поучения, читаем такую вставку: «Аще бо быть рать на ны половецкая пришла и все наше попленили быша, таче воевода их претил бы и град наш раскопати... таче бы от царя нашего ят и связан, в град приведен был, — не вси ли быхом вскочили и с женами и с детми

видети его?» Таких русских дополнений переводные поучения содержат немало. Вместе с тем состав переводных поучений подбирался в сборники согласно вкусам и потребностям Руси.

Новому мировоззрению на Руси служили также переводные сборники изречений из Священного писания и античных авторов (в тех случаях, когда цитаты из последних не противоречили христианским установлениям). Эти сборники также перерабатывались и дополнялись на Руси согласно потребностям господствующих верхов. Древнейший из списков таких изречений вошел в Изборник Святослава 1076 г., составленный, по-видимому, как походная книга, повлиявшая на написанное как раз в походе Владимиром Мономахом «Поучение».[*]

Возможно, на русской почве был составлен Стословец Геннадия,[*] дававший в предельно понятной и доступной форме основы средневекового мировоззрения. Стословец Геннадия был очень ценен для пропаганды новой государственной власти на Руси: «Царя бойся всею силою твоею», «всякому богатому главу твою поклоняй смирения ради» и т. д.

Мощное орудие проповеди новой веры представляли собой жития святых, наглядно показывавшие читателю образцы христианских добродетелей и в поучительной форме рассказывавшие ему о новых идеалах христианской религии. Жития вместе с тем давали русскому читателю очень разнообразный литературный материал, в котором элементы житийно-чудесного переплетались с народной фантастикой, с неизжитыми дохристианскими верованиями и мифами. Выразительные картины искушений святых, занимательные подробности чудес, воинские эпизоды, разнообразные характеристики святых — монахов-отшельников, воинов, церковных иерархов, мучеников, князей и т. д., живших в разнообразных исторических и географических условиях, расширяли литературные вкусы читателя, вводили в употребление очень разнообразные литературные формы. Жития также частично перерабатывались на русской почве. Новыми рассказами было, например, дополнено переводное житие Николая Чудотворца. В двух из этих рассказов местом действия является Киев. Переработке и дополнениям подвергся один из основных сборников житий — Пролог.

В еще большей степени подвергалась на Руси переработкам литература светская — в первую очередь историческая. Переводная историческая литература была в основном представлена на Руси хрониками, отразившими два различных направления византийской исторической мысли: одна хроника — хроника Иоанна Малалы из Антиохии — стремилась примирить античность и античную историю с христианством, а другая — Хроника Георгия Амартола («Грешника», т. е. монаха) — освещала историю исключительно с религиозной точки зрения. Помимо этих двух хроник на Русь попадали и другие исторические сочинения, менее значительные по объему и содержанию, например «Летописец вкратце» патриарха Никифора, Хроника Георгия Синкелла и др.

Внимательное изучение различных редакций русских переводов византийских хроник показывает, что переводы эти сразу же использовались для больших русских сочинений сводного характера по всемирной и русской истории. Русские переписчики упорно и настойчиво расширяли материал этих хроник все новыми и новыми историческими произведениями, которые включались в их состав для наиболее полного освещения всемирной истории. Одновременно русские переводчики и писцы сокращали их риторические части, выбрасывали морально-философские рассуждения, придавая рассказу большую деловитость. Так, на основании переводного материала и частично русского было составлено на Руси обширное сводное сочинение по всемирной истории — Еллинский и Римский летописец. Основу Еллинского и Римского летописца составили переводные византийские хроники — Иоанна Малалы, Георгия Амартола и «Летописец вкратце» патриарха Никифора.

Творческое отношение к этим хроникам русских составителей Еллинского и Римского летописца наглядно видно хотя бы из того, что они, не довольствуясь материалами этих хроник, дорабатывали их, дополняя вставками, заменами и уточнениями иногда на основании источников этих самых хроник с тем, чтобы более точно и подробно представить события всемирной истории. Так, например, в тех случаях, когда текст Амартола или Малалы сокрашал более подробные рассказы соответствующих мест библейских книг, русские составители заменяли текст Амартола и Малалы текстом библейских книг. Вместо рассказа хроники Иоанна Малалы об Александре Македонском русские составители вставляли его источник — текст Александрии второй редакции (в списках второй редакции Еллинского и Римского летописца). В те же списки Еллинского и Римского летописца второй редакции включается «Сказание о трех пленениях Иерусалима» Иосифа Флавия с особой повестью «Взятие Иерусалима третье, Титово», «Сказание Епифания о Богородице», «Видение Даниила», замечательная, новгородская по своему происхождению, повесть о взятии Константинополя крестоносцами в 1204 г., известия о крещении Руси (отличные от летописи), о походах русских князей на Константинополь (также отличные от летописи), русская повесть о Казарине и его жене и другие.

Кроме Еллинского и Римского летописца на Руси было составлено несколько сводных сочинений по всемирной истории: Иудейский хронограф, различного типа палеи и т. д.

Таким образом, византийские хроники не просто переводились — на их основе создавались крупнейшие русские исторические сочинения сводного характера. Это были своеобразные исторические энциклопедии, составленные на основании лучших исторических источников своего времени.

Также активно отнеслись русские переводчики и писцы к многочисленной природоведческой литературе Византии — к «Христианской топографии Косьмы Индикоплова» (т. е. «плавателя в Индию»), к различным шестодневам и физиологам.

Наконец, переделкам, сокращениям и дополнениям подвергались на Руси различные переводные повести и романы. Большой интерес вызвал у русских читателей знаменитый эллинистический роман, впоследствии обошедший всю феодальную литературу Европы, — «Александрия». «Александрия» рассказывала о подвигах и необычайной жизни Александра Македонского, о чудесных восточных странах — Индии и Персии и их фантастических диковинных обитателях — амазонках, любомудрах и т. д. На русской почве «Александрия» подверглась различным дополнениям, в частности из хроники Амартола и др.

Исключительный интерес представляет русский перевод «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия. Русский переводчик повести всюду акцентировал представления о воинской чести, о ратной славе, обильно ввел в нее русскую военную терминологию, кое-где дополнив перевод вставками, призывающими к геройству, хваля тех, кто умирает на поле битвы, и проклиная тех «телолюбцев», которые предпочитают умирать от болезни дома. Перевод отличается высокими достоинствами превосходного русского языка.

Нет нужды перечислять все переводные произведения, активно воспринятые на Руси. Приведенные примеры ярко показывают, что отношение русских переводчиков и читателей к переводной литературе было далеко не пассивным. Эти переводы граничили с творческими переработками, а самый выбор переводимых произведений диктовался потребностями русской действительности.

Каковы же были эти потребности русской действительности? В основном это были, конечно, потребности идеологии церковной, преобладающей, и идеологии княжеско-дружинной («рыцарской»), отнюдь не преобладавшей, хотя и весьма отчетливой в русской действительности XI—XII вв. Церковная идеология питалась главным образом извне, соответственно истокам принятого на Руси христианства — византийского по преимуществу. Княжеско-дружинная идеология выросла в основном на местной почве, получила особенное развитие в период феодальной раздробленности, но охотно воспринимала различные иноземные соответствия — будь то в переводных романах вроде «Александрии», «Истории Иудейской войны» или «Повести о Дигенисе Акрите», или через венгерские рыцарские турниры, устраивавшиеся в Киеве и собиравшие множество зрителей киевлян.[*]

Однако характер переводной литературы, заинтересованность в ней верхов русского феодального общества отнюдь не исключали возможности проникновения в нее народных элементов. Эти народные элементы имелись в ней уже на византийской почве (а частично и на болгарской почве, если перевод был сделан в Болгарии) и частично появлялись на почве русской. Элементы народного творчества имелись уже в «Повести о Дигенисе Акрите», в «Александрии» и других светских воинских повестях Византии. Переводчики, писцы вносили в них добавления иногда по собственной инициативе.

Литература, как мы знаем, развивается в тесном взаимодействии с действительностью. Было бы методологически неправильно рассматривать историко-литературный процесс в отрыве от истории народа. А это не раз происходило в истории науки, особенно на первых порах развития компаративистики.

Между тем литературное произведение оказывает «влияние» вовсе не непосредственно на литературное же произведение. Всякое «влияние» и «воздействие» оказывается прежде всего на человека — активного представителя своей среды. Эта простая истина, хотя никем и не отрицалась — недостаточно все же осознавалась. Между тем литературные произведения, в том числе и переводные, «влияют» прежде всего на мировоззрение человека и человеческой среды. Отдельные литературные сюжеты, мотивы — это не только литературные явления, а явления мировоззрения прежде всего. Легенды о святых, о бесах, о чудесах от икон или о загробном мире, которыми полны произведения переводной литературы, сами по себе не способны «бродить», переноситься из одного литературного произведения в другое. Литература оказывает величайшую силу воздействия на действительность, а через нее вновь на литературу.

Влияние переводной литературы ощущалось прежде всего в мировоззрении русских людей XIи последующих веков. Оно оказывалось действенным в том случае, если к тому были благоприятные обстоятельства в самой человеческой душе и в социальной действительности.

Новые литературные произведения создавались не сразу — теми или иными писателями, как это бывало по пренмуществу в позднейшее время, а очень часто предварительно проходили стадию устной легенды. Письменное творчество не порывало в XI—XII вв. своих связей с устным творчеством. Эта устная стадия была очень существенна в появлении многих новых произведений, так как именно здесь новый сюжет, новая легенда оказывались под перекрестным воздействием переводной литературы, вернее, — представляемого ею христианского мировоззрения, и народного творчества. Воздействия смешивались и творчески перерабатывались под влиянием самого мощного фактора — русской действительности.

Приведем некоторые примеры создания устной христианской легенды, затем отразившейся в письменности.

Уже в XI в. начала возникать первоначально по преимуществу в Киеве христианская легенда. Эта легенда создавалась очень часто в монастырях, главным образом в Киево-Печерском, где многочисленность и пестрота социального состава братии способствовали здесь ее быстрому развитию.

К числу таких легенд принадлежит и легенда о путешествии апостола Андрея на Русь. Легенда эта возникла из взаимодействия книжных источников с чисто народными рассказами, ничего общего с христианской легендой не имевшими. Книжные основания этой

легенды совершенно ясны: об апостоле Андрее русские монахи узнавали из Деяний апостола Андрея. В описании его последнего, третьего, путешествия имелись сведения о посещении Андреем Синопии и Корсуни. Отсюда могло создаться впечатление об особом отношении Андрея к Руси, тем более что в христианской литературе монахи могли найти утверждение о том, что каждый народ имеет своего апостола. Монахи могли предположить, что апостол Андрей вернулся в Рим по Днепру, по великому пути «из Варяг в Греки» через «Варяжское море». Предположение превратилось, как это часто бывает, в уверенность, и в сравнительно короткий срок легенда была создана. Ее киевское происхождение довольно ясно выступает в той ее части, где говорится о том, что апостол Андрей, посетив место будущего Киева, благословил «горы сия», предрек благодать «на сих горах», сошел «с горы сея». Но это киевское происхождение не менее заметно и в той части этой легенды, где говорится о Новгороде. Посетив словен, «идеже ныне Новгород», апостол Андрей подивился новгородским баням: «И видѣвъ люди ту сущая, какъ ихъ обычай, и како ся мыють и хвощются, и удивися имъ». Вернувшись в Рим, Андрей так затем рассказывал о новгородских банях: «Дивно видѣхъ землю словеньску, идущю ми сѣмо. Видѣхъ банѣ древяны, и пережьгуть я велми, и съвлекутся, и будуть нази, и обольются мытелью, и возмуть вѣники, и начнуть хвостатися, и того собѣ добьють, одва вылѣзуть еле живы, и обольются водою студеною, и тако оживут. И тако творять по вся дни, не мучими никымже, но сами ся мучать и то творят не мытву собѣ, а мученье».*

Перед нами наиболее живая интересная часть легенды, — часть, которая делает легенду не просто предположением, обратившимся в уверенность, а произведением художественным. Знаменательно, однако, что эта художественная часть легенды менее всего носит христианский, монашеский характер. Здесь сказываются не книжные, а народные основы, лишь искусственно соединенные с именем Андрея. Шутка о новгородских банях ходила, очевидно, в народе независимо от рассказа об апостоле Андрее. Она принадлежит к числу, очевидно, тех народных рассказов, в которых отдельные племена, добродушно подшучивая над соседними, как бы утверждали свою племенную особность. Шутка киевлян, не имевших бань, над банным обычаем новгородцев носит, по существу, тот же характер, что и шутка киевлян, которой они «корили» радимичей: «пѣщаньци волъчья хвоста бѣгають»,* или шутки, которыми те же киевляне «корили» новгородцев: «…А вы плотници суще? А приставим вы хором рубить наших».*

Перед нами многознаменательное явление: устная традиция находит подлинные творческие художественные черты в творчестве народном.

Другая легенда церковного происхождения рассказана в «Повести временных лет» под 983 г. В ней речь идет о варягах-христианах, отце и сыне, замученных «невегласами»-язычниками. Варяг-отец отказался отдать своего сына для совершения жертвоприношения языческим богам и при этом обличал язычество. Народ подсек сени, на которых стояли отец и сын христиане, и растерзал их. Эта легенда связана с тем местом, на котором была построена затем Десятинная церковь, о чем и

сообщается в самом начале легенды.[*] Очевидно, что она имела хождение среди клирошан этой церкви и едва ли не была создана в противовес тем народным рассказам, которые исторически точно указывали на месте Десятинной церкви старые языческие могильники, где совершался культ предков.[*] Дальнейшее историческое произведение, в которое уже входила это легенда, было составлено как раз при этой Десятинной церкви. Это свидетельствует о том, что легенда эта могла и не иметь особого распространения за пределами Десятинной церкви.

Свои местные легенды изложили в своей же летописи и монахи Печерского монастыря. Здесь в этих печерских легендах монастырское предание мешается с припоминаниями очевидцев, с личными воспоминаниями самого монаха летописца — по-видимому Нестора. Все это ясно подчеркивает, и в этом случае, узкий круг распространения христианской легенды. Она еще только создавалась и не сошла как бы еще с уст их создателей. Не успев развиться в устной традиции, она уже фиксируется в письменности, окостеневает и не развивается.

Многие из печерских легенд этого характера рассказаны в «Повести временных лет» под 1074 г. Перед нами проходит ряд ярких образов печерских монахов — Дамьяна, Еремии, «иже помняще крещенье земле Русьскыя», Матвея, Исакия и др. Образы этих монахов сложились сперва в устной киево-печерской традиции и только затем проникли в летопись. Принимая во внимание, что пестрое в социальном отношении монашество Киево-Печерского монастыря, хотя и в разной мере, было все же знакомо с народным устным творчеством, мы можем предположить, что умением создавать яркие образы своих умерших братьев печерские монахи были в значительной мере обязаны фольклору, знакомому им с детства.

Главными носителями элементов фантазии в этих печерских рассказах являлись бесы. Они-то по преимуществу и являлись действенным началом в оформлении каждого сюжета. Совпадения в отдельных мотивах между различными патериками: русскими, византийскими и пр., объясняются не тем, что эти мотивы механически переносятся из одного патерика в другой, а общностью христианских представлений о бесах, о силе молитвы, о силе крестного знамения и т. п. Общность христианских воззрений на мир и создавала общность же отдельных сюжетов, развивавшихся самостоятельно в каждом из монастырей.

Мотивы и сюжеты всех патериков христианского Востока были прежде всего связаны общностью христианского мировоззрения. В разных местах христианского культа создавались на их основе одинаковые мотивы и сюжеты. Нет никакой нужды связывать общность мотивов и сюжетов с чтением патериков во время трапезы. Вся христианская литература в целом создавала основы для этой общности. Вернее, создавала их не сама христианская литература, а стремление увидеть догмы и убеждения христианства конкретно воплощенными в материальных фактах, эмоционально пережить традиционные религиозные представления. Создавало их и сочетание христианских представлений с представлениями народными.

К представлениям о бесах примешиваются под влиянием христианской пропаганды, внушающей бесовство язычества, представления о старых языческих богах, о домовых, духах предков — навьях, и т. д. как о бесах. Именно поэтому вера в бесов имеет такой успех, распространяясь быстрее, чем вера в ангелов, и находит себе массовый отклик в монастырском, церковном устном творчестве.

Выше мы показали только один из путей, которым переводная литература помогала складываться русской христианской литературе.

Иного типа значение переводной литературы, вернее мировоззрения, представленного этой переводной литературой, может быть отмечено в формировании взглядов на писательский труд.

Византийская христианская литература принесла с собою на Русь своеобразное воззрение на писательский труд. Это воззрение мы почти не ощущаем ни в «Слове о полку Игореве», ни в «Поучении» Мономаха, ни в летописи, ни в других светских сочинениях. Зато оно находило себе отчетливое выражение в сочинениях церковного характера — в различного рода житиях и поучениях.

Согласно этим воззрениям каждый писатель рассматривался только как выразитель «вечных идей», независимых от времени, места и обстоятельств. Писатель — лишь передатчик этих «вечных истин», божественный посланец, вестник, гонец. Поэтому личность автора не заслуживает особого внимания, а его творчество, личное вмешательство в содержание произведения должно быть сведено до минимума. Отсюда анонимность большинства произведений русской литературы.

Выразительный образ такого писателя — передатчика божественных истин — рисуется в «Слове о поучении церковном», которое часто приписывается в рукописях Кириллу Туровскому: «Якоже бо кто грамоту цареву или княжу принесеть во град под рукою его сущим, не испытают житья принесшему и — богат ли есть или убог, или грешен, или праведен; но тех точью чьтомых послушают, и тщатся аки ничто их не забыл; аще ли котораго слова не гораздо слышить, то впрашают слышавшаго; аще ли бесчинен человек голку сътворить, то бьюще отгонять и, аки пакость творяща. Да аще от земнаго князя толико внимание бываеть, то колми паче сде внимати нам подобаеть, идеже ангелом Владыка беседуеть».[*] Итак, проповедник, писатель — это гонец, приносящий в град «грамоту цареву». Никого не интересует — богат ли этот гонец или убог, грешен или праведен. Внимание всех устремлено только к тому, что сказано в царевой грамоте. Вот почему церковный писатель так часто пользуется чужим материалом, пересказывает мысли отцов церкви, использует их образы, их темы. Он с самого начала рассматривает себя только как передатчика чужих мыслей. «Се не мене деля послушайте — аз бо грешник есмь, — но евангельскаго учения послушайте»,[*] — говорит автор «Слова о поучении церковном». Божественное учение подобно золоту или серебру, меду шги вину, которые писатель только раздает от имени Бога: «Сопросъшю вы, отвещайте ми, аще злато или сребро по вся дни

раздавал бых, или мед, или вино, но <то> бысте приходили сами, не призываеми, друг друга бысте сами понужали? Ныне же словеса Божьи раздаваю, лучше паче злата и каменья драгаго и слашьша меду и ста».[*]

Как глашатай божественной истины, писатель должен быть чист сердцем. В слове «О благоречии, о высоте и святости слова человеческого» составитель русского Пролога пишет: «Благая словеса от благого сокровища сердечнаго исходят. Аще же кто не очистит сердца своего от злословесия, той добра о себе беседовати не может; аще бо и мнится глаголати послушником (внимающим, слушающим), не приятна суть словеса его, но отметна, не имущя благодати святаго Духа».[*] В «Слове о слепце в неделю 6-ю по Пасхе» Кирилл Туровский прямо заявляет: «В души бо грешне ни дело добро, ни слово польэьно не ражаеться».[*]

Слово дается человеку от Бога. Человек может быть носителем этого дара, но для этого он должен просить о нем Бога: «Хотяй же убо ползовати кого в словесах, да просит у Бога слова на отверзение уст своих».[*] Дар свой человек не должен скрывать, но если он не получил этого дара — ему следует молчать. «Не приемый же таковаго дара от Бога, да молчит, и да не износит глагола праздна от сердца своего».[*]

В «Слове на собор святых отцов» Кирилл Туровский снова излагает свою излюбленную мысль: церковный писатель или оратор — лишь глашатай божественных истин, получающий свой дар слова от Бога: «Нъ молю вашю, братие, любовь, не зазрите ми грубости: ничтоже бо от своего ума сде въписаю, нъ прошю от Бога дара слову на прославление святыя Троица, глаголеть бо: Отвьрзи уста своя и напълню я».[*]

Воззрения на писательский труд, выраженные Кириллом Туровским, принадлежали не ему одному. Они были типичны для всей литературы этого времени.

Как видим, значение переводной литературы в формировании литературы русской было очень разнообразным. Византийско-христианское мировоззрение, перенесенное с помощью переводных произведений, сказалось и в создании христианских легенд, и в воззрениях на труд писателя, и в целом ряде еще других случаев, исчерпать которые мы вовсе не собираемся.

Переводная литература имела особенно большое значение в развитии отдельных форм русской литературы, в образовании ее различных видов, по содержанию же произведения русской литературы по преимуществу отвечали непосредственным требованиям русской действительности. Впрочем, когда мы говорим о форме древнерусских литературных произведений, то и в этом случае не можем обособлять ее от содержания и от русской действительности. Отдельные виды церковной литературы — жития, поучения, торжественные проповеди — были и самой своей формой теснейшим образом связаны с церковным мировоззрением: многословные отступления в житиях молитвенного характера, трафареты в описании жизни святого, внешний характер проповеди, ее дидактичность, риторические приемы

— отчетливо отражают церковное мировоззрение, одновременно служа его укреплению.

Вместе с тем эти отдельные виды церковной литературы возникли на русской почве не только потому, что таковы были переводные образцы, по которым они могли быть построены, но по преимуществу потому, что самый христианский культ, различного рода службы, монастырские уставы и пр. требовали наличия произведений этого вида.

Жития святых Бориса и Глеба возникли не из простого желания русских книжников написать такие же жития святых, какие они читали в переводах с греческого или непосредственно на греческом языке, а потому, что канонизация этих святых не могла совершиться без наличия их житий, потому еще, что самый культ Бориса и Глеба, ритуал тех или иных богослужений им, требовал наличия этих житий. Об этих требованиях христианского культа мы ни в коем случае не должны забывать, когда говорим о различных видах христианской литературы. Устойчивость этих видов в русской литературе, конечно, в первую очередь объясняется тем, что устойчивыми были самые требования христианского культа, побуждавшие создавать все новые и новые произведения одного и того же типа.

Как бы, однако, ни были единообразны требования христианского культа в Византии, в Болгарии и на Руси, русские произведения отчетливо воспринимали воздействие русской действительности, служили ей, становясь русскими не только по содержанию, но и в видоизменениях своей формы. В отношении древнейших русских житий это отчетливо показано их знатоком — С. А. Бугославским. Резюмируя большое число своих наблюдений над русскими древнейшими житиями, С. А. Бугославский писал: «Из византийских житий русские авторы XI—XII вв. заимствовали лишь общие тенденции. Они понимали, что требуется нарисовать тип идеального, христиански выдержанного героя-святого, окружить его имя традиционным панегириком. Сделать же из князя, чья военная, политическая придворная деятельность была хорошо известна и рассказана в других не житийных статьях той же летописи, идеального праведника по типу византийских житий, было невозможно, и это спасло русских агиографов от слепого подражания византийским литературным образцам. Перед русским автором неизбежно вставала трудная задача — примирить в житийных опытах идеальные образы и стилистику византийскихжитий с тенденциозным, живым публицистическим изложением событий современности, а нередко и с укоренившимися народно-поэтическими мотивами (например, в рассказах о княгине Ольге, о Владимире)».[*]

*

Рассмотрение вопроса о роли переводной литературы в формировании литературы собственно русской мы начали с утверждения, что роль этой переводной литературы была огромна и бесспорна. Теперь мы имеем право повторить это утверждение с полным основанием. Если бы русская сторона пассивно усваивала элементы византийской культуры, если бы ей нечего было противопоставлять этой византийской культуре,

— значение ее не могло бы быть так велико. Византийская культура не могла бы быть творчески усвоена. Роль византийской культуры была бы чисто внешней, поверхностной и... ничтожной.

Перенесенная в жизненно крепкую среду, столкнувшись с интенсивнейшей потребностью в собственной литературе, вступив в борьбу с многовековыми местными традициями устного народного творчества, переводная литература приобрела важное значение в развитии русской литературы не как образец для пассивного подражания, а в ее творческом поступательном движении.

Д. С. Лихачев

ЖИТИЕ КОНСТАНТИНА-КИРИЛЛА

Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А. А. Турилова, комментарии Б. Н. Флори

ВСТУПЛЕНИЕ

У истоков славянских литератур лежит сочинение, посвященное человеку, чей талант, труд и подвиг сделали возможным само их существование, — обширный текст высоких литературных достоинств и ценнейший исторический источник — Пространное житие Константина (в монашестве Кирилла) Философа. Относительно авторства памятника существуют разноречивые суждения, но среда, в которой он возник (ближайшее окружение первоучителя), и время создания (вскоре после смерти Константина в Риме) не вызывают сомнений.

Жизнеописание создателя славянской письменности в полной мере разделило ее исторические судьбы: гонение в Великой Моравии после смерти архиепископа Мефодия, когда само существование славянской грамоты и славянского богослужения находились под вопросом, триумф в Болгарском государстве Бориса и Симеона и упадок под византийским владычеством, новый бурный расцвет уже на иной территории — в Киевской Руси. Вплоть до Нового времени тема равноправия славянского языка как языка, которым достойно славить Бога, и ортодоксальности славянского православия оставалась актуальной. Первые следы использования Жития Константина в других литературных памятниках прослеживаются с начала XII в. (Повесть временных лет под 996 г.). Символично, что уже на рубеже Нового времени в России к нему проявляют интерес писатели противоположных литературных направлений: высокоученейший

воспитанник Киево-Могилянской академии св. Димитрий, митрополит ростовский, создавший к 1700 г. новую редакцию Жития, и основатели знаменитой Выговской пустыни старообрядцы братья Андрей и Симеон Денисовы, включившие традиционный текст памятника в круг обязательного чтения общины (Минеи Четьи 1711 г.). Внимание и уважение к истокам сближало противоположности.

Живое отношение последующих эпох к Житию Константина как к памятнику, вновь и вновь обретающему актуальность, отразилось и в его рукописной традиции. Сохранилось не менее 60 полных списков памятника начала XV—XVIII вв., а число выписок (старшие из которых относятся к XIII в.) просто не поддается учету. Сопутствующие памятнику в рукописях тексты ясно свидетельствуют, что Житие (и выписки из него) воспринимались и использовались многопланово: и как собственно агиографический памятник, и как полемический трактат, источник сведений по истории, философии и грамматике. Большинство сохранившихся списков (свыше 80 %) — восточнославянского происхождения. Однако значение древнерусской традиции Жития не только в их числе: как недавно установил итальянский славист Дж. Дзиффер, вседошедшие списки памятника восходят к восточнославянскому протографу домонгольского времени.

Текстологическая история Жития Константина (в отличие от «текста-близнеца» — Жития Мефодия) чрезвычайно сложна, и реконструкция текста, наиболее близкого к оригиналу, вызывала немало научных споров. Из новейших работ на эту тему нужно указать статьи Б. Н. Флори (Рукописная традиция памятников Кирилло-Мефодиевского цикла: (Итоги и задачи изучения) // Жития Кирилла и Мефодия. М.; София, 1986) и Дж. Дзиффера (Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3; La tradizione russa sud—occidentale della Vita Constantini // Studii slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70 compleano. Udine, 1992).

Общее число работ, посвященных разным аспектам жизни и деятельности Константина Философа и Мефодия (в том числе в немалой степени их житиям), насчитывает несколько тысяч. Сведения о них собраны в четырех больших библиографиях: 1. *Ильинский Г. А.* Опыт систематической Кирилло-Мефодиевской библиографии. София, 1934; 2. *Попруженко М. Г., Романски Ст.* Кирило-Методиевска библиография за 1934—1940 гг. София, 1942; 3. *Можаева И. Е.* Библиография по Кирилло-Мефодиевской проблематике. 1945—1974. М., 1980; 4. *Дуйчев ., Кирмагова А., Паунова А.* Кирило-Методиевска библиография. 1940—1980. София, 1983.

Текст Жития Константина, начиная с середины прошлого столетия, неоднократно публиковался как по отдельным спискам, так и по целым группам. Лучшим остается издание П. А. Лаврова (Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Л., 1930). Общим недостатком этих изданий является (как выяснено к настоящему времени) то обстоятельство, что в основу клались списки, отразившие большую редакторскую правку (рукопись Московской

духовной академии № 19 — для восточнославянских, списки Владислава Грамматика — для южнославянских).

Обстоятельный научный комментарий памятника с изложением разных точек зрения по спорным вопросам и обширной библиографией принадлежит Б. Н. Флоре (Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарий Б. Н. Флори. М., 1981).

Текст Пространного жития Константина-Кирилла Философа издается по древнейшему списку нач. XV в., помещенному в дополнениях к Толковой Палее *(*ГИМ,собр. Е. В. Барсова, № 619. Л. 250 об.—267). Список восточнославянский, новгородский по происхождению (в языке постоянно наблюдаются мена Ц и Ч, Ъ и И) и является старшим в группе списков, содержащих текст памятника, наиболее близкий к первоначальному (так называемая группа С или Новгородская 2-я) *(Дзиффер Дж.* Рукописная традиция пространного жития Константина // Советское славяноведение. 1991. № 3).

В рукописи из-за утраты двух листов отсутствует текст, повествующий о юности Константина, его учении в Константинополе, прении с патриархом Аннием и начале миссии к сарацинам. Эта утрата восполняется по списку в сборнике второй половины XV в. *(*РНБ, Софийское собр., № 1288/478), принадлежащему к той же группе списков, что и публикуемый Барсовский. Текст Софийского списка приводится по публихации О. М. Бодянского *(Бодянский О. М.* Кирилл и Мефодий: Собрание памятников до деятельности святых первоучителей и просветителей славянских племен относящихся // ЧОИДР. 1863. Кн. 2. С. 39—65).

В рукописи Барс. 619 в тексте Жития Константина видны многочисленные следы работы редактора (или, скорее, корректора), современной списку (или несколько более поздней, но XV в.): восполнены пропуски (отдельные буквы над строкой, слова на полях), отдельные слова и части слов написаны по выскобленному тексту, зачеркнуты замеченные ошибочные написания (все эти исправления и большинство первоначальных написаний хорошо видны в фототипическом издании). Текст издается с учетом этой правки.

В соответствии с членением текста, принятым в древнерусской рукописной традиции (и в частности, в списке ГИМ,Барс. 619), текст разбивается на 5 глав-«чтений», а не на 18 глав (такое деление введено исследователями в XIX—XX вв.). Текст чтения 1 полностью соответствует главам I—V, 2 — VI—VII, 3 — VIII—XIII, 4 — XIV—XV, 5 — XVI—XVIII.

ОРИГИНАЛ

ПАМЯТЬ И ЖИТЬЕ БЛАЖЕНАГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТЯНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВАГО НАСТАВНИКА СЛОВЕНЬСКУ ЯЗЫКУ

Господи, благослови, Отце.

Богъ милостивъ и щедръ, жадая на покаяние чьловеце, да быша спасени вси были и в разумъ истиньныи пришли, не хощеть бо смерти грѣшникомъ, но покаянию и животу,[1] аще наипаче прилежить на злобу, но не оставляеть чьловѣца рода отпасти озлоблениемь и в соблазнъ неприязненъ прити и погыбнути. Но каяждо убо лѣта и времена не престаеть благодѣти творя намъ много, якоже исперва да и нынѣ. Первое же патриархи и отци, и по тѣхъ пророкы, а по сихъ апостолы и мученикы, и праведными мужи, и учители, избирая ихъ от многомълъвьнаго житья сего. Знаеть же бо Господь своя, иже его суть, якоже рече: «Овча моя глас мои услышать, и азъ знаю я, и именемь възываю я, и по мнѣ ходять, и даю имъ животъ вѣчныи».[2]

Еже створи в нашь родъ, въздвиже намъ учителя сичего, иже просвѣти языкъ нашь, и слабостию омрачьше умъ свои, паче же лестью дияволею, и не хотѣвше в свѣтѣ заповѣди Божии ходити. Житье же его являеть, и помалу сказаемо, якоже бѣ, да иже кто хощеть, то слыша, подобитися ему, бъдрость приемля, а лѣность отмѣтая. И якоже рече апостолъ: «Подобни ми бываите, якоже азъ Христу».[3]

В Селуньстѣмь[4] же градѣ бѣ мужь етеръ *доброродень* и богатъ, именемь Левъ, предержа санъ другарескъ[5] подъ стратигомъ.[6] Бѣ же благовѣренъ и праведенъ, схраняя вся заповѣди Божия исполнь, якоже инъгда Иевъ.[7] Живя же с подружьемь своимъ, роди семь отрокъ,[8] от нихъже бѣ мѣзинецъ семыи Костянтинъ Философъ, наставникъ и учитель нашь. Егдаже роди и мати,[9] вдаша и доилици, дабы и доила. Отроча же не хотяаше ятися по чюжь сесьць никакоже, развѣ по матерьнь, дондоже отдоенъ бысть. Се же бысть по Божию смотрению, дабы добра корене добра лѣторасль нескверньнъмъ млекомъ въздоена была.

Потомъ же добрая та родителя свѣщавша не сходистася, говѣюща собѣ. Нъ тако живяста о Господи яко и братъсестра за четыри на десять лѣта, дондоже я смерть разлучи, никакоже не преступлеша того совѣта. На Судъ же ему хотящу ити, плакашеся мати отрочати сего, глаголющи: «Не брегу о всемь, развѣ о младенци семь единомь, како хощеть быти устроенъ». Онъ же рече еи: «Вѣру ими ми, жено. Надѣюся Бозѣ, яко дати ему хощеть Богъ отца и устроителя такого, иже устроить вся крьстияны».[10] Еже ся и събысть.

Семи же лѣт отрокь бысть, видѣ сонъ[11] и повѣда отцю и матери. И рече, яко: «Стратигъ събравъ вся девица нашего града и рече къ мнѣ: „Избери собѣ от нихъ, еюже хощеши подружию на помощь и сверсть собѣ". Азъ же глядавъ и смотривъ всѣхъ, видѣхъ едину краснѣишю всѣхъ: лицемь свѣтящюся и украшену велми монисты златыми и бисьромъ и всею красотою. Еиже бѣ имя Софья, сирѣчь мудрость. Ту избрахъ». Слышавъша же словеса си родителя его, рекоста къ ему: «Сыну, храни законъ отча твоего и не отверзи наказания матере своея.[12] Свѣтилникъ бо заповѣдь закону и свѣтъ.[13] Рчи же премудрости: „Сестра ми буди", а мудрость знаему себѣ створи.[14] Сияеть бо премудрость паче солнца, и аще приведеши ю себѣ имѣти подружье, то от многа зла избавишися ею».[15]

Егдаже вдаста и въ учение книжное, спѣяаше паче всѣхъ ученикъ в книгахъ памятью доброю велми, яко и дивитися всѣмъ. Единою же от дьнии, якоже обычаи есть богатицищемъ глумление творити ловитвою, изиде съ ними на поле, ястрябь свои埋 вземъ. И яко пусти и, вѣтръ ся обрѣте по смотрению Божию, взятъ и и занесе. Отроча же оттолѣ, въ унынье и въ печаль впадъ, два дьни не ясть хлѣба. Чьловеколюбиемь бо своимъ милостивыи Богъ, не веля ему привыкнути житиискых вещехъ, удобьно уловити же, якоже древле улови Плакиду[16] в ловѣ еленемь, тако и сего ястрябомъ. В себе помышль житья сего утѣху и каяаше, глаголя: «Таково ли есть житие се, да в радости мѣсто печаль пребываеть? От сего бо дьни по инъ ся путь иму, иже есть сего лучии. А в молвѣ житья сего своихъ дьнии не иживу». И по учение ся имъ, седяаше в дому своемъ, *учася изустъ книгам* святаго Григория Феолога.[17] И знамение крестное сътворь на стѣнѣ, и похвалу написавъ святому Григорию сицеву: «О Григорие, тѣлом человече, а душею аггеле. Ты тѣлом человек сый, аггелъ явись. Уста бо твоя, яко единъ от серафимъ, Бога прославляют и вселенную просвѣщают правыа вѣры казаниемъ. Тѣмже мя, припадающа к тебѣ любовию и вѣрою, приими и буди ми просвѣтитель и учитель».[18] И тако хваляше Бога.

Вшед же въ многи бесѣды и въ умъ велии, и не моги разумѣти глубины, въ уныние велико впаде. Странныи же нѣкто бѣ ту, умѣяи грамотикию. И к нему шед, моляся и на ногу его падая, вдаяся ему, глаголя: «О человече, добрѣ дѣи, научи мя художству грамотичьскому». Он же, съкрывъ талантъ свои, погребъ, рече к нему: «Отроче, не тружаися. Отреклъ бо я есмь отнуд никогоже не научити сему въ вся моя дни». Пакы же отрокъ съ слезами ему кланяася, глаголаше: «Възми всю мою чясть от дому отца моего, еже мнѣ достоит, а научи мя». Не хотѣвшу же оному послушати его. Тогда отрок, шед в дом свои, въ молитвах пребываше, дабы обрѣл желание сердца своего.[19]

Въскорѣ же Богъ сътвори волю боящихся его. О красотѣ бо его и о мудрости и прилѣжнѣмъ его учении, еже бѣ растворено в нем, слышавъ

царевъ строитель, иже нарицается логофетъ,[20] посла по нь, да ся бы съ царемъ училъ.[21] Отрокъ же, услышавъ се, с радостию пути ся ятъ и на пути поклонися Богу, нача молитву, глаголя: «Боже отецъ наших и Господи милости, иже еси сътворил словом всяческаа, и премудростию твоею сьздавыи человека, да владѣет сътвореными тобою тварьми. Даждь ми сущую въскраи твоих престолъ премудрость,[22] да разумѣвъ, что есть угодно тебѣ, спасуся.[23] Азъ бо есмь рабъ твои и сынъ рабыня твоея».[24] И къ сему прочюю Соломоню молитву изглаголавъ, въставъ, рече: «Аминь».

Егдаже прииде къ Царюграду,[25] вдаша его учителем, да ся учит. И въ 3 месяца навыкъ всю грамотикию и по прочая ся ятъ учениа. Научи же ся Омиру и геометрии, и у Лва[26] и у Фотѣ[27] диалексице, и всѣм философскым учениемъ к сим: и риторикии, и арифмификии, и астрономии, и мусикии, и всѣм прочим еллинскым художьствомь.[28] Тако я навыче вся, якоже бы моглъ кто едино навыкнути от них. Скорость бо ся съ прилежаниемъ съключи, другъ друга преспѣвающи, имже ся учениа и художьства съвръшают. Болѣ же учениа, тих образ на себѣ являа, с тѣми бесѣдоваше, с нимиже бяше полезнѣе, уклоняася от укланяющихся въ стропты, и помяшляше, како бы земными небеснаа премѣншу, излетѣти ис телесе сего и съ Богомъ жити.[29]

Узрѣв же и такова суща, логофетъ дасгь ему власть на своемъ дому и въ цареву полату съ дрързновениемъ входити. И въпроси его единою, глаголя: «Философе, хотѣх увѣдѣти, что есть философия». Онъ же скорымъ умом абие рече: «Божиимъ и человечьскым вещем разум, елико может человекъ приближитися Бозѣ, и яко дѣтелию учить человека по образу и по подобию быти сътворшему и». От сего же паче възлюби его и присно его въпрашаше о всем толик муж велии и честенъ. Он же ему сътвори учение философское, в малых словесѣх велии умъ сказавъ.

В чистотѣ пребываа, велми угажаше Богу, толми паче любезнѣи всѣмъ бываше. И логофетъ всяку честь творя ему говѣину, злато много дая ему, онъ же не приимаше. Единою рече к нему: «Твоя красота и мудрость нудит мя излиха любити тя, то дщерь имамъ духовную, юже от крестила изяхъ, красну и богату, и рода добра и велиа. Аще хощешь, подружие сию ти дамъ. От царя же нынѣ велию чьсть и княжение[30] приимеши. И болшаа чаи — въскорѣ бо и стратигъ будеши». Отвѣща ему Философ: «Даръ убо велии да будет требующим его. А мнѣ болѣ учениа нѣсть ничтоже, имже разумъ събравъ, прадѣдьняа чьсти и богатства хощу искати».[31] Слышав же логофетъ отвѣт его, шед къ царици,[32] рече: «Сеи философ юны не любит житиа сего, то не отпусти его от общины, но постригше и на поповство, вдадимъ ему службу. Да будет книгчии[33] у патриарха[34] въ святѣи Софии.[35] Некли поне тако и удержимъ». Еже и сътвориша ему.

Мало же с ними весма побывъ, на Узкое море[36] шед, съкрыся таи в монастыри. Искаша же его 6 месяць, и едва и обрѣтоша, и не могоша его унудити на ту службу. Умолиша же и учительскии столъ приати и учити философии тоземныа и странныа съ всякою службою и помощию. И по то ся ятъ.[37]

Бѣ же Аннии патриархъ[38] ересь въздвиглъ, глаголя не творити чьсти святымъ иконам. И събравше съборъ, обличиша его, яко неправо глаголеть, и сънгнаша и съ стола. Он же рече: «Насилием мя сънгнаша, а не препрѣвше мене. Не можеть бо никтоже противитися словесемъ моимъ». Царь же с *патрикии,* ***[39]*** устроивъ сего Философа, посла на нь, рекъ тако: «Аще можеши уношу сего препрѣти, то пакы столъ свои приимеши». Он же, узрѣвъ Философа юна тѣломъ, а не вѣдыи стара ума в немъ и, иже бяху послани с нимъ, рече к нимъ: «Вы подножиа моего нѣсте достоини, то како ся с вами хощу прѣти?» Философ же к нему рече: «Не людскаго обычаа держи, но Божиих заповѣди. Зри, якоже бо еси и ты от земля, а душа Богомъ съставлена, тако и мы вси. То на землю зря, прею, человече, не грьдися». Паки же Аннии отвѣща: «Не подобно есть въ осень цвѣтець искати, ни старца на воину гнати, яко юношу нѣкоего». Философ же отвѣща ему: «Самъ на ся вины обрѣтаеши. Рци, в кую връсту есть силнѣиши душа, телѣси?» Он же рече: «На старость». Философ же рече: «На кую тя брань гонимъ: на тѣлесную ли или на духовную?» Он же рече: «На духовную». Философ же отвѣща: «То ты нынѣ силнѣи хощеши быти, да не глаголи нам такых приточ. Не без врѣмене бо ни цвѣтець ищем, ни на воину тебе гонимъ». Посрамль же ся тако, старець инамо обрати бесѣду и рече: «Рци ми, юноше, како крьсту, разорену сущу, не кланяемся ему, ни лобызаем его. А вы, аще лице до перси токмо будет, иконную честь ему творяще, не стыдитесь». Философ же отвѣща: «Четыре бо части крьстъ имат. И аще едина его часть убудет, то уже своего образа не являет. А икона от лица токмо образ являет и подобие того, егоже ради будет писано. Не лвова бо лица, ни рысии зрить, иже и видить, но перваго образ». Пакы же старець рече: «Како ся убо кланяете крьсту без написаниа, а бывшем инѣмъ крьстом, икона же, аще не има написана имене, егоже будет образ, то не створите еи чьсти». Философ же отвѣща: «Всякъ бо крьстъ подобен образъ имать Христову крьсту. А иконы не имут вси единого образа». Старець же рече: «Богу рекшу к Моисеу: „Не сътвориши всякого подобиа".[40] Како вы, творяще, кланяетесь». Философ противу ему отвѣща: «Аще бы реклъ: „Не сътвориши никакогоже подобиа",[41] — то право приши. Но есть реклъ „не всякого", сирѣчь „достоиное"». Противу же симъ не могии отпрѣти старець, умолча, посрамлься.

Чтение второе[42]

По сих же агаряне, нарицаемии срацини, въздвигоша хулу на единобожьство Святыя Троица, глаголюще: «Како вы, християне, единъ Богъ мняще, размѣшаете и паки на три, глаголюще, яко Отець и Сынъ и Святыи Духъ есть? Аще можете сказати извѣстно, послѣте мужа, иже могуть глаголати о семъ, и преприт ны». Бѣ же тогда Философ двѣмадесять и четырми лѣтъ. Съборъ сътвори царь, призвавъ его, и рече ему: «Слышиши ли, философе, что глаголють сквернении агаряне на нашу вѣру? То якоже еси Свягыя Троицы слуга и ученикъ, шед, противися им. И Богъ, съвръшитель всякои вещи, славимыи въ Троици Отець и Сынъ и Святыи Духъ, да ти подасть благодать и силу въ словесѣхъ и яко другаго Давида новаго явить тебе на Голиада с тремя каменми,[43] и побѣждьша възвратит тя к намъ, сподобль небесному царству». Слышав же се, отвѣща Философ: «Радъ иду за християнскую вѣру. Что бо есть слаждьше мнѣ не семъ свѣтѣ, но за Святую Троицу и живу быти и умрети». Приставльше же ему асукрита Георгиа,[44] послаша.

Дошедшим же имъ тамо, бѣша образи дѣмонскы написали внѣюду на дверех всѣмъ християномъ, дивъ творяще и ругающеся.[45] Въпросиша же Философа, глаголюще: «Можеши ли разумѣти, философе, что есть знамение се?» Он же рече: «Дѣмонскы образы виждю и непщую, яко християни ту живуть внутрь. Они же, не могуще жити с ними, бѣжать вонъ от нихъ. А идѣже сего знамениа нѣсть внѣюду, то с тѣми суть ту внутрь».

На обѣдѣх сѣдяше агаряне, мудраа чадь и книжнаа, учена многои мудрости и астрономии и прочимъ учениемъ, искушающе его, въпрашааху, глаголюще: «Видиши ли, философе, дивно чюдо, како Божии пророкъ Махметъ принесъ намъ благую вѣсть от Бога, обрати многы люди. И вси держимся по законъ и ничьсоже преступающе. А вы, Христовъ законъ držаще, вашего пророка, овъ сице, овъ инако, якоже есть годѣ комуждо васъ, тако держите и творите». К сим же Философ отвѣща: «Богъ наш яко пучина есть морскаа. Пророкъ же глаголеть о нем: „Род его кто исповѣсть? Вземлет бо ся от земля животъ его".[46] Сего же ради искаииа мнози в пучину ту входят. И силнии умом, его богатство разумное приемлюще, преплаваютъ и възвращаются. А слабии, яко въ изгнилых кораблих покушающеся преплути, овии истапают, а друзии с трудом едва отдыхають, немощною лѣностию вдающеся. Ваше есть узко и удобно, еже может и прескочити всякъ, малъ и великъ. Нѣсть бо кромѣ людскаго обычая, но еже вси могут дѣати, а ничьсоже вамъ заповѣдалъ. Егда бо нѣсть вамъ встягнут гнѣва и похоти, но попустил — то в каку вы имате вринути пропасть? Смыслении да разумѣют. Христос же не тако, но от низу тяжкое горѣ възводить вѣрою и *дѣтелиею Божиею*. Творечь бо есть всѣмъ, межю ангелъ и скоты человека сътворилъ есть, словесемь и смысломъ отлучивы и от скота, а гнѣвомъ и похотью от ангелъ. И еиже ся кто *части приближаеть,* паче тою ся причащаеть — вышнихъ или нижнихъ». Въпросиша же и пакы: «Како вы, единому Богу сущю, въ три

славите и? Скажи, аще веси. Отца бо нарѣчаете и Сынъ и Духъ. То аще тако глаголете, то и жену ему дадите, да ся от того мнозѣ бозѣ расплодять». К симъ же Философъ отвѣща: «Не глаголете тако хулы бещину. Мы убо добрѣ есмь навыкли от отець и от пророкъ и от учитель славити Троицю: Отець и Слово и Духъ, и три упостаси въ единомъ существѣ. Слово же то въплотися въ Дѣвѣ и родися нашего ради спасения, якоже и Махъметъ вашь пророкъ свѣдѣльствуеть, написавъ сице: „Послахомъ духъ нашь къ дѣвѣи и изволыше да родить". От сего же азъ вамъ извѣщение творю о Троици».[47] Сими же словесы поражени на другая ся обратиша, глаголюще, яко: «Тако и есть, яко глаголеши, гости. Да аще Христосъ Богъ вашь есть, почто не творите, якоже велить? Писано бо есть в евангельскых книгахъ: „Молити за врагы. Добро дѣите ненавидящимъ и гонящимъ".[48] Вы же не тако, нъ противна оружья острите на творящая вамъ таковая». Философъ же противу симъ отвѣща: «Двѣма заповѣдьма сущема въ законѣ, кто законъ свѣршая является, иже ли едину съхранить, или иже и обѣ?» Отвѣщаша же они, яко иже обѣ. Философъ же рече: «Богъ есть реклъ: „Молите за обидящая".[49] Тъ есть пакы реклъ: „Больша сея любъви не можеть никтоже явити на семъ житии, *но* да свою душю положить за другы".[50] Другъ же ради мы се дѣемъ, да не с телеснымъ пленениемъ и душа их пленена будеть». Пакы же глаголаша они: «Христосъ есть дань даялъ[51] за ся и за ны. Вы же како не творите того дѣлъ? И уже аще браняще себе, то како поне дани не даете сицему велику и крѣпку языку измаилитьску за братью вашю и за другы? Мала же и просимъ, токмо единого златника. И донелѣже стоить вся земля, хранимъ миръ межю собою, якоже инъ никтоже». Философъ же отвѣща: «Аще убо кто въ слѣдъ учителя ходя, и хощеть во тъ же слѣдъ ходити, во ньже и онъ, другыи же, срѣтъ и, съвратить и — другъ ли ему есть или врагъ?» Они же рѣша: «Врагъ». Философъ же рече: «Егда Христосъ дань даялъ, кое владычество бѣ: измаилитьско ли или римъско?» Отвѣщаша же они: «Римьско». «Тѣмьже не достоить насъ зазирати, понеже римляномъ даемъ вси дань». По сихъ же и ина многа въпрашания въпрашаша и, искушающе от всѣхъ художьствии, яже и самѣ имѣяху. Сказа же имъ вся. И яко я препрѣ о сихъ, и рѣша к нему: «Како ты вся си умѣеши?» Философъ же рече к нимъ: «Чьловекъ етеръ, почерпъ воду в мори, в мѣшьци ношаше ю. И гордяашеся, глаголя къ страньникомъ: „Ввдите ли воду, еяже никтоже не имѣеть развѣ мене?" Пришедъ же единъ мужь поморникъ и рече к нему: „Неистовъ ли ся дѣеши, хваляся токмо о смьрдящимъ мѣшьци? А мы сего глубину имѣемъ". Тако и вы дѣете. А от насъ суть вся художьствия изшьла».

По сихъ же дивъ творяще, показаша ему виноградъ *несаженъ,* инъгда от земля изникнущь. И яко сказа имъ, како се бываеть, пакы показаша ему все богатьство: храмины утворены златомъ и сребромъ и камениемъ драгымъ и бисеромъ, глаголюще: «Вижь, философе, дивно чюдо: сила велика и богатьство много армениино[52] владыкы срачиньска». Рече же к нимъ Философъ: «Не диву се есть, Богу же хвала и слава, створшему вся си и въдавшему на утѣху чьловекомъ. Того бо суть, а не иного». Сетьнѣе же на свою злобу обрашьше, даша ему ядъ пити. Нъ

Богъ милостивыи рекъ: «Аще и смертно что испиѣте, ничтоже васъ не вредить».[53] Избави и того и на свою землю съдрава възврати и пакы.

Не по мнозѣ же времени отрекъся всего житья сего, сѣде на единомъ мѣстѣ и без молвы, собѣ самому токмо внемля. И на утрии дьнь ничтоже не оставляя, нъ нищимъ раздаяше все, на Бога печаль възмѣтая, иже ся и всѣми на всякъ дьнь печеть.

Единою же на Святыи дьнь слузѣ его тужащю, яко ничтоже не имамъ на сѣи дьнь чьстьнъ. Онъ же рече ему: «Прѣпитавыи инъгда израилиты в пустынѣ, тъ имать дати и намъ сдѣ пищю. Нъ шедъ призови понѣ 5 нищихъ мужь, чая Божия помощи». И яко бысть обѣдняя година, тъгда принесе нѣкто мужь бремя всея яди и 10 златникъ. И Богу хвалу възда о всѣх сихъ.[54]

Въ *Олимбъ*[55] же шедъ къ Мефодью брату своему, начать жити и молитву творити беспрестани къ Богу, токмо книгами бесѣдуя.

Чтение 3

Придоша же съли къ цесарю от казаръ,[56] глаголюще, яко: «Испьрва единъ токмо Богъ знаемъ, иже есть над всѣми. И тому ся кланяемъ на въстокы, а обычая своя ины студныя держаще. Еврѣи же устять ны вѣру ихъ и дѣла прияти, а срацини, на другую страну, миръ дающе и дары многы, стѣжать ны на свою вѣру, глаголюще, яко наша есть вѣра добрѣиши всѣхъ языкъ. Тъ сего ради сълемъ къ вамъ, старую поминающе дружбу и любовь держаще, языкъ бо велии сущь, от Бога цесарство держите. И вашего совѣта въпрашающе, просимъ же мужа книжна у васъ. Да аще прѣприть еврѣя и срацины, то по вашю ся вѣру имемъ».[57]

Тогда възыска цесарь Философа и изъобрѣты и, сказа ему козарьскую рѣчь, глаголя: «Иди, философе, к людемъ симъ. Створи имъ отвѣтъ и слово о Святѣи Троици с помощию ея, инъ бо никтоже не можеть сего достоино створити». Онъ же рече: «Аще велиши, владыко, на сицю рѣць радъ иду пѣшъ и босъ и безъ всего же, егоже не веляше Богъ учьникомъ своимъ носити». Отвѣщавъ же цесарь: «Аще се ты бы хотѣлъ о собѣ створити, то добрѣе ми глаголеши. Нъ цесарскую дерьжаву вѣдыи и чьсть, честьно иди съ цесарскою помощию». Тъгда же пути ся ятъ. И

дошедъ Хорсуня,[58] научися ту жидовьскы и бесѣдѣ и книгамъ, осмь частии грамотикиа прѣложь и от того разумъ въсприимъ.

Самарянинъ[59] же етеръ ту живяше и, приходя к нему, стязашеся с нимь. И принесе книгы самарѣискы[60] и показа ему. И испрошь я у него, Философъ затворися въ храмѣ, на молитву ся наложи. И от Бога разумъ приимъ, *чести* нача книгы бес порока. Узрѣвъ же самарянинъ, възпи великымъ гласомъ и рече: «Воистину, иже въ Христа вѣрують, въскоре Духъ Святыи приемлють и благодѣть». Сыну же ся его крьщьшю тогда, и самъ ся по немъ крьсти.

Обрѣте же ту Еваньгѣлье и Псалтырь, русьскы писмены[61] писано, и чьловека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою. И бесѣдовавъ с нимь и силу рѣчи приимъ, своеи бесѣдѣ прикладая различно писмена гласьная и съгласная. И къ Богу молитву держа, въскорѣ начатъ чисти и сказати. И мнозѣ ся ему дивляху, Бога хваляще.

Слышавъ же, яко святыи Климент еще в мори лежить,[62] помолися, рече: «Вѣрую в Бога и святѣмь Климентѣ надѣюся, яко обрѣсти имамъ мощи его и изнести из моря». Убѣждь же архиепископа[63] и съ клиросомъ всѣмъ и говѣины мужа, и всѣдъше в корабля, и идоша на мѣсто, утишьшюся морю велми. И дошедъше, начаша копати, поюще. Тъгда же бысть воня велия, яко кандилъ многъ. И по семъ явишася святыя мощи, яже вземше с великою чьстью и славою. И всѣ священници и гражанѣ внесоша я в градъ, якоже пишеть въ обрѣтение его.[64]

Козарьскыи же воевода с вои шьдъ, опступи крьстьяньскыи градъ и сплетеся о немъ. Увѣдѣвъ же Философъ, не лѣнься, иде к нему. Бесѣдовавъ же с нимь, учителная словеса предложь и укроти и. И обѣщавъся ему на крьщение и отъиде, никояеже пакости створь людемь тѣмь. Възврати же ся и Философъ въ свои путь. И в първыи час молитву творящу ему, нападоша на нь угри,[65] яко и волчьскы въюще, хотяще и убити. Онъ же не ужасеся, нъ ни остави своея молитвы, нъ кюръ илѣса[66] *токмо* възывая — бѣ бо окончалъ уже службу. Они же узрѣвше, по Божию повелѣнию укротѣша и начаша кланятися ему. И слышавше учителная словеса от устъ его, отпустиша и съ всею дружиною.

Всѣдъ же в корабль, пути ся ятъ козарьска на *Меотьское* озеро[67] и Капииская врата[68] *Кавкасижскыхъ* горъ. Послаша же козарѣ противу его мужа лукава заскопива, иже бесѣдуя с нимь, рече ему: «Како вы

золъ обычаи имѣете и ставите цесарь инъ въ иного мѣсто, от иного рода? Мы же по роду се дѣемъ». Философъ же к нему рече: «И Богъ бо в Саула мѣсто, ничтоже угодна дѣюща, избра Давида, угажающаго ему, и родъ его». Онъ же рече пакы: «Вы убо *книгы* держаще в руку, от нихъ вся притъча глаголете. Мы же не тако, нъ от пьрсии всю мудрость, яко поглощьше, износимъ ю». Рече же Философъ к нему: «Отвѣщаю ти к сему. Аще обрящеши мужь нагъ, и глаголеть ти, яко многы ризы и злато имею, имеши ли ему вѣру, видя и нага?» И рече: «Ни». «Тако и азъ тебе глаголю. Аще ли еси поглотилъ всяку мудрость, то скажи ны, колько родъ есть до Моисѣя и колико есть лѣт которыи же родъ держалъ?» Не мога же к сему отвѣщати и умолча.

Дошедъшю же ему тамо, егда хотяху на обѣдѣ сѣсти у кагана, въпросиша и, глаголюще: «Кая есть твоя чьсть, да тя посадимъ на своемъ чину?» Онъ же рече: «Дѣдъ имѣхъ велии и славенъ зѣло, иже близъ цесаря сѣдяше, и даную ему славу волею отвергъ, изгнанъ бысть, и страну ину землю дошедъ, обнища. И ту мя роди. Азъ же, дѣдня части древняя ища, не достигъ иноя прияти, Адамовъ бо внукъ есмь».[69] И отвѣщаша же ему: «Достоино и право глаголеши, гости». И от сего же паче начаша на немь чьсть имѣти. Каганъ же чашю веземъ и рече: «Пиемъ во имя Бога единого, створшаго всю тварь». Философъ же чашю веземъ и рече: «Пию въ единого Бога и Словесѣ его, имъже небеса утвердишася, и животворящаго Духа, имже вся сила ихъ състоить». Отвѣща к нему каганъ: «Вси равно глаголемъ. О семь токмо различно держимъ: вы бо Троицю славите, а мы Бога единого, улучьше книгы». Философъ же рече: «Слово и духъ книги проповѣдають. Аще кто тобѣ чьсть творить, твоего же словесѣ и духа не в чьсть имѣеть; другыи же пакы все трое въ чьсть имѣеть — которыи от обою есть чтивѣи?» Онъ же рече: «Иже все трое въ чьсть имѣеть». Философъ же отвѣща: «Тѣмъже мы боле волею творимъ, вещьми сказающе и пророкъ слушающе. Исаия бо рече: „Слушаи мене, Иякове Израилю, егоже азъ зову: азъ есмь пьрвыи, азъ есмь въ вѣкы".[70] И нынѣ Господь посла мя и Духъ его». Июдѣи же, стояще около его, ркоша ему: «Рчи убо, како можеть женьскъ родъ Бога вмѣстити въ чрево, на ньже не можеть никтоже възрѣти, а нѣли родити и». Философъ же показавъ перстомъ на кагана и на перваго совѣтника и рече: «Аще кто речеть, яко пьрвыи совѣтникъ не можеть чредити кагана и пакы же речеть, послѣднии рабъ его сего *можеть* кагана ичредити и и чьсть ему створити — что имѣемъ наречи и, скажите ми, неистова ли или несмыслена?» Они же реша: «И зѣло неистова». Философъ же к нимъ рече: «Что есть от видимыя твари чьстнѣе всѣхъ?» Отвѣща же ему: «Чьловекъ по образу Божию сътворенъ есть». Пакы же рече к нимъ Философъ: «То како не суть трѣсновѣ, иже глаголють, яко не можеть вмѣститися Богъ въ чьловека? А онъ в купину ся вмѣсти и въ облакъ, и в бурю, и дымъ, явлеся Моисѣови и Иову. Како бо можеши иному болящю, а иного ицилити? Чьловѣчьску убо роду на истлѣние пришедъшю, от кого бо пакы бы обновление приялъ, аще не от самого Творча? Отвѣщаите ми, ащь врачь, хотя приложити пластырь болящимъ, приложить ли или древѣ или камени? И явить ли от сего чьловека исцелѣвъша? И како Моиси рече Духомъ Святымъ въ своеи молитвѣ, руцѣ простеръ: „*Въ горѣ каменнии* и въ гласѣ трубнѣмь не

являи ны ся к тому, Господи щедрыи, но вселивъся в нашю утробу, отъимъ наша грѣхы".[71] Акюла[72] бо тако глаголеть». И тако разидошася съ обѣда, нарекше дьнь, во ньже *бесѣдують* о всихъ сихъ.

Сѣдъ же пакы Философъ с каганомъ и рече: «Азъ убо есмь чьловекъ единъ въ васъ без рода и другъ. И о Бозѣ же ся стязаемъ вси, емуже суть в руку всякая сьрдца наша. От васъ же иже суть силнѣи въ словесехъ. Бесѣдующемъ намъ, еже разумѣють — да *глаголють,* яко тако есть, а ихъже не разумѣють — да въпрашають, — и скажемъ имъ». Отвѣща же июдѣи и ркоша: «И мы держимъ въ книгахъ и слово и духъ. Скажи же намъ, которыи законъ Богъ дасть чьловекомъ пьрвое: Мосѣови ли или иже вы держите?» Философъ же рече: «Сего ли ради насъ въпрашаете, да пьрвыи законъ держите?» Отвѣща они: «Еи. Пьрвыи бо и достоить». И рече Философъ: «То аще хощете пьрвыи законъ держати, то от обрѣзания уклонитеся отинудь». Ркоша же они: «Цто ради сице глаголеши?» Философъ же рече: «Скажите ми, убо не потаяще, въ обрѣзании ли есть пьрвыи законъ данъ или въ необрѣзаньи?» Отвѣщаша они: «Мнимъ, въ обрѣзании». Философъ же рече: «Не Ноеви ли Богъ дасть законъ пьрвѣе по заповѣдании отпадении Адамовѣ, завѣтъ нарѣчая законъ? Рече же бо к нему: „Се азъ въздвигну завѣтъ мои с тобою и съ сѣменемъ твоимъ и со всею землею. Тремя заповѣдьми дьржимъ: все ядите зелие травное и елико на небесѣ и елико на землѣ и елико на водахъ, развѣ мяса в крови душа его не ядите. И иже прольеть кровь чьловецю, да прольется своя ему в того мѣсто".[73] Что глаголете противу сему, пьрвыи законъ рекъше держати?» Июдѣи же к нему отвѣщаша: «Пьрвыи законъ Мосѣовъ держимъ. Сего же нѣсть нареклъ Богъ закона, нъ завѣтъ, яко и первое заповѣдь къ чьловеку в Раи. И къ Авраму инако обрѣзание, а не законъ. Ино бо есть законъ, ино же завѣтъ. Различно бо есть творець нареклъ обое». Философъ же отвѣща к нимъ: «Азъ о семъ скажу сице, яко законъ ся нарѣчаеть и завѣтъ. Господь бо глагола ко Авраму: „Даю законъ мои въ плоть вашю, — еже и знамение нарече, — яко будеть межю мною и тобою".[74] Тоже къ Иеремии пакы въпиеть: „Послуши же завѣта сего и възглаголеши бо, рече, къ мужемъ Июдовимъ, живущимъ въ Ерусалимѣ. И речеши к нимъ: Тако глаголеть Господь Богъ Издраилевъ: проклятъ чьловекъ, иже не послушаеть словесъ завѣта сего, иже заповѣдахъ отчемъ вашимъ въ день, въ нже изведохъ я и-земля Егупетьскы"».[75] Отвѣщаша июдѣи къ сему: «Тако и мы держимъ, яко законъ наричается и завѣтъ. Елико же ся ихъ держа по законъ Мосѣовъ, вси Богу угодиша. И мы держимся по нь и надѣемся такоже быти. А вы въздвигъше инъ законъ, попираете Божии законъ». Философъ же рече к нимъ: «Добрѣ дѣемъ. Аще бо бы и Аврамъ не ялъся по обрѣзание, но держалъ Ноевъ завѣтъ, не бы ся Божии другъ нареклъ; ни Моисѣ же послѣди пакы написавъ законъ, перваго не держа. Такоже и мы по сихъ образу ходимъ и, от Бога законъ приимше, держимъ, да Божия заповѣдь тверда прѣбываеть. Давъ бо Ноеви законъ, не сказа ему, яко другыи имамъ ему дати, нъ въ вѣкы прѣбывающе въ души живу. Ни пакы Авраму обѣтования давъ, не възвѣсти ему, яко и другыи имѣю дати Мосѣови. То како вы держите законъ? И Богъ *Иезекиилемь* въпиеть, яко: „Прѣставлю и инъ вам дамъ".[76] И Еремия бо рече: „Явѣ се дьние

грядуть, глаголеть Господь, и завѣщаю дому Июдову и дому Издралеву завѣтъ новъ. Не по завѣту, иже завѣщахъ отчемъ вашимъ *въ дьнь, въ ньже* приимшю ми руку ихъ извести я и-земля Егупетьскыя, яко ти не прѣбыша в завѣтѣ моемь.[77] И азъ възненавидѣхъ я. Яко се завѣтъ мои, иже завѣщаю дому Издралеву по дьнех онѣхъ, рече Господь: даю законы моя въ помышления ихъ и на сьрдцѣх ихъ напишу я, и буду имъ въ Богъ, и ти будуть мнѣ в люди".[78] И пакы тъ же Еремѣя рече: „Тако глаголеть Господь Вседержитель: станете на путехъ и видите, и въпросите на стеза Господня правыя и вѣчныя, и видите, которыи путь истиньныи, и ходите по нему, и обрящете оцищение душамъ вашимъ. И рѣша: не идемъ. Поставихъ въ васъ блюстителя: послушаите гласа трубы. И рѣша: не послушаемъ. Сего ради услышать языци, пасущеи стада в нихъ. И тъгда слыши земле: се азъ навожю на люди си зло, плодъ отвращения ихъ, зане словесъ пророкъ моихъ не вняша и законъ отринуша".[79] Не токмо же сими едиными скажю, яко законъ престаеть, но инѣми многыми винами, от пророкъ явѣ». Отвѣщаша к нему июдѣи: «Всякъ жидовинъ се вѣсть воистину, яко будеть тако. Нъ не уже время пришло есть о помазанѣмъ». Философъ же рече къ нимъ: «Что си предлагаете, видяще, яко и Ерусалимъ скрушенъ есть, жертвы престалы суть, и все ся есть сбыло, еже суть пророци прорекли о вас? Малахия бо явѣ вопиеть: „Нѣсть моея воля въ васъ, глаголеть Господь Вседержитель, и жертвы от рукъ ваших не приемлю. Зане от въстокъ солнца и до запада имя мое славится в языцѣхъ, и на всякомъ мѣстѣ темьянъ приноситься имени моему и жертва чиста, зане велико имя мое въ языцѣхъ, глаголеть Господь Вседержитель"».[80] Они же отвѣщаша: «Се, еже глаголеши. Вси языци хотять быти благословени у нас и обрѣзании въ градѣ Ерусалимьстѣ». Рече же Философъ: «Тако Моисѣи глаголеть: „Аще послушающе, послушаеть по всему хранити законъ, будут придѣли ваша от моря Черьмнаго до моря Филистимьска, и от пустыня до рѣкы Ефранта".[81] А мы языци, о немже о сѣмени Аврамли благословимся, и от Есѣова корене ишедшим и чаянии языкъ нареченъ и свѣтъ всея земля и всѣхъ островъ, славою Божиею просвѣщенѣ, не по тому закону, ни мѣсту. Пророци велми въпиють. Рече бо Захария: „Радуися зѣло, дъщи Сионова! Се цесарь твои грядеть кротокъ, всѣдъ на жрѣбець осель, сынъ яремничь. И пакы потрѣбить оружие от Ефрѣма, и конь от Ерусалима, изъглаголеть миръ языкомъ, и власть *его* от краи земля до коньца вселения".[82] Ияковъ же рече: „Не оскудѣеть князь от Июды, ни игуменъ от стегну его, дондеже придеть емуже ся щадить",[83] — и тъ чаяние языкомъ. Си вся видяще скончана и свѣршена, кого иного жьдете? Данилъ бо рече, от ангела наученъ: „70 недель до Христа игумена, еже есть четыриста и девять десять лѣт запечатлѣти видѣние и пророчество".[84] Кое же ли вы ся мнить желѣзное царство,[85] еже Данилъ мнить во иконѣ?» Отвѣщаша они: «Римьское». Философъ же въпроси я: «Камень, уторгыися от горы без рукъ чьловечьскъ,[86] кто есть?» Отвѣщаша они: «Помазаныи». Пакы же ркоша: «То аще сего сказаемъ пророкы и инѣми вещьми уже пришедша, якоже глаголеши, како римьское царство доселѣ держить царство?» Отвѣща Философъ: «Не держиться уже, мимошло бо есть, яко и прочая по образу иконьному. Наше бо царство нѣсть римьско, нъ Христово. Якоже рече пророкъ: „Въздвигнеть Богъ небесныи царство, еже въ вѣкы не истлѣеть, и цесарьство его людемъ инѣмъ не оставиться, истънить и извѣеть вся царьства, и тъ станетъ въ вѣкы".[87]

Не крьстияньско ли есть царьство нынѣ Христовымъ именемъ нарѣчаемо, а римлянѣ идолѣхъ прилежаху. Сии же ово от сего, ово от иного языка и племени въ Христово имя царьствують, якоже пророкъ Исаия, являя, глаголя къ вамъ: „Остависте имя ваше в сытость избранымъ моимъ; вас же избиеть Господь, а работающѣи ему нареченться имя ново, еже благословено будеть по всеи землѣ, благословять бо Бога истиньнаго, и кленущиися на землѣ — кленутся Богомъ небеснымъ".[88] Не свѣршило ли ся все пророческое пророчение? Уже явѣ реченая о Христѣ. Исаия бо съказаеть рождество его от дѣвы, глаголя сице: „Се, дѣва въ цревѣ прииметь и родить сынъ, и наркуть имя ему Еммануилъ, еже есть сказаемо: с нами Богъ".[89] А Михѣя рече: „И ты, Вифлеоме, земле Июдова, никакоже менши бываи въ владыкахъ Июдовахъ, и ис тебе бо ми изиидеть игуменъ, иже упасеть люди моя Израиля, исходи его искони от дьнии вѣка. Сего ради дасть я до времени ражающая и родити".[90] Иеремия же: „Въпросите и видите, аще родить мужескъ полъ? Яко великъ дьнь тъ, якоже не бысть инъ; и лѣто тѣсно будеть Иякову, и от сего спасеться".[91] И Исаия рече: „Преже даже болящия не роди, и преже даже не приде рожество, болезни избѣжа, и роди мужескъ полъ"».[92] Пакы же июдѣи рѣша: «Мы есмь от Сима благословеное сѣмя, благословени отцемь нашимь Ноемъ, вы же нѣсте». Сказавъ же имъ о семъ и рече: «Благословение отца вашего *ино* ничтоже нѣсть, токмо хвала Богу, оного же ничтоже убо не идеть. Се убо есты „Благословенъ Господь Богъ Симовъ",[93] а къ Афету глагола, от негоже мы есмь: „Да распространить Богъ Иафета, да ся вселить в села Симова"».[94] И от пророкъ же и от инѣхъ книгъ сказая, не остави ихъ, дондоже сами рѣша, яко: «Тако есть, якоже глаголеши». Ркоша же пакы: «Како вы, имуще упование на чьловека и творитеся благословени быти, а кънигы проклинають таковаго?» Отвѣща Философъ: «То проклятъ ли есть Давидъ или благословенъ?» Рекоша же они: «И зѣло благословенъ». Философъ же рече: «То и мы на того уповаемъ, на негоже и онъ. Рече бо въ псалмехъ: „Ибо чьловекъ мира моего, на нъже уповахъ".[95] Чьловекъ же то есть Христосъ Богъ. А иже уповаеть на простъ чьловекъ, то мы и того проклята творимъ».

Пакы же ину притцю предложиша, глаголюще: «Како вы крьстьянѣ обрѣзание отмещете, а Христу не отвергшю его, нъ по закону скончавшю?» Отвѣща Философъ: «Иже бо рече пьрвие къ Авраму: „Се буди знамение межю тобою и мною",[96] — тъ и свершити е пришедъ. И от того державше до сего. А прочее не дасть ему мимоити, нъ крьщение намъ подасть». Ркоша же они: «Тъ что ради инии пръвии угодиша Богу, того знамения не приимше, нъ Аврамле». Отвѣща Философъ: «Никоторыиже бо от тѣхъ является двѣ женѣ имѣвъ, нъ токмо Аврамъ. И сего ради уда того урѣзаемъ, предѣлъ дая не преступати его дале, нъ по первому сверстию Адамову образъ дая прочимъ во тъ ходити. Иякову бо такожe створи: утерпль жилу стегна его,[97] зане четыри жены поять. Разумѣвъше же вину, еяже ради то ему створи, нарече имя ему Израиль, сирѣчь „умомъ зря Бога".[98] К тому бо не является примешься к женѣ. Аврамъ же того не разумѣ». Пакы же въпросиша и июдѣи: «Како вы идоломъ ся кланяюще, творитеся Богу угажати?» Отвѣща Философъ: «Первое ся научите раздѣляти имена, что есть

икона и что есть идолъ. И тако смотряще, не поступаите на крестьяны. Десять бо именъ въ вашемъ языцѣ о семъ образѣ лежить. Въпрошю же вы и азъ. Образъ ли скиния, юже видѣ въ горѣ Моиси и изнесе, или образъ образа художьствомъ сдѣла, прикладомъ образъ, клины, и усмы, и серестьми, и хѣровимы изрядныи.[99] Понеже бо тако створи, наречемъ ли вы того ради дрѣву, и усъмомъ, и серьстьмь чьсть творити и кланятися, а не Богу, давъшюуму в то время так образъ? Такоже и о Соломонѣ церкви, понеже иконы хѣровимьскы и ангельскы и инѣхъ многы образы имяше. Такоже убо и мы крьстьяне, *угожьших* Богу творяще образъ, и чьсть дѣемъ, отдѣляюще доброе от дѣмоньскыхъ образъ. Хулять бо книгы жрущая сыны своя и дщери своя и гнѣвъ Божии проповѣдають; такоже другыя хвалять, жрущая сыны своя и дщери». Ркоша же пакы июдѣи: «Како вы свинину и заячину ядуще, не противитеся Богу?» Отвѣща же к нимъ: «Первуму завѣту заповѣдающа вся снѣсте, яко зелье травное: вся бо чистая чистымъ суть; а скверным и свѣсть ся осквернила.[100] И Богъ бо въ твари глаголеть: „Се вся добра зѣло",[101] — вашего ради лакомьства мало и етеро от нихъ отъятъ. „Снѣсте бо, — рече, — Ияковъ и насытися, и отвержеся възлюбленыи".[102] И пакы: „Сѣдоша людие ясти и пити, въсташа играть"».[103]

От многа же мы се украчьше в малѣ положихомъ селико памяти ради. А иже хочеть свершеныхъ бесѣдъ сихъ и святыхъ искати въ книгахъ его, обрящеть я, еже прѣложи учитель наш архиепископъ Мефодий, раздѣли е на *осмь* словесъ.[104] И ту узрить словесную силу от Божия благодѣти, яко и пламень полящь на противныя.

Си же вся каганъ козарьскъ съ началными мужи добрая и подобная его слышавше словеса, ркоша к нему: «Богомь еси посланъ сѣмо на създание наше и вся книгы от него умѣеши. Все еси по чину глаголалъ, досыти наслажь вся ны медвеныя сладости словесы святыхъ книгъ. Нъ мы есмъ некнижна чада, сему же вѣру имемъ, яко тако есть от Бога. Паче же аще хощеши покои обрѣсти душам нашим, всяко исправль притъчами, скажи намъ по чину, егоже у тебе въпрашаемъ». Такоже ся разидоша почитъ.

Въ другыи же дьнь сбравшеся, ркоша ему, глаголюще: «Скажи намъ, чьстныи мужу, притъчами умомъ вѣру, якоже есть лучши всѣхъ». И отвѣща имъ Философъ: «Дъва мальжена бѣста у царя етера въ чьсти велицѣ и любима зѣло. Съгрѣшьшема же има, изгнавъ я от земля посла.[105] Живущема же многа лѣт тамо, дѣти створиста в нищетѣ. Сбирающе же ся дѣти к собѣ, совѣтъ творяху, кымъ ся бы путемь пакы вмѣстити в пьрвыи чинъ. Овъ же ихъ сиче глагола, а другыи инако, а другыи другояко. Совѣтъ дѣяаху, которому совѣту убо достоит быти, не добрѣишуму ли?» Ркоша же они: «Что ради сице глаголеши? Свои бо кождо съвѣтъ добрѣи творить иного. Июдѣи бо свои добрѣи творять *и*

срацини такожде, и вы такожде, а инѣи инъ. Скажи же, которыи разумеемъ добрѣи от сихъ?» Рече же Философъ: «Огнь искушаеть злато и сребро, а чьловекъ лжю умомъ отсѣкаеть от истины. Рьцѣте же ми, отчего бысть первое отпадение, не от видѣния ли и плода сладкаго и похоти на божество?» Они же ркоша: «Тако есть». Философъ же рече: «Тъ аще кому будеть пакость, медъ ядъшю ли студену воду пивше, пришедъ же врачь глаголеть ему: „И еще многъ мед ѣдъ, ицѣлѣеши"; а иже будеть воду пилъ, тому глаголеть: „Студеныя воды напивъся, нагъ на мразѣ ставъ, ицѣлѣеши". Другыи же врачь не тако глаголеть, нъ противно врачьство заповѣдаеть: въ меду мѣсто горкое пиюще, поститися, а въ студенаго мѣсто теплое, грѣющеся. Которыи убо от обою хытрѣе врачюеть?» Отвѣщаша вси: «Иже противная врачьства заповѣдаеть. Горестью бо жития сего похотную сласть достоить умертвити и смирениемь гордость, противнымъ противная врачююще. И мы бо глаголемъ, яко дрѣво, еже пьрвое тернъ створитъ, то послѣди сладокъ плодъ приплодить». Пакы же отвѣща Философъ: «Добрѣ рекосте. Христовъ бо законъ остроту являеть Божия жития, потомъ же въ вѣчных жилищихъ 100-кратицею плодъ приноситъ».

Единъ же от нихъ свѣтникъ, срациньску злобу всю добрѣ вѣдыи, въпроси Философа: «Рци ми, гости, како вы Махъмета не держите? Тъ бо есть велми Христа похвалилъ въ своихъ книгахъ, глаголя, яко от девы ся родилъ, сестры Моисѣовы, пророкъ зелии: мертвыя въскрѣшалъ и всяку язю ицѣлилъ силою великою».[106] Отвѣща Философъ к нему: «Да судить нас каганъ. Глаголи же, аще пророкъ есть Махъметъ, како имемъ Данилу вѣру? Онъ бо рече: „До Христа всяко видѣние и пророчество прѣстанеть".[107] Сь же по Христе явлеся, како можеть пророкъ быти? Аще бо того пророка наречемъ, то Данила отвержемъ». Рекоша же мнозѣ от нихъ: «Данилъ, еже есть глаголалъ, Божиемъ духомъ есть глаголалъ, а Махмета же вси вѣмъ, яко ложь есть и пагубникъ спасению всѣхъ, иже есть добрѣишая бляди своя на злобу и студодѣяние изблялъ». Рече же пьрвыи свѣтникъ от нихъ къ приятелемъ жидовьскымъ: «Божиею помощию гость сии всю гордыню срачиньскую съверже на землю, а вашю на онъ полъ прѣверже яко съкверну». Рекоша же къ всѣмъ людемъ: «Яко же есть далъ Богъ власть надъ всѣми языкы цесарю крьстьяньску и мудрость свѣршену, тако и вѣру в них. И кромѣ ея никтоже не можеть живота вѣцнаго жити. Богу же слава въ вѣкы». И рекоша вси: «Аминь».

И рече Философъ къ всѣмъ съ слезами: «Братье и отци, и друзи, и чада! Се Богъ дасть всякъ разумъ и отвѣтъ достоинъ. Аще ли есть и еще къто противяся, да придеть и прѣприть или прѣпьрѣнъ будеть. Иже послушаеть сего, да ся крьстить во имя Святыя Троица. Иже ли не хощеть, азъ кромѣ есмь всякого грѣха, а онъ узрить въ дьнь судныи, егда сядеть судиа ветхыи дьньми[108] судити всѣмъ языкомъ». Отвѣщаша они: «Нѣсмь мы собѣ вразѣ. Нъ помалу, иже можеть, тако велимъ, да ся крьстить волею, иже хочеть, от сего дьни. А иже от васъ на западъ кланяется ли жидовьскы молитвы творить, ли срачиньску

вѣру держить — скоро съмьрть прииметь от насъ». И тако разидошася с радостью.

Крьсти же ся от сихъ до 200 чади, отверьгъшеся мерзостии поганьскыхъ и женитвъ безаконьныхъ. Написа же къ цесарю книгы каганъ сиче: «Послалъ еси, владыко, мужа такого, иже ны сказа крьстьяньску вѣру, словомъ и вещьми Святую Троицю. И увѣдѣхомъ, яко то есть истая вѣра, и повелехомъ крьститися своею волею. Надѣющеся и мы доспѣти того же. Есме же мы вси друзи и приятелѣ твоему царству и готови на службу твою, яможе хощеши».

Проважая же Философа, каганъ нача ему дары многы даяти. И не приятъ их, глаголя: «Даже ми, елико имаеши плененыхъ грекъ сдѣ. То ми есть боле всѣхъ даровъ». Сбравше же ихъ до двоюдесяту и вдаша ему. И иде, радуяся, на путь свои.

Дошедше же безводныхъ мѣстъ пустъ, жяжѣ не можаху терпѣти. Обрѣтъше же въ слотинѣ водицю, не можаху от нея пити, бяше бо яко золчь. Рашедъшемъ же ся имъ всѣмъ искатъ воды, и рече к Мефодью, брату своему: «Не терплю уже жажѣ, да почерпи убо водѣ сея. Иже бо пьрвие прѣложи израилтомъ горкую воду въ сладъкую,[109] тъи имать и намъ утѣху створити». Почерпъше же, обрѣтоста ю сладъку, яко и медвену, и студену. Пивша же, прослависта Бога, творящаго таковая своимъ рабомъ.

Въ Корсунѣ же вечеряя съ архиепископомъ, рече Философъ к нему: «Створи ми, отце, молитву, яко же ми бѣ отець мои створилъ». Въпрошьшемъ же етеромъ особь, что ради се створи, отвѣща Философъ: «Въистину от нас отъидеть утро къ Господу, оставле ны». Еже и бысть словесѣ ся събывшу.

Бяше же в Фулъстѣ языцѣ[110] дубъ великъ, срослъся съ чрешнею, подъ нимъ требы дѣяху, нарѣчающе именемъ Александръ.[111] Женьску полу не дающе приступати к нему, ни къ трѣбамъ. Услышавъ же то, Философъ не лѣнися трудити до нихъ. Ставъ посредѣ ихъ и рече к нимъ: *«Елини* суть въ вѣчную муку шли, кланявшеся небу и земли яко богу, такои велицѣи, добрѣи твари. То же и вы, иже ся дрѣву кланяете, худѣи вещи, еже есть готово на огнь, како имате избыти вѣцнаго огня?» Отвѣщаша они: «Мы сего нѣсмь начали нынѣ творити, нъ от отець есмь приалѣ. И от того обрѣтаемъ вся прошения наша: дожгь *же наипаче* наидеть многъ. И како мы се створимъ, егоже нѣсть дьрзнулъ никтоже створити от насъ. Аще бо и дерзнеть кто створити се, тъгда же смьрть

узрить, и не имамъ к тому дожгя видѣти до концины». Отвѣща к нимъ Философъ: «Богъ о васъ въ книгахъ глаголеть, а вы како ся его отмещете? Исаия бо от лица Господня вопиеть, глаголя: „Гряду азъ събрати вся племена и языкы, и придуть и узрять славу мою. И поставлю на нихъ знамение и послю от нихъ спасеныя въ языкы: в Тарсисъ и Фулъ, и Лудъ, и Мосохъ, и Тевелъ, и въ Еладу, и въ островы далняя, иже не суть слышали моего имени, и възвѣстять славу мою въ языцѣхъ".[112] Глаголеть Господь Вседержитель и пакы се: „Азъ послю рыбитвы и ловча многы — и от холмъ, и скалъ камяныихъ изловять вы". [113] Познаите, братье, Бога, створшаго вы. Се евангелье новаго завета Божие, в неже ся есте крьстили».

Также сладкыми словесы углаголавъ, повелѣ имъ посѣчи древо и съжещи е. Поклонь же ся старѣишина ихъ, шедъ, лобыза Евангелье, также и вси. Свѣща же бѣлы приимше от Философа, поюще идоша къ древу. И вземъ секыру Философъ 30 и трижды удари и повелѣ въсѣмъ сѣщи ис корения и съжещи е. В ту же нощь дождь бысть от Бога. И с радостию великою похвалиша Бога. И веселися Богъ о семъ зѣло.

Философъ же иде въ Цесарьградъ. И видѣвъ цесаря, живяше без мълвы, Бога моля, въ церкви Святыхъ Апостолъ сѣдя.

Есть же в святѣи Софьи потирь от драгаго камения Соломоня дѣла, на немже суть писмена жидовьска и самарѣиска грани написана, ихъже никтоже не можаше ни почисти, ни сказати. Вземъ же ю Философъ почте и сказа: «Есть же сиче. Първая грань: „Чаша моя, чаша моя, прорицаи то: дондеже звѣзда, въ пиво буди Господи и първѣньцю, бъдящю нощию". По семъ же другую грань: „На вкушение Господне створена дрѣва иного; пии, упиися веселиемъ и възпии Алѣлуиа". И по семъ третия грань: „И се князь их, узрить весь съньмъ славу его, и Давидъ цесарь посредѣ ихъ". И по и семъ число написано: девять сотъ и девятеро». Ращетъ же е потонъку Философъ обрѣте от вторага на десять лѣта царства Соломоня до царства Христова девятьсотъ и девять лѣт. [114] И се есть пророчество о Христѣ.

Чтение 4

Чтение 4

Веселящю же ся о Бозѣ Философу, пакы другая рѣчь приспѣ и трудъ не мнии първыхъ.

Ростиславъ[115] бо моравьскыи князь, Богомъ устимъ, свѣтъ створь съ князи и с моравляны, посла к цесарю Михаилу, глаголя: «Людемь нашимъ поганьства ся отвергъшемъ и по крьстьяскъ ся законъ держащемъ, учителя не имамъ такого, иже бы ны *въ* свои языкъ *истую* вѣру съказалъ, да быша ины страны того зряще, уподобили намъ. Посли ны, владыко, епископа и учителя такого. Отъ васъ бо на вся страны всегда добрыи законъ исходить».

Сбравъ же цесарь зборъ, призва Костянтина Философа и створи слышати рѣць сию. И рече: «Философе, вѣмь тя трудна суща, нъ достоить тобѣ тамо ити. Сея бо рѣчи не можеть инъ никтоже исправити, якоже ты». Отвѣща Философъ: «И труденъ сы тѣломъ и боленъ, радъ иду тамо, аще имуть букви въ свои языкъ». Рече цесарь к нему: «Дѣдъ мои и отець мои,[116] *и* ини мнози, искавше того, не обрѣли того суть. То како азъ то могу обрѣсти?» Философъ же рече: «То кто можеть на водѣ бесѣду написати или еретичьско имя собѣ обрѣсти?» Отвѣща ему пакы цесарь, и съ Варъдою, уимъ своимъ:[117] «Аще ты хощеши, то можеть Богъ тобѣ дати, иже даеть всѣмъ, иже просять несумнѣниемъ, и отверзаеть толкущимъ».[118]

Шедъ же Философъ, по пьрвому обычаю на молитву ся наложи и с инѣми поспѣшникы. Вскорѣ же ся ему Богъ яви, послушаяи молитвы своихъ рабъ. И тъгда сложи писмена и нача бесѣду писати евангельскую: «Испьрва бѣ слово и слово бѣ у Бога и Богъ бѣ слово»[119] и прочее.

Възвесели же ся цесарь, Бога прослави съ своими свѣтникы. И посла и съ дары многы, написавъ къ Ростиславу епистолию *сицеву:* «Богъ, иже велить всякому чьловѣку, дабы в разумъ истиньныи пришелъ и на большии ся чинъ стѣжилъ, видѣвъ вѣру твою и подвигъ, створи и ныня в наша лѣта, явле букъви въ вашь языкъ, егоже не бѣ давно было, токмо в первая лѣта, да и вы причтетеся великыхъ языцѣхъ, иже славять Бога своимъ языкомъ. И то ти послахомъ того, ему же ся Богъ яви — мужа чьстьна и благовѣрна, книжна зѣло и философа. И сь приимъ даръ болии и честьнѣи паче всего злата и сребра и камения драгаго и богатьства приходящаго. Подвигнися с нимь спѣшно утвердити рѣчь и всѣмь сьрдцемъ взискати Бога. И обьщаго спасения не отрини, нъ подвигни не лѣнитися, нъ ятися по истиньныи путь, да и ты, приведъ я подвигомъ своимъ в Божии разумъ, приимеши мьзду свою в того мѣсто въ сьи вѣкъ и в будущии за вся ты душа, хотящая вѣровати въ Христосъ Богъ нашь отныня до кончины, и память свою оставляя прочимъ родомъ подобьно Костянтину[120] цесарю великому».

Дошедъшю же ему Моравы, с великою чьстью приятъ и Ростиславъ. И събравъ ученикы, дасть я учити. Въскорѣ же ся всь церковьныи чинъ прѣложь, научи я утрении и годинамъ, обѣдни и вечерьнѣи и павечерничѣ и таинѣи службѣ. И отверзошася по пророчьскому словесѣ уши глухыхъ услышать книжная словеса, и языкъ яснъ бысть гугнивымъ.[121] Богъ же ся възвесели о семь велми, а дьяволъ постыдѣся.

Растущю же Божию учению, зълыи завистникъ исперва дияволъ, не терпя сего добра, нъ вшед въ своя съсуды, начатъ много въздвизати, глаголя имъ: «Не славиться Богъ о семъ. Аще бо бы ему сиче годѣ было, не бы ли моглъ сьтворити, дабы исперва писмены пишюше бесѣды своя, славили Бога? Но 3 языки есть токмо избралъ: еврѣискъ, греческъ и латынски,[122] имиже достоить Богу славу въздаяти». Бѣша же се глаголюще латиньстии и спручьстии архиерѣи,[123] с иерѣи и ученицѣ. Сбравшесе с ними, яко Давидъ иноплеменьникы, книжьными словесы побѣжая, нарече я триязычникы, яко Пилату тако написавшю на титлѣ Господни.[124] Не токмо же се едино глаголаху, нъ иному бещинию учаху, глаголюще, яко подъ землею живуть чьловеци вельглави[125] и вьсь гадъ дияволя тварь есть. И аще кто убиеть змию, девяти грѣхъ избудеть того ради.[126] Аще чьловека убиеть кто, три мѣсяця да пиеть въ древянѣ цаше, а стькъляны ся не прикасаеть.[127] Не браняаху жертвъ творити по первому обычаю, ни женитвъ бе-щисленыхъ. Все же се яко терние посѣкъ, словеснымъ огнемь попали, глаголя: «Пожри Богови жертву хвалѣ и въздаи же Вышьнему обѣты и молитвы твоя.[128] Жены же уности твоея не отпусти. Аще бо ю възненавидѣвъ пустиши, не покрыется нечьсть похоти твоея, глаголеть Господь Вседержитель, схранитеся духомъ вашимъ, и да не оставить къждо васъ жены уности своея. И сихъ, ихъже ненавидѣхъ, творясте, яко Богъ съвѣдѣтельствова межю тобою и межю женою уности твоея, юже еси оставилъ, н та обьщьница твоя и жена завѣта твоего.[129] И въ Еуангельи Господа слышасте: „Яко речено есть дрѣвними: не сотвориши прелюбы". Азъ же глаголю вамь, яко всякъ, иже възрить на жену похотѣти еи, уже прелюбы есть створилъ с нею сьрдцемь своимъ. И пакы глаголю вамъ, яко иже пустить жену свою развѣ словесѣ любодѣинаго, творить ю прѣлюбы дѣяти. Иже отпущеную от мужа поиметь, прѣлюбы дѣеть".[130] Апостолъ рече: „Яже есть Богъ съчталъ чьловека, да не разлучаетася"».[131]

Четыри же десять мѣсяца[132] створи въ Моравѣ, иде святить ученикъ своихъ. Прия же и Коцелъ князь *Паноньскъ****[133]*** и възлюби вельми словеньскы букъви и научися имъ. Въдавъ до 50 ученикъ учитися имъ. И велику ему чьсть створи, мимо проводи. И не взятъ же ни от Ростислава, ни от Коцела ни злата, ни сребра, ни иноя вещи, положь еваньгѣльское слово, нъ токмо пленьникы испрошь от обою девять сотъ и отпусти я.

Чьтьние 5

Чтение 5

Бънятъцихъ[134] же бывшю ему, сбрашася на нь пискупи, попове и черноризци, яко вранѣ на соколъ, въздвигоша триязыцную ересь, глаголюще: «Чьловеце, скажи намъ, како ты еси нынѣ створилъ словенемъ книгы и учиши я? Ихъже нѣсть никтоже инъ първое обрѣлъ: ни апостоли, ни римьскыи папежь, ни Диалогъ[135] Григории, ни Еронимъ,[136] ни Августимъ.[137] Мы же три языкы токмо вѣмъ, имиже достоить въ книгахъ славити Бога: евреискъ, елинескъ, латинескъ». Отвѣща Философъ к нимъ: «Не идеть ли дождь от Бога равно на вься, ни ли солнце такоже не сияеть ли на вся,[138] ни ли дыхаемъ на облакъ равно вси? То како вы ся не стыдите, 3 языкы токмо мняще, а прочимъ всѣмъ языкомъ и племенемъ слѣпомъ веляще быти и глухомъ, скажите ми, Бога творяще немощна, яко не могуща сего *дати, или завистлива, не хотяща* дати? Мы же многы роды знаемъ, книгы умѣюче, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си: ормѣни, пьрси, авазги, иверие, сугди, готи, объре, турьси, козаре, аравляне, егуптянѣ, сури, ини мнози.[139] Аще ли не хощете от сихъ разумѣти, поне от книгъ познаите судию. Давидъ бо вопиеть, глаголя: „Поите Господеви, вся земля! Поите и възвеселитеся и въспоите!"[140] Другояко: „Вся земля да поклониться и поеть тебе. Да поють же имени твоему вышнии".[141] И пакы: „Хвалите Господа вси языци, и похвалите его вси людие. И всяко дыхание да хвалите Господа".[142] Въ Еуангельи же глаголеть: „Еликоже есть прияло ихъ, дасть имъ область, да чада Божия будуть".[143] И пакы тъ же: „Не о сихъ бо въпрошаю токмо, нъ и о вѣрующихъ словомъ ихъ въ мя. Да вси едино будуть, якоже и ты, Отце, во мнѣ и азъ в тебе".[144] Матфѣи бо рече: „Дана ми есть всяка власть на небесѣ и на земли. Шьдъше убо научите вся языкы, крьстя во имя Отца и Сына и Святаго Духа, учаще я хранити вся, елико заповѣдалъ есмь вамъ. И се азъ с вами есмь вся дьни до скончания вѣка. Аминь". [145] А Марк пакы глаголеть: „Шедъше въ весь миръ, проповѣдите Еуангелье всеи твари. Вѣровавыи, крьщеся, спасеться, а невѣровавыи осудится. Знамения же повѣровавшихъ поидуть си: именемъ моимъ бѣсы ижденуть, языкъ възъглаголють новы".[146] Глаголемъ то же к вамъ: „Горе вамъ, кънигъчия, фарисѣи, ипокриты, яко затваряете цесарьство небьсное прѣд чьловекы. Вы бо не входите и хотящихъ внити не оставляете внити".[147] И пакы: „Горе вамъ, книгъция, яко взясте ключь разумныи: нъ сами не внидете и хотящимъ внити възбранисте". [148] Къ кореньфѣомъ же Павелъ рече: „Хощю, да вси языкы глаголете, паче же да проричаете, болии убо проричая, нежели глаголя языкы, развѣ аще не сказаеть да церкви създание прииметь. Нынѣ же, братье, аще приду к вамъ, языкы глаголя, кую вамъ пользу створю, аще вамъ не возглаголю или откровениемь, ли разумомъ, или пророчствомь, ли учениемь? Обаче бездушенъ глас дающе аще ли пищали, аще ли гусли, аще разнествия гласомъ не дасте — како разумѣется сопомое ли или гуденое? Ибо аще безвѣстенъ глас труба дасть, кто уготовается на брань? Тако и вы языкомъ аще неразумна словеса дасте, како разумно будеть глаголемое? Буде бо въ аеръ глаголюще. Толико убо аще ся

ключить родъ гласныхъ въ всемь мирѣ, и ни единъ же ихъ безгласенъ. Аще убо не вѣмъ силы гласу, то будуть *глаголющему* ми варваръ *и* глаголяи мнѣ варваръ. Тако и вы, понеже ревнителѣ есте духовнымъ къ създанию церкви, просите, да вы избываеть. Тѣм же глаголяи языкомъ молиться да скажеть ти. Аще бо языкомъ молитву дѣя, то духомь молится, а умомъ бес плода есть. Что убо есть? Помолюся духомъ — помолюся умомъ, спою духомъ — спою же и умомъ. Аще благословиши духомъ, исполняя мѣсто неразумнаго, како речеть «аминь» по твоеи хвалѣ, понеже не вѣсть, что глаголеши. Ты убо добрѣ хвалиши, нъ другыи не зижеться. Хвалю Бога моего о всѣхъ насъ, паче же языкы глаголю. Нъ въ церкви хощю 5 словесъ умомъ своимь глаголати, да ины научю, а не еже тьму словесъ языкомъ. Братие! не дѣти бываите умы, но злобою же младеньствуите, умы же свѣршенѣ будете. В законѣ пишеть: «яко иноязыцники ихъ устнами инѣми възглаголю людемь симъ, и тако не послушають мене, глаголеть Господь». Тѣм же языци въ знамение невѣрнымъ суть, а пророчьство не невѣрнымъ, нъ вѣрующимъ. Аще бо снидется церкви вся вкупѣ, и вси глаголють языкы, внидеть же неразумивъ или невѣренъ, — не рчеть ли, яко зъли ся дѣете? Аще ли вси пророчьствують, вънидеть же инъ невѣренъ и неразумивъ, обличается предъ всѣми, въстязается от всѣхъ. И таиная сердца его явѣ бываеть, и тако падеть ницъ и поклонится Богу, повѣдая: «Въистину Богъ въ васъ есть». Что убо есть, братье? Егда сходится къждо васъ, псалмы имѣете, учение имѣете, явление имѣете, языкъ имѣете, сказание имѣете — вся же къ созданию да бывають. Аще ли языком кто глаголеть — по двѣма или зѣло по тремъ и по части, единъ сказаеть. Аще ли не будеть глагольника, да молчить въ церкви, собѣ же да глаголеть и Богу. Пророци же два или трие да глаголють, а друзии да сказають. Аще ли иному явиться седящу, пьрвыи да молчить. Могуть бо по единому вси пророчьствовати, да вси учаться, и вси утѣшаються. И *дуси пророчестии* пророкомъ повинуються. Нѣсть бо нестроению Богъ, нъ миру".[149] Господня бо заповѣдь есть: „Аще кто не разумѣеть — да учится".[150] Тѣм же, братье, рьвнуите проричанию и не браните глаголати языкы. Вся же благовѣрно по чину да бывають».[151] И пакы глаголеть: «Всякъ исповѣсть, яко Господь Исусъ Христосъ въ славу Богу Отцю.[152] Аминь». Сими же словесы и инѣми и болше посрамль я, оставле.

Увѣдѣвъ же римьскыи папежь,[153] посла по нь. Дошедъшю же ему Рима, изиде самъ апостоликъ[154] Андриянъ[155] противу ему съ всими гражаны, свѣща несуще, увѣдѣвше, яко несуть мощи святаго Климента мученика и папежа римьскаго. И тъгда Богъ чюдеса нача творити: ослабленъ же чьловекъ ту ицѣлѣ, а ини мнози различныхъ недугъ избыша. Тако же и плененѣи пленьшихъ я, нарекъше память святаго Климента, избыша.

Приим же папежь книгы словеньскыя, освяти и положи я въ церкви святыя Мария, яже ся наричаеть Фатанъ,[156] пѣша же над нимъ литургию. И по семь повелѣ папежь двѣма епископома Фуръмосу[157] и

Гоидриху[158] святити словеньскыя ученикы. Яко я святиша, тъгда пѣша литургию въ церкви святаго Петра[159] словеньскымъ языкомъ. И въ другыи дьнь пѣша въ церкви святы *Петрунилы.**[160]*** И въ 3 дьнь въ церкви святаго Андрѣя,[161] и оттуду пакы у великаго учителя язычьскаго Павла апостола в церкы[162] в нощи пиша святую литургию словеньскы надъ святымъ гробомъ, имѣюще на помощь Арсѣния епископа, единого суща от седми епискупъ,[163] и Настаса[164] вивлотикаря.

Философъ же съ своими ученикы не престаяше достоиную хвалу Богу въздая о семъ. Римлянѣ же не престаяху идуще к нему, въпрашающе о всемь. И сказание сугубь и трыубь приимаху от него.

Жидовинъ же етеръ, такоже приходя, сътязашеся с нимъ и рече ему единою: «Нѣсть уже не пришелъ Христосъ по числу лѣтьнюму, о немже глаголють книгы и пророцы, яко от девы ся есть родити».[165] Почьтъ же ему Философъ вся лѣта от Адама по роду, сказа ему потонку, яко пришелъ есть, и селико лѣтъ есть от толѣ до селѣ. И научивы и, отпусти.

Постигъшемъ же многымъ трудомъ, болѣти нача. И тепящю ему язю болезненую многы дьни, единою видѣвъ Божие явление, начатъ пѣти сиче: «О рекшихъ къ мнѣ: „Идемъ въ дворы Господня" възвеселися духъ мои, и сердце обрадовася».[166] Облѣкъ же ся въ чьстьныя своя ризы тако прѣбысть весь дьнь, веселяся и глаголя: «Отселѣ нѣсмь азъ ни цесарю слуга, ни иному никомуже на землѣ, нъ токмо Богу Вседержителю бѣхъ и есмь въ вѣкы. Аминь».

Въ утрѣи же дьнь въ святыи чьрньчьскыи образъ оболкъся и свѣт къ свѣту приимъ и имя си нарече Кюрилъ.[167] В томъ же образѣ пребысть 50 дьнии.[168] И яко приближися година, да покои приимъ, прѣставиться на вѣчную жизнь, и въздвигъ къ Богу руцѣ свои и створи молитву, слезами сице глаголя: «Господи Боже мои, иже еси ангельская вся чины и бесплотныя съставль силы, небо распьнъ и землю основалъ, и вся сущая от небытья в бытье приведъ, иже еси всегда весдѣ послушалъ творящихъ волю, боящихъся тебе и хранящихъ заповѣди твоя. Послушаи моея молитвы и вѣрное твое стадо схрани, емуже мя бѣ преставилъ, неключимаго и недостоинаго раба твоего, избавляя вся от всякоя безбожныя и поганьскыя злобы и от всякого многорѣчиваго имени и хулнаго еретичьска языка, глаголющаго на тя хулу. Погуби триязычную ересь и въздрасти церковь свою множьствомъ, и вся въ единодушье съвокупле. Створи изрядны люди, единомысляща о истинньнѣи вѣрѣ твоеи правѣмь исповѣданьи, вьдохни же въ сердца ихъ слово твоего учения. Твои бо есть даръ, аще ны еси

прия недостоиныя на проповѣдание еуангелья Христа твоего. Острящаяся на добрая дѣла, творяще угодная тобѣ, еже мнѣ бѣ далъ, яко твое тобѣ предаю. Устрои я силою твоею и десницею, покрывая кровомъ крилу твоею,[169] да всяко хвалять и славять имя Отца и Сына и Святаго Духа въ вѣкы. Аминь». Лобъзавъ же вся святымъ лобзаниемъ, и рече: «Благословенъ Богъ нашь, иже не дасть насъ в ловитву зубомъ невидимыхъ врагъ нашихъ, нъ сѣть ихъ скрушися, и избави ны[170] от истлѣния». И тако почи о Господѣ, бывъ 42 лѣт, въ 14 дьнь мѣсяца февраля, въ индиктъ 2, от твари всего мира 6000 и 300 и 70 и 7 лѣт.[171]

Повелѣ же апостоликъ всѣмъ грѣкомъ, иже бяху в Римѣ, тако и римляномъ, съ свѣщами съшедъшеся, пѣти надъ нимь, створити провожение ему, якоже самому папежю створили. То же и створиша.

Мефодии же брат его въпроси апостолика, глаголя, яко: «Мати ны есть закляла, да иже наю първѣе на судъ идеть, да прѣнесеть брат въ свои манастырь[172] и ту и погребеть». Повелѣ же папежь вложити и в раку и забити и гвозды желѣзны. И тако держа и 7 дьнии, готовя и на путь. Рекоша же къ апостолику римьстии пискупи: «Понеже есть Богъ, по многымъ землямъ хожьша, привелъ и сѣмо и сдѣ дущю его изялъ — сдѣ ему достоить лежати яко чьстьну мужю». Рече же апостоликъ: «То за святыну его и любовь римьскыи обычаи прѣступле, погребу и в моемъ гробѣ въ церкви святаго апостола Петра». Отвѣща же братъ его: «Понеже мене не послушасте и не дасте ми его, аще вы есть любо, да ляжеть въ церкви святаго Климента,[173] с нимьже есть сѣмо пришелъ». Повелѣ же апустоликъ тако створити.

И пакы сбравшемъся епископомъ всѣмъ и чернецемъ и всѣмъ людемъ проводити и чьстно. Хотяще же положити и, рекоша епископи: «Отгвождьше раку, видимъ, аще есть цѣлъ, еда есть что взято от него». И тружьшеся много, не могоша отгвоздити ракы по Божию повелѣнию.

И тако с ракою положиша и въ гробъ о десную страну олтаря въ церкви святаго Климента, идеже начаша тъгда многа чюдеса бывати, еже видѣвше римлянѣ боле ся прѣложиша святыни его и чьсти. Написавъ же икону его надъ гробомъ, начаша свѣтити надъ нимь дьнь и нощь,[174] хваляще Бога, прославляющаго тако же славять. Тому бо есть слава въ вѣкы. Аминь.

---

[1] *Богъ милостивъ и щедръ...животу...* — Монтаж цитат из разных библейских книг: Иоиль. 2, 13; Тим. 2, 4; Иез. 33, 11.

[2] *Овча моя ... вѣчныи.* — Иоан. 10, 27.

[3] *Подобни ми бываите ... Христу.* — 1 Кор. 11, 1.

[4] *Солунь* (Селунь) — Фессалоника, современные Салоники — город на северном побережье Эгейского моря, в IX в. один из главных городов Византийской империи.

[5] *Другарескъ* — друнгарий, командир «друнги», в иерархии военных властей фемы (военно-административного округа в Византии IX—X вв.) занимал следующее место: стратиг — турмарх — друнгарий — комит.

[6] *Стратиг* — глава фемы.

[7] *Иов* — библейский праведник (книга Иова).

[8] *...семь отрокъ...* — Неоднократное упоминание числа 7 или кратных ему для определения событий в жизни героя или его родителей заставляет подозревать, что это не столько реальные даты, сколько стремление агиографа использовать для измерения священное число. Можно отметить и другие характерные для агиографии мотивы: отказ младенца от молока кормилицы, отказ родителей после его рождения от плотских сношений.

[9] *Егда же роди и мати...* — По свидетельству Жития Константин скончался 14 февраля 6377 г. (т. е. 869 г. по сентябрьскому стилю, принятому в Византии, или 870 г. — по мартовскому, который мог применяться в Великой Моравии), 42 лет от роду. В соответствии с этим его рождение следует относить либо к концу 826—началу 827 г., либо к концу 827—началу 828 г. В памятнике церковного происхождения, принадлежащем к византийскому культурному миру, логичнее ожидать первый вариант.

[10] *...отца и устроителя...крьстияны.* — Имеется в виду византийский император, считавшийся главой всех христиан на земле.

[11] ... *видѣ сонъ...* — Рассказ о чудесном сне сложился под влиянием сочинений знаменитого церковного деятеля, теолога и писателя IV в. Григория Назианзина. В Житии сон Константина приспособлен к условиям жизни IX в., когда был распространен выбор невесты для императора или наследника из числа собранных в столицу красавиц.

[12] *Сыну, храни законъ... матере своея.* — Притч. 6, 20.

[13] *Свѣтилникъ бо ... и свѣтъ.* — Притч. 6, 23.

[14] *Рчи же ... створи.* — Притч. 7, 4.

[15] *Сияеть бо ... избавишися ею.* — Ср. Прем. 7, 29; 8, 2; 10, 9.

[16] *Плакида* — Евстафий Плакида — римский военачальник; согласно его житию, обратился в христианство, увидев во время охоты оленя с крестом между рогами (Житие Плакиды см. *БЛДР, 3).*

[17] *Григорий Феолог* — Григорий Богослов (Назианзин).

[18] *О Григорие... и учитель.* — Данный текст — попытка стихотворного перевода с греческого языка молитвы Константина.

[19] *Вшед же въ многи ... сердца своего.* — Эпизод свидетельствует о том, что в провинции в IX в. можно было получить лишь начальное образование.

[20] *Логофет* — с VII в. глава важнейших центральных ведомств Византии, здесь — логофет Феоктист, первый министр при дворе императрицы Феодоры и ее малолетнего сына Михаила III в 40-х—начале 50-х гг. IX в.

[21] *...да ся бы съ царемъ училъ.* — Данное свидетельство маловероятно, так как Михаил III был значительно моложе Константина.

[22] *Боже отець наших... премудрость...* — Прем. 9, 1—2, 4.

[23] *...да разумѣвъ... спасуся.* — Ср. Прем. 9, 10, 19.

[24] *Азъ бо есмь ... твоея.* — Ср. Пс. 115, 7; Прем. 9, 5.

[25] *Царьград* — Константинополь, столица Византийской империи.

[26] *Лев* — Лев Математик — ученый IX в., возобновивший занятия точными науками и изучение античных текстов; позднее — глава государственного училища, созданного дядей императора Михаила III Вардой.

[27] *Фотий* — филолог, знаток древних авторов, теолог; в 40—50-х гг. крупный государственный чиновник, с 858 г. — патриарх Константинопольский.

[28] *Научи же ся Омиру ... художьствомь.* — Перечень наук традиционен и соответствует курсу организованного позднее Константинопольского университета. Упоминание на первом месте не связанных между собой Гомера и геометрии, возможно, объясняется тем, что этим наукам Константин учился у Льва, а остальным — у Фотия.

[29] *Скорость бо ся ... съ Богомъ жити.* — Мозаика фрагментов из Похвального слова Василию Великому Григория Богослова.

[30] *Княжение* — термин для обозначения архонтии, территории, населенной славянами, во главе которой ставился вместо местного князя чиновник.

[31] *...прадѣдьняа чьсти... искати.* — Прадедом назван Адам, отыскать его честь и богатство — достичь совершенства, которым отличался праотец до грехопадения. Отрывок следует трактовать как отказ от светской карьеры и желание стать монахом.

[32] *Царица* — Феодора, вдова императора Феофила (829—842), мать Михаила III (842— 867), после смерти мужа и до 850 г. — правительница.

[33] ... *книгчии...* — Вероятно, имеется в виду библиофилакс — библиотекарь, поскольку Константин как молодой клирик, не имевший опыта работы в администрации, не мог сразу стать хартофилаксом — главой патриаршей канцелярии и архива, а должен был получить более скромную должность. Так как все известные хартофилаксы были дьяконами, Константин не мог получить сан выше, и сообщение о посвящении его сразу в священники — неточно. В украинско-белорусских списках Жития, обладающих рядом текстологических особенностей, должность Константина обозначена как «сосудохранитель», т. е. скевофилакс — хранитель патриарших облачений.

[34] *...патриарх...* — Вероятно, имеется в виду патриарх Игнатий (847—858).

[35] *Святая София* — собор в Константинополе, при котором находились патриаршая библиотека и архив.

[36] *Узкое море* — пролив Босфор.

[37] *Умолиша же ... ся ятъ.* — Возможно, речь идет о назначении Константина преподавателем Константинопольского университета.

[38] *Анний патриарх* — Иоанн Грамматик, патриарх Константинопольский (837—842), глава партии иконоборцев. Анний — презрительная кличка, данная ему его противниками. Рассказ о диспуте вызывает сомнения исследователей, так как подобные рассказы известны и в житиях других святых того же времени.

[39] *Патрикий* — один из высших византийских почетных титулов.

[40] *Не сътвориши всякого подобиа.* — Ср. Исход 20, 4 в Острожской Библии.

[41] *Не сътвориши подобиа.* — Ср. Исход 20, 4; Вт. 5, 8.

[42] *Чтение второе.* — Следующий далее рассказ о посольстве к арабам неоднократно вызывал сомнения, так как такое посольство не

упоминается в других источниках. Однако некоторые детали свидетельствуют о том, что это посольство имело место.

[43] *Давида... с тремя каменми...* — См. 1 Царств. 17, 40. В Библии говорится о пяти камнях. Здесь отразился след глаголического оригинала: в глаголице В (3) и Д (5) имеют очень близкое начертание.

[44] *Асикрет Георгий* — византийский дипломат, ведший переговоры с арабами. Полагают, что именно он стоял во главе посольства, участником которого и был Константин.

[45] *...образи дѣмонскы ... ругающеся.* — По эдикту халифа Мутаваккиля (на престоле с 847 г.), преследовавшего христиан, предписывалось изображать дьявола на дверях их домов.

[46] *Род его ... животъ его.* — Деян. 8, 33; ср. Ис. 53, 8.

[47] *Послахомъ духъ... о Троици.* — Коран 19, 7. Ссылка на эту суру — обычный аргумент в полемике с мусульманами византийских теологов.

[48] *Молити за врагы... гонящимъ.* — Ср. Мф. 5, 44; Лк. 6, 27.

[49] *Молите за обидящая.* — Мф. 5, 44; Лк. 6, 28.

[50] *Больша сея любъви... за другы.* — Ср. Иоан. 15, 13.

[51] *Христосъ есть дань даялъ...* — Утверждение неточно: Иисус Христос только не отрицал необходимости ее давать (Мф. 22, 17—21; Мр. 12, 14—17).

[52] *Армениино.* — Так славянский автор передал греческий вариант титула халифа — «амерумна». Константину, по-видимому, показывали постройки халифа Мутаваккиля в его резиденции Самарре, изумлявшие своей роскошью.

[53] *Аще и смертно... не вредить.* — Мр. 16, 18.

[54] *Единою же на Святыи дьнь... о всѣх сихъ.* — Рассказ этот представляет одно из обычных для агиографии общих мест.

[55] *Олимбъ* — гора Олимп в Малой Азии на побережье Мраморного моря — один из центров византийского монашества в IX в.

[56] *Хазары* — союз тюркоязычных племен, главным образом кочевых, создавших на Нижней Волге и в степном Предкавказье государственное образование раннефеодального типа — Хазарский каганат (VII—середина X в.).

[57] *...испьрва единъ токмо Богъ ... имемъ.* — Подавляющее число исследователей считают речь хазарских послов вымыслом агиографа. Судя по арабским и еврейским источникам, каган и хазарская знать

приняли иудаизм по крайней мере за несколько десятилетий до путешествия Константина.

[58] *Хорсунь* — Корсунь, Херсон — город на территории современного Севастополя, центр византийских владений на Крымском полуострове.

[59] *Самарянин.* — Самаритяне — название этнической и религиозной группы семитского населения.

[60] *...книгы самарѣискы...* — Имеется в виду Пятикнижие, написаиное самаритянской азбукой.

[61] *...русьскы писмены...* — Это загадочное место в Житии породило огромную литературу, из которой можно выделить следующие основные точки зрения: 1) русские письмена — письмена древних «руссов» (восточных славян), которые затем легли в основу изобретенной Константином азбуки; 2) имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный в IV в. Вульфилой; 3) имеются в виду «сурские», т. е. сирийские письмена. Большинство исследователей в настоящее время придерживаются последней точки зрения.

[62] *...яко святыи Климент ... лежить...* — Имеются в виду останки похороненного у Херсонеса мученика раннехристианского времени по имени Климент, которого легенда, возникшая в IV—VI вв., отождествила с Климентом, папой римским, третьим преемником апостола Петра. Место погребения в результате погружения берега к IX в. оказалось на полузатопленном островке.

[63] *Архиепископ* — Георгий, архиепископ Корсунский.

[64] *...якоже пишеть въ обрѣтение его.* — Имеется в виду написанное Константином на греческом языке и сохранившееся только в славянском переводе Сказание об обретении мощей св. Климента.

[65] *Угры* — венгры, кочевавшие в этот период в причерноморских степях.

[66] *...кюрѣ илѣса...* — От греч. κυριε ελεησον — «Господи, помилуй».

[67] *Меотьское озеро* — название Азовского моря в античной и византийской литературе.

[68] *Капийская врата* — обозначение Дербентского прохода в античной и византийской литературе.

[69] *Дѣдъ имѣхъ велии... есмь.* — Аллегория библейского рассказа о грехопадении.

[70] *Слушаи мене... въ вѣкы.* — Ис. 48, 12.

[71] *Въ горѣ каменнии ... наша грѣхы.* — Ср. Исход 19, 16; 34, 9; 1 Иоан. 3, 5.

[72] *Акюла* — Аквила — еврейский ученый II в., переводчик Ветхого Завета на греческий язык. Константин использовал этот перевод, отличающийся от Септуагинты, как доказательство христианского догмата о воплощении Бога в человеческом теле.

[73] *Се азъ въздвигну ... в того мѣсто.* — Ср. Быт. 9, 9, 2—6.

[74] *Даю законъ... и тобою.* — Ср. Быт. 17, 13, 2, 4, 7.

[75] *Послуши же завѣта сего... Египетьскы.* — Иер. 11, 2—4.

[76] *Прѣставлю ... дамъ.* — Ср. Иезек. 11, 19; 36, 26.

[77] *Явѣ се дьние ... в завѣтѣ моемь.* — Иер. 31, 31—32.

[78] *Яко се завѣтъ мои... в люди.* — Ср. Иер. 31, 33.

[79] *Тако глаголеть... и законъ отринуша.* — Иер. 6, 16—19.

[80] *Нѣсть моея воля... Господь Вседержителъ.* —Мал. 1, 10—11.

[81] *Аще послушающе... рѣкы Ефранта.* — Ср. Вт. 11, 22, 24; Исход 23, 31.

[82] *Радуися зѣло ... до коньца вселения.* — Ср. Зах. 9, 9—10.

[83] *Не оскудѣеть князь... ся щадить.* — Ср. Быт. 49, 10.

[84] *70 недель... и пророчество.* — Ср. Дан. 9, 24—25.

[85] *...желѣзное царство...* — Дан. 2, 40.

[86] *Камень ... без рукъ чьловечьскъ...* — Ср. Дан. 2, 34, 45.

[87] *Въздвигнеть Богъ... въ вѣкы.* — Дан. 2, 44.

[88] *Остависте имя ваше... Богомъ небеснымъ.* — Ис. 65, 15—16.

[89] *Се, дѣва... с нами Богъ.* — Ис. 7, 14; Мф. 1, 23.

[90] *И ты, Вифлеоме... и родити.* — Мих. 5, 2—3; Мф. 2, 6.

[91] *Въпросите и видите... спасеться.* — Иер. 30, 6—7.

[92] *Преже даже ... роди мужескъ полъ.* — Ис. 66, 7.

[93] *Благословенъ Господь Богъ Симовъ...* — Быт. 9, 26.

[94] *Да распространить ... в села Симова.* — Быт. 9, 27.

[95] *Ибо чьловекъ мира... уповахъ.* — Ср. Пс. 40, 10.

[96] *Се буди ... и мною.* — Быт. 17, 2, 7, 10—11.

[97] *...утерпль жилу стегна его...* — Ср. Быт. 32, 25.

[98] ... *Израиль... Бога.* — Ср. Быт. 32, 28, 30.

[99] *Образъ ли скиния... изрядныи.* — Ср. Исход 26, 1—37; 36, 8—38.

[100] *Первуму завѣту... ся оскеернила.* — Ср. Быт. 9, 3; Тит. 1, 15.

[101] *Се вся добра зѣло...* — Ср. Быт. 1, 31; 2, 9, 16.

[102] *Снѣсте бо... възлюбленыи.* — Ср. Вт. 32, 15.

[103] *Сѣдоша людие ... въсташа играть.* — Исход 32, 6.

[104] *А иже хочеть ... словесъ.* — Состав сочинений («слов») Константина, не дошедших до нас, не установлен.

[105] *Дъва мальжена ... посла.* — Аллегория библейского рассказа о грехопадении первых людей.

[106] ... *яко от девы ся родилъ... силою великою.* — Ср. Коран 19, 29, 3, 40, 43.

[107] *До Христа ... прѣстанеть.* — Ср. Дан. 9, 24.

[108] ... *судиа ветхыи дьньми...* — Ср. Дан. 7, 9, 22.

[109] *Иже бо... въ сладъкую.* — Ср. Исход 15, 23—25.

[110] ... *въ Фульстѣ языцѣ ...* — В источниках VIII—IX вв. неоднократно упоминается г. Фуллы, центр особой епархии в Крыму.

[111] *Александръ* — Здесь не название дерева, а его нарицательное наименование, в переводе с греческого «защитник мужчин».

[112] *Гряду азъ събрати... въ языцѣхъ.* — Ис. 66, 18—19.

[113] *Азъ послю... изловять вы.* — Ср. Иер. 16, 16.

[114] ... *девять сотъ и девятеро... и девятъ лѣт.* — Во всех славянских списках срок назван неправильно: хронологические расчеты на основании Летописца патриарха Никифора дают цифру 989.

[115] *Ростислав* — правитель Великой Моравии, раннефеодального славянского государства.

[116] *Дѣдъ мои и отець мои ...* — дед Михаила III — император Михаил II (820—829), отец — Феофил II (829—842).

[117] ... *съ Варъдою, уимъ своимъ...* — Варда — дядя Михаила III по матери, его соправитель с титулом «кесаря», фактический глава империи в конце 50-х—начале 60-х гг. IX в.

[118] ... *иже просять ... толкущимъ.* — Ср. Мф. 21, 22; 7, 7; Лк. 11, 9.

[119] *Испьрва бѣ слово... бѣ слово...* — Иоан. 1, 1. Эта фраза свидетельствует о том, что первым Константин переводил Евангелие апракос.

[120] *Константин* — римский император IV в., прекративший преследования христиан, в византийской традиции — образец идеального государя.

[121] *И отверзошася ... бысть гугнивымъ.* — Ср. Ис. 35, 5; 32, 4.

[122] *Но 3 языки есть токмо... и латынски...* — Изложенная здесь точка зрения, что воздавать хвалу Богу можно лишь на трех языках, сложилась на латинском Западе начиная с VII в. под влиянием высказываний Исидора Севильского.

[123] *...латиньстии и спручьстии архиерѣи...* — архипресвитеры, стоявшие во главе церковных округов Великой Моравии. Чем вызвано их разделение на латинских и франкских («спручьстии») — неясно.

[124] *...нарече я триязычникы... Господни.* — Имеется в виду надпись, сделанная на кресте на трех языках (Лк. 23, 38).

[125] *...яко подъ землею... вельглави...* — Имеются в виду антиподы, жители противоположной стороны земли (по учению пифагорейцев). Бо́льшая часть церковных авторитетов раннего средневековья отрицательно относилась к этому мнению.

[126] *И аще кто... того ради.* — Происхождение этого поверья, которое пропагандировало немецкое духовенство, неясно. Возможно, таким путем велась борьба с распространенным у славян почитанием змей.

[127] *Аще чьловека... не прикасаеть.* — В настоящее время исследователи полагают, что вместо слова «человек» в данной фразе читалось что-то другое. Наиболее вероятно здесь было слово «чльк», прочитанное затем как «члк» — «человек». В старопольском языке это слово было обозначением пресмыкающихся.

[128] *Пожри Богови... молитвы твоя.* — Ср. Пс. 49, 14.

[129] *Жены же уности... жена завѣта твоего.* — Ср. Мал. 2, 15—16, 13—14.

[130] *Яко речено...прѣлюбы дѣеть.* — Мф. 5, 27—28, 32; ср. Мф. 19, 9; Мр. 10, 11—12.

[131] *Яже есть Богъ... не разлучаетася.* — Ср. Мф. 19, 6; Мр. 10, 9.

[132] *Четыри же десять мѣсяца...* — В Житии Мефодия указан другой срок пребывания братьев в Моравии — 3 года, что, вероятно, более соответствует действительности.

[133] *Паноньскъ* — Паннония, провинция в составе Римской империи; занимала западную часть Венгрии, северную часть Югославии и восточную часть Австрии.

[134] *Бънятъцихъ* — местный беспредложный падеж от Бънѣтъкы — Венеция.

[135] *Диалогъ.* — В рукописи: Фолог, исправлено по смыслу.

[136] *Иероним* — переводчик Библии, учитель церкви (IV—V вв.).

[137] *Августин* — учитель церкви (IV—V вв.).

[138] *Не идеть ли дождь...ли на вся...* — Ср. Мф. 5, 45.

[139] *Явѣ же суть си... ини мнози.* — Перечень, приведенный Константином, включает в себя ряд народов Закавказья и Ближнего Востока, обладавших ко времени путешествия Константина многовековой письменной традицией, которая в той или иной форме дошла до наших дней. Таковы армяне, персы, грузины, арабы. Наряду с ними в списке фигурируют языки, вымершие к настоящему времени, на которых в IX в. существовала разнообразная литература — сирийский, коптский («египтяне» в списке, которые отличаются от арабов, несомненно потомки древнего населения Египта) и согдийский — восточноиранский язык (Согдиана — область на территории современных северного Таджикистана и южного Узбекистана), служивший международным языком в Центральной Азии в VIII—X вв. Согдийское письмо было создано на основе ближневосточных алфавитов уже в начале нашей эры. На основе согдийского письма не позднее VI в. была создана руническая письменность на тюркском языке («турси» Жития), существовавшая в Центральной Азии до X в. К ней восходят особые варианты аварского («объре») и хазарского («козаре») рунического письма. Письменность и богослужение на родном языке у готов появились в IV в., со времени их вторжения на земли Римской империи. С готами, остатки которых жили в Крыму в IX в. Константин мог познакомиться во время Хазарской миссии. Абхазы не имели собственной азбуки, возможно, их включение в список объясняется тем, что они использовали при богослужении грузинский (а не греческий) язык.

[140] *Поите Господеви... и въспоите!* — Пс. 95, 1; 97, 4.

[141] *Вся земля... вышнии.* — Пс. 65, 4.

[142] *Хвалите Господа еси языци... хвалите Господа.* — Пс. 116, 1; 150, 6.

[143] *Елико же есть... Божия будуть.* — Иоан. 1, 12.

[144] *Не о сихъ ... и азъ в тебе.* — Иоан. 17, 20—21.

[145] *Дана ми есть всяка власть... Аминь.* — Мф. 28, 18—20.

[146] *Шедъше въ весь миръ... възъглаголють новы.* — Мр. 16, 15—17.

[147] *Горе вамъ, кънигъчия... не оставляете внити.* — Мф. 23, 13.

[148] *Горе вамъ... внити възбранисте.* — Лк. 11, 52.

[149] *Хошю, да вси языкы глаголете... нъ миру.* — 1 Кор. 14, 3—33, 37.

[150] *Аще кто не разумѣеть — да учится.* — Ср. Прит. 8, 5. Перед нами явная редакторская правка текста: слова «А кто не разумеет, пусть не разумеет» (1 Кор. 14, 38), содержащиеся в некоторых списках, часто или пропускаются или заменяются как явно не отвечающие идее отрывка в целом.

[151] *Тѣм же, братье... да бываютъ.* — 1 Кор. 14, 39—40.

[152] *Всякъ исповѣсть... Богу Отцю.* — Фил. 2, 11.

[153] *...римьскыи папежь...* — римский папа Николай I (858—867).

[154] *Апостоликъ* — апостолический, преемник апостолов, употреблялся наряду с термином «папа римский». Однако эти термины имели разное значение: «папа» употреблялся для обозначения римских пап вообще, в том числе и умерших к моменту действия, а «апостолик» обозначал лишь папу, обладающего властью в момент действия.

[155] *Адриан II* — римский папа (867—872); Николай I, вызвавший братьев в Рим, скончался 13 ноября 867 г., а встретил их Адриан, вступивший на престол 14 декабря того же года.

[156] *...церкви святыя Мария...Фатанъ...* — Перевод греческого слова «фатан» — ясли. Такое название позволяет отождествить упоминаемый храм с известной римской церковью святой Марии «ad praesepe», ныне — церковь Санта Мариа Маджиоре.

[157] *Формоза* — епископ Порто, один из главных знатоков восточной политики в папской курии, с 866 г. папский легат в Болгарии.

[158] *Гаудерих* — епископ Веллетри, влиятельный советник римских пап.

[159] *...въ церкви святаго Петра...* — знаменитый собор св. Петра, главный храм католической церкви, где по преданию похоронены останки апостола.

[160] *Петрунилы.* — Церковь Петрониллы — небольшая ротонда возле собора св. Петра, существовала еще в начале XVI в.

[161] *...въ церкви святаго Андрѣя...* — Имеется в виду церковь св. Андрея, построенная папой Григорием Великим, ныне известна как церковь Сан Грегорио ад Челио.

[162] *...у великаго учителя... в церкы...* — Имеется в виду церковь Сан Паоло Фуори ле Мура.

[163] *...Арсѣния епископа... епискупъ...* — Арсений, епископ Орто, член постоянного совета при папе из семи епископов наиболее близких к Риму диоцезий.

[164] *Настас* — Анастасий, племянник Арсения, глава папского архива и канцелярии, знаток греческого языка, переводчик.

[165] *Нѣсть уже... есть родити.* — Имеются в виду ветхозаветные пророчества: Дан. 12, 11 — 13; Ис. 7, 14.

[166] *О рекшихъ къ мнѣ ... обрадовася.* — Ср. Пс. 121, 1.

[167] *Кирилъ.* — По традиции, постригающийся в монашество принимал другое имя, начинающееся с той же буквы. Имя Кирилл Константин принял, вероятно, в честь Кирилла Александрийского, греческого теолога V в.

[168] *...50 дьнии.* — Цифра, возможно, символическая, соответствует 50 дням, которые прошли от Воскресения Христа до Сошествия Святого Духа на апостолов.

[169] *...покрывая кровомъ крилу твоею...* — Ср. Пс. 60, 5.

[170] *Благословенъ Богъ нашь... избави ны... — Ср.* Пс. 123, 6—7.

[171] *...въ 14 дьнь... 7 лѣт.* — См. выше.

[172] *...въ свои манастырь...* — Имеется в виду монастырь Полихрон на Олимпе Вифинском.

[173] *...церкви святаго Климента...* — Позднеантичная базилика, сохраниласьдо наших дней как подземная часть более поздней постройки под тем же названием.

[174] *Написавъ же... и нощь... — С* этим сообщением в течение длительного времени связывали открытую в XIX в. фреску IX в. в церкви св. Климента с изображением Христа на троне в окружении двух архангелов и святых Климента и Андрея, которые представляют Христу двух коленопреклоненных духовных. В настоящее время историки искусства не разделяют мнения, что на фреске изображены Кирилл и Мефодий, и рассматривают ее как типичную патрональную композицию, выполкенную по заказу двух неизвестных высокопоставленных лиц духовного звания.

ПЕРЕВОД

ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО УЧИТЕЛЯ НАШЕГО КОНСТАНТИНА ФИЛОСОФА, ПЕРВОГО НАСТАВНИКА СЛАВЯНСКОГО НАРОДА

Господи, благослови, Отче.

Щедрый и милостивый Бог, желая, чтобы покаялись люди и дабы все были спасены и пришли к пониманию истины, ибо не хочет смерти грешников, но <их> покаяния и жизни, даже и тех, кто особенно склонен ко злу, и не позволяет роду человеческому отпасть <от Бога> в озлоблении и прийти в дьявольский соблазн и погибнуть. И во все годы и времена не перестает творить нам много благодеяний, как от начала, так и доныне. Сначала через патриархов и святых отцов, после них через пророков, затем через апостолов и мучеников, и праведных мужей, и учителей, избирая их в многосуетной сей жизни. Ибо Господь знает своих, тех, кто <предан> ему, как он и сказал: «Овцы мои слушаются голоса моего, и я знаю их и призываю их по именам, и они идут за мною, и я даю им жизнь вечную».

Что и сотворил <он> в наше время, поставил нам такого учителя, который просветил наш народ, омрачивший слабостью ум свой, а больше же дьявольским искушением, не хотевший ходить в свете Божиих заповедей. Житие же его являет, <пусть> и вкратце рассказанное, как это было, дабы тот, кто, услышав это, захочет уподобиться ему, был бодр, отметая леность. И как сказал апостол: «Будьте подражателями мне, как я — Христу».

В граде Солуни жил некий человек, хорошего рода и богатый, по имени Лев, имевший сан друнгария в подчинении у стратига. И был он благоверен и праведен, исполняя все Божии заповеди, как некогда Иов. Живя со своей женой, породили семь отроков, из них младший, седьмой, был Константин Философ, наставник и учитель наш. Когда родила его мать, то отдала его кормилице, чтобы вскормила его. Ребенок же никак не хотел принимать чужую грудь, а только материнскую до тех пор, пока не был вскормлен. Было же это по Божиему усмотрению, чтобы добрый побег доброго корня неоскверненным молоком вскормлен был.

Потом же добродетельные родители решили воздерживаться от плотского общения. Так и жили по заповеди Божией четырнадцать лет как брат и сестра, пока не разлучила их смерть, никогда не нарушив своего решения. Когда же отец собрался отойти на Суд, плакала мать отрока, говоря: «Не забочусь ни о чем, только о ребенке одном этом, как он будет устроен». Он же отвечал ей: «Верь мне, жена. Надеюсь на Бога, что даст ему Бог отца и устроителя такого, который благоустроит всех христиан». Что и сбылось.

Когда отроку было семь лет, увидел он сон и поведал отцу и матери. И сказал: «Собрал стратиг всех девиц нашего города и обратился ко мне: “Выбери себе из них ту, которую хочешь иметь женой на помощь себе и супружество”. Я же, взглянув и рассмотрев всех, увидел одну прекраснее всех: сверкающую лицом и украшенную золотыми ожерельями и жемчугом и всеми украшениями. Имя же ее было София, то есть мудрость. Ее избрал». И услышав его слова, сказали ему родители: «Сын, храни заповедь отца твоего и не отвергай наставления матери твоей. Ибо заповедь — светильник закону и свет. Скажи мудрости: “Ты сестра моя” и разум назови родным твоим. Сияет мудрость сильнее солнца, и если ты возьмешь ее супругой — от многих зол избавишься с ее помощью».

Когда же отдали его в книжное учение, преуспел он в книгах больше всех учеников из-за хорошей памяти так, что все удивлялись. И в один из дней, когда по обычаю дети богатых забавлялись охотой, вышел с ними в поле, взяв своего ястреба. И когда он пустил его, поднялся ветер по Божиему предначертанию и унес его. Отрок же с этого времени, впав в печаль и уныние, два дня хлеба не ел. Милостивый Бог по своему человеколюбию, не разрешая ему привыкать к житейским делам, умело уловил его — как в древности поймал Плакиду на охоте оленем, так и его ястребом. Поразмыслив о удовольствиях жизни сей, каялся он, говоря: «Что это за жизнь, если на место радости приходит печаль? С сегодняшнего дня направлюсь по другому пути, который лучше этого. А в хлопотах этой жизни дней своих не окончу». И взялся за учение, сидя в доме своем, уча наизусть книги святого Григория Богослова. И крест начертал на стене, и похвалу такую написал святому Григорию: «О Григорий, телом человек, а душою ангел! Ты плотью человек, ангелам уподобился. Уста твои, как одного из серафимов, Бога прославляют и вселенную просвещают учением истинной веры. И меня, припадающего к тебе с любовью и верой, прими и будь мне просветитель и учитель». И так восхвалял Бога.

Когда же обратился он ко многим словам и великим мыслям <Григория>, то не в силах постичь глубины, впал в великую скорбь. Был же здесь некто пришелец, знающий грамматику. И прийдя к нему, умолял и падал в ноги, предавая себя <его воле>, говоря: «О человек,

сотвори добро, научи меня грамматическому искусству». Тот же, скрыв свой талант, закопав, отвечал ему: «Отрок, не трудись. Зарекся я совершенно никого не учить этому до конца дней своих». Отрок же опять, со слезами кланяясь ему, говорил: «Возьми всю причитающуюся мне долю отцовского наследства, но научи меня». Но тот не хотел слушать его. Тогда отрок, вернувшись домой, молился, чтобы исполнилось желание сердца его.

И вскоре Бог сотворил волю боящихся его. О красоте, мудрости и прилежном учении его, соединившихся в нем, услышал царский управитель, что именуется логофет, послал за ним, чтобы учился с царем. Отрок же, услышав это, с радостью отправился в путь и на пути поклонился Богу, начал молиться, говоря: «Боже отцов наших и Господь милости, который словом сотворил все и премудростью своей создал человека, чтобы он владел всеми созданными тобою тварями. Дай мне премудрость, обитающую рядом с твоим престолом, чтобы, поняв, что угодно тебе, я спасся. Я раб твой и сын рабыни твоей». И потом произнеся до конца всю молитву Соломона, встал, сказав: «Аминь».

Когда же пришел в Царьград, отдали его учителям, чтобы учился. И в три месяца выучился грамматике и за другие науки принялся. Обучился же Гомеру и геометрии, и у Льва и у Фотия диалектике и всем философским наукам вдобавок: и риторике, и арифметике, и астрономии, и музыке, и всем прочим эллинским искусствам. Так научился всему, как кто-нибудь мог бы научиться одному <лишь> из них. Соединились в нем быстрота с прилежанием, помогая друг другу: с ними постигаются науки и искусства. Больше, чем <способность> к наукам, являл он образец скромности: с теми беседовал, с кем полезнее, избегая уклоняющихся с истинного пути на ложный, и помышлял, как бы, сменив земное на небесное, вырваться из плоти и с Богом пребывать.

Увидев же, каков он есть, дал ему логофет власть над своим домом и в царскую палату смело входить. И спросил его однажды, сказав: «Философ, хотел бы я знать, что такое философия». Он же быстрым <своим> умом тотчас ответил: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к Богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его». После этого еще больше полюбил его и постоянно обо всем спрашивал этот великий и почтенный муж. Он же ему преподал науку философскую, в малых словах изложив большую мудрость.

Пребывая в чистоте, весьма угождал Богу, и оттого еще больше любим был всеми. И логофет, воздавая ему благоговейные почести, давал много золота, он же не принимал. Однажды сказал ему <логофет>: «Твоя красота и мудрость заставляют меня безгранично тебя любить, а у меня есть дочь духовная, которую я восприял от купели, красивая и богатая, и рода хорошего и знатного. Если хочешь, отдам тебе ее в жены. И от царя большую почесть и княжение примешь. И надейся на большее — вскоре и стратигом станешь». Отвечал ему Философ: «Дар богатый пусть будет тем, кто его требует. А для меня нет ничего лучше учения, которым, мудрость снискав, хочу искать прадедовой почести и богатства». Выслушав ответ его, пошел логофет к царице и сказал·. «Этот юный философ не любит жизни сей, и чтобы не отпустить его от нас, посвятим его в священники и дадим ему службу. Пусть будет чтецом у патриарха в святой Софии. Может быть, так и удержим». Так с ним и поступили.

Очень же немного с ними побыв, пошел он к Узкому морю и тайно скрылся в монастыре. И искали его шесть месяцев и с трудом нашли, но не могли принудить вернуться на ту службу. Но упросили его принять место учителя и учить философии местных жителей и пришельцев, с соответствующей должностью и оплатой. И за это он взялся.

<Тогда> же патриарх Анний ересь воздвиг, говоря, чтобы не воздавали почестей святым иконам. И собрав собор, обличили его, что неправду говорит, и прогнали с престола. Он же сказал: «Силою прогнали меня, а не победив в споре. Ибо не может никто противиться моим словам». Царь с патрикиями, приготовив Философа, послали к нему, сказав так: «Если сможешь этого юношу победить в споре, то вновь получишь свой престол». Он же, увидев, как юн Философ, и не ведая, что стар ум его, и сказал тем, кто был послан с ним: «Вы недостойны и подножия моего, как же я буду спорить с вами?» Философ же ответил ему: «Не людского придерживайся обычая, но Божиих заповедей. Посмотри, как ты из земли, а душа Богом создана, так и мы все. И на землю глядя, не гордись, человек, умением спорить». Вновь отвечал Анний: «Не подобает ни осенью цветов искать, ни старца на войну гнать как юношу некоего». Философ же отвечал ему: «Сам на себя навлекаешь обвинение. Скажи, в каком возрасте дух сильнее тела?» И ответил он: «В старости». Философ же спросил: «На какую битву тебя гоним: на телесную или на духовную?» Сказал тот: «На духовную». Философ же отвечал: «<Тогда> ты сейчас сильнее будешь, потому не говори нам таких притч. Ибо не ищем ни цветов не вовремя, ни на войну тебя не гоним». Посрамившись же так, старец повернул разговор в другую сторону и сказал: «Скажи мне, юноша, почему кресту, если он поврежден, не поклоняемся и не целуем его. А вы, <и> если изображение только по грудь, не стыдитесь честь ему как иконе воздавать?» Философ же ответил: «Крест имеет четыре части. И если одна из них пропадет, то он уже своего образа не сохраняет. А икона только ликом и являет образ и подобие того, кто на ней написан. Не

львиный ведь образ, не рысий видит тот, кто на нее смотрит, а первообраз». И опять сказал старец: «Как вы поклоняетесь кресту и без надписи, хотя были и другие кресты, иконе же, если не имеет она надписи, чей это образ, не творите почести?» Философ же отвечал: «Всякий крест подобен Христову кресту. А иконы не имеют все одного облика». Старец же сказал: «Бог сказал Моисею: “Не сотвори всякого подобия”. Как же вы, сотворяя, поклоняетесь им?» Философ на это отвечал: «Если бы ты сказал: “Не сотвори никакого подобия”, — то верно вел бы спор. Но ты сказал: не <сотвори> “всякого”, то есть <и> “достойного”». На это ничего не смог ответить старец и, посрамленный, умолк.

Чтение второе

После этого агаряне, называемые сарацинами, возвели хулу на божественное единство Святой Троицы, говоря: «Как вы, христиане, думая, что Бог един, разделяете его опять на три части, говоря, что есть Отец и Сын и Святой Дух? Если можете рассказать точно, пошлите людей, которые бы смогли говорить об этом и переспорить нас». Было же тогда Философу двадцать четыре года. Собрал царь собор, призвал его и сказал ему: «Слышал ли ты, философ, что говорят скверные агаряне о нашей вере? Так как ты Святой Троицы слуга и ученик, то пойди, противься им. И Бог, свершитель всякого дела, в Троице славимый Отец и Сын и Святой Дух, да подаст тебе благодать и силу в словах, и явит тебя как нового Давида на Голиафа с тремя камнями, и победившим возвратит тебя к нам, сподобив небесному царству». Услышав это, отвечал Философ: «С радостью пойду за христианскую веру. Что для меня слаще на этом свете, чем за Святую Троицу и жить и умереть». И приставив к нему асикрета Георгия, послали <их в путь>.

Дойдя же туда, <увидели что> на дверях у всех христиан образы демонские были нарисованы для позора и поругания. И спросили <агаряне> Философа, говоря: «Можешь ли понять, философ, что это значит?» Он же отвечал: «Демонские образы вижу и не сомневаюсь, что здесь внутри живут христиане. Они же не могут жить с ними и бегут вон. А где такого знака нет снаружи, то с теми там внутри».

Сидя на обеде агаряне, люди мудрые и книжные, обученные многим премудростям, и астрономии и прочим наукам, испытывали его, спрашивая и говоря: «Видишь ли, философ, дивное чудо, как пророк Божий Мухаммед принес нам благую весть от Бога и обратил <в свою веру> многих людей. И все мы соблюдаем закон и ни в чем не нарушаем. А вы, держа заповеди Христовы, вашего пророка, один так, а другой по-другому, — как кому угодно, так <им> следуете и

исполняете». На это Философ отвечал: «Бог наш подобен пучине морской. Пророк же о нем говорит: “Род его кто разъяснит? Ибо взимается от земли жизнь его”. И ради этих поисков многие в пучину ту входят. И сильные умом, богатство мудрости его принимая, переплывают и возвращаются. А слабые, как в сгнивших кораблях пытаясь переплыть, одни тонут, а другие с трудом едва могут отдышаться, немощной отдаваясь лени. А ваше <учение> узкое и удобное, и его всякий может перескочить, и малый и большой. Нет <в нем ничего>, кроме людского обычая, но <только то>, что могут делать все, а ничего <другого> вам <пророк ваш> не заповедал. Если он не запретил вам гнев и похоть, а допустил их — то в какую вы будете ввергнуты пропасть? Имеющий смысл да разумеет. Не так Христос <делает>, но снизу тяжкое возводит кверху верою и действием Божиим. Ибо творец всему создал человека между ангелами и животными, речью и разумом отделив его от животных, а гневом и похотью от ангелов. И кто к какой части приближается, той и становится причастен — высшей или низшей». И вновь спросили его: «Как вы, если Бог един, в трех его славите? Скажи, если знаешь. Отца называете и Сын и Дух. Если так говорите, то и жену ему дайте, чтобы от того многие боги расплодились». На это же Философ ответил: «Не говорите такой бесчинной хулы. Мы хорошо научились от <святых> отцов и от пророков и от учителей славить Троицу: Отец, и Слово, и Дух, и три ипостаси в единой сущности. Слово же воплотилось в Деве и родилось ради нашего спасения, как и ваш пророк Мухаммед свидетельствует, написав следующее: “Послали мы дух наш к деве и пожелали, чтобы родила”. Поэтому я извещаю вас о Троице». Пораженные этими словами, они обратились к другому, говоря: «Так и есть, как ты говоришь, гость. Но если Христос — Бог ваш, почему не делаете того, что он велит? Ведь написано в евангельских книгах: “Молитесь за врагов. Делайте добро ненавидящим и гонящим”. Вы же не так <поступаете>, но ответное оружие точите на делающих вам такое». Философ же на это ответил: «Если две заповеди есть в законе, кто совершеннее соблюдает закон: тот, кто одну сохранит, или же обе?» И ответили они, что тот, кто обе. Философ же сказал: «Бог сказал: “Молитесь за обижающих”. Но еще он сказал: “Нет больше той любви в этой жизни, как если кто положит душу свою за друзей своих". Ради друзей мы делаем это, чтобы с пленением тела и душа их пленена не была». И вновь сказали они: «Христос давал дань и за себя и за нас. Как же вы не творите того, что он делал? И уж если вы защищаете себя, то почему вы не даете дани такому великому и сильному народу измаилитскому за братьев ваших и друзей? Ведь мы мало и просим: только один златник. И пока стоит земля, сохраним между собой мир, как никто другой». Философ же ответил: «Если кто ходит по следу учителя и хочет по тому же пути идти, что и он, а другой встретит и совратит его <с пути> — друг ли ему или враг?» Они же ответили: «Враг». Философ же спросил: «Когда Христос дань платил, чья была власть: измаилитская или римская?» И ответили они: «Римская». «Потому не следует нас осуждать, что римлянам все даем дань». После этого и много других вопросов задавали ему, испытывая его во всех искусствах, которые имели сами. И на все им ответил. И когда победил их в споре, то сказали ему: «Как ты все это знаешь?» Философ же ответил: «Некий человек, зачерпнув воды из моря, в бурдюке носил ее.

И гордился, говоря странникам: “Видите ли воду, какой никто, кроме меня, не имеет?” Пришел же один помор и сказал ему: “Не безумен ли ты, похваляясь всего лишь смердящим бурдюком? А у нас ее бездна”. Так и вы поступаете. А все искусства вышли от нас».

После этого, желая удивить его, показали ему несаженный виноградник, некогда проросший из земли. И когда объяснил им, как это бывает, то еще показали ему все богатство: здания, украшенные золотом и серебром, и драгоценными камнями, и жемчугом, говоря: «Посмотри, философ, на чудо дивное: велика сила и богатство амерумны, владыки сарацинского». Отвечал Философ: «Не чудо это, Богу хвала и слава, создавшему все это и давшему людям на утеху. Его это все, а не иного». И озлобившись окончательно, дали ему пить отраву. Но милостивый Бог сказал: «И если что смертоносное выпьете, ничто не повредит вам». Спас и его и здорового возвратил вновь в свою землю.

Немного времени спустя отрекся от мира, уединился и безмолвствовал, себе лишь внимая. И на завтрашний день ничего не оставлял, но все нищим раздавал, возлагая заботу на Бога, который и обо всех печется каждый день.

Однажды в Святой день печалился слуга его, что ничего не имеет для этого праздничного дня. Он же сказал ему: «Накормивший некогда израильтян в пустыне, тот подаст и нам здесь пищу. А ты пойди позови хотя бы пятерых нищих, надеясь на Божию помощь». И когда настал час обеда, тогда принес некий человек много разной еды и десять золотых. И хвалу вознес Богу за все это.

И пойдя в Олимп к Мефодию, брату своему, начал жить <там> и беспрестанно творить молитву к Богу, беседуя лишь с книгами.

Чтение 3

И пришли послы к цесарю от хазар, говоря: «Изначала признаем лишь единого Бога, который есть надо всеми. И тому поклоняемся на восток, но в ином следуем своим постыдным обычаям. Евреи же побуждают нас принять их веру и обычаи, а сарацины, с другой стороны, предлагая мир и дары многие, склоняют нас в свою веру, говоря, что их вера лучше, чем у всех народов. Поэтому посылаем к вам, помня старую

дружбу и храня любовь, ибо вы народ великий и от Бога царство держите. И спрашивая вашего совета, просим у вас человека, сведущего в книгах. Если победит он в споре евреев и сарацин, то к вашей вере обратимся».

Тогда цесарь стал искать Философа, и найдя его, поведал ему слова хазар, говоря: «Иди, философ, к этим людям. Дай им ответ и поучение о Святой Троице с ее помощью, ведь никто другой не сможет достойно сделать это». Он же сказал: «Если велишь, владыка, на такое дело с радостью пойду пешим и босым и без всего того, что не велит Бог ученикам своим носить». Отвечал же цесарь: «Если бы ты хотел от своего имени это делать, то правильно говоришь. Но помня о цесарской власти и чести, с почетом иди с цесарской помощью». И тотчас отправился он в путь. И придя в Корсунь, научился там еврейской речи и книгам, перевел восемь частей грамматики и воспринял их смысл.

Жил же здесь некий самаритянин и, приходя к нему, спорил с ним. И принес книги самаритянские и показал ему. И попросив их у него, Философ затворился в храме и стал молиться. И получив разумение от Бога, начал читать книги без ошибки. Увидев это, вскричал самаритянин громким голосом и сказал: «Поистине те, кто в Христа веруют, быстро приемлют Дух Святой и благодать». Сын же его крестился тогда, а после того и сам он крестился.

И нашел <Философ> здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего той речью. И беседовал с ним и понял смысл языка, соотнося отличия гласных и согласных букв со своим языком. И вознося молитву к Богу, вскоре начал читать и говорить. И многие изумлялись тому, славя Бога.

И слышав, что <мощи> святого Климента еще лежат в море, помолился, сказав: «Верую в Бога и надеюсь на святого Климента, что должен мощи его найти и извлечь из моря». И убедив архиепископа с клиросом и с благочестивыми людьми, взошли в корабли и поплыли к <тому> месту, когда успокоилось море. И придя, начали копать с пением <молитв>. И тогда распространился сильный аромат, как от множества фимиама. И после этого явились святые мощи, и взяли их с великой честью и славой. И все священники и горожане внесли их в город, как и пишет <Философ> в его Обретении.

Хазарский же воевода, придя с воинами, осадил христианский город и начал тяжбу о нем. Узнав же <об этом>, Философ, не ленясь, пошел к

нему. И беседовав с ним, поучительные слова сказал и укротил его. И <воевода> обещал креститься, и ушел, не причинив никакого вреда тем людям. Возвратился и Философ на свой путь. И когда он в первый час творил молитву, напали на него угры, воя как волки, желая убить его. Он же не ужаснулся, ни молитву свою не прервал, но лишь взывал: «Кирие, элейсон», так как уже окончил службу. Они же, увидев это, по велению Божьему укротились и начали кланяться ему. И выслушав поучительные слова из его уст, отпустили его со всеми спутниками.

Сев же на корабль, направил он путь к хазарам, к Меотскому озеру и Каспийским вратам Кавказских гор. И послали хазары навстречу ему человека лукавого и коварного, который, беседуя с ним, сказал ему: «Почему у вас нехороший обычай — вы ставите одного цесаря вместо другого из другого рода? Мы же совершаем это по родству». Философ же отвечал ему: «И Бог вместо Саула, не творившего ничего, <ему> угодного, избрал Давида, угождающего ему, и род его». Он же опять спросил: «Вот вы, держа в руках книги, лишь из них говорите все притчами. Мы же не так <поступаем>, но из груди всю мудрость, как бы поглотив ее, произносим». И сказал Философ ему: «Отвечаю тебе на это. Если встретишь человека нагого, а он скажет тебе, что имеет много одежд и золота, поверишь ли ему, видя его нагим?» И сказал тот: «Нет». «Так и я тебе говорю. Если ты поглотил всю мудрость, то скажи нам, сколько поколений до Моисея и сколько лет длилось каждое из них?» Не смог он на это ответить и замолчал.

И когда он дошел туда, то, собираясь сесть у кагана на обеде, спросили его, говоря: «Какой ты имеешь сан, чтобы посадить тебя по достоинству твоему?» Он же сказал: «Дед у меня был великий и славный, который сидел рядом с цесарем, и по своей воле данную ему славу отверг, изгнан был, и в страну земли иной придя, обнищал. И здесь породил меня. Я же, ища давней чести деда, не сумел обрести иной, ведь я Адамов внук». И ответили ему: «Достойно и правильно говоришь, гость». И после этого еще больше стали почитать его. Каган же взял чашу и сказал: «Пьем во имя Бога единого, сотворившего все», Философ же взял чашу и сказал: «Пью во славу единого Бога и Слова его, которым утверждены небеса, и животворящего Духа, в котором вся сила их состоит». И отвечал ему каган: «Все одинаково говорим. Одно только различно соблюдаем: вы Троицу славите, а мы единого Бога, постигнув <смысл> книг». Философ же сказал: «Слово и дух книги проповедуют. Если кто тебе честь воздает, а слову твоему и духу чести не воздает; другой же воздает всем трем — который из двух почтительнее?» Он же сказал: «Тот, который почитает все три». Философ же отвечал: «Поэтому и мы больше <чем вы> добровольно почитаем <Бога>, приводя свидетельства и пророков слушая. Ибо Исайя сказал: “Послушай меня, Иаков Израиль, призванный мой: я есть первый, я последний”. И ныне Господь и Дух его послали меня». Иудеи же, стоя около него, сказали ему: «Скажи, как может женщина вместить Бога в чрево, на которого никто не может взглянуть, а не то

что родить его?» Философ же указал перстом на кагана и на первого советника и сказал: «Если кто-нибудь скажет, что первый советник не может <достойно> принять кагана, и потом скажет, что последний раб его может принять кагана и честь ему оказать — как его назовем, скажите мне, безумным или неразумным?» Они же сказали: «И крайне безумным». Философ же сказал им: «Что достойнее всего из видимых созданий?» И ответили ему: «Человек, сотворенный по образу Божию». И вновь сказал им Философ: «Как же тогда не безумцы те, кто говорят, что не может вместиться Бог в человека? А он вместил себя и в купину, и в облако, и в бурю, и в дым, являясь Моисею и Иову. Как можно, если болеет один, исцелять другого? Ведь если род человеческий пришел к погибели, от кого может он вновь получить обновление, как не от самого Творца? Отвечайте мне, разве врач, желая наложить пластырь больному, приложит его к дереву или к камню? И выздоровеет ли человек от этого? И как Моисей говорил, <исполненный> Духа Святого в своей молитве, воздев руки: “В горе каменной и в гласе трубном не являйся нам, Господи щедрый, но вселившись в нашу утробу, возьми наши грехи”. Акилла так говорит». И так разошлись с обеда, назначив день, в который будут беседовать обо всем этом.

Сел же вновь Философ с каганом и сказал: «Я — один человек среди вас без родственников и друзей. И все мы рассуждаем о Боге, в руках которого все сердца наши. От вас же те, кто сильнее в словах. Когда мы будем беседовать, то, что они поймут — пусть скажут, что это так, а то, чего не поймут — пусть спросят, — скажем им». Отвечали же иудеи и сказали: «И мы следуем в книгах и слову и духу. Скажи же нам, какой закон Бог сначала дал людям: Моисеев или тот, которому вы следуете?» Философ же сказал: «Потому ли вы спрашиваете, что первому закону следуете?» Отвечали они: «Да. Первый и подобает». И сказал Философ: «Но если вы хотите следовать первому закону, то должны совершенно отказаться от обрезания». И сказали они: «Чего ради так говоришь?» Философ же сказал: «Скажите мне, не скрывая, в обрезании ли заключен первый закон или в необрезании?» Отвечали они: «Думаем, что в обрезании». Философ же сказал: «Не Ною ли Бог дал закон впервые после заповеди <при> отвержении Адама, заветом называя закон? Ведь сказал же ему Бог: “Вот я поставлю завет мой с тобой и с потомками твоими и со всею землею. Три заповеди соблюдайте: ешьте всю зелень травную и то, что в небе, и то, что на земле, и то, что в водах, только мяса с кровью, с душою его не ешьте. И кто прольет человеческую кровь, прольет и свою кровь за нее”. Что скажете против этого, говоря, что первый закон <надо> соблюдать?» Иудеи же ответили ему: «Придерживаемся первого закона Моисеева. А тот не назвал Бог законом, но заветом, как и первую заповедь человеку в Раю. И <заповедь> Аврааму <названа> иначе: обрезание, а не закон. Ведь закон есть одно, завет же другое. По-разному ведь Творец назвал оба». Философ же отвечал им: «Об этом я скажу так, что закон называется и заветом. Ибо сказал Господь Аврааму: “Даю закон мой на теле вашем, — который и знамением назвал, — который будет между мной и тобой”. И также к Иеремии вновь воззвал: “Слушай слова завета сего и скажи мужам Иуды и жителям Иерусалима. И скажи им: Так говорит Господь

Бог Израилев: проклят человек, который не послушает слов завета сего, который я заповедал отцам вашим, когда вывел их из земли Египетской”». Отвечали иудеи на это: «Так и мы считаем, что закон называется и заветом. Все, кто соблюдал их и закон Моисеев, все Богу угодили. И мы придерживаемся его и тоже надеемся <угодить Богу>. А вы, создав другой закон, попираете закон Божий». Философ же сказал им: «Правильно поступаем. Если бы Авраам не сделал обрезание, а соблюдал Ноев закон, то не был бы назван другом Божиим; ни Моисей, .после того как написал закон вновь, первого не соблюдал. Так и мы их примеру следуем и, приняв закон от Бога, соблюдаем его, чтобы Божья заповедь сохранялась твердо. Ведь дав Ною закон, Бог не сказал ему, что потом другой даст, но что этот будет пребывать во веки во <всякой> живой душе. И так же дав обет Аврааму, не возвестил ему, что другой даст Моисею. Так как же вы соблюдаете закон? И Бог <устами> Иезекииля возглашает: “Один уничтожу <закон> и другой вам дам”. И Иеремия говорит: “Вот наступают дни, говорит Господь, когда я заключу с домом Иуды и с домом Израиля новый завет. Не такой завет, какой я заключил с отцами вашими, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской, тот завет мой они нарушили. И я возненавидел их. Но вот завет мой, который я заключу с домом Израилевым после тех дней, сказал Господь: вложу законы мои в помышления их и на сердцах их напишу их, и буду им Богом, а они будут моим народом”. И еще тот же Иеремия сказал: “Так говорит Господь Вседержитель: остановитесь на путях и рассмотрите, и расспросите о путях Господних правых и вечных, и увидите, какой путь истинный, и идите по нему, и найдете очищение душам вашим”. И сказали: не пойдем. И поставил я стражей над вами, <сказав>: слушайте звука трубы. И сказали: не послушаем. Поэтому услышат народы, пасущие стада в них. И тогда слушай земля: вот, я наведу на народ сей пагубу, плод отвращения их, ибо они словам пророков моих не вняли и закон отвергли». И не только этими одними <примерами> покажу, что закон изменяется, но и другими явными доводами от пророков». Отвечали ему иудеи: «Всякий иудей знает воистину, что будет так. Но не пришло еще время для Мессии». Философ же сказал им: «Что себе представляете, видя, что и Иерусалим разрушен, жертвоприношения прекратились, и все сбылось, что прорекли пророки о вас? Ведь Малахия открыто восклицает: “Нет моей воли в вас, говорит Господь Вседержитель, и жертвы из рук ваших не приемлю. Ибо от востока солнца и до запада имя мое славится народами, и на всяком месте приносится фимиам имени моему, жертва чистая, потому что велико имя мое между народами, говорит Господь Вседержитель”». Они же отвечали: «Правильно говоришь. Все народы хотят быть благословленными от нас и обрезанными в городе Иерусалиме». Сказал же Философ: «Так говорит Моисей: “Если вы будете соблюдать закон, будут земли ваши от моря Чермного до моря Филистимского и от пустыни до реки Ефрата”. А мы, <иные> народы, от того благословимся из семени Авраамова, <кто> от корня Иессеева вышел и назван надеждою народов, и светом всей земли и всех островов, и славою Божиею просвещены не по тому закону, и не в том месте. Пророки громко возглашают. Ведь сказал Захария: “Ликуй, дочь Сиона! Се цесарь твой грядет кроткий, сидящий на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истребит оружие Ефрема и коней в Иерусалиме,

возвестит мир народам, и владычество его будет от края земли до конца вселенной”. Иаков же сказал: “Не прекратится князь от <рода> Иуды, ки игумен от чресл его до тех пор, пока не придет тот, кому предназначено”, — и он надежда народов. Все это видя оконченным и свершившимся, кого другого ждете? Ведь сказал Даниил, наставленный ангелом: “Семьдесят недель до Христа игумена, что составляет четыреста девяносто лет, <на которые> запретятся видения и пророчества”. Чье вы думаете железное царство, которое Даниил представляет в видении?» Отвечали они: «Римское». Философ же спросил их: «Камень, оторвавшийся от горы без рук человеческих, кто есть?» Отвечали они: «Мессия». И вновь они сказали: «Но если тот, о котором говорят пророки и другие доводы, уже пришел, как ты говоришь, то как же римское царство властвует до сих пор?» Отвечал Философ: «Не властвует уже, миновало оно, как и другие <царства>, явленные в видении. Наше же царство не римское, а Христово. Как сказал пророк: “Воздвигнет Бог небесный царство, которое в веки не разрушится, и владычество его не достанется другому народу, оно сокрушит и разрушит все царства, а само будет стоять вечно”. Не христианское ли царство ныне именем Христа называется, а <ведь> римляне поклонялись идолам. Эти же один от одного, а другой от другого народа и племени царствуют во имя Христа, как пророк Исайя, свидетельствуя, говорил вам: “И оставьте имя ваше избранным моим в насыщение; и убьет вас Господь, а рабов своих назовет именем новым, которое благословенно будет по всей земле, ибо благословят Бога истинного, и кто будет клясться на земле — будет клясться Богом небесным”. Не сбылось ли все пророческое предсказание? Уже сбылось сказанное о Христе. Ибо Исайя извещает о рождении его от девы, говоря так: “Вот, дева во чреве приимет, и родит сына, и нарекут имя ему Еммануил, что значит: с нами Бог”. А Михей говорит: “И ты, Вифлеем, земля Иудина, ничем не меньше воеводств Иудиных, ибо из тебя произойдет вождь, который упасет народ мой Израиля и которого происхождение от начала, от дней вечных. Посему он оставит их до времени, доколе рождающая его не родит”. Иеремия же: “Спросите и рассудите, рождает ли мужчина? Велик тот день, не было подобного ему; это тяжкое время для Иакова, но он будет спасен от него”. А Исайя сказал: “Еще не мучилась родами, прежде нежели наступили боли ее, избавилась от боли и родила сына”». И вновь сказали иудеи: «Мы от Сима благословенное потомство, благословлены отцом нашим Ноем, вы же нет». И ответил им на это, сказав: «Благословение отца вашего не что иное, как только хвала Богу, ведь ничего вам от этого не будет. Ведь это <слова>: “Благословен Господь Бог Симов”, а Иафету, от которого мы произошли, сказано: “Да распространит Бог Иафета, и да вселится он в селениях Симовых”». И приводя <доказательства> из пророческих и других книг, не отпустил их, пока они сами не сказали: <<Так и есть, как ты говоришь». И вновь сказали они: «Как вы, уповая на смертного человека, думаете быть благословенными, если Писание проклинает такого?» Отвечал Философ: «Тогда проклят ли Давид или же благословен?» И ответили они: «Даже много благословен». Философ же сказал: «И мы так же на того уповаем, на кого и он. Ибо сказал он в псалмах: “Человек мира моего, на него же я уповал”. И этот человек есть Христос Бог. А того, кто уповает на обычного человека, и мы проклинаем».

И вновь иной пример предложили ему, говоря: «Почему вы, христиане, отвергаете обрезание, а Христос не отверг его, но по закону совершил?» Отвечал Философ: «Так как было сказано вначале Аврааму: “Вот знамение между мною и тобою”, — то и завершить его пришел. И от <Авраама> соблюдали <завет> до <Христа>. А далее <Бог> не дал ему продлиться, но крещение нам заповедал». И сказали они: «Тогда почему другие, бывшие раньше и угодившие Богу, не по-лучили этого знамения, но лишь Авраамово?» Отвечал Философ: «Никто из них не имел двух жен, но только Авраам. И потому обрезана была ему крайняя плоть, чтобы, установив предел, не преступать его, но, первым браком Адама дав пример, остальным следовать ему. И с Иаковом поступил так же: повредил жилу бедра его, так как он имел четырех жен. Когда же <Иаков> понял причину, по которой совершено с ним это, нарек <Бог> имя ему Израиль, то есть “умом видящий Бога”. И после этого не говорилось, что он прикоснулся к женщине. Авраам же этого не понял». И вновь вопросили иудеи: «Как вы, поклоняясь идолам, полагаете угодить Богу?» Отвечал Философ: «Сначала научитесь различать понятия, что есть икона, а что идол. И узрев зто, не нападайте на христиан. Ибо десять имен существует в вашем языке для такого изображения. Спрошу же вас и я. <Не> образ ли скиния, которую видел на горе Моисей и вынес ее, или не изображение ли образа сотворил он художеством, образ по этому подобию, замечательный <мастерством> резьбы и кожевенным и шерстоткацким, и <изваяниями> херувимов. И если он создал такое, то скажем ли, что вы дереву, и кожам, и тканям воздаете почести и поклоняетесь, а не Богу, давшему <вам> в то время такой образ? То же <можно сказать> и о храме Соломоновом, поскольку в нем были подобия херувимов и ангелов и много иных изображений. Так и мы, христиане, создаем подобие угодивших Богу и воздаем им честь, отделяя доброе от изображений демонов. Ведь Писание порицает приносящих в жертву сыновей своих и дочерей своих и возвещает о гневе Божием, <но> также восхваляет других, жертвующих сыновей своих и дочерей». И вновь сказали иудеи: «Разве вы, поедая свинину и зайчатину, не противитесь Богу?» И ответил им: «Первый завет заповедал все есть как травную зелень: для чистых все чисто; а оскверненным и совесть осквернена. Ведь и Бог о создании <своем> говорит: “Вот, все хорошо весьма”, <но> из-за вашей алчности нечто малое из них изъял. “И питался, — говорит, — Иаков и насытился и оставил возлюбленного <Бога>”. И еще: “Сел народ есть и пить и встал играть”».

От многого мы, сократив это, немногое написали здесь для памяти. А тот, кто хочет полных и святых этих бесед искать в его книгах, найдет их в переложении учителя нашего Мефодия, разделившего их на восемь слов. И увидит там силу слова от Божией благодати, как огонь, пылающий на противннков.

Хазарский же каган с мужами начальствующими, выслушав все эти хорошие и достойные слова, сказал ему: «Богом ты послан сюда для назидания нам и все Писание с его помощью знаешь. Все ты рассказал должным образом, досыта усладив нас медовой сладостью словес святых книг. Но мы люди некнижные, верим тому, что так установлено от Бога. Но если хочешь еще более успокоить души наши, то, изложив все примерами, расскажи нам, как должно о том, что мы у тебя спрашиваем». И так разошлись почивать.

Собравшись на другой день, сказали ему так: «Укажи нам, честный муж, на примерах и с рассуждением веру, которая лучше всех». И отвечал им Философ: «Двое супругов были у некоего царя в великой чести и весьма любимы им. Когда же они согрешили, изгнал их, отослав из своей земли в другую. Прожив там много лет, в нищете породили детей. И собравшись, дети держали совет, каким бы путем вернуться вновь в прежнее достоинство. И один из них говорил так, а другой — иначе, а третий — по-иному. Держали совет, какому решению надо следовать, не лучшему ли?» И сказали они: «Зачем ты говоришь это? Ведь каждый свой совет считает лучше других. Иудеи свой лучшим считают, и сарацины тоже, и вы тоже, а иные — другой. Скажи, который мы должны считать лучшим из них?» И сказал Философ: «Золото и серебро испытываются огнем, а человек разумом отсекает ложь от истины. Скажите мне, отчего случилось первое грехопадение, не от зрения ли и сладкого плода, и желания быть божеством?» Они же сказали: «Так и есть». Философ же сказал: «Если кто заболеет, поев меда или выпив холодной воды, и придет врач и скажет ему: “И еще много меда съев, исцелишься”; а тому, кто пил воду, скажет: “Холодной воды напившись, нагим на морозе постояв, исцелишься”. Другой же врач не так укажет, но назначит противоположное: вместо меда горькое пить и поститься, а вместо холодного теплое, греясь. Кто же из двоих искуснее лечит?» Отвечали все: «Кто назначает противоположное лечение. Ибо горестью этой жизни следует умертвить сладость похоти, а гордость смирением, излечивая противоположное противоположным. И мы говорим, что дерево, которое сначала произрастит шипы, затем принесет сладкий плод». И снова отвечал Философ: «Хорошо сказали. Ведь Христов закон являет всем суровость жизни, угодной Богу, потом же в вечных жилищах стократно приносит плод».

Один же из тех собравшихся, хорошо сведущий во всем сарацинском лукавстве, спросил Философа: «Скажи мне, гость, почему вы не признаете Магомета? Ведь он много восхвалял Христа в своих книгах, говоря, что от девы родился, сестры Моисея, великий пророк: мертвых воскрешал и любую болезнь исцелял силой своей великой». Отвечал Философ ему: «Пусть рассудит нас каган. И скажи, если Магомет пророк, то как поверим Даниилу? Ведь тот сказал: “Перед Христом все видения и пророчества прекратятся”. Этот же, после Христа явившись, как может пророком быть? Если его пророком назовем, то Даниила

отвергнем». И сказали многие из них: «То, что сказал Даниил, говорил по божественному вдохновению, а о Магомете все мы знаем, что он обманщик и губитель всеобщего спасения, который свою сильнейшую ересь сочинил для зла и постыдных деяний». И сказал первый советник старейшинам иудеев: «С Божьей помощью гость всю гордыню сарацинскую поверг на землю, а вашу на ту сторону отбросил как скверну». И сказали всем людям: «Как дал Бог власть над всеми народами и мудрость совершенную цесарю христианскому, так же и веру для них. И без нее никто не может вечной жизнью жить. Богу же слава в веках». И сказали все: «Аминь».

И сказал Философ всем со слезами: «Братья и отцы, и друзья, и чада! Это Бог дает все понимание и достойный ответ. Если же есть еще кто-нибудь, противящийся, пусть придет и победит в споре или побежден будет. Кто согласен с этим, да крестится во имя Святой Троицы. Если же кто не хочет, то нет никакого моего греха, а он свой увидит в день судный, когда сядет Ветхий Днями судить все народы». Отвечали они: «Не враги мы себе. Но постепенно, тем, кто может, так повелеваем: пусть крестится по желанию, если хочет, начиная с этого дня. А тот из вас, кто молится на запад или совершает моление, как евреи, или сарацинской веры придерживается — скоро смерть примут от нас». И так разошлись с радостью.

И крестилось от них до 200 человек, отвергнув языческие мерзости и беззаконные браки. И написал к цесарю каган такое письмо: «Послал ты, владыка, такого человека, который объяснил нам христианскую веру, в словах и деяниях Святую Троицу. И поняли мы, что это истинная вера, и повелели креститься посвоему желанию. Надеемся, что и мы придем к тому же. Мы же все твои друзья и сторонники твоего царства и готовы служить тебе, где захочешь».

Провожая же Философа, начал каган многие дары давать ему. И не принял их, сказав: «Отдай мне пленных греков, сколько здесь имеешь. Это для меня дороже всех даров». И собрали их до двух десятков и отдали ему. И пошел он, радуясь, путем своим.

Но дойдя до пустых безводных мест, не могли терпеть жажды. Найдя же в солончаке немного воды, не смогли пить ее, ибо была она как желчь. А когда все разошлись искать воду, сказал Философ Мефодию, брату своему: «Не могу больше снести жажды, зачерпни этой воды. Тот, кто прежде превратил для израильтян горькую воду в сладкую, и нам может сотворить утешение». И зачерпнув, обнаружилн, что она сладка, как медвяная, и холодна. Напившись же, прославили Бога, совершающего такое для своих рабов.

И ужиная в Корсуни с архиепископом, обратился к нему Философ: «Помолись за меня, отче, как сделал бы это для меня отец мой». Когда же кто-то спросил наедине, зачем он это сделал, отвечал Философ: «Воистину отойдет он от нас утром к Господу, оставив нас». Так и случилось, сбылись его слова.

В<земле>же фульского народа был большой дуб, сросшийся с черешней, под которым совершали жертвоприношения, называя <его> именем Александр. Женщинам не разрешали ни подходить к нему, ни участвовать в жертвоприношениях. Услыхав же это, Философ не ленился, потрудиться дойти до них. Встав посреди них, сказал им: «Эллины отошли в вечную муку за то, что почитали как бога небо и землю, такие великие и славные создания. Так и вы, поклоняясь дереву, ничтожной вещи, уготованной огню, как можете избегнуть вечного огня?» Отвечали они: «Мы не начали это делать в наши дни, а унаследовали от отцов своих. И за это получаем все по просьбам нашим: главное же бывает сильный дождь. Как же мы совершим то, чего никто из нас не осмелился сделать. Ведь если кто и осмелится совершить это, тотчас же узрит смерть, а мы не увидим дождя до конца дней». Отвечал им Философ: «Бог о вас говорит в Писании, как же вы от него отрекаетесь? Ибо Исайя от лица Господа восклицает, говоря: “Приду собрать все народы и племена, и они придут и увидят славу мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам: в Тарсис, и Фулу, и Луд, и Мосох, и Фовел, и в Элладу, на дальние острова, которые не слышали моего имени, и они возвестят народам славу мою”. И еще говорит Господь Вседержитель: “Я пошлю рыболовов и охотников многих — и на холмах и каменных скалах поймают вас”. Признайте, братья, Бога, сотворившего вас. Это благовестие нового завета Божия, в который вы крестились».

Так услаждающими слух речами уговорив их, повелел им срубить дерево и сжечь. И поклонился старейшина их, подойдя, поцеловал Евангелие, и все так же. Взяв у Философа белые свечи, с пением пошли к дереву. И взял Философ секиру и тридцать и трижды ударил, и повелел всем рубить под корень и сжечь его. В ту же ночь был дождь от Бога. И с великой радостью восхвалили они Бога. И очень радовался об этом Бог.

Философ же отошел в Царьград. И повидав цесаря, жил в безмолвии, молясь Богу, в церкви Святых Апостолов сидя.

Есть же в Святой Софии чаша из драгоценного камня работы Соломона, и на ней написаны стихи письменами еврейскими и самаритянскими, которых никто не мог ни прочитать, ни объяснить. И взял ее Философ, почитал и сказал: «Вот что это. Первый стих: “Чаша моя, чаша моя, прорицай это: пока звезда <на небе>, для пития будь Господу и первенцу, бодрствующему ночью”. Затем второй стих: “Для вкушения Господа создана из другого древа; пей, упейся радостью и воскликни: Аллилуйя”. И затем третий стих: “И вот князь их, увидит все собрание славу его, и Давид цесарь посреди них”. И потом число написано: девятьсот и девять». Рассчитав же подробно, Философ вычислил, что от двенадцатого года царствования Соломона до царства Христова девятьсот и девять лет. И это — пророчество о Христе.

Чтение 4

И когда Философ радовался о Боге, вновь приспело иное дело и труд не меньше прежних.

Ибо Ростислав, моравский князь, наставляемый Богом, посоветовавшись с князьями и мораванами, послал к цесарю Михаилу сказать: «Люди наши отвергли язычество и последовали христианскому учению, но мы не имеем такого учителя, который бы нам на нашем языке объяснил христианскую веру, чтобы и другие страны, видя это, уподобились нам. Пошли нам, владыка, епископа и учителя такого. Ведь от вас во все страны всегда добрый закон исходит».

Собрал цесарь совет, призвал Константина Философа и дал ему выслушать эти слова. И сказал: «Философ, знаю, что ты утомлен, но подобает тебе идти туда. Ведь этого дела никто другой не может исполнить так, как ты». Отвечал Философ: «И усталый телом и больной с радостью пойду туда, если они имеют письмена для своего языка». Сказал ему цесарь: «Дед мой и отец мой и другие многие пытались найти их, но не нашли. Так как же я могу найти это?» И сказал Философ: «Кто может на воде записать беседу или <захочет> приобрести прозвище еретика?» Отвечал ему вновь цесарь, и с Вардою, дядей своим: «Если ты захочешь, то может Бог дать тебе то, что дает всем, просящим без сомнения, и отворяет всем стучащимся».

Пошел Философ, и по прежнему своему обычаю обратился к молитве <вместе> с другими помощниками. И вскоре явился ему Бог, внимающий молитвам рабов своих. И тогда он составил письмена и

начал писать евангельские слова: «В начале было слово, и слово было у Бога, и Бог был слово» и прочее.

И обрадовался цесарь и прославил со своими советниками Бога. И послал его с множеством даров, написав Ростиславу такое послание: «Бог, который велит всякому человеку прийти к пониманию истины и тем обрести себе большее достоинство, увидев твои веру и стремление, сотворил в наше время то, чего давно не было, только в начальные годы: явил пнсьмена для вашего языка, чтобы и вы были причислены к великим народам, которые славят Бога на своем языке. И так послали к тебе того, кому открыл их Бог — человека достойного и благоверного, весьма сведущего в Писании и философа. Прими же дар лучше и ценнее всякого золота и серебра, и драгоценных камней, и богатства тленного. Постарайся же вместе с ним быстро упрочить дело и всем сердцем взыскать Бога. И не откажись от общего спасения, но сподвигни людей своих не лениться, но встать на истинный путь, чтобы и ты, усердием своим приведя к божественному разумению, получил награду свою за это в сем веке и в будущем за все те души, которые хотят веровать в Христа Бога нашего отныне и до смерти, и память о себе оставил другим поколениям подобно Константину, цесарю великому».

Когда же пришел он в Моравию, Ростислав принял его с великой честью. И собрав учеников, дал их учить. Вскоре же Философ перевел весь чин церковной службы, научил их утрени и часам, обедне и вечерне и павечернице и тайной службе. И открылись, по пророческому слову, уши глухих, чтобы слушать слова Писания, и ясен стал язык косноязычных. Бог же очень радовался этому, а дьявол посрамился.

Когда же стало распространяться учение Божие, изначальный злой завистник дьявол, не желая терпеть этого добра, вошел в свои орудия, начал многих воздвигать <против святого>, говоря им: «Не прославляется Бог этим. Если бы это было ему угодно, разве не мог он сделать так, чтобы <все народы> с самого начала, письменами свои записывая речи, славили Бога? Но лишь три языка избрал он: еврейский, греческий и латинский, которыми подобает воздавать хвалу Богу». Говорили же так латинские и франкские архиереи, иереи и ученики. Схватившись с ними, как Давид с иноплеменнирами, словами Писания победил их, назвал их триязычниками, ибо Пилат так написал в титле Господнем. И не только это одно говорили они, но еще и другому бесчинству учили, говоря, что под землей живут большеголовые люди и что все гады — дьяволовы создания. И если кто убьет змею, то простится ему за это девять грехов. А если кто человека убьет, то три месяца должен пить из деревянной чаши и не прикасаться к стеклянной. И не запрещали ни жертвоприношений приносить по

прежнему обычаю, ни бесчисленных браков. Все это он посек как терновник, спалил словесным огнем, говоря: «Принеси как жертву Богу хвалу и воздай Вышнему обеты и молитвы твои. Жену же юности твоей не отпусти. Если, возненавидев, ее отпустишь, не укроется нечестивая похоть твоя, говорит Господь Вседержитель, берегите дух ваш, и никто из вас да не оставит жены юности своей. И вы то, что я возненавидел, сотворяли, так как был Бог свидетелем между тобой и женой юности твоей, которую ты оставил, что она подруга твоя и законная жена твоя. И в Евангелии Господа слышали: “Как сказано древними: не прелюбодействуй”. А я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. И еще раз говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, тот заставляет ее творить прелюбодейство. И кто женится на разведенной, тот прелюбодействует”. Апостол сказал: “Если Бог сочетал людей, да не разлучатся”».

И сорок месяцев проведя в Моравии, пошел рукоположить учеников своих. Принял же его <по пути> Коцел, князь Паннонский, и сильно полюбил славянскую грамоту и научился ей. Отдал до пятидесяти учеников учиться ей. И воздав ему великие почести, проводил его дальше. И не взял же он ни от Ростислава, ни от Коцела ни золота, ни серебра, ни других вещей, помня евангельские слова, но только испросил у обоих девятьсот пленников и отпустил их.

Чтение 5

Когда он был в Венеции, собрались против него епископы, попы и черноризцы, как вороны на сокола, воздвигли триязычную ересь, говоря: «Человек, скажи нам, как ты создал славянам письмена и обучаешь их? Ведь никто же их раньше не обрел: ни апостолы, ни римский папа, ни Григорий Двоеслов, ни Иероним, ни Августин. Мы же только три языка знаем, которыми подобает славить Бога: еврейский, греческий, латинский». Отвечал им Философ: «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, и солнце тоже не сияет ли всем, и не все ли мы равно дышим воздухом? Так как же вы не стыдитесь, полагая только три языка, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими, скажите мне, Бога почитая немощным, не могущим дать это, или завистливым, не хотящим дать? А мы многие народы знаем, имеющие письмена и воздающие Богу славу каждый на своем языке. Известно, что это: армяне, персы, абхазы, грузины, сугды, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирийцы и многие другие. Если же не хотите этого понять, то по крайней мере из Писания узнайте судию. Ведь Давид восклицает, говоря: “Пойте Господу, вся земля! Пойте и возвеселитесь и воспойте!” И другой раз: “Вся земля да поклонится и поет тебе. Да поют же имени твоему вышнему”. И еще: “Хвалите Господа все народы, прославляйте его все люди. Все дышащее да

хвалит Господа”. И в Евангелии же <Иоанн> говорит: “А тем, которые приняли его, дал власть быть чадами Божиими”. И еще тот же: “Не о них же только молю, но и о верующих в меня по слову их. Да будут все едино, как ты, Отец, во мне, так и я в тебе”. Ведь Матфей говорит: “Дана мне всякая власть на небе и на земле. Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что я заповедал вам. И я с вами во все дни до скончания века. Аминь”. А Марк еще говорит: “Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и крестится, спасется, а неверующий осудится. Уверовавших же будут сопровождать сии знамения: именем моим изгонят бесов, заговорят новым языком”. Скажем это и вам: “Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете царство небесное человекам. Ибо сами не входите и хотящих войти не допускаете”. И еще: “Горе вам, законникам, что вы взяли ключ разумения: сами не вошли и хотящим войти воспрепятствовали”. И Павел говорит коринфянам: “Хочу, чтобы все <вы> говорили на <чужих> языках, но лучше бы прорицали, ведь больше прорицающий говорящего на языках, если только не толкует, чтобы церковь получила назидание. Теперь же, братья, если приду к вам, говоря на языках, какую вам пользу принесу, если вам не изъяснюсь или откровением, или смыслом, или пророчеством, или поучением? Ведь и бездушный звук издавая или свирель или гусли, и если не разделите звуков — как можно понять играемое на свирели или гуслях? Ибо если неопределенный звук труба издает, кто изготовится к бою? Так и вы если <чужим> языком неразумные слова скажете, как можно понять сказанное? Будет в воздух говориться. Столько ведь, например, родов звуков во всем мире, и ни один из них не беззвучен. Если я не знаю смысла звучащего, то буду говорящему мне иноземец, и говорящий мне иноземец. Так и вы, поскольку вы ревнители духовного назидания, просите, чтобы вы обогатились. Так и говорящий на языках пусть молится о истолковании. Ведь если я молитву творю на <чужом> языке, то дух молится, а ум без плода. Что же тогда? Помолюсь духом — помолюсь и умом, воспою духом — воспою и умом. Если благословляешь духом, <то> стоящий на месте неразумного как произнесет «аминь» после твоей хвалы, поскольку не знает, что ты говоришь. Ты хорошо восхваляешь, но другой не назидается. Хвалю Бога моего за всех нас, особенно за говорящих на языках. Но в церкви хочу пять слов сказать умом моим, чтобы иных научить, а не тьму словес на <чужом> языке. Братья! не дети будьте умом: на зло будьте младенцами, а умом будьте взрослыми. В законе написано: «как иноязычникам устами иными буду говорить людям сим, <но> и тогда не послушают меня, говорит Господь». Итак, языки для знамения неверующим, а пророчество не для неверующих, а для верующих. Если сойдется церковь вся вместе, и все заговорят <разными> языками, и войдет неразумный или неверующий — не скажет ли, что вы беснуетесь? А если все пророчествуют, и войдет один неверующий и неразумный, то обличается перед всеми и вопрошается всеми. И тайное сердца его явным бывает, и падет ниц, и поклонится Богу, говоря: «Воистину Бог в вас». Что же тогда, братья? Когда соберетесь — каждый из вас <со своим знанием> — то псалмы имеете, учение имеете, откровение имеете, язык имеете, толкование имеете — все, что необходимо для назидания. Если на <чужом> языке кто говорит, то

двое или самое большее трое и поочередно, <а> один толкует. А если не будет толкователя, пусть молчит в церкви, себе же говорит и Богу. Пророки же два или три пусть говорят, а другие пусть толкуют. Если другому, сидящему, будет откровение, то первый молчит. Могут по одному все пророчествовать, чтобы все учились и все утешались. И духи пророческие пророкам повинуются. Не есть Бог неустройству, но миру. Господня заповедь есть: “Если кто не понимает — пусть учится”. Итак, братья, старайтесь прорицать, и не запрещайте говорить <чужими> языками. Все пусть будет благоверно по чину». И еще говорит: «Всякий исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца. Аминь». И этими словами еще более посрамив их, оставил.

Узнав об этом, римский папа послал за ним. Когда же Философ дошел до Рима, вышел сам апостолик Адриан навстречу ему со всеми горожанами, неся свечи, узнав, что несут мощи святого Климента мученика и папы римского. И тогда Бог начал творить чудеса: расслабленный человек исцелился здесь, а многие другие избавились от различных болезней. Также и пленные избавились от пленивших их, призвав <на помощь> память святого Климента.

Принял папа книги славянские, освятил и положил их в церкви святой Марии, называемой Фатан, и пели над ними литургию. И после этого повелел папа двум епископам Формозу и Гаудериху рукоположить славянских учеников. Когда их поставляли, тогда пели литургию в церкви святого Петра на славянском языке. И на другой день пели в церкви святой Петронилы. И в третий день в церкви святого Андрея, и потом еще в церкви у великого наставника язычников Павла апостола ночью пели святую литургию по-славянски над святой гробницей, имея в помощь епископа Арсения, одного из семи епископов, и Анастасия библиотекаря.

Философ же со своими учениками непрестанно достойные похвалы возносил за это к Богу. А римляне не переставая шли к нему, спрашивая обо всем. И дважды и трижды получали от него разъяснения.

Некий еврей, также приходя, спорил с ним и однажды сказал ему: «Не явился еще согласно числу лет Христос, о котором говорят книги и пророки, что он от девы родится». И рассчитал ему Философ все годы от Адама по поколениям, и объяснил ему подробно, что уже явился, и сколько лет с тех пор до настоящего времени. И наставив его, отпустил.

И совершив многие труды, <Философ> начал болеть. И страдая от боли много дней, увидев однажды Божие явление, начал петь так: «О сказавших мне: “Идем в дом Господень” возвеселился дух мой, и сердце обрадовалось». И облачился в священные свои ризы и провел так весь день, веселясь и говоря: «Отныне я не слуга ни цесарю и никому иному на земле, но одному лишь Богу Вседержителю был и есть во веки. Аминь».

Наутро же постригся в святой иноческий образ и, приобщив свет к свету, нарек себе имя Кирилл. И пробыл в этом образе 50 дней. И когда приблизилось время, приняв покой, перейти в вечную жизнь, воздел к Богу руки свои и прочитал молитву, так говоря со слезами: «Господи Боже мой, который составил все ангельские чины и бесплотные силы, небо распростер и землю основал, и все сущее от небытия в бытие привел, всегда и везде внимающий волю твою творящим, боящимся тебя и хранящим заповеди твои. Внями моей молитве и сохрани верное твое стадо, к которому приставил меня, негодного и недостойного раба твоего, избавляя от всякой безбожной и языческой злобы и от всякого многословия и от хульного еретического языка, возводящего хулу на тебя. Истреби триязычную ересь и умножь церковь свою числом <верующих>, объединив всех в единодушии. Сотвори избранниками людей, мыслящих едино об истинном исповедании подлинной веры твоей, и вдохни в их сердца слово твоего учения. Ведь это твой дар, что принял ты нас, недостойных, для проповедования евангелия Христа твоего. Стремящихся к добрым делам и творящих угодное тебе, которых ты поручил мне, как твоих тебе передаю. Благоустрой их силою твоею и десницею, покрывая сенью крыльев твоих, чтобы всячески восхваляли и прославляли имя Отца и Сына и Святого Духа во веки. Аминь». Облобызав всех святым лобзанием, сказал: «Благословен Бог наш, который не отдал нас как добычу зубам невидимых врагов наших, но разрушилась сеть их, и избавил нас от истления». И так почил в Господе, прожив 42 года, в 14 день месяца февраля, во 2 индикт, от сотворения мира в 6377 году.

Повелел апостолик всем грекам, которые были в Риме, а также и римлянам, собравшись со свечами, петь над ним, устроить ему проводы как самому папе. Так и поступили.

Брат же его Мефодий попросил апостолика, говоря: «Мать наша завещала нам, чтобы того, кто из нас первый умрет, перенес брат в свой монастырь и там его похоронил». И повелел папа положить его в раку и забить ее гвоздями железными. И так задержали его семь дней, готовя в дорогу. И сказали апостолику римские епископы: «Раз Бог привел его, ходившего по многим землям, сюда и здесь его душу взял — здесь ему следует покоиться как достойному мужу». И сказал апостолик: «Тогда ради святости его и любви нарушив римский обычай, похороню его в

моей гробнице в церкви святого апостола Петра». Отвечал же брат его: «Раз вы меня не послушали и не отдали его мне, то, если вы согласны, пусть лежит он в церкви святого Климента, с <мощами> которого пришел сюда». И повелел папа поступить так.

И вновь собрались все епископы и чернецы и все люди проводить его с честью. Когда же хотели положить его в гробницу, сказали епископы: «Вынув гвозди из раки, посмотрим, цел ли он, или же взята часть от него». И много трудясь, не смогли открыть раку по Божиему повелению.

И так в раке положили его в гробницу справа от алтаря в церкви святого Климента, где начали тогда свершаться многие чудеса, видев которые, римляне больше стали почитать святость его и честь. И написав образ его над гробницей, <зажгли лампаду, чтобы> светила над ним день и ночь, восхваляя Бога, прославляющего так <тех>, что славят его. Тому слава во веки. Аминь.

ЖИТИЕ МЕФОДИЯ

Подготовка текста и перевод О. А. Князевской, комментарии А. А. Алексеева

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие составлено в Моравии вскоре после смерти св. Мефодия в 885 г. одним из его учеников. Сохранилось в 15 списках, древнейший из которых входит в состав известного Успенского сборника конца XII—начала XIII в. (ГИМ. Синодальное собр., № 1063). См. его издания: Успенский сборник XII—XIII вв.М., 1971. С. 188—198; Климент Охридски. Събрани съчинения. София, 1973. Том 3. С. 160—195; Жития Кирилла и Мефодия. М.: Книга; София: Наука и искусство, 1986. С. 181—232. Текст Жития воспроизводится по этим изданиям. Историю изучения Жития и свод комментариев к нему см.: Сказания о начале славянской письменности / Вступ. статья, перевод и комментарии Б. Н. Флори. М., 1981. С. 143—173.

ОРИГИНАЛ

МѢСЯЦА *АПРЕЛЯ ВЪ 6 ДЬНЬ*[1] ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕНАГО ОТЬЦЯ НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ, АРХИЕПИСКОПА МОРАВЬСКА

Господи, благослови Отьче!

<I.> Богъ благъ и вьсемогаи, иже есть створилъ от небытия въ бытие вьсячьская видимая же и невидимая и украсилъ вьсякою красотою, юже къто размышляя помышляи по малу от чьсти можеть разумѣти и того познати, иже есть сътворилъ сиця дѣла дивьна и многа, «отъ великоты бо и доброты дѣлъ по размыслу и родитель ихъ *мудрьствуеться»,**[2]*** иже поють ангели трьсвятыимь гласъмь и вьси правовѣрьнии славимъ въ святѣи Троици, сирѣчь въ Отьци и Сынѣ и Святомь Дусѣ, еже есть въ трьхъ упостасъхъ, еже можеть къто три лица рещи, а въ единомь Божьствѣ. Прѣже бо вьсякого часа и врѣмене и лѣта, надъ вьсяцѣмь умъмь и съмыслъмь неплътьскъмь Отьць самъ есть Сына родилъ, якоже рече Прѣмудрость: «Прѣже вьсѣхъ хълмъ ражаеть мя».[3] И въ Евангелии рече само божие Слово прѣчистыими усты, въплъщься на послѣдняя лѣта нашего ради съпасения: «Азъ въ Отьци, а Отьць въ мнѣ».[4] Отъ тогоже отьца и Святый Духъ исходить, якоже рече самъ Сынъ божиемь гласъмь. «Духъ истиньнъ, иже от Отьца исходитъ».[5]

Сь Богъ съвьрьшь вьсю тварь, яко глаголеть Давидъ: «Словъмь Господьньмь небеса утвьрдишася, и духъмь устъ его вься сила ихъ. Яко тъ рече — и быша, тъ повелѣ — и създашася»,[6] прѣже вьсѣхъ сътвори человѣка, пьрьсть от земля приемля, от себе душю вьдъхнувъ животьныимь дъхновениемь и словесьныи съмыслъ и самовласть, да въведеть въ раи, заповѣдь заповѣдавъ ему искусьну: да аще съхранить ю, и прѣбудеть бесъмьртьнъ, аще ли прѣступить, съмьртию умьреть от своея воля, а не от Божия велѣния.

Узьрѣвъ же дияволъ человѣка тако почьтена и устима на то мѣсто, съ негоже тъ своею гьрдынею съпаде, и сътвори прѣступити заповѣдь и изд-рая изгьна человѣка, и съмьртию осужь. И оттолѣ устити начатъ неприязнь, блазнити многами къзньми человѣчьскыи родъ. Нъ не остави Богъ великою милостию и любъвью до коньца человѣкъ, нъ на коежьдо лѣто и врѣмя избьра мужа и яви людьмъ дѣла ихъ и подвигъ, да ся тѣмь подобяще, вьси на доброе устили.

Якоже бѣ Еносъ, иже упова пьрвыи нарицяти имя Господьне. Енохъ же потомь, угожь Богу, прѣставленъ бысть. Нои правьдьнъ ся обрѣте въ родѣ своемь, потопа избысть въ ковьчезѣ, да ся бы пакы земля напълнила твари Божия и украсила. Авраамъ по раздѣлении языкъ, заблужьшемъ же вьсѣмъ, Бога позна и другъ ся ему нарече и обѣтование приятъ, яко: «Въ сѣмени твоемь благословлени будуть вьси

языци».[7] Исакъ по образу Христову на гору въ жьртву възведенъ бысть. Ияковъ идолы тьстьня погуби и лѣствицю видѣ от земля до небесе, ангелы же Божия въсходяща и съходяща по неи, и въ благословлениихъ сыновъ своихъ о Христѣ пророчьствова. Иосифъ въ Египтѣ люди прѣпитѣ, Божии ся явль. Иова Авьситидиискааго правьдьна, истиньна и непорочьна Книгы съказають: искушение приимъ, прѣтьрпѣвъ же, благостьнъ бысть Богомь. Моиси съ Аронъмь въ иерѣихъ Божиихъ Богъ фараосовъ наречеся и мучи Египтъ, Божия люди изведе — въ дьне облакъмь свѣтьлъмь, а въ нощи стълпъмь огньнъмь, и море проби, и проиду по суху, а египтяны потопи, и в пустыни безводьнѣ люди напои воды и хлѣба ангельскаго насыти и пътиць; и глаголавъ съ Богъмь лицьмь къ лицю, якоже *нѣсть* възможьно человѣку съ Богъмь глаголати, законъ людьмъ дасть, Божиемъ пьрстъмь *написанъ.* Исусъ Навьгинъ людьмъ Божиемъ землю раздѣли, противьникы воевавъ. *Судия* такоже многы побѣды сътвориша. Божию милость приимъ же, Самоилъ цьсаря помаза и постави Господьнъмь словъмь. Давидъ кротостию люди распасе и пѣсньмъ Божиямъ научи. Соломонъ, мудрость от Бога приимъ паче вьсѣхъ человѣкъ, многа казания добра сътвори съ притъчами, аще и самъ не доконьча. Илия, зълобу людьску обличь гладъмь и мьртва отрока въскрѣшь и огнь съ небесе словъмь сънесъ, попаль многы, и жьртвы съжьже дивьнъмь огньмь, мьрзъкыя же иерѣя избивъ, възиде на небо на колесници огньнѣи и конихъ, ученику давъ сугубь духъ. Елисѣи, милоть приимъ,[8] сугуба чюдеса сътвори. Прочни пророци, къжьдо въ свое врѣмя, о дивьныхъ вещьхъ хотящихъ быти пророчьствоваша. Иоанъ великыи по сихъ, ходатаи межю Ветъхымь законъмь и Новымь, *крьститель* Христовъ и съвѣдѣтель и проповѣдѣтель живыимъ же и мьртвыимъ бысть.

Святии апостоли Петръ и Павьлъ съ прочими ученикы Христовы, яко мълния, вьсь миръ прошьдъша, освѣтиша вьсю землю. По сихъ мученици кръвьми своими омыша скврьну, а настольници святыихъ апостолъ, цьсаря *крьщьше,* многъмь подвигъмь и трудъмь поганьство раздрушиша. Сельвестръ, чьстьно трьми съты и 18 отьць, великаго цьсаря Костянтина на помощь приимъ, сънъмъ пьрвыи събьравъ въ Никеи, Ария побѣди и проклятъ и и ересь его, юже въздвизаше на Святую Троицю, якоже бѣ Авраамъ инъгда съ трьми съты и 18-те отрокъ цьсаря избилъ и от Мелхиседека, цьсаря Салимьска, благословление приятъ и хлѣбъ и вино, бѣ бо иерѣи Бога вышьняаго. *Дамасъ* же и феологъ Григории съ сътъмь и пятию десятъ отьць и съ великыимь цьсарьмь Феодосиемь въ Цьсариградѣ *потвьрдиша* святый сумболъ, еже есть: «Вѣрую въ единъ Богъ», а Македония, отсѣкъше, прокляша и и хулу его, юже глаголаше на Святыи Духъ. Келестинъ и Курилъ съ дъвѣма сътома отьць и съ другыимь цьсарьмь[9] въ Ефесѣ Нестория раздрушиша съ вьсею блядию, юже глаголаше на Христа. Львъ и Анатоль съ правовѣрьныимь цьсарьмь Маркианъмь и съ 6-ю сътъ и трьми десятьми отьць въ Халькидонѣ Евьтухово безумие и блядение прокляша. Вьгилий съ богоугодьныимь Иустинъмь и съ сътъмь и 60 и 5-тью отьць, 5 сънъмъ съставльше, изискавъше, прокляша. Агафонъ, апостольскыи папежь, съ дъвѣма сътома и 70 отьць съ чьстьныимь Костянтинъмь цьсарьмь на шестѣмь сънъмѣ многы мятежа въсколоша,

изгънавъше, прокляша съ вьсѣми *съньмникы* тѣми. Реку же, Феодора Фараньскааго, Севгира же и Пирона, Кура Александрьскаго, Енория Римьскаго, Макария Антиохийскаго и прочая пос-пѣшьникы ихъ, а крьстияньскую вѣру, на истинѣ поставльше, утвьрдиша.

По сих же вьсѣхъ Богъ милостивыи, «иже хощеть, да бы вьсякъ человѣкъ спасенъ былъ и въ разумъ истиньныи пришьлъ»,[10] въ наша лѣта языка ради нашего, о немьже ся не бѣ никътоже николиже попеклъ, на добрыи чинъ въздвиже нашего учителя, блаженаго учителя Мефодия, егоже вься добрыя дѣтели и подвигы прилагающе, сихъ угодьницѣхъ по единому не постыдимъся, овѣмъ бо равьнъ бѣ, овѣхъ же малы мьнии, а другыихъ болии, словесьныя дѣтелью прѣспѣвъ, а дѣтельныя словъмь. Всѣмъ бо ся уподобль, вьсѣхъ образъ на себѣ являше: страхъ Божии, заповѣдьная хранения, плътьскою чистотою, прилѣжьны молитвы и святыня, слово сильное и кротъкое, сильно на противьныя, а кротъкое на приемлющая казание, ярость, тихость, милость, любъвь, страсть и търьпѣние, вьсе о вьсячьскыихъ бывая, да бы вься приобрѣлъ.

Бѣ же рода не худа от обоюду, нъ вельми добра и чьстьна, знаема пьрвѣе Богъмь и цьсарьмь и вьсею Селуньскою страною, якоже и тѣлесныи его образъ являаше ся. По тому же и пьрьци, любяще и издѣтьска, чьстьныя бесѣды дѣяху, дондеже цьсарь, *увѣдѣвъ* быстрость его, княжение ему дасть дьржати словѣньско, *реку* же азъ, яко прозьря, како и хотяше *Богъ* учителя словѣнемъ посълати и пьрьваго архиепископа, да бы проучилъся вьсѣмъ обычаемъ словѣньскыимъ и обыклъ я помалу.

Сътворь же въ томь княжии лѣта многа, и узьрѣ многы мълвы бе-щиньны въ житии семь, прѣложи земьныя тьмы волю на небесьныя мысли, не хотяше бо чьстьныя душа оръпътити непрѣбывающими въ вѣкы. И обрѣтъ врѣмя, избысть княжения и, шьдъ въ Алимбь,[11] идеже живуть святии отьци. Постригъ ся, облѣче въ чьрны ризы, и бѣ повинуяся покоръмь. И съвьрьшая вьсь испълнь мьнишьскыи чинъ, а книгахъ прилежа.

Приключьшю же ся врѣмени такому, и посъла цьсарь по философа, брата его, въ козары,[12] да поятъ и съ собою на помощь. Бяаху бо тамо жидове крьстияньскую вѣру вельми хуляще. Онъ же рече, яко «Готовъ есмь за крьстияньскую вѣру умрѣти». И не ослушася, нъ, шьдъ, служи яко рабъ мьньшу брату, повинуяся ему. Сь же молитвою, а философъ словесы прѣможеть я, и посрамисте. Видѣвъ же цьсарь и патриархъ подвигъ его, добръ на Божии путь, бѣдиша и, да быша и святили архиепископа на чьстьное мѣсто, идеже есть потрѣба такого мужа. Не

рачьшю же, унудиша и и поставиша и игумена въ манастыри, иже нарицяеться Полихронъ,[13] емуже есть съмѣра 20 и 4 спудове[14] злата, а отьць обиле 70 въ немь есть.

Прилучи же ся въ ты дни Ростиславъ, князь словѣньскъ, съ Святопълкъмь[15] посъласта из Моравы къ цьсарю Михаилу, глаголюща тако: «Яко Божиею милостию съдрави есмъ, и суть въ ны въшьли учителе мнози, крьстияни из влахъ и из грькъ и из нѣмьць, учаще ны различь, а мы словѣни проста чадь и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истину и разумъ съказалъ. То, добрѣи владыко, посъли такъ мужь, иже ны исправить вьсяку правьду».[16] Тъгда цьсарь Михаилъ рече къ философу Костянтину: «Слышиши ли, философе, рѣчь сию? Инъ сего да не можеть сътворити развѣ тебе. Тѣ на ти дари мнози, и, поимъ братъ свой игуменъ Мефедии, иди же. Вы бо еста селунянина, да селуняне вьси чисто словѣньскы бесѣдують».

Тъгда не съмяста ся отрещи ни Бога, ни цьсаря, по словеси Святаго апостола Петра, якоже рече: «Бога боитеся, цьсаря чьтѣте».[17] Нъ *велику* слышавъша рѣчь, на молитву ся наложиста и съ инѣми, иже бяаху тогоже духа, егоже и си. Да ту яви Богъ философу словѣньскы книгы. И абие устроивъ письмена и бесѣду съставль, пути ся ятъ моравьскаго, поимъ Мефедия. Начатъ же, пакы съ покоръмь повинуя ся, служити философу и учити съ нимь. И трьмъ лѣтомъ ишьдъшемъ, възвратистася из Моравы, ученикы научьша.

Увѣдѣвъ же такова мужа, апостоликъ Никола[18] посъла по ня, желая видѣти я яко аньгела Божия. Святи учение ею, положь словѣньское Евангелие на олтари Святаго Петра[19] апостола, святи же на поповьство блаженаго Мефедия.

Бяаху же етера многа чадь, яже гужаху словѣньскыя книгы, глаголюще, яко не достоить никоторомуже языку имѣти буковь своихъ, развѣ евреи и грькъ и латинъ, по Пилатову писанию,[20] еже на крьстѣ Господьни написа. Еже апостоликъ, пилатъны и трьязычьникы нареклъ, проклятъ. И повелѣ единому епископу,[21] иже бѣ тоюже язею больнъ, и святи от ученикъ словѣньскъ три попы и 2 анагноста.[22]

По дѣньхъ же мнозѣхъ философъ, на Судъ грядыи, рече къ Мефодию, брату своему: «Се, брате, вѣ супруга бяховѣ, едину бразду тяжаща, и азъ на лѣсѣ падаю, свои дьнь съконьчавъ. А ты любиши гору[23] вельми, то не мози горы ради оставити учения своего, паче бо можеши кымь спасенъ быти».

Посълавъ же Коцель[24] къ апостолику проси Мефодия, блаженаго учителя нашего, да бы и ему отпустилъ. И рече апостоликъ: «Не тебе единому тъкъмо, нъ и вьсѣмъ странамъ тѣмъ словѣньскыимъ сълю и учитель от Бога и от святаго апостола Петра, първаго настольника и ключедьржьця цьсарьствию небесьному». И посъла и, написавъ епистолию сию: «Андрианъ, епископъ и рабъ Божии, къ Ростиславу и Святопълку и Коцьлю. Слава въ вышьнихъ Богу и на земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволение,[25] яко о васъ духовьная слышахомъ, *на няже* жадахомъ съ желаниемь и молитвою вашего ради съпасения, како есть въздвиглъ Господь сьрдьца ваша искати его и показалъ вамъ, яко не тъкъмо вѣрою, нъ и благыими дѣлы достоить служити Богу, „вѣра бо без дѣлъ мьртва есть",[26] и отпадають ти, иже „ся мнять Бога знающе, а дѣлы ся его отъмѣтають".[27] Не тъкъмо бо у сего святительскаго стола просисте учителя, нъ и у благовѣрьнаго цьсаря Михаила, да посъла вамъ блаженаго философа Костянтина и съ братъмь, дондеже мы не доспѣхомъ. Она же, увѣдѣвъша апостольскаго стола достающа ваша страны, кромѣ канона не створисте ничьсоже, нъ къ намъ придосте, и святаго Климента мощи несуще.[28] Мы же, трьгубу радость приимъше, умыслихомъ, испытавъше, посълати Мефодия, свящьше и съ ученикы, сыну же нашего на страны ваша, мужа же съвьршена разумъмь и правовѣрьна, да вы учить, якоже есте просили, съказая кънигы въ языкъ вашь по вьсему цьркъвьному чину испълнь, и съ святою мъшею, рекъше съ службою, и крьщениемь, якоже есть философъ началъ Костянтинъ Божиею благодатью из молитвы святаго Климента. Такоже же аще инъ къто възможеть достоино и правовѣрьно съказати, свято и благостьно Богъмь и нами и вьсею кафоликиею и апостольскою Цьркъвью буди, да бысте удобь заповѣди Божия навыкли. Сь же единъ хранити обычаи, да на мъши пьрвѣе чьтуть Апостолъ и Евангелие римьскы, таче словѣньскы. Да ся испълнить Книжьное слово, яко „въсхвалять Господа вьси языци",[29] и другоиде: „Вьси възглаголять языкы различьны величья Божия, якоже дасть имъ Святый Духъ отвѣщавати".[30]

Аще же къто от събьраныихъ вамъ учитель и чешющихъ слухы и от истины отвращающихъ на бляди начьнеть, дьрзнувъ, инако развращати вы, гадя книгы языка вашего, да будеть отълученъ *не* тъкъмо въсуда, нъ *и* Цьркъве, донде ся исправить. Ти бо суть вълци, а не овьця,[31] яже достоить от плодъ *ихъ знати* и хранити ся ихъ.

Вы же, чада възлюбленая, послушаите учения Божия и не отринѣте казания цьркъвьнаго, да ся обрящете истиньнии поклонителе Божии, отьцю нашему небесьному, съ вьсѣми святыими. Аминь».

Приятъ же и Коцьлъ съ великою чьстью и пакы посъла и къ апостолику и 20 мужь чьстьны чади, да и ему святить на епископьство въ Панонии, на столъ святаго Андроника от 70,[32] еже и бысть.

По семь же старыи врагъ, завидьливыи добру и противьникъ истинѣ, въздвиже сьрдьце врагу моравьскаго короля[33] на нь съ вьсѣми епископы, яко „на нашеи *области* учиши". Онъ же отвѣща: «И азъ аще быхъ вѣдѣлъ, яко ваша есть, кромѣ быхъ ходилъ. Нъ святаго Петра есть. Да правьдою аще ли вы рьвьния ради и лакомьства на старыя прѣдѣлы поступаете черосъ каноны, възбраняюще учения Божия, блюдѣтеся, еда како хотяще желѣзну гору костянъмь тѣменьмь пробити, мозгъ вашь излѣете». Рѣша ему яро, глаголюще: «Зла добудеши». Отвѣща онъ: «Истину глаголю прѣдъ цьсари и не стыжюся,[34] а вы творите волю вашю на мнѣ, нѣсмь бо лучии тѣхъ, иже суть, правьду глаголюще, многами муками и жития сего избыли». Многамъ же рѣчьмъ прогоненамъ и не могущемъ противу ему отвѣщавати, рече король изниця: «Не тружаите моего Мефодия, уже бо ся есть, яко и при пещи употилъ». Рече онъ: «Еи, владыко. Философа потьна инъгда сърѣтъше, людие рѣша ему: „Чьто ся потиши?" Дѣеть онъ: „Съ грубою ся чадью пьрѣхъ"». О томьже словеси съпьрѣвъше, ся разидоша, а оного, засълавъше въ Съвабы, дьрьжаша полъ третья лѣта.

Доиде къ апостолику. И увѣдѣвъ, посъла клятву на ня, да не поють мъша, рекъше службы, вьси королеви епископи, донде и дьрьжать. И тако и пустиша, рекъше Коцьлу: «Аще сего имаши у себе, не избудеши нас добрѣ». Нъ они не избыша святаго Петрова суда, 4 бо от нихь епископи умьроша.

Приключи же ся тъгда моравляне, очющьше нѣмьчьскыя попы, иже живяаху въ нихъ не прияюще имъ, нъ ковъ кующе на ня, изгънаша вься,[35] а къ апостолику посълаша: «Яко и пьрвѣе отьци наши от святаго Петра крьщение прияли, то дажь намъ Мефодия архиепископа и учителя». Абие же посъла и апостоликъ. И приимы и Святопълкъ князь съ вьсѣми моравляны и поручи ему вься цьркъви и стрижьникы въ вьсѣхъ градѣхъ. От того же дьне вельми начатъ расти учение Божие и стрижьници множитися въ вьсѣхъ градѣхъ от тогоже начатъ расти и множитися и погании вѣровати въ истиньныи Богъ, своихъ блядии отмѣтающеся. Тольми паче и Моравьска область пространити начатъ вься страны и врагы своя побѣжати и съ непогрѣшениемь, яко и сами повѣдають присно.

Бѣ же пророчьска благодать въ немь, яко ся суть събывала многа прорицания его. От нихъже ли едино ли дъвѣ съкажемъ.

Поганьскъ князь сильнъ вельми, сѣдя въ Вислѣ, ругашеся крьстьяномъ и пакости дѣяше. Посълавъ же къ нему, рече: «Добро ти ся *крьстити,* сыну, волею своею на своеи земли, да не плѣненъ нудьми крьщенъ будеши на чюжеи земли. И помянеши мя». Еже и бысть.

Инъгда же пакы Святопълку воюющу на поганыя и ничьсоже успѣющю, нъ мудящю. Святаго Петра мъши приближающися, рекъше службѣ, посъла къ нему, глаголя яко: «Аще ми ся обѣщаеши на святыи Петровъ дьнь съ вои своими сътворити у мене, вѣрую въ Богъ, яко прѣдати ти имать я въскорѣ». Еже и бысть.

Етеръ другъ, богатъ зѣло и съвѣтьникъ, оженися купетрою своею, рекъше ятръвью, и много казавъ и учивъ и утѣшавъ, не може ею развести. Ини бо, Божии раби[36] творящеся, таи развращаху я, ласкающе имѣния ради, да сетьнѣе отлучиша я от цьркъве. И рече: «Придеть час, егда не могуть помощи ласкавьници ти, а моя словеса поминати имата, нъ не будеть чьто створити». Вънезапу по Божию оступлению паде напасть на нею, «и не обрѣтеся мѣсто ею, нъ яко и вихъръ, прахъ възьмъ, расѣя».[37] И ина многа подобьна симъ, яже притъчами явѣ съказаше.

Сихъ же вьсѣхъ не търьпя, старыи врагъ, завистьникъ человѣчю роду, въздвиже етеры на нь, яко Дафана и Авирона на Мосѣя, овы явѣ, а другыя таи. Иже болять иопаторьскою ересью[38] и слабѣиша съвращають къ себѣ съ праваго пути, глаголюще: «Намъ есть папежь власть далъ, а сего велить вънъ изгънати и учение его».

Събьравъше же вься люди моравьскыя, веляху прочисти прѣдъ ними епистолию, да быша слышали изгънание его. Людие же, якоже есть обычаи человѣкомъ, вьси печаловахуся и желяаху си, лишаеми пастыря такого и учителя, развѣ слабыихъ, яже льсть двизаше, яко се вѣтръ листвие. Почьтъше апостоликовы книгы, обрѣтоша писание, яко: «Братъ нашь Мефодии святыи и правовѣрьнъ есть, и апостольско дѣяние дѣлаеть, и въ руку его суть от Бога и от апостольскаго стола вься словѣньскыя страны, да егоже прокльнеть, проклятъ, а егоже святить, тъ святъ да буди». И посрамльшеся, разидоша ся, яко мьгла, съ студъмь.

Не до сего же тъкъмо злоба ихъ ста, нъ рѣша глаголюще, яко цьсарь ся на нь гнѣваеть, да аще и обрящеть, нѣсть ему живота имѣти. Да и о

томь не хотя похулити своего раба, Богъ милостивыи въложи въ сърдьце цьсарю, якоже «есть присно въ руцѣ Божии цьсаре сърдьце»,[39] и посъла книгы къ нему, яко: «Отьче чьстьныи, вельми тебе желаю видѣти. То добро сътвори, потрудися до насъ, да тя видимъ, дондеже еси на семь свѣтѣ, и молитву твою приимемъ». Абие же шьдъшю ему тамо, приятъ и съ чьстью цьсарь великою и радостью и, учение его похваль, удьрьжа от ученикъ его попа и дьякона съ книгами. Вьсю же волю его сътвори, елико хотѣ, и не ослушавъ ни о чьсомьже. Облюбль и одарь вельми, проводи и пакы славьно до своего стола. Тако же и патриархъ.

На вьсѣхъ же путьхъ въ многы напасти въпадъше от неприязни: по пустынямъ въ разбойникы и по морю въ вълны вѣтрьны, по рѣкамъ въ *смьрчи* незапьны, яко ся съконьчати на немь апостольскому словеси: «Бѣды от разбоиникъ, бѣды въ мори, бѣды въ рѣкахъ, бѣды от лъжибратии, въ трудѣхъ и подвижениихъ, въ забъдѣнии множицею, въ алъкани и жажи множицею»,[40] и прочимъ печальмъ, яже апостолъ поминаеть.

Потомь же отвьргъ вься мълъвы и печаль свою на Бога възложь, прѣже же от ученикъ своихъ посажь дъва попы[41] скорописьця зѣло, прѣложи въ бързѣ вься книгы, вься испълнь развѣ Макавѣи от грьчьска языка въ словѣньскъ шестию мѣсяць,[42] начьнъ от марфа мѣсяца, до дъвоюдесяту и шестию дьнь октября мѣсяца. Оконьчавъ же, достоиную хвалу и славу Богу въздасть, дающему такову благодать и поспѣхъ. И святое възношение таиное съ клиросъмь своимь вънесъ, сътвори память святаго Димитрия.[43] Пьсалтырь бо бѣ тъкъмо и Евангелие съ Апостолъмь и избьраныими службьбами цьркъвьныими съ философъмь прѣложилъ пьрьвѣе. Тъгда же и Номоканонъ, рекъше закону правило, и отьчьскыя книгы прѣложи.

Пришьдъшю же на страны дунаискыя королю угорьскому,[44] въсхотѣ и видѣти, и, етеромъ глаголющемъ и непьщюющемъ, яко не избудеть его без мукы, иде къ нему. Онъ же, яко достоить владыцѣ, тако и приятъ чьстьно и славьно съ веселиемь. И бесѣдовавъ съ нимь, якоже достояше тацѣма мужема бесѣды глаголати, отпусти и, улюбль и облобызавъ, съ дары великыими, рекъ ему: «Помяни мя, чьстьныи отьче, въ святыихъ молитвахъ твоихъ присно».

Такоже вься вины отсѣкъ по вься страны, и уста многорѣчьныихъ загради,[45] течение же съвьрьши, вѣру съблюде,[46] чая правьдьнаго вѣньца. И понеже тако угожь, Богу възлюбленъ бысть.[47] Приближатися начатъ врѣмя покои прияти от страсти и многыихъ трудъ мьзду. Въпросиша же и, рекъше: «Кого чуеши, отьче и учителю

чьстьныи, въ ученицѣхъ своихъ, да бы от учения твоего тебѣ настольникъ былъ?» Показа же имъ единого от извѣстьныихъ ученикъ своихъ, нарицяемаго Горазда, глаголя: «Сь есть вашея земля свободь мужь, ученъ же добрѣ въ латиньскыя книгы, правовѣрьнъ. То буди Божия воля и ваша любы, якоже и моя». Събьравъшемъ же ся имъ въ Цвѣтьную недѣлю, вьсѣмъ людьмъ, въшьдъ въ цьркъвь и немогыи, казавъ благодати цьсаря и князя и клирикы и люди вься, и рече: «Стрѣзѣте мене, дѣти, до 3-яго дьне». Якоже и бысть. Свитающу 3-му дьни, прочее рече: «Въ руцѣ твои, Господи, душю мою вълагаю».[48] На рукахъ иерѣискахъ почи въ 6 дьнь мѣсяца априля въ 3 индиктъ, въ 6000 и 300 и 90 и 3 лѣто отъ твари вьсего мира.

Усужьше же и свои ученици и достоины чьсти сътворивъше, и служьбу цьркъвьную латиньскы, грьчьскы и словѣньскы сътрѣбиша и положиша и въ съборьнѣи цьркъви. И приложися къ отъцемъ своимъ и патриархомъ и пророкомъ и апостоломъ, учителемъ, мученикомъ. Людии же бе-щисльнъ народъ събьравъся, проважааху съ свѣщами, плачющеся, добра учителя и пастыря: мужьскъ полъ и женьскъ, малии и велиции, богатии и убозии, свободьнии и раби, въдовиця и сироты, страньнии и тоземьци, недужьнии и съдравии, вьси — бывъшааго вьсячьско вьсѣмъ, да бы вься приобрѣлъ. Ты же съвыше, святая и чьстьная главо, молитвами своими призираи на ны, желающая тебе избавляи от вьсякоя напасти, ученикы своя и учение пространяя, а ереси прогоня, да достоино зъвания *нашего* живъше сьде, станемъ съ тобою, твое стадо, о десную страну Христа Бога нашего, вѣчьную жизнь приемлюще от него. Тому бо есть слава и чьсть въ вѣкы вѣкомъ. Аминь.

---

[1] ... *апреля въ 6 дьнь. — В рукописи маия в 10 дьнь.* Исправлено по другим спискам.

[2] *...отъ великоты бо и доброты дѣлъ поразмыслу и родитель ихъ мудрьствуеться...* — Прем. 13, 5.

[3] *Прѣже вьсѣхъ хълмъ ражаеть мя.* — Притч. 8, 25.

[4] *Азъ въ Отьци, а Отьць въ мнѣ.* — Ио. 14, 11.

[5] *Духъ истиньнъ, иже от Отьца исходитъ.* — Ио. 15, 26.

[6] *Словъмь Господьньмь ... и съзьдашася...* — Пс. 32, 6, 9.

[7] *Въ сѣмени твоемь ... вьси* языци. — Быт. 22, 18.

[8] *Елисѣи, милоть приимъ...* — 3 Цар. 19, 19: «...нашел Елисея... Илия, проходя мимо его, бросил на него милоть свою». См. также 4 Цар. 2.

[9] *...съ другыимь цьсарьмь...* — Феодосий II (208—450), византийский император.

[10] *...иже хощетъ ... истиньныи пришьлъ...* — 1 Тим. 2, 4.

[11] *Алимбь* — гора Олимп в Малой Азии вблизи побережья Мраморного моря, один из центров византийского монашества.

[12] *...въ козары...* — Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 3.

[13] *Полихронъ* — монастырь у горы Олимп.

[14] *...спудове...* — Спуд — мера сыпучих веществ на Руси (кадушка, ведро и пр.).

[15] *Ростислав, Святополк.* — См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.

[16] *...исправить вьсяку правьду.* — Мф. 3, 15.

[17] *Бога боитеся, цьсаря чьтѣте.* — 1 Петр. 2, 17.

[18] *Апостоликъ Никола.* — В момент прибытия в Рим Кирилла и Мефодия на престоле уже находился папа Адриан II. См. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.

[19] *...на олтари Святаго Петра...* — В Житии Константина-Кирилла, чтение 5, названа церковь св. Марии.

[20] *...по Пилатову писанию...* — Имеется в виду надпись на кресте «Иисус Христос царь иудейский», на трех языках. Ср. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.

[21] *...по велѣединому епископу...* — Речь идет о епископе Формозе, см. Житие Константина-Кирилла, чтение 5.

[22] *Анагност* — чтец в церкви (причетник).

[23] *...на лѣсѣ...гору...* — Гора — Алимб (Олимб).

[24] *Коцель.* — См. Житие Константина-Кирилла, чтение 4.

[25] *Слава въ вышьнихъ ... благоволение...* — Лк. 2, 14.

[26] *...вѣра бобез дѣлъ мьртва есть...* — Иаков 2, 26.

[27] ...ся *мнять Бога...отъмѣтають.* —Тит. 1, 16.

[28] *...святаго Климента мощи несуще.* — См. Житие Константина-Кирилла, чтения 3 и 5.

[29] *...въсхвалять Господа вьси языци...* — Пс. 116, 1.

[30] *Вьси възглаголять ... отвѣщавати.* — Деян. 2, 11.

[31] ... *вълци, а не овьця...* — Мф. 7, 15.

[32] ... *на столъ святаго Андроника от 70...* — О семидесяти апостолах см. Лк. 10.

[33] ... *моравьскаго короля...* — Имеется в виду Людовик Немецкий, правитель Восточнофранкского королевства, захвативший в 870 г. Великую Моравию. Он поддерживал стремление немецких епископов включить в Баварскую церковную провинцию захваченные земли, которые находились в непосредственном церковном подчинении у римского папы.

[34] *Истину глаголю прѣдъ цьсари и не стыжюся...* — Пс. 118, 47.

[35] *...изгънаша еься...* — В 871—873 гг. Великая Моравия добилась освобождения от франкского господства, что отразилось и на судьбе Мефодия, томившегося до тех пор в заключении.

[36] *Божии раби.* — Буквальный перевод древненем. gotes skalh — священник. Немецкое духовенство оставалось в Моравии и служило на латинском языке.

[37] ... *и не обрътеся ... расѣя.* — Пс. 102, 16.

[38] ... *иопаторьскою ересью...* — От греч. иос — сын и патер — отец. Учение, согласно которому Св. Дух исходит не только от Отца, но и от Сына (см. Символ веры, 8-й член). Позже это учение (filioque) стало основой католической догматики и послужило причиной великого раскола христианской церкви в 1054 г.

[39] ... *есть присно ... сърдьце...* — Притч. 21, 1.

[40] *Бѣды от разбоиникъ ... множицею...* — 2 Кор. 11, 26—27.

[41] ... *дъва попы...* — При числительном *дъва* употреблена форма множ. числа; ожидалось бы: попа. Первоначально было «три», обозначенное глаголической буквой «веди». При переписке текста из глаголицы в кириллицу писец заменил глаголическое «веди» на кириллическую букву «веди», а она имеет числовое значение «два». Догадка Р. Мэтьисена, 1967 г.

[42] ... *шестию мѣсяць...* — Аналогичная путаница числительных при переписке из глаголицы в кириллицу. Должно быть «восемь». Догадка М. Решетара, 1913 г.

[43] … *святаго Димитрия.* — День памяти св. Димитрия Солунского 26 октября.

[44] …*королю угорьскому…* — Указание на венгерского короля не соответствует историчес-кой действительности. Хотя племена венгров проникали в Моравию с конца IX в., король у них появился лишь в XI в. По мнению А. Брюкнера (1967), речь идет о франкском короле Карле III. Вероятнее, однако, что королем назван вождь какой-нибудь венгерской племенной группы, которые начали появляться в этих местах с VIII в.

[45] *…уста многорѣчьныихъ заградии…* — Пс. 61, 12.

[46] *…течение же съвьрьши, вѣру съблюде…* — *2* Тим. 4, 7.

[47] *…тако угожь, Богу възлюбленъ бысть.* — Прем. 4, 10.

[48] *Въ руцѣ твои, Господи, душю мою вълагаю.* — Лк. 23, 46.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 6 ДЕНЬ ПАМЯТЬ И ЖИТИЕ БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО И УЧИТЕЛЯ МЕФОДИЯ, АРХИЕПИСКОПА МОРАВСКОГО

Господи, благослови, Отче!

<I.> Бог благой и всемогущий, сотворивший из небытия к бытию все видимое и невидимое и украсивший всякой красотой, которую, если размышлять понемногу, можно мысленно частично уразуметь и познать того, кто сотворил столь многие и дивные создания, ибо «по величию и красоте созданий познается размышлением и создатель их», которого воспевают ангелы трисвятым гласом и мы, все правоверные, славим во святой Троице, иначе говоря в Отце, Сыне и Святом Духе, то есть в трех ипостасях, что можно назвать тремя лицами, но в одном Божестве. Ведь прежде всякого часа, времени и года, выше всякого разума и духовного понимания Отец сам родил Сына, как говорит Премудрость: «Прежде всех холмов рождает меня». И в Евангелии сказало само божье Слово пречистыми устами, воплотившись на будущие времена ради нашего спасения: «Я в Отце, и Отец во мне». От того же Отца и Святой Дух исходит, как сказал сам Сын божьим Словом: «Дух истинный, который от Отца исходит».

Этот Бог, завершив все творение, как говорит Давид: «Словом Господним утвердились небеса и от дыхания уст его вся сила их. Ибо он сказал — и стали, он повелел — и создались», прежде всего сотворил

человека, прах от земли взяв, а от себя животворным дуновением душу вдохнув, и осмысленную речь и свободу воли дал, чтобы ввести в рай, заповедь заповедав ему для испытания; если хранит ее, то останется бессмертен, если же преступит, смертью умрет, по своей воле, а не по Божьему велению.

А дьявол, увидев, что человеку оказана такая честь и назначено ему то место, с которого он из-за своей гордыни пал, заставил <его> преступить заповедь, и изгнал человека из рая, и осудил на смерть. И с тех пор начал неприятель соблазнять многими кознями род человеческий. Но Бог в великой милости и любви не оставил человеков совсем, а на каждый год и время избрал мужа и явил людям дела их и подвиг, чтобы все, уподобляясь им, стремились к добру.

Таков был Енос, который первым отважился призывать имя Господне. А после него Енох, угодив Богу, перенесен был <высоко>. Ной праведным оказался в роде своем, он спасся от потопа в ковчеге, чтобы опять наполнилась земля творением Божиим и украсилась. Авраам после разделения языков, когда все впали в заблуждение, Бога познал и другом Его назван был, и принял обетование, что «в семени твоем благословенны будут все народы». Исаак подобно Христу возведен был на гору для жертвы. Иаков идолов тестя уничтожил и видел лестницу от земли до неба: ангелы Божии по ней восходили и сходили. И благословляя сынов своих, он пророчествовал о Христе. Иосиф прокормил людей в Египте, показав себя <человеком> Божьим. Об Иове Авситидийском Писание говорит, что был праведен, справедлив и непорочен: подвергнутый испытанию, претерпев <его>, благославен был Богом. Моисей, с Аароном, между иереями Божьими Богом <для> фараона назван был, и мучил Египет, и вывел Божий народ — днем вслед за облаком светлым, а ночью за столпом огненным; и море разделил, и прошли no суху, а египтян потопил. И в пустыне безводной напоил народ водой и насытил хлебом ангельским и птицами; и говорил с Богом лицом к лицу, как невозможно человеку с Богом говорить, <и> дал народу закон, написанный Божьим перстом. Иисус Навин, одолев врагов, разделил землю между народом Божьим. Судьи также одержали много побед. А Самуил, получив Божью милость, помазал и поставил царя по слову Господню. Давид с кротостью пас народ и научил <его> песням Божьим. Соломон, получивший от Бога мудрости больше всех людей, много добрых поучений создал и притчей, хоть сам их и не выполнял. Илия обличил голодом людскую злобу, и воскресил мертвого отрока, и, принеся словом с неба огонь, опалил многих, и жертвы сжег чудесным огнем; перебив нечестивых иереев священников, взошел на небо на колеснице огненной и конях, дав ученику удвоенный дух. Елисей, <его> милоть получив, вдвое больше чудес совершил. Другие пророки, каждый в свое время, пророчествовали о будущих удивительных делах. После них великий Иоанн, ходатай между Ветхим и Новым законом, стал крестителем и свидетелем Христовым и проповедником живым и мертвым.

Святые апостолы Петр и Павел с остальными учениками Христовыми, как молния, прошедшая по всему миру, осветили всю землю. После них мученики кровью своей смыли скверну, а преемники святых апостолов, крестив цесаря, великим подвигом и трудом разрушили язычество. Сильвестр праведно из трехсот и восемнадцати отцов, приняв себе в помощь великого цесаря Константина, собрав в Никее первый собор, победил Ария и проклял его и ересь его, которую тот воздвигал на Святую Троицу, как когда-то Авраам с тремястами и восемнадцатью слугами перебил царей и принял благословение и хлеб и вино от Мельхиседека, царя салимского, ведь был тот иереем Бога всевышнего. Дамас же и Григорий Богослов со ста пятьюдесятью отцами и великим царем Феодосием в Царьграде подтвердили святой символ, то есть «Верую во единого Бога», и, изгнав Македония, прокляли его и хулу его, которую он говорил на Святого Духа. Целестин и Кирилл с двумястами отцами и другим царем сокрушили в Ефесе Нестория со всей болтовней, которую он говорил на Христа. Лев и Анатолий с правоверным царем Маркианом и с шестьюстами и тридцатью отцами прокляли в Халкедоне безумие и болтовню Евтихиевы. Вигилий с богоугодным Юстинианом и со ста шестьюдесятью пятью отцами, Пятый собор собрав, изыскав <где какая болтовня укрылась>, прокляли. Афагон, апостольский папа, с двумястами и семьюдесятью отцами с честным Константином царем на Шестом соборе многие восстания раскололи и всем тем собором, изгнав, прокляли, я говорю о Феодоре Фаранском, Сергии и Пирре, Кире Александрийском, Гонории Римском, Макарии Антиохийском и прочих приспешниках их, а христианскую веру, на истине стоящую, укрепили.

<II.> После же всего этого Бог милостивый, «который хочет, чтобы всякий человек спасен был и до истинного познания дошел», в наше время ради нашего народа, о котором никто и никогда не заботился, для доброго дела воздвиг нам учителя, блаженного учителя Мефодия, которого все добродетели и подвиги к каждому из этих угодников приложив, не постыдимся: ведь одним он равен был, других немного меньше, а иных больше, — красноречивых превзойдя добродетелью, а добродетельных — красноречием. Каждому уподобившись, образ каждого собой явил: страх Божий, хранение заповедей, чистоту плоти, прилежание в молитвах и святости, слово сильное и кроткое — сильное для противников, а кроткое для принимающих поучение, ярость, тихость, милость, любовь, страсть и терпение, — он был всем из всего, чтобы всех привлечь.

Был он рода с обеих сторон не худого, но доброго и честного, известного издавна Богу и царю, и всей Солунской стране, что являл и телесный его облик. Поэтому и <участники> споров, любившие его с детства, вели с ним уважительные беседы, пока царь, узнав о быстроте <ума> его, не поручил ему держать славянское княжение, чтобы он

узнал все славянские обычаи и привык понемногу, как будто провидя, — я <бы> сказал, — что Бог хотел послать его учителем для славян и первым архиепископом.

<III.> Проведя на княжении много лет и увидев множество беспорядочных волнений этой жизни, он сменил стремление к земной тьме на мысли о небе, ведь он не хотел возмущать благородную душу тем, что не вечно — не прибывающим. И, найдя удобное время, он избавился от княжения и пошел на Олимп, где живут святые отцы. Постригшись, он облачился в черные ризы и пребывал с покорностью повинуясь. И, исполняя весь монашеский чин, обратился к книгам.

<IV.> Но случилось в то время следующее: послал царь за философом, братом его, <чтобы идти> к хазарам <и> чтобы тот взял его себе в помощь. Ведь там были иудеи, сильно хулившие христианскую веру. Он же сказал, что: «Я готов умереть за христианскую веру». И не ослушался он, но, идя, служил как раб меньшему брату, повинуясь ему. Он молитвами, а философ словами превозмогли тех и посрамили. Царь же и патриарх, увидев подвиг его, годный для Божьего пути, убеждали его <согласиться>, чтобы посвятили в архиепископы на почетное место, где есть потребность в таком муже. Так как он не соглашался, принудили его и поставили игуменом в монастыре, который называется Полихрон, доход которого измеряется двадцатью четырьмя спудами золота, а отцов в нем больше семидесяти.

<V.> Случилось же в те дни, что Ростислав, князь славянский, и Святополк послали из Моравии к царю Михаилу, говоря так: «Мы Божьей милостью здоровы, но пришли нам много учителей христиан от итальянцев, и от греков, и от немцев, уча нас по-разному, а мы, славяне, люди простые, и нет у нас, кто бы наставил нас истине и научил разуму. Потому, добрый владыка, пошли такого мужа, который наставит нас всякой правде». Тогда царь Михаил сказал Философу Константину: «Слышишь ли, Философ, эту речь? Никто другой не может этого сделать, кроме тебя. Так на тебе дары многие и, взяв брата своего игумена Мефодия, ступай же. Ведь вы солуняне, а солуняне все хорошо говорят по-славянски».

Тут они не посмели отказаться ни перед Богом, ни перед царем, по слову святого апостола Петра, как он сказал: «Бога бойтесь, цесаря чтите». Но почувствовав величие дела, предались они молитве вместе с другими, кто был такого же духа, что и они. И тут явил Бог Философу славянские книги. И тот, тотчас упорядочив буквы и составив беседы, отправился в путь в Моравию, взяв Мефодия. И стал он, снова с

покорностью повинуясь, служить Философу и учить вместе с ним. И когда минуло три года, возвратились они из Моравии, выучив учеников.

<VI.> Узнав же о таковых людях, апостолик Николай послал за ними, желая видеть их, как ангелов Божьих. Он освятил учение их, положив славянское Евангелие на алтаре святого апостола Петра, и посвятил в попы блаженного Мефодия.

Было много других людей, которые поносили славянские книги, говоря, что не подобает никакому народу иметь свои буквы, кроме евреев, греков и латинян, по надписи Пилата, которую он на кресте Господнем написал. Их апостолик назвал пилатниками и триязчниками. И одному епископу, который был болен тою же болезнью, он повелел посвятить из учеников славянских трех в попы, а двух в анагностов.

<VII.> Спустя много дней Философ, отправляясь на Суд, сказал Мефодию, брату своему: «Вот, брат, были мы с тобой в упряжи, пахали одну борозду, и я у леса <, дойдя борозду,> падаю, свой день окончив. А ты хоть очень любишь гору, но не моги ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?»

<VIII.> Послал Коцел же к апостолику, просил, чтобы отпустил к нему Мефодия, блаженного учителя нашего. И сказал апостолик: «Не тебе одному только, но и всем тем странам славянским посылаю его учителем от Бога и от святого апостола Петра, первого престолонаследника и держателя ключей от царствия небесного». И послал его, написав такую эпистолию: «Адриан, епископ и раб Божий, Ростиславу и Святополку и Коцелу. Слава в вышних Богу и на земле мир, в человеках благоволение, что услышали мы о вас духовное, на это уповали мы с желанием и молитвою вашего ради спасения, как воздвиг Господь сердца ваши искать его и показал вам, что не только верою, но и благими делами подобает служить Богу, ведь “вера без дел мертва”, и отпадают те, которые “воображают, что знают Бога, но делами отрекаются от него”. Ведь не только у этого святительского престола просили вы учителя, но и у благоверного царя Михаила, чтобы послал он к вам блаженного философа Константина с братом, покуда мы не сделали. Они же, уведав что страны ваши находятся под властью апостольского престола, не сделали ничего противного канонам, но к нам пришли и принесли с собой мощи святого Климента. Мы же, тройную радость получив, замыслили послать в ваши страны сына нашего Мефодия, мужа совершенного разумом и правоверного, испытав и посвятив его вместе с его учениками, чтобы учил вас, как вы просили, излагая на языке вашем Книги полностью для всего церковного чина, в том числе со святой мессой, то есть службой, и с крещением, как начал

философ Константин Божьей благодатью и молитвами святого Климента. Так же если и кто иной сможет достойно и правоверно говорить, — да будет свято и благословлено Богом и нами и всей вселенской и апостольской Церковью, чтобы легче обучились вы заповедям Божьим. Только один этот сохранять вам обычай, чтобы во время мессы сначала читали Апостол и Евангелие по-латыни, потом по-славянски. Да исполнится слово Писания, что “будут хвалить Господа все народы”, и другое: “И все станут говорить о величии Божьем на разных языках, на которых позволит им говорить Святой Дух”.

Если же кто из собранных у вас учителей, из тех, кто тешит слух и от истины отвращает к заблуждениям, начнет, дерзнув, вносить между вами разлад, порицая книги на вашем языке, пусть будет отлучен не только от причастия, но и от Церкви, пока не исправится. Ибо они суть волки, а не овцы, что следует по плодам их узнавать и беречься от них.

Вы же, чада возлюбленные, повинуйтесь учению Божьему и не отриньте поучения церковного, чтобы вы стали истинно поклоняющимися Богу, отцу нашему небесному, со всеми святыми. Аминь».

Коцел же принял его с великой честью и снова послал его, а также двадцать человек из именитых людей, к апостолику, чтобы он посвятил его на епископство в Паннонии на престол святого Андроника, апостола из числа семидесяти, что и стало.

<IX.> После этого старый враг, ненавистник добра и противник истины, воздвиг на него сердце врага, моравского короля со всеми епископами, что, дескать, «в нашей области учишь». Он же ответил: «Я сам обошел бы стороной, если бы ведал, что ваша. Но она — святого Петра. По правде же, если вы из зависти и жадности вопреки канонам на старые пределы наступаете, препятствуя учению Божьему, то берегитесь, чтобы не разлить свой мозг, желая костным теменем пробить железную гору». Они отвечали ему, говоря в ярости: «Зло себе добудешь». Он ответил: «Истину говорю перед царями и не стыжусь, а вы поступайте со мной, как хотите, ведь я не лучше тех, кто в великих муках лишился и жизни за то, что говорил правду». И когда много вопросов было задано и не смогли опровергнуть его, сказал король, вставая: «Не утруждайте моего Мефодия, ведь он вспотел уже, как у печки». Сказал он: «Так, владыка». Встретили люди как-то потного философа <и> сказали ему: «Почему ты так вспотел?» А он: «С невеждами спорил». И поспорив об этих словах, разошлись, а его, сослав в Швабию, держали два с половиной года.

<X.> Дошло до апостолика. И уведав, послал на них запрет, чтобы ни один королевский епископ не служил мессы, то есть службы, пока его держат. Поэтому отпустили его, сказав Коцелу: «Есть будет он у тебя, не уйдешь от нас добром». Но они не ушли от суда святого Петра, ведь из этих епископов четверо умерло.

Приключилось же тогда, что мораване, убедившись, что немецкие попы, которые жили у них, не приятели им, но оковы им куют, всех изгнали и послали к апостолику: «Так как прежде отцы наши от святого Петра крещение приняли, то дай нам Мефодия архиепископом и учителем». Тотчас прислал его апостолик. И принял его Святополк князь со своими мораванами и поручил ему все церкви и духовенство во всех городах. И с того дня начало очень расти учение Божие и духовенство во всех городах начало расти и множиться, и поганые — веровать в истинного Бога, от своих заблуждений отрекаясь все больше. И моравская власть стала расширять свои пределы и побеждать своих врагов без неудач, как и сами они рассказывают.

<XI.> Была же в нем пророческая благодать, так что сбывались многие его прорицания. Об одном или двух из них мы расскажем.

Очень сильный языческий князь, сидевший на Висле, поносил христиан и пакости делал. Послав же к нему, сказал <Мефодий>: «Хорошо бы тебе креститъся, сын, своею волею на своей земле, чтобы не был ты крещен насильно в плену на чужой земле. И вспомнишь меня». Так и было.

Или вот. Однажды Святополк воевал с погаными и ничего не достиг, но медлил. Когда стала приближаться месса, то есть служба, святого Петра, <Мефодий> послал к нему, говоря: «Если пообещаешь провести у меня со своими воинами день святого Петра, то верую, что скоро предаст их тебе Бог». Так и было.

Один человек, очень богатый, и советник <князя> женился на своей куме, то есть на ятрови, и <Мефодий> много наставлял, и учил, и уговаривал их, но развести их не мог. Потому что другие, выдавая себя за рабов божьих, втайне развращали их, льстя из-за имущества, и вовсе отвратили их от церкви. И он сказал: «Придет час, когда не смогут помочь эти льстецы, и вспомните мои слова, но ничего сделать уже будет нельзя». Внезапно, после Божьего отступления, пала на них

напасть, «и места их не стало, но будто вихрь, подхватив, рассеял пыль». Много и другого подобногоэтому было, очем говорил он открыто в притчах.

<XII.> Старый враг, ненавистник рода человеческого не мог терпеть всего этого, воздвигнув на него некоторых, как на Моисея Дафана и Авирона, одних — открыто, других — тайно. Больные иопаторской ересью совращают слабейших с правильного пути, говоря: «Нам папа дал власть, а его велит изгнать вон вместе с его учением».

Собрав же весь моравский народ, они велели прочесть перед ними эпистолию, чтобы слышали об изгнании его. Люди же, как свойственно человеку, все печалились и скорбели, что лишаются такого пастыря и учителя — кроме слабых, которыми двигала ложь, как листьями ветер. Но когда прочли письма апостолика, то обнаружили следующее: «Брат наш Мефодий свят и правоверен и делает апостольское дело, и в руках его все славянские земли от Бога и от апостольского престола, а кого он проклянет, будет проклят, а кого благословит, тот да будет свят». И, посрамившись, они разошлись, как туман, со стыдом.

<XIII.> На этом злоба их не кончилась, но стали они говорить, что гневается на него царь и если найдет, не быть ему живому. Но милостивый Бог не хотел, чтобы и в этом хулили раба его, он вложил в сердце царю, ибо сердце царя всегда пребывает в руках Божьих, мысль и послал к нему письмо: «Честный отче, очень хочу тебя видеть. Так сделай милость, потрудись <прибыть> к нам, чтобы мы увидели тебя, пока ты на этом свете, и молитву твою приняли». И он сразу пошел туда, принял его царь с великой честью и радостью и, похвалив его учение, удержал из его учеников попа и дьякона с книгами. И все желания его исполкил, чего он хотел, и ни в чем ему не отказал. Обласкав и одарив, проводил его со славою назад на его престол. Так же и патриарх.

<XIV.> На всех же путях попадал он во многие напасти от дьявола: в пустынях к разбойникам, на море в волненья ветров, на реках во внезапные смерчи, так что исполнилось на нем слово апостола: «Беды от разбойников, беды в море, беды на реках, беды от лжебратьев, в трудах и подвигах, в постоянном бдении, во многом голоде и жажде», и в прочих печалях, о которых упоминает апостол.

<XV.> А потом, оградившись от сомнений и печаль свою на Бога возложив, еще раньше посадив из учеников своих двух попов, отличных

скорописцев, быстро переложил все Книги, все полностью, кроме Маккавейских, с языка греческого на славянский, за шесть месяцев, начиная с марта месяца до двадцать шестого дня октября месяца. Окончив же, воздал достойную хвалу и славу Богу, дающему такую благодать и удачу. И вознеся с клиром своим святое тайное возношение, отпраздновал память святого Димитрия. Ведь прежде с философом переложил он только Псалтырь и Евангелие с Апостолом и избранными церковными службами. Тогда же и Номоканон, то есть правило закона, и отеческие книги переложил.

<XVI.> Когда же венгерский король пришел в дунайские страны, он захотел его увидеть: и хотя некоторые говорили и предполагали, что не уйти от него без мучений, он пошел к нему. Но тот, как и подобает владыке, так и принял — с почетом, славою и радостью. И побеседовав с ним, как пристало таким мужам вести беседы, отпустил его, обласкав, поцеловав, с дарами великими, сказав: «Поминай меня всегда, честный отец, в святых твоих молитвах».

<XVII.> Так пресек он со всех сторон обвинения, затворив уста многоречивым, путь завершил, и веру сохранил, ожидая праведного венца. И по-скольку так угодил, возлюблен был Богом. Стало приближаться время принять покой от страстей и награду за многие труды. И спросили его, говоря: «Кто, считаешь ты, честный отец и учитель, среди учеников твоих был бы преемником тебе в учительстве твоем?» И показал он им на одного из известных учеников своих, именем Горазд, говоря: «Этот из вашей земли свободный муж, научен хорошо в латинских книгах, правоверен. Пусть будет Божья воля и ваша любовь, как и моя». А когда в Вербное воскресенье собрались все люди, он, немощный, войдя в церковь, благословив царя, князя, и клириков, и весь народ, сказал: «Стерегите меня, дети, три дня». Так и было. На рассвете третьего дня он сказал следующее: «В руки твои, Господи, влагаю душу мою». И почил на руках иерейских в 6 день месяца апреля в 3-й индикт 6393 года от сотворения всего мира.

Приготовив его к погребению и воздав ему достойную честь, отслужили ученики его церковную службу по-латыни, по-гречески и по-славянски и положили его в соборной церкви. И приложился он к отцам своим и патриархам, и пророкам, и апостолам, учителям, мученикам. И собравшись, бесчисленные народные толпы провожали со свечами доброго учителя и пастыря: мужчины и женщины, малые и большие, богатые и бедные, свободные и рабы, вдовицы и сироты, иноземцы и местные, больные и здоровые, — все, оплакивая того, кто был всем из всего, чтобы всех привлечь. Ты же, святая и честная глава, в молитвах твоих свыше опекай нас, стремящихся к тебе избавь от всякой напасти, учеников своих и учение распространяя, а ереси изгоняя, чтобы, прожив здесь достойно нашего назначения, стали мы с тобой, стадо

твое, одесную сторону Христа, Бога нашего, вечную жизнь принимая от него. Ему же слава и честь во веки веков, Аминь.

ИЗ ТОЛКОВОГО АПОСТОЛА

Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой

ВСТУПЛЕНИЕ

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Публикуя отрывок из Толкового Апостола, мы имели намерение познакомить читателя с одним из важнейших разделов древнерусской письменности — книгами Священного писания (Библией) в ранних славянских переводах. Библейские книги были трех типов: 1) служебный (приспособленный для богослужения, порядок текстов соответствует церковному календарю; как правило, в этом типе текст книг Священного писания не полон); 2) четий (т. е. предназначенный для чтения), тексты расположены в порядке, свойственном той или иной книге Священного писания; 3) толковый — когда текст разбит на отрывки (от нескольких слов до нескольких стихов) и каждый из них снабжен толкованиями (пояснениями). Толкования на книги Священного писания составлялись в разное время и разными авторами, в большинстве своем это известные византийские богословы, такие как Максим Исповедник, Никита Ираклийский, Иоанн Златоуст и многие другие. Поскольку толкований было очень много, из них стали составлять своды, или катены (от лат. catena — цепь), объединяющие в один текст толкования разных авторов, иногда это были отдельные цитаты или пересказ отдельных мыслей тех или иных авторов. Составитель катен так перерабатывал своих предшественников, что разные и разновременные тексты сливались в одно и закономерно существовали под именем последнего толкователя. Толкования-катены — более распространенный тип толковых текстов, чем толкования

одного автора. Примером последнего может быть Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского. Что касается Толкового Апостола, то здесь толкования — катены, и составлены они были блаженным Феофилактом, епископом Охридским (конец XI — начало XII в.), включившим в свою работу комментарии на Апостол других византийских авторов (Дидима, Исихия, Оригена, Севира и др.). Толкования в несколько раз превосходят по объему текст Апостола.

О греческом Толковом Апостоле в том виде, в каком он сохранился в славянском переводе, мы можем судить по изданию Крамера (Cramer J. A. Catenae graecorum patrum in Novum Festamentum. Oxford, 1838—1844. 8 t.). Толкования, принадлежащие Феофилакту Болгарскому, здесь отмечены как «ненадписанные» (ἐξ ἀνεπιγράφου). Сопоставление греческого текста со славянским во многом помогает понять славянский текст, который в ряде случаев трудно «разгадывается», тем более что имела место порча текста в процессе переписки.

Толковый Апостол появился у восточных славян, вероятно, к началу XIII в. Древнейшая из известных нам рукописей — 1220 г. Имеется несколько полных (сохранных) рукописей XIV в. (две из них мы использовали для настоящего издания). Толковый Апостол — это большая книга (свыше 300 листов пергамена). Все рукописи приблизительно одной структуры, соответствующей структуре греческого текста. Произведения, входящие в Апостол (Деяния и Послания апостолов) предваряются предисловиями и оглавлениями. Оглавление (перечисление глав, на которые разделен текст каждого Послания) — это фактически перечисление заголовков каждой из частей. Заголовки расположены или на полях, или в тексте, перед соответствующим разделом. Если они находятся на полях, то имеются «знаки вноски» (например, киноварные крестики или точки); в противном случае место заголовка определить затруднительно. Границы между текстом Апостола и толкованиями отмечены глоссами: основной текст — словами «Сущее» или «Апостольское», толкования — «Толк.» или «Сказ.» (т. е. Сказание). Расположения толкований в рукописях часто отличаются. Возможно, это связано с тем, что в греческой рукописной традиции толкования располагались на полях; при изготовлении новых списков, особенно таких, где толкования оказывались не на полях, а в тексте, они попадали «не на место». В славянской рукописной традиции толковые рукописи с толкованиями на полях редки, но весьма нередки «следы» этого в виде нарушения порядка расположения текстов.

Мы выбрали для издания небольшой, но очень интересный кусок этой большой книги — Послание апостола Иакова. На его примере читатель может увидеть специфику толковой книги: как толкования «перепевают» основной текст, какие интересные модификации тех или иных мыслей возникают, можно увидеть «руку» разных авторов. Некоторую условность представляет то, что мы позволили себе заголовки, которые не всегда фиксированы в рукописях, поместить в текст в соответствии с нашим пониманием его смысла. Разделение текста на отрывки для толкований также не стабильно. Это деление

нескоординировано с общепринятым делением текста на стихи и главы, и часто бывает, что начало и конец стиха отнесены к разным отрывкам и разделены большим толкованием, что иногда меняет смысл. Все эти явления связаны с перенесением толкований и заголовков с полей в текст. В некоторых случаях мы позволили себе переставить толкование. Все эти случаи оговариваются в комментариях.

Мы издаем текст по рукописи XIV в. (РНБ. F.п.I.24) и проверяем по рукописи РНБ. Погод. 30 XIV в. Текст сопоставлен с синодальным изданием церковно-славянского текста и русским его переводом (Синод.), а также с греческим изданием толкового Апостола Крамера.

При составлении комментариев использованы: 1) Толковая Библия. Т. 3: Новый Завет. СПб., 1911—1913 (переиздание 1987 г.). С. 207—255 (далее: Толк. Б.); Теодорович Н. И. Толкование на соборное послание св. апостола Иакова. Вильна, 1897 (далее: Теодорович); Блаженного Феофилакта, архиепископа Болгарского, толкование на соборные послания святых апостолов (в русском переводе). Казань, 1865. С. 2—56.

Послание апостола Иакова прекрасно своей литературной формой: образность и поэтичность сочетается со стальной афористичностью и суровым пафосом. Как в музыке, в начале появляется мелодия основных тем, которые потом звучат во весь голос каждая на своем месте и соединяются в один аккорд в конце, в бессмертной последней фразе «обративый грешника от заблуждения пути его спасает душу от смерти и покрывает множество грехов». Этот отклик на слова апостола Петра «любовь покрывает множество грехов» — гимн освобождению человека от власти зла через любовь.

Иаков, «брат Господень» (старший сын Иосифа Обручника), из числа 70 апостолов, прозванный Праведным. Иаков обратился в христианство после явления ему Господа по воскресении (1 Кор. 9, 5; 12, 5). Он был епископом Иерусалимским, главой иерусалимской общины. Апостол Павел ставит его наравне с апостолами Петром и Иоанном (Гал. 3, 9) и называет их столпами церкви. В его личности выражается объединение Ветхого и Нового Завета на жизненно-практической почве (Толк. Б., с. 210). Он соблюдал предписания Закона Моисея, не порывал с иудейством как с вековым наследием отцов, однако отрицал догматическое значение ветхозаветного закона. Апостол Иаков учил, что руководствоваться надо Законом Свободы (т. е. учением Христа) через живую веру и деятельную любовь. Он был убит фарисеями в 62 г.

Послание Иакова в компактной форме выражает ключевые моменты, формирующие мировоззрение христианина. И это не проповедь христианства среди язычников или безбожников, оно адресовано людям, верующим в Бога и признающим приоритет нравственности, но еще неосознавшим ценностей учения Христа. Это и практическое жизненное наставление о том, как идти по пути спасения, и обличительные тирады (против «ожиревших сердцем», «ленивых», «ложных учителей»), и глубокие богословские и философские мысли, лежащие в основе этих наставлений. Наставления построены на

привычных для паствы ветхозаветных образах, укорененных в реальную жизнь еврейской христианской общины I в.

ОРИГИНАЛ

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Написание Иаковля епистолиа

Понеже сам Иаковь сию пишеть расѣяниемь от обоюнадесяте колѣну[1] и вѣровавшимъ въ Господа нашего Исус Христа, пишеть же ученьну епистолию, уча о различьи напастии, кая есть от Бога и кая есть от своего сердца человѣкомь, и яко не словомъ токмо, нъ и дѣломь показати вѣру, и не послушници закону, нъ творци оправдаются. О богатых же запрѣщает, да не лучьше творятся нищиихь богатии въ церквахъ, нъ паче съдерьзаются, якоже горди. Послѣднее же утѣшь обидимыя и умоль долготерпѣти до пришествиа Судиа, и научь о терпѣнии от Иова: благо есть терпѣние, — повелѣвает призывати попы надъ болящая, и тъщатися обращати заблуджьшая от истины, быти же тому мьздѣ от Господа оставление грѣховь. Ти тако сконьчяваеть епистолию.

Главы Иаковля епистолиа

О терпѣнии, вѣры несуменьнѣ и о смѣренѣй мудрости къ богатымъ, въ нейже о ражчьжении сущим в нас и о страстехь, яже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо намь — от него.

О кротости и чистотѣ, блазѣ подателнѣ на блаженьство, и о художьствии и мѣрѣ словесъ.

О любви, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону.

Яко не от вѣры токмо, нъ и от дѣлъ, и не от единоя токмо, нъ от обою купно, оправдается человѣкь.

Яко дьрзый и бе-щинень языкь умрьщвяеть имущаго и егоже держати потреба на похвалу и на славу Божию.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ, от славохотия суща от премудрости человѣчьскы.

О Божии премудрости.

Яко от уныниа и сластолюбиа реть и неустроение и вражда на Бога бываеть.

О покаании на спасение и не осуждати искрьняго.

Яко не о человѣцѣ, нъ о Бозѣ ступаниа мужу управляются.

Въ нейже о лихоимании богатых, и нищихъ, яже въ мирѣ, и о праведнѣ судѣ Божии.

О долготерпѣнии, и о претерпѣнии страсти, и о истинѣ.

Поучениа комуждо до подобнасуща съ вѣрою.

Яко послужити подобаеть спасению искрьняго.

<Толкование>. Якоже бо се мирьстии человѣци въ списаниихь жизньных именъ своими санъми намѣнятися любять, тако и апостоли въ начятцѣх съписаний своихъ раби Бога Исус Христа намѣнятися любять. Разумѣти бы, яко друзии чюжу творять епистолию сию Иаковлю, якоже рече Евсевий[2] въ «Церковнѣй повѣсти».[3]

КНИГИ ОБЩА, ПУЩЕНЫ ИЯКОВОМЬ КЪ ВѢРОВАВШИМЪ ЖИДОМЪ**[4]**

1. Сущее

Иаковь, Богу и Господу Исус Христу рабъ, обѣманадесяте колѣнома, иже въ расѣянии, — радоватися.[5]

Толк. Кыиждо апостоль, посылая подобное послaниа, честь себе сътваряеть, еже есть сподобитися нарещи рабом Христовомь, рекше обрѣзания сый апостоль,[6] сущиим от двоюнадесяте колѣну посылает вѣровавьшимъ.

Дидимъ.[7] Якоже бо мира сего человѣци въ списании житейскых вещех, яже о нихь санове повелѣвають быти, тако и апостоли в начялѣ съписаниа ихь раби Божии и Христови нарещи сподобляются.

2. Сущее

Всяку радость имѣйте, братие моа, егда в напасти[8] въпадаете различны, вѣдуще, яко искушение вѣрѣ вашей съдѣеть терпѣние,[9] а терпѣние дѣло съвершено[10] да имать, да будете съвершени отинудь и исполнени и ни единого лишени суще.

Толк. Златоуст.[11] Уза бо есть печаль непрѣтъргома, любви въздрастение, умилению и говѣнию начяло. Слыши бо рекша: «Аще приступаеши работати Христу, приготовай си душу к напастемъ».[12] И Христос же пакы глаголаше: «Въ мирѣ печаль имате, нъ дерзайте».[13] И пакы: «Тѣсный и скорбный путь».[14] Видиши ли всюду печали похваляемы, всюду приемлему, яко изрядну сущу нам, ибо внѣшними подвигы никтоже бес тоя вѣнца прииметь,[15] аще не труды, и алканиемь, и бдѣниемь, и тьмами етерыми таковыми себе оградить».[16]

3.

Аще ли кто от вас лишенъ есть прѣмудрости,[17] да просить просто у Бога, дающаго всѣм обилно, и не понашающу, и дасться ему. Да просить же вѣрою, ничтоже сумняся.[18]

(Толк). Господь и Богъ нашь како молитися своа учить ученикы? И еже в разуме сластий искуса молитися повелѣвает, и «не въведи нас въ искусъ»,[19] сластных являя и разумных и волных искусъ не оставленом быти искусъ прияти, се же вѣдуще, яко искушение вашея вѣры съдѣловаеть терпѣние. Терпѣние же дѣло съвръшено да имать, да съвръшени и всенаслѣдни явитеся, ни въ чемже недостаточьствующе.[20]

4. Сущее

Сумьняй бо ся[21] подобенъ есть волнению морьску, от вѣтра възмѣщающася и раздѣвающася.

Толк. Вину нам кажет съвръшена дѣлесе, се бо есть мудрость горняя,[22] еже силу вземлюще, чресь естьство можемъ сътворити благодати.

Хулникъ бо исповѣдомо расмотряя и. Аще бо вѣры не имеши, яко свое прошение[23] сконьчаеши, то отинудь не приходи, да не ся обрящеши на *Тъ* глаголя, еже все можеть, на двое душею и не хотя. Нъ подобает тако стыдкыя отрицатися язя.[24]

5. Сущее

Мужь дводушенъ[25] нестроинъ въ вся пути своа. Да хвалить же ся брат смѣрениемь въ высоту свою, а богатый въ смѣрении своем,[26] зане яко цвѣт травный мимоидеть.[27] Въсия бо сльнеце с варом[28] и иссуши траву, и цвѣт ея отпаде, и красота лица ея погыбе. Тако богатый въ хожении своем увяжеть.[29]

Толк. Отъими от себе дводушие и отинудь не дводушьствуй, прося от Бога, и глаголяй въ себѣ, яко: «Како могу просити что от Господа и прияти, съгрѣшивъ толико к нему?» Не помышляй таковаго, нъ от всего сердца своего обратися къ Господу и проси у него, не сумняся, и разумей многое милосердие его, яко не оставить тебе, нъ прошение душа твоея исполнить. Нѣсть бо Богъ, яко человѣци, злопомняще другъ другу, нъ То непамятникъ злу есть, и милосердъ есть на свою тварь.

6. Сущее

Блажень мужь, иже претерпить напасти, яко искушенъ бывъ, прииметь венѣць животный,[30] иже уготова Богъ любящимь и.

Толк. Доволнѣ повелѣвает противустати искусом с радостию. Да будет искушено дѣло и терпѣние свершено. Съврьшают же ся си сама о себѣ, а не инѣми сдѣваема. И етеру учению покарятися поручи исправлятися предлежащая, обѣщаниа ради блажену быти, глаголя: «Иже искусъ претерпить, искусенъ мужь всѣми *облаженъ*».[31]И тако явльшуся от печали, дасться венѣць жизни, уготованый от Бога любящимъ его.

Таковый нерадивый и о самой той смерти вѣнецъ вѣчныя тоя жизни въсприиметь, иже величьства ради Божиа зраку и слуху не подлежить, ни на высокый разумъ человѣку не възиде.[32]

В нейже о ражчьжении сущих въ нас и страстехъ, яже от него, яко не от Бога вина, аще бо что благо нам — от него

7. Апостоль

Никтоже въ напасть въпадая да глаголеть, яко: «От Бога напасть ми есть». Богъ бо нѣсть напастьникъ злымъ, не напастить же тъ ни единого.[33]

Толк. Ориген.[34] Егдаже Богъ искушает, на ползу искушает, а не зло сътворити. Тѣмь и рече ся, яко «Богъ *не искусенъ* есть злу», нъ того ради искушает, да улучать благаа, и да изменятся злых. Тѣмь и рече: «Претерпѣвый искусы доблестьнѣ вѣнчается». Ино же есть о диаволе — онъ бо искушаеть, да не покаряющаяся ему умрътвить. Нъ онъ не вѣдый будущих.

Богъ же вѣдый будущее, дая человѣкомь дѣлати, еже хотять, яко сущемь самоволномь.

8. Сущее

Нъ комуждо напасть от своея похоти[35] влѣкомь и прѣльщенъ бывая.

Толк. Севирово.[36] Нѣции бо предлежащее вѣтийскы тако искусиша быти, рекше самую ту похоть безаконию матерь прозывати Давиду,[37] яже бе-щиннаго ради похотѣниа заченши и рождьши, грѣха раждаеть. Тѣмь посылая, Иаковъ рече, единъ от мудрых Христовыхъ ученикъ: «Кождо искушается от своея похоти влѣком и прельщаем. Таче похоть заченши ражает грѣх, грѣхъ же скончанъ раждает смерть». От таковыя похоти родити и зачятися грешныих матере, якоже вѣща Давидъ.

9. Сущее

Потом же похоть, непраздна бывши, раждаеть грѣх, а грѣхь скончанъ раждаеть смерть.

Толк. Златоуст. Единаче бо есть творити грѣх, от сласти упивающеся, и тако не чюем. А егдаже родится и прииметь конець, тогда паче сласти угасши всяцѣй, горкое разума находить жало. Противное раждающимь женамъ: нъ о тѣх убо преже рождения многа болѣзнь растерзающи бо кыих, по рождьствѣ же ослаба, младенцу болѣзни ищьдъшю.[38] О насъ же не тако. Нъ донелѣже болим и зачинаем тлѣнныя разумы, веселимся и радуемся, а егдаже родимь лукавый дѣтищь грѣхь, тогда, студъ рождьшагося видѣвше, *болим* и растерзаем ся раждающих женъ горѣе. Тѣмь молю вы не приимати изначала похоти. Аще ли же и приимемъ, удавимъ внутрь сѣмена. Аще ли же и уныемъ до изития въ дѣло грѣху, убиимы и пакы исповѣданиемь, съ слезами осуждающе себе сами. Ничтоже бо тако погубляеть грѣхы, яко осуждение в разумѣ.

*Исихия.**[39]*** Болѣзни смерти грѣшных похоти суть.

10. Сущее

Не прельщайтеся, братие моа възлюбленая: всяко дание благо и всякь даръ свершенъ свыше есть, съходяй от Отца свѣтиломъ[40]...

Толк. Не прельщайтеся, мняще от Бога быти искусом. Или словесныя силы свѣтила именова ти или просвѣщеныя Духомь Святымь.

11. Сущее

...от негоже нѣсть измѣнениа ни различиа въ осѣнении.

Толк. Севирово. Глаголюща бо есть слышати Бога: «Аз есмь, азъ есмь и не изменяюся»,[41] и само то есть в себѣ огустѣваяи, а не разливаем по сущьству. По Благовѣствованию же живущим и по *дѣянью* заповѣди прѣлагающимъ от вышняго дара и сущьства, *неизмѣнное* въ сущихъ житию начинание предложению бывает и *не* сложение временем. Тѣмь и Павелъ послушьствует глаголя: «Не преобразуйтеся въ вѣцѣ семь, нъ преобразуйте обновление разума вашего искушающе, что есть воля Божиа, благо и угодно и съвръшено».[42]

12. Сущее

Въсхотѣвъ роди ны словомь истины...

Толк. О сынѣ убо истиннѣ глаголеть рождьство, о твари же по благостыни. О ономь бо истины ради и о единосущьствѣ — о семь же чьсти ради сыновлениа. Въсхотѣвь бо, вѣща, роди ти ны словом истины.[43]

13. Апостоль

...быти намъ въ начятокь[44] нѣкый тварем его.

Толк. Первѣйшѣ, вѣща, и чьстнѣйшѣ. Твари же видимую тварь нарече, еяже чьстнѣйша человѣка яви. И сама бо тварь чаеть нашеа свободы, да с нами свободится.[45]

О кротости и чистотѣ и дателнѣ блазѣ подателнѣ на блаженьство и о художьствии и мѣре словеси

14. Сущее

Тѣмже, братие моа възлюбленая, да будеть всякь человѣкь скоръ услышати, медленъ глаголати,[46] медленъ въ гнѣвь. Гнѣв бо мужу правды Божиа не съдѣваеть. Тѣмже отвергъше всяку скверну и избытокь злобенъ[47]...

Толк. Еже есть грѣх, оскверняющь человѣка, яко избыточенъ сущь въ насъ, не бо по естьству нам зломь быти, нъ извону бываеть нам от

неродства, и в то нас быстрящем бѣсомь, и внутрьнимь нашимь от неразумнаго изволениа имущемь.

15. Сущее

...въ кротости приимѣте истое[48] слово, могущее спасти душа ваша. Будѣте же творци слову, а не токмо послушьници.

Толк. Рекше «истиненъ». Исповъданиемь же явлено, яко нетлѣньном намъ быти устраяюще, понеже и Богъ изначяла създа человѣка на нетьлѣние.

16. Сущее

...помышляюще въ себѣ.

Толк. ...замышляющн сами о себѣ и не радяще о своемь спасении.

17. (Иак. I, 23). Яко иже есть послушникь слову, а не творець...

Толк. Аще кто, вѣща, будеть слову токмо послушатель, а не извѣстить дѣлы послушаниа, абие и слово погубить.

18. Сущее

...се подобенъ есть мужу, разумѣвающу лице твари[49] своея въ зрьцалѣ. Разумѣ бо ся, и отъиде, и абие забы, како бѣ. А приникый въ Законъ съвръшенъ и свободенъ,[50] и прѣбывь не послушникь незабытливь, нъ творець дѣлу. Сь блаженъ въ твари своей есть.

Толк. Якоже бо онъ тѣло видить, тако и сь закона ради како бысть? Тѣмь не «лице» рече токмо, нъ «лице рождениа». Увѣдѣхомь бо, сыны нас сътвори духовный законъ, родивь банею пакы порождениа.[51] Таче же и не прѣбывающе въ такомь видѣнии дѣяний ради, и благодати дара забываем. Ибо дѣяниемь себе лукавомъ отдавъ, благодѣяниа от Бога не поминает, ни поминает же, яко съвыше родися, и оправдися, и освятися, и въ сыны вьмѣнися Божиа, и въ дѣла ся преда отмѣтающих благодать.

19. Сущее

Аще кто мнит ся вѣренъ быти въ васъ, не въстязая языка своего, нъ льстя сердце свое, сего суетна вѣра. Вѣра чиста и нескверньна от Бога и Отца си есть[52]...

Толк. Златоуста. «Аще кто, — вѣща, — мнит ся», нъ не истиною быти, аще бо всяко ни самого языка не въхласть, но научи и своего тъщевѣрия, сердцу поруга. Тѣмь и рече: «Мняи ся стояти» и прочяя. Ибо истиннѣ стоящаго падение видѣвъ, съвѣдѣтельствова и по писание вѣры правы.

20. Сущее

...посѣщати сиротъ и вдовиць въ скорбех ихь, нескверьна себе блюсти от всего мира.[53]

Толк. Златоуста. Миловати и щедрьствити, аще ли сего не имамъ, всего лишени есмы. Не рече бо: «Аще поститеся, подобни есте Отцу вашему». Нъ что рече? «Будѣте щедри, якоже Отець вашь небесный».[54] То бо есть дѣло Божие. Аще сего не имаши, ничтоже имаши. «Милости хощу, — рече, — а не жертвѣ».[55]

О любвии, сущии къ комуждо нелицемѣрнѣ по закону

21. Сущее

Братие моа, не на лица зряще имѣйте вѣру Господи нашему Исус Христу славѣ.

Толк. Златоуста. Что ради ты велемудруеши, вѣща, и что ради пакы инъ тебе уничьжаеть? Не тѣло ли едино есмь вси,[56] и велиции, и малии? Аще бо въ началѣ съединяемся и другъ другу уди, почто раскалаеши самь себе? Что срамляеши брата? Якоже бо онъ твой удъ, тако и ты оного. И много о семь единочьстие.

22. Сущее

Аще бо внидетъ въ сънмище[57] ваше мужь, златъ перстень нося, въ ризѣ свѣтлѣ, внидеть же и нищь въ ризѣ скверньнѣ, и възрите на носящаго свѣтлу ризу, и речете ему: «Ты сѣди сде добрѣ». А нищему речете: «Ти стани тамо или сѣди сде въ подножие ми». И не расмотристе въ себѣ, и бысте судиа помышлениемь злымь?

Толк. То же о друзѣх смысляще: придеть убогый, буди по том мыслию, не болша положи чьсти богатства ради. Нѣсть нища, ни богата о Христѣ. Не срамляйся внѣшнею одежею, нъ приими внутрьняя ради вѣры.

23. Сущее

Слышите, братие моа възлюбленая! Не Богъ ли изъбра нищая всего мира богати въ вѣру и наслѣдници Царствию,[58] егоже обѣща любящимъ его Богъ? Вы же укористе нищаго.

Толк. Златоуста. Мы же, яко повелику преобидими, тако просящая уничьжаем, досаждающе, отвращаемся, не дадуще, что печалуеши? «Утѣшайте, — рече Павелъ, — яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ».[59] Утешаяй же брата своего не пред человѣкы се створи,[60] нъ особь, и съ многом вниманием, и болѣзнию устрѣкаем, и слезами, и рыданиемь, братьскы от сердца подавающе, братьскы утѣшающе изволениемь, не боляще о подании, боляще же о ономь преступлении приобрѣтения ради. Аще бо о подании досадиши, погубляеши даръ. Аще ли же и не давъ, поносиши, како не съдѣлаль еси зла страстному оному окаяному? Приде бо помилованъ быти тобою, приимъ же язву отъиде. Паче же и прослези, нудимь бо есть скудости ради просити, и того ради

досаждаеши ему. Виждь, колика мука досаждьшему убогому, раздражаеть бо сътворшаго и. Рече бо: «Еда самъ ся сътвори нищь? Нъ тебе ради, да ты спасешися имь».[61] И тебе ради нища бывша уничьжаеши? Колико неразумие и колико неблагодарение дѣла сего!

24. Сущее

Не богатии ли обладають вами и ти влѣкуть вы на судища? Не ти же ли хулять доброе имя, нареченое на васъ?

Толк. Претерпѣвайте доблестнѣ лихоимьство, лихоимьци бо себе погубляють, а не нас. Насъ бо лишають имѣний, а себе обнажают промысла Божиа и помощи его. Еяже обнажьшеся, аще и всея вселеныя съберуть богатство, всѣх суть убожѣйше.[62]

25. Сущее

Аще убо Законъ кончаваете царскъ,[63] по Книгам,[64] възлюбиши искрьняго твоего, яко и сам себе, добрѣ творите. Аще ли на лица зрите, грѣх творите, обличающеся от Закона, яко прѣступници.

Толк. Аполинариево.[65] Якоже паче ты *хощеши* помиловати ближняго си, праведнѣ и человѣколюбнѣ, тако и тъ творить къ единочадну ти и самому сущу Богу. Естьственый помыслъ, в немьже всѣх Спасъ в начяли глаголя: «Аще хощете, да творять вам человѣци, якоже и вы творите имь, тако бо есть Законъ и Пророци».[66]

26. Сущее

Иже бо весь Законъ съблюдет, съгрѣшить же въ единомъ, бысть всѣмъ повиненъ.

Толк. Еже съвершену имѣти любовь, то есть глава всѣмъ добромъ. Аще ли главу отвержеши, излиха прочее тѣла есть.

27. Сущее

...рекый бо: «Не прелюбы сътвори», си рече и «Не убий». Да аще не любы твориши, убиваеши же, бысть преступникь Закону.[67]

Толк. Аще и не всяко стройнѣ лежить предлежащее писание, нъ убо самоя ради тоя ползы изряднѣе положихом. Господь бо нашь и Богъ Исус Христос предлежащая Моисеем реченаа въ съвръшение приведъ, вѣща: «Слышите, якоречеся древним: “Не убиеши. Аще ли кто убиеть, достоинъ есть суду”? Азъ же глаголю вам, яко: “Прогнѣваяй брата своего, повинень есть суду”.[68] Слышасте ли, яко речеся: “Не прелюбы сътвориши”. Азъ же глаголю вам, яко: “Вьсякь, възрѣвый на жену, яко похотѣти еи, уже съблудилъ есть въ сердци своем”».[69] Си толкуя, Севиръ, Антиохискый епископъ, въ 46 словѣ рече: «Мосѣем писаная Законоположениа “не убиеши” глаголеть. Христос же, иже Закону разумъ и еже в немь Духа податель, еже бо не разгнѣвити брата своего повелѣ, сию паче исполняя закону волю. Гнѣвъ бо, от негоже убойство

бывает, помрачивъ е болшаго ради повелѣния. Гнѣвь бо аще придеть къ убийству, не прогнѣватися попусти. Тако и къ похоти несытьства подвигъ възрѣниемь осудивь, рекъ: “Не любодѣйствуеши”, исполни и яви. Духовный бо Законъ Господь исполни обновлениемь Духа, раздрѣши же Писаниа древнее, яко паче от стѣньнаго писаниа на скрижалех въображены округъ».

28. Сущее

Тако глаголете, и тако творите, яко чяюще Закономъ свободы судъ прияти.

Толк. Есть бо о судѣ правѣмь поучение. Законь же свободы глаголеть Законъ правьды, тако судяща, якоже обрѣтает. Се же рече, понеже нѣции съгрѣшають, милосердиа Божиа надѣющеся и глаголюще: «Человѣколюбець сый, простить». Тѣмь и наводить рекый: «Немилостивь судъ не сътворшему милости».

29. Сущее

Судъ бо безь милости не сътворшему милости.

Толк. Твердѣ убо глаголы нас устрашаеть, да не вещьми поболимъ.

30. Сущее

Хвалится милость на судѣ.[70]

Толк. Златоуста о милостыни.[71] Милостыни ремествьница есть мудра и приставьница дѣлающим ю, и дружка Божиа есть, и присно искьрь его *прѣстоить* и о немже хощеть, удобь просить благодати. Токмо да не обидима есть нами. Обидима же есть, егда от въсхыщениа ю творимъ. А егда чиста есть, много имать дрьзновение: и связьнемъ та рѣшить узы, раздрушаеть тьму, угашаеть огнь, умрьщвяеть червь, изгонить зубомь скрежетъ. Сей съ многою радостию отверзаются небесная врата, цесарица бо въистинну есть, подобны человѣкы творящи Богу. Будѣте бо, вѣща, щедри, якоже и Отець вашь небесный. Крилата есть и легка, крилѣ имущи златѣ, лѣтание имущи преукрашающе аггелы. Тамо вѣща: «Крилѣ голубинѣ посребренѣ, и межурамье[72] ея въ бльщании злата». Якоже паче голубь златъ и живъ лѣтающь, вѣкома назирающи окомь кроткомь. Ничтоже ока того краше. Добра есть и пава, нъ не к сей нивъчтоже. Птица есть красна и чюдна, выспрь всегда зрить. Девица есть крилѣ имуще златѣ, бѣло имущи лице тихо. Крилата есть и легка, у престола стоящи цесарска. Внегда судимся, внезапу предстоит, и является, и изимаеть нас от мучения своима крилома одѣвающи. Такоя жертвы хощеть Богъ.

Яко не от вѣры токмо, нъ от дѣлъ, и не от единоя неправедно, нъ от обою купно оправдается человѣкъ

31. Сущее

Кая есть полза, братие моа, аще кто глаголеть вѣру имѣти, а дѣлъ не имат? Еда можеть вѣра спасти и? Аще же брат или сестра нага будета дневнаго житиа,[73] речеть же има кто от васъ: «Идѣта съ миром, грѣйтася и насыщайтася», а не *дасть* има трѣбования тѣлеси...

Толк. Еже глаголеть, се есть. Аще не дѣла явить кто, яко вѣруеть Богови, избыточно и имя его, не бо въ простѣ глаголяй быти Господень, тъ есть вѣренъ. Нъ тако любяй Господа, яко вѣры ради иже въ нь и на смерть дерзнеть, и яко тако есть предлежащимъ съмотрение и притчѣ являють. Авраамь бо, вѣща, дѣло показа, яко *вѣрова* Богови, възнесъ на всеплодство сына своего. Такоже и Раавь[74] вѣровавьши, не ради о смерти. Се же глаголеть, утвержая вѣрныя, и уча истиною быти вѣрномь, и не глаголаниемь токмо и языком Господа любити, нъ дѣломь и истиною. Тѣмь и множайшими образы являеть, яко аще не дѣлы извѣщьше вѣры, всуе токмо именемь льстятся, ничтоже боле имуще бѣсовъ, ибо и они вѣроваша, яко Сынъ Божий бѣ, и яко Святый Божий[75] бѣ, и яко власть имать надь ними. Виждь и иного духовнаго разума. Не бо рече: «Кая полза, аще кто вѣру имать?», но «Кая полза, аще глаголеть кто вѣру имѣти?» Нъ яснѣе глаголеть: «Покажи ми вещь, отнелѣже имя приялъ еси». Аще глаголеши ся имѣя неправѣ же, всуе и имя ти вѣрно. По коей бо вещи имя ти наречено? Аще не дѣла съвѣдѣтельствують, то ни имя ти мѣста прииметь когда.

32. Сущее

...какая есть польза? Тако и вѣрѣ, аще не имат дѣлъ, мѣртва есть о себѣ. Нъ речеть кто: ты вѣру имаши, а азъ дѣла имамъ, покажи ми вѣру свою от дѣлъ своих, и азъ покажю тебѣ от дѣлъ моих вѣру свою. Ты вѣруеши, яко Богъ единъ есть, добрѣ твориши. И бѣси вѣрують и ищазають.

Толк. Златоуста. Аще бо въ Отца и Сына и Святаго Духа правѣ кто вѣруеть, житиа же права не имат, ничтоже ему приобрѣтение вѣра на спасение. Велико бо вѣра и спасено, и бес тоя никакоже спастися. Нъ сама о себѣ не довлѣеть, нъ требуеть и жития права. Аще бо *и землѣ* наслѣдовати не възмогоша, толико пострадавше въ пустыни, зане поропташа и съблудиша,[76] како же мы небеса улучити възможем, нестройнѣ и въ лѣности поживше? Вера бо по крещении[77] мертва бысть, аще кто без *дѣлъ* имать ю, и не извѣстить ея праведными начинании. Заклад бо есть блага житиа крещение, ибо Господь нашь въ образъ наш крещься от Иоанна, на гору въсходить, и къ диаволу брань въсприимаеть, и всю его раздрушает силу.[78] Нам образь дая, да вѣмы, яко по божественѣй бани дѣла трѣбѣ суть, и подвизи нас ожидают, еже къ противнику, *дѣлъ* явлениа.

33. Сущее

Хощеши ли разумѣти, о человѣче тъще, яко вѣра без дѣлъ мертва есть? Авраамь бо отець[79] не от дѣлъ ли оправдися,[80] възнесъ Исаака, сына своего, на жрътвникъ?[81]

Толк. Святаго Кирила.[82] Понеже блаженый Иаковь Авраама глаголеть от дѣлъ оправьдавшася, възнесъша Исаака сына на жрътвьникь, Павель

же глаголеть его от вѣры оправдана,[83] да не мнимь ею противящася себе. Прѣже бо имѣти ему Исаака, вѣрова и мьзду вѣрованиа въсприя — Исаака. Нъ обаче и егда вънесе Исаака на жертвьникь, не токмо дѣло творяше повелѣное ему, нъ и вѣры не отступи, яко о Исаацѣ хощеть сѣмя его умножитися паче звѣздъ, помышляя, яко от мертвых въздвигнути можеть Богъ. Обаче Павелъ съвѣдѣтѣля своим словом и споспѣшника творить блаженаго Давида, мужа, живша въ благочьстии и мудрѣ устраяет, яко Духомь глаголавша вѣры ради оставление,[84] и възвѣщаеть всѣм человѣкомь уже о Христѣ настоящее врѣмя.

34. Сущее

Видиши ли, яко вѣра поспѣшьствоваше дѣломь его и от дѣлъ вѣра съвръшися, и събышася Книгы[85] глаголющая.

Толк. Кирил. Принеси словесную жрътву и сущиемь естьства законы извѣщай, и неотроченыя любве попери жало, и на земли ничтоже, токмо развѣ еже о Бозѣ любы.

35. Сущее

Вѣрова же Авраамь Богови, и вьмѣнися ему въ правду, и другъ Божий наречеся.[86] Видите ли убо, яко от дѣлъ оправдается человѣкь, а не от вѣры единоя токмо?

Толк. Кирил. Старость убо имат правду, иже вѣрою чьстыи — всѣхъ Бога и Владыку.

36. Апостоль

Такоже и Равь блудная не от дѣль ли оправдися, приимши сходникы и инѣмь путемь изведши?[87] Якоже бо и тѣло без духа мертво есть, тако и вѣра без дѣлъ мрътва есть.

Толк. Севирианово.[88] Слыши Писаниа, съвѣдѣтельствующа ея оправданиа,[89] яже бѣ въ блудѣ: бисьръ въ калѣ свѣтяся,[90] злато в тимѣнии поврьжено, цвѣтъ благочестия въ трьнии подавляем, благочьстная душа, въ злочестиа differentially странѣ затворена.

Яко дрьзы и бе-щинны языкь умрьщвяет имущаго и, егоже потреба дрьжати на похвалу и на славу Божию

37. Сущее

Не мнози учителе будѣте,[91] братие моа, вѣдуще, яко больи грѣхъ приимемъ.

Толк. Златоуст. Понеже учащему, а не творящому не токмо приобрѣтениа нѣсть, нъ и тъщету велику и судъ наносить. Въ таковѣмь нерасуждении живщу житие свое, без дѣла бо учящему, грѣх великь есть. Не съгрѣшаяй же въ дѣлѣ и учении, и силенъ есть все тѣло обуздати, таковый да учить, и вѣрою таковою да повелѣваеть съ словомь

правом, съ словомь свѣтломь, съглашаяй вѣрѣ, являя, яко все тѣло свое можеть въхластити, и ниединояже любве имѣти кь житийскым себе оставляеть.

38. Сущее

Много бо съгрѣшаем вси.

Толк. Севирово. Ибо много съгрѣшаемь вси. Идеже кто, вѣща, Христовь ученикь, требѣ есть намъ противу реченым дѣлы благы преходити, могущиим на милость преклонити всѣхь судию и Бога, а не въ страстехь изьнемогше, яко человѣци, затворени быти и не отчаятися своего спасениа.

39. *Сущее*

Аще кто словом не съгрѣшить, съ съвершенъ мужь, силенъ обуздати все тѣло.

Толк. Кирил. Ищедшу убо уму и смыслу свершеное показавшу бездѣльство, и ничтоже удрьжаниа имѣти о языцѣ, и безатвора имети и къгда, нъ паче достоить въсприимати всегда достойное слову, глаголати же, всегда похвалы исполнь. Лѣпо же паче въ реченых мудрость, отречено бо есть святымь глаголати буесловие, рекше гнилословие,[92] якоже рече всемудрый Павелъ. Поминает же всегда святое Писание, глаголющее: «Слово ваше да есть въ благодати солию растворено».[93] Да и благодать дасться слышащимъ.[94] Приемлет же богодьхновенное Писание кроткаго въ словесех, похуляеть же языкъ невъздержьливъ. Рече бо: «Аще кто словомь не согрѣшить, сь съврьшенъ мужь, силенъ обуздати все тѣло». Глаголеть бо и Давидъ: «Положи, Господи, съхранилище устомъ моим, и двери ограждены оустнах моих».[95] И пакы рѣхъ: «Съхраню пути моа, не съгрѣшити ми языком моим». Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающь языкь имѣти.[96]

40. Апостоль

Се бо и конемь узды въ уста вълагаем, да повинуются нам, и все тѣло ихъ обращаем. *Се* же и корабли толици суще, и от жестокь вѣтрь затачаеми, обращаются от мала кормила, аможе аще стремление правящему хощеть.

Толк. Ещеже и се не еже случается языку тоже глаголати. Глаголеть убо, яко уздою дерзость коня въстязаемь, и кормило мало стремьление кораблю править. Много же паче языкъ въ правоглаголание управляти должьни есмь, да не малъ сущь хвалится,[97] занеже великъ намъ приносить искусъ. Неправьдою красяся, все тѣло оскверняеть. И въжчигаеть намъ огнь геены, нъ и сам горить от огня. Како убо не палить ли съвязаных нечьстивых по руцѣ и по нозѣ и въметаемы въ огнъ вѣчный,[98] уготованый диаволу и аггеломь его? Тѣмь и псаломникь въпиеть: «Положи, Господи, съхранение устом моимь». Да не постражеть, яко паче языкь ближняго палимь, никакоя улучя утѣхы.[99]

41. Сущее

Такоже и языкъ малъ удъ есть и величяется. Се малъ огнь колику громаду[100] съжизаеть.

Толк. Златоуст. И еще боле девицѣ[101] храни языкь. Конь бо есть царскь языкь. Аще убо възложиши на нь узду и научиши ходити правѣ и кротцѣ, покоиши и, и всядеть на нь царь. Аще ли невнуздана и оставиши, скачеть и играеть, диаволу и бѣсом расколъ[102] бываеть.

Исуса сына Сирахова. Мнози падоша усты меча, нъ не яко падшеи языка ради. Блажень есть, иже иже покрыется от него, и иже не приде въ ярость его, и не привлечеся въ яремъ его, и узами его не связася. Ибо яремъ его железа, и узы его мѣдяны,[103] и прочая.

42. Сущее

И языкъ огнь лѣпота неправдѣ.[104] Тако и языкь утваряется въ уды наша, скверня все тѣло, и паля около твари нашеа,[105] и опаляяся от геены.

Толк. Святаго Василиа.[106] Аще любиши живот, створи заповѣдь животную. «Любяй бо мя, рече, заповѣди моа съблюдеть».[107] Первая же заповѣдь — удержи языкь свой от зла и устнѣ твои не глаголати льсти.[108] Съпроста бо злѣи и многообразенъ есть грѣхь языком есть съдѣвъемъ. Въ гнѣвѣх, въ похотехь, въ отвѣтѣх, въ неправдахъ, въ льстехь, и всяко слово износяще языком съгрѣшаем. От того бо скверньнословье, буесловье, клеветы, клятвы, льжепослушьства и вся злая, и множае тѣх языка есть сътворение, понеже убо от словесъ своихъ оправдишися. Прѣстани языкомь своим от зла, и устнѣ ти не глаголати льсти. Тъ бо сосуд на службу слову дань ти, и упражняти и от лукаваго дѣяния сътвори.

43. Апостоль

Вьсяка бо вещь звѣрии же и птиць и гадъ же и морьскых умучена есть вещью человѣческою.

Толк. Языка убо течение приносить слово къ иному, являя свою злобу. Глаголеть бо безмѣстная: вся намъ удержати на суши же, и на аерѣ, и въ мори, своего же языка не удержати.

44. Сущее

А языка никтоже от человѣкь умучити можеть, неудержанно зло и ядъ смертенъ.

Толк. Языка же никтоже от человѣкь можеть умучити, небо яко явимъ есть немощну быти ему. Ибо малы вышеписаное въсприимѣмь и разумѣй ясно реченое: «Всяко бо, рече, естьство» и прочая. Како убо тѣмь всѣмъ умучаемом, не умучим есть языкь? «Всяко естьство», рече, еже бо «всяко», то и самого того языка вьмѣни. Аще бо не своего

естьства человѣкь умучает звѣри, кольма паче своего естьства умучити удъ — языкь? Нъ яко преже сего и потомь писаное слышимъ: языка, вѣща, никтоже можеть от человѣкь умучити. Нелѣпо есть, братия, тому тако быти. Что глаголеши, что предполагаеши немощная? Аще бо никтоже *может* умучити? Не подобает симъ тако быти. Аще бо непобѣдимь есть языкь, како Павломь побѣдися? Како хулнѣи устнѣ быста богословьнѣ? Како иже наостри на Христа укоры, того пакы исполни о Христѣ вѣтийствуя?

Тогоже Златоуста. Мечь есть языкь наостренъ,[109] нъ да не инѣмь наводим язвы, нъ своя гнили да отрѣзаем.

Исихия. Яко паче мечь наостренъ готовь есть на усѣчение и скоръ на погубление есть, тако и языкь золъ.

45. Сущее

Тѣмь благословим Бога и Отца и тѣмь кленемь человѣкы, бывьшая по подобьствию Божию. От тѣхже усть исходить благословление и клятва.

Толк. Далече се Христовь ученикь кротъкых и разумных устъ, сподобльшихся таковаго таиньства. Ничтоже горка износяще, и ничтоже нелѣпотьнѣ о Божествѣ бесѣдующа уста языком, нъ чиста его да съхранимь. Не клятвы имь приносим, ибо хулници не наслѣдять царствиа. Хула бо и молитва далече себе отстоита, клятва и молитва велику преграду имата, осуждение и молитва велико растояние имата. Приходить, да милостива сътворить Бога, и на ины молить: аще бо не оставимъ, не оставится намъ.[110]

46. Сущее

И не подобает, братие моа, симъ тако бывати. Еда убо источникь от единого устиа истачает сладъкое и горкое? Еда можеть, братие моа, смокы маслицѣ сътворити или лоза смокви? Таможе ни единъ источникь слану и сладку сътворить воду.

Толк. Властолюбци суще и мудрость мира сего любяще, вражду и льсть на правыя учителя пропловѣдають, и народъ водяще простѣ, и зависть на тѣх имуще, и смѣшающимъ божественым человѣческаа, да тъщѣ от глаголаных сътворять слышащая, отнюдуже и ереси изидоша. Таковое учение отричеть еже не от мудрости Божиа, нъ от дѣмоньскыя бываеть. Си же рече, похваляя блазѣ учащая от кротости и мудрости, и от дѣлъ благыхъ.

Въ нейже о блазѣ житии и несварливѣ къ себѣ от слабохотиа сущаго от премудрости человѣчьскы.

47. Апостоль

Кто премудръ и хытръ[111] въ васъ, да явит от добра житиа дѣла своя въ кротость премудрости.[112] Аще ли зависть горку имате и рвѣниа въ сердцихь ваших, ни хвалитеся, ни лжите на истину. Нѣсть си

премудрость съвыше съходящи, нъ земна и душьна,[113] неприязнина. [114] Идеже бо зависть и рвение и вьсяка зла вещь, ту нестроение.[115]

О Божии премудрости

А вышняя премудрость первое убо прѣчиста, потом же мирна, благопокорьлива и исполнь милостыня и плодъ благыхъ[116]...

Толк. Златоуст. Ищистимъ скверну[117] от душевною ушию. Якоже бо паче скверна и калъ ушима плътьскыма, тако и житийскыя повѣсти, яже лихвы ради и заимании долговъ, скьвръны всякыя горее заграждаеть разумный слухъ, паче же не загражает тъкмо, нъ и нечистъ творить.

48. Апостоль

...бе-сумнѣниа и без лицемѣрия.[118] Плод же праведенъ и въ мирѣ сѣется творящим миръ.[119]

Толк. Нерасужающе назираниемь брашенъ или различиемь о мачании зелий.[120] Извѣстнѣ же о сихь къ коласаемъ бесѣдуеть Павелъ.[121]

Яко от унылиа и сластолюбиа реть и нестроение и вражда на Бога бываеть

49. Сущее

Откуду брани и откуду свари въ въсъ? Не отсюду ли, от сластий ваших, воюющихъ въ удѣхъ ваших? Желѣете и не имате, убиваете и завидите, и не можете улучити,[122] сваритеся и боретеся, и не имате. Зане не просите.[123]

Толк. Являеть, яко аще и раширяють слово въ учении.[124] Всяко плотяни суще и злѣйшая творяще. Таковыя и Павелъ уничьжаеть, глаголя: «Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не пльтяни ли есте?»[125]

50. *Сущее*

Просите и не възмете, занеже злѣ просите,[126] да въ сластехь вашихъ ижчивете, зане злѣ просите, и прѣлюбодѣйци и прелюбодѣиця.[127]

Толк. Севирово. Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Еуангелии похуляет. [128] Ставь бо, рече, посрѣдѣ церкве, велегласно просяше и моляшеся, и яко достоинь сый улучити, и своа дѣла почитая, глаголаше: «Пощуся двакратъ в суботу, и десятину даю всего, елико притяжахъ». Почитает же, яко нѣсмь грабитель, и обидя, и любодѣй, и лихоимьство держай. И яко паче множайшая глаголаше, толма паче исхожаху от Божиа слуха, и глаголъ бремя тъще от устну исхожаше, и въ безумие истааху, яко паче ярящася волны.

Нѣции мнящеся просяще и не приимають: противнѣ и злѣ просящих сластий ради суетных. Нъ речеть, кто разума Божиа и възвышениа добродѣтельмь просяще и не приимают. Извѣсто же и о сих, яко не себе та благаа прияти просиша, нъ да хвалими будут ихь ради. Есть бо сластолюбцемь радоватися о похвалахъ, имже не дается имъ, понеже въ сласти расточити хотять, егоже просять.

51. Апостоль

Не вѣсте ли, яко любы свѣта сего вражда Богу есть? Иже бо аще изволить друг свѣту сему быти, врагъ Божий бываеть.[129]

Толк. Миръ убо глаголеть всякь по плъти животъ, матерь тлѣниа, еяже причяститися хотя, врагъ бываеть Богу.

Аригеново. Понеже убо злоба ходатай есть нам любви, яже къ миру, добродѣтель же происходатаить любовь яже къ Богу. Тѣмже добродѣтель и злоба въкупѣ пожити не можета.

Притъчникъ.[130] Иже съгрѣшении ради любить миръ, врагъ является Богу. Якоже бо и къ Богу любы, благочьстиемь извѣстуема, абие врагъ обретается миру. Тѣмь и не мощно есть работати Богу и мамонѣ,[131] и любити Бога и мира. Ихже хощеть, пришедъ, Господь другы Богу сътворити? Ножь бо и раздѣление въверже на землю.[132] Ибо слово учениа его раздѣляет и разлучяет земная и плотьскаа, того ради строяй вражду имѣти къ миру и единьство къ Богу. Тѣмь и миръ даеть, а не яко миръ повелѣвает. Онъ бо даеть миръ къ плотьскымъ любовь творя. Господь же, миръ даяй, другы Богу сътваряеть нас.

<Толк.> Аще убо не всяко лѣпо къ реченымъ есть, но убо изряднѣ пьщевах положити е от истолкованиа на ползу ищемое. Вѣща бо Господь нашь Исус Христос въ Еуаглиихь: «Аще рука твоа или нога твоа съблажняеть тя, отсѣци ю и поверзи от себе. Добро бо ти есть внити въ Живот хрому, неже двѣ руцѣ и нозѣ имущу въвержену быти въ Огнь. Или десное око съблажьняеть тя»[133] и прочяя. О том бо Хрусостомосъ[134] вѣща: «Не о удѣхъ си речена быша, нъ о друзѣхъ, ихже въ чину удъ имамъ издряднѣ». Се бо и вышеречеся, и нынѣ глаголеть: «Ничтоже бо пакостьнѣе сужити злыи лукавы». Тѣмь съ великою яростию врѣжающая ны отсѣкати повелѣваеть.

52. Сущее

Или мните, яко лъжу Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете дух, иже вселився въ нас,[135] болшу же дасть благодать»? Тѣмьже глаголеть Соломонъ...

Толк. Завистию диаволею смерть вниде въ миръ[136] и вселися въ ны, Христос же, по Писанию, в селися,[137] да завистию бывшую смерть прокленеть. Не тъкмо же се, нъ и болшу нам дасть благодать. «Азъ бо придох, — рече, — да животъ имуть и лише имуть».[138] Яко въсхотѣвъ Богъ нас, вселися въ ны. Исаиа *яв*ѣрекъ: «Не ходатай, ни аггелъ, нъ сам Господь спасе ны, понеже възлюби ны».[139] Како же спасъ ны, болшу

дасть благодать? Раздрушивъ съвѣтника на ны сатану, тѣмъ и наведе. Рекь: «Богъ гордымъ противится». Не гордъ ли есть, въпия: «Вселеную всю обоиму яко яице»?[140]

53. Сущее

«Богъ гордымъ противится, съмѣреным же даеть благодать».[141] Повинѣтеся убо Богови, противите же ся неприязни, и отбѣжить от васъ.[142]

Толк. Дидимово. Гордость есть до конца възнесеная злоба. Съмѣрение же и невысокомыслие велико благо есть. Понеже бо обое изволением и волею благо и зло съдѣваета.

О покаяньи на спасенье и не осужати искрьняго[143]

54. Сущее

Приближитеся къ Богу и приближится къ вам. Очистите руцѣ, грѣшнии, и ищистите сердца, дводушьнии.[144] Постражете сльзите и плачѣтеся. Смѣх ваш въ плачь да обратится, и радость въ умиление.

Толк. Ибо по съгрѣшении покаание повелѣное не плача, нъ блаженьства есть достоинъ, въ праведныя ликы преставляя. Глаголи бо, рече, ты первѣе грѣхы своа, да оправдишися. А еже по съгрѣшении бе-студа быти, не тако есть зло пасти, якоже падши не въстати. Аще бо о исправлении хваляся нечистъ есть, а еже о грѣсѣ се же стража, кое прииметь прощение?

55. Сущее

Съмѣритеся пред Богомь и вънесеть вы.

Толк. Блажень есть пред Богомь смѣряяйся. Рече бо Ияковъ: «Съмѣритеся пред Богомь и възнесеть вы». Аще бо тако смѣримся, то аще и от бѣсовъ съвѣти на ны, аще и от человѣкь, ненавидящих дѣтелий добрых, имамъ Бога изимающа насъ. Тъкмо да Закона его не забудем, ниже ослабѣимь въ печалехъ. Вѣща бо Давидъ: «Виждь съмѣрение мое и изми мя, яко Закона твоего не забых».[145]

56. Сущее

Не отай оклеветайте[146] себе, братие, Оклеветаяй бо брата или осуждаяй, оклеветаеть Закона и судить Закону. Да аще Закона осужаеши, нѣси съхранникь Закону, нъ судии. Единъ есть законодавець и судии, могый спасти и погубити.[147] А ты кто еси, осуждаяй друга?

Толк. Вьсе злую износить страсть нашимъ смыслом, прѣзорьству начало и рождьство. И молящася нѣкыя себе покрыти и о Бозѣ жити того убо не сътваряют, назирают же инѣх. Аще и болны видять нѣкыя, яко паче въ забыть пришедше своих болѣзний. Похуляти таковыя любять, и оклеветанию начало наричють убо я, не вѣдуще, яко себе

осуждають. Тако бо и мудрый пишеть Павелъ: «Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣеть и осуждаяй».[148]

Яко не о человѣци, нъ о Бозѣ ступания мужу управляются

57. Сущее

Воле, нынѣ глаголющеи: днесь и утрѣ поидем вь сь град и сътворимъ ту лѣто едино, и куплю творимъ и прикупимъ...

Толк. О высокомыслии глаголемое то, емуже конець неявление.

Другое толк. Ибо къ далечешествию, и еже тамо любоприобрѣтениа несытством одержими, путь далечь въсприимают по морю и яже въ нем волнъ, оружие творят на свое лихоимство. Ини же себе от тъщивых обрѣтаний утълщают влагалища, и лихвы на лихвы непреподобнѣ сбирающе, огнь и муку на своя изливают главы.[149]

58. Сущее

...не вѣдущеи утрьняго. Кая бо жизнь наша? Пара есть въмалѣ являющися, потом же ищазающи. Зане же бы глаголати вам: Аще Господь хощеть, и поживемь, и сътворимь се ли, оно ли, нынѣ же хвалитеся въ гордыни вашей. Всяка хвала така неприязнина есть. Вѣдущому же убо добро дѣяти и не дѣющю, грѣхъ ему есть.[150]

Толк. Не власть отъемлеть, нъ являеть, яко не все его есть, нъ да просить вышняя благодати. Подобает убо хотѣти и тещи, нъ не уповати на своа труды, нъ на Божие милосердие. Рече бо въ Притчяхь: «Не хвалися утрьнимь, не вѣси бо, что родить настоащия».[151] Не бо ваше есть еже прити въ утрьнее, яко наипаче наймиту наяту на единъ день. Власть кая есть о себѣ, аще не наимый его повелить?

В нейже о лихоимании богатых и нищих яже в мирѣ и о праведнѣ судѣ Божии

59. Сущее

Воле, нынѣ, богатии, плачѣтеся, задрежущеся о страстехъ ваших, грядущих на вы.[152] Богатьство ваше изгни, и ризы ваша молеве пояша.

Толк. Златоуста. Приимь отселѣ тѣсный путь. Доколѣ пища, доколѣ слабость? Не насытихом ли ся лѣнящеся, смѣющеся, одѣвающеся? Пакы не тѣми же будѣте, трапеза, и ядь многосъвершена, имѣние и села и домозданиа? И что от того приобрѣтение? Смерть. Что конець? Мука и скрежетъ, гной и червие.[153]

Исихиево. Прѣдглаголеть мучение, человѣколюбиа ради, да покаявшеся кромѣ будеть прѣтимыхъ.

Кирил. Еже есть: гнѣвъ, не тъкмо закалаяй, яко нѣкыя овны и волы, тѣмь обычно глаголеть къ намъ: «Воле, нынѣ, богатии, плачѣтеся, задрежющеся о страстехъ ваших находящих». «Питасте бо ся и насытисте на земли, и укормисте сердца ваша, яко въ дьнь заколениа».[154] Таци бо бѣша и иудейстии наставници, пасущеся убо образомь нѣкымъ на мѣстѣхъ тучных и пространых, от людскых приношений. Утывъше паче всѣх чьстьми, яко овьни и уньци падоша, огосподньмь ножьмь, окааннии.

60. Сущее

Злато ваше и сребро издръжавѣ, и ръжа ею послухование вамь будет,[155] и снѣсть плоти ваша, яко огнь[156] — снискасте въ послѣдняя дни. Се мьзда дѣлатель ваших, пожьнших нивы ваша, лишении от вас въпиют, и клицаниа *женъших*[157] въ уши Господу Саваофу вънидоша.[158]

Толк. Съвѣдѣтельствуеть на ны ръжѣ ради, обличая неподание наше, тоже и ризы моля ради сгнившая.[159]

61. Сущее

Веселистеся на земли и насладистеся, упитѣсте сердца ваша, яко въ день заколению. Осудисте, убисте праведнаго,[160] не противится вамъ.

Толк. Что убо? Ставляет от пища? И зѣло! Что ради въ снѣдь създася? Яко и хлѣбъ създа, и възбрани безмѣриа, яко и вино създа и възбрани безьмѣриа? А не яко нечисты пища въздержатися повелѣ, нъ яко губящу безмѣриа ради душу. «Вся бо тварь Божия добра, вѣща, и ничтоже отречено съ благодарениемъ въкушаемо».[161]

62. Сущее

Потерпите убо, братие, до пришествия Господня. Се бо дѣлатель жидеть другаго плода[162] земли, терпя о немь, дондеже прииметь дъжчь ранъ и позьднъ.[163]

Толк. Кирил. Аще бо и предлагаеть, вѣща, Богъ съвѣщающимъ мучение, но жидеть ихъ покаяниа, не яко красяся тѣми творить и любя грѣшникы, нъ время имъ обращению подавая.

Рекъ обидящиимь мучение и обидимым терпѣти повелѣ пришествиа чающим Господня. Абие же и клятвы отрекает прикасатися, на молитву же и пѣние упражнятися, и вѣру имѣти лише иерѣи Божии, и къ другом любовь, якоже и молити за другы. И явление крѣпости молитвъныя Илию на среду приводить, и конечнѣе, елика мъзда обращающимь грѣшныя.

63. Сущее

Потерпите и вы, утвердите сердца ваша, яко пришествие Господне приближися.[164]

Толк. Долготерпѣние къ другомъ, пождание ко внѣшнимь.[165] Аще бо и мнятся здѣ оставлени, обаче тамо многы славы насладятся.

Егда же узрять иже великая мышльше, ураненых от нихъ, и небрегомыхъ, и посмихаемых ими, и тѣхъ искрь сущѣ Бога, тогда възрыдають и въсплачють, на такой свѣтлѣ земли зряще ихъ.

64. Сущее

Не въздыхаите на ся,[166] братие, да не осудитеся.[167] Се Судии[168] предъ дверми стоить. Притчю приимѣте, братие моа, страстий терпѣнию, пророкы, иже глаголаша именьмь Господнимь.[169] Се блажимь терпящая. Тръпѣние Иовово слышасте...

Толк. Аще бо и благодарьствим с радостию великою, велиа та бываемаа. Есть бо благодарьствити страха ради токмо, и есть благодарьствовати и въ печали сущу, якоже Иовъ благодари. Въ болѣзни глаголаше: «Господь дасть, Господь отъятъ; яко годѣ Господеви, тако и събысться». Да никтоже глаголеть, яко не скорбь бѣ ему бываемое, ни ли печалию покрыся, ниже великоѣ похвалы отъемлете праведнику. Егдаже сицева быша не страха ради, ни владычьствия токмо, нъ вещий ради естьства, толика похвала? Рьци ми убо, когда блажиши Иова? Егда ли имяше толико вельблуд, и стада, и волы, или егда онъ глас испусти: «Господь дасть, Господь отъятъ»? Ибо и дияволъ насъ тѣмь отъщечивает, да не имѣние наше отъиметь, вѣсть бо, яко ничтоже есть, нъ да принудить ны рещи что хулно.

65. Сущее

...и кончину Господню видѣсте, яко премилостивь есть и щедръ.

Толк. От случивших бо ся вещий явися и диаволя лъжа, и Божие нелъжное съвѣдѣтельство.

66. Сущее

Прѣжде же *всего,* братие моа,[170] не кльнѣтеся ни небомь, ни землею, ни иною которою клятвою, нъ да будеть слово ваше еже «ей»—«ей» и еже «ни»—«ни», да не въ осуждение въпадете.

О долготерпѣнии, и о прѣтерпѣнии страстий,и о истинѣ

Аще страждет кто въ вас, да молитву дѣеть. Добродушьствуеть кто, да поеть. Болить кто въ васъ, да призоветь попы церковьныя, и молитву да сътворять над нимь, помазавше и масломь въ имя Господне.[171] И молитва вѣрна спасеть болящаго, и исцѣлить и Господь. Аще и грехы будеть сътворилъ, отдадятся ему. Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа, и молитву дѣите другъ за друга, да исцѣлѣете. Много бо можеть молитва праведнаго поспѣваема.[172]

Того ради древнимь клятва възаконися,[173] да не о идолѣх кленутся. Кленѣте бо ся, вѣща, Богомь истинным.[174]

Да будеть житие ваше извѣстѣ клятвы. Аще ли кто дерзънет принудити вы ротѣ, да будеть вамъ «ей» — «ей», «ни»—«ни», въ клятвы мѣсто.[175]

Того ради възбраняеть ны небомь и землею, да не дамы твари чьсти Богомь творяще ю. «Кленущии бо ся, вѣща, большимь да кленутся», [176] — якоже апостоль рече.

Максимово[177] о молитвѣ праведна. По двѣма образома вѣдѣ бывающю молитву праведнаго. По единому убо, егда по заповѣдем дѣлъ Божии, и тако творить приносъ молитвѣ моляйся, и не токмо въ высоцѣ словеси, ни въ тщегласии языка, отпадати бездѣлнѣ и лежати непоступнѣ, нъ въ дѣлѣ и живѣ законными заповѣдми одушевляема. Молитвѣ бо и молению съставъ добродѣтель есть, имже крѣпку и всесилну праведникь имать молитву, съпоспѣваему заповѣдий ради. По второму же образу, егда молитва праведнаго молящися дѣла молитвьнаа творить, первѣе исправляя житие, и молитву сътваряя праведнаго силну своего ради добраго жития възмагаему. Не бо ползует что праведнаго молитва требующему ея, множае добродѣтелий съгрѣшениемь сущемь. Понеже и великый нѣкогда Самуилъ плакаше, съгрѣшившу Саулу, нъ не укрѣпѣ Бога умолити, не приимь помощника плачю Саулова исправлениа. Тѣм и неразумнаго плачя престати своему слузѣ вѣща к нему: «Доколѣ ты плачеши Саула? И азъ уничьжихъ и не служити въ Израили».[178] И пакы Иеремии милосердующу о людех иудѣйскых, о льсти неистовившихся идольстѣй, не услышася моляйся, не имѣяй молитвѣ силы от льсти обращениа безбожныхъ иудѣй. Имже въ тъще мольшуся ему, рече ему Богъ: «И ты не молися о людех сихь, ни проси помилованиа имъ, ни приступай о них, яко не послушаю тебе».[179] Рекохом же убо: «Много можеть молитва праведнаго поспѣваема, дающе ему дерзновение[180] къ дати могущему праведныхъ прошения».

Поучениа комуждо подобна суща съ вѣрою

67. *Сущее*

Илиа человѣкь бѣ подобенъ нам,[181] и молитвою помолися[182] не быти дождю, и не одожди по земли лѣта три и шесть месяцъ. И пакы помолися, и небо дождь дасть, и земля прозябе плоды своа.

Толк. Въ Третиимь Царьствѣ рече: «И рече Илия пророкь от Февзонъ Галадьскых къ Ахаву: “Живъ Господь Богъ силъ, Богъ Израилевь, емуже предстою. Аще будеть въ си лѣта роса и дождь, аще не усты слова моего”».[183]

<Толк.> Златоуст. Да понѣ тако гладомь таеми, къ Творьцу достигнуть, да глад начало спасению имъ будеть. «Ничтоже бо, вѣща, можеть наказати, нъ токмо гладъ». Да тако наказеми, къ всѣхъ зиждителю обратятся. И по малѣ изиде слово пророка, и абие въздухъ премѣнися, небо мѣдяно бысть,[184] не естьство измѣняя, нъ дѣйством въстягнуто. Абие стухиѣ преобразишася. Паде слово пророче, яко паче о огнь жьгый бокы земли, и вся абие исъхоша, и вся без лѣпоты и не явима быша.

Яко послужити подобаеть спасению искрьняго

68. *Сущее*

Братие, аще кто въ вас заблудить от истины и обратить и кто, да вѣсть, яко обративый грѣшника от заблуждениа пути его, спасеть душу от смерти и покрыет множьство грѣховъ.[185]

Толк. Златоуст.[186] И како подобаеть обращати? Якоже паче земледѣлателе. Ти убо сѣмена мещуть единою, не пребѣваеть же всегда, нъ многа трѣбуеть устроениа, да на землѣ омьгльнѣвши дасть сѣяная птицямъ. Тако и мы, аще не чясто память въмѣненым въсылаем, на въздухь все поврьгохом. Ибо диаволъ въсхытает и наша лѣность погубляет, и сълнце сушить, трьние подавляеть, якоже не довлѣеть единою тъкмо сѣяныих истребити, нъ много трѣбѣ прѣсѣдѣние — отгоняща птиця небесныя, трьние сѣкуща, камяную землю чистяща. Нъ о земли се бывает, бездушна бо лежить, къ страсти готова сущи. О духовнѣй же земли не тако. Ни учителю есть все то, но множае и до полу ученику: намъ убо есть сѣяти сѣмена, вамъ же творити глаголаная. Яко слугы бывайте ближних спасению.

---

[1] *... расѣяниемь от обоюнадесяте колѣну...* — т. е. к христианам из иудеев (иудео-христианам), принадлежащим к двенадцати коленам Израиля, т. е. к двенадцати племенам иудейским, живущим вне Палестины.

[2] ... *Евсевий*... — Имеется в виду Евсевий, епископ Кесарийский (IV в.) (или Евсевий Памфил), византийский историк и богослов, автор «Церковной истории». Евсевий подвергал сомнению авторство Иакова (*Евсевий Памфил.* Сочинения / Пер. с греческого. Т. 1: Церковная история. СПб., 1843. С. 155).

[3] *Якоже бо се мирьстии. ... «Церковнѣй повѣсти».* — Этот текст, которым оканчивается в рукописи F.п.I.24 «вступительная часть» (после него нарисована концовка, отделяющая «вступление» от текста «Послания»), на самом деле является толкованием к первому стиху «Послания» (Иак. 1, 1). В греческом тексте по изданию Крамера оно находится сразу после стиха Иак. 1, 1; также и в рукописи Погод. 30.

[4] *Книги ... жидомъ.* — Этого заголовка в рукописи F.п.I.24 нет; вносим его по рукописи Погод. 30 (1 стр.).

[5] *... радоватися.* — Используя традиционную форму приветствия — пожелание радоваться, вообще, доброе пожелание — греч. χαίρετε — апостол Иаков вкладывает в нее дополнительный смысл, который раскрывается в следующем стихе (Иак. 1, 2).

[6] *...обрѣзания сый апостоль...* — т. е. апостол для иудеев.

[7] *Дидимъ.* — Дидим (308—395), византийский богослов, ученик Афанасия Великого, составитель комментариев к книгам Священного писания.

[8] *...напасти...* — Слова «напасти», «искушения», «искусы», а также «скорби» и «испытания» употребляются как синонимы. Каждое из этих слов имеет не меньше трех значений, но в каждом слове эти три значения проявляются, если так можно сказать, в разных пропорциях. Поэтому для понимания текста следует внимательно следить за контекстом. Эти три значения: 1) беда, несчастье — ἐπήρεια; 2) борьба — ἄθλημα; 3) искушение (испытание, опыт) — πείρασμα. Три значения этих слов поразительно выражают мысль апостола Иакова о том, что беда посылается, для того чтобы человек боролся и таким образом был испытан в своих нравственных и духовных достоинствах.

[9] *...терпѣние* — ὑπομονή. Через терпение человек получает победу в борьбе с искушениями. О терпении у Иакова более подробно в 5-й главе (Иак. 5, 7—11). Апостол Павел учит тому же: «И не только сим хвалимся, но хвалимся и скорбями, зная, что от скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда, а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в души наши Духом Святым, данным нам» (Римл. 5, 6).

[10] *...дѣло съвершено...* — ἔργον τελείον; совершенство (τέλεια) — это то, чего человек достигает через искушение, преодолевая грех и слабость, имея целью приобрести венец и наследовать Царствие Небесное. Совершенное дело — с одной стороны, дело совершенствования, процесс, ведущий к достижению совершенства. С другой стороны, это «деятельная добродетель», или добродетель добрых дел, без которых вера мертва. Об этом апостол Иаков пишет в главе 2 (Иак. 2, 14—26).

[11] *Златоуст.* — Иоанн Златоуст (347—407), архиепископ Константинопольский, один из отцов церкви, выдающийся богослов, философ, гимнограф, автор многочисленных богословских и нравственно-учительных сочинений, в том числе и толкований на книги Священного писания. Его труды использовались преп. Феофилактом и другими толкователями при составлении катен.

[12] *Аще приступаеши работати Христу, приготовай си душу к напастемъ.* — Сирах. 2, 1.

[13] *Въ мирѣ печаль имате, нъ дерзайте.* — Ср. Ин. 16, 33.

[14] *Тѣсный и скорбный путь* — узкие врата, ведущие в Царствие Небесное (Мф. 7, 13—14); переносное — путь самоограничения, отречения от земных благ, подвиги. Мф. 11, 12: «Царствие Небесное нудится» (берется силой), т. е. завоевывается трудами и страданиями. Ср. «Многими скорбями надлежит войти в Царствие Небесное» (Деян. 14, 22).

[15] *... внѣшними подвигы никтоже бес тоя вѣнца приметь...* — Венец — награда победителю, которую гимнаст получает в борьбе, добиваясь ее длительными упражнениями, трудами и терпением. Здесь Венец (Венец Жизни) — Царствие Небесное; это награда человеку, который пройдет через искушения к совершенству; она достигается терпением, перенесением скорбей, смирением, трудами, постом, бдением и т. д. Об этом есть и в Ветхом Завете: «В огне искушается злато, а человеци приятни в пещи смирения» (Сирах. 2, 6).

[16] *Уза бо есть печаль ... оградить.* — Это толкование в рукописи F.п.I.24 читается как примечание к 3-му отрывку (Иак. 1, 5—6), т. е. 2-й отрывок здесь остается без толкования и сливается с 3-м. Однако мы дерзнули поместить это толкование (как в рукописи Погод. 30 и в греческом тексте по изданию Крамера) после 2-го отрывка, к которому оно подходит по смыслу.

[17] *...прѣмудрости...* — В данном случае имеется в виду более частное значение слова «премудрость» (σοφία): правильное понимание Божественных предначертаний, определяющих правильность христианского поведения (Прит. 1, 2; Ефес. 5, 13; Кол. 4, 5). О Премудрости в высоком смысле у апостола Иакова в гл. 3, стих 17.

[18] *... ничтоже сумняся...* — ничуть не сомневаясь, без всякого сомнения; в Синод. «ничтоже рассуждая». Это выражение, вошедшее в современный русский язык как фразеологизм, восходит к Деяниям апостолов (Деян. 10, 20; 11, 12). Это то, что Бог сказал апостолу Петру, призывая его идти за ним. Это то, что требуется от верующего человека в отношении воли Божией. Апостол Иаков употребляет это выражение, говоря о молитве.

[19] *...не въведи нас въ искусъ...* — Мф. 6, 13; Лк. 11, 4 — из Молитвы Господней («Отче наш»), которой Христос научил людей.

[20] *... да съвръшени, и всенаслѣдни явитеся, ни въ чемже недостаточьствующе.* — Следует обратить внимание, что эта фраза — повторение 4-го стиха 1-й главы Иакова «да будете съвершени отинудь и исполнени и ни единого лишени суще». В греческом в обоих случаях: ἵνα ἦτε τέλειοι καὶ ὁλόκληροι ἐν μηδενὶ λειπόμενοι. Слово «всенаслѣдни» в толковании соответствует слову «исполнени» у Иакова, а в Синодальном — «всецѣли». Греч, ὁλόκληροι — целый, неповрежденный; иначе говоря «полный», «обладающий всей полнотой». Все варианты славянского перевода выражают идею совершенства, достижения цели во всей полноте, получения Царствия Небесного. Чтение «всенаслѣдни», может быть, подчеркивает, что совершенство (т. е. получение Венца) осуществляется как наследование (ср. Мф. 25, 34 — «Наследуйте Царство»), т. е. награда обещана, и человек получает сыновство.

[21] *Сумьняй бо ся ...* — греч. διακρίνω — разделяю, разлагаю. Это очень важное для апостола Иакова понятие, ибо сомнение разрушает гармонию и мешает человеку воспринимать волю Божию и выполнять ее. Причиной сомнения является маловерие (см. об этом ниже).

Сомневающийся (колеблющийся между верой и неверием, доверием и недоверием) находится в опасности впасть в грех, не устоять в искушениях, допустить хулу на Бога. Само сомнение уже есть хула. Сомнение опасно как буря на море; оно как ветер рассеивает добрые побуждения сердца и лишает его спокойствия; верующее же сердце подобно морю спокойному, в котором отражается образ Божий (рассуждение Теодоровича, с. 26—27).

[22] *Мудрость горняя* — Высшая мудрость — это свойство Бога; иногда это имя Бога.

[23] *...прошение...* — В Пог. 30 — приношение; греч. ἀίτησιν — просьба, ходатайство. Здесь идет речь о молитве, ожидающей исполнения просимого, может быть, молитве за других. Сомневающийся не получит исполнения просимого, поэтому следует истреблять в себе сомнение. Об этом идет речь в следующем толковании («Отъими от себе...»). О сильной молитве, присущей праведнику и истинно верующему, у апостола Иакова ниже, в главе 5.

[24] *Хулникъ ... язя.* — Согласно Крамеру, это отдельное толкование и приписано оно Кириллу. Хульник — имеется в виду, что маловерие есть хула на Бога, сомнение — отрицание всемогущества Бога. В греч. ὑβριστής — высокомерный.

[25] *Мужь дводушенъ...* — Понятие «двоедушный» введено апостолом Иаковом (δίψυχος — по аналогии с греч. δικάρδιος, δίγλωσσος). Двоедушный человек — человек с раздвоенной душой (как бы имеющий две души), колеблющийся, сомневающийся.

[26] *Да хвалить же ся брат ... въ смѣрении своем...* — Противопоставление «смиренный» (ὁ ταπεινός) и «богатый» (ὁ πλούσιος) показывает, что «смиренный» — это «бедный». Противопоставление богатых и бедных, сильных и немощных, мудрых и безумных и т. д., характерное для Священного писания, имеет несколько аспектов. Во-первых, то, что является достоинством в глазах людей, может быть недостатком перед Богом; во-вторых, то, чем люди гордятся, тленно и преходяще, — об этом у апостола Иакова ниже, в главе 5; в-третьих, гордиться обладанием чем-либо (богатством, силой, мудростью) не следует, поскольку оно дано Богом, и Богу принадлежит (1 Кор. 1, 26—31). Богатство и бедность противопоставляются не сами по себе, а как причина нежелательных нравственных последствий. Богатство само по себе не порок, и бедность — не добродетель. Но богатство есть причина гордости и возношения (о богатстве как источнике порока см. ниже в главе 5). Богатому труднее идти путем Христа, потому что он высокомерен и обременен, а бедный смиренен и свободен. Ср. Мф. 19, 23: «трудно богатому внити в Царствие Небесное». — Хвалитися (καυχάσθαι) — характерное для Нового Завета слово (ср. Римл. 2, 23; 2 Кор. 5, 12; 10, 15 и др.). Одно из значений — гордиться, величаться, хвастаться. Другое же трудно передать одним словом в современном русском языке — это радостное настроение (удовлетворение) от выполненного долга (перенесения искушений, пребывания в смирении и т. п.).

[27] *... яко цвѣт травный мимоидеть.* — Образ увядания цветов и травы как выражение мысли о том, что все мирское преходяще, связан с Ветхим Заветом (Ис. 40, 6; Пс. 89, 6; 102, 15; Иов. 14, 2 и др.) и, конечно, с реальной природой Палестины, где трава существует и цветет очень короткое время, а затем в мгновение ока исчезает, когда наступает летняя жара и знойные ветры из пустыни.

[28] *...с варом...* — зной, знойный ветер; образ губительного действия гнева Божия (Ос. 13, 15).

[29] *Тако богатый въ хожении своем увяжеть.* — Это начало темы преходящего богатства, максимально развитой в 5-й главе. Здесь тленность и мимолетность богатства сравниваются с естественным увяданием травы, а там страшнее — огонь и тление, уничтожение невозвратное.

[30] *Вѣнець животный* — Венец жизни, στέφανος τῆς ζωῆς, образ победы и награды, встречающийся в Новом Завете: «будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Апок. 2, 10); или варианты — венец славы (1 Петр. 5, 4), венец правды (2 Тим. 4, 8). Этот образ связан со спортом (венец, которым увенчан победитель), награда, обещанная человеку. Апостол Павел тоже говорит об этом. «Бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду. Так бегите же, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего. Те — для получения венца тленного, а мы — нетленного» (1 Кор. 9, 24—25). Все бегут, но не все получат награду. Апостол Иаков, как говорится в толковании, отмечает, что награду получит тот, кто претерпит печали (а не тот, кто победит), т. е. тот, кто противится искушениям, даже если у него не хватит сил для победы, может быть увенчан как доблестный воин. Именно поэтому путь страдания и искушений должен быть радостным, как спортивные состязания. В «Лествице» есть рассуждение на эту тему о том, что тот, кого минуют искушения, менее достоин венца, чем тот, кто боролся и пал: «Неуязвляемый супостатами не получит никакого венца, а тот, кто от случающихся падений не упадет духом, того восхвалят ангелы как храброго воина» (цит. по русскому переводу «Лествицы» (М., 1892. Слово 26. С. 156)).

[31] *...ради блажену быти ... Иже искусъ претерпить, искусенъ мужь всѣми облаженъ.* — Испр. по Погод. 30, в F.п.I.24 — *обнаженъ.* Эта фраза толкования соответствует словам из 12-го стиха Иакова: «Яко искушен быв, приимет венец животный». Смысл схож: тот, кто претерпит искушение, будет награжден; у Иакова — тем, что получит Венец, в толковании — тем, что будет «облажен» (от глагола блажити — хвалити). Однако здесь существенное отклонение от греческого текста толкования, с чем, возможно, связано наличие варианта *облажен / обнажен*. В греческом здесь: δόκιμος ἀνὴρ διὰ πάντων γεγυμνασμένος — «искушенный муж через все (т. е. всем — творительный падеж) испытан», или «прошедший испытание — надежен». В греческом тексте слово γεγυμνασμένος (испытанный) как бы объясняет слово δόκιμος (искушенный). Какой же вариант славянского текста более правилен? По-видимому, «обнажен» — ошибка перевода, связанная с тем, что греческое слово γεγυμνασμένος (причастие от глагола γυμνάξω

— упражняю) восходит к тому же корню, что и γυμνός (голый). Слово «облажен» могло появиться под влиянием «блажену быти». Без полного текстологического изучения этот вопрос не решить.

[32] *...зраку и слуху не подлежить, ни на высокый разумъ человѣку не възиде.* — Ср. 1 Кор. 2, 9; ср. также Ис. 64, 4.

[33] *Богъ бо нѣсть напастьникъ злымь, не напастить же тъ ни единого.* — В *Толк. Б.* (с. 226—227) указано, что точный смысл этой фразы передан в русском переводе Нового Завета по Синодальному изданию: «Бог не искушается злом, и сам не искушает никого», т. е. Бог абсолютно чужд зла и не затрагивается никакими перерождениями зла. В церковно-славянском синодальном тексте не точно: «искуситель зла».

[34] *Ориген.* — Ориген (185—254), пресвитер Александрийский, богослов и философ; составил толкования почти на все книги Священного писания.

[35] *... от своея похоти...* — Похоть (ἐπιθυμία) — желание, точнее, ἰδία ἐπιθυμία — собственное желание. Объяснять слово «похоть», кажущееся совершенно понятным, представляется необходимым, поскольку в современном русском языке значение этого слова сильно сужено до частного: желание плотское, любовное. Между тем такое сужение представляется весьма досадным, поскольку широкое значение (желание вообще), сохранявшееся в русском языке еще в XIX в., передает глубокий смысл наставления о похоти, ибо для человека, обладающего свободной волей, намного более серьезным проступком будет проявление своеволия (своего желания), чем гораздо более заслуживающее прощения, свойственное природе плотское влечение. В словаре Срезневского первым значением слова «похоть» указано — воля и приведен пример из Минеи XII века «божественная похоть», а вторым значением — желание; значения, связанные с плотью, по Срезневскому, второстепенны. Мы выбрали для перевода слова «похоть» — «произволение», хотя это слово во многом не подходит, но более точного нет.

[36] *Севирово.* — Севир (Север) (465—538), патриарх Антиохийский, монофизит, церковный писатель.

[37] *... самую ту похоть безаконию матерь прозвати Давиду ...* — Здесь и далее Давид упоминается как автор Псалтири. Рассуждение о похоти как матери беззакония, высказанное толкователем как обавление кстихам 14—15 Иакова, видимо, основано на 15-м стихе 17-го псалма: «Се боле неправдою, зачат болезнь, роди беззаконие».

[38] *... нъ о тѣхъ убо ... ищьдъшю...* — Ср. Иоан. 24, 21.

[39] *Исихий* — Исихий (Гезихий), IV в., из Египта, «ученый исправитель» Септуагинты, автор многих толкований на книги Священного писания.

[40] *...свѣтиломъ...* — Апостол Иаков называет Бога отцом светов — ὁ πατὴρ τῶν φώτων. Разные толкователи по-разному толкуют τὰ φώτα: светила (Пс. 135, 7) или ангелы (Иов. 38, 7), сотворенные Богом, но в отличие от них, являющихся частью божественного света (но в той или иной степени свет их колеблется и изменяется), Бог неизменен, и свет его вечен, неизменен и сам себе равен (*Толк. Б.*, с. 227).

[41] *Азъ есмь, азъ есмь и не изменяюся...* — Малах. 3, 6.

[42] *Не преобразуйтеся въ вецѣ семь ... съвръшено.* — Римл. 12, 3. Цитата здесь передана неточно. Здесь один глагол — «преобразуйтесь», а в Синод. два разных — «сообразуйтесь» συσχηματίζεσγε и «преобразуйтесь» μεταμορφοῦστε.

[43] *О сынѣ убо истиннѣ ... словомь истины.* — В толковании говорится о сыне и сыновстве, видимо, потому, что толкователь хотел объяснить слово «роди», толкуя этот стих как тезис усыновления. По мнению же других толкователей, понимать этот текст следует как рассуждение о «пакирождении», или «пакибытии», о новом рождении или перерождении, каковое совершается через Слово Истины, т. е. Христа. В таком смысле используют слово «родити» и другие апостолы — ср. 1 Ин. 1, 14; 1 Ин. 3, 9; 1 Петр. 1, 3, 23 и др. О «пакирождении» пишет апостол Павел: «...совлекшись ветхого человека с его делами и облекшись в нового...» (Кол. 3, 9). «Пакирождение» — это как бы сбрасывание с себя старой одежды (ветхого человека) и переодевание в новую (т. е. перерождение в нового человека); это значит «отложить прежний образ жизни ветхого человека истлевающего ...и облечься в нового...» (Еф. 4, 22—23), «Ибо нетленному сему надлежит облечься в нетление, а смертному сему — облечься в бессмертие» (1 Кор. 15, 53). И это совершается через Христа, потому что «ветхий наш человек распят с Ним, чтобы упразднено было тело греховное» (Римл. 6, 6).

[44] *...начятокь...* — Переродившись из ветхого грешного человека, христиане становятся «новой тварью» (2 Кор. 5, 17; Гал. 6, 15) или начатком (т. е. первенцем) среди народов, которые будут приходить к Христу и тоже становиться «новой тварью», т. е. обновленным созданием Божиим.

[45] *Толк. Првѣйшѣ ... да с нами свободится.* — Это толкование расположено в рукописи F.п.I.24 в середине 14-го отрывка, который, таким образом делится пополам: «тѣмже, братие моа ... глаголати» и «Медлень въ гнѣвѣ ...избытокь злобенъ». Мы расположили тексты так, как в Погод. 30 и у Крамера, что соответствует смыслу.

[46] *Тѣмже ... глаголати...* — В рукописи F.п.I.24 эти слова (т. е. Иак. 1, 19) написаны на поле, около 13-го отрывка, но без знака, куда следует поместить этот стих. В Погод. 30 этим стихом начинается 14-й отрывок. И это соответствует смыслу, ибо толкование 13-го отрывка («О твари») относится только к Иак. 1, 18, а Иак. 1, 19 начинает новую тему. Поэтому мы решаемся перенести этот стих с полей в начало 14-го отрывка, как это в рукописи Погод. 30.

[47] *...всяку скверну и избытокъ злобенъ...* — В Погод. 30 «всяку злобу и избыток злобен», в Синод. «всяку скверну и избыток злобы», в русском Синодальном «всяку нечистоту и остаток злобы». Здесь говорится о гневе, который избыточен (вернее, привнесен извне, добавлен); это не тот гнев, который свойствен человеку по природе, а другой, приносимый бесами и грехом. Ср. Пс. 4, 5 — «гневайтесь и не согрешайте», «Гневаясь, не согрешайте: солнце да не зайдет в гневе вашем» (Ефес. 4, 26).

[48] *Истое* — в греческом ἔμφυτος — 1) природный, естественный; 2) прирожденный. В Синод. слав. — всажденное, рус. — насажденное. *Толк. Б.* (с. 228—229) так объясняет «Насажденное слово»: Слово истины «подобно зерну, принимаемому и усвояемому землей, должно быть всажено в почву сердца человеческого и дать соответствующий росток, т. е. выразиться и проявиться в добрых делах». А нет ли в этом стихе иного, более глубокого смысла? Ведь это Слово, которое было «В начале» (Искони) — Ин. 1, 1, которое было всегда и всему причина. И это то Слово, которым, как сказано в толковании, явлено, что человек создан для бессмертия.

[49] *...разумѣвающу лице твари...* — Слово «разумевающу» соответствует греческому κατανοουντι; в Синод. переведено «Смотрящу». Также и далее — «Разумѣ» — «Увидел». Что изучает человек, глядя в зеркало? Свое лицо, наружность. В рукописи F.п.I.24 «лице твари», в Погод. 30 «лице рождения», в Синод. «лице бытия». В толковании и в F.п.I.24, и в Погод. 30 «лице рождения» τὸ πρόιωπον τῆς γενέσεως. Может быть, тут есть тот смысл, что человек должен помнить, что в нем Образ Божий от рождения (сотворения). Однако важнее, что противопоставление наружного созерцания (зеркала) и внутреннего состояния (пребывания в Законе совершенства и свободы) поясняет слова апостола Иакова о слушателе Закона и делателе его. Если первый воспринимает внешне и неизбежно забывает, то проникший всей душою в Закон становится исполнителем блаженного делания, дела совершенства, исполнения Закона.

[50] *...Законъ съвръшенъ и свободенъ...* — Закон совершенный и Закон свободы — это то же самое, что Слово Истины, Закон Христов, который противопоставляется ветхозаветному закону с его категорическими запретами. Слово Истины — это Закон свободы, потому что он — закон любви.

[51] *...родивь банею пакыпорождениа...* — крещением. См. коммент. к с. 92.

[52] *...от Бога и Отца си есть...* — Речь идет не об ипостасях, а просто подчеркивается, что в сыновстве Божием люди — братья. Вера в истинном понимании раскрывается ниже, во второй половине стиха, после толкования. ...от Бога — ср. 1 Ин. 4, 6: «Мы от Бога есмы...».

[53] *...посѣщати сиротъ ...от всего мира.* — Опекать вдов и сирот — собирательный образ милосердия и сострадания, восходящий к Ветхому Завету (ср. Сир. 4, 10; Пс. 67, 8). Милосердие — одна из основных

добродетелей христианства, ибо это выражение любви, завещанной Христом. Блюсти себя от скверны греховного мира (ср. 1 Ин. 4, 19) — это выражение любви к Богу, оберегание в себе Образа Божия. Здесь можно увидеть раскрытие апостолом Иаковом формулы христианской веры — заповеди Христа о любви к Богу и к ближнему (Мф. 11, 37—40), на которой «утвержден Закон и Пророки».

[54] *Будѣте щедри, якоже Отець вашь небесный.* — Ср. Лк. 6, 36: «Будьте милосерды, как Отец ваш небесный милосерд».

[55] *Милости хощу — рече — а не жертвѣ.* — Мф. 12, 7.

[56] *Не тѣло ли едино есмь вси...* — О том, что христиане — органы одного тела (Римл. 12, 4—5; Ефес. 4, 25).

[57] *Сънмище.* — Имеется в виду богослужебное собрание, церковь. В данном случае говорится о синагоге — συναγωγή (христианская церковь — ἐκκλεσία — сохраняла целый ряд обычаев синагоги), где было принято именитых и старших (отличаемых по богатой одежде и золотому перстню) усаживать на почетные места, а простолюдинам полагалось или стоять, или сидеть на полу у ног старших. Но христианам, говорит апостол Иаков, не полагается различать людей по одежде, а только по вере и благочестию, и нельзя брать на себя решать, кто достоин почета, а кто нет, ибо у Бога другой критерий.

[58] *Не Богъ ли изъбра нищая ... Царствию...* — О том, что у нищих есть преимущества перед богатыми в стремлении достигнуть Царствия Небесного, апостол Иаков уже вскользь упоминал в стихе 9 1-й главы («Да хвалится смиренный...»). Избрал? Может быть, это: «Приидите ко мне вси труждающиеся и обремененные»? (Мф. 11, 28). О нищих и о том, что забота о нищих — неотъемлемый признак благочестия, неоднократно говорится и в Ветхом, и в Новом Завете. Но представляются важными слова пророка Исайи (Ис. 61, 1), цитируемые в Евангелии от Луки (Лк. 4, 18): «Дух Господень на мне. Он послал меня благовестить нищим...». И не только благовестить нищим, но и помочь другим страдающим (сокрушенным сердцем, плененным, слепым, измученным). Поскольку путь к Царствию Небесному — страдание, то его достигнут страдающие. И еще. В Послании к Коринфянам апостол Павел говорит о «мудрости века сего», противопоставленной Божественной мудрости: «Не Бог ли избрал немудрое мира сего, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира сего избрал Бог, чтобы посрамить сильное, и незнатное мира, и уничиженное, и ничего не значащее, чтобы посрамить сильное» (1 Кор. 1, 26—27). Посрамить — показать отсутствие ценности. Ведь ценно только то, что ведет к Царствию Небесному. В этом смысле апостолы, евангелисты и пророки учат тому же самому.

[59] *Утѣшайте, — рече Павел, — яко братию, а не досаждайте, яко врагомъ...* — Призыв утешать друг друга у апостола Павла встречается неоднократно, см. 1 Сол. 4, 18; 5, 11, 14.

[60] *...не пред человѣкы се створи...* — Ср. Мф. 6, 1—4: «Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми».

[61] *Рече бо: «Еда самъ ся сътвори нищь? Нъ тебе ради, да ты спасешися имь».* — Христос нищим «вменился», принял на себя образ раба ради спасения людей добровольно. 2 Кор. 8, 9: «Он, будучи богат, обнищал нас ради...»; Фил. 2, 7: «Он уничижил сам себя самого, приняв образ раба».

[62] *Еяже обнажьшеся ... убожѣйше.* — Ср. Мф. 16, 26: «Кая помощь человеку, аще он приобретет весь мир, а душу свою отщетит».

[63] *Аще убо Законъ кончаваете царскъ...* — Царский, т. е. самый главный. Апостол Павел (Галат. 5, 4): «Весь закон в одном слове заключается: любите ближнего своего, как самого себя».

[64] *... по Книгам...* — т. е. по Священному писанию. Заповедь о любви к ближнему в Ветхом Завете, Лев. 19, 8: «Возлюби ближнего своего, как самого себя».

[65] *Аполинариево.* — Аполинарий Младший, епископ Лаодикийский, IV в., автор толкований на Священное писание.

[66] *Аще хощете ... Законъ и Пророци.* — Мф. 7, 1.

[67] *... рекый...«Не прелюбы сътвори»... преступникь Закону.* — Заповеди Господни (десять заповедей), данные Моисею на горе Синай, — Исход 20, 1—17. Среди них: Не убивай. Не прелюбодействуй (Исход 20, 13—14).

[68] *Слышите, якоречеся ... повиненъ есть суду.* — Ср. Мф. 5, 21—22.

[69] *Слышасте ли, яко речеся ... въ сердци своем.* — Ср. Мф. 5, 27—28.

[70] *Хвалится милость на судѣ.* — κατακαυχᾶται ἔλεον κρίσεωυ. Милость превозносится над судом. Еще одно значение слова хвалитися. Другие значения глагола: *хвалитися* (καυχἀσϑαι) — характерное для Нового Завета слово (ср. Римл. 2, 23; 2 Кор. 5, 12; 10, 15 и др.). Одно из значений — гордиться, величаться, хвастаться. Другое же трудно передать одним словом в современном русском языке — это радостное настроение (удовлетворение) от выполненного долга (перенесения искушений, пребывания в смирении и т. п.); *...хвалится ...* — Хвалитися, вельми хвалитися — μεγαλαυχεῖν. Здесь этот глагол имеет значение «иметь большое значение, много делать, иметь большую силу». Теодорович считает μεγαλαυχεῖν гапаксом Нового Завета.

[71] *Толк. Златоуста о милостыни.* — Это толкование Иоанна Златоуста представляет собой самостоятельное произведение (слово), которое можно было бы назвать «Слово о милостыни»; оно почти дословно входит в Пролог под 11 ноября под названием «Слово о милостыни Иоанна Златоустаго». Проложное слово является частью более обширного произведения Иоанна Златоуста, входящего в Златоуст

(чтение на 32 неделе): «Поучение яко во все жити полагается нам милостыню творити и о еже пренебрегати имения» (Златоуст. М., 1795, л. 309 об.—331). Тема милосердия занимает обширное место в наследии Иоанна Златоуста. Поэтический, наполненный сравнениями и метафорами текст содержит скрытые и точные цитаты («Будьте бо, вѣща, щедри, якоже и Отець вашь Небесный» — ср. Лк. 6, 36; «Крилѣ голубинѣ посребренѣ и межурамье ея в бльщании злата» — Пс. 67, 14; «Такоя жертвы хощеть Богъ» — перефразировка Мф. 12, 7; «огнь, червь, скрежет зубом» — Мф. 22, 13; Лк. 13, 28 и др.). Выражение «дружка Божия» (возможно, принадлежит Златоусту) перекликается с выражением «друг Божий» в отношении Авраама — см. Иак. 2, 23 и коммент. к с. 102. Трудно для перевода слово «межурамье» — μετάφρενοι («межплечие»). Не случайно ведь в этом образе противопоставляется крыльям какая-то другая часть тела птицы, но какая и почему? Пусть фольклористы скажут. В русском синодальном тексте Псалтири не переведено, а заменено другим словом: «Крылья ее покрыты серебром, а перья — чистым золотом».

[72] *Межурамье.* — См. предыдущий коммент. (*Толк. Златоуста*).

[73] *... нага будета дневного житиа...* — В Синод. «нага будут и лишены будут дневная пища». То чтение, которое представлено в нашей рукописи, может быть признано неиспорченным, поскольку греческое слово γυμνός (нагой) имеет также значение «лишенный». Среди греческих рукописей, как указывает Теодорович, тоже есть варианты, где пропущено καί (и) или ἤ (или). Если признать такое чтение, то надо переводить «лишены потребного для жизни».

[74] *...Раавь...* — О ней рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. См. коммент. к Иак. 2, 25 (*Такоже и Равь ... изведши... —* Текст, близкий к апостолу Павлу, приводящему как пример спасения по вере блудницу Раав (Евр. 11, 31). О поступке хананеянки Раав рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. Она спрятала у себя разведчиков (соглядатаев) Иисуса Наввина, осадившего Иерихон, и помогла им выйти из города. Она поступила так, потому что считала, что выполняет волю Божию).

[75] *Святый Божии...* — Такое наименование Христа в Мк. 1, 24. В Ветхом Завете встречается «святый святых»; может быть, это связано.

[76] *...толико пострадавше ... съблудиша...* — Об иудеях в пустыне.

[77] *Вѣра бо по крещении...* — Вера, полученная при крещении (как оглашение, т. е. объявление себя христианином), требует подтверждения дальнейшей жизнью. Апостол Павел указывает необходимость действенной веры и для тех, кто живет по ветхозаветному закону: «Не имеет силы ни обрезание, ни необрезание, но вера, действующая любовью» (Галат. 5, 6).

[78] *... на гору въсходить ... раздрушает силу.* — Об искушении Иисуса Христа дьяволом и о посрамлении дьявола см. Мф. 4, 1—11; Лк. 4, 1—10.

[79] *Авраамь бо отець...* — В Синод. *отец наш.* Возможно, что в рукописи утрата. Естественно, что праведный Авраам называется отцом нашим или праотцем. С другой стороны, дело, без которого вера мертва, для Авраама в данном случае связано с тем, что он — отец, возложивший сына на жертвенник из послушания Богу.

[80] *... не от дѣлъ ли оправдися...* — В Священном писании у слова «оправдися» два значения, существующие одновременно. С одной стороны, обычное — доказал (показал) свою невиновность. Второе — оказался причастным к Правде Божией, т. е. Верным (истинно верующим, доказавшим свою веру).

[81] *...възнесъ Исаака, сына своего, на жрътвникъ...* — О жертвоприношении Авраама в Книге Бытия, гл. 28; об обетовании насчет Исаака — Быт. 15.

[82] *Святого Кирила.* — Кирилл (ск. в 444 г.), архиепископ Александрийский, отец церкви, богослов. Среди прочих сочинений — толкования на библейские книги.

[83] *... Павель же глаголеть его от вѣры оправдана...* — Апостол Павел в Послании к евреям говорит об Аврааме как о ярчайшем примере оправдания по вере (Евр. 11, 8—19). Святой Кирилл в толковании, используя текст апостола Павла, подчеркивает в поступках Авраама, в которых проявляется его вера, беззаветная и непрекословная, черты «дел веры», т. е. веры деятельной.

[84] *... вѣры ради оставление ...* — Ср. Пс. 31, 2: «Блажен человек, которому Господь не вменит греха».

[85] *...събышася Книгы...* — Имеется в виду, что стих «Верова Авраам Богу, и вменися ему в правду» (Иак. 2, 23) является цитатой из Ветхого Завета (Быт. 15, 6).

[86] *... и другъ Божий наречеся.* — Выражение «друг Божий», по-видимому, принадлежит апостолу Иакову (только применительно к Аврааму). В Священном писании упоминается, что Бог возлюбил Авраама (Ис. 41, 8) и называл его возлюбленным (2 Парал. 20, 7).

[87] *Такоже и Равь ... изведши...* — Текст, близкий к апостолу Павлу, приводящему как пример спасения по вере блудницу Раав (Евр. 11, 31). О поступке хананеянки Раав рассказывается во 2-й главе Книги Иисуса Наввина. Она спрятала у себя разведчиков (соглядатаев) Иисуса Наввина, осадившего Иерихон, и помогла им выйти из города. Она поступила так, потому что считала, что выполняет волю Божию.

[88] *Севирианово.* — Севериан (ск. после 408 г.), епископ Гавальский, проповедник, богослов, автор толкований на библейские книги.

[89] *Слыши Писаниа, съвѣдѣтельствующа ея оправданиа...* — После взятия Иерихона, Раав и весь ее дом были пощажены Иисусом Наввином, и в этом проявилось ее оправдание (Нав. 4, 24).

[90] *... бисьръ въ калѣ свѣтяся...* — Это выражение есть в Повести временных лет в похвале княгине Ольге в 969 (6477) г.: «в невѣрныхъ человѣцехъ свѣтящеся, аки бисеръ в калѣ» (*БЛДР, 1*, с. 116). О выражении «бисер в кале» см.: *Лихачева О. П.* Яко бисер в кале // ТОДРЛ. Т. 50. С. 110—112.

[91] *Не мнози учителе будѣте...* — Апостолы и евангелисты неоднократно предупреждали против самозванных учителей: тех, кто поучает других, не будучи опытен сам, а также тех, кто недостаточно благочестив, ибо считает себя лучше других людей и тем дает себе право учить, как например фарисеи и книжники. Ср. Мф. 23, 7; Римл. 2, 21; 1 Кор. 13, 29 и др. Апостол Павел подчеркивает, что учительство есть дар свыше, предназначение от Бога (Ефес. 4, 11), данное немногим. А кому такой дар не дан, тот не должен учительствовать, ибо это принесет только вред.

[92] *...гнилословие...* — Ср. Ефес. 4, 29: «Никакое гнилое (σαπρός) слово да не исходит из уст ваших».

[93] *Слово ваше да есть въ благодати солию растворено.* — Ср. Кол. 4, 6: «Слово ваше да будет с благодатью, приправлено солью».

[94] *...и благодать дасться слышащимъ.* — Ср. Ефес. 4, 29: «Дабы оно доставило благодать слышащим».

[95] *Положи, Господи ... о устнах моих.* — Пс. 140, 3—4.

[96] *Съхраню пути моа ...имѣти.* — Ср. Пс. 38, 2. Цитата «Съхраню пути моа, не съгрѣшити ми языком моим», а далее реминисценция: «Добро убо есть хранилище, еже не съгрѣшающь языкь имѣти» — Пс. 140, 3 («Положи хранило») и Пс. 38, 2 («съгрѣшити ми языком»).

[97] *...хвалится ...* — Хвалитися, вельми хвалитися — μεγαλαυχεῖν. Здесь этот глагол имеет значение «иметь большое значение, много делать, иметь большую силу». Теодорович считает μεγαλαυχεῖν гапаксом Нового Завета.

[98] *Како убо не палить ... вѣчный...* — Ср. Мф. 22, 13.

[99] *Да не постражеть...улучя утехы.* — Трудное для перевода (может быть, испорченное) место. Здесь в славянском переводе смешались слова πλούσιος (богатый) и πλησίος (ближний). Этот малопонятный текст можно считать аллюзией к евангельскому рассказу о богатом и Лазаре (Лк. 16, 24) — богач в аду просил Бога послать Лазаря, чтобы тот «омочил перст» и охладил ему язык, потому что он мучается в пламени. Может быть, надо было бы перевести так: «чтобы не пострадать ему, как тот богач, язык которого горел в пламени».

[100] *...громаду...* — В Синод. — вещь, в греч. ὕλη — вещество. Теодорович указывает (с. 82—83), что ὕλη — вещество, гапакс Нового Завета. Основное значение — лес. Смысл сохраняется и при этом

значении: лес сгорает от малого огня. В Сирийском — лес, в Вульгате — silvam (лес).

[101] *...дѣвицѣ...* — Здесь ошибка, довольно частая в славянских рукописях (дѣвица / зѣница / лѣвица — часто путаются). В греч. κόρη: 1) девица; 2) зрачок. Здесь должно быть: зеницу ока.

[102] *Расколъ.* — Здесь ошибка славянского перевода. В греческом тексте слово σχῆμα (вид, форма), переводчик спутал его со словом σχίσμα (раскол, распря).

[103] *Мнози падоша усты меча ...узы его мѣдяны...* — Сир. 28, 21—23. Выражение «усты меча» есть также в Лк. 21, 24.

[104] ...лѣпота неправдѣ. — ὁ κόσμος τῆς ἀδικίας. В Синод. переведено прикраса неправде. Греческое слово δ κόσμος имеет три значения: 1) порядок, устройство; 2) украшение, прикраса; 3) мир, свет, вселенная. Славянский перевод берет второе значение. Некоторые толкователи, как указывает Теодорович, понимают этот текст так же и толкуют его в том смысле, что язык прикрывает, приукрашает неправду, имея в виду «непризванных учителей», о которых шла речь выше. Однако правильно было бы взять третье значение слова: κόσμος — мир, хотя и в переносном смысле (огромное количество, бездна, вся совокупность). В таком значении это слово употребляется и в Ветхом, и в Новом Завете.

[105] *...паля около твари нашеа...* — φλογίζουσα τὸν τροχὸν τῆς γενέσεως, Синод. *паля коло рождения нашего*. Коло (около) твари, коло рождения, круг жизни, колесо бытия. Теодорович (с. 84—85) указывает, что «колесо рождения» (т. е. колесо, бегущее от рождения), или «колесо жизни» — это метафора, в которой жизнь человека изображается как колесо, которое катится от рождения до смерти, а язык, оказавшись в середине колеса, опаляет всю нашу жизнь.

[106] *Святаго Василиа.* — Василий Великий (329—379), архиепископ Кесарии Каппадокийской, знаменитый богослов, один из отцов церкви, автор многочисленных сочинений, в том числе толкований на Священное писание.

[107] *Любяй бо мя, рече, заповѣди моа съблюдеть.* — Ин. 14, 15.

[108] *...удержи языкь свой от зла и устнѣ твои не глаголати льсти.* — Пс. 33, 14.

[109] *Мечь есть языкь наостренъ...* — В Священном писании встречается выражение «язык мечь обоюдоострый» (Пс. 149, 6; Прит. 5, 3—4; Евр. 4, 12).

[110] *... аще бо не оставимъ, не оставится намъ.* — Мф. 6, 1.

[111] *...премудръ и хытръ ...* — Хытръ (в Синод. *художъ*, русск. Синод. *разуменъ*) надо понимать: искусен, образован, научен. В словаре Срезневского: тот, кто знание имеет, disciplinatus. Рассуждение

Теодоровича: Премудр (σοφός) — тот, кто глубоко проникает в тайны Божественного откровения, а худог (ἐπιστήμων) — тот, кто умеет приложить мудрость к жизни и тем оценить на практике ее истинное значение. Ср. 1 Кор. 12, 8: «Одному дается Духом слово мудрости, другому — слово знания».

[112] *... въ кротость премудрости.* — В Синод. *в кротости и премудрости.* Мудрая кротость — это очень важное для апостола Иакова понятие. Это понятие доброго жития, доброго поведения, как в отношении ближнего своего, так и в отношении своего внутреннего мира. Это качество дает возможность человеку продвигаться по пути совершенства (чтобы наследовать Царствие Небесное) и право учительства. Противоположность — горькая зависть и сварливость (рвение) — ζῆλον πικρὸν ἔχετε καὶ ἐριθείαν — о которых говорится ниже.

[113] *...душьна ...* — «Душевный» (ψυχίκος) противопоставляется «Духовный» (πνευματικῶς).

[114] *...неприязнина.* — Ср. 1 Ин. 3, 8: «виновник всего злаго дела есть дьявол».

[115] *Идеже бо зависть ...ту нестроение.* — Ср. Синод.: «где зависть и рвение, там всяка злая вещь» (πᾶν φαῦλον πρᾶγμα). Нестроение — ἀκαταστασία — ср. 1 Кор. 14, 33: «Ибо Бог не есть Бог нестроения, но Бог мира».

[116] *А вышняя премудрость ... плодъ благыхъ...* — О Премудрости см. выше (*...премудръ и хытръ...*), а также коммент. к с. 84. Здесь перечислены качества Премудрости. Чиста (ἁγνή) — не в смысле «целомудрена», а в смысле «свободна от всякой нечистоты». В Вульгате — pudica. Ср. Прем. 1, 4: «В злохудожную душу не внидет премудрость, ниже обитает в телеси, повинном греху». Мирна — ср. Прит. 3, 17: «Вся стезя ее мирна». Пропущен эпитет «кротка», который есть в Синод. и в греческом текстах — скромна, негневлива, проникнута любовью. Ср. 1 Тим. 3, 3 (кротку — ἐπιεικῆ); Тит. 3, 2 (тихим — ἐπιεικεῖς); Фил. 4, 5 (кротость — ἐπιεικὲς). *Благопокорлива* — послушна закону Божию, как Христос (Фил. 2, 8).

[117] *...скверну...* — Слово «скверна» имеет два значения: 1) ῥύπος; ῥύπαραν — мерзость, грязь; 2) σπιλάδες — порок в нравственном смысле.

[118] *...бе-сумнѣниа и без лицемѣрия...* — Ср. Синод. *несумненна и нелицемерна* (ἀδιάκριτος καὶ ἀνυπόκριτος). Рассуждение Теодоровича: будучи беспристрастна, она «не выслеживает сучков» в глазу брата; будучи нелицемерна, не скрывает бревна в своем глазу.

Семь качеств истинной мудрости (чиста, мирна, кротка, благопослушлива, милостива, несомненна, нелицемерна), как семь цветов радуги, сливаются в один «цвет мира», т. е. свойства истинной мудрости совпадают со свойствами истинной любви, иначе: мудрость есть в сущности христианская любовь.

[119] *Плод же ... творящим миръ.* — греч. καρπὸς τῆς ϑικαιοσύνης. В Погод. 30 — ...благъ праведенъ. Эта короткая фраза, завершающая увещание о Премудрости, очень важна — она не только подводит итог увещанию, аккумулируя глубочайший смысл, но и подготавливает к восприятию следующей главы. Плод правды — справедливое устроение жизни по учению Христа, противопоставленное распрям и сварам, являющимися плодами ложной мудрости. Сеется — т. е. дается (но не просто дается — посеянное должно вырасти и дать плод; возможно, слово «сеять» метафорически выражает понятие «учить»). В мире, т. е. мирно (противоположно зависти и распрям, которыми утверждается ложная мудрость). Это благо (плод правды) дает только тем, кто творит мир, миротворцам (выполняющим заветы Христа).

[120] *...о мачании зелий.* — В греческом тексте: βαπτισμάτων — *омовения; зелия* — добавление переводчика. Мачание зелий (мочение трав?) — можно понять как настой трав. В свете цитаты из Павла, на которую толкователь ссылается, может быть, здесь речь идет о неосуждении за еду и ритуальные омовения (в которых, возможно, употреблялись благовония или настои растений). Может быть, следовало переводить: «о сохранении пищи и разных омовениях».

[121] *...къ коласаемъ бесѣдуеть Павелъ.* — См. Кол. 2, 16 и др.: «Итак, никто да не осуждает вас за пищу и питье, или за какой-либо праздник, или новомесячие, или субботу...».

[122] *Откуду брани ... не можете улучити...* — Вражда и распри (πόλεμοι καὶ μάχαι), непозволительные для христиан, проистекают от страстей (ἐπιϑυμία, здесь метонимия ἡδοναί), гнездящихся в членах тела человека. Мысль о том, что грех порабощает человека через плоть, угнездившись в членах и борясь с духом и побуждая человека к распрям и сварам, высказывается и другими апостолами. Апостол Павел (Римл. 6, 12—14) предостерегает, что человек станет рабом греха, если позволит своим членам стать орудием греха, а не орудием праведности. Закон, царствующий в членах, противоборствует закону ума (Римл. 7, 26), и эта борьба делает человека рабом «этого тела смерти». В другом месте (Римл. 16, 17—18) апостол Павел говорит, что грешные люди (те, которые производят раздоры и соблазны) служат не Господу, а своему чреву. В 1-м послании апостола Петра также упомянуто, что плотские похоти восстают на душу (1 Петр. 2, 11). Эта борьба разрушает внутренний мир человека, если он не умеет себя обуздать. Она еще и тем опасна, что, как пишет далее апостол Иаков, лишает человека возможности получить желаемое, потому что ни желание, ни борьба за его выполнение (зависть, убийство, не в прямом смысле, конечно, а в духовном, т. е. ненависть, недоброжелательство) не приносят выполнения желания. Потому что только через молитву возможно получение просимого.

[123] *Зане не просите.* — Эти слова, конец стиха Иак. 4, 2, начинают другую важнейшую для Нового Завета тему, о которой апостол Иаков будет говорить ниже, — о молитве: «Потому что не просите» (ср. Лк. 6, 46: «Что мя зовете “Господи, Господи”, а не творите, яже глаголю»).

Распри и свары — нарушение завета Христова, поэтому молитва людей, виновных в этом, не является той молитвой, которую услышит Господь.

[124] *... слово въ учении.* — λόγον διδασκαλικόν. Феофилакт считает, что речь о «ложных учителях»; в таком смысле и в Синодальном русском переводе. Впрочем, у апостола Павла, наверное, шире — обращение ко всем членам общины (1 Кор. 3, 3).

[125] *Аще бо, рече, въ вас зависть и ревность, не пльтяни ли есте?* — 1 Кор. 3, 3.

[126] *Просите и не възмете, занеже злѣ просите...* — «Плохо про́сите» или «Про́сите плохого»? Я думаю, здесь оба смысла: 1) плохо, т. е. неусердно, молитесь и 2) просите о плохом. По-моему, повтор «зане злѣ просите», которого нет в Синод. тексте, подтверждает двойной смысл. Апостол Иаков обращает столь большое внимание на ситуацию «просит и не получает», потому что одна из аксиом христианства — выражение из Евангелия от Матфея (Мф. 7, 7—11): «Просите, и дано будет». Вера в то, что милосердный Господь даст просящему все, что он заслуживает, или нет такого милосердия, находится как бы в противоречии с тем, о чем говорит апостол Иаков. «Просите — и не дается». Ведь в этом упрек — раз не дается, то как вы просите и каковы вы?!.. И объяснение — вы просите того, что служит к вашей погибели, и именно потому милосердный Господь не дает вам. Следует стыдиться того, что молитва не услышана, а не обижаться на это. Об этом идет речь в следующем толковании. Ср. также Прит. 15, 29.

[127] *...прѣлюбодѣици и прѣлюбодѣиця.* — μοιχοί και μοιχαλίδες. (Теодорович считает, что второе слово попало из маргиналий какого-то древнего текста, однако в латинском, коптском, эфиопском и сирийском есть оба слова, мужского и женского рода). Слово «прелюбодеи», адресованное людям, любящим земные блага больше, чем божественные дары, связано с обычным для Священного писания метафорическим изображением отношений между Богом и народом как супружества. Нарушение заповедей Божиих есть неверность в любви, т. е. прелюбодеяние.

[128] *Такъ бѣ и фарисѣй, егоже Лука въ Еуангелии похуляет.* — См. Лк. 18, 10—14.

[129] *Иже бо аще изволить друг свѣту сему быти, врагъ Божий бываеть.* — Миръ (свѣт) — в контексте затронутой темы — мир плотский, материальный, противопоставляемый духовному началу. Поскольку плоть может быть источником вожделений, ссорящих человека с Богом, то мир плоти и материи как бы враждебен Богу. Апостол предупреждает, в продолжение предыдущего стиха, что люди, любя свои вожделения, вольно или невольно, переходят на сторону врага Божия — дьявола.

[130] *Притъчникъ.* — Вероятно, это не прямое указание на авторство толкования, а ссылка на Притчи Соломона, цитируемые ниже апостолом Иаковом.

[131] *... не мощно есть работати Богу и мамонѣ...* — Мф. 6, 24.

[132] *Ножь бо и раздѣление въверже на землю.* — Противопоставляя плотское и духовное, подчеркивая необходимость и неизбежность их борьбы в человеке для достижения спасения, апостол Иаков говорит, что «друг мира» (т. е. сторонник плотского начала) становится «врагом Бога» (т. е. не принимает духовное начало). Толкователь развивает это подробнее, опираясь на высказанную в Евангелии мысль о необходимости разделения плотского и духовного и отсечения плотского («не мир, но меч» — Мф. 10, 34 и «...разделение» — Лк. 12, 51). Именно ценой этой суровой борьбы возможен мир, состояние, о котором молятся не только люди, но и ангелы на небесах. В толковании на Евангелие Иоанн Златоуст говорит о целительности для нас отсечения больного члена для спасения всего тела.

[133] *Аще рука ... съблажняеть тя...* — Мф. 18, 8—9; Мк. 3, 43—44.

[134] *Хрусостомосъ* — т. е. Златоуст (Χρυσόστομος), Иоанн Златоуст.

[135] *Или мните, яко лъжу Книгы глаголють вы: «Завистию възлюбляете дух, иже вселився въ нас...»* — Общепризнано, что это одно из труднейших для понимания мест. Во-первых, такой цитаты в Священном писании никому найти не удалось. Возможно, что ссылка на Писание относится к приведенной в следующем стихе цитате из Притч Соломона, т. е. текст не является цитатой, а принадлежит апостолу Иакову. Смысл текста не ясен. В славянских рукописях: «возлюбляете дух», в греческом тексте, а также в Синодальном церковнославянском и русском: «Дух возлюбляет». Греческий текст: πρὸς φθόνον ἐπιποθεῖ τὸ πνεῦμα, Синод.: «к зависти желает дух»; рус.: «до ревности любит дух». Затруднением является слово φθόνος .(зависть) или ζῆλος (ревность) в отношении Бога. Толкователи XIX в. пытались найти решение типа «возлюбил до ревности». Однако слово «зависть» в значении «ревность» (т. е. усердие) зафиксировано в словаре Срезневского («божественною завистью душею возгараясь» — Минея 1091 г.).

[136] *Завистию диаволею смерть вниде въ миръ...* — Прем. 2, 24.

[137] *Христос же, по Писанию, вселися ...* — Ср. Ефес. 3, 17: «Вселитися Христу верою в сердца наша».

[138] *Азъ бо придох, рече, да животъ имуть и лише имуть.* — Ин. 10, 10.

[139] *Исаия явѣ рекъ: «Не ходатай, ни аггелъ, нъ сам Господь спасе ны, понеже възлюби ны».* — Ср. Ис. 33, 27: «Господь судия наш, Господь законодатель, Господь царь наш, он спасет нас».

[140] *Вселеную всю обоиму яко яице.* — Ср. Ис. 10, 14: «Вселенную всю обоиму рукою моею, яко гнездо, и, яко оставленныя яйца, возьму».

[141] *Богъ гордымъ противится, съмѣреным же даеть благодать.* — Прит. 3, 34.

[142] *Повинѣтеся убо Богови ... от васъ.* — Смирение, как главная добродетель верующего человека, которой всю силу дьявола побеждают, требует от человека сознательной и твердой позиции (т. е. борьбы) — покориться Богу и воспротивиться сатане, воспротивиться так твердо, чтобы он обратился в бегство. Человек обязан проявлять волю и усердие. Это же говорится и в толковании: смирение и скромность требуют проявления воли человека, ибо могут быть и на добро, и на зло.

[143] *О покаяньи... искрьняго.* — Этот заголовок в рукописи пропущен; восстанавливаем по Погод. 30.

[144] *Очистите руцѣ ... двоедушьнии.* — Покаяние, как проявление смирения, дает возможность человеку, во-первых, очистить руки (избавиться от греха) и сердце, а во-вторых, проявить волю в выборе, — в том, чтобы приблизиться к Богу. И тогда Бог приблизится к человеку.

[145] *Виждь съмѣрение мое и изми мя, яко Закона твоего не забых.* — Пс. 118, 153.

[146] *Не отай оклеветайте...* — В греческом тексте: Μὴ καταλαλεῖτε (Не клевещите). Вероятно, «отай» попало по ошибке, под влиянием Пс. 100, 5 («оклеветающего тай»).

[147] *...спасти и погубити.* — Выражение «спасти и погубити» из Мф. 10, 28, где говорится о том, что люди могут убить тело человека, но не могут убить его душу. Бояться нужно не людей, а Бога. Только всемогущий Бог, установивший совершенный Закон, может судить, осуждать или прощать. Ср. 1 Цар. 2, 6: «Господь мертвит и живит, низводит во ад и возводит».

[148] *Имже осуждаеши друга, себе осуждаеши. Таковая бо съдѣеть и осуждаяй.* — Ср. Римл. 2, 1.

[149] *...огнь и муку на своя изливают главы.* — Ср. Прит. 25, 22 и Римл. 12, 20: «...соберешь ему на голову горящие угли» (т. е. горькое раскаяние).

[150] *Вѣдущому же убо добро дѣяти и не дѣющю, грѣхъ ему есть.* — Синод.: «кто разумеет делать добро» (т. е. знает, что нужно, и умеет). О том, что неведение иногда освобождает от ответственности, а ведение (знание) усугубляет ответственность, говорится в Евангелии: «Раб, который знал волю господина своего и не был готов, и не делал по воле его, бит будет много, а который не знал, но делал достойное наказание, бит будет меньше» (Лк. 12, 47—48); «Если бы я не пришел и не говорил им, то не имели бы греха, а теперь не имеют извинения в грехе своем» (Ин. 15, 22).

[151] *Не хвалися утрьнимь, не вѣси бо, что родить настоащия.* — Прит. 27, 1.

[152] *...плачѣтеся, задрежущеся о страстехъ ваших, грядущих на вы.* — Плачьте задрежуще — κλαύσατε ὀλολύζοντες. Синод.: «Плачьте и рыдайте». У Срезневского: «задрьзатися — захлипатися» (может быть: рыдать вопия). «Бедствия, страсти» (Синод.: «лютые скорби») — ταλαιπωρίαις. Скорби — это не только потеря мимотекущего богатства, которая предстоит; «грядущие скорьби» — это скорби, предшествующие Второму Пришествию. О скорбях, предшествующих «кончине века», говорится в 24-й главе Евангелия от Матфея. Здесь у апостола Иакова начало темы предвещения Страшного суда, развиваемой далее. Во времена апостольские наступление Страшного суда ощущалось как самое ближайшее будущее.

[153] *Мука и скрежетъ, гной и червие.* — «Тьма кромешная», где «будет плач и скрежет зубов» (т. е. ад, вечная мука) — Мф. 8, 12; 13, 42, 50; 22, 13; 24, 51; 25, 30; Лк. 13, 28.

[154] *...дьнь заколениа.* — Метафора, обозначающая день Страшного суда. Основана на тексте пророка Иеремии (Иер. 12, 3): «собери их как овцы на заколение, и очисти их в день заколения». Иаков изменяет эту метафору, делая ключевым словом «ожиревшее сердце». Как скотину перед убоем откармливают, так и богатей, насладившиеся жизнью, откормили сердца свои. Их надлежит зарезать, как скот. Но очищение (метафора Иеремии, вероятно, связанная с иудейским обычаем особого очищения мяса, предназначенного для еды) ожиревшего затруднительно. Так и «ожиревшее сердце» (в духовном смысле) нелегко очистить перед «днем заколения», т. е. перед Страшным судом. О дне заколения также: Иерем. 25, 34: «Воскликните, пастуси, и возопите, и восплачите, овни овчии, яко исполнишася дние ваша на заколение, и падете, якоже овни избранные».

[155] *Злато ваше ... будет ...* — Золото проржавело. Это можно понимать не буквально (золото, как известно, не ржавеет), а иносказательно: пропало, исчезло, было уничтожено. Золото и серебро — это троп (синекдоха), обозначение богатства вообще. Может быть, употребляя образ «золото и серебро проржавело» для обозначения уничтожения, автор хочет подчеркнуть провиденциальную неизбежность уничтожения всего (даже того, что кажется неуничтожимым) в Судный день. Далее подчеркивается, что ржавчина золота — это свидетельство против: против грешных богачей, которые приобрели богатство неправедно. Возможно, что это знак (символ) — знак, обличающий грешника (как несмываемое кровавое пятно обличает убийцу).

[156] *...сънѣсть плоти ваша, яко огнь...* — φάγεται τὰς σάρκας ὑμῶν ὡς πῦρ. Кара нечестивым богачам — уничтожение того, что собрано за всю жизнь, на последние дни, на остаток жизни. Для библейской ментальности это очень важно (не в смысле бедности или достатка) — имущество человека это выражение его личности, показатель того, на что он способен. Уничтожить это — уничтожить самого человека. Это страшно. Поэтому «снести плоти ваша» звучит так страшно и двусмысленно. Хотя речь идет об уничтожении вещественного имущества, нажитого, звучит так, как будто говорится об уничтожении людей. Именно поэтому апостолы так много внимания уделяли

разъяснению, что следует собирать сокровище на небесах, нетленное духовное богатство, которое ни моль, ни ржавчина уничтожить не могут. И это сокровище надо собирать для Последнего дня не в смысле конца своей жизни, а для Дня судного, с чем предстанешь перед Судией, стоящим уже у дверей. Предупреждение о бессмысленности собирания богатства есть и в Ветхом Завете: «Сокровищствует и не весть, кому соберет е» (Пс. 38, 7).

[157] *...женъших...* — Испр. по Погод. 30; в рукописи *женъ ваших*.

[158] *Се мъзда ...вънидоша.* — Прием библейского синтаксического параллелизма (мзда ... вопиет, вопли ... дошли). Жнеци — как и в других случаях — частное для обозначения общего. Жнецы олицетворяют собой труждающихся в поте лица, угнетенных, обманутых, обиженных. Невыплата вознаграждения за труд по закону приравнивается к убийству. Это строго запрещено (Лев. 19, 13; Втор. 24, 14) и обличается пророками (Иер. 22, 13; Мал. 3, 5; Иов. 31, 33; Тов. 4, 14). Сир. 34.22: «Убивает ближнего тот, кто отнимает у него пропитание, проливает кровь тот, кто лишает наемника платы». В упоминании имени Саваоф — угроза. Господь Саваоф (Господь сил) — карающий.

[159] *Съвѣдѣтельствуеть на ны ... моля ради съгнившая.* — Здесь сокращенное толкование Феофилакта (выборка из катен); на самом деле Феофилакт более подробно развивает мысль о том, что оправданием богатства является милосердие, и от ржавчины и моли имущество спасает раздача его неимущим. Факт съедения молью одежд свидетельствует не о нерадивости хозяина, а о его жадности и жестокости.

[160] *Осудисте, убисте праведного...* — Праведника (τὸν δικάιον) — некоторые толкователи, в том числе Феофилакт, считают, что это указание на Христа. Но для такого толкования нет оснований, потому что нельзя инкриминировать распятие Христа иудеям, бывшим в рассеянии, даже если они — нечестивые богачи. Вероятно, здесь, как и в других местах, синекдоха — называется один, а имеется в виду множество, или праведность вообще. Богачи с ожиревшим сердцем столь плохи, что даже способны убить праведника, а это большое преступление, обличаемое пророками (Амос. 5, 12; Прем. 2, 12—20). В какой-то степени это повторение того, о чем говорилось в начале стиха — пролитие крови неповинной (неплата наемнику — убийство).

[161] *Что убо? ... съ благодарениемъ въкушаемо.* — О том, что ветхозаветные запреты на пищу, разделение пищи на чистую и нечистую, не обязательны для христиан, неоднократно говорил апостол Павел, прибавляя, что есть можно все, за все благодаря Бога, и нельзя осуждать за пищу (1 Кор.; Кол. 2), но следует уважать чувства и убеждения тех, кто придерживается ограничений — не быть для них соблазном и не выставлять на обозрение нарушения ветхозаветного закона. Последняя фраза толкования — точная цитата (1 Тим. 4, 4).

[162] *...другаго плода...* — В Синод. *честнаго* (драгоценного); в греч.: τὸν τίμιον καρπὸν (ценного плода).

[163] *...дъжчь ранъ и позьднъ.* — Дождь ранний и поздний — т. е. дождь весенний и осенний. Земледельческая практика Востока — дождь два раза в году, весной и осенью, и от этого зависит урожай (ср. Втор. 11, 14; Иер. 5, 24; Иоиль 2, 23; Зах. 10, 1). Посеяв семена, земледелец терпеливо ждет, веря, что дождь будет и урожай не погибнет. Это прообраз того терпения с верой (уверенностью), о котором говорит апостол Иаков.

[164] *...яко пришествие Господне приближися.* — В апостольские времена пришествие Господне ожидалось в самом ближайшем будущем (1 Петр. 4, 7; 2 Петр. 3, 4; 1 Ин. 2, 18, 28; 1 Кор. 7, 29; 10, 11; 1 Сол. 4, 15 и др.). Приблизилось — но еще не наступило, Судия еще только стоит у дверей. Еще есть время, но надо спешить — укрепить сердца и быть готовыми. Время пришествия Господня ветхозаветными пророками называлось «последние дни» (Ис. 2, 1; 4, 2); «последнее время» (так говорил апостол Иоанн — 1 Ин. 2, 1); теперь мы видим, что, говоря о тленном богатстве, апостол Иаков именно это имел в виду, упоминая о заготовленном на последние дни. Однако Господь предупреждает: «Бдите, яко не весте дня же, ни часа, в оньже Сын Человеческий приидеть» (Мф. 24, 42); и этот час придет, «яко тать в нощи», т. е. неожиданно (1 Сол. 5, 2; 2 Петр. 3, 10). Завтра или через две тысячи лет — надо быть готовыми и ждать с твердым сердцем и с терпением.

[165] *Долготерпѣние къ другомъ, пождание ко внѣшнимь.* — Противопоставляются слова «долготерпение» и «пождание». В своем толковании, не вошедшем в катены, Феофилакт останавливается на этом противопоставлении Долготерпение (μακροϑυμία) — это свойство Бога; людям оно свойственно лишь частично, по отношению друг к другу. В отношении людей говорится «терпение» (ὑπομονή; в нашем тексте — «пождание») к внешним обстоятельствам. Поэтому образ пахаря, который «долготерпит» (о урожае, если будет «дождь ранний и поздний»), по мнению Феофилакта, это отношение Бога к людям — он долготерпит, ожидая покаяния в юности и в старости. У Срезневского: пождание — отсрочка, пожьданно — терпеливо, пожьдати — ждать, надеяться.

[166] *Не въздыхаите на ся...* — Μὴ στενάζετε κατ’ ἀλλήλων. Сетование (воздыхание) друг на друга — взаимные упреки, это есть нарушение добродетели терпения, о которой шла речь в предыдущем наставлении. В этом контексте речь идет опять о богатых и бедных, об обидчиках и угнетенных. Возможно, что предыдущее толкование должно быть отнесено к этому отрывку.

[167] *...да не осудитеся.* — Синод.: «да не будете осуждены». В сетовании содержится осуждение (признание вины за другим, а не за собой), а судящий другого будет осужден. Ср. Мф. 7, 1: «Не судите, да не судимы будете».

[168] *Судия.* — κριτῆς. Только Господь может судить и воздавать за вину: «Мне отмщенье и аз воздам» (Втор. 32, 35), т. е. «Мне <принадлежит право> отмщения, и я воздам <кому следует>». Ср.

Римл. 12, 19: «Не мстите за себя, братие, но дайте место гневу Божию, ибо сказано: “Мне отмщенье, и аз воздам”».

[169] *...глаголаша именьмь Господнимь.* — Можно это понимать: «говорили от имени Господа», но точнее: «Господь говорил их устами». Ведь пророчества в пророческих книгах начинаются словами: «Тако глаголет Господь...».

[170] *Прѣжде же всего, братие моа...* — В Погод. 30 эти слова относятся к предыдущему отрывку. Теодорович говорит (с. 123), что в эфиопском тексте к этим словам добавлено: «да превосходит все любовь его»; поскольку этих слов нет ни в одной греческой рукописи, их можно рассматривать как толкование.

[171] *Аще страждет кто въ вас ... въ имя Господне.* — В этом отрывке как бы рекомендована вся жизнь, до смерти. Молитесь (προσευχέσθω), когда страдаете, пойте псалмы (φαλλέτω), когда благодушествуете, а когда тяжело заболеете, следует призвать священников, чтобы они совершили чин елеосвящения (это первое указание в Священном писании на совершение таинства елеосвящения, или соборования). Далее говорится об исповеди и отпущении грехов. Апостол Иаков рекомендует взаимную исповедь («Исповѣдайте же себѣ грѣхы своа...») и молитву друг за друга. Это приблизительно то, о чем говорит апостол Павел (Гал. 6, 2): «Носите бремена друг друга». Следующая фраза разъясняет преимущества взаимной молитвы.

[172] *Много бо можеть молитва, праведнаго поспѣваема.* — πολὺ γὰρ ἰσχύει δεήσις δίκαιου ἐνεργουμένη. В Синод.: *поспѣшствуемая*, в перев. *усиленная*. Молитва, которую поддерживают (поддержанная тем, за кого молятся), взаимная. Русский перевод Феофилакта, цитируемый в *Толк. Б.*: «Молитва праведника имеет большую силу тогда, когда тот, за кого молится, содействует его молитве душевною скорбью. Ибо если тогда, когда за нас молятся другие, проводим время в роскоши и неге и невоздержании, то мы через то ослабляем силу молитвы подвизающихся за нас». Срезневский: поспевать συνεργειν — помогать. Ἐκτενέστερον — усердно. Так молился Христос (Лк. 22, 23), будучи в борении, и «был пот его как капли крови».

[173] *Того ради древнимь клятва възаконися...* — Древние — здесь: иудеи. По талмудическому закону полагалось клясться только существующими формулами клятв. Таким образом предотвращали недозволенные клятвы.

[174] *Кленѣте бо ся, вѣща, Богомь истинныим.* — Ср. Втор. 6, 13: «Именем его да кленется».

[175] *... да будешь вамъ «ей» – «ей», «ни» – «ни», в клятвы мѣсто.* — Ср. Мф. 5, 37.

[176] *Кленущии бо ся, вѣща, большимь да кленутся...* — Евр. 6, 16.

[177] *Максимово* — Максим Исповедник (582—662), учитель церкви, богослов.

[178] *Доколѣ ты плачеши Саула ... въ Израили.* — 1 Цар. 16, 1.

[179] *И ты не молися о людех сихъ ... не послушаю тебе.* — Иер. 13, 14.

[180] *Дерзновение* — πάρρησία — смелость, дерзость. Это не просто смелость, а смелость, которая дается за заслуги праведной жизни — право обратиться к Богу и быть услышанным, дарованное святым и праведникам. Об этом образно говорится в «Похвале милости» (см. Толк. Златоуста о милостыни — с. 98—100 и коммент. к нему на с. 509—510).

[181] *...подобенъ нам...* — В греч. ὁμοιοπαθής — подобосущен, подобострастен — равен нам по страстям, смертный, грешный. Ср. Прем. 7, 1: «Аз есмь человек смертен и подобен всем».

[182] *...молитвою помолися...* — προσευχῇ προσηώξατω, т. е. очень сильно помолился. Такой прием (удвоение) характерен для Священного писания (обышедша обыдоша — Пс. 117, 1; наказуя наказа — Пс. 117, 18; смертью умереть — Быт. 2, 12 и др.).

[183] *Въ Третиимь Царьствѣ ... усты слова моего.* — Цитата из Книги Царств (3 Цар. 17, 1), использованная как толкование, поясняющее стих о пророке Илие. В других рукописях и в греческом нет.

[184] *...небо мѣдяно бысть...* — Ср. Втор. 28, 29: «Будет небо над главою твоею медяно, и земля под тобою железна».

[185] *... аще кто въ васъ заблудить от истины и обратить ... греховъ.* — Заблудить — πλανηθῇ, обратить — ἐπισττρέψῃ. Заблуждение (уклонение от истинного пути) — т. е. невольное отступничество от истины, это грех, а человек, с которым это случилось, — грешник. Тот же, кто может спасти (удержать) грешника от впадения в заблуждение — т. е. вернуться к праведности, обратиться, — спасает его и его душу, и покрывает множество грехов (которые произойдут в результате заблуждения). Покрыть грехи — добиться их прощения, а не спрятать (ср. современное покрыть долги). Такое понимание простейшее, и оно вполне правдоподобно. Но тогда встает вопрос, о спасении чьей души идет речь (обращенного или обратителя) и кто или что покроет множество грехов? Необходимо, сохраняя первый смысл, иметь в виду и более широкий и более важный, подкрепляемый словами апостола Петра: «Любовь покрывает множество грехов» (1 Петр. 4, 8). Обращение заблудшего есть проявление любви, завещанной Господом. Эта любовь покрывает грехи; не только обращение от заблуждения, но и любовь, которая к этому привела, — удвоение силы, как и наставления о сильной молитве. Тот, кто проявляет любовь, способную покрыть множество грехов, выполняет заветы Христа, а следовательно, спасает и свою душу. Здесь выражена идея «универсальной» спасительности любви. Эта идея трижды повторяется. Бог, который есть любовь, прощает множество грехов. Это третий смысл этой фразы.

Это последние слова апостола Иакова. Закончив свое «увещание», назидательное и обличительное, апостол дарует ученикам своим надежду, внушает упование, раскрывает истинный смысл веры, воздвигает на путь живой веры и действенной любви.

[186] *Толк. Златоуст.* — В ряде рукописей (в частности, в Погод. 30) последний отрывок разделен на две части. «Братие … и кто» и «Да вѣсть … грѣховъ». Толкование Златоуста относится к первой части, а ко второй — только слова «Яко слугы бывайте ближних спасению». Здесь же толкование Златоуста подводит итоги Послания Иакова. С помощью излюбленных сравнений с трудом и терпением земледельца дается наставление о деятельной любви: земледелец должен пробудить бездушную землю, посеять семена, сохранять их от птиц, от сорняков, от засухи, и уповать, что урожай будет, и будет кому собрать его. Так и христиане должны служить спасению ближних.

ПЕРЕВОД

ПОСЛАНИЕ АПОСТОЛА ИАКОВА

Содержание послания Иакова

Поскольку сам Иаков пишет его к двенадцати коленам, находящимся в рассеянии и уверовавшим в Господа нашего Иисуса Христа, то пишет он поучительное послание, наставляя, что надо различать искушения — какие посланы Богом, а какие исходят из сердца человека; и что веру свою надо показать не только словом, но и делом, и быть не только слушателем закона, но и исполнителем его. О богатых — он наказывает, чтобы не возвышались над нищими богатые в церквах, и особенно пусть их сдерживают как гордых. А в заключение, утешив обиженных и прося их терпеть до пришествия Судии и научив терпению на примере Иова: благо есть терпение, — советует призывать священников к больным, стараться возвратить потерявших истину, за что будет от Господа награда — оставление грехов. И таким образом оканчивает он послание.

Оглавление послания Иакова

О терпении, о вере без сомнения, о смиренномудрии — к богатым, а также о распалении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих, и о том, что не от Бога оно, но что на благо нам — это от Бога.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящей к блаженству, и о искусстве умеренности в словах.

О любви ко всякому, которая по закону беспристрастна.

О том, что не только верою, но и делами, и не только одним, но и тем и другим вместе оправдывается человек.

О том, что дерзкий и необузданный язык умерщвляет своего владельца, и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию.

О Божественной премудрости.

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего.

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение человека.

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире, и о праведном суде Божьем.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и о истине.

Поучение каждому, сообразно с верой.

О том, что следует послужить спасению ближнего.

<Толкование>. Как миряне в своих бытовых посланиях хотят представляться своими званиями, так и апостолы, в начале своих посланий, именуют себя рабами Бога Иисуса Христа. Следует знать, что некоторые считают, что это послание Иакова — не его, как говорит об этом Евсевий в «Церковной истории».

СОБОРНОЕ ПОСЛАНИЕ, ПОСЛАННОЕ ИАКОВОМ К ЕВРЕЯМ-ХРИСТИАНАМ

1. Сущее <Иак. 1,1>

Иаков, Бога и Господа Иисуса Христа раб, двенадцати коленам, которые в рассеянии, — радуйтесь.

Толкование. Каждый апостол, посылая подобное послание, почитает за честь для себя называться рабом Христовым, таким образом и он, будучи «апостолом обрезания», посылает послание к тем, кто от двенадцати колен, уверовавшим во Христа.

<Толкование>. Дидима. Как миряне в своих письмах о бытовых вещах в своих званиях хотят выступать, так и апостолы в начале послания удостаиваются называться рабами Божьими и Христовыми.

2. Сущее <Иак. 1, 2—4>

Неизменно радуйтесь, братья мои, когда в напасти впадаете различные, сознавая, что испытание вашей веры сотворит терпение, а терпение да

будет делом совершенства, чтобы были вы совершенны и получили все, без остатка.

Толкование Златоуста. Печаль — это нерасторжимые узы; она — умножение любви, начало умиления и благоговения. Помни сказавшего: «Если приступаешь работать Христу, приготовляй душу свою к скорбям». И Христос сказал тоже: «В мире печаль имеете, но мужайтесь». И еще: «Скорбный и тесный путь». Ты видишь, всюду печали восхваляются, всюду принимаются за нечто изрядное, ибо внешними подвигами никто без того не примет венец, только трудами, постом, бдением и множеством других подобных себя оградит.

3. <Иак. 1, 5—6>

А если кто-то из вас лишен мудрости, пусть просит прямо у Бога, дающего всем щедро и без упреков, — и будет вам дано. Пусть просит с верой, без всякого сомнения.

<Толкование>. Как учит молиться своих учеников Господь и Бог наш? Ведь он велит молиться со знанием того, что искушение сладко, «не введи нас во искушение», показывая, что мы, склонные к сласти, наделены знанием и волей не только оставить искушение, но и принять, зная, что испытание нашей веры сотворяет терпение. А терпение — да будет делом совершенствования, чтобы были вы совершенны и получили все, во всей полноте.

4. Сущее <Иак. 1, 6>

Сомневающийся подобен волнам на море, поднимаемым ветром и развеваемым.

Толкование. <Апостол Иаков> указывает нам причину совершенного деяния, ибо это есть высшая мудрость, и только взяв от нее силу, можем мы совершить благих дел больше, чем дано нам от природы.

Сомневающийся — не что иное, как хулитель. Если нет у тебя веры, что исполнится то, о чем просишь, то лучше и не проси, чтобы не оказаться тебе, по неразумию, невольно, обвинителем Того, кто все может. Надо избавиться от этой постыдной болезни.

5. Сущее <Иак. 1, 8—11>

Человек двоедушный нетверд в своем поведении. Пусть бедняка похвалят за величие <души>, богатого же — за смирение; ведь богатство преходяще, как полевые цветы. Солнце засияет, зной настанет, иссушит траву, цветы опадут, и красота гибнет. Так и богатый увязнет на путях своих.

Толкование. Истреби в себе двоедушие и без всякого сомнения моли Бога, не говоря себе, что, мол, «как могу что-либо просить у Господа и надеяться получить, если я столько грешу?» Не думай о таких вещах, но от всего сердца обратись к Господу и проси у него, не сомневаясь,

понимай его великое милосердие, верь, что он не оставит тебя, и прошение твоей души исполнит. Ведь Бог не таков, как люди, злопамятные друг к другу, он непамятозлобен, милосерден к сотворенному им.

6. Сущее <Иак. 1, 12>

Блажен человек, который претерпит искушения, ибо, быв испытан, он примет венец жизни, который Бог приготовил любящим его.

Толкование. <Апостол Иаков> настойчиво советует радостно противостоять искушениям. Пусть будет надежным дело, а терпение — совершенно. Это совершается само по себе, а не делается другими. Он предложил следовать другому учению, чтобы исполнять предназначенное ради обещания блаженства, говоря: «Кто претерпит искушения, тот как испытанный человек будет всеми похвален». Таким образом, тому, кто перенесет печали, будет дан венец жизни, приготовленный Богом для тех, кто его любит. Ибо таковой, не заботящийся и о самой смерти, получит венец вечной жизни, который Божия ради величия ни зрению, ни слуху не доступен, и даже высокий разум человека к нему не доходит.

О распалении, бывающем в нас, и о страстях, от него происходящих; и о том, что не от Бога оно, от Бога все то, что на благо нам

7. Апостольское <Иак. 1, 13>

Пусть никто, впадая в искушения, не говорит: «Это искушение послано Богом». Потому что Бог не подвержен искушениям и сам никого не испытывает злом.

Толкование Оригена. Когда Бог испытывает, он делает это для пользы, а не для вреда. Потому и сказано: «Бог не испытывается злом», он для того искушает, чтобы <люди> достигли добра и отказались от зла. Поэтому сказано: «Претерпевый до конца венчается за доблесть». Совсем иное о дьяволе — он искушает, чтобы непокоряющихся ему умертвить. Но он не знает будущего.

А Бог знает будущее, и дает людям делать то, что они хотят, поскольку они обладают свободной волей.

8. Сущее <Иак. 1, 14>

Каждому искушение тогда, когда его влечет и прельщает его собственное произволение.

Толкование Севира. Некоторые так определяют образно предмет. Давид называет это самое произволение матерью беззакония, которая, из-за безобразного желания, приняв во чреве, рождает грех. Потому Иаков, один из мудрых учеников Христа, в послании своем говорит: «Каждому искушение, когда его влечет и прельщает его собственное произволение». Так, произволение, зачав, рождает грех, а грех,

совершившись, рождает смерть. От произволения зачинает и рождает матерь <всего> греховного, как говорит Давид.

9. Сущее <Иак. 1, 15>

Потом произволение, забеременев, рождает грех, а грех, совершившись, рождает смерть.

Толкование Златоуста. Вот что еще о совершении греха: совершаем его, упиваясь наслаждением, так что не чувствуем. Но когда он родится и совершится, тогда не только угасает наслаждение, но вонзается горькое жало осознания. И это противоположно тому, что бывает с рождающими женщинами: у тех — прежде рождения большая боль терзает их, а после рождения облегчение, потому что появляется младенец, и боль уходит. Что же до нас, все не так. Пока нам не больно и мы замышляем греховные затеи, веселимся и радуемся, а когда родим сатанинское дитя — грех, и постыдность этого видим, тогда нам больно, и терзает нас эта боль сильнее, чем рожениц. Потому прошу вас не принимать произволения с самого начала. Но если уж приняли, задавим в себе семена. Но если по беспечности позволим, чтобы греху выйти делом, убьем его исповедью, со слезами осуждая себя сами. Ничто так не губит грех, как сознательное осуждение.

<Толкование> Исихия. Грешные похоти — смертельная болезнь.

10. Сущее <Иак. 1, 16—17>

Не обманывайтесь, братья мои любимые: всякое даяние благое и всякий дар совершенный исходят свыше, нисходят от Отца светил...

Толкование. Не оболыцайтесь, считая, что искушение от Бога. Словесные силы назвал <апостол Иаков> светилами, или освященными Святым Духом.

11.Сущее <Иак. 1, 17>

...у которого нет ни изменения, ни различия оттенков.

Толкование Севира. Слышно, что Бог говорит: «Я есть, я есть, я не изменяюсь», и действительно, он тверд собой и по природе неизменяем. У тех, кто живет по Евангелию и делом следует заповедям от высшего дара и явления, неизменность бывает результатом этого следования, а не временной случайностью. Поэтому и Павел дает свидетельство, говоря: «Не подражайте веку сему, но преобразуйтесь обновлением вашего разума, познавая, что есть воля Божия, благоугодная и совершенная».

12. Сущее <Иак. 1, 18>

Пожелал он, и родил нас словом истины.

Толкование. Здесь говорится о Сыне истинном — по рождеству, и о сотворенном — по благодати. О том — о его истинности и единосущности, об этом — о чести усыновления. «Восхотел, — сказано, — и родил нас словом истины».

13. Апостольское <Иак. 1, 18>

...быть нам начатком неким созданиям его.

Толкование. То есть самым первым и самым ценным. Созданием же он назвал видимое создание, из которого самое лучшее — человек. И все созданное чает нашей свободы, чтобы с нами освободиться.

О кротости, и чистоте, и добродетели, приводящих к блаженству, и об искусстве умеренности в словах

14. Сущее <Иак. 1, 19—21>

Поэтому, братья мои возлюбленные, пусть каждый человек будет скор услышать, медлен говорить, медлен гневаться. Ибо гнев человеку Божьей правды не создает. Поэтому, отвергнув всякую мерзость и сверх того злобу...

Толкование. А это есть грех, оскверняющий человека, ибо он в нас добавлен, не по природе нашей мы злы. Извне он возникает от небрежности, и в это нас загоняют бесы. А изнутри — от неразумных желаний.

15. Сущее <Иак. 1, 21—22>

...в кротости примите исконное слово, которое может спасти ваши души. Будьте делатели слова, а не только слушатели.

Толкование. То есть слово истины. Через исповедание нам дано, что оно готовит нас к нетленности, ибо Бог вначале создал нетленного человека.

16. Сущее <Иак. 1, 22>

...обманывая себя.

Толкование. ...обманывая сами себя и не заботясь о своем спасении.

17. Сущее <Иак. 1, 23>. Потому что тот, кто слушатель дела, а не делатель...

Толкование. Если кто сказал, что будет только слушать слово, а не проявит делами, что он слышал, то и слово погубит.

18. Сущее <Иак. 1, 23—25>

… тот подобен человеку, познающему себя, <глядя> в зеркало. Познал он <свой телесный облик>, но отошел и вдруг забыл, какой он. А тот, кто вглядывается в Закон совершенства и свободы и пребывает в нем, тот не слушатель, который забывает, а творец дела. И он счастлив в делании своем.

Толкование. Итак, первый тело видит, а второй, тот, что познал закон, что с ним? Поэтому и сказал — не просто «лицо», а «лицо рождения». Знаем ведь, что сынами нас сделал духовный закон, родив нас банею пакирождения. Однако мы не пребываем в таком впдении из-за наших дел, а о дарах благодати мы забываем. Ведь тот, кто предался делам лукавым, благодеяний от Бога не помнит, и не вспоминает, что он свыше родился, и оправдался, и освятился, и приравнен к сынам Божиим, но предается делам тех, кто отметает благодать.

19. Сущее <Иак. 1, 26—27>

Если кто думает, что он верующий, и не обуздывает своего языка и обманывает свое сердце, того вера пуста. Чистая и нескверная вера от Бога и Отца...

Толкование Златоуста. «Если кто, — сказал, — считает себя», но на самом деле не является, и если он не укрощает всячески свой язык, а, напротив, поучает его своему пустоверию, то он сердце свое осквернил. Потому апостол и сказал: «Кто воображает, что он стоит…» и так далее. Ибо он видел падение истинно стоящего и засвидетельствовал писанием о правой вере.

20. Сущее <Иак. 1, 27>

…<чтобы> посещать сирот и вдов в их скорбях, и хранить себя неоскверненным от мира.

Толкование Златоуста. Милосердствовать и сострадать — если мы этого не имеем, мы всего лишены. Ведь не сказано же: «Если поститесь, подобны Отцу вашему». А как сказал? «Будьте милосердны, как Отец ваш небесный». Это — дело Божие. Если этого не имеешь, ничего ты не имеешь. «Милости, — сказал Господь, — хочу, а не жертвы».

О любви ко всякому,которая по закону беспристрастна

21. Сущее <Иак. 2, 1>

Братья мои, не взирая на лица, веруйте в Иисуса Христа, Господа Славы.

Толкование Златоуста. Что ты превозносишься, — сказал, — и почему опять другой тебя унижает? Разве мы все не единое тело, и великие и малые? Если мы соединяемся изначально, будучи органами одного тела, зачем ты раскалываешь сам себя? Зачем ты срамишь брата? Как он твой орган, так и ты — его. В этом заключается равночестие.

22. Сущее <Иак. 2, 2—4>

Если войдет в собрание ваше человек в светлой одежде, с золотым перстнем, войдет и нищий в бедной одежде, вы посмотрите на богато одетого и скажете ему: «Ты садись здесь, пожалуйста». А бедному скажете: «Ты стой там или сядь здесь у моих ног». Разве вы не рассудили в себе и не стали судьями с недостойным образом мыслей?

Толкование. Так же о других рассуждай: придет бедный, будь за него мысленно, не воздавай большей чести из-за богатства. Нет ни нищего, ни богатого во Христе. Не стыдись внешней одежды, принимай внутренний облик — веру!

23. Сущее <Иак. 2, 5—6>

Слышите, братья мои возлюбленные! Не Бог ли избрал нищих всего мира, чтобы стали они богатыми в вере и наследниками Царствия Небесного, которое Бог уготовил любящим его? А вы унизили нищего!

Толкование Златоуста. А мы, словно претерпевшие надругательство, так просящих, унижая оскорбляем, отворачиваемся, не подавая им, а что страдать? «Утешайте, — сказал Павел, — как братьев, а не оскорбляйте, как врагов». Утешая брата своего, делай это не перед людьми, а наедине, с многим вниманием, поощряемый соболезнованиями, со слезами и рыданиями; подавать надо по-братски, от сердца, по-братски утешающе, не жалея о поданом, жалея о том, что, приобретя, совершил ты преступление. Если, подавая, подосадуешь, погубишь свой дар. А уж если, не подав, осуждаешь, разве ты не причиняешь зла несчастному страдальцу? Он пришел, чтобы ты его пожалел, но с обидой ушел. Даже прослезился, ведь он вынужден просить из-за бедности, и ты его за это оскорбляешь. Знай, велика кара оскорбившему, ибо она раздражает сделавшего это. Ведь сказано: «Разве он сам себя сделал нищим? Это ради тебя, чтобы ты был спасен через него». А ты унижаешь нищего, ради тебя существующего! Какое неразумие и какая неблагодарность в таком поступке!

24. Сущее <Иак. 2, 6—7>

Не богатые ли владеют вами, и не они ли тащат вас в суд? Не они ли хулят доброе имя, которым вы наречены?

Толкование. Претерпевайте мужественно лихоимство, ибо лихоимцы себя губят, а не нас. Нас они лишают имущества, а себя — промысла Божия и его помощи. Этого лишившись, даже если соберут богатство всего мира, они всех беднее.

25. Сущее <Иак, 2, 8—9>

Если же Закон исполняется царский, по Писанию, т. е. вы возлюбили ближнего как самого себя, хорошо делаете. Но если вы пристрастны, грех совершаете, Закон осудит вас как преступников.

Толкование Аполлинария. Как ты хочешь делать добро ближнему своему, справедливо и человеколюбиво, так и он делает тоже тебе, подобному ему, и самому Сущему Богу. Это то естественное стремление, о котором Спаситель всех сказал: «Как хотите, чтобы люди делали вам, так и вы делайте им, в этом и Закон и Пророки».

26. Сущее <Иак. 2, 10>

Тот, кто весь Закон соблюдает, а согрешит в чем-либо одном, тот виновен во всем.

Толкование. То есть следует иметь совершенную любовь, она есть глава всему доброму. Если от головы откажешься, все прочее в теле излишне.

27. Сущее <Иак. 2, 11>

...сказавший «не прелюбодействуй» сказал и «не убий». Если ты не прелюбодействуешь, а убиваешь — ты нарушил Закон.

Толкование. Если и не вполне стройно расположен предложенный текст, мы его расположим лучше, для пользы. Господь наш и Бог Иисус Христос воплотил то, что установил и изложил Моисей, сказал: «Слышите, что сказано нашими предками: “Не убей. Кто убьет, заслуживает суда”? Я же так говорю вам: “Заслуживает суда тот, кто разгневает брата своего”. Слышали, что сказано: “Не твори блуда”. Я же так говорю вам: “Всякий, взглянувший на женщину так, что восхотел ее, уже совершил в сердце своем блуд”». Толкуя это, Севир, епископ Антиохийский, сказал в 46-м слове: «Законоположение, написанное Моисеем, говорит: “Не убий”. А Христос, который — разум Закона и податель находящегося в нем Духа, повелел не гневить брата своего, исполнять это веление строже Закона. Ибо гнев, от которого бывает убийство, само убийство затмевает, заслуживая более строгого порицания. Ибо гнев приводит к убийству, поэтому <Христос> и не позволяет гневаться. Так и движение к несытой похоти через взгляд осудив, сказав “не любодействуешь”, исполнил и показал <Закон>. Ибо Господь наполнил духовный Закон обновлением Духа, разрушив прежнее Писание, словно круг, изображенный на камне настенной живописью».

28. Сущее <Иак, 2, 12>

Как говорите, так и делайте, как надеющиеся быть судимыми по Закону свободы.

Толкование. Это поучение о правом суде. Законом свободы он называет Закон правды, судящий так, как есть. Он сказал об этом потому, что некоторые грешат и надеются, что Бог милосерден и простит: «Будучи человеколюбцем, — они говорят, — он простит». Поэтому и напоминает <нам апостол Иаков>, говоря: «Немилостивый суд несотворившему милости».

29. Сущее <Иак. 2, 13>

Ибо немилостив суд не сотворившему милость.

Толкование. Крепко словами нас устрашает, чтобы не пострадать нам на деле.

30. Сущее <Иак. 2, 13>

Милость превозносится над судом.

Толкование Златоустово о милосердии. Милость — искусница мудрая, защитница совершающих ее, друг Божий, она всегда рядом с ним стоит, ей легко испросить благодеяния, о чем захочет. Не будем обижать ее. Обижаем ее, когда творим ее за счет лихоимства. А когда она чиста, большое дерзновение имеет: она узников избавляет от уз, разрушает тьму, гасит огонь, умерщвляет червей, изгоняет скрежет зубов. Для нее с большой радостью открываются небесные врата, ибо она воистину царица, делающая людей подобными Богу. Будьте милосердны, сказал, как Отец ваш небесный. Она крылата и легка, у нее золотые крылья, она летает красивее ангелов. Ведь сказано: «Крылья у нее голубиные, посеребренные, междурамие в блистании злата». Как голубь, золотой и живой, она летает, смотрит из-под ресниц кроткими очами. Нет ничего прекраснее этих глаз. Красива и пава, но в сравнении с нею — ничто. Она — птица прекрасная и чудная, и ввысь всегда смотрит. Она — девица с золотыми крыльями, с белым тихим лицом. Крылата и легка, стоит она у престола царского. Когда нас судят, она внезапно заступается за нас и спасает нас от мученья, своими крыльями прикрывая. Такой жертвы хочет Бог.

О том, что ке только верою, но и делами, и не только одним неправедно, но и тем и другим вместе оправдывается человек

31. Сущее <Иак. 2, 14—16>

Что пользы, братья мои, если кто говорит, что веру имеет, а дел не имеет? Может ли вера спасти его? Если брат или сестра будут наги и лишены хлеба насущного, а кто-то из вас скажет: «Идите с миром, грейтесь и питай-тесь», но не даст им нужного для тела...

Толкование. То, о чем он говорит, вот что. Если кто-то делами не покажет, что он верует в Бога, то его имя излишне, если он просто называет себя Господень или Верный. Только тот любит Господа, кто за веру в него не побоится и смерти. А что такая у него мысль, то видно из примеров. Авраам, как известно, делом показал, что верует в Бога, принеся в жертву сына своего. Также и Раав, веруя, пренебрегла смертью. Все это <апостол Иаков> говорит, укрепляя верующих, уча быть истинно верующими: не только речами и разговорами любить Господа, но и делом и истиною. Есть многие примеры того, что те, кто возвестили свою веру без дел, те напрасно обманывали себя именем, ибо они ничуть не лучше бесов, которые тоже веруют, что Сын Божий был, что Святый Божий был, и что Он имеет власть над ними. Примечай и еще духовный смысл. Он же не сказал: «Какая польза, если кто веру имеет?», но: «Какая польза, если говорит кто, что веру имеет?» Он

сказал яснее: «Покажи мне дело, за которое получил ты имя <«христианин»>. Если ты называешь себя <христианином> без праза на это, напрасно тебе это имя. За какие дела имя тебе дано? Если дела не свидетельствуют, то за именем никогда не закрепится место.

32. Сущее <Иак. 2, 16—19>

...какая польза? Такая вера, если нет у нее дел, она сама по себе мертва. Если кто-то сказал: «Ты веру имеешь, а я имею дела, покажи мне веру свою через дела свои, а я покажу через дела свои веру мою». Ты веруешь во Единого Бога — хорошо делаешь. Но и бесы веруют и гибнут.

Толкование Златоуста. Если кто в Отца и Сына и Святого Духа правильно верует, но правильной жизни не ведет, ничего не дает ему вера для спасения. Вера — это <нечто> великое и спасительное, без веры никак нельзя спастись. Но одной веры недостаточно, требуется жизнь праведная. Потому что если те, кто перенесли тяжкие испытания в пустыне, не смогли наследовать землю из-за того, что возроптали и впали в заблуждение, то как же мы, беспорядочно и в лености прожив жизнь, можем наследовать небеса? Ибо вера, полученная при крещении, мертва для того, кто дел не имеет и не проявит ее праведными начинаниями. Ибо крещение — это залог доброй жизни, ведь Господь наш, в наш образ крестившись через Иоанна, на гору восходит, и в борьбу вступает с дьяволом, и всю его разрушает силу. И этим он показывает пример, чтобы знали, что после божественной купели дела требуются, так что подвиги нас ожидают против <сатаны> через проявление добрых дел.

33. Сущее <Иак. 2, 20—21>

Хочешь ли понять, о суетный человек, что вера без дел мертва? Ведь и Авраам, отец, не делами ли оправдался — возложил Исаака, сына своего, на жертвенник?

Толкование святого Кирилла. В то время как блаженный Иаков говорит, что Авраам оправдался делами, возложив Исаака, сына своего, на жертвенник, Павел говорит, что Авраам оправдан верою, да не подумаем, что они противоречат друг другу. Когда не было еще у него Исаака, Авраам веровал и получил награду за веру — Исаака. Но и тогда, когда он возложил Исаака на жертвенник, он не только совершил дело, повеленное ему Богом, но и не отступил от веры в то, что через Исаака потомство его умножится больше звезд, понимая, что может Бог воскресить из мертвых. И еще Павел свидетельством своих слов, подтверждающим их, делает блаженного Давида, мужа, жившего в благочестии, который мудро, по действию Духа, предсказал прощение грехов ради веры, и возвещает всем людям, что наступает время Христа.

34. Сущее <Иак. 2, 22—23>

Видишь ли, что вера способствовала Авраама делам и что через дела вера достигла совершенства, и сбылось слово Писания?

Толкование святого Кирилла. Принеси словесную жертву, изучай законы природы по существу, растопчи жало безответной любви, ибо нет на земле никакой любви, кроме любви к Богу.

35. Сущее <Иак. 2, 23—24>

Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и был он наречен другом Божиим. Видите ли, что через дела человек оправдается, а не только от одной веры?

Толкование Кирилла. У старости есть праведность, а у чистых сердцем — всех Бог и Владыка всего сущего.

36. Апостольское <Иак. 2, 25—26>.

Так и Раав блудница не делами ли оправдалась, приняв лазутчиков и выведя их другим путем? Как тело без духа мертво, так и вера без дел мертва.

Толкование Севирианово. Слушай Писание, свидетельствующее о ее оправдании, ее, которая прежде была в блуде: как жемчужина в навозе она светилась, как золото, брошенное в грязь, цветок благочестия, подавляемый терниeм, благочестивая душа в плену у злочестия.

О том, что дерзкий и необузданный язык убивает своего владельца и что следует направлять его на похвалу и прославление Бога

37. Сущее <Иак. 3, 1>

Не многие пусть будут учителями, братья мои, зная, что мы больший грех примем.

Толкование Златоуста. Потому что кто учит, а сам не делает, не только не получает <от этого никакой пользы>, но и претерпевает большой ущерб и осуждение. Потому что кто живет так нерадиво и, не имея дел, учит, грех на том великий. Не согрешающий в деле и в слове, имеющий силу обуздать свое тело, такой человек пусть учит, и в вере пусть наставляет словом правым, словом светлым, живя в вере, показывая, что может укротить свое тело и не оставить в себе никаких житейских привязанностей.

38. Сущее <Иак. 3, 2>

Ибо все мы много грешим.

Толкование Севира. Ибо все мы много грешим. Если кто сказал, что он — Христов ученик, следует, соответственно сказанному, благие дела совершать, какими можно на милость преклонить всеобщего судию

Бога, а не замкнуться в свойственных человеку страданиях и потерять надежду на спасение.

39. Сущее <Иак. 3, 2>

Если кто словом не согрешает, тот совершенный муж, способный обуздать и все тело.

Толкование Кирилла. Когда уходит ум, и разум показывает полную несостоятельность, и нечем удержать язык, и он невоздержан, напротив, следует особенно вникать всегда в то, что достойно речи, и произносить совершенную похвалу. Самое ценное в изречении — мудрость, а самое запретное — изрекать хулу <то есть гнилословие> на святое, как сказал премудрый Павел. Поминает он всегда святое Писание: «Да будет слово ваше в благодати солью приправлено». Пусть дает оно благодать слышащим. Богодухновенное Писание принимает кроткого в словах и отвергает невоздержанный язык. Вот и сказал <апостол Иаков>: «Если кто словом не согрешит, совершенный есть муж, способный обуздать свое тело». Говорит и Давид: «Поставь, Господи, охрану моим устам, дверьми огради уста моя». И еще сказал я: «Я оберегу уста мои, чтобы не согрешить мне языком моим». Ибо добрая охрана — иметь язык, который не грешит.

40. Апостольское <Иак. 3, 3—4>

Так, коням узду в рот влагаем, чтобы они повиновались нам, и всем телом их управляем. То же и корабли, хоть и столь <велики> они, и сильнейшие ветры их носят, но малым кормилом направляются они туда, куда хочет кормчий.

Толкование. И еще о том, что бывает с языком, здесь говорится. Говорит <апостол Иаков>, что уздою бег коня можно удержать, а маленький руль движение корабля направляет. Много больше должны мы направлять язык на то, чтобы говорил он истинное. Да не сочтем его за малое, ведь он может принести нам великие испытания. Красуясь неправдой, он все тело оскверняет. Зажигая нам огонь геенны, и сам горит от этого огня. Не этим ли огнем горят нечестивцы, связанные по рукам и ногам и вметаемые в огонь вечный, уготованный дьяволу и ангелам его? Потому и псалмопевец вопиет: «Поставь, Господи, охрану к устам моим», чтобы не пострадать, как язык ближнего, палимый без всякого облегчения.

41. Сущее <Иак. 3, 5>

Также и язык, будучи маленьким органом, величается. Это малый огонь, но какую громаду сжигает.

Толкование Златоуста. И еще более, чем девицу, храни язык. Язык — это царский конь. Если наложить на него узду и научить ходить ровно и смирно и успокоить его, то сядет на него царь. А если невзнузданным его оставить, скачет и играет, и будет он подобен дьяволу и бесам.

<Толкование> Иисуса, сына Сирахова. Многие пали от меча, но не столько их, сколько павших от языка. Счастлив тот, кто укрылся от него, и не подвергся ярости его, и не потащил ярмо его, и не связан был узами его. Ибо ярмо это железное, узы его медные и прочее.

42. Сущее <Иак. 3, 6>

Язык — это огонь, приукрашение неправды. Язык так расположен среди органов, что сквернитвсе тело, зажигает в нас огоньгеенны, опаляясь отгеенны.

Толкование святого Василия. Если любишь жизнь, исполни заповедь жизни. «Любящий меня, — сказал Господь, — заповеди мои соблюдет». Первая же заповедь — «Удержи язык свой от зла и уста твои от произнесения лжи». Короче, зол и многообразен грех, творимый языком. В грехе, в похоти, в пререканиях, в неправде, в лжи произнося слова — согрешаем языком. От него сквернословие, пустословие, клевета, проклятья, лжесвидетельство и все злое; и больше этого есть языка творение — словами своими мы оправдываемся. Перестань языком своим служить злу, и уста твои пусть не говорят лжи. Ибо язык — это орудие, данное тебе, чтобы служить тебе словом, и освободиться от дьявольского действия заставь его.

43. Апостольское <Иак. 3, 7>

Все естество зверей, птиц, гадов, морских тварей укрощается естеством человека.

Толкование. Однако движение языка проявляет другую сторону слова, и это плохо. Говорит как бы нелепицу: всем мы владеем и на суше, и в воздухе, и на море, а языком своим овладеть не можем.

44. Сущее <Иак. 3, 8>

Языка своего никому не укротить из людей, он — неудержимое зло и яд смертельный.

Толкование. Языка никто из людей не может укротить, хотя он и кажется нам бессильным. Посмотрим чуть выше написанное, пойми сказанное ясно: «Всякое естество...» и так далее. Как это: всех тех укрощаем, а язык — неукротим? Если сказал «всякое», то и язык он имеет в виду. Если человек зверей, у которых другая природа, укрощает, то тем более часть себя — язык, как не укротить? Но как прежде сего, то и после написанное слышим: «Язык — сказано — никто из людей не может удержать». Негоже, братья, этому быть! Почему говоришь, почему предполагаешь такое несчастье? Разве никто не может его укротить? Не может этого быть. Если непобедим язык, то как же Павел его победил? Как хулящие уста стали богословствующими? Как это — тот, кто наострил против Христа укоры, напротив, преумножил красноречие о Христе?

Толкование того же Златоуста. Язык — это острый меч, да не наносим им раны другим, но свои струпья срезаем.

Толкование Исихия. Как острый меч готов, чтобы сечь, и легок, чтобы губить, так и больше — злой язык.

45. Сущее <Иак. 3, 9—10>

<Языком> мы благословляем Бога и Отца, им же проклинаем людей, сотворенных Богом. Из тех же уст исходит и благословение, и проклятье.

Толкование. Все это далеко от кротких и разумных уст учеников Христа, удостоенных этого таинства. Не признося ничего горького, не говоря ничего злого о Божестве устами своими и языком, сохраним его в чистоте. Не будем произносить им проклятий, ведь хульники не наследуют Царствия Небесного. Ибо хула и молитва далеко отстоят друг от друга, проклятье и молитва разделены великой преградой, осуждение и молитва далеко отстоят друг от друга. Кто просит Бога о милости, пусть молится и о других, ведь если мы не простим, не проститься и нам.

46. Сущее <Иак. 3, 10—12>

Не должно, братья мои, чтобы так было. Разве течет из одного источника сладкое и горькое? Разве может, братья мои, смоковница маслины производить, а лоза — смоквы? Также ни один источник и соленую, и пресную воду не источает.

Толкование. Властолюбцы, любящие мудрость века сего, вражду и ложь против праведных учителей, честно наставляющих людей, возбуждают, завидуя им и смешивая божественное и человеческое, заставляют слушателей не принимать во внимание сказанное, и отсюда происходят ереси. Он порицает учение, которое не от Божественной мудрости, а от демонов бывает. И это он сказал, похваляя тех, кто учит добру в кротости, мудрости и благим делам.

О том, что нужно жить в добре, без ссор друг с другом, происходящих от тщеславия, свойственного человеческому мудрованию

47. Апостольское <Иак. 3, 13—17>

Если кто из вас мудр и разумен, пусть докажет это добрыми делами своей жизни, с мудрой кротостью. Но если зависть горькая и сварливость в вашем сердце, не хвалитесь и не лгите на истину. Это не та мудрость, которая нисходит свыше, а земная, душевная, бесовская. Ибо где зависть, сварливость и всякое зло, там и нестроение.

О Божественной премудрости

А мудрость, нисходящая свыше, во-первых, чиста, затем мирна, послушна, полна милосердия и благих плодов...

Толкование Златоуста. Очистим от скверны уши нашей души. Как скверна и грязь телесным ушам, так жизненные события, касающиеся ростовщичества и взятия в долг, хуже всякой скверны заграждают слух разума, и не только заграждают, но и оскверняют его.

48. Апостольское <Иак. 3, 17—18>

...беспристрастна она и нелицемерна. Плод же правды в мире сеется у тех, кто творит мир.

Толкование. <Премудрость> не заботится о надзирании за пищей и различными <настоями> трав. Об этом точнее говорит Павел в Послании к колоссянам.

О том, что из-за лени и сластолюбия распри, бесчинства и вражда с Богом бывают

49. Сущее <Иак. 4, 1—2>

Откуда у вас вражда и распри? Не оттуда ли, не от вожделений ли ваших, воюющих в членах ваших? Желаете — и не имеете, убиваете и завидуете — и не можете достигнуть, препираетесь и боретесь — и не имеете. Потому что не просите.

Толкование. Показывает <апостол Иаков>, что словно расширяется учительное слово. Все, будучи плотскими, делают худо. Именно таких Павел обличает, говоря: «Если в вас зависть и ревность, разве вы не плотские?»

50. Сущее <Иак. 4, 3—4>

Просите и не получаете, потому что плохо просите, чтобы в своих вожделениях растратить, поэтому просите плохое, прелюбодеи и прелюбодеицы.

Толкование Севирово. Так было и с фарисеем, которого Лука в Евангелии обличает. Ибо став, — говорит, — посреди церкви, громко просил и молился, так, как будто достоин он получить просимое, вот как высоко ценил он свои дела — и говорил: «Пощусь дважды в неделю, даю десятую часть того, что приобретаю». Гордился он тем, что он не грабитель, не обидчик, не прелюбодей, не лихоимец. Но чем больше он говорит, тем дальше отходят его слова от слуха Божия, его слов пустое бремя вышло из уст его и бессмысленно растаяло, как бурные волны.

Некоторые, как они полагают, молятся — и не получают, это о неправильно и дурно просящих, ради пустых удовольствий. Но скажут, что иной просит о постижении Бога, об увеличении добродетелей — и не получает. О них известно, что они просят не для того, чтобы иметь эти блага, а чтобы хвалиться ими перед людьми. Сластолюбцам свойственно радоваться, хвалясь, хотя и не дается им, потому что расточают они в удовольствиях то, что просят.

51. Апостольское <Иак. 4, 4>

Разве вы не знаете, что любовь к этому миру есть вражда к Богу? Тот, кто хочет быть другом миру, становится врагом Богу.

Толкование. Миром он называет вещественную жизнь, матерь тления, приобщившийся к которой становится врагом Богу.

Толкование Оригена. Потому что зло есть для нас ходатай за любовь к миру, а добродетель ходатайствует о любви к Богу. Поэтому добродетель и зло не могут жить вместе.

Приточник. Тот, кто любит мир ради греха, является врагом Бога. Также и любовь к Богу, через благочестие проявляемая, тотчас же врагом становится миру. Именно поэтому невозможно работать Богу и мамоне, и любить и Бога, и мир. Кого хочет Господь, придя, сделать друзьями Бога? Он меч и разделение поверг на землю. Ибо слово его учения разделяет, отделяет земное и плотское, для этого устроено так, чтобы была вражда к миру и единство к Богу. Этим он дает покой, но не так, как желает мир. Ибо этот мир хочет покоя через плотскую любовь. А Господь, давая мир, делает нас друзьями Бога.

Толкование. Хотя и не все подходит к сказанному, но особенно старался я представить из толкований нечто, отысканное для пользы. Ведь Господь наш Иисус Христос сказал в Евангелиях: «Если рука твоя или нога твоя соблазняет тебя, отсеки ее и отбрось от себя. Ибо лучше тебе войти в Жизнь хромым, чем, имея две руки и ноги, быть вверженным в Огонь. И если правый глаз соблазняет тебя...» и так далее. Об этом и Златоуст говорит: «Не об органах тела, сказано, а о друзьях, которые для нас то же, что и органы тела». Об этом и выше говорилось, и сейчас говорится: «Нет ничего хуже, чем жить со злом». Поэтому <апостол Иаков> с великой яростью повелевает отсекать то, что вам вредит.

52. Сущее <Иак. 4, 5—6>

Или вы думаете, что Писание говорит вам неправду: «Из зависти возлюбляет дух, вселившийся в вас, болыпую дал благодать»? Поэтому Соломон говорит...

Толкование. По зависти дьявола смерть вошла в мир и поселилась в нас. Христос же, как говорит Писание, вселился в нас, чтобы уничтожить явившуюся из-за зависти смерть. И не только это, но и великую нам дал благодать. Он сказал: «Я пришел, чтобы вы имели жизнь, и имели с избытком». Когда Бог нас восхотел, он в нас вселился. Исайя ясно сказал: «Не заступник, не ангел, но сам Господь спас нас, потому что он полюбил нас». Как это он, спасая нас, великую дал благодать? Погубив искусителя нашего тем. Сказано: «Бог гордым противится». Не горд ли тот, кто кричит: «Вселенную всю охвачу, как яйцо»?

53. Сущее <Иак. 4, 6—7>

«Бог гордым противится, смиренным же дает благодать». Повинуйтесь Богу, противьтесь же сатане, и он отступит от вас.

Толкование Дидима. Гордость — это до крайности вознесенное зло. Смирение же и скромность — эта великое благо. И то, и другое нашим изволением и волею приносят нам и добро, и зло.

О покаянии для спасения и о неосуждении ближнего

54. Сущее <Иак. 4, 8—9>

Приблизьтесь к Богу, и он приблизится к вам. Очистите руки, грешники, очистите сердца, двоедушные. Сокрушайтесь, плачьте и рыдайте. Смех ваш да обратится в плач, а радость — в печаль.

Толкование. Ибо после согрешения надлежит нам покаяние, оно не плача, а блаженства достойно, приводя к ликам праведных. Расскажи о своих грехах сперва, — сказал <апостол Иаков>, — чтобы потом оправданным быть. А если после согрешения не устыдиться — не такая беда пасть, как павши не встать! Ибо если тот, кто в исправлении преуспел, нечист, тогда тот, кто таков же, да еще и в грехе, — какое примет прощение?

55. Сущее <Иак. 4, 10>

Смиритесь перед Богом, и вознесет вас.

Толкование. Блажен смиряющийся перед Богом. Ведь говорит Иаков: «Смиритесь перед Богом, и вознесет вас». Ибо, если так смиримся, то, даже если будут против нас замыслы от бесов или от людей, ненавидящих добрые дела, есть у нас Бог, который избавит нас. Только бы не забыть нам его Закона, и не ослабеть в печалях. Сказал же Давид: «Погляди на смирение мое, и избавь меня, ибо Закона твоего я не забыл».

56. Сущее <Иак. 4, 11—12>

Не клевещите тайно друг на друга, братья. Клевещущий на брата и осуждающий его клевещет на Закон и Закон порицает. Если ты судишь Закон, то ты не исполнитель Закона, а судья его. Один есть законодавец и судья, и он может спасти и погубить. А ты кто, осуждающий другого?

Толкование. Страсть выявляет все злое нашего разума, она — начало и источник высокомерия. И некоторые, молящиеся о том, чтобы себя оправдать и жить в Боге, того не делают, а следят за другими. Если видят кого-то больным, забывают про свои болезни. Осуждать такие любят, не зная, что себя они осуждают, и поэтому началом клеветы называют их. Так и мудрый Павел пишет: «Чем осуждаешь другого, тем и себя осуждаешь. Именно так делает тот, кто осуждает другого».

О том, что не от людей, а от Бога исправляется поведение людей

57. Сущее <Иак. 4, 13>

Эй, послушайте, говорящие: сегодня или завтра мы пойдем в такой-то город и проведем там год один, и будем торговать и приобретать.

Толкование. Это сказано о высокоумии, которому конец — уничтожение.

Другое толкование. Те, кто для далеких путешествий, будучи одержимы страстью к приобретению того, что там, предпринимают далекий путь по морю и его волнам, создают орудие против своего лихоимства. А другие суетными приобретениями набивают кошельки, неподобающим образом собирая ростовщические прибыли, огонь и муку льют себе на голову.

58. Сущее <Иак. 4, 14—16>

...не знающие будущего. Что есть жизнь наша? Пар, появляющийся ненадолго и потом исчезающий. Вместо того, чтобы сказать: «Если Богу будет угодно, будем живы и сделаем то и это», вы тщеславитесь в своей гордыне. А такая похвальба — от сатаны. Тому же, кто знает, что надо делать добро, и не делает, это вменится в грех.

Толкование. <Апостол Иаков> не осуждает произволение, но показывает, что не все зависит от человека, но надо просить благодати свыше. Следует, однако, хотеть и стремиться, но уповать не на свои труды, а на Божие милосердие. Ведь сказано в Притчах: «Не хвались завтрашним днем, ведь не знаешь, что наступит». Не от вас зависит, что будет завтра, также как и от наемника, нанятого на один день. Какая власть у тебя есть, кроме распоряжений того, кто тебя нанял?

О лихоимстве богатых, и о нищих, которые в мире, и о праведном суде Божьем

59. Сущее <Иак. 5, 1—2>

Эй, послушайте, богатые, плачьте, вопия о бедствиях ваших, грядущих на вас! Богатство ваше сгнило, одежды ваши съедены молью.

Толкование Златоуста. Вступи на путь самоограничения. До каких пор пиры, до каких пор нега? Не насытились ли уже, ленясь, смеясь, наряжаясь? И снова за то же: снова пиры, еда превосходная, богатство, села, дома? Какая от этого польза? Смерть. Какой конец? Мучение и скрежет <зубов>, гниение и черви.

Толкование Исихия. По человеколюбию предсказывает мучение, чтобы, покаявшись, не были в числе наказываемых.

Толкование Кирилла. То есть гнев не только в том, чтобы заколоть, как барана или вола, поэтому он справедливо говорит нам: «Эй, послушайте, богатые, плачьте о бедствиях ваших, грядущих на вас». «Ибо вы питались и насытились на земле, откормили сердца ваши, как

на убой». Таковы были и иудейские наставники, некоторым образом пасущиеся, от людских приношений, на пастбищах просторных и плодородных. Разжирев от почестей, он пали, несчастные, как овцы или телята, от Господня ножа.

60. Сущее <Иак. 5, 3—4>

Золото ваше и серебро проржавело, и ржавчина эта — свидетельство против вас будет, и съест, как огонь, плоть вашу — собранное на последние дни. Это плата работников, жавших ваши поля, обобранных вами; они вопиют, и вопли жнецов до слуха Господа Саваофа дошли.

Толкование. Свидетельствует против нас ржавчина, обличая, что не подавали мы <нуждающимся>, так же как одежды, съеденные молью.

61. Сущее <Иак. 5, 5—6>

Веселились вы на земле и наслаждались, и упитали сердца ваши, как в день заколения. Вы осудили, убили праведника, который не сопротивляется вам.

Толкование. Что же? Отстраняет от пищи? И весьма! Почему зто создано для еды? Ибо и хлеб создал Бог, но возбраняет неумеренность. Не от якобы нечистой пищи воздерживаться повелел, но от губящей душу неумеренности. «Потому что все, сотворенное Богом, хорошо, — сказал, — и ничто не запрещено, вкушаемое с благодарностью».

62. Сущее <Иак. 5, 7>

Так что потерпите, братья, до пришествия Господня. Вот пахарь ждет другого плода земли, терпя ради него, пока получит дождь ранний и поздний.

Толкование Кирилла. Ибо, хотя, сказал он, Бог назначил злоумышленникам мучение, но ждет их покаяния, не для красоты так делает и не из любви к грешникам, но время на покаяние им давая.

Обещал обидящим мучение, обидимым терпеть он повелел, пришествия ожидая Господня. Кроме того, запрещает проклинать, но в молитве и пении упражняться и веру иметь к священникам Божьим, а к ближним любовь, чтобы молиться за них. А доказательством силы молитвы он приводит, как пример, Илию. И наконец, какая мзда тем, кто обращает грешников.

63. Сущее <Иак. 5, 8>

Потерпите и вы, укрепите сердца ваши, ибо пришествие Господне приблизилось.

Толкование. Долготерпение — друг к другу, а ожидание — к внешним. Те же, кому кажется, что они здесь оставлены, там многой славой насладятся.

Когда же те, кто великомудрствует, увидят, что те близ Бога, кому они наносили раны, которыми пренебрегали, над которыми смеялись, тогда возрыдают они и восплачут, видя тех в такой светлой земле.

64. Сущее <Иак. 5, 9—11>

Не сетуйте друг на друга, братья, чтобы не быть осужденными. Вот Судия стоит у дверей. Пусть будет нам примером перенесения страстей, братья мои, то, как переносили страдания пророки, которые говорили именем Господним. Восхвалим терпящих. Вы слышали о терпении Иова...

Толкование. Если мы благодарим Бога с радостью великою, та радость бывает велика! Можно приносить благодарность только из страха, а можно возносить благодарность, будучи в горе, как благодарил Иов. В болезни говорил он: «Господь дал, Господь и взял; как угодно Господу, так и стало». И пусть никто не говорит, что не удручило его случившееся и что печалью не покрылся он, пусть не отнимают величие похвалы у праведника. Если это было не из страха, не из покорности только, но по природе вещей, какова похвала? Скажи-ка, когда ты хвалишь Иова? Тогда ли, когда имел он верблюдов, и стада, и волов, или тогда, когда он возопил: «Господь дал, Господь и отнял»? Ведь и дьявол нас не тем опустошает, когда добро наше отнимает, ибо знает, что оно — ничто, а тем, что принуждает нас изрекать хулу.

65. Сущее <Иак. 5, 11>

...знаете, как это окончил Господь, ведь он премилостив и милосерден.

Толкование. Ибо в том, что произошло, видны нам и ложь дьявола, и Божественное неложное свидетельство.

66. Сущее <Иак. 5, 12—16>

Прежде всего, братья мои, не клянитесь ни небом, ни землей, ни какой другой клятвой, но да будет слово ваше: «да»—«да» или «нет»—«нет», чтобы не впасть вам в осуждение.

О долготерпении, и о перенесении страданий, и об истине

Страдает ли кто из вас, пусть молитву творит, кто благодушествует — пусть поет <псалмы>. Болен кто из вас — пусть призовет священников церковных, и пусть они молитву сотворят над ним, помазавши его елеем во имя Господне. Молитва веры спасет болящего, и исцелит его Господь. И если сотворил он грехи, простятся ему. Признавайтесь друг другу в грехах, творите молитву друг за друга, чтобы исцелиться. Много может молитва праведника, если ей помогают.

<Толкование>. Для того у древних клятва была узаконена, чтобы клялись они не идолами. Ибо сказано: «Клянитесь Богом истинным».

<Толкование>. Да будет жизнь ваша подтверждением клятвы. А если кто дерзает принудить вас к клятве, да будет ваше «да»—«да» и ваше «нет»—«нет» вместо клятвы.

Потому запрещено клясться небом и землею, чтобы не воздавали мы чести творению, превращая его в Бога, создавшего его. «Кто клянется, — сказал, — пусть клянется высшим», так сказал апостол.

<Толкование> Максимово о молитве праведного. Я знаю двух видов молитву праведного. Согласно одному, когда молящийся совершает молитвенное прошение по заповеди дел Божиих, не только славословием, пустозвучными словами, которые отпадают без пользы и лежат втуне, но самим делом и жизнью, воодушевляясь заповедями Закона. Существо молитвы и моления — добродетель, поэтому у праведника молитва крепка и всесильна, она усилена заповедями. Согласно другому виду, молитва праведника исправляет жизнь благодаря добродетельной жизни, которая делает молитву сильнее. Ведь не поможет молитва праведного тому, кто в ней нуждается, если грехи превосходят добродетели. Поэтому и плакал когда-то великий Самуил, когда согрешил Саул, но не смог умолить Бога, ибо не было у него помощника плача на исправление Саула. Потому и повелел Господь слуге своему прекратить неразумный плач и сказал: «Доколе будешь печалиться о Сауле? Это я унизил его, чтобы не был он служителем Израилю». И то же о Иеремии, который жалел иудеев, впавших в идолопоклонство, и не был услышан, молясь, ибо не имел силы молитвы, чтобы обратить от заблуждения идолопоклонства безбожных иудеев. И потому, пока он напрасно молился, сказал ему Бог: «И ты не молись о людях сих, не проси помиловать их, не заступайся за них, потому что не послушаю тебя». Так что сказали мы: «Большую силу имеет молитва праведника, она дает ему смелость <обратиться> к тому, кто может исполнить прошение праведника».

Поучение каждому сообразно с верой

67. Сущее <Иак. 5, 17—18>

Илия был человек подобный нам, и молитвою помолился, чтобы не было дождя, и не было дождя на земле три года и шестъ месяцев. И снова помолился, и небо дало дождь, и земля произрастила свои плоды.

Толкование. В Третьей книге Царств сказано: «И сказал Илия пророк, из Фезвон Галаадских, к Ахаву: “Жив Господь, Бог сил, Бог Израилев, перед которым я стою. Да будут в эти годы роса и дождь только по слову моему”».

Толкование Златоуста. Если таким образом, как тая от голода, придут к Творцу, голод будет для них началом спасения. «Ибо ничто, — сказал, — не может научить их, кроме голода». Пусть через это наказание к Создателю всего обратятся. Вскоре вышло слово пророка, и тотчас воздух переменился, небо стало медным, но не естеством оно изменилось, но действием взнуздано. И тотчас стихии преобразились.

Пало слово пророка, как огонь, обжигая бока земли, и она вдруг вся иссохла, и стала без красоты, не имея вида.

О том, что следует послужить спасению ближнего

68. Сущее <Иак. 5, 19>

Братья, если кто из вас уклонится от пути истины и кто-то вернет его на этот путь, пусть знает, что тот, кто обратил грешника от ложного пути, спасет душу от смерти и покроет множество грехов.

Толкование Златоуста. Как подобает отклонять от заблуждения? Так же, как <трудятся> земледельцы. Они раз посеют семена, но те не остаются без перемен, а нуждаются в уходе, чтобы в тумане на земле посевы не достались птицам. Так и мы: если не часто о своих обязанностях вспоминаем, на воздух все бросаем. Дьявол крадет, леность наша губит, солнце сушит, сорняки давят, потому что не достаточно только однажды посевы освободить, но много требуется усердия — отгонять птиц небесных, вырывать сорняки, очищать землю от камней. Но так бывает с землей — она ведь бездушна лежит и к страде готова. А что касается духовной земли, там не так. Не учителю все это <надлежит сделать>, но, если не целиком, то половину, ученику: нам надлежит сеять семена, а вам — творить по слову изреченному. Как слуги будьте для спасения ближнего.

Из "Шестоднева" Иоанна экзарха болгарского

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

Иоанн экзарх болгарский — болгарский писатель и переводчик конца IX — начала X в., поколения, следующего за поколением первых переводчиков с греческого на славянский Константина-Кирилла и Мефодия. Он перевел «Богословие» и «Философию» Иоанна Дамаскина, перевел также, а отчасти переложил, применяя к славянскому языку, греческую грамматику Иоанна Дамаскина «О восьми частях речи». Написал «Слово на Вознесение Господа нашего Иисуса Христа». Ему приписываются также «Слово на Преображение» и сочинение «От сказания евангельского».

«Шестоднев» представляет собой перевод-компиляцию «Шестодневов» Василия Великого, Севериана Гевальского и произведений Иоанна Златоуста, Аристотеля и др., дополненный самим переводчиком-компилятором. О строении своего произведения Иоанн-экзарх говорит в Прологе. «Шестоднев» посвящен Иоанном-экзархом большому любителю литературы и просвещения болгарскому князю Симеону.

Этот князь погиб в 927 году в неудачной войне с хорватами. Стало быть, «Шестоднев» создан Иоанном-экзархом до этого года.

«Шестоднев» — рассказ о мире, природе, растениях, животных и человеке, построенный как комментарий к библейскому рассказу Книги Бытие о сотворении мира. Шесть частей-«слов» произведения соответствуют шести дням акта творения. «Шестоднев» являет собой богатое собрание античных и средневековых «естественнонаучных» сведений и «натурфилософских» представлений. Этим сведениям и представлениям всегда свойственно со временем изменяться. Бессмертным остается основной пафос всего произведения Иоанна-экзарха в целом — интерес к природе и человеку и изумление их устройством. Этот пафос прекрасно выражен в публикуемых нами здесь двух самим им написанных предисловиях — ко всему «Шестодневу» и к его шестому «слову», где речь идет о человеке.

Текст публикуется по русскому списку XV века — РНБ. Соловецкое собр., № 318/338, л. 1—6, 192—193 об.

ОРИГИНАЛ

ПРОЛОГ

Что краснѣе, что ми сладчайше боголюбцемъ, иже поистиннѣ жадят жизни вѣчныя, не ежели присно Бога не отступити мыслию и поминати Его добрыя твари? Яко и се ты, господи мой, княже славный Симеоне христолюбче, не престаеши възыская повелѣний Его и твари, хотя ся ими красити и славити, тако бо и в нас обычай бываетъ. И егда видит рабъ приязнивый господина своего добро что сотворша, то не точию самъ бы хотѣлъ, единъ вѣдый, радоватися и красити, но аще бы лзѣ, хотѣлъ бы да и миръ слышит. Елико бо питиа и ядения насыщающеся румяни бываютъ и свѣтли и весели, то колико паче иже ся кормит мысльми, на Божиа дѣла възирая и красяся ими. Хотѣл бы да быша и инии видѣли и прилѣпилися их. Тацы бо иже будутъ, якоже Писание глаголетъ, перие возрастут, якоже орли, тещи же имут и не трудитися, радость бо ни труда вѣсть и крилѣ раститъ. И како не хотятъ радоватися, възыскающии того и разумевше, кого дѣля се есть небо солнцемъ и звѣздами украшено, кого ли ради и земля садом и дубравами и цвѣтомъ утворена и горами увяста, кого ли дѣля море и рѣки и вся воды рыбами исполнены, кого ли ради рай и самое то царство уготовано? — Таче разумѣвше, яко не иного никогоже ради, но тѣхъ, како ся не имутъ радоватися и веселити, славящеи. Ктому нужда и се помыслити, кацѣмъ суть образомъ сотворени, что ли имъ есть санъ, на что ли суть позвани. И все помысливше, аще и друзи, како себе не имут красити и радовати! Здѣ же азъ поминая всю, 6 словесъ скратя, в малѣ проиду. Год же и послѣди отити, о добрѣй сей твари побесѣдовавше.

Сотвори Богъ, не аки человѣцы, зиждюще, или корабли творяще, или мѣдницы, или златари, или поставы ткущеи, или усмаре, или инацѣ и козненицы, вещи ты събирающе, готовы образы творят, яцы же имъ

суть требѣ, а сосуды и сѣчива другъ от друга въземлюще, имиже то творити. Но Богъ и кде помысли, то и сотвори, а прежде имъ не бывшемъ. Не бо требуетъ ничто же Богъ, а человѣческыя хитрости другъ друга требуетъ. Требѣ бо есть кормнику, корабль творящу, иже древо сѣчетъ, и корчия, и иже пеклъ творитъ; и паки сѣяй что-либо земля требуетъ, и садове, и сѣмена, наводнения; и иже корчиа дѣлают вещь требуютъ корчии зиждющаго; и подобнаго сосуда кождо требуетъ еже комуждо ся ключитъ на дѣло. А Творецъ Великий ни сосуда требуетъ, ни вещи, ни бо в него мѣсто есть. Инѣмъ козникомъ вещи сосудъ, еще же и лѣто, и трудъ, и хитрость, и поспѣшение; се Богови — хотѣние. Все бо еже восхотѣ Господь, и сотвори — въ мори и въ всѣх безднахъ,[1] якоже глаголютъ чистая словеса. Восхотѣ бо сотворити не елико може, но елико же вѣдяше, яко довлѣетъ. Удобь бяше ему утварий сихъ, рекше миръ, сотворити и тму, и двѣ свѣтилѣ велицѣи. Се же есть паче восхотѣниа удобѣе и творение. Намъ бо всего удобѣе есть иже восхотѣти чесому, неже творити, не бо можем творити еже хотяще. А Богу творцю все мощьно иже хощетъ. Хотѣнию бо Божию сила припряжена, да елико хощетъ творити.

Тѣм же иже и твореное ово есть нами видимо и знается, ово же разумно. Тих разумных есть ефир и небо причастие. Ово земное, ово же небесное. На требу и животы сотвори чювьствекы, овы же и разумны. Разумнымъ небо и ефира, а земным землю и море дастъ жилище. Тии же разумнымъ друзи на золь ся совратиша и изгнани быша съ небесных мѣстъ, и на воздусѣ и на земли часть имъ отлучи: не якоже да съвершаютъ еже аще умыслятъ на человѣки зло, — воздражает бо я аггелское сохранение и стража, — но да тѣмъ представлениемъ разумѣють, колико ти зло обрѣтает презорьство и нырение. Но понеже надвое раздѣли чювьственаго рода, ти ов осмысленъ и словесенъ сотвори, ов же бе-смысла. И повину смысленому роду бесловеснаго естества. Пакости же обаче друзии бесловесных творят и, супротивящеся, востаютъ на своя властели. Не бо но и сих властели си же такожде творят: и смыслом, и словесем почесть приемше, и бѣсятся на Творца своего. Да сего ради и сии бесловеснии востаютъ, яко да еже сами творятъ. То от того разумѣютъ, колико зло есть еже свой чинъ комуждо преступати и уставныя предѣлы без боязни миновати. Сия же предѣлныя уставы вѣдѣти есть, како ти бездушныа вещи хранятъ.

Море бо, бурями мутимо и надымающися на сусѣду землю и проливаемо, пѣска ся стыдитъ и нарочитых предѣлъ не рачитъ преступати, но яко конь текий и воздержается уздою, сице ти море, неписанный законъ видя, пѣском написанъ, и възвращается. Сице ти и рѣки текутъ, якоже суть учинены испервa; и студенцы истичютъ, и кладязи даютъ человѣкомъ иже на потребу. И лѣта вся часы другъ друга по чину преминуют; по сему закону и дние, и нощи хранятъ чинъ той, и продолжаеми не хвалятся, ни укращаеми не тужатъ, но, другъ от друга годъ приемлюще, паки бес пря долгъ отдающе приемлютъ. Се же *также* Творчюю премудрость кажет и силу: ни земля бо, в тысущих лѣт орема, и сѣема, и садима, и кормяще плоды, перома и копаема, и дождемъ мочима и снѣгомъ, и жьгома, оскудѣния никакоже не приа, но плод земным дѣлателемъ неудръжанъ приноситъ. Ни море, оттуду облакомъ вземлющемъ водное естество и дождя ражающе и земли

даемы, не охудѣ, ни пресхну николиже, ни паки возрасте, приемля бещисмени рѣки, втичающая в то. И се глаголю: откуду убо истоки рѣчныя истичютъ? Недовѣдомо бо ми и се помышление: како солнце мокротное сущее не может иссучити удобь зело? Иже хощетъ разумѣти: не бо оно сушить тины, и водныя соборы пресушаетъ, и наша телеса минуетъ. Видѣти же рѣки худѣюща, егда же, оставивъ южныя страны, и на сѣверныя преходитъ, и жатву творитъ. Сего ради и Нила мѣнятъ не в той же год воднящася, в он же и иныа рѣкы, но у полы жатвы напаяютъ Египетъ, имже солнце тогда по сѣверному поясу ходитъ и инѣмъ рѣкамъ притужает, а от сего кромя ся отдаливши. Аще ли же ины вины мѣнят, имиже ся сводить, то нынѣ нѣсть ти ни *на* кою же потребу.

Чюжду же ся азъ, како ся не коньчаетъ, ни оскудѣет воздушное естество, толицѣмъ человѣкомъ, но и толицѣмъ же безсловеснымъ животом дышащем беспрестани, толицѣ же луцѣ солнечнѣи, и тако зѣло теплѣ, сквозѣ не проходящи, к тому же и лунѣ и звѣздамъ тожде творящим. Но выше чюдеси чюдо! Но се да и залѣзу, рекий, яко нѣсть чюдно чюдо. Богу убо что-либо творящею не подобаетъ намъ чюдитися, но хвалити паче и славити Его. Тому бо удобь творити еже Ему на потребу. Вложи же в ты твари елико же веляше состоатися лѣтъ силу доволну. Сего ради и земля пребываеть, якоже исперва сътворена есть, и море ни худиет, ни увеличится, и въздух, якоже исперва приа естество, тако же еи и доселѣ хранит, и солнце же не может растопити небесных твердий, и твердь не разлѣяся водная, бывши преж, но пребывает твердь, якоже ей причастие Творець видѣлъ. И супротивнаго естества — мокраго и сухаго, и пакы студенаго и теплаго — съвокупи Творец на едино сътворение и любовь. Егда бо от сих кождо видѣмъ ти — солнце овогда по севѣрным странамъ, овогда по южьным, овогда же посреду небесе ходящу, и луну растущу, и худѣющу, и звѣзды в годы своя въсходяща и заходяща, и жатвеныя годы, и сѣтвеныа назнаменующе, и по водамъ плавающимъ и бурю и утишье възвѣшающа, — то все видяще, мы, господи мой, хвалимъ Творца, иже такы доброты сътворилъ есть, и сими видимыми к Невидѣмому грядемъ.

Нъ не шествѣе ны есть требѣ, но вѣра — тою бо можемъ видѣти Того. Егда же видѣмъ, в годы и в часы приступающа и дождь дающа, и сию растящу, и травою покрываему, и нивы волнующася, и зеленующася дубравы, и обрастъша горы, и родивша овоща, пустимъ на хвалу языкъ, и рцѣмъ съ божественым Давидомъ, и с тѣмъ воспоимъ, рекуще, яко: «Возвеличишася дѣла твоя, Господи. Вся премудростию сътворилъ еси».[2] Егда слышимъ пѣснивыя птица, различными гласы поюща красныа пѣсни, славиа же звѣждуща, косы же и соя, иволгы, и желны, и щуры же и изокы, ластовици же и враньца, и ины птица, яже бесчисмене, — симь ся глумимь, славяще Творца.

Не яцѣ же бо суть инии творци — тии бо готовою вещью творят, а Сий вся от небытиа изведе и дасть небывшимъ бытие. Удобь бо Ему от небытиа творити. Сице бо и древле сътвори, спроста же рещи, и по вся дни творить. Не бо но от готовых творить телесъ животомъ телеса, и от небывших творить душа, но не всѣмъ животомъ, но точью человѣкомъ. И птицами творит птиц, а пяавающими плавающая, и инѣхъ родовь кьихъждо своимъ родомъ премѣняеть. Такоже и земными плоды, и

ораными, и садимыми приносить человѣкомъ. Преж земля ни орана, ни сѣяна прорасти всякого сада имена и образы плежущаго, и четвероногаго рода, и водное естество роди, якоже повелѣно ему бысть, и иже в водахъ живуть животная *и иже* по воздуху проходять. А саму же ту землю, небо и воздух, и водное естество, и огненый свѣтъ не вещи повелѣ извести, нъ не бывша николи же, и изведе от небытия в бытие, Самъ Творитель бывъ кораблю сему великому, рекше твори сея, Сам же править и премудра съсудѣ корабля. Се ны сказа верховный Его пророкъ Моисей, от сего премудраго Творца, Господа Бога, и Владыкы приимъ на горѣ Синайстѣй.

Си же словеса шесть, господи мой, не о себе мы есмы сътворили, но ово от Ексамера святаго Василиа истовая словеса, ово же и разумы от него приемлюще, такоже и от Иоанна, а другое от другых: аще есмы кождо что почитали иногда, такоже есмы сплатили ее.

Яко же се бы кто минуемь владыкою, аще мимоходящу владыцѣ, восхотѣлъ бы храмъ ему сътворити. Не имущу же ему чимъ сътворити, шедъ бы к богатымъ и спросилъ бы от них — от ового мраморъ, а от другаго бръселиа, ти стѣны бы возградилъ, и мраморомъ помостилъ прошениемъ от богатыхъ. И покрыти хотящу, и не имущу противу стѣнамъ тѣмъ и помосту мраморному достойна покрова, лѣсу бы исплелъ потонку храму тому, и створилъ, и покрылъ соломою, и двери наплѣталъ терниемъ, и тако затворъ сотворил. Сице бо достоить неимущему в дому своемь ничтоже.

Сице бо есть нищий нашь умъ: да не имы в дому своемъ ничтоже, чюжими возгради словесы, приложи же и от нищаго дому своего, но акы солому и лѣсы — словеса своя. Аще владыка, милуяй его, все то акы своя труды приемлеть его, ему же владыцѣ Господь Богь надъ владыками даждь сию жизнь добрѣ угаждающу Тебѣ рая доити съ преподобными мужи всѣми.

Аминь.

<...>

СЛОВО ШЕСТАГО ДНИ

Яко же смердъ и нищь человѣкъ и страненъ, пришед издалеча к преворамъ княжа двора и видѣвъ я, дивится и, приступивъ къ вратомъ, чюдится, въпрашая, и вънутрь въшед, видѣть на обѣ странѣ храмы стояща украшены камениемъ и древомъ истесаны, и прочее въ дворець въшед и узрѣвъ полаты высокы и церкви, издобрены без года камениемъ и древомъ и шаромъ, изутрь же мраморомъ и мѣдью, съребром же и златом, таче не съвидый, чьсому приложити их, нѣсть бо того видѣлъ на своей земли развѣ хызъ лѣпленъ и убогъ, ти акы погубивъ си умъ чюдиться имъ ту. Но аще ся прилучится ему и князь видѣти, сѣдяща въ срачицѣ бисеромъ покыданѣ, гривну цатаву на выи носяща и обручи на руку, и поясомъ вольрьмитомъ поясана, и меч златъ при бедрѣ висящь, обаполы его боляры стояща въ златыхъ гривнах и поасѣх и обручих, ти его аще его кто вопрашаеть, възвращьшася на

свою землю, рекый: «Что видѣ тамо?», — рече: «Не вѣдѣ, како вы повѣдѣ того. Свои бы бѣсте очи умѣлѣ достоинѣ чюдитися той красотѣ». Тако же и азъ не могу достойнѣ тоя доброты и чина сказати, но самъ кождо васъ, очима плотныма видя и умомъ *безплотнымъ* домышляя, паче ся можеть извѣстнѣе чюдитися. Свои бо очи никомуже сължетѣ, аще и тѣ ся другоици блазнитѣ. Но обаче тѣ извѣстнѣиши есть иного. Видя бо небо утворено звѣздами, солнцем же и мѣсяцемъ, и землю злакомъ и древомъ, и море рыбами всяцѣми исполнено, бисеромь же и всяцѣми рунесы пиньскыми, пришед же къ человѣку, и умъ си акы погублю, чюдяся, и недомышлюся: въ коль малѣ тѣлѣ толика мысль, обыидущи всю землю и выше небесъ възыдущи. Гдѣ ли есть привязанъ умъ тъй? Како ли изыдый ис тѣла проидеть кровы насобыя, проидеть въздух и облакы минеть, солнце и мѣсяць и вся поясы, и звѣзды, ефиръ же и вся небеса, и въ томъ часѣ пакы въ тѣлѣ ся своемъ обрящеть? Кыима крилома възлѣтѣ? Кыим ли путемъ прилетѣ? Не могу ислѣдѣти. И точию се вѣдѣ рещи съ Давидомъ: «Удивися разумъ Твой, мною укрѣпися, не возмогу противу ему», «Възвесели мя, Господи, тварью твоею, и дѣломъ руку Твоею възрадуюся»,[3] яко же «Възвеличишася душа Твоя, Господи, вся премудростию сътвори».[4]

---

[1] *Все бо еже восхотѣ... безднахъ...* — Ср. Пс. 134, 6.

[2] *Возвеличишася ... сътворилъ еси.* — Пс. 103, 24.

[3] *Удивися разумъ ... възрадуюся...* — Пс. 91, 3—4.

[4] *Възвеличишася ... сътвори.* — Ср. Пс. 103, 31.

ПЕРЕВОД

ПРОЛОГ

Что прекраснее, что сладостнее для боголюбцев, поистине жаждущих вечной жизни, нежели всегда держаться мыслью Бога и помнить благие дела Его? И раз уж ты, господин мой, славный князь Симеон-христолюбец, непрестанно познаешь заповеди Его и творения, дабы теми украсить и прославить себя, того же и мы держимся правила. А доброжелательный раб, видя добрые дела господина своего, не только сам бы хотел, об этом ведая, радоваться и веселиться, но желал бы, если возможно, чтобы и мир о том услышал. Сколь румяны, радостны и веселы бывают те, кто насыщает себя питьем и пищей! Но еще более — тот, кто питает себя мыслями, взирая на дела Божии и радуясь им! Хочет тот, чтобы и другие видели и полюбили их. У таких людей, как говорит Писание, крылья вырастут, как орлы полетят они без труда, ибо радость не знает тягот и крылья растит. И как же им не радоваться, ища и постигая, для кого это небо украшено солнцем и звездами, ради

кого земля покрыта садами, дубравами и цветами и увенчана горами, для кого море и реки и все воды наполнены рыбой, кому рай и само то царствие уготованы? Как им не радоваться и не веселиться, славословя, постигая, что это — не для кого-либо иного, но для них самих! А нужно еще и о том помыслить, каким образом сами они сотворены, каков их сан, на что они позваны. И помыслив так, пусть они на деле и не таковы, как им не радоваться и не веселиться! Я же здесь быстро в шести кратких словах все это напомню. А потом — и отдохнуть, о добром этом творении побеседовав.

Творил Бог не так, как люди, возводящие здания или строящие корабли, или медники, или золотых дел мастера, или ткачи шерсти, или кожевники, или, скажем, художники. Те создают свои изделия, какие им нужно, по готовым образцам, запасаясь материалом и беря орудия труда друг у друга. Богу же достаточно что-то помыслить, чтобы сотворить то, чего прежде не бывало. Ибо Богу для созидания ничего не нужно, а человеческие искусства нуждаются друг в друге. Кормчему нужен кораблестроитель, и дровосек, и кузнец, и смолокур; также и сеящему что-либо нужны земля, растения, семена и вода для полива; и кузнецу для работы нужен материал и тот, кто построит кузницу. И свое орудие нужно для каждого дела — какое кому больше годится. А Творец Великий ни в орудии не нуждается, ни в материале, ни вообще в чем-либо. Другим созидателям нужны материал и орудие, а также время, труд, умение, старание, а Богу — только Его воля. Ибо все, что захотел Господь, то и сотворил — в море и во всех безднах, как говорят чистые слова. Захотел же Он сотворить не столько, сколько мог бы, но столько, сколько знал, что нужно. Мог бы легко Он сотворить вселенных таких, что зовутся миром, и десяток тысяч, и два десятка великих светил. Это и значит: творение много легче хотения. Нам вот гораздо легче захотеть что-нибудь, чем сотворить, ибо мы не можем творить все, что хотим. А Богу-Творцу по силам все, чего бы он ни пожелал. Ибо Божие желание сопряжено с силой сотворения того, что хочется.

Из сотворенного же одно мы видим и чувствуем, другое мыслим. Область мысленных созданий — эфир и небо. Одно из сотворенного земное, а другое — небесное. Как и надлежало, Он сотворил и живые существа: одни чувственные, а другие мысленные. Мысленным дал Он для житья небо и эфир, а земным землю и море. Некоторые же из мысленных созданий совратились на зло и были изгнаны из небесных жилищ, и Он выделил им часть в воздухе и на земле — не для того, чтобы они совершали зло, какое умыслят на людей, — препятствует им в этом ангельское охранение и стража, — но чтобы по этой перемене было понятно, какое зло влекут за собой гордыня и обман. И сотворил Он род чувственных, разделив его надвое, сделав одних осмысленными и словесными, а других без смысла. И подчинил бессмысленные существа осмысленному роду. Однако же некоторые из бессловесных пакости творят и, сопротивляясь, восстают на своих властителей. Но ведь и властители их то же делают: приняли почесть владения смыслом и словом и восстают на своего Творца. Потому-то и бессловесные эти восстают, что они сами так поступают. Отсюда понятно, какое зло кому бы то ни было нарушать свой чин и безбоязненно преступать

установленные ему пределы. Надлежит знать, как бездушные вещи соблюдают эти установленные пределы.

Так, море, мутимое бурями, воздымаясь на соседку землю и обрушиваясь, стыдится песка и не любит преступать определенных границ; но как конь бегущий удерживается уздою, так и море, видя неписаный закон, песком начертанный, возвращается в свои пределы. И реки, как устроены сначала, так и текут; и ключи бьют, и колодцы дают потребное людям. И все часы времени по порядку друг за другом проходят; по тому же закону и дни, и ночи хранят тот чин, и, будучи удлиняемы, не хвалятся, а сокращаемы, не тужат; но, друг от друга приемля пору, вновь без споров, долг отдавая, должное приемлют. И вот еще что показывает премудрость и силу Творца: ведь ни земля, тысячи лет возделываемая, и засеваемая, и засаживаемая, и кормящая плоды, и толкаемая, и копаемая, и дождем мочимая и снегом, и опаляемая, нисколько не оскудела, но приносит земледельцам изобильные плоды. Ни море, откуда облака берут водную стихию, и дожди рождают, и земле дают, не уменьшилось, не высохло нисколько, и так же не выросло, принимая бесчисленные реки, втекающие в него. И вот что скажу: а откуда истоки рек истекают? Непонятно мне и такое явление: почему солнце не может с великой легкостью высушить все мокрое? Для тех, кто хочет уразуметь: ведь не высушивает оно ни тины, ни водоемы, минует и наши тела. Реки кажутся меньше, когда оно, оставив южные страны, переходит в северные и производит лето. Потому и наводнения Нила, считают, происходят не в то время, что у других рек, ибо он напояет Египет в середине лета, в то время когда солнце ходит по северному поясу и угнетает иные реки, а от этих краев отдаляется. Хотя существуют и другие мнения о том, чем это объясняется, но сейчас они тебе совершенно ни к чему.

Дивлюсь я и тому, как не кончается, не оскудевает воздушное естество, когда столько людей, а кроме того, и бессловесных тварей, дышат непрестанно, и столько лучей солнечных, таких горячих, проходит сквозь него, а ведь еще и луна, и звезды делают то же. Высшее из чудес чудо! Но, смею сказать, не удивительное чудо. Ведь когда Бог творит что-либо, нам подобает не удивляться, но, скорее, хвалить и славить Его. Ибо Он с легкостью творит, что Ему требуется. В создания же те Он вложил силу достаточную, чтобы они существовали столько лет, сколько Он им повелел. Потому-то и земля пребывает такой, какой изначально сотворена, и море не убывает и не увеличивается, и воздух, как изначально принял естество, так доселе его и хранит, и солнце растопить не может небесные тверди, и водная не разлилась твердь, бывшая прежде, но пребывает твердь в той участи, какую дал ей Творец. И противоположное по природе — мокрое и сухое, а также холодное и теплое — совокупил Творец воедино ради созидания и любви. Каждое же из творений, видя солнце, то по северной стороне, то по южной, то посреди небес ходящее, луну, растущую и убывающую, звезды, в сроки свои восходящие и заходящие, время жатвы и сева указывающие и по водам плавающим бурю и тишь возвещающие, — все это видя, господин мой, мы хвалим Творца, все блага эти сотворившего, и через это видимое восходим к Невидимому.

Но не восшествие нам требуется, а вера, ибо благодаря ей мы можем увидеть Его. Когда же увидим Его, в сроки свои приступающего и дождь земле дающего, а ее растящую и травой покрываемую, и нивы волнующиеся, и зеленеющие дубравы, и порастающие лесом горы, и зреющие плоды, то используем язык для хвалы и скажем с божественным Давидом, воспоем с ним, говоря: «Возвеличились дела твои, Господи! Все премудростью сотворил еси!» Когда слышим, как певчие птицы поют всякими голосами прекрасные песни, соловьиные трели, голоса дроздов и соек, иволг и дятлов, кузнечиков и цикад, ласточек и жаворонков и иных птиц, а они бесчисленны, — тогда мы, умиляясь, славим Творца.

Не таков Он, как другие творцы, что создают из готовой материи, а Он все вывел из небытия и дал бытие небывшим. Легко ведь Ему из небытиятворить. Так Он в древности мир сотворил, так, попросту сказать, и во всякий день творит. И не из готовых тел творит Он тела живым; а из небытия творит души, но не всем живущим, а только человеку. И птицами творит птиц, а плавающих плавающими, и иных родов каждого делает соответствующим его роду. Так же и земные плоды, сеянные и садимые, приносит людям. Прежде чем начали пахать и засевать землю, Он прорастил все виды растений и создал виды пресмыкающихся и четвероногих, и водное естество родил таким, каким повелено ему быть, и тех, что в воде живущие существа, и передвигающиеся по воздуху. А сами эти землю, небо, воздух, воду, огненный не материи Он повелел произвести, но Сам их, никогда не бывших, вывел из небытия в бытие, Сам Творцом явившись этому великому кораблю, то есть творению этому, Сам же и правит мудреными снастями корабля. Так нам сказал верховный Его пророк Моисей, восприняв это от премудрого Творца, Господа Бога и Владыки, на Синайской горе.

Эти же шесть слов, господин мой, не сам я сочинил, но иное взял нз верных слов Шестоднева святого Василия, а иное по смыслу у него заимствовал, также и у Иоанна, а другое у других: что мне когда-либо приходилось читать, то я и соединил.

Это похоже на то, как если бы кто-нибудь, кого минует, ходя мимо, его господин, захотел бы построить ему хоромы. Не имея же из чего строить, пошел бы он к богатым людям и попросил бы у них — у одного мрамор, у другого бревна, и возвел бы стены, а мрамором, выпрошенным у богатых, вымостил бы пол. И захотел бы те хоромы покрыть, но не имея материала, достойного стен и мраморного пола, сплел бы сетку на том доме и покрыл бы его соломой, а двери сплел бы из прутьев и такой же сделал бы запор. Так ведь остается поступить не имущему в своем доме ничего.

Таков же и нищий наш ум: не имея у себя дома ничего, строит он из чужих слов, добавляя понемногу из своего нищего дома, но вроде соломы и прутьев — свои слова. Если владыка, снисходя к нему, все эти труды его примет как свои, то дай этому владыке Господь, Бог над владыками, угодить Тебе в этой жизни и со всеми преподобными мужами до рая дойти.

Аминь.

<…>

СЛОВО ШЕСТОГО ДНЯ

Как смерд и нищий человек или странник, придя издалека к оградам княжеского дворца и увидав их, удивляется и, подойдя к воротам, восхищается, расспрашивая, и, внутрь войдя и видя стоящие с обеих сторон хоромы, украшенные камнем и деревом резным, а затем, во дворец войдя и увидав высокие палаты и церкви, богато украшенные камнем, деревом и живописью, а изнутри мрамором, медью, серебром и золотом, не знает, чему их приравнять, ибо не видел он в своей земле ничего, кроме жалких и убогих хижин, и как безумный удивляется этому тут. А если случится ему и князя увидеть, сидящего в облачении, осыпанном бисером, с гривной изукрашенной на шее и обручами на руке, поясом красным препоясанного и с мечом золотым, при бедре висящим, с двух сторон его бояр, стоящих в золотых гривнах, поясах и обручах, тогда, если кто спросит его по возвращении в свою землю, говоря: «Что ты там видел?», — он скажет: «Не знаю, как вам рассказать о том. Лишь своими глазами можно достойно подивиться той красоте». Так же и я не могу достойно сказать о том хорошем устроении и чине, но каждый из вас сам, очами телесными видя и умом бестелесным домышляя, больше и с лучшим знанием дела может удивляться. Свои ведь очи никому не солгут, хотя и те иной раз ошибаются. Однако же они извещают лучше прочего. Увидав же небо, украшенное звездами, солнцем и месяцем, и землю — злаками и деревьями, и море, рыбами всякими наполненное, бисером и всякими завитушками ракушек, и переходя к человеку, как бы ума лишаюсь от удивления и не могу понять, откуда в таком малом теле столь высокая мысль, способная обойти всю землю и выше небес взойти. К чему привязан ум тот? Как, исходя из тела, проходит он сферы одну за другой, проходит воздух и минует облака, солнце, месяц, и все пояса, и звезды, эфир, и все небеса и тотчас же вновь оказывается в своем теле? На каких крыльях он взлетел? Каким путем прилетел? Не могу проследить. Только и знаю, что говорить вместе с Давидом: «Удивился разум Твой, мною укрепился, не возмогу против него», «Возвеселил меня, Господи, творением твоим, и делам рук Твоих я возрадуюсь», ибо «Возвеличились дела Твои, Господи; всё премудростию сотворил».

ИЗ ИЗБОРНИКА 1073 ГОДА

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

Изборник 1073 г. — одна из древнейших русских рукописных книг наряду с Остромировым Евангелием и Изборником 1076 г. Этот Изборник был обнаружен К. Калайдовичем и П. Строевым в 1817 г. в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре; в настоящее время хранится в Государственном Историческом музее в Москве, в Синодальном собр., под № 1043/31 д. Рукопись иллюминирована изображением русской княжеской семьи (в начале) и рисунками знаков зодиака (л. 250 об.—260). Ее фототипическое воспроизведение см.: Изборник Святослава 1073 г. М.: Книга, 1983. Кн. 1. Изборник Святослава 1073 г.: Факсимильное издание. Кн. 2. Научный аппарат факсимильного издания.

Изборник 1073 г. — это сделанный на Руси список с болгарского оригинала, представляющего собой перевод с греческого, выполненный, по всей вероятности, для болгарского царя Симеона (919—927) («великы в царех Симеон» упоминается в происходящей из Кирилло-Белозерского монастыря рукописи 1445 г., по содержанию идентичной Изборнику 1073 г.). Как гласит приписка писца на л. 263 об. Изборника 1073 г., «Въ лѣто 6581 (1073) написа Иоаннъ диакъ Изборникь сь великуму кн(я)зю С(вя)тославу». Дьяком Иоанном написана, однако же, лишь небольшая часть (начало и конец) рукописи, а имя Святослава — оно читается также в начале книги — оба раза написано, как установлено, по стертому. Возможно, Изборник был написан по заказу старшего брата Святослава, князя Изяслава Ярославича, и переадресован после его изгнания Святославом из Киева в 1073 г.

Существует несколько южнославянских списков XIII—XIV вв. и большое число (более двадцати) русских XV—XIX вв. рукописей, так или иначе восходящих к болгарскому оригиналу и его русской копии 1073 г. (см.: *Творогов О. В.* Изборник 1073 г. // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1: XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 194—196). Сохранился также ряд греческих рукописных сборников, по составу близких к тому, который был переведен в Болгарии при царе Симеоне. Древнейшие из них относятся к концу IX — первой половине X в. и указывают на Константинополь как на место своего создания: «прото-Изборник» переписывался в крупнейших столичных скрипториях, Патриаршем и Имперском, где, по всей вероятности, и

был в IX в. составлен (см.: *Каврус Н. Ф.* Греческие списки протографа «Изборника Святослава 1073 г.» конца IX — первой половины X века (палеографический анализ) // Византийский временник. М., 1990. Т. 51. С. 103—105; *Бибиков М. В.* 1) Сравнительный анализ состава «Изборника Святослава 1073 г.» и его византийских аналогов // Там же. С. 92—102; 2) Рукописная традиция греческих списков прототипа Изборника Святослава 1073 г. // Там же. Т. 53. С. 106—123).

В Изборнике 1073 г. содержится, как установлено, более 380 статей, принадлежащих 25 авторам (см.: *Жуковская Л. П.* Древние книги и писатели в Изборнике Святослава 1073 г. (в научном аппарате к факсимильному изданию)). Основной же его объем (л. 27—223) занимают «Анастасиеви отъвѣти» — так называемые «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита (VII — начало VIII в.), представляющие собой свод выписок из Священного писания и отцов и учителей церкви (Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, Максима Исповедника и множества других). Им предшествуют и за ними следуют выдержки из сочинений Кирилла Александрийского, Иустина Философа, Михаила Синкелла, Иринея Лионского, Августина и ряда других выдающихся христианских писателей. Здесь мы видим старейшие в русской письменности отрывки из «Лествицы» Иоанна Синайского, статью «Об образах» (трактат о поэтике) Георгия Хировоска, древнейший русский список ложных книг, «Лѣтописець въкратъцѣ отъ Авъгуста даже и до Константина и Зоя, цесарь грьчьскыихъ», и многое другое. Круг освещаемых Изборником 1073 г. областей знания поразительно широк: наряду с догматическим богословием и вопросами христианской нравственности тут и антропология, и философия, и математика, и филология, и естествознание, и история... Как в Болгарии X в., так и в Киевской Руси XI—XШ вв., а затем — особенно! — в Руси Московской XV—XVII вв. Изборник 1073 г. служил, можно сказать уверенно, энциклопедией, освещавшей самые главные вопросы христианской культуры.

Первой в нашей выборке из Изборника 1073 г. воспроизводится статья «Немесия епискупа Емесьскаго отъ того, еже “О естьствѣ человѣчьстѣ”», находящаяся на л. 132 об. —134 об. Изборника. Это извлечение из книги «О природе человека» Немесия, епископа г. Эмесса (ныне город Хомс) в Сирии, жившего в IV—V вв. Твердо верующий и ясно мыслящий христианин, Немесий Эмесский был человеком ученым, широко образованным и хорошо владеющим пером. Главная особенность его книги — соединение богатых античных научных знаний о человеке и его природе с христианским о нем представлением. Хорошо знакомый с учениями Платона, Аристотеля, Гиппократа, Галена, стоиков, неоплатоников, Немесий ясно их излагает и трезво оценивает с церковной христианской точки зрения. Таким образом, с помощью античной науки и философии, опираясь на Библию и на своих христианских предшественников, прежде всего на автора трактата «Об устроении человека» Григория Нисского, Немесий Эмесский разрабатывает важную часть христианской культуры — христианскую антропологию. В VIII в. его книгу использовал при создании «Точного изложения православной веры» Иоанн Дамаскин, а

в XI в. при написании «Диоптры» — Филипп Монотроп. Книга Немесия была переведена на армянский язык и дважды (в XI и XII вв.) на латынь.

Представленный в славянском переводе текст Немесия является выборкой из первой главы его книги. Мы имеем возможность сопоставить его с текстом современного русского полного перевода книги Немесия по изданию: *Немесий, епископ Эмесский.* О природе человека / Пер. с греч. Ф. С. Владимирского; предисл. Н. В. Шабурова (Учебно-информационный экуменический центр ап. Павла). 1996. С. 24—36 (далее — Немесий). В комментариях мы укажем, что и как переводчиком сокращено.

Воспроизводимые далее главы с философскими разъяснениями и определениями занимают в Изборнике 1073 г. л. 222 об.—237 об. и представляют собой окончание «Вопросо-ответов» Анастасия Синаита и следующие за ними отрывки из сочинений Феодора Раифского, Иоанна Дамаскина и неизвестного автора. Это установил французский русист Ж. Жоанне (см.: *José J.* Les chapitres de définition philosophiques dans l'Izbornik de 1073 (Édition gréco-slave) // Révue des études slaves. Paris, 1991. LXIII/1. P. 55—111). В поисках греческого текста, наиболее близкого к славянскому переводу, Ж. Жоанне исследовал шесть греческих манускриптов IX—XV вв., из которых наиболее схожим по содержанию с Изборником 1073 г. оказался кодекс Парижской Национальной библиотеки Coislin 120 начала X в. Перевод философских глав на современный русский язык осуществлен нами с помощью греческого оригинала, напечатанного проф. Ж. Жоанне (Ibid., p. 61—111); используем также предложенное им членение текста.

ОРИГИНАЛ

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ

Немесия епискупа емесьскааго отъ того, еже «О естьствѣ человѣчьстѣ»

Человѣка вѣмь испрьва ни съмрьтьна, исповѣдаемъ,[1] ни бесъмрьтна бывъша, на прѣдѣлѣ же обоего естьства: да аще убо въслѣдуеть плътьныихъ врѣдовъ, то въпадеть и въ плътьныя съвраты; аште ли душьныя паче почьтеть, доброты бесъмрьтья съподобиться. Аште бо бы испрьва съмрьтна и Богъ сътворилъ, то не бы съгрѣшивъша съмрьтью осудилъ. Съмрьтнаго бо съмрьтью никтоже не осуждяеть. Аште ли пакы бесъмрьтьна, не бы кръмля плъныя трѣбовалъ, ни бы тако удобьно покаялъся и бывъшааго несъмрьтьна съмрьтьна абие сътворилъ. Не бо и о съгрѣшивъшиихъ ангелѣхъ се являеться, съгрѣшивъ, нъ по прьвому естьству бесъмрьтьни прѣбыли быша, иного о съгрѣшениихъ чяюште

суда, а не съмрьти. Да уне убо есть или симь образъмь разумѣти прѣдълежяштее, или яко съмрьтънъ убо сътворенъ бы<сть>, могый же отъ прѣспѣяния съврьшаемъ бесъмрьтьнъ быти, рекъше, силою бесъмрьтьнъ. Ельма же не бѣаше ему на пользу прѣжде съврьшения разумѣти естьство свое, отърече и не въкусити дрѣва разумьнааго. Бѣаху бо, паче же суть и еште нынѣ, силы въ овошти велики; тъгда же, акы въ начяло, явленѣиша сушта, твьрьждьше имѣяху дѣйство. Бѣаше же убо и въкусьнѣ кый плодъ разумь въдая своего е<сть>ства. Не хотяше же его Богъ, да прѣжде съврьшения разумѣеть свое естьство, да не, разумѣвъ ся скудьнъ о мънозѣ сы, о плътьнѣй прилежять потребѣ, оставивъ д<у>шьный промыслъ: да и тоя вины дѣля възбрани ему прияти плодъ разумѣния. Прѣслушавъ же и разумѣвъ ся, съврьшения отъпаде. При плътьнѣй же потрѣбѣ оскудѣ, одеждя бо абие възиска. Рече бо Писание: «Разумѣ, яко нагъ есть».[2] Прѣжде же въ ужасти и сътвори и въ невѣдѣнии себе. Отъпадъ убо съврьшения, отъпаде и бесъмрьтья, и еже послѣ же прииметь благодѣтию Сътворьшаго и.

По отъпадении же и мясьная пишта попуштена бы<сть>. Прьвѣе бо земльныими тъчью повелѣ ему довъльну быти. То бо бѣаше и въ породѣ. Отъчаяну же бывъшу съврьшену же, попуштениемь уже проштено бысть ядение мясьное.[3] Трѣбѣ бо есть человѣку брашьно и питье, проходъ дѣля и исходъ. Истъштаеть бо ся животъ и явленыими проходы и неявленыими, да нуждя есть убо или въ истъштаемыхъ мѣсто въносити равьная, или разорится животъ скудьства ради въходяштиихъ. Сухомъ же сущемъ, и мокромъ, и духу истъштаемыимъ, нуждя есть сухыя и мокрыя пишта трѣбовати животу и духа. Есть же намъ кръмля и питие отъ вещий, отъ нихъже съставлени есмы. Коежьдо бо своимъ подобьныимь кръмиться, супротивьнымь же ся врачюеть.[4]

Нъ ельма же не тъчью лѣпотъ дѣльма, нъ и доброчютия ради еже по посязанию, имьже паче утягнеть всего живота человѣкъ, не положи на насъ ни кожя дебелы, ни власъ, акы животъмь,[5] да тѣмь нуждьнѣ ризы трѣбьны быша,[6] — и въздуховъ ради нестроиньства, и звѣрьскыихъ дѣля врѣдовъ. Зълаго же раствора ради и прѣмѣнъ качювьствьныихъ и чювьства ради, данааго тѣлеси, врачеве и былия трѣбѣны быша. Аште ли не быхомъ имѣли чювьства, то ни болѣли быхомъ; ни цѣления трѣбовали, не боляште, и погъбли быхомъ убо въ невѣсти, злаго врѣда не цѣляште.[7] А съпрьва ничьсоже отъ сего не трѣбовахомъ, ни бесловесьнии бо животи съмѣяху врѣждяти человѣка, нъ бѣаху ему вся поражати и покорена, — доньдеже въздьрьжяше своя страсти. Дрьжимъ же оть нихъ, удрьжанъ бысть н отъ вънѣшьнихъ въ подобу звѣрий. Вълѣзе бо съ грѣхъмь и суштии отъ тѣхъ врѣдъ. А якоже то есть истина, учять ны доброе житье прѣпроводивъшии и отъ такыхъ никогоже не врѣдивъшеся, акы Данилъ отъ львовъ и Павьлъ отъ ехидьнъ.[8]

Да кто убо достоиньнѣ почюдиться доброродьству живота сего, иже съвязаеть въ себѣ съмрьтьная къ бесъмрьтьныимъ, и словесьная к бесловесьныимъ, носящю уму въ своемь естьствѣ въсея твари образъ, тѣмь же и «малый миръ» наречеся? Толикы же чьсти отъ Бога и Промысла съподобися, яко того ради — и сушта нынѣ, и будуштая, и Богъ человѣкъ бысть, и Божие чядо есть, на небесьхъ царствуеть, по образу Божию и по подобию бывъ, съ Христосъмь прѣбываеть, выше всякого начала и всякоя власти сѣдить. Кто ли ему можеть исповѣдати? Обилия пучины бо минуеть, небеса проходить мыслью, звѣздьная пошьствия и растояния и мѣры размышляеть, землю дѣлаеть и море, звѣрьское и китовьское прѣобиди, вьсяко художьство и хытрость управляеть, чрѣсъ прѣдѣлъ кънигами къ немуже хоште бесѣдуе, никакоже от тѣлесе не ставляемъ, проричеть же будуштая, вьсего есть старѣе, вьсѣмъ владе, вьсѣмь питаеться, отъ всего дары приемлеть, отъ ангелъ хранимъ есть, къ Богу бесѣдуеть, бѣсомъ запрѣштаеть, суштиихъ естьство испытаеть, Бога распытаеть, домы и храмъ бываеть Божии и причастьникъ Того царьства.[9]

Максимово[10] о различии суштия[11] и естьства по вънѣшьнимъ

«Суштьное» убо имя назнаменание есть бытья просто суштиихъ, рекъше того самого сушта суштааго: наричють бо ся суште и аггели, и камыкъ, и прокая вся. Сему убо просто суштууму, егоже обьште вся приемлють, знаменьно есть «суштьное» има. Естьствьньное же имя обавление есть просто суштиихъ пошьстья; въся бо въ пошьствии видома суть, и ничьтоже нѣсть бес пошьстья бывъшиихъ. Суштие убо наричеть бытие просто суштиихъ, естьство же пошьстье просто суштиихъ.

Пятеро же образьно есть се: или бо разумьно есть, или словесьно, или чувьствьно, или растуштее, или бездушньное. Разумьна же — якоже се о аггелѣхъ, отъ самѣхъ тѣхъ разумъ другъ къ другу съближяюштеся; словесьно же — якоже се о человѣцѣхъ имены и словесы невидимая душьная пошьстья къ дальниимъ обличая. Чувьствьно же — еже въ бесловесьныихъ разумѣваеться, къ кръмяштий бо и растяштий, къ ращуштии силѣ и чувьствьную имать. Растуштее же — еже въ садѣхъ: движять бо ся и та по кръмяштий и растяштий и раждаюштийся силѣ, Бездушьно же — акы о каменехъ, по немуже и ти движяться по качьству и по къде: по качьству же убо — якоже грѣтися и устыдати, а по мѣсту же — имьже отъ мѣста на мѣсто инамолетяштее прѣложение.

Да си убо есть вънѣшьниихъ о именехъ сихъ вѣра. Црькъвьнии же учителе без различья имены сими бесѣдоваша, и то же суштее и естьство нарекоша, якоже и собьство — лице.

Феодора, презвутера Раифуисьскааго,[12] о тѣхъжде

«Суштьное»[13] убо имя самого реку имя и нарокъ, съпроста не сушта обрѣтоваамъ въ божьствьнѣемь Писании. Бесѣдуеть же приречениемь симь суштия многыихъ обычай о назнаменуемыихъ имѣниихъ, еже кто имать домы и стада и прокыя вешти. То бо суштие имуштааго наричемъ простыихъ же обычаи, по немуже разуму иже имуть се обильнѣ богата наричемъ, рекъше «многосуштьнъ».[14] Тѣмьже и «люди богатыя»[15] Писание наричеть, сирѣчь приобрѣтеныя, и «Издраиль въ богатьство ему»,[16] рекъше въ имѣние и приобрѣтение.

Словесьнаа же бесѣда, вѣдушти «суштьное» имя отъ бытьнааго слова прѣведоно, самоу вешть сущие[17] нарече: небонъ «сущьное» обьште имя есть вьсѣхъ суштиихъ. Се убо суштее раздрабляеться въ суштие и въ случая.

И уставляють же сущие сице: суштие есть имя обьште и неуставьно надъ вьсѣми яже подъ ними собьства, равьночьстьнѣ водимо и съименьнѣ оглаголаемо. И суштие есть еже надъ подълежаштиими собьствы нарицаеться и въ вьсѣхъ тѣхъ тьчьно и равьно разумѣваемь. И суштие есть вешь о собѣ състояштися, не трѣбуюшти иного на бытье, сирѣчь въ себе сы, а не въ иномь бытия имы, акы случяй.

Случяй же есть еже не можеть въ себѣ быти, нъ въ иномь имать бытье. Сущие бо подълежаштее есть, акы вешти дѣлесемъ, случай же въ суштии разумѣваемо есть, рекъше тѣло и образъ:[18] не бо есть тѣло въ образѣ, нъ образъ въ тѣлѣ. Да тѣло убо есть суштие, а образъ случяй.

Такоже и душа и мудрость: не бо есть душа въ мудрости, нъ мудрость въ души. Тѣмьже и не наричеться «тѣло образово», ни «душа мудрости», нъ «образъ тѣлесьный» и «мудрость душьная». Есть убо душа суштие, а мудрость случай; души бо погубляемѣ, погыбаеть и мудрость, мудрости же погубляемѣ, не погубляеться и душа; моштьно бо есть души быти и без мудрости. Да убо все еже о себе собьство имать и въ себѣ, а не въ иномь имать бытье, суштие есть.

Бывають же си да или плътьна, или бесплътьна. Плътьна же — земля, вода, въздухъ, огнь, и съложеная тѣми: камыкъ, садове, съдушьно тѣло. Бесплътьная же — аггелъ, душа словесьная. Да се убо, якоже рекохъ, суштие наричуться. Сихъ же творьць — Богъ.[19]

О естьствѣ

Естьство есть начяло коегожьдо сущиихъ пошьстья же млъчания. Якоже земля движиться убо, егда зябнеть и животворить плоды и прѣмѣнуеться, млъчить же прѣходомь отъ мѣста на мѣсто бес подвижения сушти съпроста и бес поступа. Начяло убо такогоже беспошьстья и млъчания суштьнѣ, рекъше естьствьнѣ, а не по сълучаю въ земли суште естьство наричеть. Не пошьстья же и млъчания, нъ начяло, рекъше вину, по немуже не сълучай, нъ суштьнѣ суштия грядуть и млъчать.

Уставляють бо убо суштее, якоже глаголахомъ, все о собѣ сяе и ничьсоже иного на бытье трѣбуя, естьство же начяло коегожьдо отъ суштиихъ пошьстья же и млъчания суштьна. Да вънѣшьнии убо различье нарекоша суштия и естьства, суштие убо рекъше еже просто быти, естьство же суштие въ видѣ створено отъ суштьныихъ различье и съ тѣмь еже просто быти неже како бытье имѣти, или словесьно или несловесьно, или съмрьтьно или несъмрьтьно, рекъше само то, якоже речемъ, непрѣмѣньное и непрѣложьное начало и вину и силу въложеную отъ Творьца коемужьдо виду на пошьстье: аггеломъ убо якоже разумѣвати и без износимааго слова подаяти другъ другу помышления, человѣкомъ же яко разумѣвати и помышляти и износьныимъ словьмь подаяти другъ другу срьдьчьная помышляния, бесловесьныимъ же животьное и чювьствьное и прѣстаньное пошьствье, садомъ же кръмяштюю и растяштюю и родьную силу, каменью же якоже грѣватися и истыдати и еже отъ мѣста на мѣсто инамошьстьное прѣступание. Рекъше бездушьное се нарекоша естьство. Да тѣмь простое бытье суштие нарекоша, а еже обьдрьжи собьства естьство нарекоша.

Святии же отьци, оставивъше многыя сия пьря, обьштее и о многыихъ глаголемое, рекъше своитьныи видъ, суштие и естьствьнъ образъ нарекошя, рекъше ангела, или человѣка, или коня, или пьса и другое сице. Небонъ и «суштие» «бытья» ради наричеться, не бо и «естьство» имьже «есть». Да еже «быти» и «есть» то то же есть: обое бо съказае бытьное. И «образъ» же и «видъ» тожде назнаменае, еже и «естьство». Частьное же нарекоша нераздрабляемое и лице, собьство, рекъше

Петра и Павьла. Собьство же хоштеть имѣти суштие сълоучяемыими и о себе състоятися и чутьемь, рекъше дѣйствъмь, разумѣватисе.

Есть же имя естьствьное въ Писании знаемѣе. «Егда бо, — рече, — языци закона не имуште естьствъмь законьная творять»[20] и «Прѣмѣниша естьствьную потрѣбу на чрѣсъестьствьную».[21] Егда же пакы речеть: «И бѣхомъ чяда естьствьная гнѣва, якоже и мнозии»,[22] не по сему назнаменуемууму естьства глаголеть — не бо естьствѣмь и суштиемь таци есмъ, — аште ли то Творьче бы прѣгрѣшение, нъ иностаньную и злую любъве и многоврѣменьное зълонравье и отъ отьць в дѣти прѣдаемо и, якоже се решти, имьже въ насъ въкоренися то акы въ естьство ся прѣтвори, да въ лѣпоту сьде нарече естьство апостолъ.

Сице же е разумѣти и отъ Соломона реченое: «Безумьни бо, рече, вси человѣци естьствъмь, въ нихъже нѣсть Божья разума».[23] Егдаже глаголеть: «Вьсѣхъ бо хытрица научи мя Мудрость»[24] вѣдѣти «съставъ съложение мира и дѣиство съставы»,[25] «естьства животъ и гнѣвы звѣрьскыя»,[26] истовое естьства назнаменание подае. Тafkoжде же и божьствьный Ияковъ рече: «Вьсе естьство бесловесьныихъ кротиться естьствъмь человѣчьскъмь».[27] И Петръ: «Да будете Божья приобьштьници естьства».[28]

О собьствѣ

Собьство же есть вещь състояштися и суштьна, въ немьже сълучаюштиихъся съборъ, акы въ единой подълежяштий вешти и дѣйствѣ състоиться. И собьствьное же имя и знаемѣе нѣкако есть въ Писании. Рече бо Иеремия: «Къто есть въ собьствѣ Господьни?»[29] И апостолъ: «Иже сы усьяние славы и образъ собьства Его».[30] Готовословлено же е собьствьное имя, имьже «собомь състоиться» и «есть».[31] Да мнимо убо есть тожде назнаменуя «собьство» и «сущие» по зѣло опытьнууму же разуму назнаменуемыихъ подъ сими вещьми не простое есть къ себе симь розличье: суштие бо обьштину нѣкаку являе, собьство же своитьное.

Рекъше, купьно вси человѣци обьште имуть бытье, небонъ вси такожде «живемъ и движемься и есмъ».[32] Имать же къждо насъ своя нѣкая, имиже отълучяються отъ человѣкъ, рекъше отчьство, родъ, художьство, дѣло, врѣди и такоя, яже и сълучая наричемъ. Да си убо разлучяють коегожьдо насъ отъ прокыихъ человѣкъ. Рыцѣмъ убо, яко Павьлъ человѣкъ есть акы вси человѣци, да по семь убо ни тъ отъ многыихъ человѣкъ различьне имать, ни вси человѣци отъ вьсего. А понемуже

Тарсеус есть, и колѣна Веньаминя, и Саулъ и Павьлъ нарицяшеся, и апостолъ, еже ино о немь съповѣдано е сице, отъ прокыихъ человѣкъ отълучяться. Се убо все о собьствѣ разумѣваться, и тажде вешть, рекъше Паулъ, да егда убо бытье его смотриться тъчью, то суштее наричеться, егда ли съ прѣжеглаголаныими, тогда и собьство. То же «сушьтьное» убо имя не съпремле и собьства, а собьствьное всако имать и сущие.

О лици

Лице же есть еже своими дѣйствы и свойствы явлено и отълучено отъ единоестьствьныихъ ему подаеть обличение, якоже се Гаврилъ къ Богородици бесѣдуя: единъ отъ аггелъ сы, единъ ту пришьдъ, бесѣдоваше — отълучивъся отъ единосуштьныихъ аггелъ пришьстьемь на мѣсто то и бесѣдованиемь. И Павьлъ, на степеньхъ бесѣдуя,[33] единъ отъ человѣкъ си, свойствы и дѣйствы его отъ многыихъ человѣкъ отълучаашеся. Да дѣиствъмь убо бываяй въ насъ разумьнѣ о къмь лице то само еже дѣйствуе наричеться. Мнимо же е<сть> нѣкако тожде знаменавати еже и «собьство», или малы или ничимь же прѣмѣньно.

Да глаголеться убо, якоже и святый Василь, яко «се имать различье суштие съ собьствъмь еже има обьщее къ своитьнууму».[34] Нъ ельма же обьщааго и своитьнааго инако вънѣшьнии мудрии творять разлучения, инако же суштии въ насъ богомудрьци, подобьно же и се е<сть> съказати.

Да вънѣшьнии убо прьвое вьсѣхъ видовъ же и родовъ суштие огла<го>лають и отъ того подобно творять раздѣлы сице: суштьное, глаголють, ово есть плътьно, ово же бесплътьно, и плътьнааго же ово есть съдушьно, ово же бездушьно, съдушьнааго же ово есть животьно, ово же живорастьно, ово же садъ. Съдушьны бо наричуть сады акы кръмимую и растуштую силу имушта. Животорастьная же наричуться елико же ся ихъ кръмить и чуеть посязаниемь, бес подвига же суть и бес хожения, якоже суть чрѣпиноодеждьная въ водахъ. Животи же елико кръмяться и чують и на мѣсто отъ мѣста шьстье имуть. И животу же пакы наричуть ово словесьно, ово же несловесьно; и словесьнааго ово съмрьтьно, ово же несъмрьтьно. Животъ же словесьнъ человѣкъ, иже раздѣляться въ оньсицу и въ коегожьдо человѣка.

Нарицають обо суштее пачеродьный родъ. Родъ бо наричуть еже можеть по различьныимъ глаголатися видомъ, видъ же есть подъчиняемое по<д> родъ. Родъ убо пачеродьный есть въ нихъ суштие,

имьже то вьсѣхъ родовъ родъ есть, се же е<сть> родъ прѣродьный. Нъ родъ на трое ся речеть: по единому убо образу отъ рожденааго, якоже отъ Издраиля издраилите наричуться; по иному же образу — отъ отьчьства, якоже и отъ Иерусалима иерусалимляне наричуться; по третьему же образу родъ наричуть раздѣляемое въ виды, еже и уставляюште глаголють: родъ есть еже о многыихъ и подобьныихъ въ виду въ томь, въ немьже чьто есть оглаголаемое.

И «видъ» же дъвое назнаменуемое имать. Наричеть бо ся видъ и очрьтение и образъ, якоже се кумирьное. Глаголеть же ся пакы видъ подъчиняемое подъ родъ, рекъше отъ рода роздѣляемое. Да тѣмь родъ убо есть еже ся роздѣляеть въ виды, видъ же еже отъ рода, рекъше суштия роздѣляеться, еже есть непрѣрѣзаемое. Непрѣрѣзаемое же наричеться, имьже не можеть ся на много раздѣляти, рекъше Петръ единъ сы, не можете мнози Петри быти или въ многыихъ розумѣватися. Есть убо прѣродьный родъ, рекъше суштие, обьште, сирѣчь обьште о многыихъ глаголемое, неотърѣзаемо же своитьно, рекъше вь себѣ състояся и о многыихъ рештися не могы. Сего убо ради и Великый Василий се рече, суште различие сущю къ собьству, еже имать обьштее къ своитьнууму, ельма же обьштее на многы, своитьное же ни на когоже глаголеться.

Да по вънѣшьниимъ убо раздѣлъ сицъ. Наши же наставьници, оставивъше многословие се, добросъмотрьное же и доброразумньно състроиша, якоже съкраштенааго Еуаггелия сушта слоужителю. Близное бо и ужичьное неотърѣзаемыихъ оглаголаемо, еже своитьнѣй видъ вънѣшьнии нарекоша, се божьствьнии отьци суштие рекъше естьство нарекоша, нерасѣкаемое же собьство, рекъше лице нарекоша. Собьство же и лице суштее чястьно есть. Чястьно же рѣхомъ, имьже не обьште, нъ своитьно, и единого тъчью оньсицу указая, и сущие имушта что нарицатися и быти. Такожде суштиемь и собьствомь и съ своитьныимь обьштее имы имя же и вещь. Рекъше Петръ собьство есть, нъ и суштие нѣчто: человѣкъ бо оньсица, рекъше отъдѣляемый, а не просто человѣкъ. Да васнь убо собьство суштие есть, нъ суштие нѣкое.

Знаменати же есть, яко не възвраштаеться слово: не бо ельмаже собьство суштее, то да и суштее собьство будеть, ни ельмаже Петръ человѣкъ, да и Петрово имя всякъ человѣкъ прииметь. Есть бо Петръ Симонъ сынъ Ионинъ отъ Витъсавиды Галилѣйскыя, Христосовъ апостолъ; да сице убо и всякъ человѣкъ будеть, ельмаже человѣкъ Петръ. Да васнь убо не съвраштаеться слово еже яко «Петръ — человѣкъ» и «человѣкъ — Петръ», да тѣмь ни «собьство — сущие» и «суштие — собьство». Тѣмьже и имя «суштия» съ вештьми приметь и собьство, суштие же кичтоже отъ собьства не прииметь. Да се убо, якоже и мнѣти е<сть>, по святууму Василию, имать различье суштие

къ собьству, еже има обьштина къ своитинууму, имьже суштие подълежаштемъ собьствомь нарицаеться, собьство же ни на когоже.

Суштие же разумъмь погубляемо, съпогубляеться уто и собьство: не сушту бо съпроста человѣку, ни Петра ни Павьла не будеть. Погубляемо же собьство не погубляе уто и суштия: не бо погублену Петру, погубленъ буде съпроста и человѣкъ. Пакы въводимо собьство въводить уто и суштие: иже бо и помыслихомъ Петра, туижде и того суштие, яко человѣкъ есть. Суштие же въводимо не въводи вьсяко вьсѣхъ собьствъ, надъ нимиже нарицаеться: сушту бо простууму человѣку, нѣ нужда и Петру быти, дондеже и Павьлѣ и въ Иоаннѣ без нестатъка человѣкъ разумѣваеться.

Да суштие убо моштьно разлучениеемь тъкмо указати. Аште мене упрашаеши, что есть человѣче суштие, отъвѣштаю ти абье того уставъ, яко: человѣкъ е<сть> животъ словесьмь съмрьтьнъ и супротивьныихъ особь приимъ, — нъ и отълучениемь симь укажу ти до коньца человѣче естьство. Собьство же немоштьно е<сть> отълучениемь указати, нъ тъчью подъписаниемь. Аште бо въсхошту указати ти оньсицу человѣка, рекъше Иоанна Прѣдътечу, то нужда ми е<сть> подъписати сице, якоже: Иоаннъ, сынъ Захаринъ и Елисавинъ, въ пустыняхъ въскръмленъ, бѣлъм образъмь, чрьны власы, высокъ, облѣченъ въ вельблужя власы и поясъ имы язьнѣнъ о чрѣслѣхъ своихъ, ядый пругы и дивий медъ, пророкъ же и крьститель, и усѣченъ отъ Ирода. Се убо все и подобьное сему назнаменуеть собьство, и отъ сего собьство подъчрьтаеться.

Сущие же къ суштию не всяко имя тежьства, нъ разньство; собьство же къ собьству всяко има тожьство и разньство.

И сущие же къ суштию съходиться по сълогу; собьство же съ собьствъмь не сълагаеться, нъ прѣмѣняеться.

И суштие же съ суштиемь сълагаемо едино собьство твори; собьство же съ собьствомь прѣмѣняемо ни суштия, ни собьства, нъ домыслимую нѣкою вещь творить, якоже се народъ и ликъ, или съборъ, и ино также, якоже е<сть> глаголано въ Писании: «собьство»[35] и «съборъ»[36] иноплеменьникъ; по прѣмѣну же прилога сице бы избесѣдование: въ негоже бы мѣста «сусь» решти «подъ» лагаеть ся, рекъше «собьство», «съборъ», рекъше «съставление»,[37] «състояние».[38]

Да естьства убо дѣломь и вештью сълагаема помыслъмь раздѣляються тъчью, собьства же прѣдълагаема въспять пакы помышлениемь бо съкупляються тъчью, дѣломь же и вештью отъ себе растояться.

Суштие же убо николиже отъ себе не различуеть, собьство же мънога има къ себѣ различия.

О различии

Различие же есть еже о многыихъ и различьныихъ видомъ, еже въ коемь что есть оглаголаемо. И различье есть вешть, еже прѣмѣняеть другъ отъ друга, о нихъже сама оглаголаема есть. На трое же ся рече различье: обьште, и особь, и своитьнѣе. Не моштьно бо е<сть> обрѣсти двое чьто, не различьно къ себе нѣ по чьсому. Инѣмь убо различьно е<сть> видъ отъ вида, и другымъ собьство от единовидьнааго и единосуштьнааго собьства, и другыимъ собьство въ себѣ. Различьнъ бо видъ человѣчьскъ отъ виду коньска по словесьнууму и несловесьнууму. Наричеть ся словесьное и несловесьное суштно различье. Такожде и вся, имиже различуе видъ отъ вида, естьствьное и сущьное и съставьное и видотвореное различье и качьство наричеться, еже наричеться отъ вънѣшьнихъ своитьнѣе различье, акы ближе естьству указание, якоже се «словесьное» и «чувьствьное». Пакы, различь е<сть> человѣкъ отъ человѣка и конь отъ коня, по немуже овъ есть высокъ, а другый низъкъ, овъ же старъ, а другый юнъ, единъ человѣкъ мудръ, а другый юродивъ. Се все осуштьна различьи и качьства наричуться, еже есть сълучай.

О сълучании

Сълучай же есть, еже быва и отъбыва кромѣ подълежаштааго тьла, рекъше не сушьно есть, нъ въ подълежаштиимь суштиимь състоиться. И есть льзѣ тому же быти и не быти нѣкому: небонъ есть льзѣ человѣку бѣлу быти и не быти бѣлу, такожде же и высоку и мудру и иному такомужде.

Сълучай же раздѣляеться на дъвое: въ обьщее различье и въ своитьное. Обьштее убо различье есть разлученый сълучай, рекъше сѣдить нѣкто, а другый стоить; есть же льзѣ, ижде въстанеть сѣдяй и сядеть стояй, разлучиться различию ею и прияти въ иного мѣсто ино. И въ собѣ же

кто наричеться различьствуя по разлученууму сълучяю: различьствуеть бо въ себѣ еже сѣдѣти и въстати и еже юну быти и старѣтися и еже болѣти и съдраву быти и инѣми сицѣми же. Своитьнѣ же различье есть неотълучаемый сълучай, рекъше есть нѣкто изѣкръ и смаглъ и подобьна симъ: да нѣ моштьно отълучитися его сициимъ. Да по симъ убо неразлучьныимь сълучаимь собьство отъ собьства различьствуе, само же отъ себе николиже.

О своитьнѣѣмь

Своитьное же есть еже вьсему и единому виду и присно сы. И своитьно есть въ немьже есть, не съврьшая ему суштиа или съпроста въ естьствьный его разумъ приемлемо. Се же да наричеться убо своить и своитьная. Своитьно человѣку еже просто ходити и еже смьятися. Да се убо и своитьно наричеться человѣку, нъ не въ сущия его разумъ прѣемлеться. Се бо отълучая, чьто есть человѣкъ, реку, яко: животъ словесьнь, съмрьтьнъ — и до коньца и укажу, чьто есть; не бы ми нужда повѣдати, яко просто ходить и смѣеться. Да то убо своитьна истовое да наричуться, елико же прилагаема не суть лиха, не прилагаема же нестатъка не творять.

Раздѣлять же ся своитьно на четворо. Прьвое, еже едино есть въ виду, не всему же, якоже еже землю мѣрити человѣку: единъ бо человѣкъ земемѣрьць, нъ не вьсякъ человѣкъ землемѣрьць. Второе же, еже вьсѣмъ убо, а не единому, якоже дъвоножьну: вьсякъ бо человѣкъ дъвоножьнъ, нъ не всякъ дъвоножьць человѣкъ: есть бо и голуби и подобьная си. Третье же, еже вьсякому человѣку и единому, нъ не присно, якоже осѣдѣти человѣку: се бо всему убо и единому строиться человѣку, не присно же, нъ въ старость. Четвьрътое же, прѣдьниихъ трии сходяштьcя, рекъше вьсему и единому и присно, еже и възвраштаеться, якоже се: смѣхъливое человѣку и хрепетивое коню, — еже своитьно насуштьно глаголеться, своитьно бо есть еже единому естьству строиться и възвраштаеться на уставьное.

О имѣнии и нестатъцѣ

Имение же есть еже по суштию комужьдо дѣйство и цѣлое, якоже се о души цѣломудрьство, доблесть, мудрость, правьда, при тѣлеси же съврьшеное удовъ и равьное и съдравие. Тѣхъ же неполучение и погрѣшение и съпроста погыбение глаголеться нестатъкъ. Различьное же имѣние есть съ любъвью, имьже имѣние убо неудобопрѣмѣньно есть, любы же отъпрятаюштияся отъ имѣния, удобопрѣмѣньно есть. Имѣние

бо есть качьство нѣкое бѣдьнопоступьно и неудобопрѣмѣньно, любы же яже по сълучаю когожьдо качьство. Глаголемъ бо, яко которьнѣ ли, или любъвьнѣ усрьдье има оньсица къ оному, или оньсица человѣкъ съдравѣи прѣбываа къ себе нынѣ, неже прѣжде.

О количьствѣ и о мѣремыихъ

Количьство убо есть сама та мѣра мѣряштия и чьтуштия, колико же еже подъ чисменьмь и мѣрою подъложить, рекъше мѣримая и чьтомая. Количьства же ова суть разлучяема, ова же съдрьжима. Разлучаемая же суть яже ся отъ себе разлучають, якоже се три десяти камыкъ или о десяти фуникий: та бо разлучена суть отъ себе и чьтома наричуться, аште не мальствомь и множъствъ<м> мѣрима будуть спудъмь[39] или инѣмь тацѣмьжде, акы пшеница и прокое. Съдрьжаштая же ся, егда есть мѣримое, якоже се едино дрѣво обрѣтаеться дъвою локѣту или трии локътъ, или камыкъ, или чьто такыихъ, и едино сы мѣриться, да сего дѣля наричеться съдрьжимая мѣра.

Число же наричеться, рекъше разночьтомое, и множьство, и врѣмя, и растояния. Число убо, рекъше единьница, дъвоица, троица и прокая числа. Мѣра же, рекъше малъ, великъ, статирь, талантъ и такаяжде. Врѣмя же, рекъше чясъ, дьнь и мѣсяць и лѣто. Дальство же, рекъше длъгота, широта, глубыни.

О качьствѣ и о творитвьнѣѣмъ

Качьство есть въсущьная сила, рекъше о родѣхъ убо съставьная розличья, рекъше словесьное, съмрьтьное, бесъмрьтье и прокая. О бесплътьныихъ же словесьныихъ — разумьное, самовластьное, присношьстьное. О тѣлесехъ же — тварь, рекъше бѣлота, чрьнота, русость и такая; и видъ, рекъше обьло, право, прѣведено, на четвьрьти и подобьная си. И пакы: мокрота, сухота, теплота, студено, мякота, жестокое, рѣдъко, чястое. И глѣни, рекъше гнѣвьное, сладъкое, бридъкое и подобьная. Качьство убо есть, по немуже каци друзии наричуться съ имене, якоже приемлюште отъ него: отъ мудрости бо мудръ наричеться, якоже имы мудрость, и теплъ иже имать топлоту. Наричеть же ся многашьды и само то качьство «какое», якоже и мѣра «число».

Качьству же видъ есть и сила и дѣйство; яже не суть убо дѣйство, имуть же устрой и силу естьствьную. Наричеть бо ся ова «по устроению», ово «по нраву», рекъше по дѣйству. «По покошьнууму» же, како се егда речемъ дѣтишту силою къножьникъ быти има, имьже има покошьное, якоже быти кънихъчий. «По нраву» же, якоже егда речемъ млъчаштууму кънигъчию можеть по млъчании хытрость показати. Или якоже о зрьнѣ пьшеничьнѣ: се бо овогда класъ есть, егда створи класъ зьрѣя, дѣиствъмь же нѣсть класъ, нъ пьшеница. И топлое дѣйствъмь убо ни е топло, ни е горяште. Силою же всяко, по немуже можеть, студеное убо студимо, тепло же грѣемо. И пакы дѣтишть ни доброты имы, ни злобы, силою же вьсяко, по нейже имѣти. Нарицаеться сила и мошть и вои.

О томь, еже къ кому

Къ кому же суть, елико же само еже есть инѣхъ сы нарицаеться, купно же и възвраштааться къ себѣ. Акыже суть нарицаемыя любъви, акы отьца къ сыну, и друга къ другу, и ученику къ учителю, и владыцѣ къ робу: се бо имать и дрьжиться отъ другъ друга, тѣмьже и «любъви» нарицаються. Къ нѣ къ кому же суть и по притъчи нарицаемая, рекъше «более», «сугубое», «унее», «острѣее». Се бо по прѣдъложению инѣхъ нарицаеться сы сице, рекъше вяштее худааго есть вяштее, и сугубое половьнааго есть сугубое, и прока такожде. Есть же и се того еже къ кому, рекъше художьство и охудожьное, чувьство и чуемое, положение <и полагаемое>. Си убо, якоже глаголахъ, еже къ кому суть, елико же сама, яже суть, инѣхъ наричуться сушта или якоже како инако имуть къ иному.

О супротивьныихъ

Супротивь яже истовая суть еликоже ихъ погублениемь супротивьныихъ съставяються, рекъше доброта и злоба, видѣние и слѣпоту, и творить по нестатъку и по имѣнию супротивьная: имѣние бо есть видѣние акы отъ имѣния, лишение же имѣния, рекъше видѣния, слѣпота — и повѣштание и отъвѣштание. Повѣштание же есть, рекъше: «Павьлъ апостолъ есть», отъвѣштание же супротивьно, рекъше: «Паулъ нѣсть апостолъ». Глаголеть же ся обое отъвѣтъ и обличение. Да ельма убо вьсему наповѣштанию супротивъ е<сть> отъвѣтъ и всему отъвѣту супротиви е наповѣштение, да отъвѣтъ, супротивънъ сы наповѣштанию, и повѣштание супротивьно сы отъвѣту супротиворѣчие ся наричеть, да нужда е<сть> единому лъгати, а другому истину вѣштати. Да погубениемь убо единого друга оставляеться: погубляему бо наповѣштанию, отъвѣштание съставляеться, и погубляемѣ злобѣ съставляеться доброта, и погубляемѣ слѣпотѣ, видѣние съставляеться.

Да сицая убо супротивьна наричеться, еликоже въкупѣ съставитися не могуть, нъ всяко погубляемо единому, есть другое.

О оглаголемыихъ

Вьсе оглаголаниемь или и о мнозѣ глаголеться и бывае или о равьнъихъ, о мьньши же николиже. И о больши же, егда вьсячьская оглаголаються чястьныихъ; вьсячьская убо суть сущая выше, чястънѣиша. В яже ниже. И всячьское же убо вьсѣхъ есть сяе, тѣмьже и вьсѣхъ оглаголание имать: небонъ и суштие сяе наричеться и сълучай сяе глаголеться. Не можемы же решти, яко сяе суштие есть: не бо тъчью суштие есть сяе, нъ и сълучай.

Такожде же и родове оглаголаються видовъ: видове бо чястьнѣйше су<ть> родовъ. Оглаголаеться убо суштие живота и животъ человѣка; небонъ животъ суштие есть, и человѣкъ животъ есть. Не обраштаеть же ся въспять: вьсь бо человѣкъ животъ, нъ не вьсь человѣкъ животъ. И конь бо и пьсъ животи суть; такожде же и всякъ животъ суштие есть, нъ не все суштие животъ есть: и камыкъ бо и дрѣво суштие есть, яже не суть животи.

Такожде же и видъ оглаголаеться отъ обьдрьжимыихъ отъ него, рекъше собьство, акы вьсячьское. Нерасѣкомое же, рекъше собьство, не оглаголаеть вида: чястьнѣе бо есть вида собьство. И Петръ убо человѣкъ есть и Павьлъ человѣкъ есть, не вьсь же человѣкъ Петръ и Павьлъ: суть бо и другая собьства подъ видъмь человѣчьскъмь. И различья же и оглаголають виды, въ нихъже суть, и нерасѣкомая сама. Вьсячьстѣйша же суть различья видовъ. Небонъ вьсь человѣкъ словесьнъ, не всякъ же словесьный — человѣкъ: небонъ и аггелъ словесьнъ есть, нъ нѣсть человѣкъ.

И се естъ убо еже о мнозѣемь оглаголание. А суштие о равьнѣемь оглаголание, егда възвраштаеться. Оглаголають бо ся своя отъ видовъ, ихъже суть своя, нъ и видове оглаголаються отъ своихъ имъ. Вьсь бо человѣкъ смѣхъливъ и въ<сь> смѣхливый человѣкъ. Да сусьоглаголаема наричуться.

О съименьнѣемь и единоименьнѣѣмь оглаголании

Съименъное о убо оглаголание есть, егда и имя и уставъ самъ тъ именьный приемлеть. Рекъше, «животъ» оглаголаться человѣкъмь, и приемлеть «человѣкы» и имя и уставъ животьный. Животъ бо есть суштие съдушьно чувьствьно. И человѣкъ приемле уставъ сь, имьже и суштие бо есть человѣкъ и съдушьно и чувьствьно.

Единоименито же оглаголание, егда имя убо приемлеть, а устава никакоже. Рекъше «образъ человѣчь» имя убо человѣче приемлеть, устава же человѣча не приемлеть, уставъ бо человѣчь есть: «животъ словесьнъ, съмрьтьнъ, ума и художьства приимьнъ», образъ же ни животъ есть, ни словесьнъ.

О единородьниых и единовидьныихъ, и инородьныихъ и иновидьныхъ, и купьнособьныхъ и числомь различьныихъ

Единородьная убо суть, еликоже подъ тѣмьжде оглаголаниемь подъчиняються, рекъше еликоже суть подъ суштиемь. Такожде же и о инѣхъ 9 оглаголаниихъ. Десять бо вьсѣхъ есть оглаголаний, рекъше прѣродьни роди, на няже възноситься вьсякъ гласъ, рекъше имя просто глаголемо. Суть же си: 1) суштие, 2) количьство, 3) качьство, 4) нѣ къ кому, 5) къде, 6) къгда, 7) творити, 8) страдати, 9) лежати, 10) имѣти. Симъ «сущие» есть подълежяе, прокыихъ же девять ютрьподълежаштиихъ. Подълежитъ бо убо сущие, въподълежять же сушти ина вься. Буди убо суштие же, рекъше, камыкъ; количьство же — дъвое или трое; нѣ къ кому — отьць къ сыну; како, рекъше, бѣло, чрьно; къде, рекъше, въ Дамасцѣ; къгда, рекъше, вьчера, утро; имѣти, рекъше, котыгу носити; лежати, рекъше, стояти, сѣдѣти; творити, рекъше, жешти; страдати, рекъше, жегому быти.

Инородьная же суть еликоже подъ инѣмь ти инѣмь оглаголаниемь суть. И купьнородьно убо человѣкъ есть и конь, подъ суштиемь бо есть обое. Инородьно же акы человѣкъ и художьство: человѣкъ бо подъ суштиемь есть, художьство же подъ качьствъмь.

Купьновидьно же суть еликоже подъ тъжде видъ въчиняються и приобьштаються словеси суштьнуму, рекъше Петръ и Павьлъ: оба бо подъ единѣмь видѣмь еста, человѣчьмь еста. Иновидьна же суть, еликоже видъмь различують, рекъше, разумъмь суштия, рекъше, человѣкъ и конь. Святии же отьци единородьнаа и единовидьнаа то же нарицають единосуштьная, яже подъ тѣмь же видъмь собьства.

Купнособьствьна же суть, егда дъвѣ естьствѣ въ единомъ <собьствѣ еди>нитася и едино начьнета имѣти собьство сълoжьное и едино лице, акы душа и тѣло. Разнособьствьная же суть и числъмь различьна еликоже съплетениемь сълучивъшиихъся свойство своего собьства отълучи, рекъше еликоже ихъ случяемь разньствують отъ себе и чястьное и особьное было буде бытье, якоже се нерасѣкомая Петръ и Павьлъ: инъ бо то, инъжде оно.

О въсобленѣѣмь

Въсобленое же овъгда убо еже просто быти назнаменуе, по немуже знаменуемууму не тъчью еже просто суштие въсоблено нарицаемъ, нъ и сълучяй, иже истовѣ нѣ въсоблено, нъ иноособьно, овъгда же и еже ему свое собьство, рекъше нерасѣкаемо, являеть, иже истовѣ не въсоблено, нъ собьство есть и наричеться.

Истовѣ же въсоблено есть или еже о собѣ не състоиться, нъ о собьствѣхъ видимо есть, якоже видъ, рекъше естьство челвѣчьско, въ своемь собьствѣ не видиться, нъ въ Петрѣ ти въ Павлѣ и въ прокыиихъ человѣчьстѣхъ собьствѣхъ, или съ другыимь различьнымь по суштью на вьсе нѣкое рождение сълагаемо и едино съврьшая собьство сължено, якоже се человѣкъ отъ душа есть и тѣлесе съложенъ. Да ни душа едина наричеться собьство, ни тѣло, нъ въсоблено, а еже отъ обоего съврьшаемо, то собьство обою. Собьство бо истовѣ есть еже о собѣ състоиться и отъстоить, и нарицаеться.

Глаголеть же ся пакы въсобленое еже отъ иного собьства прияты естьство и въ томь ему бытии. И тѣмьже и плъть Господьня не отъстоявъши о собѣ ни въ мало врѣмя не собьство, нъ паче въсобление есть. Въ собьствѣ бо Божия Слова съставися, прияты отъ него и се прия и имать собьство.

О несобьнѣѣмь

Несобьное же на дъвое глаголеться: овогда же еже никъдеже никакоже суште назнаменуе, рекъше небытьное, овъгда же еже не вь себѣ суште, нъ въ иномь, рекъше случай.

Максимово[40] о въсуштьнѣѣмь и о въсобнѣем

Въсуштьнѣе убо есть еже въ суштии видимо, сирѣчь сълучившиихъся съборъ, еже являеть собьство, а не само то суштее. Въсобное же еже въ собьствѣ видимое. Суштие же, рекъше якоже и есть, или о собѣ, или съ другыимь или въ друзѣмь. О себѣ же — акы огньное суштие, съ другыимь же — акы душа и тѣло, — съ инѣми бо се собьство имать, въ друзѣемь же — акы огнь въ свѣштилѣ и акы плъть Господьня въ святѣемь Его собьствѣ.

Собьство убо оньсицу или тъгда явлать, въсобьное же суштие. И собьство убо лице отълучаеть знаменанъныими своитвьми, въсобьное же якоже не быти ему сълучяю, еже въ друзѣемь има бытье.

Аште бо тожде есть еже въ чесомь и еже въ комь, то годъ ти есть глаголати тожде доброту и въ немьже есть доброта, и по доброразумьнууму възвраштению злобу и въ немьже злоба, да иже сего творьць — злобѣ творьць. И ельмаже въ суштии сълучай есть, то уже и сълучай суштие е и суштие сълучай. Нъ ельма же съдушьно наричу тѣло человѣчьско, до будеть по тебе и тѣло душа. Да кто сего измута неистовье сътрьпить?

Яко бо убо нѣсть суштия бесоб<ьн>на, вѣмы, нъ не тожде наричемъ въсобьнааго еже въсобьство, ни пакы суштия ни въсуштия, нъ въсуштьно убо нарицаемъ, якоже глаголаахъ, собьство, въсоблено же суштие. Сущие бо святаго божьства въсоблено вѣмы въ трьхъ бо собьствѣхъ, и коежьдо отъ собьствъ такожe суштьно. Въ суштии бо си прѣбывають сватааго божьства, и о божьствьнѣемь же Господи нашего строи въсуштьно наричемъ собьство, якоже въ суштиихъ прѣбываюште, отъ нихъже и съложено бы<сть> въсоблено же коежьдо отъ суштий: имуть бо обьште едино собьство.

Небонъ божьствьная Его плъть ново въ божьствѣ Его съставивъшися и то приимъши собьство, да тако ни бесобьно, ни единоже отъ Христосову естьству есть; ни коеждо собьство о собѣ есть или свое и особь собьство имать, тожде и едино обое.

Да еже убо «инако ти инако» собьствома есть въ имене мѣсто. А еже «ино ти ино» естьствома есть явление, еже бо естьствома различье «ино

ти ино» наричеться. Глаголемъ бо: «Ино есть человѣкъ, ино же есть конь», — рекъше по естьству. инъ бо видъ человѣку, инъ же коню.

А чисменьмъ различьная, рекъше собьство, «инако ти инако» наричуться. Глаголемъ бо: «Инако есть Петръ, инако Павьлъ», а не: «Ино есть Петръ, ино же Паулъ»: едино бо еста естьствъмь, нъ не числъмь. Да суштие убо и суштьная различья <«ино»>[41] наричуться, а сълучай «инако», имьже о виду, рекъше о естьствѣ, разумѣваються и съставляються, съставьна собьству сълучивъшаяся.

Тогоже о единении, яко по десяти бываеть образъ съединение

Въединенихъ ся растояштиихъся вешти приобьштеное сътечение. Съединение же наричеся имьже въедино съкуплятися вештьмъ. По десяти же образъ нарицаеться съединение: по суштию, по въсоблению, по любъви, по сложению, по причетанию, по раствору, по измуту, по съльянию, по сыпанию, по пакысъкуплению.

И по суштию же съединение есть о собьствѣхъ, рекъше о нерасѣкаемыихъ, о собьствѣхъ — о суштиихъ, акы о души ти о тѣлеси; по любъви же и о умѣхъ — акы въ едино хотѣние; по сълогу же — акы о дъскаахъ; по причетанию же — акы о камении; по раствору же — о мокрыихъ, вина и воды; по измѣшению же — о сухыихъ и мокрыихъ, мукы и воды; по съсыпанию же — о растицаюштиихъся, смолы и воска; по съсыпанию же — о сухыихъ, пшеница и ячмене; по съкупу же — о отъриваюштиихъ и пакы прикупляюштиихъ, якоже пламы огньный.

---

[1] *Человѣка вмь... исповѣдаемъ...* — У Немесия соответствующий абзац первой главы начинается иначе: «Евреи говорят, что человек не был создан изначала ни совершенно смертным...» (см.: Немесий. С. 24).

[2] *Разумѣ, яко нагъ есть.* — Быт. 3, 7.

[3] *...проштено бысть ядение мясьное.* — У Немесия: «...было предоставлено (право) питаться и всем остальным». Далее опущено о четырех стихиях (элементах материального мира) как составляющих человеческого тела (см.: Немесий. С. 25).

[4] *...супротивьнымь же ся врачюеть.* — Далее пропущено объяснение того, как и посредством чего попадают в нас «стихии», элементы, из которых состоит мир (см.: Немесий. С. 26—27).

[5] *...ни власъ, акы животъмь...* — Отсутствуют наличествующие у Немесия сравнения с козами, овцами, зайцами, змеями, рыбами, черепахами, раковинами, раками и птицами (см.: Немесий. С. 27).

[6] *...ризы трѣбьны быша...* — Пропущена далее речь о необходимости для человека пищи, одежды и жилища и объяснение нарушений нормального состояния человеческого тела. Следующие в выборке—переводе слова «и въздуховъ ради нестроиньства...» относятся в оригинале не к одежде («ризам»), а к жилищу (см.: Немесий. С. 27—28).

[7] *...злаго врѣда не цѣляште.* — Далее пропущен очень большой период, где говорится о пользе от наук и искусств, о городах как местах, где люди пользуются взаимными услугами, о покаянии и восстающем в бессмертие теле как преимуществах человека и о существовании всего на свете, «по учению евреев», для служения человеку (см.: Немесий. С. 28—34).

[8] *...акы Данилъ отъ львовъ и Павьлъ отъ ехидьнъ.* — См. Дан. 6, 15—22; Деян. 28, 3—6.

[9] *...и причастьникъ Того царьства.* — Панегирик Немесия человеку в Изборнике 1073 г. несколько сокращен и опущено следующее за ним окончание первой главы (см.: Немесий. С. 35—36), где автор оценивает написанное выше как уже «в значительной мере» осуществленное им изъяснение природы человека, призывает читателя к воздержанию от «кратковременных незначительных удовольствий» ради наслаждения «всем вечным» и говорит, что далее отдельно скажет, «пропуская слишком тонкие, запутанные и для большинства неудобопонятные вопросы», о душе. Следующая, вторая глава его книги как раз и носит название «О душе».

[10] *Максимово...* — Имеется в виду Максим Исповедник (582—662), византийский богослов, известный своей борьбой с ересью монофелитов. Этот отрывок представляет собой последнюю цитацию в последнем «вопросе-ответе» Анастасия Синаита. С ней в Изборнике 1073 г. тесно связана следующая далее главка «Феодора, пресвитера Раифского, о том же».

[11] *...суштия...* — По-гречески это слово — οὐσία означает и «сущее», и «существо», и «сущность», и «субстанцию».

[12] *Феодора, презвутера Раифуисьскаго...* — Феодор Раифский, богослов VI в., борец с монофизитством, монах Раифского монастыря на Красном море.

[13] *Суштьное...* — Греческое слово οὐσία (см. комментарий выше), здесь переведенное как «суштьное», означает также «имущество», «состояние».

[14] *... многосуштьнъ.* — В греческом оригинале здесь игра слов: «богатый» — πλούσοιν, «многоимущий» — πολυόυσιον.

[15] *... люди богатыя...* — Исход 19, 5.

[16] *... Издраиль въ богатьство ему...* — Пс. 134, 4.

[17] *... сущие...* — В данном случае это слово можно перевести как «сущность», и как «существо».

[18] *...образ.* — В оригинале здесь говорится не об образе, но о цвете (χρῶμα) тела.

[19] *...Богъ.* — В греческом тексте здесь: Θεὸς ὑπερόυσιος — «Бог сверхсущественный».

[20] *Егда бо ... законьная творять...* — Римл. 2, 14.

[21] *Прѣмѣниша ... на чрѣсъестьствьную.* — Римл. 1, 26.

[22] *И бѣхомъ чяда ... якоже и мнозии...* — Эф. 2, 3.

[23] *Безумьни бо ... Божья разума.* — Прем. 13, 1.

[24] *Вьсѣхъ бо хытрица ... Мудрость...* — Там же, 7, 21.

[25] *...съставъ съложение ... дѣиство съставы...* — Там же, 7, 1.

[26] *...естьства животъ и гнѣвы звѣрьскыя...* — Там же, 7, 20.

[27] *Вьсе естьство ... естьстеъмь человѣчьскъмь.* — Ср. Иак. 3, 7.

[28] *Да будете Божья приобьштьници естьства.* — Ср. 2 Пет. 1, 4.

[29] *Къто есть въ собьствѣ Господьни?* — Иер. 23, 18.

[30] *Иже сы ... собьства Его.* — Евр. 1, 3.

[31] *«собомь състоиться» и «есть».* — В греческом оригинале: ὑφεστάναι καὶ ὑπάρχειν — находиться в основании и существовать.

[32] *...живемъ и движемъся и есмъ.* — Деян. 17, 28.

[33] *И Павьлъ, на степеньхъ бесѣдуя...* — См.: Деян. 21, 40.

[34] *...се имать ... къ своитьнууму.* — Эпистола 236, 6 // PG 32, col 884A.

[35] *Собьство.* — стан, отряд, см.: 1 Цар. 14, 4; 13, 23.

[36] *Съборъ.* — стане, отряде, см.: 2 Цар. 23, 14.

[37] *Съставление* — соединение, сборище.

[38] *Състояние* — полк, см. Паралип. 11, 16.

[39] *...съпудъмь...* — В греч. оригинале μοδίῳ, модий — римская мера сыпучих тел (равная 8,754 л).

[40] *Максимово...* — Эта главка, как и «О единении» (с. 166), принадлежат на деле не Максиму Исповеднику, а Иоанну Дамаскину.

[41] <«ино»>. — В рукописи — «не».

ПЕРЕВОД

ФИЛОСОФСКИЕ СТАТЬИ

Немесия епископа емесского из сочинения «О естестве человеческом»

О человеке знаю: изначально мы полагаем, он не был ни смертным, ни бессмертным, но находился на границе той и другой природы: чтобы, если последует плотским несовершенствам, подвергся бы и плотским соблазнам; если же предпочтет то, что связано с душой, удостоился бы блага бессмертия. Ведь если бы Бог изначально сотворил его смертным, то не осудил бы его, согрешившего, на смерть. Ибо смертного смертью никто не наказывает. Если бы, опять же, — бессмертным, то он не нуждался бы в телесной пище, да и <Бог> так быстро не раскаялся бы и бывшего бессмертным не сделал бы тут же смертным. Это видно ведь и по согрешившим ангелам: согрешив, они остались, в соответствии с первоначальной природой, бессмертными, ожидая иного суда за согрешения, а не смерти. Потому дело следует понимать или таким образом, или же, что сотворен он был смертным, но, постепенно совершенствуясь, мог стать бессмертным, то есть был бессмертным в потенции. Поскольку же не было ему на пользу прежде достижения совершенства знать свою природу, <Бог> запретил ему вкушать от древа познания. Были ведь, да и теперь еще есть, великие силы в плодах; а тогда, как <всегда> в начале, они проявлялись наилучшим образом и имели более эффективное действие. Да ведь и вкусен он был, тот плод, который давал знание своей природы. Не хотел же Бог его дать, чтобы человек не узнал своей природы до того, как стал совершенным, и, осознав, что ему многого недостает, не стал бы заботиться о телесных нуждах, оставив заботу о душе; по этой причине и возбранил Он ему вкушать от плода познания. Ослушавшись же и осознав себя, тот отпал от совершенства. Он стал думать о плотской потребности, ибо тут же начал искать себе одежду. Писание ведь говорит: «Уразумел, что он наг». Прежде же он был в состоянии вдохновения, каким его сотворил Бог, и в неведении о себе. Отпав же от совершенства, он отпал и от бессмертия, каковое впоследствии вновь получает благодатью сотворившего его.

После отпадения человеку позволена была мясная пища. Раньше ведь <Бог> велел ему довольствоваться только плодами земли. Они ведь были и в раю. А когда он лишен был совершенства, ему было попущено и прощено есть мясо. Требуются ведь человеку снедь и питие, потому что они проходят и выходят. Ибо истощается живое существо через видимые и невидимые отверстия, так что необходимо или привносить на место истощаемого равное, или живому существу быть уничтоженным из-за недостатка входящего. Поскольку истощаются сухое и влажное <вещество> и дыхание, жизнь нуждается в сухой и влажной пище и в дыхании. Еда же наша и питие состоят из тех же элементов, из каких мы составлены. Каждый ведь питается тем, что ему подобно, а противоположным лечится.

И ведь не только красоты ради, но и для того, чтобы человек превосходил все живые существа более тонким чувством осязания, не возложены на нас ни толстая кожа, ни волосы, как у животных, и потому нам нужны подходящие одежды — и на случай плохой погоды, и из-за причиняемого зверями вреда. А из-за дурного соотношения <органических соков>, качественных изменений и данного телу чувства потребовались врачи и лекарства. Если бы мы не имели чувства, то не испытывали бы боли; не страдая, не старались бы лечиться и погибали бы в неведении, не исцеляя опасного повреждения. А сперва нам ничего этого не требовалось, ибо бессловесные животные не смели вредить человеку, а он мог всех их поражать, и все было ему покорно — пока он удерживал свои страсти. Побежденный же ими, он был побежден и внешними подобными им зверями. Вместе с грехом пришел ведь и происходящий от них вред. А что это истина, показывают нам проводившие добрую жизнь люди, не претерпевшие вреда ни от кого из таковых, — как Даниил от львов и Павел от змей.

И кто достойным образом не подивится благородству этого живого существа, которое связывает в себе смертное с бессмертным, словесное с бессловесным, нося умом в своем естестве образ всего сотворенного, и потому называется «малым миром»? Такой чести сподобился он от Бога и Промысла, что ради него — и настоящее, и будущее, и Бог стал человеком, и он — Божие чадо, на небесах царствует, по образу и подобию Божию созданный, с Христом пребывает, выше всякого начала и всякой власти восседает. Кто может словами выразить то, что ему свойственно? Ведь он переплывает громадные пучины, проходит мыслью сквозь небеса, постигает движение, отстояния и величины звезд, работает на земле и в море, не боится ни зверей, ни китов, владеет всякими наукой и искусством, на расстоянии в письмах беседует с кем хочет, нисколько не ограничиваемый телом, предсказывает будущее, над всем начальствует, всем владеет, всем питается, от всего дары приемлет, ангелами храним, с Богом беседует,

бесам запрещает, природу сущего исследует, Бога постигает, бывает домом и храмом Божиим и причастником Его царства.

Максимово о различии сущего и природы, согласно внешним <мудрецам>

Наименование «сущее» есть обозначение бытия просто сущих, т. е. самого существования существующего: сущими называются ведь и ангел, и камень, и все прочее. На это просто существование, которому все причаствуют, и указывает наименование «сущее». Наименование же по природе разъясняет вид движения просто сущего; все ведь видится в движении, и нет среди бытующего ничего неподвижного. Сущим называют, таким образом, бытие просто сущих, природой же — движение просто сущих.

Оно бывает пяти видов: умственное, словесное, чувственное, растительное и бездушное. Умственное — это как у ангелов, сообщающихся друг с другом своими мыслями; словесное — как у людей, посредством названий и высказываний обнаруживающих обращенные вовне невидимые движения души. Чувственное же — у бессловесных, ибо наряду со способностью питаться, расти и рожать они обладают способностью чувствовать. Растительное же — у растений, ибо и они движутся в соответствии со способностью к питанию, росту и рождению. Бездушное же — как у камней, поскольку и те движутся относительно качества и места: относительно качества — нагреваясь и охлаждаясь, а относительно места — будучи извне перемещаемы с места на место.

Таково представление об зтих терминах внешних <мудрецов>. Церковные же учителя пользовались этими терминами безразлично и то же сущее называли природой, как и ипостась — лицом.

Феодора, пресвитера Раифского, о том же

Термин «сущее» — я говорю о самом имени, наименовании, — мы вообще не находим в божественном Писании. По большей части этим словом пользуются как названием имущества, говоря, кто какое имеет добро, например дом, стада и прочие вещи. Именно так по народному обычаю мы называем состояние владельца, соответственно чему много стяжавшего называем богатым как «многоимущим» <*букв.*:

«многосущим»>. Также и Писание говорит «люди богатые», т. е. «приобретшие», и «Израиль в богатство ему», т. е. «в имение» и «в приобретение».

Словесный же обычай, зная, что слово «сущее» происходит от глагола «существовать», назвал сущим саму конкретную вещь: ибо «сущее» является общим названием для всего существующего. А это сущее делится на относящееся к сущности и случайное.

Определяют же относящееся к сущности так: сущность есть общее и неопределенное имя для всех находящихся под ней ипостасей, на каковые оно распространяется с равным правом и к каковым применяется синонимически. А также: сущность есть то, что называется находящимся над ипостасями и одинаково и с равным правом во всех них усматривается. А также: сущность есть нечто существующее само по себе, в другом для существования не нуждающееся, т. е. сущее в себе, а не имеющее бытие в другом, как это бывает со случайным.

Случайное же есть нечто, неспособное существовать само, но имеющее существование в другом. Ибо сущность есть основа, как материя для вещей, а случайное — нечто, в существе усматриваемое, как например образ у тела. Ведь не тело существует у образа, но образ у тела. Так что тело является сущностью, а образ — случайностью.

Так же соотносятся душа и мудрость: ведь не душа у мудрости, но мудрость у души. Потому не говорится «тело образа» или «душа мудрости», но «образ тела» и «мудрость душевная». Так что душа является сущностью, а мудрость случайностью. Ибо, когда погибает душа, гибнет и мудрость; а когда погибает мудрость, душа вовсе не погибает, ибо душа может существовать и без мудрости. Так что все самостоятельное, что имеет бытие в себе, а не в другом, является сущностью.

Она бывает вещественной или невещественной. Вещественны земля, вода, воздух, огонь и из них состоящие: камень, растение, одушевленное тело. Невещественны же ангел и словесная душа. Таковое, как я сказал, называется сущностями. Творец же их — Бог.

О природе

Природа есть начало движения и покоя каждого из сущих. Так, земля движется, когда растит, животворит плоды и изменяется; и покоится, оставаясь при передвижении с места на место совершенно неподвижной и неспособной к движению. Начало этого движения и покоя, свойственное земле существенным образом, т. е. естественным, а не случайным, называют природой. Это не сами движение и покой, но начало, т. е. причина, согласно которой не случайно, но согласно <своему> существу существа движутся и пребывают в покое.

Определяют ведь сущность, как мы говорили, как все существующее само по себе и ни в чем другом, чтобы существовать, не нуждающееся; природу же — как начало движения каждой сущности и присущего ей покоя. И внешние мудрецы говорили о различии сущего и природы, сущим называя бытие вообще, природой же сущность, которой субстанциальными различиями придана форма и которая наряду с бытием вообще имеет <определение> как существовать, словесно или бессловесно, смертно или бессмертно, т. е. сами те, как мы говорим, неизменные и непреложные начало, причину и силу, которые сообщены Творцом каждому виду для движения: ангелам — чтобы разуметь и без произносимого слова передавать мысли друг другу; людям — чтобы разуметь, рассуждать и с помощью произносимого слова передавать друг другу сердечные помышления; существам бессловесным — жизненное и чувственное и дыхательное движение; растениям — способность питаться, возрастать и порождать; а камням — нагреваться, охлаждаться и быть перемещаемыми с места на место чужой силой. Это движение назвали бездушной природой. Иначе говоря, бытие вообще назвали сущим, а то, что объемлет ипостаси, наименовали природой.

Святые же отцы, оставив эти долгие распри, сущим и природной формой называли общее и многими упоминаемое, т. е. наиболее общие виды, как то ангел, человек, лошадь, собака и тому подобное. Ибо слово «сущность» происходит от «существовать», а «природа» — от «родиться» <*букв.*: «естество» — от «есть»>. «Быть» же и «родиться» — это одно и то же: оба ведь означают существование. А «образ» и «вид» означают то же, что «естество». Частное же они назвалк индивидуальностью, лицом и ипостасью, как то: Петр и Павел. Ипостась же означает наличие сущности вместе со случайностями, самостоятельность существования и — благодаря чувству, иначе говоря, благодаря действию — воспринимаемость.

Название «природа» более знакомо Писанию. Ведь сказано: «Ибо, когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают» и «Заменили естественное употребление противуестественным». А

говоря, опять же: «И были по природе чадами гнева, как и прочие», — оно использует слово «природа» не в этом смысле <по природе и сущности мы ведь не таковы>, поскольку это означало бы погрешность Сотворившего, но имеет в виду устойчивую любовь к злу и долговременное злонравие, переданное от отцов детям и, в нас, так сказать, укоренившись, преобразовавшееся в природу, так что апостол по праву сказал здесь о природе.

Так же следует понимать и сказанное Соломоном: «Суетны все люди естеством, у которых нет знания о Боге». А когда он говорит: «Ведь, художница всего, научила меня Премудрость» знать «устройство мира и действие стихий», «естество животных и гнев зверей», — он использует слово «естество» в собственном смысле. Так же точно и божественный Иаков сказал: «Всякое естество бессловесных укрощается естеством человеческим»; и Петр: «Дабы вы сделались причастниками Божеского естества».

Об ипостаси

Ипостась есть явление, лежащее в основе и существенное, в котором, как в едином лежащем в основе, фактически и действенно реализуется совокупность случайностей. Наименование «ипостась» некоторым образом знакомо Писанию. Сказал ведь Иеремия: «Кто стоял в ипостаси Господа?», и апостол: «Сей, будучи сияние славы и образ ипостаси Его». Этимологически слово «ипостась» объясняется словами «находиться в основании» и «существовать». И кажется, что одно и то же означают слова «ипостась» и «сущность», но по внимательном рассмотрении обозначаемых этими словами явлений различие между ними не случайное, ибо сущность обозначает бытие чего-то общего, а ипостась особенного.

Так, все люди вообще имеют общее бытие, ибо равным образом все мы «живем и движемся и существуем». И каждый из нас имеет некие особенности, которыми отличается от других людей, как то отечество, род, образ жизни, дело, болезни и тому подобное, что мы называем случайностями. Таковое отличает каждого из нас от прочих людей. Скажем, например, что Павел есть человек, как все люди, и потому ни он не отличается от других людей, ни другие люди от него. Но поскольку он из Тарса, из колена Вениамина, и назывался и Савлом, и Павлом, и он апостол, и другое что-то такого рода может быть сказано о нем, то от прочих людей он отличается. Все таковое рассматривается как относящееся к ипостаси, и сам предмет, т. е. Павел, когда имеется в виду только его бытие, называется сущностью, а когда — и то, о чем

сказано выше, тогда — ипостасью. И название «сущность» не охватывает ипостась, а ипостась полностью содержит и сущность.

О личности

Личность есть то, что ясно проявляется в своих действиях и свойствах и отличается от родственных ей существ, как например Гавриил, беседующий с Богородицей: будучи одним из ангелов, лишь он один, придя туда, беседовал с ней, — отличившись от единосущных с ним ангелов тем, что пришел на то место и беседовал. И Павел, будучи одним из людей, отличался от прочих людей, когда вел беседу на ступенях, своими свойствами и действиями. Ведь благодаря появляющемуся у нас знанию о чьей-то деятельности самого того, кто действует, называют личностью. Кажется, это означает то же, что «ипостась», мало или ничем <от нее> не отличаясь.

Следует сказать вместе с Василием Великим, что «сущность имеет такое же отличие от ипостаси, какое общее — от частного». Но поскольку различие между общим и частным внешние мудрецы объясняют по-своему, наши же богомудрецы по-своему, надо разъяснить и это.

Внешние мудрецы называют сущее первым из всех видов и родов и последовательно делят его следующим образом. Из сущего, говорят они, одно телесно, а другое бестелесно; из телесного же одно одушевленно, другое неодушевленно; а из одушевленного одно является животным, а другое животно-растительным, третье растением. Растения называются одушевленными как имеющие способность питаться и расти. Животно-растительными называют тех, что питаются и чувствуют прикосновения, но неподвижны и ходить неспособны, как черепокожие в водах. Животные же — это те, что питаются, чувствуют и способны передвигаться с места на место. А из животных, далее, одни, говорят, словесны, а другие бессловесны: из словесных же одни смертны, другие бессмертны. Животное словесное — человек, каковой различается на данного и на каждого человека.

Сущее называют высшей степенью рода. Ибо родом называют то, о чем говорится применительно к разным видам, видом же — стоящее под родом. Высшей среди степеней рода является у них сущее, поскольку оно — род всех родов, и как таковое — высший род. Но о роде говорится в трех смыслах: во-первых, как о потомках родоначальника, как потомков Израиля называют израилитами; во-вторых, — от отечества,

как жителей Иерусалима называют иерусалимлянами; в-третьих, говорят о роде как о разделяющемся на виды, определяя каковой, и говорят: род есть то, что обнаруживается по многому подобному видом, — при определении, что это такое.

И «вид» имеет два значения. Ибо видом называется образ и форма в смысле, например, образа статуи. Видом также называется стоящее под родом, иначе говоря, нечто от рода отделяемое. Так что род разделяется на виды, вид же есть отделяемое от рода, т. е. от сущности, и таковым является индивидуум. Индивидуумом он называется потому, что не может разделиться на многое; так, Петр является одним, и не может быть много Петров, и он не может быть усматриваемым во многих. Существует, таким образом, высшая степень рода, или общая, т. е. называемая общей для многих, сущность, тогда как индивидуум есть нечто частное, т. е. ограниченное собой, о чем совершенно невозможно сказать как о многом. Потому и Василий Великий сказал, что разница между сущностью и ипостасью такая же, как между общим и частным, поскольку «общее» говорится о многом, а «частное» о чем-то <одном>.

Таково, согласно внешним мудрецам, это разделение. Наши же учителя как служители краткого Евангелия, оставив это многословие, создали легко воспринимаемое и постигаемое учение. То, подлежащее определению, смежное и соседствующее с индивидуумами, что внешние мудрецы назвали особым видом, божественные отцы нарекли сущностью, или природой, а индивидуум наименовали ипостасью, или лицом. Ипостась и лицо есть частичная сущность. Частичной мы ее называем потому, что она не общая, но частная, и указывает на одного лишь такого-то, и чем-то осуществляемым и называется и является. И ипостась подобно сущности наряду с частным имеет общее и по имени, и на деле. Так, Петр есть ипостась, но — и некая сущность, ибо он — такой-то, т. е. определенный человек, а не человек вообще. Итак, ипостась есть сущность, но сущность некая.

Следует заметить, что <это> утверждение не имеет обратной силы: ведь оттого, что ипостась есть сущность, сущность не становится ипостасью; и оттого что Петр — человек, имя Петра не распространяется на человека вообще. Есть ведь Петр-Симон, сын Ионы из Вифсаиды Галилейской, Христов апостол; именно таким окажется и человек вообще, если человек — это Петр. Но утверждения «Петр — это человек» и «человек — это Петр» необратимы; равно как и «ипостась — это сущностъ» и «сущность — это ипостась». А потому название «сущность» наряду с вещами получает и ипостась, сущность же от ипостаси не получает ничего. Отличие сущности от ипостаси, как представляется, по божественному Василию, таково же, каково —

общего от частного, поскольку сущность упоминается при определении находящихся под ней ипостасей, а ипостась — ни при чем.

Если мысленно убрать сущность, совершенно исчезнет вместе с ней и ипостась, ибо тогда не будет человека вообще, ни Петра, ни Павла. А при исчезновении ипостаси сущность вовсе не исчезает: при исчезновении Петра не исчезает ведь человек вообще. Опять же, при появлении ипостаси обязательно появляется и сущность, ибо, подумав о Петре, мы думаем и о его сущности, — что он человек. Когда же появляется сущность, не обязательно появляются все ипостаси, в связи с которыми о ней говорится: ведь при существовании человека вообще не необходимо быть Петру, пока человек полностью усматриваем в Павле и Иоанне.

Сущее может быть представлено только определением. Ведь если ты спросишь меня, что такое сущность человека, я тут же скажу тебе его определение: человек есть словесное смертное животное, отчасти воспринявшее противоположности, — и этим определением я полностью представлю тебе сущность человека. Ипостась же невозможно представить определением, но только — описанием. Если я захочу представить тебе какого-то человека, например Иоанна Предтечу, мне необходимо будет описать его таким образом: Иоанн, сын Захарии и Елизаветы, вскормленный в пустынях, лицом белый, черноволосый, высокий, одетый в верблюжью шерсть и имеющий на бедрах кожаный пояс, питающийся акридами и медом диких пчел, пророк и креститель, обезглавленный Иродом. Все это и тому подобное характеризует ипостась, и тем самым ипостась описывается.

Сущность с сущностью не обязательно имеют совпадения, но обязательно — различия; ипостась же с ипостасью обязательно имеют и совпадения и различия.

Сущность с сущностью соединяются в синтезе, ипостась же с ипостасью не соединяются, но сопоставляются.

Сущность, соединенная с другой сущностью, образует единую ипостась; ипостась же, приставленная к ипостаси, образует не сущность и не ипостась, но нечто умозрительное, как то народ, хор, толпу и тому подобное — вроде того, о чем говорится в Писании как об «ипостаси» и «ипостеме» иноплеменников: такого же рода выражения мы получаем, меняя предлог, ибо «ипо» ставится на место «сис», например: «ипостась», «ипостема», — вместо «систасис», «система».

На деле, в действительности, соединенные природы разделяются только мысленно; соединенные же ипостаси, напротив, объединяются только мысленно, на деле же, в действительности, друг от друга отделены.

Сущность никогда от себя не отличается, ипостась же имеет много отличий от самой себя.

О различии

Различие есть то, что усматривают у многого, различающегося видом, решая, что это такое. Различие есть то, что отличает вещи друг от друга, благодаря чему они и определяются. Говорят о трех видах различия: общем, особенном и в высшей степени особенном. Невозможно ведь найти два какие-либо объекта, не отличающиеся в чем-то друг от друга. Одни различаются видом, другие ипостасью — от единовидной и единосущной ипостаси, третьи — ипостасью от самой себя. Вид человека отличается ведь от вида лошади, как словесный от бессловесного. Отличие же словесного и бессловесного называется сущностным. Подобным образом все, чем отличается вид от вида, называется или природным, или сущностным, или относящимся к составу, или видотворящим отличием, или качеством, каковое внешние мудрецы называют в высшей степени особенным отличием, как нечто более собственное и представляющее природу, например: «словесное» и «воспринимаемое чувствами». И опять же, человек отличается от человека и лошадь от лошади, ибо один высок — другой низок, один стар — другой молод, один человек мудр, а другой глуп. Все это называется присущими различиями и качествами, зависящими от случая.

О случайном

Случайным является то, что возникает и исчезает без какого-либо вреда субъекту, т. е. не является сущностным, но состоится в подлежащей сущности. И это может быть или не быть с кем-либо: может ведь человек быть белым и не быть белым, а также быть <или не быть> высоким и мудрым и другим подобным.

Случайное разделяется надвое: на общие и на частные отличия. Общее отличие есть отличие отделяемое, например один сидит, а другой стоит; но возможно ведь, если сидящий встанет, а стоящий сядет, что их отличительные свойства от них отделятся и они ими поменяются. От себя, говорят, человек отличается отделяемым случайным свойством: ведь он отличается от себя, сидя или стоя, будучи молодым или старым, болея или здравствуя, и так далее, Отличие же в собственном смысле слова есть неотделимое случайное свойство, например кто-то светлоглаз и темнокож и тому подобное: отделиться от этого ему ведь невозможно. Именно неотделимыми свойствами ипостась отличается от ипостаси, но ни в коем случае не сама от себя.

Об особенном

Особенное есть то, что принадлежит всему и только одному виду и существует всегда. Особенное есть то, что не составляет сущности того, в чем существует, и не полностью воспринимает смысл его природы. Можно сказать, что особенное и своеобразное суть одно и то же. Так, своеобразием человека является способность ходить, держась вертикально, и смеяться. Хоть это и называется особенностью человека, но не входит в определение его сущности. Определяя здесь, что такое человек, скажу: животное словесное и смертное, — и полностью представлю, что он такое, не имея нужды говорить, что он прямоходящий и способен смеяться. Особенным должно называться главным образом то, что, будучи добавляемо, не оказывается избыточным, а не будучи добавляемо, не создает недостатка.

Особенное разделяется на четыре вида. Во-первых, это то, что присуще одному виду, но не каждому его представителю, как, например, измерение земли человеку, ибо лишь человек измеряет землю, но не всякий человек землемер. Во-вторых, это то, что свойственно каждому, но не только, как, например, двуножие, ибо всякий человек двуног, но не всякий двуногий — человек: существуют ведь и голуби и тому подобные. В-третьих, это то, что свойственно всякому человеку и только <ему>, но не всегда, как способность седеть, ибо это приложимо к каждому и только к человеку но не всегда, а в старости. В-четвертых, это то, что получается при объединении трех первых, т. е. свойственно каждому, только и всегда, и что служит признаком, как, например, способность смеяться — признаком человека, а способность ржать — лошади, — о чем говорится как о свойстве присущем, ибо это особенность одной природы и она указывает на определяемое.

О свойстве и недостатке

Свойство — это соответствующие природе каждого действие и целостность, например для души это — целомудрие, мужество, мудрость, справедливость; для тела — исправность, пропорциональность членов и здоровье. Неполучение же, недостижение и полное уничтожение этого называются недостатком. Свойство отличается от состояния, потому что свойство изменяется с трудом, а состояние, в отличие от свойства, изменяется легко. Ибо свойство есть некое трудноподвижное и с трудом изменяемое качество, состояние же — качество, зависящее от конкретного случая. Ведь мы говорим, что такой-то враждебно или дружески относится к такому-то или что такой-то человек теперь здоровее, чем был прежде.

О величине и о количестве

Количество есть мера <и число>, измеряющие и исчисляющие, а величина — подлежащее числу и мере, т. е. измеряемое и исчисляемое. Из величин же одни делимы, а другие непрерывны. Делимые — это отделяемые друг от друга, как тридцать камней или десять фиников, ибо они отделимы друг от друга и называются исчислимыми, если только по причине малости и множества не будут измеряемы сосудом или чем-то в этом роде, как пшеница и тому подобное. Непрерывное же — это когда измеряемое является единым подобно единому дереву, которое оказывается длиной в два или три локтя, или же камню, или чему-то в этом роде, что измеряется как единое, и потому говорится о величине измеряемого.

Итак, о величине, или количестве, говорят применительно к числу, значению, времени и размерам. Пример числа: один, два, три и так далее. Пример значения: малое, большое, статир, талант и тому подобное. Пример времени: час, день, месяц, год. Пример измерения: длина, ширина, глубина.

О качестве и о качественной определенности

Качество есть способность, свойственная сущности, например, если говорить о родах, то это различия, свойственные их существу, как то способность к слову, смертность, бессмертие и тому подобные. Применительно же к бестелесным словесным существам это разумность, свобода воли, вечное движение. А применительно к телам это цвет, например белый, черный, желтый и тому подобные; и форма,

как то круглая, прямая, кривая, четырехугольная и им подобные. И опять же: влажность, сухость, теплота, холодность, мягкость, твердость, рыхлость, плотность. И вкусовые ощущения, например острота, сладость, пряность и тому подобные. Таким образом, качество есть то, соответственно чему некоторые вещи получают прозвания как им обладающие: ведь от мудрости обладающий мудростью называется мудрецом и горячим называется то, что имеет жар. Часто и о самом качестве говорят «какое», как о количестве — «величина».

Видом качества являются сила и энергия; то, что не является энергией, обладает природными способностями и силой. Говорится ведь об одном — «по способности», а о другом — «по свойству», т. е. по действию. «По способности» — когда речь идет о том, что ребенок в состоянии быть грамотным, поскольку у него есть способность стать грамотным. «По свойству» же — когда речь идет о пребывающем в покое грамматике: отдохнув, он может показать свое искусство. Это схоже с пшеничным зерном, ибо оно некоторым образом представляет собой колос, поскольку, будучи посеяно, производит колос, но по действию оно является не колосом, но хлебом. И теплое по действию не является ни холодным, ни горячим; в потенции же холодное обязательно — в той мере, в какой способно осуществиться, — холодит, а горячее греет. И опять же, ребенок не имеет ни добродетели, ни порочности, в потенции же он есть полностью то, чем он может стать. Потенцией <силой> называется и мощь, и войско.

О том, что к чему-то относится

Относящимся к чему-то является то, что, существуя, называется принадлежащим другому, поскольку они указывают друг на друга. Таковы, например, так называемые отношения отца к сыну, друга к другу, ученика к учителю и хозяина к рабу: ведь одни имеют отношение к другим и другие к ним имеют отношение, почему это и именуют «отношениями». Отношением к чему-то является и то, что говорится при сопоставлении, например: «большее», «двойное», «лучшее», «более острое». Это ведь говорится при сравнении с другим; так, большее является большим относительно меньшего, а двойное двойным относительно того, что составляет его половину, и прочее так же. К имеющему отношение к чему-то относятся также познание и познаваемое, разумение и уразумеваемое, причиняющее и причиняемое, чувство и воспринимаемое чувством, утверждение и утверждаемое. Такого рода определения, как сказано, обозначают отношение к чему-то, поскольку то, что существует, говорит о существовании другого или же имеет какое-то другое отношение к другому.

О противоположностях

По-настоящему противоположным является то, что появляется при устранении обратного, как то добродетель и порочность, зрение и слепота, и создает противоположности в смысле лишенности и обладания свойством. Зрение является ведь свойством, как происходящее от обладания, лишение же свойства, т. е. зрения, есть слепота, тут — утверждение и отрицание. Пример утверждения: «Павел — апостол»; а отрицание, наоборот: «Павел не апостол». А вместе они называются утверждением и отрицанием. И поскольку на всякое утверждение есть отрицание, а на всякое отрицание утверждение, то отрицание, противоположное утверждению, и утверждение, противоположное отрицанию, называются противоречиями, и по-необходимости одно ложно, а другое истинно. При устранении одного появляется другое: когда устраняется утверждение, появляется отрицание, и когда устраняется порочность, появляется добродетель, а когда устраняется слепота появляется зрение. Таковое называется противоположным, существовать одновременно неспособным; и только при полном устранении одного существует другое.

Об используемых определениях

При всяких определениях произносится и присутствует либо большее, либо равное, а меньшее — никогда. Большее — когда более общее служит для определения более частного. Ведь более общее находится выше, более частное ниже. Самым общим из всего является сущее, почему оно используется для определения всего. Ведь и сущность называется сущей, и случайность называется сущей. Но мы не можем сказать, что сущее является сущностью, ибо не только сущность является сущим, но и случайность.

Подобным образом используют роды для определения видов, ибо виды более частны по сравнению с родами. Таким образом, сущность используется для определения животного, а животное для определения человека, ибо и животное является сущностью, и человек животным. Но это необратимо: ибо всякий человек животное, но не всякое животное человек. И лошадь ведь, и собака являются животными; и подобным образом всякое животное есть сущность, но не всякая сущностъ есть животное: ведь и камень, и дерево представляют собой сущность, но не являются животными.

Подобным образом вид служит для определения объемлемых им индивидуумов, или ипостасей, как более общее. Индивидуум же, или ипостась, не служит для определения вида, ибо ипостась представляет собой нечто более частное, нежели вид. Так что и Петр человек, и Павел человек, но не всякий человек Петр и Павел, ибо существуют и другие ипостаси под видом «человек». И разновидности служат определению видов, которые им принадлежат, и их индивидуумов. Ибо разновидности представляют собой нечто более общее, чем виды. Так, всякий человек словесен, но не всякое словесное существо — человек: ведь и ангел словесен, но не является человеком.

Это — что касается использования в определениях большего. При использовании же в определениях равного определения обратимы. Используются ведь в определениях характерные особенности видов, которым эти особенности принадлежат, но и виды используются для определения их особенностей. Так, всякий человек способен смеяться, и всякий способный смеяться — человек. Это называется взаимоопределяемостью.

О синонимическом и единоименном определении

Синонимическим определение является в случае, когда оно приложимо и к имени, и к предикату имени. Например: «животное» используется при определении человека, а «человек» принимается и как имя, и как предикат животного. Животное же есть одушевленная чувствующая сущность. И к человеку приложимо это определение, потому что и человек представляет собой одушевленную и чувствующую сущность.

Единоименным же определение является в случае, когда к имени оно приложимо, а к предикату нет. В словах «образ человека» к имени «человек» оно приложимо, а к предикату человека не приложимо, ибо определение человека: «животное словесное, смертное, способное обладать умом и искусством», а образ не является ни животным, ни существом словесным.

О принадлежащих одному и тому же роду. одному и тому же виду, разным родам и разным видам, одной и той же ипостаси и различающихся числом

Единородным является то, что подпадает под одно и то же определение, например под определение сущности. То же самое — применительно к другим девяти категориям. Всего категорий ведь десять, иначе называемых высшими родами, к каковым возносится всякий звук или вообще произнесенное наименование. Вот они: 1) сущность, 2) количество, 3) качество, 4) по отношению к чему, 5) где, 6) когда, 7) делать, 8) претерпевать, 9) располагаться, 10) иметь. Из них «сущность» является основной, а остальные девять в основной содержащимися. Ведь в основе лежит сущность, а содержатся в сущности все остальные. Пусть «сущностью» будет, например, камень; «количеством» — например, два или три; «по отношению к чему» — например, отец к сыну; «качеством» — например, белый, черный; «где» — например, в Дамаске; «когда» — например, вчера, завтра; «иметь» — например, носить гиматий; «располагаться» — например, стоять, сидеть; «делать» — например, жечь; «претерпевать» — например, быть сжигаемым.

Разнородным же является то, что подпадает под разные категории: одному ведь роду принадлежат человек и лошадь, ибо оба они подпадают под понятие сущность. Разнородными же являются человек и художественность, ибо человек подпадает под понятие сущность, а художественность под понятие качество.

Единовидным же является то, что подпадает под один и тот же вид и общее определение сущности, например Петр и Павел, ибо оба они принадлежат одному и тому же виду, виду человека. Разновидным же является то, что различается видом или же определением сущности, например человек и лошадь. Но святые отцы единородным и единовидным называют одно и то же — единосущное, или же ипостаси, принадлежащие одному и тому же виду.

Единоипостасное имеет место, когда две природы объединены в одной ипостаси и имеют составную ипостась и единое лицо, как то душа и тело. Разноипостасно же и различается числом то, что, по стечению случайностей, ограничивается особенностями собственной ипостаси, иначе говоря, то, что вследствие случайностей отличается друг от друга и получило бытие в самом себе отдельно, например индивидуальности Петра и Павла: ибо один — это одно, а другой — это другое.

О воипосташенном

А воипосташенное иногда означает бытие вообще — согласно каковому обозначению мы разумеем под воипосташенным не только простую сущность, но и случайность, каковая собственно не воипосташенна, но иноипостасна, — а иногда указывает и на саму по себе ипостась, или индивидуальность, каковая в собственном смысле слова является и называется не воипосташенной, но ипостасью.

Собственно воипосташенным является либо то, что не существует само по себе, но усматривается в ипостасях — так, вид, или же природа людей, в собственной ипостаси не усматривается, но — в Петре, Павле и ипостасях остальных людей, — либо что-то сложенное в своей сущности с чем-то иным в некое целое, являющее единое сложное бытие, например человека, составленного из души и тела. И только душа, и только тело не называются ипостасью, но — воипосташенными; а то, что получается из них обоих, есть ипостась обоих. Собственно ипостасью ведь является и называется то, что существует самостоятельно само по себе.

Воипосташенной называют опять же природу, воспринятую некоей ипостасью и в ней имеющую существование. И потому и плоть Господа, не существовавшая сама по себе ни одного мгновения, является не ипостасью, но, скорее, воипосташенной. Ибо она составилась в ипостаси Бога Слова, будучи воспринята ею, и ее восприняла, и имеет ипостась.

О неипостасном

О неипостасном говорят в двух смыслах: иногда оно означает нигде никак не сущее, т. е. несуществующее, а иногда — не в себе имеющее бытие, но в другом, иначе говоря, случайное.

Максима о всущностном и воипосташенном

Всущностным является то, что наблюдается в сущности, т. е. совокупность случайностей, каковая являет ипостась, а не саму сущность. Воипосташенное же — то, что видимо в ипостаси. Сущность же, поскольку она существует, существует либо сама по себе, либо с чем-то другим, либо в другом. Сама по себе как сущность огня; с другим как душа и тело, — с иными ведь таковое имеет <одну общую>

ипостась; в другом же как огонь в светильнике и как плоть Господа в Его святой ипостаси.

Ипостась являет того или то, а воипосташенное — сущность. Ипостась ограничивает лицо характерными свойствами, воипосташенное же означает, что имеющее бытие в другом не является случайным.

Ведь если то, что пребывает в чем-то, и то, в чем оно пребывает, одно и то же, тогда ты можешь сказать, что добродетель и человек, наделенный добродетелью, — одно и то же, и, по разумной обратимости, нет разницы между пороком и тем, в ком порок, так что его Создатель — создатель порока. И поскольку случайное — в сущности, получается, что случайное есть сущность и сущность есть случайное. И раз мы говорим, что человеческое тело наделено душой, по-твоему получится, что тело есть душа. Но кто же стерпит безумие этой путаницы?

Что не бывает сущности не воипосташенной, мы знаем, но не говорим, что воипосташенное и ипостась — это одно и то же, равно как и сущность и всуществленное; но всуществленной, как было сказано, мы называем ипостась, а воипосташенной сущность. Ибо мы ведь знаем, что сущность святой Божественности воипосташена в трех ипостасях, а каждая из ипостасей равным образом всуществлена. Ведь они пребывают в сущности святой Божественности, и мы называем ипостась по божественному промыслу нашего Господа всуществленной как пребывающую в сущностях, из которых она и составилась, а каждую из сущностей воипосташенной, ибо они имеют одну общую ипостась.

Ибо Его божественная плоть, заново в Его божественности составившаяся и принявшая эту ипостась, ни в коем случае не безипостасна и не принадлежит какой-то иной природе, помимо свойственных Христу; и каждая из них ни ипостасью не является, ни отдельно и отчасти не имеет ипостась; но обе они имеют одну и ту же ипостась.

Таким образом, «один и другой» суть местоимения ипостасей. А «одно и другое» — суть показатель естества, ибо различающееся природой называется «одно и другое». Мы ведь говорим: «Одно дело человек, и другое — лошадь», — имеется в виду, по природе; ведь один вид у человека, а другой у лошади.

Различающееся же числом, т. е. ипостаси, называются «один и другой». Мы ведь говорим: «Один — это Петр, а другой — Павел», а не: «Одно — это Петр, а другое — Павел», — ибо они одно по природе, но не по числу. А сущность и сущностное различие называются ведь «другое», случайное же — «иное», потому что оно созерцается в соединении с видом, или же в соединении с природой и ее составляет, ибо из случайностей составляется ипостась.

Его же о единении, —что десяти видов бывает соединение

Единство есть совместное схождение разъединенных вещей. О единстве говорится по причине совокупления вещей воедино. Говорят о десяти видах соединения: по сущности, по ипостаси, благодаря связи, благодаря соседству, благодаря слаженности, благодаря растворению, благодаря смешению, благодаря слиянию, благодаря ссыпанию и благодаря сращению.

Единство по сущности происходит с ипостасями, т. е. с индивидуумами; по ипостаси — с сущностями, как в случае души и тела; благодаря связи же, применительно к уму, — как при одном желании; благодаря соседству — как у досок; благодаря слаженности — как у камней; благодаря растворению — как у жидкостей, вина и воды; благодаря смешению — как в случае сухого и влажного, муки и воды; благодаря слиянию — как в случае растопленных смолы и воска; благодаря ссыпанию — как в случае сухих пшеницы и ячменя; и благодаря срощению — как в случае чего-то отрывающегося и возвращающегося снова на место, например огня в лампаде.

ЖИТИЕ ВЯЧЕСЛАВА ЧЕШСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Турилова

ВСТУПЛЕНИЕ

После падения в начале X в. Великоморавской державы под ударами кочевников-венгров одним из преемников кирилло-мефодиевских традиций (не прерванных целиком даже с изгнанием в 885 г. из страны учеников славянских апостолов) стало небольшое Чешское княжество, правитель которого Боривой (Борживой), по преданию, ок. 874 г. был крещен архиепископом Мефодием. В стране наряду с латинской

существовала славянская письменность на основе глаголического алфавита и богослужение на славянском языке. С Пражским княжеством ряд исследователей связывает возникновение одного из древнейших памятников славянской письменности — Киевских глаголических листков X—XI вв.; почти единодушно мнение о чешском происхождении Пражских глаголических листков XI—XII вв. Возникший в 1033 г. неподалеку от Праги Сазавский монастырь на протяжении 60 с лишним лет был значительным центром славянской письменности и межславянских культурных связей.

Начало чешской литературы связано с драматическими событиями в жизни недавно христианизированного общества. В 921 г., после смерти своего сына Братислава, вдова Боривоя, Людмила, пала жертвой борьбы за власть: она была задушена по приказу своей невестки Драгомиры, стремившейся единовластно править во время малолетства своих сыновей. Позднее (в 928 или 935г.) старший внук и воспитанник Людмилы, Вячеслав (установивший церковное почитание своей бабки), был убит своим братом Болеславом и его боярами, недовольными пассивной внешней политикой князя и влиянием на него духовенства. Вскоре после смерти Вячеслав был канонизирован по инициативе виновника его гибели, принесшего церковное покаяние. За короткое время культ новых мучеников получил общегосударственное значение. На протяжении X—XIII вв. в их честь было создано большое число житийных и гимнографических произведений на славянском и латинском языках. Одним из наиболее ранних, возникших в 930-х гг., является издаваемое «Убиение Вячеслава», созданное, по всей видимости, в кругах духовенства, близких к князю Болеславу: в отличие от других памятников святовацлавского цикла его роль в убийстве брата здесь достаточно принижена, он выступает преимущественно как орудие злых советников. Вячеслав в «Убиении» изображен кротким и мудрым правителем, образцом христианина, не противящегося злу насилием; о внешнеполитических неудачах князя нет и упоминания.

Очень рано культ Вячеслава (вместе с культом Людмилы) получает известность в Киевской Руси. Уже в сентябрьской служебной минее 1095—1096 г. помещен канон Вячеславу. Посвященные ему житийные тексты оказали воздействие на памятники агиографии борисо-глебского цикла. С почитанием на Руси Вячеслава Чешского исследователи связывают наречение этим именем сына Ярослава Мудрого, родившегося в 1036 г. Не позднее XIII в. на Руси были составлены краткие версии житий Вячеслава и Людмилы Чешских, включенные в состав Пролога. Особая редакция «Убиения», возникшая не позднее первой трети XVI в., получившая в науке название Минейной (так как она помещается обычно в составе миней четьих), широко известна в русской рукописной традиции XVI—XVII вв.

В самой Чехии из-за неблагоприятной для развития славянской письменности и богослужения в XII—XIII вв. культурно-исторической ситуации славянские тексты житий князей-мучеников не сохранились: они дошли только в русских и хорватских (глаголических) списках (славянское житие Людмилы известно лишь в сокращенной проложной версии). Лишь в 1827 г., когда известный русский филолог А. Х.

Востоков опубликовал «Убиение Вячеслава» по румянцевскому списку, была открыта неизвестная до той поры страница древнейшей истории чешской литературы и кирилло-мефодиевской традиции.

Текст «Убиения Вячеслава, князя Чешского» (или Востоковской легенды) известен (в древнейшем своем кириллическом варианте) в четырех списках: *РГБ,* ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева), № 436 (открыт А. Х. Востоковым), нач. XVI в.; *БАН,* Архангельское собр., № Д. 142, втор. пол. XVI в.; *ГИМ,* собр. Е. В. Барсова, № 1466, кон. XVI — нач. XVII в.; *РГБ,* ф. 556 (собр. Вифанской духовной семинарии), № 91, втор. четв. XVII в. (обнаружены в последнее время). Все известные списки памятника содержат (с мелкими разночтениями) единый текст, отражающий общий протограф. Здесь текст публикуется по Румянцевскому списку — древнейшему и наиболее исправному. Для исправления отдельных испорченных чтений привлекаются тексты Минейной редакции и глаголических списков памятника.

Наиболее обстоятельный исторический и филологический комментарий к памятнику содержится в издании: *BlahovaE., KonzalV., RogovA. I. Staroslovenske legendy českeho původu. Praha, 1976 (см. также: Рогов А. И. Сказания о начале чешского государства в древнерусской письменности. М., 1972). Кроме того, целый ряд важных замечаний текстологического и историко-культурного характера содержится в вышедших позднее работах В. Конзала (KonzalV. Prvni slovanska legenda vaciavska a jeji «Sitz am Leben» // Studia Medievalia Pragensia. 1988. Praha, 1990. T. I. S. 113—127); Ф. В. Мареша (Mareč F. W. An Anthologie of Church Slavonic Texts of Western (Czech) Origin. München, 1979); В. Ткадльчика (Tkadlčik V. Kto udelil postřižny sv. Vaclavu? // Listy filologičny. 1980. T. 103. S. 209—212), Д. Тржештика (Třeštik D. 1) Počatky Přemyslovců. Praha, 1981; (2-е изд. — 1997); 2) Vaclav a Berengar // Česky casopis historicky. roč. 1989. Praha, 1991. № 5—6. S. 641 —661).*

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦА СЕПТЕВРИЯ ВЪ 28 ДЕНЬ УБЬЕНИЕ СВЯТАГО ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕСЬСКА

Господи, благослови, отче.

Се нынѣ сбысться пророческое слово, еже глаголаше Господь нашь Исусъ Христос. «Будет бо, — рече, — в послѣдняя дни, якоже мнимъ суща, въстанеть бо братъ на брата своего, и сын на отець свои, и врази домашнии. Человѣци бо себѣ немили будуть, да въздасть имъ Богъ по дѣломъ ихъ».[1]

Бѣ же князь великъ славою, в Чехах живый, именем Воротиславъ,[2] и жена его Дорогомиръ.[3] Родиста же сына перьвенца, и яко крестиста и, нарекоша имя ему Вячеслав.[4] И възрасте отрок, яко бы уяти ему волос,[5] и призва Воротиславъ князь епископа *Нотария*[6] съ всѣмъ клиросомъ. И пѣвшимъ литургию[7] въ церкви святыя Мария,[8] и вземъ отрока, постави на степени пред олтаремъ, и благослови, и се рек: «Господь Исусъ Христосъ, благослови отроча се благословениемъ, имже благословилъ еси праведники твоя». И постригоша князь. Ино темже мнимъ, яко убо благословениемъ епископа того, но молитвами благоверными нача отрокъ рости, благодатью Божиею хранимъ. И въда и баба своя Людмила[9] оучити книгамъ словеньскимъ по слѣдоу попову и навыче разумъ добрѣ. Отсади же Воротиславъ в Будучь,[10] и нача отрокъ учитися книгамъ латыньскимъ, и научися добрѣ.

В то же время умре Воротиславъ князь, и поставиша Вячеслава на столѣ дѣдьни,[11] и оттоле Болеславъ[12] нача подъ нимъ ходити. Бяшета бо оба мала, мати же ею Дорогомирь утверди землю и люди своя устрои. Яко въспитѣ сыны своя, яко нача Вячеславъ строити люди своя.[13] Имяше же сестры 4, и вдаста я в росна княженья,[14] и устроиста я. И възложи Богъ благодать таку на Вячеслава князя: и нача же умѣти книги латыньския, якоже добры епископъ или попъ да аще и възмяше я, грѣческия книги или словеньския, прочиташе явънѣ безъ блазна. Не токмо же книги умѣяше, но вѣру свершая всѣмъ убогимъ добро творяше: бѣдныя напиташе и одѣваше по еуагльскому учению, божия рабы[15] питаше, вдовиць не дадяше обидѣти, люди вся убогыя и богатыя миловаше,[16] церкви вся златомъ украси, вѣроваше въ Бога всѣмъ сердцемъ, все благое творяше в животѣ своемъ.

Разгордѣша же мужи чесъскыи, въсташа на ся. Унъ бо имъ бяше князь, лѣтъ бо ему бяше *13*,[17] егда умре отець ему. Да егда възрасте и смысла добы и братъ его, тогда дьяволъ вниде въ сердце злыхъ съвѣтникъ его, якоже иногда въ Июду предателя. Писано бо есть: «Всякъ, въстаяи на господинъ свои, Июде подобенъ есть».[18] Ти же намолвиша Вячеславу, рѣша: «Хощеть тя Болеславъ убити, съ матерью съвѣщавъ и съ мужи своими». Пси злии, иже бѣша Вячеслава научили выдати матерь свою без вины. Вячеславъ же, разумѣвъ страхъ Божий, помяну слово апостола, глаголюща: «Чти отца и матерь свою яко и сам ся, и възлюбиши ближняго своего яко и сам ся».[19] Хотя исполнити всю правду Божию, и приведе паки матерь свою, плакашеся и окаяшеся, глаголя: «Господи Боже, не постави ми грѣха сего».[20] Помяну же слова пророка Давида: «Грѣхъ уности моея и невидѣния моего не помяни убо, Господи».[21] Тѣмже чтяше матерь свою, она же радовашеся вѣрѣ сына своего, и о благодати, юже творяше убогимъ: аще и маламощна, питаше; аще ли сирота гдѣ, то обидѣти не дадяше его; аще ли странным, да добро творяше, якоже убо и речено есть: «Странен бѣх, въведосте мене».[22] Аще *божия* рабы, и домашняя, и аще странники вся, и аще гдѣ ино зимои стражуть, то вся одѣваше и кормяше. Аще ли же который попинъ проданъ приде к нему, онъ

искупаше всѣмъ. Церкви же бѣ устроилъ по всѣмъ градомъ добрѣ велми, божия рабы собравъ ото всѣхъ языкъ воину. Служба идяше по вся дни къ Богу, яко и въ велицѣхъ языцѣхъ, устроениемъ добраго и праведнаго владыкы Вячеслава. И вложи Богъ въ сердце: созда храмъ святаго Вита,[23] не злѣ мысля, неже убо всѣя Болеславу дьяволъ въ сердце, наустиша и на брата своего, и да не бы спасена душа его была в вѣки. Приде же день святаго Емъраама, к немуже обѣщанъ святый Вячеславъ,[24] веселяшеся о Бозѣ. Онии же убо тогда злии дьяволи възваша Болеслава, съвѣтъ творяше неприязненъ о Вячеславе, якоже жидове о Христѣ въ первая лѣта.

Бяху же священие церквамъ въ всѣхъ градѣхъ.[25] Вячеславъ же яздяше по градомъ, еха ко Болеславлю граду.[26] В недѣлю же бѣ литургия Козмы и Дамьяна,[27] и слышавъ литургию, Вячеславъ хотѣ ехати домовъ къ Празѣ. Болеславъ не да ему, моляся плачевным смыслом, моля и глаголя: «Како хощеши отъехати, пиво цѣло имѣю!» Он же не оторчеся брату, не еха домовъ, и въсѣдъ на конь, нача играти и веселитися съ други своими на дворѣ Болеславле, тѣмже мнимъ, яко повѣдаша ему на дворѣ и рекоша: «Хощет тя убити Болеславъ». И не я вѣры тому, на Бога възложи.

В ту же нощь снидошася ратници въ Гнѣвысынъ[28] двор, и възваша собѣ Болеслава, и сотвориша злыи тои съвѣтъ неприязненъ. Якоже и къ Пилату събрася на Христа мысляще, такоже и онии злии пси, тѣм ся подобяще, съвѣща, како быша убити господина своего. Рѣша же: «Поидеть на заутреннюю, тогда половимъ его». Утру же бывшю, възвониша заутреню. Вячеславъ же услышавъ звонъ,[29] и рече: «Слава тобѣ, Господи, яко далъ еси мне добыти утра сего». И вставъ поиде на заутренюю. Състиже же Болеславъ во воротѣхъ, Вячеславъ же озрѣвся и рече: «Добръ бѣ намъ господинъ вечеръ». Къ Болеславу же приниче дьяволъ ко уху и разврати сердце его. Да извлекъ мечь отвѣща сице: «Тебе хощу унеи быти», и удари мечемъ по главѣ. Вячеславъ же обратився и рече: «Что еси умыслил?» И охапивъ и повръже и паде над нимъ и рече: «То ти Богъ, брате». Тужа притекъ, удари в руку, Вячеславъ же пусти брата и къ церкви побѣже. Дьявола же два, Чьста и Тира убиста въ церковных вратѣх, Гнѣвыса же притекъ, прободе ему ребра мечемъ, и *испусти* духъ свои, глаголя: «В руци твои, Господи, предаю духъ мои».[30] Убиша же в томъ градѣ с нимъ Мьстину[31] единого, а иныя мужи идоша к *Празѣ*: овии же избиша, а друзии разбѣгошася по землямъ. А младенци[32] избиша его, а божия рабы разграбиша и изгнаша я из града, а жены ихъ за иныя мужи вдаша. И всю неприязнену сотвориша похоть — убиша князь свой.

Тира же рече: «Идемъ на госпожю, да одинова *ожалѣеши* брата своего и матерь свою». Болеславъ же рече: «Никаны ся дежеть, даже инѣми доспѣем».

Вячеслава же разсѣкше отидоша, и не съхранивше его. Крастѣи же попъ веземъ, и пред цѣрковью положи и, и покры тонкою плащаницею. Услышавши же мати убьение сына своего, и притекши искаше его. Узрѣвши же и припаде къ сердцу его, и плачющися събираше уды телеси сына своего. Собравши же, и не смѣ нести его въ домъ свои, нъ поповѣ избѣ омывше и оболокше и, положиша и посреди церкви. Убоявши же ся мати его смерти бѣжа въ Хорваты:[33] страшно бо есть, от чюжею руку да ея не претерпить. Пославъ же не застиже я Болеславъ. Призвав же попа Паула,[34] да молитву сътворит над нимъ. Погребоша честное его тѣло — Вячеслава, добраго и праведнаго владыку и богочетца и христолюбца, служи бо ему говѣниемъ и съ страхомъ. Крови же его не хотящи по три дни в землю ити, въ третии же вечеръ, всем видящимъ, церкви в зиде над нимъ,[35] и дивишася ту вси. И еще надѣемся Бозѣ молитвами и благовѣриемъ добраго Вячеслава и больши чюдо явити ся.[36] Въ истину бо Христовѣ муци приложися мука его. Съвѣтъ бо сотвориша о немъ, якоже июдѣи о Христѣ, рассѣкоша же его, *якоже и Павла*,[37] и младенци его ради избиша, *якоже и Христа ради*[38] Въ истинну весь родъ человеческъ велми ся каяше и плакашеся о немъ.

Убьенъ же бысть Вячеславъ князь в лѣто 6000 и 300 и 30 въ 7,[39] индикта 2, кругъ *солнцу 3, лунѣ 8*, в 28 день месяца семтября. И Богъ покои его душю в вѣчнемъ покоищи съ всѣми *избиенными* Его ради без вины, идѣже вси праведнии почивають въ свѣте животнемъ твоемъ, Господи.[40]

Не остави же Богъ избранныхъ своихъ в поругание невѣрнымъ, но посѣти милостью своею, и преложи и окаменение сердца на покаяние и разумѣние грѣховъ своихъ. Болеславъ же помяну вся къ Господу Богу, колико грѣха сътворивъ. Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ, и пославъ слуги, принесе тѣло брата своего Вячеслава из Болеславля града к славному граду Празѣ, глаголя:[41] «Азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мои и безакония моя азъ вѣмъ».[42] И положиша и въ церкви святаго Вита, о десную страну олтаря двою на 10 апостолу, идеже бѣ самъ рекъ: «Сътворю церковь ту». Пренесенъ же бысть Вячеславъ князь месяца марта въ *4* день.[43] Богъ покои его душю на лони Авраамли, Исаака, Иякова, идѣже вси праведнии почивають, чающе въскресения Господа нашего Исуса Христа, емуже слава в вѣки, аминь.

[1] *Будет бо, — рече, — в послѣдняя дни... по дѣломъ ихъ.* — Комбинация цитат из новозаветных текстов. Ср.: 2 Тим. 3, 1—3; Мр. 13, 12; Мф. 10, 36; 16, 27.

[2] *Бѣ же князь... Воротиславъ...* — Вратислав (ок. 888—921), второй сын князя Боривоя и его жены Людмилы, правил в 915—921 гг., наследовал своему брату Спытигневу.

[3] *Дорогомиръ.* — Жена Вратислава Драгомирь (или Драгомира), согласно латинскому житию Людмилы («Легенда Кристиана»), была дочерью князя одного из племен полабских славян: стодоран или лютичей.

[4] *Родиста же сына... Вячеславъ.* — Точная дата события неизвестна, приблизительно 906—907 гг. Мирское («княжеское») имя Вячеслав не могло быть дано ребенку при крещении. Упоминание жития, что Вячеслав «бысть обещан» святому Эммераму, позволяет думать, что это и было христианское имя князя.

[5] *И възрасте отрок... волос...* — Обряд княжеских пострижин, известный как у восточных, так и у западных славян, связанный с достижением отроческого возраста (6—8 лет).

[6] *...епископа Нотария...* — Исправлено на основании Минейной редакции жития и глаголических списков: во всех списках Востоковской редакции — «епископа етера» (некоего епископа). Такое осмысление писца вызвано тем, что имя Нотарий («Инотарий») было мало известно в православном мире в ту эпоху, от которой дошли списки памятника. Отождествление епископа Нотария с церковными деятелями первой половины X в. долгое время вызывало затруднения. Он не мог быть пражским епископом, так как до 970-х гг. Чехия не имела самостоятельной церковной организации, а подчинялась Регенсбургскому архиепископу в Баварии. Сейчас убедительно обосновано, что речь идет о Нотарии II, епископе Вероны в Северной Италии (915—928). Его присутствие в Праге объясняется тем, что епископ был советником итальянского короля Беренгария II и неоднократно выполнял его дипломатические поручения, в частности в отношении королевского зятя и союзника баварского герцога Арнульфа, вассалами которого были чешские князья. Предполагается, что данная миссия Нотария была связана с военным союзом против Саксонии. Упоминание имени Нотария ограничивает раннюю дату пострижин Вячеслава 915 г.

[7] *...литургию...* — Слово, означающее церковную службу восточнохристианского типа, очевидно, не является здесь первоначальным, а отражает позднейшее бытование текста в православной среде. Глаголические списки дают здесь чтение «мьшу» (т. е. мессу), что более соответствует богослужению с участием итальянского епископа. Термин «мьша» в славянской письменности встречается уже в Киевских глаголических листках X—XI вв., представляющих отрывок миссала на славянском языке.

[8] *...въ церкви святыя Мария...* — Древнейшая церковь на территории Пражского Града, не сохранившаяся до нашего времени (остатки ее обнаружены археологическими раскопками в середине XX в.). Располагалась между городскими воротами и храмом св. Вита, заложенным Вячеславом в конце его правления. Наименование Богородицы «святой Марией» указывает на связь текста с западнохристианским миром.

[9] *...баба своя Людмила...* — Людмила (ок. 860—921) — дочь князя полабских сербов, обитавших к северо-западу от Чехии, между реками Эльбой и Салой (Заале); жена князя Боривоя, мать Братислава. Согласно латинскому житию («Легенда Кристиана»), вместе с мужем приняла крещение от архиепископа Мефодия. В 921 г. была задушена по приказу своей невестки. Мученическая смерть старой княгини стала причиной создания посвященных ей житийных текстов на латинском и славянском языках. Полный текст славянского жития Людмилы не сохранился, но отразился в ее проложном житии, древнерусской версии славянского жития Вячеслава (Востоковской и Минейной редакций) и житии княгини Ольги.

[10] *Отсади же... в Будучь...* — Будучь (Будеч) — город к северо-западу от Праги. Причиной отправки туда Вячеслава названо обучение латинскому языку, но глагол «отсади» указывает на передачу отцом города (вероятно, с областью) в управление сыну. Это было возможным по достижении сыном правителя возраста юридической дееспособности — по раннесредневековым варварским «правдам» и византийскому каноническому праву 13 лет. Следовательно, Вячеслав получил удел незадолго до смерти отца, в 920 или 921 г.

[11] *... на столѣ дѣдьни...* — Первоначально, вероятно, читалось: «на столѣ дѣдьни и отни», так как Вячеслав унаследовал престол не только деда, но и отца.

[12] *Болеславъ* — младший брат Вячеслава, правивший Чехией после его смерти (умер в 967 г.). Показательно, что имена обоих сыновей Вратислава («воротившего славу»), содержат пожелание умножения славы («вяче — вяще» и «боле»).

[13] *Бяшета бо оба мала...люди своя.* — Правление Драгомири продолжалось около двух лет.

[14]*Имяше же сестры... княженья...* — Известно имя одной из сестер Вячеслава — Пшибыслава (Прибыслава), которая была выдана замуж за князя белых хорватов, обитавших к северо-востоку от Праги.

[15] *Божия рабы.* — Здесь: священники, славянская калька со средневерхненемецкого Gotteskalch.

[16] *.. бѣдныя напиташе... миловаше...* — Ср. Мф. 25, 35—39.

[17] *13.* — В рукописи «18», исправлено по смыслу. Вячеславу, пострижины которого были совершены не ранее 915 г., не могло быть

18 лет в 921 г. Ошибка в цифре лет возникла, очевидно, в два этапа. При переписывании глаголического оригинала кириллицей буква В (имеющая в глаголице значение 3) была повторена без учета смены значения (в кириллице 2). Позднее (не ранее конца XIV в.) буква В была смешана с близкой по начертанию И, имеющим числовое значение 8.

[18] *Писано бо есть... подобенъ есть.* — Данное место не цитата из Священного писания, оно дословно совпадает с текстом решений Сплитского поместного собора 925 г., что свидетельствует о достаточно тесных культурных связях Чехии с Далмацией в первой половине X в.

[19] *Чти. отца и матерь... яко и сам ся.* — Еф. 6, 2; Мф. 19, 19.

[20] *Господи Боже... грѣха сѣго.* — Деян. 7, 60.

[21] *Грѣхъ уности моея... Господи.* — Пс. 24, 7.

[22] *Странен бѣх... мене.* — Мф. 25, 35.

[23] *...храмъ святого Вита...* — Храм в форме ротонды, остатки которого обнаружены археологическими раскопками под капеллой св. Вацлава (Вячеслава) при готическом соборе XIV в., был заложен около 926 г. и завершен, вероятно, уже после смерти Вячеслава. Посвящение главного собора Праги святому Виту, считавшемуся покровителем Саксонии, отражает смену политической ситуации в Германии в 20-х гг. X в., когда баварский герцог (тогдашний сюзерен Чехии) был вынужден признать верховную власть короля Саксонской династии Генриха I Птицелова, а Чехия стала вассалом королевства.

[24] *...день святаго Емъраама... Вячеславъ...* — 22 сентября по западному календарю. Св. Эммерам, баварский епископ-миссионер и мученик VIII в., считался патроном Регенсбургской архиепископии, к которой в 920-х гг. относилась и Чехия, где до распространения культа св. Вита Эммерам был одним из самых чтимых святых, именем которого князь Вратислав назвал в крещении своего первенца (лишь так могут быть истолкованы слова: «к нему же обѣщанъ... Вячеславъ»).

[25] *Бяху же священие... градѣхъ.* — Возможно, речь идет здесь не об освящении новопостроенных церквей, а о храмовых престольных праздниках, так как на сентябрь приходится много особо чтимых праздничных дней.

[26] *...ко Болеславлю граду.* — Современная Стара Болеслава расположена к северо-востоку от Праги; в X в. город находился на границе чешского племенного княжества, но уже в земле племени пшован. Судя по названию, город был заложен самим Болеславом, или же еще Вратиславом в честь рождения второго сына.

[27] *...В недѣлю же бе литургия... и Дамьяна...* — Память св. Козьмы и Дамиана отмечается восточной церковью 30 июня и 1 ноября, а западной — 27 сентября. Здесь имеется в виду последняя дата.

[28] *Гнѣвысынъ* — Гневыса — один из вельмож Болеслава, участвовавший в убийстве.

[29] *...звонъ...* —Это древнейшее упоминание о колоколах в Чехии.

[30] *В руци твои... духъ мои.* — Лк. 23, 46.

[31] *Мьстину*. — Боярин или слуга («младенец») Вячеслава.

[32] *Младенци.* — Здесь это не возрастная, а социальная категория — княжеские слуги. Ср. древнерусские термины: отрокъ, дѣтьскы, чадь.

[33] *...бѣжа ... въ Хорваты...* — Имеется в виду не балканская Хорватия, а племя (племенное княжение) в северо-восточной Чехии, за пределами владений Болеслава. Возможно, бегство туда Драгомири объясняется тем, что ее дочь Пшибыслава (Прибыслава) была замужем за хорватским князем.

[34] *... попа Паула...* — Павел — пражский архипресвитер, возможный автор жития Людмилы. Его присутствие в городе Болеслава объясняется, вероятно, тем, что он объезжал вместе с князем свой церковный округ.

[35] *...церкви в зиде над нимъ...* — Одно из трудных для истолкования мест текста. В принципе оно может быть переведено и как: «церковь поднялась («взиде») над ним». Более вероятно, однако, что здесь сохранились следы первоначальной чешской лексики памятника: глагол «црькати» («церквити») — капать, сочиться и существительное «зьдь» или «зьдъ» — стена («зид»). Это подтверждает и пересказ данного места в проложном житии Вячеслава: «Кровѣ его не могуща потерти 3 дни с стены церковныя».

[36] *И еще надѣемся... явити ся.* — Свидетельство древности Востоковской легенды, созданной, очевидно, в связи с перенесением останков Вячеслава в Прагу. Автор ничего не сообщает о чудесах от мощей (а лишь надеется на них), из чего следует, что они не были ему известны.

[37] *...якоже и Павла...* — Имеется в виду апостол Павел, принявший мученическую смерть в Риме.

[38] *...якоже и Христа ради.* — Здесь игра разными значениями слова «младенцы»: слуги Вячеслава уподоблены вифлеемским детям, избиенным по приказу царя Ирода.

[39] *...в лѣто 6000 и 300 и 30 въ 7...* — Дата гибели Вячеслава читается только в кириллических списках Востоковской легенды (в глаголических указаны лишь число и месяц). В существующем виде (6337 = 828/829) дата безусловно испорчена, поправка в числе сотен (6437 = 928/929) не вызывает сомнений, однако она не решает проблемы окончательно. Указание жития, что убийство произошло в понедельник 28 сентября предполагает два возможных варианта: 928 и

935 г. Обе гипотезы имеют своих сторонников и обоснованную аргументацию: первая дата более популярна среди филологов, вторая — у историков; на сегодняшний день вопрос не может быть решен однозначно.

[40] *И Богъ покои его душю... Господи.* — Молитва, обращенная к Богу об упокоении души Вячеслава, свидетельствует о создании славянского жития до канонизации князя.

[41] *Помолився къ Богу и всѣмъ святымъ... глаголя...* — Из агиографических памятников святовацлавского цикла об инициативе и участии Болеслава в перенесении мощей и канонизации брата сообщает лишь Востоковская легенда (во всех редакциях и списках). Это одно из свидетельств создания текста в княжеском окружении.

[42] *Азъ съгрѣшихъ, и грѣхъ мои... азъ вѣмъ.* — Пс. 50, 5—6.

[43] *...месяца марта въ 4 день.* — Кириллические списки Востоковской легенды сообщают дату 3 марта, глаголические и проложная повесть о перенесении мощей Вячеслава — 4. Очевидно, это след невнимательного копирования глаголического оригинала (Г в глаголице имеет числовое значение 4, а в кириллице — 3).

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА СЕНТЯБРЯ В 28 ДЕНЬ УБИЕНИЕ СВЯТОГО ВЯЧЕСЛАВА, КНЯЗЯ ЧЕШСКОГО

Господи, благослови, отче.

Исполнились ныне пророческие слова, которые говорил Господь наш Иисус Христос. «Ибо будет, — говорил он, — в последние дни, — как думаем, наступившие, — восстанет брат на брата своего, и сын на отца своего, и враги <человеку> — домашние <его>. И люди будут безжалостны друг к другу, и за это воздаст им Бог по делам их».

Был же князь, великий славою, живший в Чехии, по имени Вратислав, и жена его Драгомирь. И родили сына первенца и, когда крестили его, нарекли имя ему Вячеслав. И пришел отрок в тот возраст, чтобы срезать ему волосы, и призвал Вратислав князь епископа Нотария со всем клиром. И когда пропели литургию в церкви святой Марии, и взяв <епископ> отрока, поставил на ступени перед алтарем, и благословил, и сказал так: «Господи Иисусе Христе, благослови этого отрока благословением, которым благословил ты праведников своих». И постригли князя. И потому думаем, что по благословению епископа

того и по молитвам благоверным начал отрок расти, хранимый божиею благодатью. И отдала его бабка его Людмила учить славянским книгам, как подобает священнику, и <он> хорошо усвоил <их> смысл. И отсадил его Вратислав в Будеч, и начал отрок учиться латинским книгам, и выучил хорошо.

И в то время умер князь Вратислав, и возвели Вячеслава на престол предков, и с тех пор Болеслав стал подчиняться ему. Оба они были еще малы, мать же их Драгомирь укрепила страну и обустроила людей своих. И когда взрастила она сыновей своих, тогда начал Вячеслав сам управлять своими людьми. Было у него четыре сестры, и выдали их в разные княжества и обеспечили приданым. И возложил Бог такую благодать на Вячеслава князя: начал он разуметь латинские книги как хороший епископ или священник, если же брал греческие или славянские книги, то читал их ясно без ошибок. Но не только Писание знал он, но исполняя завет веры, творил всем убогим добро: бедных кормил и одевал по евангельскому учению, священников питал, вдов не давал обидеть, людей всех, богатых и убогих, миловал, церкви все украсил золотом, веруя в Бога всем сердцем, творя все благое в жизни своей.

Но возгордились вельможи чешские, поднялись сами на себя. Ибо молод был для них князь, было ему 13 лет, когда умер его отец. А тогда вырос и набрался разума и брат его, тогда проник дьявол в сердца злых советников его <Вячеслава>, как некогда в Иуду предателя. Ведь сказано: «Всякий, восстающий на господина своего, подобен Иуде». И они наговорили Вячеславу, сказали: «Хочет Болеслав убить тебя, сговорившись с матерью и с вельможами своими». Злые псы, подговорили Вячеслава изгнать мать свою без вины. Но Вячеслав, ведая страх Божий, вспомнил слова апостола, сказавшего: «Почитай отца своего и мать свою как самого себя, и возлюби ближнего своего как самого себя». И желая исполнить всю правду Божию, вернул назад мать свою, плакал и каялся, говоря: «Господи Боже, не вмени мне это прегрешение <в вину>». И припомнил слова пророка Давида: «Грех юности моей и неведения моего не вспомяни, Господи». И так почитал он мать свою, она же радовалась вере сына своего и благодеяниям, которые он творил убогим: если маломощные, то кормил их; если сирота где-нибудь, то не давал его в обиду; если же странники, то творил им добро, как сказано об этом: «Странствовал, и ввели меня». Если же священники и челядь, и если все странники, и если <они> где-нибудь страдают от холода, то всех одевал и кормил. Если же какой-нибудь священник, проданный <в неволю>, приходил к нему, то выкупал его всем <что было>. И церкви по всем городам обустроил весьма хорошо, собрав священников изо всех стран всюду. Служба шла каждый день к Богу, как и у великих народов, попечением доброго и праведного владыки Вячеслава. И вложил Бог <мысль> в сердце <ему>: создал храм святого Вита, не помышляя о зле, которое посеял дьявол в сердце Болеслава, натравил его на брата своего, чтобы не была

спасена душа его во веки. И настал день святого Эммерама, которому был посвящен святой Вячеслав, радуясь о Боге. И тогда те злые дьяволы призвали Болеслава, устроив сатанинский заговор против Вячеслава, как иудеи в древние времена против Христа.

<В то время> были праздники в церквах по всем городам, и Вячеслав, объезжая города, поехал и в город Болеслава. В воскресение же была служба Козме и Дамиану, и, отстояв литургию, Вячеслав хотел ехать домой, в Прагу. Болеслав же не отпустил его, упрашивая с плачем, умоляя и говоря: «Как же ты хочешь уехать, у меня непочатое пиво!» Он же не отказал брату, не поехал домой, и сев на коня, начал играть и веселиться со своими друзьями на дворе Болеслава, и думаем, что поведали ему на дворе и сказали: «Хочет тебя убить Болеслав». И он не поверил этому, положившись на Бога.

В ту же ночь собрались ратники на Гневысином дворе, и позвали к себе Болеслава, и устроили тот злой дьявольский совет. И как у Пилата собрались, замышляя против Христа, так и эти злые псы, уподобившись тем, совещались, как убить своего господина. И сказали: «Пойдет к заутрене, тогда и захватим его». И когда настало утро, позвонили к заутрене. Вячеслав же, услышал колокол и сказал: «Слава тебе, Господи, что дал мне дожить до этого утра». И встав, пошел к заутрене. И догнал его Болеслав в воротах. Вячеслав же оглянулся и сказал: «Хороший был нам хозяин вечером». Болеславу же приник к уху дьявол и развратил сердце его. И вынув меч, ответил так: «Сейчас хочу <угостить> тебя <еще> лучше», и ударил мечом по голове. Вячеслав же обернулся и сказал: «Что ты задумал?» И, обхватив его и повалив, упал на него и сказал: «То тебе Бог, брат». Тужа подбежал и ударил <мечом> в руку, Вячеслав же отпустил брата и побежал к церкви. И двое злодеев, Честа и Тира, поразили его в церковных дверях, а Гневыса, подбежав, пронзил ему грудь мечом, и <князь> испустил дух свой, сказав: «В руки твои, Господи, предаю душу мою». И убили в том городе с ним одного только Мстину, другие же мужи ушли в Прагу: одних убили, а другие разбежались по разным странам. А слуг его перебили, а священников ограбили и изгнали из города, а жен их выдали замуж за других. И исполнили все дьявольское желание — убили князя своего.

И Тира сказал <Болеславу>: «Пойдем на госпожу, чтобы заодно оплакал ты и брата своего и мать свою». Болеслав же ответил: «Никуда она не денется, пока займемся другими».

И рассекши Вячеслава, ушли, не схоронив его. Крастей же священник взял его и положил его перед церковью, накрыв тонким полотном. И

услышала мать о убийстве сына своего, и прибежав искала его. И увидев, припала к сердцу его, и плача собирала члены тела сына своего. Собрав же, не посмела нести в дом свой, но в избе священника омыв и обрядив его, положила посреди церкви. И убоявшись смерти, мать его бежала в землю хорватов: ибо страшна смерть от чужой руки. И послав за нею, не настиг ее Болеслав. И призвал священника Павла, чтобы сотворил молитву над <Вячеславом>. И погребли честное его тело, Вячеслава — доброго и праведного владыку, и почитателя Бога и христолюбца: ведь служил он Ему благоговейно и со страхом. А кровь его три дня не хотела уходить в землю, на третий же вечер все видели — она сочилась из <церковной> стены над ним, и дивились все здесь. И еще надеемся на Бога, <что> по молитвам и за благоверие доброго Вячеслава будет явлено и большее чудо. Ведь воистину мукам Христа уподобилосъ мучение его. Заговор составили против него, как иудеи против Христа, и рассекли его, как и Павла, и младенцев избили из-за него, как из-за Христа. Воистину весь род человеческий весьма скорбел и плакал о нем.

Убит же был Вячеслав князь в лето 6000 и 300 и 30-е в 7, индикта 2, круг солнца 3, а луны 8, в 28 день месяца сентября. И Бог упокоил его душу в обители вечного покоя со всеми, убиенными Его ради безвинно, где почивают все праведники в свете жизни твоей, Господи.

<Но> не оставил Бог избранников своих на поругание неверующим, а посетил их милостью своею, и переменил окаменение сердца на покаяние и постижение грехов своих. И Болеслав помянул все к Господу Богу, сколько грехов сотворил. Помолившись Богу и всем святым, и послал слуг своих, перенес тело брата своего Вячеслава из Болеславля города в славный город Прагу, говоря: «Я согрешил, и грех мой и беззакония мои я знаю». И положили его в церкви святого Вита, справа от алтаря Двенадцати апостолов, там, где он сам сказал: «Создам здесь церковь». Перенесен же был Вячеслав князь месяца марта в четвертый день. Бог да упокой его душу в лоне Авраамове, Исаака и Иакова, где почивают все праведники, чающие воскресения Господа нашего Иисуса Христа, ему же слава во веки, аминь.

ЖИТИЕ ДИМИТРИЯ СОЛУНСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

Византийское житие-мартирий (в славянских списках — Мучение) Димитрия Солунского в одной из своих версий известно в

древнерусском переводе. Греческий текст Мучения издан в Patrologia Graecae (T. 116, col. 1173—1184) и в издании Acta santoricum (October. Parisiis; Rome, 1866. P. 90—95). Время и место славянских переводов неизвестно, но к XIV в. на Руси получили известность по крайней мере три версии перевода. Все они крайне неисправны: сложный текст оригинала представил для переводчиков большую трудность и отдельные фразы в переводе представляют собой с трудом осмысляемый набор слов. Лучший из известных нам переводов читается в сборнике XIV в. *РГБ,* Собр. Беляева, № 54 М; другой перевод входит в сборник *ГИМ,* Чудовское собр., № 20, также XIV в. Наибольшее распространение получила третья редакция перевода: она входит в состав Торжественника, читается в составе отдельных сборников, включена в Великие Минеи Четьи. Однако этот перевод имеет много отличий от оригинала, в нем есть пропуски не только отдельных словосочетаний, но и целых фраз. Текстологическое исследование бытовавших на Руси переводов Мучения пока отсутствует.

Однако можно утверждать, что Мучение было известно уже в XI в. Об этом говорит популярность имени святого: оно было крестильным именем князя Изяслава Ярославича, а затем — Всеволода Большое Гнездо; в Киеве существовал основанный Изяславом Дмитриевский монастырь; древнейшая икона Димитрия Солунского относится к XII в.; известно, что текст Мучения был переписан по инициативе волынского князя Владимира Васильковича (ум. в 1288 г.). Имя Дмитрия носили многие русские князья, святой почитался как небесный патрон Дмитрия Донского, как его помощник в победе над Мамаем. Образ Димитрия Солунского нашел отражение в духовных стихах. На сюжет жития в 1704 г. была поставлена школьная драма «Венец Димитрию», в основу ее была положена переработка Жития Димитрия в минеях Димитрия Ростовского.

Почитание Димитрия как святого-воина связано не столько с сюжетом основной части Мучения, сколько с одним из посмертных чудес: Димитрий спасает осажденную Солунь тем, что несмотря на божественное повеление отказывается покинуть город в час бедствия. Текст этого чуда следовал непосредственно за текстом Мучения в Беляевском и Чудовском списках.

Текст Мучения и чуда Димитрия издается по списку из Беляевского сборника; исправления сделаны по Чудовскому списку и по списку Торжественника — *РНБ,* F.I.900, XVI в. Тот же текст, что и в Торжественнике, опубликован в составе Великих Миней Четьих (Октябрь, дни 19—31. СПб., 1880. С. 1883—1891, текст Чуда — там же. С. 1891—1912). При выборе текстуальных исправлений учитывался греческий текст Мучения, по греческому тексту корректировался в некоторых случаях и перевод.

ОРИГИНАЛ

МУЧЕНИЕ СВЯТАГО И СЛАВНАГО МУЧЕНИКА ДМИТРЕЯ

Благослови, отче!

Максимиянъ Еркултанъ *умирив* и данникы створи гофъфы и савромати римомъ,[1] съшедъ въ Селуньскый град,[2] живяше зловѣрникъ и богохулникъ человѣкъ и въ глубину льсти впадъся. Веселяше же ся тогда лесть идолеская и кумирьская и повсюду чтома, гоняху бо служителя Божия и без вины побиваху истинныя премудрости служителя. В нихже бѣ блаженый Дмитрие, являяся самъ и ни единого же страха, ни бѣды съмняся. Житие чисто и бес порока от уности показавъ, спасеное же слово имѣя в собѣ и подавая приходящимъ и уча с радостью, и увѣщевая и глаголя по апостольстѣй заповѣди блаженаго Павла къ святому Тимофѣю, написавшю и уставившю еже створи въ время и безъ времене.[3]

Се убо блаженый Дмитрий *от рода* славныхъ велможъ и свѣтникъ сый, санъ первѣе приимъ скыпетровъ, и анафипатъ бывъ въ Елладѣ,[4] и оратиона[5] бѣ взялъ ипатова сана от царя *Максимьяна*. Но онъ паче земную славу ни въ чтоже въмѣнивъ, животворящая же словеса творяше, сказая, яко человѣка погыбша и своими безаконии умерщвена премудреное Божие Слово, плотьское пришествие, отятъ ны от льсти и очисти ны от всякого безумья и всякыя тмы, свѣтъ же въсия, и день свободи въ душах, приемлющихъ е, створи же правду и кротость, любовь, надежю, жизнь творяще вѣчную, временая отмещюще, присносущее же нетлѣнное обручение подающа, въстание еже из мертвыхъ, възвращение еже в породу исходатающи.

Сии учащю блаженому мученику с деръзновениемъ, слово Божие утвержающе вѣрою, мнози же к нему прихожаху от елиньска народа, и збирающимся от запада великаго торга градьскаго въ нарѣчемѣмъ *притворѣ ковачьстѣм*,[6] идеже бѣ ему обычай сборъ творити подъземными камарами *близь* людьская баня. Прославивъши же ся славѣ его по всему граду и области.

Тогда повелѣ царь гражаномъ искати крестьянъ. И имше блаженаго Дмитрия, не бѣжа бо ятъ бы: *съ братьею* же обычная службы въздая Богови. И къ богохулнику Максимеяну, якоже се нѣкый великый ловъ, приведоша, мняще паче приятили явитися царю, яко да не утаится ни единъ же крестьянинъ, но и боляры повѣдающе.

Он же случися иды на позорище града, еже статии нарѣчють, позора дѣлма хотящихъ братися оружиемъ. Ту же бѣ ему створено и дъсками огражено — *кругъ на высотѣ* вися, иже приимаше вся входящая въ нь и позорно противу себѣ борящихся, занеже веселие ему бяше зрѣти пролитья человѣчьскы крови.

Обаче бе-скорби и бес печали бѣ ему позоръ, любляше бо единого борца, именемь Луя, от языка *уанъдилска* суща, крѣпостью и величьствомъ тѣла възращеша, иже не точью въ Римѣ борбою многы уби, и въ *Сермии****[7]*** и въ Селуньстѣмъ градѣ, течаше бо по дъскамъ, и пообрату многою хитростью и учениемъ и обычаемъ убивати многы человѣкы.

Понеже того мнози убояшася, зане не обрѣташеся никтоже противенъ ему, въ старишинахъ имѣше его царь и зѣло любляше его и съ благостию на нь взираше, и хваляше его, и чюдяшеся възрасту тѣла его и величашеся о гордости его. Егдаже близь бы позорища, съсѣдшу ему с *колесница*, тогда повѣдавше и приведоша къ Максимеяну блаженаго Дмитрия. Въпрашая же его, аще пребываеть и еще Христу покланяяся, и увидѣвъ, яко иныи поучаеть покланятися распятому Христу.

Видѣвъ же царь деръзновение его, крестьянина себе нарѣчюща, и весьма чающа что-либо прияти ради имене Господа нашего Исуса Христа, уже бо и лицо святаго зѣло красно бяше. Он же всѣма в позорѣ сыи и пресловущаго мученика ту же близь позорища людьская баня, повелѣ святаго хранити в пещных камарах.[8] В нихъ же держимъ бысть, узрѣ змию, наричемую скоропию, подъ ногама изълѣзъшюю и покушающюся *усѣкнути* святаго, знамяние же честнаго креста сътвори на скоропии и плюну на ню, и мертву створи. Абие же ангелъ Господень, пришедь, вѣнець възложи на главу святаго мученика и рече ему: «Миръ тебѣ, страстотерепьче Христовъ! Крѣпися и мужайся!»

Царь же вшедъ в позорище и сѣдъ, Лия же въведъ и призва *проповѣдники* хотящаго братися от народа, предълагая и съ *одолѣньем дары* и злато много. Единъ же от народа уноша, зѣло красенъ и еще младъ сый възрастомъ, именемъ *Несторъ, уже власы брадныа испущаа*, знаемъ сыи славному мученику Дмитрею (видѣша бо *бывающая* чюдеса от него и многы приходящая к нему и научаеми *чтити* и покланятися Христу), въниде, в немъже бѣ *мѣстѣ* хранимъ святый, и припадъ на ногу его, глаголаше: «Рабе Христовъ Дмитрие! Хощу съ *Луемъ* братися, да помолися о мнѣ Христови!» Святый же сътвори знамяние Христово на челѣ его и на сердци его, и отпусти его, рекъ: «И Лия побѣдиши и за Христа мученъ будеши».

Шедъ же в позорище и по степеньмъ съскочивъ, съвергъ же ризу, и ста предъ Максимеяномъ; яко *удивльшюся* цареви, призва к себѣ искочившаго уношю, увѣщеваше же его, глаголя: «Уноше! Вѣдаю, яко недостатокъ имѣния в толку дерзъсть тя вложи, да или, одолѣвъ, внезапу богатьство възмеши, или, погрѣшився, нищетѣ пакости дѣющи, и с нею животъ скончаеши. Азъ же за милость възраста твоего и за уность, юже имаши, и за дерзость твою тъчию дам ти достойны и доволны дары, и иди съ животомъ, имѣя злато. Люеви же не противи, занеже многы силнѣйша тебе убиваеть».

Се слышавъ, Нестеръ ни взятъ царева дара, ни устрашися о похвалѣ *Люевѣ*, цареви же отвѣща: «Ни злата хощю, — рече, — ни того дѣлма на борение придохъ, но да погублена Люя створю. Не хощю бо жити, и ни *богатитися* придохъ, но дерзаю на *Люеву* славу». Абие же царь и сущии с ним разъгнѣвашася о реченыхъ, дерзости уношю не стерпѣвше, царь зовы и въпияше, поучаше Люя.

Нестеръ же створи образъ животворящаго креста, назнаменова на сердци своемь, и възятъ сулицю, и възрѣвъ на небо и рече: «Боже Дмитреевъ, раба своего, ради възлюбленаго ти отрока Исусе Христе повинувый Голиияда иноплеменника вѣрнику своему Давиду,[9] самъ

мнѣ низложи дерзость Люеву и Максмьяна мучителя!» И въскочи посрѣди круга, бывшю же съраженлю сътремью, и лютую язву въ сердци прием *Лий*, абье убьенъ бысть. И послѣднюю душевную печаль створи цареви. Нестеръ же прослави Бога, яко молитвою святаго Дмитрея убьенъ бы иноплеменникъ.

Максмьянъ же абье въскочи от стола своего и дряхлъ въ царскый свой дворъ възвративъся, глаголя: «Тако ми боговъ чародѣяния нѣкая быша, а не бы убиенъ былъ симъ уношею, показавый тако и толко мужьство!» Призвав же к себѣ мучитель Нестора и рече к нему: «Рци, уноше, кыя чары створивъ или кыя помощникы имѣя, Люя убилъ еси?» Отвѣщавъ Нестеръ: «Ни убо чари не быша, но ни лукавъствомъ никоимже убиенъ бы, но Богъ Дмитреевъ и Богъ крестьяньскый, той посла ангела своего и уби рукою моею гордаго и величаваго». Разгнѣвавъ же ся, царь повелѣ яко крестьянина отвести в западную страну града, въ рекомая Златая врата, и ту своимъ мечемъ усѣкнути его Минукияномъ протикторомъ. [10] И тако мучения вѣнець увязеся.

Нѣци же велможа наустиша царя Дмитрия и дѣлма и рекшимъ, яко то бы вина Люева убьения. Тогда же зѣло разгнѣвався царь и рече: «Не бысть сряща добрая, усрѣтшии мя, идуща в позорище». И повелѣ, в нейже бѣ пещи стрегомъ святый, копьями събости его. И тако убьенъ бысть преславный мученикъ и добраго исповѣдания мучение скончa. Лумпъ же, рабъ и слуга святаго Дмитрея, стоя у него, въземъ *орарионъ*[11] святаго и в немь собра от крови его.

И вземь же царскый перьстень, иже ношаше на руцѣ и поваля въ святѣй крови и творяше имъ ицѣления во всѣ одержими различными нѣдуги и стражющиихъ от духъ нечистых исцѣляше молитвою и посѣщениемь святаго и благодѣтию перстени его, яко просълыти о томь по всему граду Селуньскому. Увѣдѣв же царь о немь и како исцѣлѣваеть болящихъ, повелѣ и того убити въ тривунали градьстѣмь,[12] въ день же нѣкый, сѣдящю ему съ инѣми, вѣровавшими Христови.

Пресвятое же славнаго Дмитрея тѣло *небрегомо* бысть *убившиими*, *нѣции тогда от братий благоговѣйных*, въземше нощью, страха ради царева, и на той перьсти, на нейже повержено тѣло, разъгребше, елико можаху, и скрыша, да никоеяже пакости не прииметь от плотоядець животных. Никаяже печаль потомь бысть пренести тѣло святаго, но оста на мѣстѣ, знамения же и исцѣления бывающа на мѣстѣ томь, и Божиимь даромь приступающимъ къ нему съ вѣрою и по вся дни всѣмъ веселящимся ту, прослывъшю по всей Македонии и Феталии, и повѣдаему о чюдотворении святаго мученика.

Уже и кумирьстѣй льсти прогнанѣ и просиявши непорочьнѣй и православнѣй крестьяньстѣй вѣрѣ, Леонтъ, нѣкоторый мужь славенъ, илиръскыя епаръхы предъдержа, грядый въ *Дакийскую* страну и въ великъ недугъ въпаде, на носилѣхъ же рабы своими в Селуньскый градъ принесенъ бысть и положенъ на честнѣмь мѣстѣ, идѣже бѣ тѣло подъ землею лежа святаго, и абие положенъ бысть верху цѣлотворящаго гроба святаго. И абие здравъ бысть, яко чюдитися самому и своимъ ему скорому посѣщению мученика, хвалу же въздаяше Богу и преславному

мученику Дмитрею. И ту абие пещныя комары разоривъ и домъ теплыхъ водъ разоривъ, и здание стегнъ разоривъ и съ *емьболи* сущими ту,[13] всечестенъ въздвиже и създа домъ въ славу великаго Христова мученика и различно украсивъ, *межи* людьскою банею и позорищемъ.

Хотя же ити в Иллирикъ и въсхотѣ нѣчто от мощей взяти святаго, дабы и тамо церковь создалъ во имя его, ему же преславны страстотерпець Христовъ Дмитрей нощью явися и възбрани то створити. Възем же окровницю его, очрьвленую святою кровью его и часть от ураря и створи ковчегъ сребренъ и вложи в него. Идущю же ему, велицѣ зимѣ бывши и Дунавьстѣй рѣцѣ разливаемѣ волнами, яко не мощи ея преити ни в корабли, на многии же дни не осяцающи и не дающи пути напредъ, и в печали бяше епархъ.

Видѣ же во снѣ славнаго мученика, глаголюща ему: «Всяку печаль и невѣрье отверзи и возми, еже носиши, и преидеши рѣку бес пакости». Заутра же, въсѣдъ на конь свой, держа в руку честный ковчегъ, и преиде рѣку бес пакости. И тако шедъ въ Срѣму и ту положи честный ковчегъ и съ святымъ знамениемь, иже в немь, и създа ту честную церковь во имя преславнаго Христова мученика Дмитрея близь честныя церкве святыя мученица Анастасья. Многа же чюдеса и исцѣления Господь сътвори, *идѣже путемь колесница и животнаа* почиваху,[14] благодатью и щедротами и человѣколюбьемь единородьнаго Сына Божия, с нимьже Отцю слава съ Святымъ духомъ, и нынѣ, присно, въ вѣки.

ЧЮДО СВЯТАГО ДМИТРИЯ, ЕЖЕ ВИДѢ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДША К НЕМУ АНГЕЛА

Свитающю убо третьему дни тоя *войны*, во ньже *дерзновенье* от Бога гражаномъ бысть, якоже преже указахомъ,[15] мужь же нѣкий, добророденъ сущий и славенъ житьемь, кротокъ же сердцемь сыи, славенъ бѣ, нарицаемъ *илистрие*,[16] и саномъ почтенъ, о немже и писано есть: «*Незлобиви* и правии прилѣпляхуся мнѣ»,[17] видѣ, якоже рече, во снѣ, якоже истие приснымъ глаголаше, и въ ужасѣ бывъ, видѣ себе стояща предъ запониемь святыя церкве славнаго мученика Дмитрея. «И се — рече — два лѣпа высока мужа явиста ми ся и въшедша извону въ томь трезапонѣ, яже мнѣхъ посланика суща царева еста. Единъ же от нихъ возпи гласомь: “Кдѣ есть господинъ дому сего?”» Яви же *ся* ... въ средниихъ дверехъ церковныихъ единъ от слугъ его и *отвѣща*, глаголя: «Что требуета его?»

Она же реста: «Владыка наю посла повѣдати ему слово». Он же повѣда има святый кивохъ церковный, глаголя: «Здѣ есть». Мужа же сия, имуща видѣния подобьно яко ангела Божия, и приближистася к мѣсту, реста къ слузѣ: «Шедъ, повѣжь наю ему». Азъ же ужасенъ быхъ и въслѣдъ ихъ идохъ от трьзапоннаго и стахъ у единого столпа святаго киворѣ,[18] хотѣхъ увѣдѣти, что хощють повѣдати от царя къ святому. Слуга же толкнувъ двери кивотныя, и абие отверзе изутрьуду славный мученикъ Христовъ и ста близь дверей, яко и мнѣ недостойному видѣти его. Азь же падохъ ниць, не могый зрѣти ангелообразнаго лица его, бь бо зракомь по писанию написаннаго на древнихъ иконахъ, обличье же

лиця его сияющи, яко солнечьная луча пущааше лучю. И ниць възлежахъ и посвѣтѣся лице мое от свѣта его. И, лежащи ми ниць, прилѣжно слушахъ, что имуть межю собою глаголати, и услышах, яко цѣловаста любезно святаго сия мужа.

Он же рече к нимъ: «Благодать с вами! Что дѣлма трудистася до мене?» Глаголаста ему мужа: «Владыка ны послалъ есть къ святыни твоей и сице глаголеть ти: “Скоро изыди и гряди ко мнѣ: градъ бо врагомь преданъ бываеть”». Азъ же услышахъ, и възмутихся и печалью одержимъ бyхъ, *въсклонихъся* мало и узрѣхъ человѣколюбное и милостивое то лице сущаго поистинѣ щедраго и градолюбца мученика, съдручена печалью и дряхла, и на землю ничаща. Велику же часу минувшю и премногу молчанию бывшю, видѣхъ слезы его по богозрачнама ланитама текущи, якоже рещи слузѣ к мужема: «Почто тако господина моего оскорбиста? Поистинѣ, аще быхъ первие разумѣлъ глаголъ ваю, не быхъ ваю повѣдалъ господину моему». Тогда богословесная уста своя отверзъ святый и рече къ слузѣ: «Не дѣй ею, клеврета ми еста, и еже повелѣно имъ есть, то же и глаголета».

Рече же к нима: «Поистинѣ такую ли ми вѣсть пусти Владыка мой? Тако ли изволисся державѣ его, да толикъ градъ въ толикъ родъ потомь его и кровью честьныихь ребръ его утверженъ вѣрою, нынѣ сверѣпыми сими звѣрми расторженъ будеть? То ли хотѣние бысть человѣколюбью его?» Отвѣщаста свѣтлая мужа: «Аще то ему годѣ не было, не бы наю пустилъ къ благочестьнѣй души твоей». И тогда велми печаленъ бысть и долго кивавъ главою, якоже се съвѣщевая съ многою печалью отвѣтъ створи. И много въздыхание, словесъ его измолкъ и глас языка являше, любовию по отечьствѣ своемъ великую печаль имяше. Отвѣща же къ мужема: «Шедша, брата, рьцѣта благому моему Владыцѣ сице: Глаголеть домашний присный рабъ твой Дмитрей: “Ты, Владыко, Господь еси мнѣ, и граду, и всему миру, и якоже имаши власть, повелѣлъ ми еси здѣ жити съ рабы твоими. Како убо могу оставити я въ тольцѣ бѣдѣ и нужи и отити? Или коимь лицемь узрю погубление отечьства моего? Кая же жизнь гражаномь моимь гибнущимъ? Но обаче, якоже бѣхъ съ ними и духовнѣ радуяся, такоже и въ бѣду въпадающимъ имъ, не остану ихъ. Или спасуться — спасенъ буду, или погыбающимъ — погыбну и умру с ними. Ты бо самъ, Владыко, положилъ еси душю свою якоже пастырь добры за овца. Съвѣмь поистинѣ, яко не предолѣють гърѣси наши милосердью твоему, яко милость твоя великая на нас и ярость твоя праведная нашего обращения требуеть, а не пагубы. Владый сь всѣми, благый Владыко, еже велиши и сътвори о насъ. Азъ бо, якоже рѣхъ, аще спасающимся имь, спасенъ буду, или погыбающимъ имъ — умру с ними”».

Се милосердому мученику глаголавшю, отдохну мало оканьная моя душа от одержащая мя печали. Отвѣщавша же мужа рекоста къ святому: «Сице ли велиши нама глаголати къ Владыцѣ?» Рече святы: «Ей, молю ваю». Спросиста же она: «То почто не идеши с нама? Блюди, да не съжалитьси пославый наю, якоже ослушанъ бывъ!» Отвѣща святый: «Азъ вѣдѣ: яко присно гнѣва его варяеть милосердье и благость его». Таков же отвѣть створи, и се рекъ, свѣтлая мужа цѣлова, и сребреныя двери затвори, въ нихъже стояше, вънутрь оста, не отшедъ

от насъ благодатью Христовою. И абие, — рече, — азъ очютихъ, грѣшный, *в себе бывъ, не* спахъ».

Се видѣ добрый тъ мужь и боголюбецъ абие же по граду всему текъ, поучеваше гражаны и се точью глаголя имъ: «Дерзайте, братие, святый страстотерпець с нами есть помощью Христовою, и не прикоснеться намъ злое». Оттолѣ же, якоже писано есть, и въ дерзновение облекошася гражане и на врагы подъскакаху, не могуще первѣе ни понѣ глас испустити великаго ради страха.

Послѣдь же приснымъ исповѣда особь предъреченое видѣние. И тако, понуженъ бывъ, истую же намъ вину *исповѣда*, что ради по граднѣй странѣ ходя о спасении града всѣмъ глаголаше. Се показавшю намъ славьному мученику Дмитрию и събытию вещи истиньно видѣние сътворшю, кою хвалу или славословие о немь Богови въздамы? Кое же *честь* и благодарение славьному мученику принесѣмь точно милосердьнѣй воли его, иже премногами щедротами своими подража Господа Бога Спаса *нашего* и душю свою положи за ны, недостойныя, грѣшныя, и не точью господьскаго повелѣния, въ Божие человѣколюбие възирая, ослушася, но и умрети с нами, многомилосердый, обѣщася. Оле, душа святая и градолюбивая и щедра! Оле, мудрость богоданая и съвѣтъ богоугоденъ и строение боголѣпное!

Понеже бо съвѣдяше Бога всѣхъ, не губяща праведнаго съ нечьстивыми, ни оставляюща жезла грѣшнича на жребии праведнаго, зряше бо и наша грѣхи, всяку *силу* преходяща, и възбоявся, якоже мню, еда како за ны моля, ослушанъ будеть сию богоданьную волю, съвѣщав же и съдѣя: пребы в дому своемь и не отшедъ от града, да ни самъ никоегоже зла не подыиметь, ни градъ от *поганыхъ*. Но якоже вѣнець нечистомь златомь скованъ, имѣя единъ точью камыкъ честенъ, преже хотящю домовьскому строителю пожещи огнемь на очищение скверънаваго злата, господинъ не дасть, да. нѣкако, очищая огнь злато, свѣтлость камыка погубить. Такоже и тогда тьмами смерти достойномь сущемь намъ, многыихъ дѣлма нашиихъ прегрѣшениихъ, не погуби града Господь, да нѣчто не будеть страстотерпцю, живущю с нами, недостойными.

Но прилѣжно вси помолимся, възлюблении, и шествия наша на благоугожение направимъ, до конца удержимся жити молитвами и дѣлы мученика. Тому бо нами исправляему и Божию милость бесумнѣнья приимемь, спасающю ны и хранящю, *от* умныихъ преже ратныихъ, избавляющю ны от вѣчныя мукы и исходатающая намъ царствие небесное. Молю же, братия, вашего събора от всея душа силою възпити къ щедрому Богу и о богохранимѣмь градѣ нашемь и за вся крестьяны, и за мя, и за мою худость, якоже о извержении твою ми благодать въздавше, занеже гражанина и помощника и съ Богомь владыки нашего преславнаго мученика Дмитрия добро чюдотворения, понѣ вмалѣ обаче поистинѣ сьписавшу <…> любезно слуху вашему о Христѣ Исусѣ Господѣ нашемь, истиньнѣмь Бозѣ, с нимже всецарюющему Богу и Отцю съ животворящимъ его Духомь. Слава и честь и покланяние от всея твари всылаются искони, и нынѣ, и присно, вѣки вѣком. Аминь.

---

[1] *Максимиянъ Еркултанъ ... римомъ ...* — Римский император Максимиан Геркулий (286—305) управлял западной частью империи, его военными противниками были франки, алеманны, саксоны, мавры. В Мучении же он оказывается на востоке империи и сражается с готами и сарматами.

[2] *Селуньскый град, Солунь* — ныне Салоники, город на северном берегу Эгейского моря.

[3] *... по апостольстѣй заповѣди ... и безъ времене.* — Имеются в виду слова апостола Павла: «Проповедуй слово во время и не во время» (2 Тим. 4, 2).

[4] *... санъ первѣе приимъ ... въ Елладѣ ...* — Переводчик не перевел византийские термины: Димитрий был «эксцептором» (писцом), затем стал анфипатом (проконсулом) Эллады (комментарий И. П. Медведева).

[5] *Оратион* — вместо «орайон» — знак отличия, инсигний (комментарий И. П. Медведева).

[6] *... притворѣ ковачьстѣм ...* — В греческом тексте: «в том портике, который называется медным».

[7] *Сермий* — город в Нижней Паннонии, ныне это Сремска Митровица на р. Саве, к западу от Белграда.

[8] *... в пещных камарах.* — Видимо, имеются в виду печи, в которых разжигался огонь для подогрева воды в банях (термах).

[9] *... повинувый Голиияда ... Давиду ...* — Вспоминается победа Давида над великаном Голиафом, о которой рассказывается в Библии (1 Цар., 17).

[10] *Протиктор* — военачальник императорской гвардии, преторианцев.

[11] *Орарион* — орарий, плат, накидка, плащ (?).

[12] *...въ тривунали градьстѣмь* — т. е. в городском суде, трибунале.

[13] *... и здание стегнъ разоривъ ... сущими ту ...* — Текст испорчен, перевод сделан с ориентацией на греческий оригинал.

[14] *... идѣже путемь ... животная почиваху...* — Славянский перевод соответствует греческому оригиналу, но смысл текста неясен.

[15] *... якоже преже указахомъ ...* — Это чудо должно читаться вслед за другим, из которого явствует, что «та война» — война с аварами, осадившими Солунь.

[16] *Илистрие* — иллюстрий — византийский титул, сенатор.

[17] *Незлобиви и правии прилѣпляхуся мнѣ.* — Пс. 24, 21.

[18] *Киворий* — поддерживаемый колоннами купол; здесь речь идет, вероятно, о раке, в которой покоились мощи святого.

ПЕРЕВОД

МУЧЕНИЕ СВЯТОГО И СЛАВНОГО МУЧЕНИКА ДИМИТРИЯ

Благослови, отче!

Максимиан Геркулий, замирив готов и сарматов и обратив их в данников римлянам, пришел в Селунский град и остался там, зловерный и богохульный человек, погруженный в пучину суеверий. Торжествовало тогда суеверное поклонение идолам и кумирам, и повсеместно их чтили, а служителей Бога преследовали и без вины истребляли служивших истинной премудрости. Был среди них блаженный Димитрий, всем известный тем, что не ведал он страха и не терялся перед невзгодами. С юных лет отличался он житием чистым и беспорочным, в душе же хранил слово спасения, и, делясь им с приходящими к нему, поучал с радостью, и убеждал, и проповедовал, следуя апостольской заповеди блаженного Павла к святому Тимофею, который писал и наставлял поступать так во время благоприятное и в безвременье.

Этот же блаженный Димитрий был из рода славных вельмож и сенаторов, отслужив первоначально эксцептором, стал анфипатом в Элладе и оратион ипата получил от царя Максимиана. Но тот Димитрий ни во что не ставил земную славу, но следовал животворящему слову, говоря, что человека, погибшего и своими беззакониями умерщвленного, премудрое божественное Слово своим пришествием во плоти отторгло от заблуждений и очистило от всякого безумия и от всякого мрака, свет же воссиял нам и <настал> день освобождения в душах, принявших его, принесло Слово то правду и кротость, любовь, надежду, созидая нам жизнь вечную, временное отметая, даря нам вечное нетленное обручение, восстание из мертвых, ходатайствуя за наше возвращение в рай.

Когда дерзал учить этому блаженный мученик, своею верою подкрепляя слово Божие, приходили к нему многие язычники и собирались в западной части большого городского рынка, в портике, именуемом кузнечный, он имел обыкновение собирать народ в подземных галереях вблизи от общественной бани. Разнеслась же слава о нем по всему городу и по земле той.

Тогда приказал царь горожанам разыскивать христиан. И схватили блаженного Димитрия, не обратившимся в бегство был он схвачен, а когда служил обычную службу Богу со своими единоверцами. И привели его к богохульному Максимиану, словно некую великую

добычу, думая, что этим покажут себя лучшими друзьями царя; и чтобы не скрылся никто из христиан, выдавали ему даже вельмож.

Случилось так, что царь в это время направлялся в городской театр, который именуют стадион, чтобы посмотреть на единоборство гладиаторов. Здесь была для него сооружена на высоте огражденная досками арена, на которую поднимались и на виду у всех боролись друг с другом, ибо было для него <Максимиана> радостью видеть, как проливается человеческая кровь.

Не было, однако, поводом для печали или скорби это зрелище, ибо любил он одного из борцов, по имени Луй, вандала родом, отличавшегося силой и огромным ростом, который не только в Риме убил многих в поединках, но и в Сермии и в Селуньском граде, спешил на доски арены, чтобы благодаря великому умению и навыкам убивать многих людей.

Так как не было никого, кто бы решился выступить против него и все боялись его, то среди первых почитал его царь и очень любил, и взирал на него с радостью, и восхвалял его, и дивился огромному его росту, и хвастался его гордыней. Когда оказался Максимиан возле театра и сошел с колесницы, тогда и поведали ему и привели блаженного Димитрия. Расспросили его, продолжает ли он поклоняться Христу, и узнали, что и других учит поклоняться распятому Христу.

Увидел же царь дерзость его, называющего себя христианином и всею душою желающего все претерпеть во имя Господа нашего Иисуса Христа, и прекрасное лицо его. Но, будучи полон ожидания предстоящего зрелища, повелел заключить мученика в печных каморах народной бани, находившейся поблизости от театра. Находясь там, увидел Димитрий змею, называемую скорпионом, выползшую под ногами у него и хотевшую ужалить святого, осенив ее знамением честного креста и плюнув на нее, он умертвил ее. Тогда же ангел Господень, придя, венец возложил на голову святого мученика и возвестил ему: «Мир тебе, страстотерпец Христов! Мужайся и крепись!»

Царь же, придя на стадион, воссел, приказал ввести Луя, и воззвал через глашатаев к народу, приглашая желающего с ним бороться и предлагая победителю дары и много золота. И тут один юноша из толпы, прекрасный видом и еще юный годами, по имени Нестор, едва начавший обрастать бородой, известный славному мученику Димитрию <ибо видели чудеса, им творимые, многие, приходящие к нему и наученные им чтить Христа и поклоняться тому>, пришел в то место, где сидел под стражей святой, и, припав к ногам его, сказал: «Раб Божий Димитрий! Хочу с Луем бороться, так помолись же обо мне Христу!» Святой же осенил знамением Христовым и чело его и грудь и отпустил его, сказав: «И Луя одолеешь и за Христа будешь замучен».

Направился <Нестор> на стадион и, сбежав по ступеням, сбросил с себя одежду и предстал перед Максимианом; удивленный же царь подозвал к себе выскочившего юношу и стал уговаривать его, говоря:

«Юноша! Понимаю я, что скудость средств твоих разбудила в тебе такую дерзость, что или — победив — в тот же час получишь богатство, или же, потерпев неудачу, и нищеты, тебя терзающей, лишишься и жизни. Я же, жалея молодость твою и юность, за одну отвагу твою дам тебе почетную и достаточную награду, и иди, сохранив жизнь и обретя злато. Луую же не противься, ибо убил он многих более сильных, чем ты».

Услышав это, Нестор не взял даров царских и не испугался похвал Луую, а ответил царю: «Не золота хочу, — сказал, — и не из-за него вышел на поединок, а хочу погубить Луя. Не хочу я <иначе> жить, и не за богатством пришел, но хочу сокрушить Лууеву славу». Тогда царь и приближенные его возмутились, услышав это, не стерпели дерзости юноши, и воззвал царь и возопил, подбодряя Луя.

Нестор же, осенив грудь свою знамением животворящего креста, взял сулицу, и возвел глаза к небу, и произнес: «Бог Димитрия, раба твоего, ради возлюбленного твоего сына Иисуса Христа, ты, покоривший иноплеменника Голиафа верному тебе Давиду, ниспровергни дерзость Луя и Махсимиана мучителя!» И выскочил на середину арены, и начался поединок, и смертельную рану в сердце получил Луй, и был убит. Немалую душевную травму он нанес тем царю. А Нестор прославил Бога, ибо молитвой святого Димитрия убит был иноплеменник.

Максимиан тогда вскочил со своего трона и печальный возвратился в царский свой дворец, говоря: «Если бы не было чародеяния каких-то богов, то не был бы Луй, отличавшийся таким мужеством, убит этим юношей». И призвал к себе мучитель Нестора и сказал ему: «Скажи мне, юноша, какие чары ты использовал или кого имея в помощниках Луя убил?» Отвечал Нестор: «Никаких чар не было, и без какого-либо обмана он убит, но Бог Димитрия и Бог христианский послал ангела своего и убил моей рукой кичливого гордеца». Разгневался царь и приказал отвести его как христианина в западную часть города, к так называемым Золотым воротам, чтобы тут отрубил ему голову своим мечом Минукиан протиктор. И так увенчан был Нестор венцом мученика.

Некие же вельможи стали наговаривать царю на Димитрия и убеждать его в том, что Димитрий — причина гибели Луя. Тогда очень разгневался царь и сказал: «Не к добру была наша встреча, когда встретились мы на пути моем к театру». И приказал в той каморе, где находился под стражей святой, заколоть его копьями. И так был убит преславный мученик и окончил в страданиях жизнь, исполненную благой веры. Лупп же, раб и слуга святого Димитрия, предстоявший ему, взяв орарион святого, собрал в него кровь его.

И взяв царский перстень, который он <Димитрий> носил на руке, обмакнул его в святой крови и стал исцелять им одержимых различными недугами и страдающих от нечистых духов исцелял молитвами и посещением святого и благодатью, которой обладал перстень его, так что весть о том разнеслась по всему граду

Селунскому. Услышав о нем, что исцеляет он больных, приказал царь казнить и Луппа в городском трибунале в один из дней, когда застали его в окружении других верующих Христу.

Пресвятое же тело славного Димитрия было брошено убийцами без присмотра, и тогда некие от братьев благочестивых, взяв ночью, ибо боялись они царя, и раскопав как смогли землю там, где оно было брошено, присыпали его землей, чтобы не причинили ему никакого вреда кровожадные звери. И никто не позаботился о том, чтобы перенести тело святого, но осталось оно на том же месте, и знамения и исцеления бывали на месте том, и Божьим даром получали приходившие к нему с верой, и постоянно все радовались здесь, и разнеслась слава по всей Македонии и Фессалии о чудесах, творимых святым мучеником.

Когда же изгнана была ложная вера в кумиры и просияла непорочная и православная христианская вера, Леонт, некий славный муж, управлявший иллирийской епархией, отправился в Дакию, и тяжело заболел, и на носилках был принесен в Селунский град своими рабами, и положен на том честном месте, где под землей покоилось тело святого; и положен как раз над целящим гробом святого. И тотчас выздоровел, так что удивился и сам он и приближенные его скорому пришествию мученика, и воздали хвалу Богу и преславному мученику Димитрию. И тогда <Леонт>, разрушив печи и разломав бассейны для горячей воды, и стены, с бывшими возле городскими воротами, создал между общественной баней и театром всечестный храм во славу великого мученика Христова, всячески его украсив.

Собравшись возвращаться в Иллирию, пожелал он взять что-либо от мощей святого, чтобы и там церковь создать в его имя, но преславный страстотерпец Христов Димитрий явился ночью ему, и запретил это делать. Тогда взял он хламиду, обагренную святой кровью его, и часть орария его, и изготовил ковчег серебряный и положил <все это> в него. Когда же отправился Леонт в путь, стояла зима, и разлилась река Дунай, так что нельзя было переправиться через нее на лодке, и так как несколько дней не спадала вода и препятствовала дальнейшему пути, в печали пребывал епарх.

И увидел во сне славного мученика, возвестившего ему: «Всю печаль и сомнения свои отринь и возьми то, что несешь, и без помехи перейдешь реку». Наутро же <Леонт> сел на коня своего, держа в руках честной ковчег, и без помех переправился через реку. И так, придя в Сермий, положил здесь честной ковчег со святыми реликвиями, находившимися в нем, и возвел здесь честную церковь во имя преславного Христова мученика Димитрия подле честной церкви святой мученицы Анастасии. Многие же чудеса и исцеления Господь сотворил там, где останавливались на пути колесницы и кони, благодатью и щедротами и человеколюбьем единородного Сына Божьего, с ним же Отцу слава со Святым Духом и ныне, всегда и в века!

ЧУДО СВЯТОГО ДИМИТРИЯ, КАК ВИДЕЛ СЛУГА ЕГО ПРИШЕДШЕГО К НЕМУ АНГЕЛА

На рассвете третьего дня той войны, в который снизошла на горожан от Бога отвага, как об этом говорилось прежде, некий муж, знатный родом, известный жизнью своей, смиренный сердцем, славный и отмеченный саном иллюстрия, о таких сказано в Писании: «Беззлобные и прямодушные пойдут за мной», увидел, как говорил он — во сне <о чем доподлинно рассказывал своим близким>, и ужаснулся, видя, что стоит он перед притвором святой церкви славного мученика Димитрия. «И вот, — рассказывал, — два красивых высоких мужа явились передо мной и вошли снаружи в притвор, так что я принял их за посланцев императора. Один же из них громко возгласил: “Где господин дома этого?”» Появился в средних дверях церковных один из слуг и сказал в ответ: «Зачем нужен он вам?»

Они же сказали: «Владыка наш послал сообщить ему нечто». Слуга же тот показал им на святую раку церковную, говоря: «Здесь он». Мужи же те, видом подобные ангелам Божьим, подошли к тому месту и сказали слуге: «Иди, возвести ему о нас». Я же, одержим страхом, пойдя следом за ними из притвора, встал у одной из колонн возле святой раки, желая узнать, что хотят поведать от царя святому. Слуга же постучал в дверцы раки, и тотчас же открыл их изнутри славный мученик Христов и встал у дверей, так что и мне, недостойному, было видно его. Я же пал ниц не в силах зреть ангелоподобный лик его: был он видом похож на изображение на древних иконах, а лицо его сияло, словно испускало солнечные лучи. И лежал я ничком, и озарилось мое лицо излучаемым им светом. И так, лежа, внимательно слушал я, о чем будут они говорить между собой, и услышал, как целовали сердечно святого эти мужи.

Он же сказал им: «Благодать с вами! Во имя чего потрудились прийти ко мне?» Отвечали ему мужи: «Владыка наш послал нас к святости твоей и так говорит тебе: “Скорее изыди и шествуй ко мне, ибо город будет предан врагам”». Я же, услышав это, пришел в смятение, и охватила меня печаль; приподнявшись немного, увидел я человеколюбное и ласковое лицо мученика, поистине милосердного и градолюбца, удрученное печалью, и грустное и к земле склоненное. Прошло немало времени в молчании долгом, и видел я, как слезы текли по богоподобным щекам, так что слуга сказал мужам: «Зачем так опечалили господина моего? Поистине, если бы раньше знал о словах ваших, не сказал бы о вас моему господину». Тогда отверз святой свои богословесные уста и сказал слуге: «Не трогай их, они — друзья мои, и что приказано им, то мне и говорят».

И сказал им: «Действительно ли такую весть прислал мне Владыка мой? Так ли изволило владычество его, что такой город, уже столькими поколениями во имя пота его и крови, истекавшей из его честных ребер, утвердившийся в вере, ныне будет растерзан свирепыми этими зверями? Таково ли желание человеколюбия его?» Отвечали светлые мужи: «Если бы не угодно ему было, не отправил бы нас к благочестивой душе твоей». И тогда опечалился очень <Димитрий>, и долго покачивал головой, и, пораздумав, с великой печалью изрек ответ. И непрестанные вздохи его, и слова, и тихий голос свидетельствовали, что в великой скорби он из-за любви к своему

отечеству. Ответил же он мужам: «Идите, братья, скажите благому моему Владыке так: говорит твой истинный раб Димитрий: “Ты, Владыка, господин и мне, и городу, и всему миру, и как властитель повелел мне здесь пребывать с рабами твоими. Как же могу я их оставить в такой беде и нужде и уйти? И с каким лицом увижу я гибель отечества своего? Какая будет жизнь горожанам моим гибнущим? Но напротив — как пребывал я с ними и душой радовался, так и теперь их, в беде оказавшихся, не оставлю. Или спасутся они — и я спасен буду, или погибнут — погибну и умру с ними. Ты ведь сам, Владыка, положил душу свою — словно хороший пастух — за овец своих. Поистине знаю я, что не превозмогли грехи наши милосердия твоего, ибо милость твоя к нам велика, и ярость твоя праведная требует нашего обращения, а не гибели. Владей всеми, благой Владыка, и что повелишь, то и сделай нам. Я же, как сказал: если спасутся они — спасен буду, если погибнут — умру с ними”».

Когда сказал так милосердный мученик, душа моя отчаявшаяся немного воспрянула от охватившей ее печали. Отвечали же мужи, говоря святому: «Это ли велишь нам сказать Владыке?» Отвечал святой: «Да, молю вас». Спросили же они: «Так почему же не идешь с нами? Берегись, а вдруг не смилуется пославший нас, раз ты его ослушался». Отвечал святой: «Я знаю: всегда гнев его предваряют милосердие и благость его». Таков ответ дал и, сказав так, поцеловал он светлых мужей и, серебряные двери затворив, в которых стоял, остался внутри, не ушел от нас благодатью Христовой. И тут — сказал <иллюстрий> — я, грешный, почувствовал, что пришел в себя и не сплю».

Увидев же все это, тот добродетельный и боголюбивый муж тотчас же побежал по городу, убеждая горожан и только одно им говоря: «Наберитесь мужества, братья, святой страстотерпец с нами помощью Христовой, и не коснется нас зло». С того момента, как было написано, в доблесть облеклись горожане и на врагов стали нападать и те, кто не решались прежде и голоса подать из-за великого страха.

Впоследствии <иллюстрий> близким своим поведал особо о рассказанном ранее видении. И так, побуждаемый нами, поведал истинную причину того, почему ходил он по городским улицам, убеждая всех, что спасен будет город. Так показал нам славный мученик Димитрий и сотворил, что видение сбылось в действительности, так какую же хвалу и славословие ему перед Богом воздадим? Какие почести и благодарение принесем славному мученику, сравнимые с милосердным его решением, когда он премногими своими щедротами уподобился Господу Богу Спасу нашему и душу свою положил за нас, недостойных, грешных, и не только ослушался повеления Божьего, надеясь на Божье человеколюбие, но и умереть с нами, многомилосердный, обещал. О душа святая, и градолюбивая, и щедрая! О мудрость богоданная и совет богоугодный, деяние боголепное!

Так как постиг ты Бога всех, что не губит он праведника с нечестивыми, не оставляет жезла грешника на жребии праведника, то, видя наши грехи, все превосходящие по силе своей, и хотя побоялся,

как думаю, что за нас моля, ослушаешься богоданной воли, все же, поразмыслив, совершил: остался в дому своем и не покинул город, чтобы ни самому не испытать никакого зла, ни городу — напасти от поганых. Вот так же, если венец, скованный из нечистого золота, но украшенный только одним драгоценным камнем, захочет переплавить управитель дома, чтобы очистить загрязненное золото, то не даст того совершить господин, ибо, очищая золото, сверкание камня погубит. Вот так и тогда: хотя многократно мы были смерти достойны из-за наших многочисленных прегрешений, не погубил города Господь, чтобы не случилось чего-либо со страстотерпцем, пребывающим с нами, недостойньши.

Так помолимся же все истово, возлюбленные, и путь наш на благие дела направим, молитвами и деяниями удержим мученика навсегда остаться с нами. Всем этим и Божью милость без сомнения обретем, ибо <Димитрий> спасает нас и хранит от первого из умозрительных врагов < — дьявола>, избавляет нас от вечной муки и ходатайствует за нас о царстве небесном. Молю же, братья, всем собором вашим, всей силой души возопить к щедрому Богу о богохранимом городе нашем, и о всех христианах, и обо мне, и о ничтожестве моем, как о недоноске, о ниспослании мне благодати, ибо гражданина и помощника и в Боге владыки нашего преславного мученика Димитрия благо чудотворения я описал, хоть кратко, но истинно, и приятно слуху вашему, Христа ради Иисуса, Господа нашего, истинного Бога, с ним же царствует над всеми Бог Отец с животворящим его Духом. Слава и честь и поклонение от всех сотворенных им возносятся искони, и ныне, и всегда, и во веки веков. Аминь.

ЖИТИЕ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

Византийское Житие Марии Египетской атрибутировалось (как считают — ошибочно) иерусалимскому патриарху Софонию I (634—644). Время возникновения славянского перевода Жития — предположительно X в., но старший русский список его датируется XIV в. (это сборник *ГИМ*, Чудовское собр., № 20). В последующем Житие получило на Руси широкое распространение: оно переписывалось в сборниках, входило в состав Торжественника и Постной триоди, включено и в состав Великих Четий Миней. Известно несколько вариантов перевода, соотношения которых пока не изучены.

Житие повествует о судьбе раскаявшейся блудницы, которая, искупив жесточайшей аскезой грех распутства, смогла превзойти в святости

даже благочестивого монаха Зосиму. Мария любодействовала не ради куска хлеба, а снедаемая неутолимой жаждой сладострастия, и тем поразительнее искренность ее раскаяния и глубина духовного преображения: сорок семь лет скитается она в пустыне, страдая от голода и жажды, палимая солнцем и замерзающая холодными ночами, лишенная не только крова, но и давно истлевшей одежды. Как это обычно в рассказах об отшельниках, Мария борется с искушениями, но вопреки традиции агиографических рассказов ее преследуют не бесы в облике зверей или фантастических чудовищ, а всего лишь собственные греховные мысли: ей снова хочется вина и вкусной снеди, ее губы против воли повторяют слова фривольных песенок, и тогда несчастная отшельница исступленно молит Богородицу оградить ее от подобных воспоминаний. В описании многолетней борьбы Марии с собственным греховным прошлым проявляется нечастый для средневековой агиографии подлинный психологизм. Жизнь Марии — как и подобает житию святой — окружена чудесами: впервые встретив Зосиму, она называет его по имени и сообщает ему подробности его жизни; молясь, Мария цитирует Писание, хотя никогда не слышала духовных пастырей; не знающая грамоты, она в предсмертный час смогла начертать на песке слова своего завещания... Так потрясенный Зосима, а вместе с ним и читатель Жития убеждается в особой божественной благодати, ниспосланной Марии.

Житие внушает мысль, что искреннее раскаяние и благочестивые поступки могут искупить любые прегрешения, если падшая женщина смогла после долгих лет подвижничества стать святой. Эта идея оказалась близкой средневековому читателю, и Житие Марии постоянно пребывало в числе наиболее читаемых и почитаемых. В новое время в XIX в. на этот сюжет написал поэму «Мария Египетская» Иван Аксаков.

Публикуется наиболее распространенная в древнерусской книжности редакция Жития, включавшаяся в состав Торжественника. Текст издан по списку *РНБ*, F.I.870, нач. XVI в., исправления сделаны по спискам той же библиотеки: собр. Погодина, № 949, нач. XVI в., собр. Вяземского, F. 98, первой половины XV в., списку *БАН*, 21.3.3, второй половины XV в.

Русский перевод греческого текста Жития опубликован в книге: Византийские легенды / Изд. подгот. С. В. Полякова. Л., 1972 («Литературные памятники»).

ОРИГИНАЛ

МѢСЯЦА АПРИЛЯ ВЪ 1.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНЫА МАТЕРИ НАШЕЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ, СПИСАНО СОФРОНИЕМЪ, АРХИЕПИСКОПОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву добро есть хранити, а дѣла Божиа проповѣдати преславно есть».[1] Тако бо рече ангелъ к Товиту по славнемъ его

прозрѣнии ослѣпленою очию. Еже не хранити царевы тайны — пагубно есть и блазнено, а еже молчати дѣла Божиа преславнаа — бѣду души наносить. Тѣмьже и азъ боюся молчати дѣла Божиа, въспоминаа муку раба оного, приемшаго господень талантъ и в земли съкрывшаго, а прикупа *имъ* не створившаго.[2] Повѣсть святу слышах азъ и никакоже могу еа утаити. И никтоже ми да не невѣруеть от вас, слышавъ написаниа сиа, ни мните же мене гордящася о словеси сем, дивяся о чюдеси семъ велицемъ. Не буди бо ми лгати на святыа. Аще ли суть етери, чтуще книгы сиа и высотѣ словеси дивящеся, и не хотяще вѣровати, буди им милость Господня: ти бо, немощь человѣчьску помышляюще, неприатна творят нами глаголемаа о человѣцѣх. То уже подобает ми начати повѣсть и вещь предивну, бывшу в родѣ нашем.

Бысть старець во едином палестиньскых монастырь, житием и словом украшенъ, от самых пеленъ възрастъ *чернечьскым* обычаем и вещьми, и священьством обложенъ. Зосима же бѣ имя тому старцу. Никтоже мни, яко онъ есть Зосима-еретикъ: сей убо Зосима праведный, всякыа образы пощениа и дѣла творяще, и вся предaниа храняше. Николиже от учениа святыхь словес не ослабѣ, но, въстаа и возложася, руками дръжаще дѣло и пищу вкушаше, аще достоит пищу нарещи, еяже вкушаше, едино убо дѣло имяше немолчно — еже пѣти присно.[3]

От самого бо младеньства вданъ бысть в монастырь и 50 лѣт створи в нем. Такоже ему живущу в монастыри, помысли убо в себѣ, глаголя: «Есть ли убо мних на земли, иже ми покажеть образ житиа сего, егоже не сътворих? Можеть ли муж обрѣстися в пустыни лучши мене?» Си же помышляющи старцу, явися к нему ангелъ Господень и рече ему: «О Зосима! Добрѣ убо яко человѣкъ подвигнулся еси, но никтоже съвершенъ есть. Но да разумѣеши, колико инѣх есть образъ спасениа. Изыди от земля, якоже Авраамъ из дому отца *своего*,[4] и *иди* в монастырь, сущий при Иерданѣ».

Абие же старець изыде из манастыря своего, иде въслѣдъ глаголющаго. Прииде, *волею* Божиею водим, въ Иерданьский монастырь. Толкнувъ въ врата, повѣдано бысть игумену. Влѣзъ же Зосима, поклонися по обычаю чрьнечьскому. Въспроси же его игуменъ: «Откуду еси, брате, и что ради к нищим намъ прииде?». Отвѣща же Зосима: «Откуду приидох, не въпрошай мене, ползы бо ради приидох. Слышах бо велико ваше дѣло достохвалное, могущее душа приводити къ Христу, Богу нашему». Рече ему игуменъ: «Богъ единъ, брате, исцѣляеть человѣчьскый род. Той да научить тебе и нас воли своей и наставить тебе творити полезнаа». И се рекшу игумену к Зосиму, Зосима же поклонися и, створивъ молитву, и рече: «Аминь». И пребысть в монастыри.

Видѣв же старець Зосима дѣаниа же и дѣлы сиающа, пѣнье же ихъ непрестанно и стояние всенощное, и в руках присно *дѣло* их, и псалмы въ устѣхь их, словеса же праздна не быша в них, тщание имѣти в себѣ имѣти себе *мрътва* тѣлом. Пища же их бѣ — словеса Божиа, питаху же тѣло хлѣбом и водою. Се видѣвъ, Зосима дивися и подвизашеся на предлежащее течение.

Днемъ же мнозѣм минувшим, приближися время святаго поста. И вратом монастырьским затвореном сущим, не отврьзающимся николиже: пусто бо мѣсто и непроходимо, и не знаемо простою чадью. Сицевъ же бѣ чин в монастыри том преданъ, егоже ради и Богъ Зосиму приведе ту. В 1-ю убо недѣлю *поста* ... творяше прозвутеръ литургию святую, и вси причастници бываху святых тайнъ пречистаго тѣла и крови Господа нашего Иисуса Христа, и мало брашна вкушаху. Потомь же сбирающеся въ церковь, молитву створше и колѣнное поклонение, цѣловаху другъ друга и игумена и, молитву вземше, отврьзаху врата монастырьскаа, поюще съгласно псаломъ: «Господь — просвѣщение мое и спаситель мой, кого ся убою? Господь — защититель животу моему, от кого ся устрашу?»[5] и прочее псалма того поющи, исхожаху вси, единого или два брата оставльше, да хранять монастырь. Не бо в нем ничтоже татьми крадомо, но церкви без службы да не станеть. Коиждо же их ношаше пищу себѣ, якоже хотяше: овъ убо мало хлѣба, овъ же — мало смоквы, инъ же — финикы, друзии же — сочиво, моченое въ водѣ, а друзии же — ничтоже, точью тѣло свое и рубища, яже ношаху. И егда тѣло их нужаше, быльем и травою питахуся пустынною. И прехожаху Иерданъ и разлучахуся далече от себе и не вѣдяше другъ друга, како поститься или како подвизается. И аще кто узрить друга своего, идуща к собѣ, и абие уклоняшеся на иную страну и о собѣ живяше, Богу поя присно.

Сице убо весь скончавають пост, възвращають же ся в монастырь в недѣлю, яже есть преже въскресениа Христова, в нюже праздьньство *цвѣтное* пришло есть церкви.[6] Възвращахуся, имѣа коиждо плоды своа и съвѣсть вѣдуща свою, якоже коиждо сдѣлалъ есть. И никтоже никогоже не въспрашаше, како ся потруди. Таковъ бѣяше уставъ монастыря того.

Тогда убо Зосима по обычаю монастырьску прииде на Иорданъ, мало пища съ собою нося, требованиа ради телеснаго, и пресвятый ношаше преданый образъ служебный творяше, сквозѣ пустыню проходя. И вкушаше, егда тѣло требоваше, нужда ради, поспаше мало, на земли возлежа. Зѣло же рано пакы въстааше и свое течение сътворяше, въжделѣвше въ пустыню внити, негли бы обрелъ поне единого отца, живуща в ней, постящася.

И приложися желание ему к желанию. Шед же осми дней, ста мало от пути въ время 6-го часа, и обратився на въстокъ, творяше обычную молитву. Престояше мало от пути и почиваше во время коегождо часа, поя и кланяася. И егда *стояше* и пояше и видѣ одесную яко сѣнь, акы человѣчьска телеси. Исперва убояся, мняше привидѣние бѣсовьское суще. И трепетенъ бывъ и знаменася знамениемь крестным, и страх отложивь всь, пребысть без боязни. Уже бо бѣ кончаа молитву и, обратився, возрѣ горѣ очима на полудне и видѣ нѣкоего ходяща, нага тѣлом и чрьна видѣнием от солнечьнаго горѣниа, власы же имѣяше на главѣ бѣлы, акы волну, и краткы, яко точью до выа досягающа. Се убо Зосима видѣвъ и рад бывъ о преславномъ том видѣнии и нача тещи на ту страну, на ней же *видимое* идяше, и радовашеся радостию великою, не бѣ бо видѣлъ в ты дни видиниа человѣчьска, ни птичья, ни звѣрина, ни гада.

Егда же и та видѣ издалеча Зосиму и нача тещи и бѣжати в нутрьнюю пустыню. Зосима же, яко забывъ свою старость и *труд путный*, быстро течаше, хотя постигнути бѣжащее. Сей убо бѣжаше, а онъ женяше. Быстро бо течение Зосимово, быстрие бѣжащаго. И егда приближися, яко мощи уже глас слышати, и нача вопити Зосима, сицевыми глаголы глаголя съ слезами: «Что мене бѣжиши, старца грѣшна, рабе истиннаго Бога, егоже ради в пустыни сей живеши? Пожди мене грѣшнаго и недостойнаго и немощнаго. Подаждь ми, старцю, твою молитву и благословение, тако ти Бога не отмещася никогоже николиже». Зосиму же съ слезами глаголющу сице, и быста на единомъ мѣстѣ, текуща и глаголюща, яко поток сухъ, и не мню, течаше потокъ коли.

Егда же прииде на мѣсто бѣжащее и сниде абие на другую страну, Зосима же, *утрудився* и не могый тещи, уже ста на друзѣ странѣ потока и приложи къ слезамъ слезы и к воплю вопль. Тогда тѣло бѣжащее возпи гласомъ *сицемъ* к нему и рече: «Авва Зосиме, не могу, обратившися, явитися лицу твоему: жена бо есмь нага и боса, якоже мя видѣши, студ телесный непокровенъ имущи. Но всяко, якоже хощеши женѣ грѣшнѣ *молитву* ... даровати, то поврьзи ми портище, еже носиши, да покрыю си немощь женьскую, да *обращуся* к тобѣ и молитву прииму от тебе». Тогда устрашися тѣлом Зосима, ужасеся умом, слышавъ именемъ себѣ зовуща, и рече в себѣ: «Яко не бы именем звала мене, аще не бы прозорлива была». И створи въскорѣ реченое ему, и снем ризу ветхую и раздраную, юже ношаше, и верже ю к ней, и обратися лицемь от нея. Она же, вземши ю, препоясася и прикры обѣ странѣ телеси, еже достояше прикрыти паче инѣхь частий тѣла.

Обратися к Зосиму и рече ему: «Что ти мнится, авва Зосиме, грѣшную жену, что хотя видѣти у нея или навыкнути, толика труда не облинися створити?» Он же, на землю поклонивъ колѣни свои, просяше благословениа по обычаю. Такоже и она поклонися, и лежаста оба на земли, просяще благословениа другъ от друга. И ничтоже не бѣ слышати от нею глаголема, но точию: «Благослови мя». И егда мину многъ час, рече же она к Зосиму, яко «тебѣ подобаеть паче молитву творити. Ты бо прозвутерьскою честию почтенъ еси, ты бо олтарю Божию въ мнозѣх лѣтех предстоиши и многажды святыа дары Господу приносиши». Си же словеса в болий страх Зосиму вложиша, и трепетенъ бывъ старець, потяшеся и стоняше, и глас его кращашеся. Рече же к ней кроткым измолкшим гортанем: «О мати духовнаа! Яко ты Богу паче приближилася еси и множайшею частию от мира умертвилася еси, являеть же ти ся даный даръ, еже мя именем зовеши и прозвутера нарицаеши, егоже николиже видѣ. Тѣмь же паче сама благослови мя Господа ради и подай же молитву требующему твоего свершения».

Ослабѣвшу же прилѣжанию, она рече старцу: «Благословенъ Богъ, человѣчьскаго рода хотя спасению». Зосиму же рекшу: «Аминь». И въстаста оба от земля. Она же рече къ старцу: «Что ради ко мнѣ, грѣшницѣ, пришелъ еси, о человѣче Божий? Что ради въсхотѣлъ еси видѣти жену нагу, всякоа добродѣтели не имущи? Обаче благодать Святаго Духа наставила тя есть, да едину службу скончаваеши ми, тѣлу моему на потребу. Рци же ми, отче, како крестьяне живут нынѣ? Како

ли цари? Како ли церкви?» Зосима же отвѣща, глаголя: «Молитвами вашими святыми миръ свершеный даровалъ есть Богъ. И прииди на молбу, старице, и помолися за весь миръ Господа ради и за мене грѣшнаго, да не будет ми бесплодно пустыннее хожение». Она же отвѣща к нему: «Тобѣ достойно, авва Зосима, священный имѣюще чинъ, за миръ и за вся молитися, на то бо порученъ еси. Обаче повелѣно ны есть послушати, и повелѣное тобою да *сътворю*».

И се рекши, обратися на въстокъ и очи возведши на небо и руцѣ воздвигши и нача шептати. Рѣчи же ея не бѣ разумѣти. Тѣмъже Зосима, ничтоже тоя молитвы не разумѣваше, стоящи, якоже глагола, трепетенъ, долу зря, и ничтоже не глагола. Кленяшеся Богомь, глаголя, яко «егда видѣх ю, творящу молитву и медлящу, и, мало въсклонихся от ничаниа своего, видѣх ю стоящу на воздусѣ от земля яко лакти единаго». Тогда видевь ю, Зосима в больший страх впаде и поврьжеся на земли и потяся зѣло и ничтоже не глагола, но точью: «Господи, помилуй!» На земли лежа, старець блазняшеся мыслию: «Егда како привидѣние есть и молитвою блазнит мя?» И обратившися жена и въздвигну старца и рекши: «Почто, авва Зосиме, помышлениа смущают тя, яко привидѣние есмь? Ей, молю тя, блажене, извѣстно ти буди, человѣче, яко жена грѣшна есмь и крещениемь ограждена, а привидѣние нѣсмь, но земля и прах и попелъ, все же *от* плоти, николиже духовнѣ помысливши». И се рекши, знаменася знамениемъ крестным чело, и очи, и уста, и перси, глаголюще сице: «Авва Зосима! Богъ да избавит ны от диавола, от лааниа его, яко многа ны брань».

Си же слышавъ и видѣвь, старець паде пред ногама еа, со слезами глаголя: «Заклинаю тя Христомъ Богомъ нашим, родившимся от Дѣвы, егоже ради наготу сию носиши. Не утаи мене житиа своего, но все повѣжь ми, да величие Божие явѣ створиши всѣм. Рци ми все Бога ради! Не хвалы бо ради изречеши, но да извѣстиши ми, грѣшнику и недостойну. Вѣрую бо Богу моему, емуже живеши, яко сего ради наставленъ есмь в пустыню сию, да твоа Богъ вся явѣ створит. И нѣсть како немощи нашей свaритися съ судбами Божиими. Аще бо бы Христос нашь не хотѣлъ, дабы ты *увѣдана* была и подвизание твое, и тебе не бы явилъ, и мене бы на толикъ путь не бы укрѣпилъ, николиже хотѣвша, не могуща изыти от келиа своеа».

Сице много ино изрекшу Зосиму, и воздвиже жена речь ему: «Срамляюся, отче, студнаа моя дѣла изрещи. Но понеже тѣла моего наготу видѣ, обнажаю ти и дѣла моя, да разумѣеши, колика студа наполнихся, и срамоты полна есть душа моа. Не хваления ради, якоже рече, но и не хотя своего житиа исповѣдаю ти. Сосуд избранъ диаволу бывшу ми. *Вѣдѣ* же, яко аще начну повѣдати житие свое, бѣжати имаши от мене, якоже кто от змиа, не трьпить слышати ушима, якоже не достойная сътворих. Обаче глаголю не молчащи ничтоже, заклинающи тя прьвие непрестанно молитися за мя, яко да обрящю милость въ день Судный».[7] Старцу же нудящу ю и непрестанно плачющу, она же начатъ повѣстовати, глаголюще сице.

«Азъ, господи, рожена бых въ Египтѣ, и еще сущима родителема моима живома и бывшу ми 12 лѣт, отврьгшу ми ся от любви ею и изыдох азъ во

Александрию. И егда прьвие дѣвъство свое оскверних, тогда неудержанно и несытно творях любодѣание. Стыжу же ся *помыслити сие бе-щистие и глаголати*, но понеже въскорѣ реку ти, да разумѣеши неудержание плоти моеа. 17 лѣт и боле створих, всѣмъ невозбранно плоть свою дающи и мзды не емлющи. Тако ми правда истинна. И хотящим *ми* даяти мзды, возбранях. Се же умыслих, да множество сътворих приходити ко мнѣ даром и скончати желание и хотѣние мое. Не мни же мене, яко богата сущи, не взимах, в нищетѣ бо живях, аще и много изгребий приядох, неудръжанно рачение всегда в тимении валяхуся, то *мнях* жизнь, еже всегда творях хотѣние телесное.

Тако ми живущи, видѣхъ во время жатвы народа много муж — ливиане и египтяне — идуща на море. Въспросих же единого срѣтших мя, рекох к нему: “Камо идут мужи си текущеи?” Он же рече: “Вь Иерусалимъ на Воздвижение святаго честнаго креста,[8] еже скоро будет”. Рекох же к нему: “Поимут ли мене, убо аще поиду с ними?” Он же рече: “Аще имаши наемъ и брашно, то никтоже ти не възбранить”. Ркох же к нему: “Воистину, брате, ни наима, ни брашна не имам, но иду и влѣзу с ними в корабль, и питати мя имут не хотяща: тѣло бо мое — то дамъ им за наемъ”. Сего ради хотях, отче, ити *наипаче*, да приобрящу множайшаа рачителя тѣлу моему. Рекох же ти, отче Зосиме, не нуди мене изрещи студа моего: вѣсть бо Господь Богъ, яко ужасаюся, *оскверняюще тобе и* воздух словесы своими».

Зосима же, слезами умакаа землю, отвѣща к ней: «Глаголи, Господа ради, мати моа, глаголи и не престани от полезныа повѣсти». Она же абие к первой повѣсти сия приложи. «Тотъ же убо уноша, бестудие моих словес слышавъ, восмѣявся, отиде. Аз же пряслицу поврътгши, юже рѣтко ношах, текох на море, аможе и уноша тече. И видѣх при морѣ стояща яко 10 муж или боле телесы юны. Аз же возрадовахся, видящи я буя образом и бесѣдою, яко доволни суще похоти моей. Бѣша же друзии в корабль вошли. И по обычаю *моему* въскочих в ня, рекох имъ: “Поимите мя, аможе и вы идете. Не имам бо вамъ обрѣстися неугодна”; и ина же словеса изрекох, множайша сих, створих же всѣм восмѣятися. Они же, бестудие мое видѣвше, поимше мя, введоша меня в корабль свой, и оттуду начахом плыти.

Како же ти прочее повѣдаю, отче? Кый язык изречет или кый слух вонметь бывша дѣла моа злаа на пути и в корабли: яже, тѣмъ не хотящим, нужах творити им бестудный образ любодѣяниа, изрицаемый же и неизрицаемый, емуже бых оканным тѣлом учитель. И нынѣ ими ми вѣру, отче, дивлюся, како стерпѣ море любодѣание мое, како ли не раздвиже земля устъ своих и живы не сведе мене въ ад, душъ прельстившиа *толико* <...>. Но мню, яко покааниа моего искаше Богъ, не хощет бо смерти грѣшьником, но ожидает долготрьпѣниемь обращениа моего.[9]

Сице убо с тацѣм тщаниемъ взыдохом во Иерусалимъ. И елико же дней *створих* прежде праздника, то же дѣло створих, паче и горѣе того. И не доволни быша бывшии съ мною в корабли и на пути, но ины многы оскверних, гражаны же и странники збирах на то.

Егда же приближися святый праздникъ Воздвижение честнаго креста, азъ же убо *акы* преже обхожах, душа уных улавляющи. И видѣх зѣло рано вся въ церковь идуща. Идох же азъ, текущи с текущими. И придох же с ними и внидох въ церковный притворъ. И егда бысть часъ святаго воздвижениа, рекох же в собѣ: “Аще мя и отриють, то понуждуся, негли вниду с народом”. Дошедши же и мнѣ до дверей церковных, в нейже животворящее древо лежить, с трудом и скорбию доити нуждахуся, окааннаа. Егда же *воступих* на порогъ церковных дверей, вси бо безъ возбранениа внидоша, мене же возбрани нѣкаа Божиа сила, не дадущи ми внити, и паки покусихся внити, и далече отринухся от дверий. Едина же въ притворѣ стояща, мнях, женьскою немощью сие ми бысть. И паки инѣх примѣсихся, нужахся, локотьми отрѣющи. И трудихся без ума, и пакы, *егда* убогаа нога моа порозѣ ся косну, вся приа церковь, никомуже не възбраняющи, мене же не приимаше. Но яко множество воин учинено вход затворити, тако и мнѣ возбрани нѣкаа сила Божиа, и паки обрѣтохся во притворѣ.

Сице трижды и четырижды пострадавши и трудившися, уже и к тому не *могущи* отриятися, уже ни рѣема быти, отидох и стах въ углѣ паперта церковнаго. И егда нѣкогда чювьство бысть ми возбранению видѣние животворящаго креста, косну бо ся сонъ очию сердца моего, показаа ми, яко тимѣние дѣлъ моих возбраняеть ми входа. И начах плакати и рыдати и в перси бити, и воздыхати из глубины сердца, износящи слезы. Плачющися на мѣсти, на немъже стояхъ, возрѣвши пред ся и видѣх икону пречистыа Богородица стоящу и рекох к ней: “Дѣво Владычице, родившиа плотию Бога Слова, *вѣдѣ* бо, яко нѣсть лѣпо, ни угодно мнѣ, скверници и блудници, на *честную* икону твою, Приснодѣвыа, зрѣти, имѣющу ми душю и тѣло нечисто и скверно. Праведно бо есть мнѣ, блудници, ненавидими быти и мрързити ми чистою твоею *иконою* ... Но обаче, понеже слышах, яко сего ради Богъ человѣкь бысть, и его же ради “да призовет грѣшникы в покаание”,[10] помози ми единой, не имѣю бо никакояже помощи, *повели*, да ослаблено будеть ми вхождение церковное, не възбрани ми видѣти древо, на немъже распятся плотью Богъ, “егоже ради кровъ свою за мое избавление *дасть*”.[11] Повели ми, Владычице, да ми отврьзутся двери святаго покланяниа крестнаго. И ты ми буди поручница доволна к роженому ис тебе, яко уже плоти сея моея не имам к тому осквернити никоеюже скверною *плотьскою*. Но егда узрю древо креста Сына твоего, мира сего отрекуся, абие же тогда изыду, аможе наставиши мя, поручница ми еси”.

И се рекши ми, яко едино извѣщение приемши ражьждениа вѣры, и милосердой Богородици надѣявшися, двигнухся с мѣста того, на немъже *стоях*, молитву дѣяхь. И придох, пакы со влазящими примѣсихся, и не бѣ уже отриющаго мене, никогоже возбраняющаго мене нѣсть въ церковь внити. Приятъ же мя трепетъ и ужасъ, и, въсклонся, стрясохся. Потомь же дошедши ми дверий, затвореных прежде, и бес труда внидох внутрь. Сподоблена же бых видѣниа честнаго и животворящаго креста, и видѣх тайны Божиа, и како готовъ есть приимати кающаася, падши же на земли и святое древо цѣловавши, изыдох, текущи, хотящи быти у поручници моей.

Придох же на мѣсто, *на немже обручение* исписано бысть рукописание, [12] и колѣни поклонивши пред иконою пресвятыа Богородица дѣвы, сими словесы начах глаголати сице: “Ты убо Богородице Владычице, благословеннаа госпоже! Твое на мнѣ человѣколюбие, тебе не омръзити мое моление, недостойныа. Видѣх славу, юже въ правду, не презри мя, блудници. Слава Богу, приемлющему *тобою* покаание грѣшных. Что бо имам боле помыслити ли вѣщати, грѣшница сущи? Время есть уже, Владычице, свершениа обѣщаниа, и поручение поручих. И нынѣ, амо же велиши, настави мя. Нынѣ паче ми буди учитель ко спасению, водящи на путь спасениа”. Си словеса *глаголющи* ми, абие же слышах глас, глаголющь ми издалеча: “Иерданъ аще преидеши, добръ покой обрящеши”. *Азъ же глас той слышах* и емши вѣру, яко мене ради бысть глас сий, плачющи, въскричах и к Богородици възопих: “Госпоже Богородице, не остави мене!”

И сице вопиющи, изыдох ис притвора церковнаго и быстро идох. Видѣв же мя единъ *идущу* и три мѣдници далъ ми, рекь: “Возми, мати моа!” Аз же, вземъ, купих 3 хлѣбы, въспросих же продающаго хлѣбы: “Человѣче, куды есть путь на Иерданъ?” Увѣдавши путь на ту страну, изыдохь, текущи, и идох по пути, плачющи и путь свершающи, день кончах. Бѣ бо 2-й час дни, егда крестъ видих и, заходящу солнцу, доидох церкви святаго Иоанна Крестителя, бывшюю близъ Иердана. И церкви поклонившися, снидох на Иерданъ, и лице и руци умывши от святыа воды и пречастихся пречистых тайнъ и животворящих во церкви Предт(е)чевѣ, и полъ хлѣба единого снѣдох, и от воды Иерданскыа пивши, и на земли той нощи поспах. Наутриа же обрѣтох корабль, приѣхавъ на ону страну Иердана, и паки молихся Богородици наставници: “Настави мя, Госпоже, яко самой ти угодно есть”. Поидохь же в сию пустыню. И оттоле и до днешнего дне “удалихся бѣгающи, в сей пустыни въдворяющися, чаахъ Бога, спасающаго мя от премоганиа душа и буря”,[13] обращающи ми ся к нему».

Рече же Зосима к ней: «Колико лѣтъ есть, отнелѣже в пустыню сию въдворися?» Она же рече: «Мню, яко 40 и 7 лѣтъ есть, отнелѣже изыдох от Святаго града». Рече же Зосима к ней: «Что обрѣте или что обрѣтаеши пищу себѣ, о госпоже моа?» Она же рече: «Полъ третиа хлѣба принесох от Иердана, иже помалѣ окамениша, *иссохше*, и мало ядохъ от нихь, многа лѣта пребывах о нихь». Рече же Зосима: «Како ли же без *болѣзни* пребысть толика лѣта, никакоже пакости приемлющи от незапнаго прѣложениа?» Рече же она: «Мене нынѣ въспросилъ еси, авва Зосима, аще убо въспомяну вся тѣ напасти, яже престрадах, и помышлениа, яко сътвориша ми ся пакости, боюся, егда паки тѣми же осквернена буду». Рече Зосима: «Госпоже моа! Ничтоже не остави, молю ти ся, егоже не исповѣси ми, и единою начала еси, тѣмъ все изглаголи».

Она же рече ему: «Вѣру ими ми, авва Зосиме, 16 лѣт створих в пустыни сей, аки съ звѣрми лютыми, с своими помышленьми боряся. Егда начах пищу сию приимати, абие хотяше ми ся мясом и рыбам, яже бѣ иже въ Египтѣ. Хотяше ми ся вину, любимому мною, много бо вина пиях, егда бѣх в миру. Здѣ же ни воды имѣюще вкусити, и лютѣ распаляхся, бѣды не трьпях. Бывше ми желание любодѣянных пѣсней лютѣ, яко

възмущающися на пѣсни бѣсовьскыа, яже навыкох в мирѣ. Абие же прослезающися и вѣрою в перси своа биющи, въспоминающи завѣты, яже створих, в пустыню сию влазящи, и мысль, юже имѣх ко иконѣ святыа Богородица, поручници моей. И у ней плакахся и молихся отгнати ми помышлениа, тающи оканную ми душу. Егда же ся доволно бых наплакалася и в перси умилено билася, тогда свѣтъ видях, всюду облистающи мя, и тишина велиа в бурениа мѣсто бываше ми. И помышлениа, рѣющаа мя на *любодѣание* <...> како ти, авва, исповѣм? Огнь въ окаяннем ми разжигашеся сердци и *всю распаляше* на *желание* прилѣпа поостряше. Абие же, егда таковии въ помышление прихожаше ми, помѣтахся на земли и слезы проливах, мнящи, яко сама поручница ми стоит и истязает мя, яко преступльши завѣты, и муку за преступление дающи. Не бых въстала от земнаго повержениа, аще бысть ключило день и нощь, дондеже сладкый онъ свѣтъ осиалъ бы и пакости отгналъ. То *уже* (...) съвѣсть мою к поручници непрестанно возводях, просящи у нея помощи, приемлющи ми бѣду. Бысть же ми помощница и покаанию поспѣшница. И тако кончах 16 лѣтъ, бѣды тмами приемлющи. Оттолѣ до днешняго дне помощница та всегда помогаеть ми».

Рече же Зосима к ней: «Да не потребовала ли еси уже пища и одежа?» Она же отвѣща: «Хлѣбы убо оны скончавши въ 16 лѣт, якоже рѣх ти, и питана бых зелиемь и былиемь и прочим, сущим в пустыни сей. Ризы же, в нихже бѣ прешла Иерданъ, раздравшеся и распадошася. Многу же бѣду от зимы и от зноя пострадах, солнцемъ *горящи* и мразомъ омерзающи и трясущися. Тѣмьже множицею, падши на земли, лежахь бездушна и недвижима, множицею съ различными напастьми и бѣдами и мысльми боряхся. И оттолѣ и до днешняго дне сила Божиа многообразнаа грѣшную мою душу и тѣло мое съблюде. Помышляющи бо токмо, от толика зла избави мя Господь, пищу неизѣдаемую имам, упование спасения моего, питаюся и покрываюся глаголомь Божиимь, съдръжащимъ всячьскаа, “не о хлѣбѣ бо едином живъ будеть человѣкъ”, [14] “зане не имяху покрова, то камениемъ ся *облекоша*”[15] елико их съвлечеся грѣховныа ризы».

Слышавъ же Зосима, яко словеса книжнаа помяну от Моисея и от Иева и от псалмовъ,[16] рече к ней: «Неси ли ся учила, госпоже моа, книгам и псалмомъ?» Она же, слышавши, осклабися и рече к нему: «Ими ми вѣру, отче, не видѣх иного человѣка отнелѣже Иерданъ преидох, токмо твое лице днесь, ни звѣрина, ни иного животнаго. Книгам же николиже учихся, ни поющаго николи же слышах, ни чтущаго. Но слово Божие живущее, то учить разуму человѣка. До здѣ конець моеа повѣсти. И нынѣ заклинаю тя въплощениемь словеси Божиа, моли за мя, блудницу, Господа ради».

Сице же рекши той и словеса докончавши, хотѣ паки *поклонитися* старцу, старець же съ слезами възъпивъ: «Благословенъ Богъ, творяи велиа страшна и дивна, славна же и неизреченна, имъже нѣсть числа! Благословенъ Богъ, показавый ми, елико даруеть боящимъся его! Воистину убо не оставилъ есть боящихся тебе, Господи!» И хотѣ паки поклонитися ей. Она же, емши старца, не дасть ему поклонитися и рече к нему: «Вся, еже слышалъ еси, отче, заклинаю тя Иисус Христомь,

Богомъ нашим, никомуже изглаголати, дондеже Богъ возмет мя от земля. Нынѣ же иди с миром, и паки же въ преидущее лѣто узриши мя. Сътвори же Господа ради, еже ти заповѣдаю: в пост придущаго лѣта не преходи Иердана, якоже обычай имате в монастыри». Дивляше же ся Зосима, слышавъ, яко и чинъ монастырьский возвѣсти ему, ничтоже ино не глаголаше, нъ точию: «Слава Богу, дающему велиа любящим его». Она же рече: «Пребуди убо, яко рекох ти, авва Зосиме, в монастыри. И хотящу ти изыти, не лѣт ти будет. Во святый же Великий четверток, тайныа вечеря, вложи в сосуд святый от животворящаго тѣла и крови Христа Бога нашего и принеси ми. И пожди мене на том полу Иердана, сущим близъ вселенныа, да, пришедши, причащуся святых таинъ. Отнелѣ же бо причастихся их въ церкви Предтечевѣ и Ерданъ преидох, то не прияхь и доселѣ священиа того и нынѣ желаю причаститися имъ. Тѣмьже молю ти ся, не ослушайся моего гласа, но принеси Божиа животворящиа тайны, в он же час *Господь* ученикы Божиа вечеря причастникы створи. Игумену же Иоанну манастыря, в немъже живеши, рци: "Внимай себѣ и стаду своему",[17] едина бо суть та и творимаа дѣла *требующа* исправлениа. Но не хощу, да речеши ему се нынѣ, но егда Господь повелить ти». Си глаголавши, старцу рекши: «Моли за мя», паки в нутрънюю пустыню иде. Зосима же, поклонився и цѣловавъ мѣсто, на немъже нози ея стояста, давъ хвалу и славу Богу, возвратися, хваля и славя Христа, Бога нашего. Прешед же пустыню, прииде в монастырь, в немже и друзии мниси возвращахуся.

В то же лѣто умолча, не смѣа никомуже изрещи, яже видѣ, в себѣ Бога моляше показати ему желаемое видѣние. Скорбяше же, *помышляя* долготу лѣта, хотя, дабы единѣмь днемь минуло все лѣто. Егда же приближися время святаго поста 1-я недѣля, по обычью *монастырьскому* <...> прочии изыдоша мниси, поюще, сего же недугъ ятъ огненый, и оста в манастыри, Помяну же Зосимъ реченое ему преподобною, яко «хотящу ти изыти и не лѣтъ ти будет». И не по мнозѣх днехъ *исцѣлѣ* от недуга. И пребысть в манастыри.

Егда же возвратишася мниси, приближи же ся вечеръ тайныа вечеря, створи же повелѣное ему и вложи в малу чашицу от святаго тѣла и крови Христа Бога нашего. Възложи же на блюдо мало смоквий и сущии от финикъ и мало ляща мочены. И иде вечеръ зѣло и седѣ на брезѣ Иердана, ждыи преподобныа. Медлящи святѣй, Зосима же воздрѣмася, но прилѣжно зря в пустыню, хотя видѣти желание свое. И глаголаше в себѣ старець: «Егда убо недостояние мое възбрани ей приити, еда ли, пришедши ей убо и не обрѣтши мене, возвратися». Сице же глаголя, воздохнувъ, прослезися и очи свои возвед на небо, моляше Бога, глаголя: «Не лиши мене, Владыко, паки видѣти еа, да не отиду тощь, своа грѣхи нося на обличение мое». Сице же съ слезами молився, во иную мысль впаде, рекъ: «Что убо будеть, аще приидеть, а корабля нѣсть, да како Иерданъ преидет и ко мнѣ, недостойному, приити? Увы мнѣ, кто мя в правду лишилъ таковаго добра?»

Сице же помышляющу старцу, и се преподобнаа жена приде, об онъ полъ Иердана ста, отнюду же идяше. Зосима же, въставъ, радуяся и веселяся, славя Бога, и еще же бѣ в нем мысль, яко не можеть Иерданъ преити. И, възрѣвъ же, видѣ ю (пресвѣтла бо бѣ нощь луною),

знамениемь крестным Иерданъ знаменавши, и верху воды легко ходящу и к нему идущу. Оному же хотящу поклонитися ей, и возбрани ему, *вопиющи*, еще на водѣ *ходящи*: «Что твориши, авва, иерѣй сы, нося тайны Божиа». Слѣзши же ей с воды, рече старцю: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвеща ей с трепетом, и ужасъ бо его приатъ о предивнем его видѣнии. И рече: «Воистину не ложь есть Богъ рекыи: “Подобитеся Богу,[18] якоже възможно есть очищающися”». И рече: «Слава тебѣ, Христе Боже, показавыи ми *рабою своею*, колико убо есмь далече от свершениа». И се рекшу ему, повелѣ ему жена глаголати: «Вѣрую въ единого Бога» и «Отче нашь». И кончани бывши молитвѣ, цѣлова ю старець въ уста. Причастивъ же ся святых тайнъ, на небо руцѣ воздѣвши, въздохнувъ, прослезися и рече: «Нынѣ отпущаеши рабу свою, Владыко, по глаголу твоему с миром, яко видѣсте очи мои спасение твое, еже еси уготовалъ пред лицем *всѣхъ людий*».[19]

И паки рече къ старцу: «Еще, авва Зосиме, и другое мое желание скончай. И иди нынѣ в манастырь свой, миром Божиим хранимь, и въ приидущее лѣто прииди в потокъ, идеже прьвѣе бесѣдовахове, прииди убо, Господа ради, прииди, и паки же узрѣши *мя*, якоже хощеть Господь». Он же отвѣща к ней: «Аще бы ми възможно въслѣд тебе ходити и зрѣти присно честнаго ти лица». Паки же рече к ней: «Послушай же единого молениа старца и мало от пища, юже принесохь ти, вкуси». И егда се изрекъ, показа ей блюдо, еже ношаше. Она же концемь прьста прикоснуся, три зерна вземши. И рекши: «Доволѣеть се благодати духовнѣй, хранящи естество душа нескверно». И паки рече къ старцу: «Моли, Господа ради, моли, и мое окаание поминай всегда». И онъ поклонися пред ногама еа. И повелѣ ей молитву творити о церкви, и о цари и себе ради. Молився съ слезами, въспять возвратися. Старець же, стеня и рыдаа, не смѣяше бо удержати неудръжаемыа. Она же, паки знаменавши Иерданъ, преиде врьху воды, якоже рече. Старець же возвратися с радостию и страхомъ одръжим, зазираа себе, скорбя же и о семъ, яко имени преподобныа не увѣдал, обаче надѣяшеся получити въ преидущее лѣто.

Лѣту же минувшю, прииде Зосима паки в пустыню по обычаю, течаше на предивное видѣние. Ходивъ же по пустыни и дошед знамениа единого ищемаго мѣста, и глядаше на десно и на шюе, яко ловець хитрый узрѣл, гдѣ бѣ сладкый ловъ. Егда же ниоткуду ничтоже не увидѣ, нача въпити и плакатися, и очи возвед на небо, моляшеся съ слезами, глаголя: «Покажи ми, Владыко, скровище некрадомое, еже в пустыни сей скрылъ еси, Господи. Покажи ми, молюся, плотнаго ангела, емуже не бѣ достоинъ всь миръ». И сице плача, моляся, доиде мѣста поточнаго и, ставъ на брезѣ, видѣвъ на въсточнѣй странѣ преподобную мертву, и руцѣ, яко подобаше, связанѣ, на въстокъ лицем зрящу. Он же, текъ, слезами божествѣнеи нозѣ еа умы, не смѣаше телеси ея прикоснутися.

Плакав же ся долго и псалмы испѣвъ, подобныа времени тому, и створи молитву погребалную. И рече к собѣ: «Подобает ли убо тѣло сея преподобныа погрести, егда убо се не угодно *ей* будеть?». И сице глаголя, видѣвъ возглавие ея написано на земли сице: «Погреби, авва Зосиме, тѣло убогиа Мариа на сем мѣстѣ, вдай же прьсть персти, за мя

же Господа ради молися. — Умерши же ей мѣсяца марта по-египетьскы, римски же априль въ 1,[20] в самую ту нощь спасеныа муки, причащениа Божиа тайны вечеря». Сия убо писаниа прочетъ старець, первие убо помышляше, кто есть писавыи се. Она бо рече, яко не вѣдяше книгь. Обаче радъ бысть, яко имя преподобныа увѣдавъ. Разумѣ бо, яко егда на Иерданѣ пречистых тайнъ причастися, единем часомъ претече толикъ путь, абие къ Господу отиде.

Славяше Бога старець и омочаа слезами землю же и тѣло и рече: «Убогый Зосиме! Время есть уже повелѣное скончати, но како створиши копание, в руцѣ не имѣа ничтоже». И се рекъ и видѣ древце мало, близъ повержено. И вземь е, нача копати им. Суха же бывши земля, не слушаше старца, трудящася и копаше потяся, не могый что створити. Въздохнувъ велми от сердца и возрѣвъ, видѣ лва велика, предстояща близъ телеси преподобныа Мариа и нозѣ ея лижуща. И трепетенъ бысть Зосима, бояся звѣри. Паче же укрѣпися, помянувь рекшу преподобную, яко николиже звѣри видила есмь. Знамениемъ крестным знаменася Зосима, вѣру ятъ, яко невредимъ будеть от него силою лежащея. Левъ же начатъ радоватися старцу, точию образом не целуя старца. Зосима же рече ко лву: «О звѣрю! Понеже великаа сия повелѣ ми погрести тѣло свое, азъ бо старъ есмь, не могу копати, не имам бо мотыкы, и зѣло далече есть и не могу обратитися по ню, но створи ты копание нокты своими, и дадѣвѣ земли тѣло преподобныа». Абие же левъ, слово слышавъ, преднима ногама ископа ровъ, елико доволно тѣло преподобныа покрыти.

Погребе же ю старець, слезами омочивъ тѣло ея и много молився ей за вся молитися, и покры тѣло еа землею, наго суще, ничтоже иного имуща, но точию ону ризу раздраную, юже поврьже Зосима. И тогда отидоста оба: левъ же убо в пустыню, яко овча, идяше, Зосима же в манастырь възвратися, благословя и хваля Христа, Бога нашего. И, пришед в манастырь, всѣмь мнихом исповѣда, яже видѣ и яже слыша от нея, и ничтоже от них не утаи. Дивиша же ся мниси, слышаще величиа Божиа и съ страхом и любовию творяще память преподобныа Мариа. Иоанъ же игуменъ обрете в манастыри *едина* дѣла, требующи исправлениа, яже бѣ рекла преподобнаа. Умре же Зосима в том манастыри мало не ста лѣтъ.

Осташа же мниси на том мѣстѣ, без сего же писаниа, сиа словеса глаголюща ползы ради слышащим. Аз же без писаниа прияхь и написавъ предахь, и недовѣдый, аще инѣи написали суть житие преподобныа и выше мене вѣдуще, яже о таковыхь, на умъ мой приидоша, обаче якоже възмогох, тако и написавъ. Богъ, творяи велиа чюдеса и дая великиа дары прибѣгающим к нему, да дасть мзду чтущим а и послушающим, и повелѣвшему написати повѣсть сию, да сподобить я части достойныа сея блаженныа Мариа, о нейже повѣсть си есть, съ всѣми угодившими ему от вѣка видѣниемь и дѣлы. Дадимь же убо и мы славу Богу, царю вѣчному, да и нас сподобить милость обрѣсти в день Судный. О Христѣ и Спасѣ, о Господѣ нашем, емуже подобает всяка слава, честь и покланянье.

---

[1] *Тайну цареву добро ... преславно есть.* — Тов. 12, 7. В этой библейской книге, в частности, рассказывается, как ангел исцеляет от слепоты праведника Товию.

[2] *... въспоминаа муку раба оного ... не створившаго.* — Имеется в виду евангельская притча о нерадивом рабе (Мф. 25, 14—30), зарывшем в землю отданный ему господином на сохранение талант (крупная денежно-весовая единица), тогда как два других раба пустили сокровище в оборот и получили прибыль.

[3] *... еже пѣти присно.* — Речь идет об одной из монашеских добродетелей — непрестанном распевании псалмов.

[4] *... якоже Авраамъ из дому отца своего ...* — В Библии (Быт. 12, 1) говорится, что Бог повелел праотцу Аврааму покинуть вместе со своим родом Харран и переселиться в землю Ханаан.

[5] *Господь — просвѣщение мое ...от кого ся устрашу.* — Пс. 26, 1.

[6] *... праздьньство цвѣтное пришло есть церкви.* — Цветное (Вербное) воскресение — воскресный день за неделю до Пасхи.

[7] *... да обрящю милость въ день Судный.* — 1 Иоан. 4, 17.

[8] *... на Воздвижение святаго честнаго креста ...* — один из двунадесятых праздников, отмечаемый 14 сентября, в память об обретении (около 325 г.) Еленой — матерью Константина Великого, креста, на котором был распят Христос. В Иерусалимском храме находилась реликвия — часть этого креста.

[9] *... не хощет бо смерти грѣшьником ... обращениа моего.* — Ср. Иез. 33, 11.

[10] *... да призовет грѣшникы в покаание ...* — Ср. Мф. 9, 13.

[11] *... егоже ради кровъ свою ... дасть.* — Ср. Ефес. 1, 7—8.

[12] *... на немже обручение исписано бысть рукописание...* — Текст неясен. В переводе с греческого С. В. Поляковой: «прихожу туда, где скрепила свое обязательство».

[13] *... удалихся бѣгающи ... душа и буря ...* — Ср. Пс. 54, 8—9.

[14] *... не о хлѣбѣ ... будешь человѣкъ ...* — Мф. 4, 4.

[15] *... зане не имяху покрова ... ся облекоша...* — Ср. Иов 24, 7—8.

[16] *... от Моисея и от Иева и от псалмовъ...* — Зосима поражен, что Мария в своей речи цитирует Пятикнижие Моисея, библейскую книгу Иова и Псалтирь.

[17] *Внимай себѣ и стаду своему ...* — Деян. 20, 28.

[18] *... Подобитеся Богу ...* — Ср. Ефес. 5, 1.

[19] *Нынѣ отпущаеши рабу ... пред лицем (всѣхъ людий).* — Ср. Лк. 2, 29—31. Слова в скобках добавлены по Евангелию XII в.

[20] *...мѣсяца марта по-египетскы ... априль въ 1...* — В некоторых списках в соответствии с греческим текстом читается название месяца по коптскому календарю — «фармуфа». В Византии же применялся юлианский (римский) календарь.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА АПРЕЛЯ В 1 ДЕНЬ.

ЖИТИЕ ПРЕПОДОБНОЙ МАТЕРИ НАШЕЙ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ, НАПИСАННОЕ СОФРОНИЕМ, АРХИЕПИСКОПОМ ИЕРУСАЛИМСКИМ

«Тайну цареву следует хранить, а дела Божии возвещать — это славы достойно». Вот так сказал ангел Товиту после славного прозрения ослепших очей его. Не хранить тайн царевых — пагубно и коварно, а умалчивать о преславных делах Божьих — значит беду приносить душе. Поэтому и я боюсь умолчать о делах Божьих, помня о муках раба того, который получил от господина талант и в землю его зарыл, а дохода от него не получил. Святой рассказ этот слышал я и никак не могу его скрыть. И пусть никто из вас не станет мне не верить, услышав написанное здесь, не подумает, что я возгордился словами этими, поражаясь чуду этому великому. Не стану же я лгать о святых. Если же найдутся такие, кто прочтет эти книги и, возвышенным словам их удивляясь, не захочет им поверить, то пусть смилуется над такими Господь: таковые ведь, думая, что немощен человек, неправдоподобным считают то, что говорим мы о людях. Но уже пора мне начать повествование о вещи предивной, случившейся во времена наши.

Был старец в одном из палестинских монастырей, житием своим и речами украшен и с самого раннего возраста — монашескими обычаями и деяниями и священным саном облечен. Зосимой именовался тот старец. И пусть не подумает кто-либо, что то был Зосима-еретик: этот Зосима был правоверный, всякий пост соблюдал и благие дела творил, и все заповеданное хранил. Никогда не отступал от того, чему учили святые слова, и вставая и ложась, занимаясь каким-либо делом, и пищу вкушая, если можно назвать пищей то, чем он питался, одно лишь дело творил не умолкая — постоянно пел <псалмы>.

С младенческих лет отдан он был в монастырь и 50 лет пробыл в нем. Вот так живя в монастыре, помыслил он, говоря сам себе: «Есть ли монах на свете, могущий явить мне образец жития, которого я не достиг? Может ли муж отыскаться в пустыне лучше меня?» И когда размышлял так старец, предстал перед ним ангел Господень и сказал ему: «О Зосима! Велико подвижничество твое среди людей, но никто же не совершенен. Так узнай же, сколько есть иных способов спасения. Выйди из земли <этой>, как Авраам из дома отца своего, и пойди в монастырь, расположенный на Иордане».

Старец же тотчас покинул монастырь свой и пошел вслед возвестившему. Пришел он, ведомый волей Божьей, в Иорданский монастырь. Постучал в ворота, и поведали игумену. И, войдя, поклонился Зосима по обычаю монашескому. Спросил его игумен: «Откуда ты, брат, и зачем к нам, нищим, пришел?» Отвечал же Зосима: «Откуда пришел — не спрашивай меня, ибо пришел я пользы ради. Слышал я о деяниях ваших великих и достохвальных, способных приводить души к Христу, Богу нашему». Сказал ему игумен: «Один Бог, брат мой, исцеляет человеческий род. Пусть он научит и тебя и нас и наставит тебя на полезные дела». И когда сказал так игумен Зосиме, поклонился Зосима и, помолившись, произнес: «Аминь!» И остался в монастыре.

Видел Зосима старцев, деяниями и делами сияющих, пение их было непрестанно, и все ночи простаивали они на молитве, и в руках их всегда было дело, и псалмы в устах их, а пустых разговоров у них не бывало, заботились же они о том, чтобы мертва была плоть их. Пищей же им служили слова божественные, тело же питали хлебом и водою. Видя это, удивлялся Зосима и следовал им в подвижничестве.

Когда прошло немало времени, приблизились дни святого поста. Ворота монастыря были затворены и не отворялись никогда: безлюдно было то место и труднодоступно и неизвестно простым людям. Был же такой обычай принят в монастыре, ради которого Бог и привел сюда Зосиму. В первую неделю поста служил священник святую литургию, и все причащались святых тайн пречистого тела и крови Господа нашего Иисуса Христа и еды мало вкушали. Потом же, собравшись в церкви, вознося молитвы и преклонив колени, целовали друг друга и игумена и после молитвы открывали ворота монастырские, стройно распевая псалом: «Господь — свет мой и спаситель мой, кого мне бояться? Господь — защитник жизни моей, кого устрашусь?», и далее псалом тот распевая, выходили все, одного или двух братьев оставив, чтобы охраняли они монастырь. Не было в нем ничего, на что покусились бы воры, но не должна церковь оставаться без службы. Каждый из них брал с собою пищу, какую хотел: один — немного хлеба, другой же — немного инжира, иной же — финики, другие же — чечевицу, размоченную в воде, а другие — вообще ничего не несли, только тело свое и рубище, на нем одетое. И когда тело их требовало, то питались былием и травою, росшей в пустыне. И переходили они Иордан и расходились в разные стороны, и не знали друг о друге, как кто из них постится и как подвизается. И если кто видел друга своего, к нему

направляющегося, то сворачивал в сторону, и каждый пребывал сам по себе, беспрестанно славословя Богу.

Так проводили они весь пост, в монастырь же возвращались в воскресение, предшествовавшее воскресению Христову, в день, в который празднество Цветное наступает в церкви. Возвращались с плодами подвига своего и осознавая каждый, что совершил он. И никто никого не расспрашивал, как он потрудился. Так было уставлено в монастыре том.

Тогда и Зосима по обычаю монастырскому пришел на Иордан, взяв с собою немного пищи для удовлетворения нужды телесной, и установленную службу совершал, бредя через пустыню. И ел по необходимости, когда тело того требовало, и спал мало, лежа на земле. Чуть свет снова вставал и продолжал свой путь, надеясь, углубившись в пустыню, обрести там хотя бы одного <святого> отца, живущего в ней и постящегося.

И все усиливалось его желание. Когда пробродил он уже восемь дней, остановился он как-то в шестом часу дня и, обратившись на восток, творил обычную молитву. Ежечасно прерывая свой путь ненадолго и отдыхая, пел он <псалмы> и клал поклоны. И когда так стоял и пел, увидел справа от себя словно бы тень, напоминающую человека. Сперва Зосима испугался, думая, что это видение бесовское. И затрепетал, и осенил себя крестным знамением, и, преодолев страх, перестал бояться. Уже кончал он свою молитву, когда, обратившись лицом на юг, поднял взор и увидел, что идет кто-то, нагой и черный с виду от солнечного загара, волосы же на голове его были белы, словно шерсть, и коротки, так что едва достигали шеи. Увидев это, Зосима обрадовался дивному тому видению и направился в ту сторону, где двигалось виденое им, и радовался радостью великой, ибо не видел во все те дни ни человека, ни птицы, ни зверя, ни гада.

Когда же и тот увидел издали Зосиму, то пустился бежать, удаляясь в глубь пустыни. Зосима же, словно забыв свою старость и усталость от пути, поспешал, желая догнать убегающее. Тот же убегал, а этот преследовал. Быстро шел Зосима, но еще быстрее убегавший. И когда приблизился к нему Зосима настолько, что можно уже было расслышать голос, то начал кричать, со слезами обращая к нему такие слова: «Зачем от меня, старца грешного, убегаешь, раб истинного Бога, ради которого в пустыне этой живешь? Подожди меня, грешного, и недостойного, и немощного. Даруй мне, старцу, твою молитву и благословение, как и я, ради Бога, не отторгаю от себя никого и никогда». В то время, когда Зосима говорил так со слезами, идя и говоря при этом, оказались они у русла сухого потока, — не знаю, тек ли поток тот когда-либо.

Когда же дошел до того места убегавший, то поспешно спустился до противоположного склона <русла>, Зосима же, устав, не в силах был больше идти и остановился на другой стороне ложбины и смешал со слезами слезы и рыдание с рыданием. Тогда тело убегавшее возопило громко и сказало ему: «Авва Зосима, не могу, обернувшись, предстать

перед лицом твоим: ибо я женщина, нагая и босая, как видишь, и срам тела моего не покрыт. Но все же, если хочешь одарить жену грешную молитвой, то брось мне одеяние, которое носишь, чтобы прикрыла я свою немощь женскую, и тогда обернусь к тебе и молитву приму от тебя». Тогда затрепетал телом Зосима и ужаснулся разумом, услышав, что назвали его по имени, и сказал сам себе: «Она меня по имени не назвала бы, если бы не была прозорлива». И сделал тотчас же, о чем просила его, сняв ризу ветхую и драную, что носил на себе, бросил ей и отвернул лицо свое от нее. Она же, взяв ризу, обернула ею тело и прикрыла с обеих сторон то, что подобало скрыть более, чем другие части тела.

Повернулась она к Зосиме и сказала ему: «Что тебе вздумалось, авва Зосима, повидать грешную жену и чему хочешь у нее научиться, что не поленился такие трудности перенести?» Он же, преклонив колени свои, просил, как подобает, благословения. Так же и она поклонилась ему, и лежали оба на земле, прося благословения друг у друга. И ничего не было слышно произносимого ими, кроме: «Благослови меня». И когда так прошло немало времени, сказала она Зосиме: «Тебе более, чем мне, подобает молитву творить. Ты ведь священническим саном почтен, ты ведь алтарю Божьему многие годы предстоишь и многократно святые дары Господу приносишь». Эти слова привели Зосиму в еще больший страх, и вострепетал старец и покрылся потом, и застонал, и голос его стал прерываться. Обратился он к ней едва слышным голосом: «О мать духовная! Так как ты к Богу более меня приблизилась и в большей мере умертвила себя для всего мирского, то и проявляется тебе дарованный дар: меня по имени зовешь и священником называешь, хотя никогда не видела. Поэтому лучше ты сама благослови меня Господа ради и даруй молитву мне, нуждающемуся в твоей помощи».

Уступив просьбе его, отвечала она старцу: «Благословен Бог, желающий спасения рода человеческого». Зосима же ответствовал: «Аминь». И поднялись оба с земли. Она же спросила старца: «Чего ради ко мне, грешнице, пришел ты, человек Божий? Почему захотел увидеть женщину нагую, всякой добродетели лишенную? Однако благодать Святого Духа наставила тебя, чтобы оказал ты мне одну услугу, на пользу телу моему. Скажи же мне, отче, как христиане живут теперь? Как цари? Как церковь?» Зосима же отвечал, говоря: «Молитвами вашими святыми мир совершенный даровал Бог. И приступи к молитве, старица, и помолись за весь мир Господа ради и за меня грешного, да не останется бесплодным мое хождение по пустыне». Она же ответила ему: «Тебе достойно, авва Зосима, имеющему священнический чин, за мир и за всех молиться, ибо это и поручено тебе. Однако велено нам других слушаться, и сотворю то, что велишь ты».

И сказав так, повернулась она к востоку и, глаза возведя к небу и руки воздев, начала шептать. Слов ее нельзя было разобрать. Поэтому Зосима ничего из той молитвы не уразумел, стоял, как сказал я, трепеща и в землю глядя и ни слова не произнося. Клялся Богом, говоря: «Когда наблюдал я за ней, творящей долгую молитву, то, немного приподнявшись от поклона своего, увидел, что стоит она на воздухе приблизительно на локоть от земли». Тогда же, видев это,

Зосима еще более испугался и пал на землю, и покрылся испариной, и ничего не говорил, кроме как: «Господи, помилуй!» Лежа на земле, старец терзаем был сомнением: «А что если приведение это и молитвой искушает меня?» И обернулась к нему женщина, и подняла его с земли и сказала: «Почему, авва Зосима, сомнения одолевают тебя — не привидение ли я? Нет молю тебя, блаженный, пусть будет, человек, известно тебе, что я женщина грешная и крещением ограждена, а не привидение, и есть я земля, и пыль, и прах, все во мне плотское, никогда не мыслю о духовном». И сказав это, осенила крестным знамением и лоб, и глаза, и уста, и грудь, говоря так: «Авва Зосима! Да избавит нас Бог от дьявола, от поношений его, ибо постоянно боремся мы с ним».

Слыша это и видя, упал старец к ногам ее, говоря со слезами: «Заклинаю тебя Христом Богом нашим, родившимся от Девы, во имя которого наготу эту переносишь. Не скрой от меня жития своего, но обо всем поведай мне, чтобы всем стало явным величие Бога. Расскажн мне обо всем, Бога ради. Не похвальбы ради расскажи, а чтобы поведать мне, грешному и недостойному. Верую я Богу моему, с именем которого живешь ты, что того ради и надоумил меня прийти в пустыню эту, чтобы было явлено все о тебе. И нет никакой возможности нашей немощи спорить с предначертаниями Божьими. Если бы Христос наш не пожелал, чтобы узнали о тебе и о подвиге твоем, то и тебя бы не показал и меня не подвигнул бы на такой путь, никогда не хотевшего и не могшего выйти из кельи своей».

И многое другое говорил Зосима, и ответила женщина ему: «Стыжусь я, отец, о постыдных делах моих рассказать. Но раз уже ты наготу тела моего видел, то обнажу перед тобой и дела мои, чтобы ты понял, какой стыд я испытываю и какого срама исполнена душа моя. Не похвальбы ради, как сказал ты, но и сама того не желая, расскажу я о своей жизни. Была я сосудом, избранным дьяволом. Знай же, если я начну рассказывать тебе о жизни своей, то захочешь ты бежать от меня, как бегут от гадюки, ибо невозможно слышать ушам, какое непотребство я творила. Однако говорю, ни о чем не умалчивая, заклиная тебя прежде всего непрестанно молиться за меня, чтобы обрела я милость в день Судный». Когда же старец стал настойчиво со слезами упрашивать ее, начала она рассказ, так говоря.

«Я, господин, рождена была в Египте, и когда были еще живы мои родители и было мне 12 лет, то пренебрегла я их любовью и ушла от них в Александрию. И с тех пор как девичество свое осквернила, стала я безудержно и ненасытно предаваться любодеянию. Стыдно мне вспоминать об этом бесчестии и рассказывать, но так как сейчас поведаю тебе, узнаешь ты о невоздержанности плоти моей. 17 лет и более я так поступала, всем безотказно тело свое предлагая и платы за это не беря. Такова истинная правда. А хотевшим меня одарить — возбраняла. Так придумала я поступать, чтобы многие приходили ко мне задаром и удовлетворяли похоть и вожделение мое. Не подумай, что я была богатой и потому не брала платы: жила я в нищете, хотя немало льна пряла, и была неудержима в своем желании всегда

пребывать в грязи и считала жизнью то, что постоянно ублажала вожделение телесное.

Так я и жила и увидела как-то в пору жатвы множество мужчин — ливийцев и египтян, — направляющихся к морю. Спросила я одного из встретившихся мне и сказала ему: “Куда так спешат эти люди идущие?” Он же ответил: “В Иерусалим, на <праздник> Воздвижения святого честного креста, который скоро настанет”. Сказала я ему: “Возьмут ли меня с собою, если вдруг я поеду с ними?” Он же отвечал: “Если есть у тебя деньги на проезд и еда, то никто тебе не воспрепятствует”. Я же сказала ему: “По правде говоря, брат мой, ни денег, ни еды не имею, однако пойду и взойду с ними на корабль, и будут кормить меня, сами того не желая, ибо тело свое отдам им в уплату”. Захотела я, отче, поехать более всего потому, что рассчитывала найти многих усладителей телу моему. Сказала же тебе, отче Зосима, не принуждай меня рассказывать о позоре моем: ведь знает Господь, что сама ужасаюсь, оскверняя тебя и воздух своими словами».

Зосима же, слезами орошая землю, отвечал ей: «Говори, Господа ради, мать моя, говори и не прерывай свой полезный рассказ». Она же к сказанному ранее добавила следующее. «Тот же юноша, услышав бесстыжие слова мои, засмеялся и отошел. Я же, бросив прялку, которую изредка носила с собой, поспешила к морю, куда шел и юноша. И увидела стоящих на берегу моря десять или более молодых мужчин. Я же обрадовалась, увидев, что они развязны с виду и речами и подойдут для удовлетворения моей похоти. Другие же уже на корабль взошли. И по своему обычаю я, подбежав к ним, сказала: “Возьмите меня с собой туда, куда вы идете. Не окажусь я вам бесполезной”, и еще многие слова им сказала, так что всех заставила рассмеяться. Они же, видя мое бесстыдство, взяли меня с собой, ввели на свой корабль, и оттуда начали мы плавание.

Как же я тебе, отче, остальное расскажу? Какой язык произнесет кли какое ухо способно слышать о творимых мною грязных делах в пути и на корабле: даже когда и не хотели они, заставляла я их предаваться бесстыдным делам любострастным, о которых и можно и нельзя говорить, в которых была я наставница окаянным своим телом. И теперь — поверь мне, отче, — удивляюсь, как стерпело море любодеяние мое, как не разверзла земля пасть свою и живой не свела меня в ад, меня, совратившую столько душ. Но думаю, что на покаяние мое надеялся Бог, не желает ведь он смерти грешникам, но долго и терпеливо ожидает моего обращения к себе.

Так вот с усердием добрались мы до Иерусалима. И сколько дней оставалось до праздника, столько дней я творила свои дела, и еще того хуже. И оказалось мне недостаточно бывших со мной на корабле и в пути, но и других многих горожан и приезжих привлекла к себе и осквернила.

Когда же приблизился светлый праздник Воздвижения честного креста, я, как и прежде, шлялась, уловляя души юных. И увидела рано утром, что все идут в церковь. Пошла и я вместе с идущими. И пришла с

ними и вошла в церковный притвор. И когда настал час святого воздвижения <креста>, сказала я сама себе: “Если меня и оттолкнут, то постараюсь — а ну как войду с народом”. Когда же подошла я к дверям церкви, в которой покоится животворящее древо, то с усилием и в отчаянии попыталась я, окаянная, войти в нее. Но едва вступила я на порог дверей церковных, как все беспрепятственно входили внутрь, меня же останавливала некая Божия сила, не давая мне войти: и снова попыталась войти и была далеко отринута от дверей. Одна осталась я стоять в притворе, думая, что все это из-за моей женской слабости. И снова, смешавшись с другими, пробивалась я, работая локтями. Но бесплодно было мое старание: снова, когда несчастная моя нога коснулась порога, всех приняла церковь, никому вход не возбраняя, меня же не приняла. Словно множество воинов было приставлено вход собой заслонить, так и мне препятствовала некая сила Божия, и снова очутилась я в притворе.

Вот так трижды или четырежды мучилась я и старалась, и поэтому, не в силах ни пробиться, ни сносить толчки, отошла и стала в углу паперти церковной. И когда поняла я, что мешает мне увидеть животворящий крест, сновидение снизошло на очи сердца моего, показывая мне, что грязь поступков моих препятствует мне войти. И начала я плакать, и рыдать, и бить себя в грудь, и вздыхать из глубины сердца, проливая слезы. Плача на том месте, где стояла, взглянула я перед собой и увидела икону пречистой Богородицы, и обратилась к ней: “Дева Владычица, родившая во плоти Бога Слова, знаю я, что не подобает и непристойно мне, скверной и блуднице, взирать на честную икону твою, Приснодевы, ибо душа и тело мое нечистые и скверные. И по заслугам мне, блуднице, быть ненавидимой и мерзкой перед честной твоей иконой. Но, однако (так как слышала я, что Бог принял облик человеческий того ради, чтобы «призвать грешников к покаянию»), помоги мне одинокой, не имеющей никакой помощи: повели, чтобы было мне разрешено войти в церковь, не запрети мне увидеть древо, на котором был распят во плоти Бог, “отдавший кровь свою за мое избавление”. Сделай так, Владычица, чтобы открылись передо мной двери для поклонения святому кресту. И будь ты за меня надежной поручителъницей перед рожденным из тебя в том, что уже никогда плоти моей не оскверню плотской скверной. Но когда увижу древо креста Сына твоего, отрекусь от мира этого и тотчас уйду, куда наставишь меня пойти, став поручительницей моей”.

И когда сказала я это, то, словно бы некую весть получив, ощутила, как разгорается во мне вера, и с надеждой на милосердную Богородицу шагнула с места того, на котором стояла, молясь. И направилась снова в церковь, смешавшись с входящими, и уже не было никого, кто оттолкнул бы меня, никого, кто бы помешал мне войти в церковь. Охватил меня трепет и ужас, и поклонилась я, вся дрожа. Потом дошла я до дверей, прежде для меня закрытых, и без труда вошла внутрь. И сподобилась увидеть честной животворящий крест и познала тайну Божию и то, как готов Он принять кающегося, упала на землю и поцеловала святое древо, и вышла, ибо хотела быть подле поручительницы моей.

Пришла я на то место, на котором клятва моя как бы была запечатлена, и, колени преклонив перед иконой пресвятой Богородицы девы, обратилась к ней с такими словами: “Ты, Богородица Владычица, благословенная госпожа моя! Твое ко мне человеколюбие в том, что не показались тебе отвратительными мольбы мои, недостойной. Увидела я воистину твою славу, не презрела меня, блудницу. Слава Богу, через тебя принимающего покаяние грешных! О чем еще могу я, грешница, подумать, о чем сказать? Настало уже время, Владычица, свершить мне обещанное и поручение твое принять. И теперь повели мне и напутствуй меня. С этих пор будь мне наставницей к спасению, ведя на путь спасения”. Едва произнесла я эти слова, как услышала голос, доносящийся издали: “Если Иордан перейдешь, то обретешь полный покой”. Я же, тот глас услышав и поверив, что ко мне обращен был тот глас, заплакала, запричитала и возопила к Богородице: “Госпожа Богородица, не оставь меня!”

И так, рыдая, вышла из притвора церковного и быстро пошла. Увидел меня, идущую, некто и подал мне три медяка, сказав: “Возьми, мать моя!” Я же, взяв их, купила три хлебца и спросила продававшего хлеб: “Человек, скажи, где дорога на Иордан?” Узнав дорогу в ту сторону, вышла <из города> и быстро пошла по дороге, плача, и в пути провела весь день. Был уже второй час дня, когда увидела крест и уже на заходе солнца дошла до церкви святого Иоанна Крестителя близ Иордана. И поклонившись церкви, спустилась к Иордану и, омыв лицо и руки святой водой, причастилась пречистых и животворящих тайн в церкви Предтечи, и съела половинку хлебца, и испила воды из Иордана, и ту ночь проспала на земле. Наутра же, найдя ладью, переехала на другой берег Иордана и снова помолилась Богородице-наставнице: “Научи меня, Госпожа, как тебе самой будет угодно”. И пошла в эту пустыню. И с тех пор и до сегодняшнего дня “удалилась, скитаясь в этой пустыне, надеясь на Бога, спасающего меня от волнений душевных и бурь, меня, обратившуюся к нему”».

Сказал же ей Зосима: «Сколько же лет прошло с тех пор, как ты в пустыню эту пришла?» Она же отвечала: «Думаю, что 47 лет минуло, как вышла я из Святого города». Спросил Зосима ее: «Что же нашла и что находишь в пищу себе, о госпожа моя?» Она же отвечала: «Два с половиной хлебца принесла я с той стороны Иордана, которые понемногу зачерствели и высохли, и понемногу вкушала от них, находясь здесь многие годы». Сказал же Зосима: «Как же не болея пробыла ты столько лет, никаких невзгод не испытав от внезапной перемены жизни своей?» Она же отвечала: «Меня теперъ спрашиваешь ты, отче Зосима, но если я вспомню о всех тех напастях, которые перенесла, и мыслях, которые ввергали меня в соблазны, то боюсь, что снова ими же осквернена буду». Сказал Зосима: «Госпожа моя! Ничего не утаи, молю тебя, ничего не скрой от меня, и раз уж начала, то обо всем и поведай».

Она же сказала ему: «Поверь мне, авва Зосима, 16 лет пробыла я в этой пустыне, словно со зверями лютыми борясь со своими помыслами. Когда стала эту пищу употреблять, то хотелось мне мяса и рыбы, как бывало в Египте. Хотелось мне вина, любимого мною, много ведь пила

вина, когда жила в миру. Здесь же и воды не могла напиться и приходила в ярость, не в силах терпеть лишения. Одолевали меня страстные желания петь разгульные песни — влекло меня к песням бесовским, к которым привыкла в миру. Но затем, прослезившись, в порыве благочестия била себя в грудь и вспоминала обеты, которые дала, входя в эту пустыню, и мысли, с которыми обращалась к иконе святой Богородицы, поручительницы моей. И жаловалась ей и молила ее отогнать от меня помыслы, иссушившие окаянную мою душу. Когда же я долго плакала и в рвении била себя в грудь, тогда вдруг виделся мне повсюду свет, меня озаряющий, и бурю сменяла тишина великая. И как тебе, авва, расскажу о помышлениях моих, побуждавших меня к любодеянию? Огонь разгорался в моем окаянном сердце и всю меня распалял и порождал во мне плотские желания. Но едва такие мысли приходили ко мне, тут же бросалась я на землю и заливалась слезами, думая, что сама поручительница моя стоит рядом и истязает меня за то, что преступила я обеты, и за проступок этот обрекает на страдания. И не вставала бы я с земли, если бы пришлось, и день и ночь, пока не озарял меня блаженный свет и отгонял все мерзости. И постоянно душу свою перед поручительницей моей очищала, прося у нее помощи в постигшей меня беде. Была же она моей помощницей и побуждала меня к покаянию. И так провела я 16 лет, претерпевая бесчисленные беды. С тех пор и доныне помощница та всегда помогает мне».

Сказал же ей Зосима: «А не нуждалась ли ты в пище и одежде?» Она же отвечала: «Когда хлебцы те кончились за 16 лет, как уже говорила я тебе, питалась я растениями и травами, и прочим, что находила в пустыне этой. Одеяния мои, в которых я перешла Иордан, изодрались и истлели. Многие тяготы претерпела я от холода и от зноя, солнцем опаляема и в морозы замерзая и дрожа. Поэтому не раз, упав на землю, лежала я, бесчувственная и неподвижная, многократно борясь с различными напастями, бедами и помыслами. И с тех пор и до нынешнего дня сила Божья разными путями хранила грешную душу мою и мое тело. И только думаю я: от какого зла избавил меня Господь, ибо имею я пищу неистощимую, надежду на спасение мое, питаюсь и одеваюсь словом Божьим, все в себе содержащим, ибо “не хлебом же единым жив будет человек”, и “если не имею покрова, то камнем оденусь”, ибо совлекла с себя греховные одежды».

Услышав, что употребляет она слова книжные — от Моисея, от Иова и от псалмов, — спросил ее Зосима: «Не училась ли ты, госпожа моя, грамоте и псалмам?» Она же, услышав это, улыбнулась и отвечала ему: «Поверь мне, отче, не видела я ни одного человека, с тех пор как перешла Иордан, только твое лицо вижу сегодня, не видела ни зверя, ни какого-либо живого существа. Грамоте же никогда я не училась, и не слышала никогда ни поющего, ни читающего. Но слово Божье живое наставляет человека уму-разуму. На этом я и окончу свой рассказ. И теперь заклинаю тебя воплощением слова Божьего: молись за меня, блудницу, Господа ради».

Когда сказала она так и речь свою закончила, хотела снова поклониться старцу, но старец со слезами возопил: «Благословен Бог, творящий великое, и страшное, и дивное, славное и несказуемое, чему

нет числа! Благословен Бог, показавший мне, сколько дарует он боящимся его! Поистине, Господи, не оставляешь ты, боящихся тебя!» И хотел снова ей поклониться. Она же, ухватив старца, не дала ему поклониться и сказала: «Все, о чем слышал ты, отче, заклинаю тебя Иисусом Христом, Богом нашим, никому не рассказывать до тех пор, пока Бог не возьмет меня от земли. Ныне же иди с миром и на следующий год снова увидишь меня. Сделай же, Господа ради, то, о чем тебя попрошу: в пост будущего года не переходи через Иордан, как это в обычае вашего монастыря». Удивился Зосима, что сказала она ему об уставлении монастырском, но ничего другого не произнес, только: «Слава Богу, многое дающему любящим его». Она же продолжала: «Оставайся же, как сказала я тебе, отец Зосима, в монастыре. И когда захочешь ты из него выйти, то не сможешь этого сделать. В святой же Великий четверг, в день тайной вечери, вложи в святой сосуд от животворящего тела и крови Христа, Бога нашего, и принеси мне. И подожди меня на том берегу Иордана, который ближе к селениям, чтобы могла я прийти и причаститься святых таинств. С тех пор как причастилась в церкви Предтечи и перешла Иордан, доселе я не приобщалась и теперь хочу причаститься. Поэтому прошу тебя, не ослушайся слов моих, а принеси от Божьей животворящей тайны в тот час, когда Господь учеников Божьих на вечере причастниками сотворил. Иоанну же, игумену монастыря, в котором ты подвизаешься, скажи: “Следи за собой и стадом своим”: в совершаемых вами делах есть и такие, что требуют исправления. Но не хочу, чтобы ты сказал ему об этом сейчас, но лишь когда повелит Господь». Сказав это, старцу промолвив: «Молись за меня», она снова удалилась в глубь пустыни. Зосима поклонился и поцеловал то место, на котором стояли ноги ее, воздал хвалу и славу Богу и возвратился, хваля и прославляя Христа, Бога нашего. Пройдя через пустыню, пришел он в монастырь в тот же день, когда возвращались и другие монахи.

В этом году он обо всем умолчал, не смея никому рассказать о том, что видел, и в душе молил Бога еще раз показать ему желанное. Печалился он и тяготился продолжительностью года, желая, чтобы минул он как один день. Когда же настало время первой недели Великого поста и по обычаю монастырскому все прочие монахи вышли <из монастыря> с песнопениями, слег Зосима в горячке и остался в монастыре. Вспомнил он, что сказала ему преподобная: «Захочешь ты выйти и невозможно тебе будет». И через несколько дней выздоровел от недуга. И пребывал в монастыре.

Когда же возвратились монахи, и настал день тайной вечери, сделал Зосима, что было повелено ему — положил в небольшую чашку святого тела и крови Христа, Бога нашего. Положил на блюдо немного инжира и фиников и немного чечевицы моченой. И поздним вечером пошел и уселся на берегу Иордана, ожидая преподобную. Но святой все не было; Зосима же подремывал, однако пристально вглядывался в сторону пустыни, мечтая увидеть желаемое. И сказал сам себе старец: «А что если прегрешения мои препятствуют ей прийти, или же пришла она и, меня не найдя, возвратилась?» Говорил он так, вздыхая, и прослезился, и, глаза свои возведя на небо, молил Бога со словами: «Не лиши меня, Владыка, <возможности> снова увидеть ее, чтобы не ушел я отсюда ни

с чем, укоряя себя за свои прегрешения». Пока он так молился со слезами, другая мысль пришла ему на ум, и сказал он себе: «Что же будет, если придет она, а ладьи не окажется, чтобы переплыть Иордан и прийти ко мне, недостойному? Увы мне, кто же меня и вправду лишил такого блага?»

Так размышлял старец, но вот преподобная жена пришла и остановилась на том берегу Иордана, откуда пришла. Зосима же встал, радуясь, и веселясь, и славя Бога, но его не оставляла мысль, что не сможет она Иордан перейти. И, взглянув, увидел <была очень светлая лунная ночь>, что она, осенив Иордан крестным знамением, легко пошла по верху воды и приблизилась к нему. Когда же Зосима собрался поклониться ей, запретила ему, еще когда шла по воде, воскликнув: «Что творишь, авва, ведь ты иерей, носящий святые дары!» Сойдя с воды, сказала она старцу: «Благослови, отче, благослови!» Он же отвечал ей с трепетом, и ужас охватил его от увиденного им чуда. И сказал он: «Поистине правду возвестил Бог, говоря: “Уподобитесь Богу, очищаясь <от греха> как только возможно”». И добавил: «Слава тебе, Христе Боже, показавшему мне на примере своей рабы, насколько я далек от совершенства». И когда сказал он так, велела женщина ему читать «Верую в единого Бога...» и «Отче наш». И после молитвы, поцеловал ее старец в уста. Причастившись святых тайн и к небу руки воздев, вздохнула она и сказала: «Ныне отпускаешь рабу свою, Владыка, по словам своим с миром, ибо видели глаза мои спасение твое, которое ты уготовал пред лицом всех людей».

И снова обратилась к старцу: «Еще, авва Зосима, и другое мое желание исполни. Иди сейчас в монастырь свой с миром, Богом хранимый, а на следующий год приходи на тот поток, где прежде с тобой беседовали, приди же, Господа ради, приди и снова увидишь меня, как хочет того Господь». Он же отвечал ей: «Если было бы возможно мне вслед за тобой ходить и постоянно видеть честное твое лицо!» И снова обратился к ней: «Исполни одну просьбу старца и вкуси немного пищи, которую я принес тебе». И, сказав это, показал ей принесенное блюдо. Она же концом пальца прикоснулась и взяла три зерна <чечевицы>. И сказала: «Достаточно этого для благодати духовной, которая хранит чистое естество души», И снова сказала старцу: «Молись за меня, Господа ради, молись и всегда вспоминай о греховности моей». Он же поклонился ей до земли. И попросил ее помолиться о церкви, и о царе, и о себе самом. Помолившись со слезами, она возвратилась назад. Старец же стенал и рыдал, но не смел удерживать неудержимую. Она же, снова осенив знамением Иордан, перешла его по верху воды, как уже говорилось. Старец же возвратился с радостью и страхом одержим, коря себя и печалясь о том, что не узнал имени преподобной, но надеялся узнать его на следующий год.

Когда же минул год, пришел Зосима снова в пустыню, как было в обычае, и поспешил увидеть предивное. Бродя по пустыне, увидел он приметы того самого разыскиваемого им места, и стал озираться направо и налево, словно искусный охотник, ищущий, где бы уловить желаемую добычу. Когда же нигде ничего не увидел, то начал причитать и плакать, и глаза возвел к небу, молясь со слезами и говоря:

«Покажи мне, Владыка, сокровище некрадомое, которое скрыл ты, Господи, в пустыне этой. Покажи, молю тебя, ангела во плоти, которого не достоин весь мир». И так плача и молясь, дошел до того потока и стал на берегу. И увидел на восточной его стороне преподобную, лежащую мертвой, и руки ее связаны были, как подобает, и к востоку обращено было лицо. Он же, подбежав, слезами умыл божественные ее ноги, не смея и прикоснуться к ее телу.

Долго плакал он и пел псалмы, подобающие этому случаю, и сотворил молитву погребальную. И сказал сам себе: «Подобает ли тело преподобной предать погребению, вдруг как это неугодно ей будет?» И пока он так размышлял, обнаружил, что в изголовье ее было начертано на земле: «Погреби, авва Зосима, тело убогой Марии на этом месте, верни прах праху, а за меня Господа ради молись. — Умерла же она месяца марта по-египетски, а по-римски — первого апреля, в самую нощь муки Спасителя после причащения от Божьей тайной вечери». Прочитав эту запись, старец прежде всего задумался: кто же написал это? Она же говорила, что не знала грамоты. Однако обрадовался он, что узнал имя преподобной. Понял он также, что когда на Иордане причастилась она пречистых тайн, то за один час преодолела весь путь и отошла к Господу.

Прославил Бога старец и, орошая слезами землю и тело, говорил: «Несчастный Зосима! Уже настало время свершить, что повелено, но как тебе копать, не имея ничего в руках?» Сказав это, заметил он небольшой обломок деревца, валявшийся неподалеку. И, взяв его, начал копать. Но сухая земля не поддавалась трудившемуся старцу, он вспотел, копая, но ничего не мог сделать. Глубоко вздохнул он и, оглякувшись, увидел огромного льва, стоящего над телом преподобнойМарии и лижущего ее ноги. Затрепетал Зосима, испугавшись зверя. Затем, однако, успокоился, вспомнив, как говорила ему преподобная, что никогда не видела ни единого зверя. Осенив себя крестным знамением, Зосима обрел надежду, что благодаря силам, исходящим от лежащей, останется он невредим. Лев же изъявлял приязнь к старцу, только что не целуя его. Зосима тогда сказал льву: «О зверь! Так как великая эта жена велела мне похоронить тело свое, а я стар и не могу копать, ибо нет у меня мотыги и очень далеко мне за ней идти, но покопай ты когтями своими, и предадим земле тело преподобной». Лев же, услышав эти слова, передними лапами выкопал ровик, достаточный, чтобы можно было прикрыть землей тело преподобной.

Похоронил ее старец, слезами омочив тело ее, и много просил ее, чтобы она за всех молилась, и засыпал землею тело ее нагое, ничем другим не прикрытое, кроме той ризы разодранной, которую когда-то бросил ей Зосима. И тогда разошлись оба: лев в пустыню побрел словно овца, Зосима же возвратился в монастырь, славя и хваля Христа, Бога нашего. И, придя в монастырь, рассказал всей братии, что видел и что услышал от нее, ничего от них не утаив. Удивлялись монахи, слыша о величии Божьем, и со страхом и любовью поминали преподобную Марию. Иоанн же игумен обнаружил в монастыре то, что требовало

исправления, как сказала преподобная. Умер же Зосима в том монастыре едва ли не ста лет.

Оставшиеся же там монахи без записанного предания рассказывали обо всем на пользу слушающим. Я же, устный рассказ этот услышав, передал его письму и не ведаю, чтобы кто-то другой написал житие преподобной лучше, чем я, — о таковых мне не приходит на ум — однако я как смог, так и написал. Бог, творящий великие чудеса и даруя великие дары приходящим к нему, пусть ниспошлет благодеяние читающим его и слушающим и повелевшему записать повесть эту, чтобы сподобиться хотя бы части достоинств этой блаженной Марии, о которой рассказ этот, со всеми угождавшими Богу во все времена видом своим и делами. Воздадим же и мы славу Богу, царю вечному, чтобы и нас сподобил милость обрести в день судный. Христу и Спасу нашему, Господу нашему подобает вся слава, честь и поклонение.

ЧУДЕСА НИКОЛЫ МИРЛИКИЙСКОГО

Подготовка текста и комментарии И. И. Макеевой, перевод Л. В. Соколовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Николай Мирликийский — великий христианский святой. Его почитают католики, православные и даже мусульмане.

Культ Николая Мирликийского, пришедший на Русь после принятия христианства, получил здесь широкое распространение. В основном он был известен на севере восточнославянской территории; на юге ему соответствовал культ св. Георгия.

По народным представлениям, Никола, как обычно называли его на Руси, именно народный святой, прежде всего крестьянский, добрый угодник, защитник, «милостивый» в отличие, например, от Ильи.

Весьма торжественное празднование Николина дня бывает два раза в году: Никола зимний отмечается 6 декабря по старому стилю, в день преставления; Никола вешний — 9 мая, в день прибытия мощей святого в город Бари. Культ Николы зимнего был известен всему христианскому миру. Праздник Николы вешнего, не признанный Византией, но поддержанный Римом, был установлен на Руси в честь перенесения в 1087 г. мощей святого разбойниками-купцами из Мир в южноиталийский город Бари. Там сначала они были положены в церкви св. Евстафия, а позднее — в специально построенном во имя св. Николая соборе.

С Николиным днем в разных местах были связаны различные народные обряды и обычаи. Например, запрещение купаться до этого праздника. В Бессарабии Никола зимний — день денежных счетов и наймов; в Белоруссии на Николу вешнего происходил первый выгон лошадей в ночное; в Харьковской области 4, 5, 6 декабря, в «Николины святки», варили кутью и узвар, чтобы на будущий год был урожай плодов и ячменя. С Николой был связан и свадебный обряд; его чествовали в случаях эпидемии в деревне, он упоминается в заговорах, причем предназначенных для лечения любой болезни. Особо следует сказать о его роли покровителя мореплавателей.

О жизни Николая, архиепископа Мирликийского, известно немного. По преданию, он жил в IV в.

Существуют разные версии жития этого святого, есть по меньшей мере три варианта его биографии, один из которых сильно отличается от двух других.

По одной версии, в городе Миры в Ликии жил благородный и богатый Феофан со своей супругой Ноной. У них был единственный сын Николай, который уже с младенчества вел себя не так, как другие дети: в среду и в пятницу он только один раз вкушал материнское молоко. Мальчик во всем стремился к воздержанию. Когда он подрос, родители отдали его учиться грамоте. Николай учился очень усердно, не тратя времени на развлечения со сверстниками. Он не интересовался мирской жизнью, а все свои помыслы устремил к Богу. Он стал священником, а спустя некоторое время своим дядей, тоже Николаем, был поставлен пресвитером. И на этом посту Николай отличался мудростью, знаниями, красноречием. Дядя, видя удивительные качества своего племянника, отправляясь в Палестину, поручил ему архиерейский престол в Мирах.

Другая версия жития Николая близка к первой. Во главе одного из монастырей стоял преподобный Николай. У него родился племянник, сын Феофана и Ноны. Мальчика тоже назвали Николаем. Вскоре после появления на свет, во время купания, ребенок встал и стоял два часа. Он сосал материнское молоко только из правого соска один раз в день, а в среду и пятницу не ел вообще. В возрасте 7 лет мальчик захотел учиться. Идя на учебу, он встретил сухорукую женщину, которую исцелил. Основавший храм (монастырь) дядя Николая поставил в нем 19-летнего племянника пресвитером, когда тот закончил учиться. Николай совершил паломничество в Иерусалим. Когда он стал взрослым, исцелил множество людей.

Согласно третьей версии жития, еще в юности Николай не ел мяса и не пил вина, питался только хлебом, а в большие праздники ел овощи. Вместо жезла он носил крест, а на ногах — «плюснянки до глезну».

Николай рано оставил мирскую жизнь и день и ночь проводил в молитвах. В 14 лет он отправился странствовать и три года прожил в Кесарии. Благодаря заступничеству святого горожане отбили вражеское нашествие, а Никола тотчас после этого отправился в

Армению, где пробыл год и девять месяцев. Он крестил и учил вере местных жителей, лечил от болезней, очищал от проказы. Из Армении Никола пошел в Амполию Асирейскую (Апамию Сурьскую), где исцелил одержимую бесом девицу. Потом он пришел в город Кург (в других редакциях — Кипр). Излечив там прокаженных, святой, отвергая мирскую славу, отправился в Антиохию. Пробыв там 12 дней, он пошел в Рим к святому Петру, по дороге одержав победу над бесом. После четырехдневного пребывания в Риме Николай отправился в Египет Александрийский. В течение 5 лет он странствовал и исцелял людей. Пройдя Ассирию и нехристианские государства, он оказался в Мирах Ликийских, одном из самых больших городов Ликии. Услышавший о нем иерусалимский патриарх Макарий прибыл в Миры. Он побеседовал с Николаем и поставил его в епископы всей Ликии.

Когда святой пребывал на епископской кафедре, состоялся Никейский собор (Первый Вселенский собор состоялся в августе 325 г. в Никее. В нем принимал участие император Константин I.). Николай был его участником среди 318 святых отцов. Слушая их споры с Арием, говорившим хулу на Господа (Согласно утверждениям Ария, Бог-Сын, второе лицо почитаемой христианами Троицы, не единосущен Богу-Отцу. Поскольку Сын был рожден, он не вечен. Сторонники Ария были разгромлены и отправлены в ссылку), святой встал и ударил Ария по лицу. Святые отцы возмутились и решили лишить Николу святительского сана. Однако за него заступились Иисус Христос и Богородица. Все присутствовавшие, в том числе император Константин, были тому свидетелями.

Когда же пришел конец земной жизни святого, он обратился к Иисусу Христу с просьбой: просил милости для тех людей, которые будут призывать его в трудную минуту. Потом он упал ниц; ангелы понесли его душу на небо, а тело лежало на одре, словно солнце.

В действительности в житии, надписывавшемся как Житие Николая Мирликийского, смешиваются черты жизни этого святого с деяниями другого Николая, епископа Пинарского (г. Пинары тоже в Ликии), жившего в VI в. Это произошло еще в византийских сочинениях об этом святом.

Одна версия Жития Николая Мирликийского была написана византийским агиографом Симеоном Метафрастом в X в. На Руси ее перевод был известен в списках начиная с XV в. Вторая — в действительности является переводом Жития Николая Пинарского, появившимся уже в XI в. Его называли «иным житием». Оно существовало в двух редакциях — сокращенной и пространной. Третья версия представляет собой свод сведений, в число которых были включены и чудеса.

Чудеса, творимые святым как при жизни, так и после смерти, были неотъемлемой частью любого жития. К переводу Жития Николы Мирликийского, написанного Симеоном Метафрастом, и к «иному житию» добавлялся свой комплекс чудес. Однако они могли смешиваться между собой. В Житие Метафраста были включены чудо о

трех девицах, чудо о трех мужах (воеводах), чудо об избавлении корабля от потопа. Затем эти же чудеса были включены в «иное житие». К числу прижизненных чудес Николая Мирликийского относились следующие: чудо о трех мужах, об избиении рати поганых в Кесарии, об исцелении больных на Кипре, о хожении на Вселенский собор и др. Посмертными чудесами были избавление корабля от потопа, чудо о Дмитрии, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, о сарацине, о детище, о половчине и др. Некоторые из них, возможно, были составлены на Руси. Это чудо о ковре, о Епифании, о детище, о половчине, а также о трех иконах. Два чуда — о трех девицах и о трех мужах — известны в разных вариантах.

Чудеса Николая Мирликийского в русской письменности были известны и как отдельное произведение. Они сохранились в списках более ранних, чем Житие, а именно с XII в. Иногда они включались в различные сборники, иногда представляли собой отдельный памятник.

В Торжественнике XII в. (*РНБ*, F.п.I.46) как самостоятельное произведение были помещены 8 чудес Николы в следующем порядке: о трех мужах, о Дмитрии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре. Седьмым по порядку следования было чудо св. Николы и св. Георгия о сарацине, в связи с чем уместно вспомнить о преимущественном распространении культа Николы на севере восточнославянской территории, а на юге — св. Георгия.

Содержащийся в Торжественнике вариант чуда о трех мужах (иначе чуда о трех воеводах) соответствует тексту Метафрастова Жития Николы Мирликийского. Та же версия помещена в Макарьевских Великих Минеях Четиих (XVI в.), в сборнике *ГИМ*, Чудовское собр., № 20, XIV в.; отличная от нее — в рукописях *РГБ*, Тр.-Серг., № 749, XV в. и № 788, XVI в.

Только чудеса Николы содержит рукопись, получившая название «Сказание чудес святаго и великаго отца архиерея Божия и чудотворца Николы, бывшаго в Мирех Лукионе» (*ГИМ*, Хлуд., № 215). Она написана в конце XIII в. на новгородской территории или писцами-новгородцами. Рукопись содержит только посмертные чудеса Николы; всего их восемь. Они расположены в следующем порядке: о Дмитрии, об избавлении корабля от потопа, об Агрике и его сыне Василии, о некоем юноше, о попе Христофоре, о Петре, о ковре, об отроке. По сравнению с Торжественником XII в. в рукописи отсутствует чудо о трех мужах, но помещены чудо о ковре и чудо об отроке.

Текст чудес публикуется по древнейшему списку XII в. (Торжественник в составе сборника со Златоструем, ркп. *РНБ*, F. п. I, 46). В рукописи «Чудеса святого архиерея Христова Николы» занимают л. 66а—766. Добавления и исправления имеющихся ошибок писца в чуде о трех мужах приведены по тексту Великих Миней Четиих митрополита Макария XVI в.; для прочих чудес исправления внесены на основе рукописи XIV в. (*РГБ*, ф. 304, № 9, Сборник, л. 1556—2096).

Подробный перечень и публикации текста см.: Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI—первая пол. XIV в. Л.: Наука, 1987. С. 171—172; *Крутова М. С.* Святитель Николай Чудотворец в древнерусской письменности. М.: Мартис, 1997. Греческий текст см.: *Anrich G.* Hagios Nikolaos. Leipzig, 1913.V.1.

ОРИГИНАЛ

МѢСЯЦА ДЕКЯМБРЯ ВЪ 6 ДЬНЬ.

ЧЮДЕСА СВЯТАГО АРХИИЕРѢЯ ХРИСТОВЫ НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Бысть въ врѣмена Костянтина Великааго[1] цѣсаря мятежь въ Фригии[2] от даифалъ.[3] И възвѣщено бысть Костянтину цѣсарю о нихъ. И посла 3 воеводы съ своими вои: Непотияна, и Урса, и Еронлиона, тако нарицаеме. Си отвезъшеся от славьнааго града Костянтиня,[4] присташа въ Ликийстѣй[5] епархи,[6] въ мѣстѣ, нарицаемѣмь Андриакии;[7] сущю пристанищю Мирьсцѣй,[8] митрополии, от трии поприщь.[9]

И изидоша поглумитъся, не сущю имъ подобъну плаванию. Изидоша же от воинъ етери, хотяще трѣбования брашьну обрѣсти. Обидяху же воини; и тяжа бысть въ нарицаемѣмь Плакомата, яко и мълвѣ быти бещисльнѣй.

Слышавъ же си святый Божий Никола, епископъ и пастырь църкъви Божии, сущая ту люди убо умоль укроти, да ничьтоже зъла, ни обидъ *створять.* Абие же приде въ Андриаки. И поклонишася ему вьси. И увѣдѣвъше воеводы пришьствие святаго, и ти поклонишася ему. Въпрошении же бывъше от него, рѣша: «Мирьници есмъ и яко на брань грядемъ». И умоли я прити въ градъ и прияти от него благословление. И повелѣша воеводы вьсѣмъ мирьнымъ быти и ниединого обидѣти.

Придоша же етери от града и поклонишася, рѣша святому: «Господи, аще бы въ градѣ былъ, не быша такъ: три съмьрти без вины былы. Князь бо, мьзду възьмъ, тремь мужемъ повелѣ мечьмь умрети. И весь градъ

немало плакася, имьже не бѣ ту». И абие умоли святый воеводы и съ ними иде въ градъ.

И бывъшю ему въ нарицаемѣмь Леонтѣ, въпраша сущихъ ту о приимъшиихъ осужение. И рѣша, яко ведоша я путьмь, нарицаемѣмь Диоскоръ. Въшьдъ же въ цьркъвь Крискентия и Диоскорида, пакы въпроси, и увѣдѣвъ, яко враты хотять изити. И бывъшю ему въ вратѣхъ, въпроси о нихъ. И рѣша ему, яко идуть въ нарицаемый Виранъ, бѣ бо мѣсто то мучимыимъ.[10] И пришьдъ, обрѣтъ народъ могъ и държаща спекулатора мечь и жидуща пришьствия святому. И пришьдъ на мѣсто, обрѣте три мужа; лица имъ убросъмь завязана, и поклоньша колѣна, и простьрша выя, и жидуща своея съмьрти. Святый же Никола, приимъ мечь от спекулатора, повьрже и´ на земли. Онѣхъ же, раздрѣшь от узъ, приведе въ градъ. И пришьдъ въ княжь дворъ, разби врата.

Абие же слышавъ от спекулатора, Еустафий князь, текъ, изиде поклонитъся ему. Тоже святый Никола отврати лице свое, глаголя: «Прѣступьниче Божий и кръвопииче! Како дьрзнулъ еси на мое лице прити, таково и толико створь! Не имамъ тебе пощадѣти. Се бо възвѣщю цѣсарю Костянтину о нихъже, еси створилъ и како строиши епархию». Князь же Еустафий, поклонь колѣнѣ свои, и рече: «Никакоже не прогнѣвайся на мя, господи, нъ увѣжь истину, яко азъ нѣсмь повиньнъ, нъ старѣишинѣ града Евдокий и Симонидъ». Увѣдѣвъ же, яко дъвѣ сътѣ литръ[11] злата възятъ да я’ погубить, и умоленъ бывъ святый от воеводъ отдасть ему грѣхъ, невѣрьно сътворь еже о нихъ лъжею съдѣяния.

Воеводы же, съ святыимь *обѣдовавше*, молиша и´ да имъ молитву сторить. И приимъше благословление, отвезошася отътуду.

И присташа въ Фругии, и умириша вся мѣста противьная. И миръ многъ створьше, придоша въ славьный Костянтинь градъ. И велие сърѣтение бысть имъ от живущиихъ ту воеводъ, от цѣсаря и от князь, яко побѣду створьшемъ. И бѣша въ полатѣ цѣсаревѣ вельми похвалени.

Завида же имъ бысть от живущиихъ ту воеводъ. И намълвиша епарха Авлавия яко да убиють, давъше ему тысящю и боле седмь сътъ литръ злата да я’ погубить.

Сии тако обѣщавъ имъ, Авлавий епархъ въниде къ цѣсареви и глагола ему: «Владыко самодьржьче! Ковъ бываеть твоей държавѣ *от* хождьшиихъ въ Фругию. Увѣдѣхъ бо въ истину, яко ти убо съвѣщаша въстати на дьржаву твою, обѣщавъше посъланыимъ съ ними къняжия, и дары, и большая чьсти. Азъ же увидѣхъ и не могохъ молчати,[12] яко есть таковая неправьда. Тѣмьже, еже воля дьржавѣ твоей, то сътвори». Цѣсарь же прогнѣвавъся, яко о животѣ своемь увѣдѣвъ; абие, не истязавъ ихъ, повелѣ вести я’ въ тьмьницю.

Лѣту же минувъшю, вражьдующе и намълвиша епарха Авлавия, глаголюще ему: «Почьто я’ въвьрже въ тьмьницю и остави имъ чивотъ? Вънутрь бо суще, имуть възмощи и себѣ помощь створити». Слышавъ же епархъ, яко и вънутрь сущь себѣ помагають, абие възвѣсти цѣсарю си. Цѣсарь же услышавъ, яко и вънутрь сущь на нь ковъ творять, повелѣ въ нощи мечьмь усѣкнути я. Епархъ же слышавъ, посла къ приставьнику тьмници Илариану, глаголя яко: «Три мужа воеводы, яже имаши въ тьмьници, уготови умьрети въ нощь сию».

Капикларини же Иларионъ, слышавъ си, съ сльзами рече трьмъ мужемъ: «Страхъ мя одьржить велии, и боюся, и трепещю, яко благо бы ми да быхъ васъ не видѣлъ. Ныне же глаголю и слышю съ вами, утрѣе же от себе разлучимъся, понеже повелѣно бысть умрети вамъ. Нъ еже вы есть въ имѣнии ли злато, ли срѣбро, ли ино чьто, — емуже что хощете оставити,[13] яко въ сию нощь повелѣно вы умрети бысть».

Слышавъше же се, мужи абие растьрзаша ризы своя и власы своя обръваша, и пьрстию посыпавъше, възъпиша, плачюще и жалостьно рыдающе, глаголаху: «Чьто бо не оправьдахомъ, да тако погыбнемъ?» Непотиянъ же въ память пришьдъ, яже створи святый Никола трьмъ мужемъ, иже въ Ликии, рече плачася: «Господи Боже святаго Николы, помилуй ны! Якоже створилъ еси трьмъ мужемъ, иже въ Ликии, неправьдою осуженомъ, и съпаслъ я’ еси от съмьрти, и ныне *ны* съпаси, святый Николае, Христовъ рабе; аще и далече еси, нъ близъ да будеть ти молитва наша, и къ Богу възъпи о насъ да съпасени бывъше подобьни будемъ поклонитися твоей святыни». И си рекъшю Непотияну, тожде и трие мужи, яко единѣми усты, тако възъпиша.

Святый же Николае видимо явися цѣсарю Костянтину и рече ему: «Въстани и отпусти три мужа воеводы, яже имаши въ тьмьници, яко оклеветани быша. Аще ли ослушаешися мене, брань створю ти въ Дьрачи, и плъть твою птицамъ прѣдамь, и молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу». И рече цѣсарь: «Кто убо ты еси и како въ мою полату въниде?» И рече святый: «Азъ есмь Николае грѣшьный, сый въ Ликии и въ Мурѣхъ митрополить». И се рекъ, отиде.

И то же глаголя, явися Авлавию епарху: «Авлавие, враже несмысленый[14] умъмь, въстани и пусти три мужа, яже имаши въ тьмьници. Аще ли ослушаешися мене, молитву сътворю на тя къ великому цѣсарю Исусу Христу, и въ недугъ въпадеши, и чьрвьмъ будеши въ сънѣдение, и вьсь домъ твой погыбнеть зълѣ». И рече ему Авлавие епархъ: «Ты убо кто еси, таковая глаголеши?» То же святый рече: «Азъ есмь Николае, грѣшьный рабъ Божий, сый въ Ликии и въ Мирѣхъ митрополитъ». И си рекъ, отиде.

Въспрянувъ же, цѣсарь възъва протокурисара своего и рече ему: «Възвѣсти епарху, яже видѣхъ». Такоже и епархъ посла курсора своего, тако же съказавъ. И повелѣ цѣсарь прѣдъстати воеводамъ от тьмьнице прѣдъ лицьмь его.

И шьдъшемъ же мужемъ от тьмьнице, рече имъ: «Кыми кореньми творяще, таковы съны намъ посласте?» Они же мълчааху. Въторицею же въпрошени бывъше, Непотияномь отвѣщану бывъшю: «Владыко самодьржьче! Мы корения не вѣмъ, ни таковыихъ сътворихомъ на твою държаву. Аще ли есмъ таци, въ горьшая мукы да прѣдани будемъ».

Цѣсарь же рече имъ: «Вѣсте ли етера Николу, тако нарицаема?» Они же, слышавъше имя святаго Николы, яко единѣми усты, тако възъпиша, съ сльзами глаголюще: «Господи Боже святаго Николы, послушай насъ! И якоже съпаслъ еси три мужа, иже въ Ликии осуженыя бес правьды, и ны съпаси, умирающа бес правьды, святый Николае!» Цѣсарь же рече имъ: «Рьцѣте ми, къто сь есть Николае». Нипотиянъ же рече ему вся, елико сътвори святый Николае, и тако съпасе хотящая умрети бес правьды.

Тоже цѣсарь рече имъ: «Не азъ даю вамъ животъ, нъ егоже вы призывасте святаго Николы. У негоже, шьдъше, постризѣте главы своя». И дасть имъ съсуды цьркъвьныя и Евангелие злато съ камениемь драгыимь украшено, и посла я въ Ликию.

И постригоша главы своя, дающе нищиимъ злато много въ нарочита врѣмена. По многа же лѣта се творяху, славяще Бога, творящааго велия и дивьная чюдеса, якоже есть писано, яко «Дивьнъ Богъ въ святыихъ своихъ».[15] Тому слава и държава съ иночадыимь Сынъмь его и Прѣсвятыимь и Животворящимь Духъмь ныне и присно и въ бесконьчьныя вѣкы вѣкомъ. Аминь.

Чюдо 2 святаго и великаго отьца и архиерѣя Божия и чюдотворьца Николы, бывъшаго въ Мирѣхъ Ликиинѣ.

Господи, благослови!

Добро есть намъ Божие писание къ вамъ проповѣдати, вѣрьнии, въспомянувъше пророчьскый онъ глас, глаголющь: «Въ истину чюдьнъ Богъ и милость его въ святыихъ его, волю его вьсѣмь створи»;[16] яко и ныне въ чловѣцѣхъ быша чюдотворьца Николы, бывъшемъ въ нашихъ лѣтѣхъ.

Чловѣкъ нѣкто, живый въ Костянтини градѣ, именьмь Дьмитрий, имѣяи вѣру и надѣждю велику къ святому Николѣ. И възьмъ на прѣчистое и прѣславьное праздьньство свѣща и масло и вся, яже на потрѣбу праздьнику суть святому Николѣ, пошьдъшемъ же имъ въ кораблици от славьнааго града Костянтиня къ иному граду именьмь Анфурату,[17] бо бѣ святаго цьркы въ томь градѣ. Да тамо по вься лѣта исхожаше сь мужь вѣрьный къ святому Николѣ, творяше память святому.

Идущемъ же имъ томь дьне от *славнаго града Костянтиня*, бѣ же томь дьне тихо море. И кде бысть къ полунощи, идущемъ имъ посредѣ моря, вънезапу бѣ вѣтръ великъ въста, и съвьрху туча велика и бѣда великая, кои пърѣ раздьра наполы и въвьрже въ море.

И хотяху къ краеви плути, и вълны силны пришьдъше избиша имъ весла изд руку. И тому единому Дьмитрию дьржащю весло; и пришьдъши вълна и тому издрази и въвьрже въ море весло. И ту тако опроврати кораблиць. И ино не изиде из устъ его развѣ се: «Святый Николае, помози ми!» И тако иде на дьно моря и сѣде на дьнѣ.

О велие чюдо! Страхъ бо мя великъ одьржить, братие, о семь, еже вы хощю съказати о семь чюдесе.

Вънезапу бо ту тако обрѣтеся святый Николае и, възьмъ и’ въ тъ часъ на руку своею, изиде из моря. И посади и въ хлѣвинѣ своеи посредѣ,

заключенѣ сущи. И онъ мьняшеся на дьнѣ моря сѣдя, и великъмь гласъмь въпияаше бес прѣстани: «Святый Николае, помози ми!»

И тъ глас слышаще, сусѣди чюдяхуся, глаголюще къ себѣ: «Акы гласъ есть нашего сусѣда Дьмитрия, нъ тъ въчера бѣ отшьлъ. Да како е скоро пришьлъ? Како ли е въ градъ въшьлъ нощию, а заключенъ бысть? Поидѣмъ и видимъ въ хлѣвинѣ». И въжьгъше свѣща, видѣша хлѣвину заключену; а глас единаче исхожаше сице: «Святый Николае, помози ми!» И рекоша: «Разбиемъ ключь да видимъ, или татие или кто». И въжьгъше свѣща *многы*, разбиша ключа и вълѣзоша въ клѣть съ свѣщами. Мнозии не познаша его; приступиша же къ нему близъ и познаша и; и видѣша нагу главу и воду, текущю съ главы слану отъ моря, и от пъртъ яко рѣка течааше. И рекоша ему: «Како еси вълѣзлъ въ хлѣвину заключену? Куду ли, чьто ли тако скоро възвратилъся еси, въчера отшьдъ, а ночьсь възвратилъся еси? И чьто ли еси вьсь мокръ?» Онъ же вься та съпослушавъ, акы отъ съна възбънувъ, рече къ нимъ: «Да къде се есмь? И вы къто есте, оже мя въпрашаете?» И они отвѣщаша ему: «Мы сусѣди есмы твои, и се въ хлѣвинѣ своеи сѣдя бесѣдуеши. Да чьто се тебе дошьло?» И отвѣщавъ къ нимъ, рече: «Се тъкъмо вѣдѣ: идущемъ намъ по морю, вънезапу туча и вѣтръ великъ приде и обрати корабль на нице, и идохъ на дьно моря. И се ныне къде есмь, сьде ся обрѣлъ — не вѣдѣ». И свѣтяще свѣщю близъ его, зьряху, како течаше вода морьская съ главы ему и съ пъртъ акы рѣка. Тъгда страхъ великъ прия и ужасть вься позорующая ту.

И бывъшю дьни, ту въ градѣ дальнии сусѣди слышавъше, и вьсь градъ течаху на позоръ чюда того. И видяще, дивляхуся и славляаху *Бога*, пѣснь приносяще Спасу Богу нашему и избьранику его, творящему издрядьна и дивьна чюдеса.

Чюдо 3. Сумеонъ именьмь нѣкъто, Божий чловѣкъ, исповѣдьникъ чистъ въ чьрньцьсьтвѣ сы прѣбывая и присно моляся Богу, яко и *въ* чюдесьхъ прѣбывая, якоже и от Десяти градъ[18] прозъвася.

Имяше же въ ты дьни слугу именьмь Николу, и тъ ему работаше вьсу работу. И тъ посла и на страну Катавольску[19] на работу въ корабли. Бѣ бо море тихо вельми и бѣло. Ти же пловяху тихо и скоро, гребуще съ усьрдиемь и съ радостию; якоже и на кърмѣ убо стоя, радоваашеся и играше. Идущемъ же имъ на полудьни, вънезапу въ единомь часѣ мьрче, и бысть нощь, и не вѣдяаху, камо ити. И потомь въста вѣтръ великъ угъ съ тучею великою и съ громъмь, и вълны быша выше корабля. И бы бѣда велика, якоже и весла издрази и въвьрже въ море, и вѣтрило наполы раздьра. И от страха велика падоша ници въ корабли, и уже бо ся бяху отчаяли живота. А корабль горѣ хожаше на вълнахъ, и

они ници лежаще, кричаху и молящеся, сице глаголюще: «Святый Николае, помози ны и избави ны!»

И клячащемъ имъ въ корабли молящемся, и Николае калогеръ въсклонися, видѣти хотя моря. И узьрѣ чловѣка въ бѣлахъ ризахъ ходяща. Оле, чюдо, улучиша надѣжю и не погрѣшиша! Зьряше же Никола чьрноризьць близъ къ кораблю идуща святаго Николу великааго чюдотворьца, по морю идуща, яко по суху, очима своима явѣ, бесѣдующа сице къ *нему*, и въ корабль вълѣзуща съ радостию и глаголюща: «Въстани, брате, ничьтоже бояся, не лѣнися, ни дрѣмли, нъ иди на свою работу, имѣя радость; отселѣ съ тобою бо есмь, егоже от сърдьца призываеши, Николы от Миры суща, да се ныне слави *Бога*». И то ему рекъшю, ищезе от очию его. И от того *часа* бы *тихо* море въ мьгновении очию, ста и туча, и вѣтръ, и бы тишина *велика*. И къдеже имъ бяше ити, то тамо вѣтръ тихъ потязаше. И еже бяше дъвѣма недѣляма прѣити, то единомь не реку дьни быша, нъ *единомь* часѣ прѣидоша. И тако прославиша Бога, и тако пояху: «Чюдьнъ Богъ въ святыихъ своихъ».

Чюдо 4. Агрикъ[20] нѣкъто именьмь, живый въ странѣ *Антиохиистѣй* близъ срачинъ,[21] богатъ сы вельми и любяше вельми святаго Николы, имѣя единого сына и творя по вься лѣта память святому Николѣ, канонъ и утрьнюю и литургию; и ставяше дъвѣ тряпезѣ: първую братии Божии убогыимъ, а по литургии — сърдоболямъ и другомъ, сусѣдомъ и инѣмъ.

Бѣ же цьркы святаго от града пять попьрищь въдале на чистѣ поли. И тамо на *вся лѣта* събирахуся людие — мужи, и жены, и дѣти — на память святаго Николы.

Въ едино же лѣто на прѣславьную его память и вьсѣмъ людьмъ идущемъ на святый тъ съборъ, онъ же благовѣрьный мужь, приготовавъ свѣща, и масло, и тьмьянъ, и еже на потрѣбу на канонъ и на утрьнюю, таже пусти сына своего единочадаго именьмь Василия съ отрокы и рече: «Иди, чадо мое, къ святому и великому господину нашему и теплому заступьнику, и сътвори службьу, и канонъ, и утрьнюю, и литургию. Таже придеши на обѣдъ; азъ и мати ти, сьде оставъша да учинивѣ, еже на потрѣбу братии Божии, гостьмъ и вься, яже суть на пользу». И то слышавъ, Василий радъ бывъ и веселъ, и поклонивъся отьцю и матери, отиде къ святому Николѣ.

И дошьдъшю ему къ святому, и вечеръ и канонъ пѣвъшю, и утрьнюю поюще наполы, рано вънезапу придоша срацини и сташа около цьркъве и пояша вься люди, и оного сына Василия благовѣрьнааго оного мужа именьмь Агрика. И ведоша и въ срачины, и ту приведъше я въ островъ Критьскый. Сына же Агрикова Василия избьравъше, понеже бяше добръ и лѣпъ, даша и´ кънязу сорочиньскому Амирѣ.[22] Видѣвъ же и´ Амира вельми красьна, въздрадовася и рече: «Сь уноша рода велика есть былъ. Достоинъ есть да будеть прѣдъ лицьмь моимь». А другыя продаша, а другыя же въ тьмьници затвориша.

Родителя же Василиева, отьць и мати, слышавъша бѣду бывъшую и великую печаль, многъ плачь бы и велико рыдание въ дому ихъ. И въ печали за дъвѣ лѣтѣ святому Николѣ не сътвориста памяти, ни свѣщь, ни масла пустиста; нъ паче *егда* память святому придяше, то поминающа чадо свое, въ свѣщь мѣсто и масла сльзы многы, и рыдание, и кричание пущаста.

Чьто ли реку, любъвьници? Къто ли можеть та вься исповѣдати, или къто я можеть утѣшити? Или къто можеть стенания или въздыхания матерьня издрещи, яже стенаше и въздыхаше от сьрдьца, или огньныихъ сльзъ отьчь, тързание же власъ матере, тако бяше положила на земли, якоже и на мнозѣ вълнѣ сѣдяше, а глаголющи: «Сыну мой драгый иночадый, да бихъ тебе не породила, ни познала! Како тебе не узьру съ дѣтьми, иже ти суть были съвьрстьници? Како ли тебе не прихващю рукама своима или усты своими цѣлую или по пути или по двору ходяща тя? Добрѣе ми бы да тя быхъ видѣла на одрѣ лежаща въ болѣзни, да тя быхъ подъвигнула, и положила, и послужила, неже бы да въпалъ въ скверьньнѣи руцѣ. Или от Бога да *пришелъ* ангелъ, таже душю твою приялъ, то съ радостию ти быхъ тѣло твое съкутала, а моя чрѣсла и сьрдьце не бы ся ръвало, — абы въ чюжю землю не заведенъ!»

Събираху же ся къ нима от инѣхъ градъ и от вьсии ближикы и друзи, и увѣщавахуся, и чюдяхуся вънезапу бывъшю полону. И бывъше въ радости мѣсто плачь, и въ пѣнии мѣсто на святаго Николы дьнь рыдание въ нихъ и сѣтование. И тако я утѣшающе, глаголааху. «Чьто естьчюдьнѣе святаго Николы или сильнѣе? Разумѣйте въ чюдесьхъ его, колико створи: из дьна моря чловѣкы избавивъ, и от меча избави, и ис тьмьниця, и егда хотяше посѣщи три оны мужа безъ грѣха. И съ вечера нощию цѣсарь Костянтинъ възъва епарха и рече: “Утро изведи три муже ты ис тьмьницѣ посѣци”. Тъгда слышавъ епархъ отъ цѣсаря, пусти къ мужемъ тѣмъ тако и рече: “Покайтеся нощь су да будете готови; утро бо, ми реклъ цѣсарь, еже усвьнеть, тоже вы хощю посѣщи”. И то слышавъше, ти мужи начаша плакати, глаголюще и Бога моляще: “Святый Николае, помози ны, избави ны горькыя сея съмьрти!” И той нощи полунощи явися святый Николае цѣсарю Костянтину въ полатѣ и глагола: “Аще не пустиши мужь тѣхъ, то пожьгу домъ твой и тебе”. И то

слышавъ цѣсарь и рече къ епарху: “Приведи мужа ты”. И приведоша я, и рече имъ: “Знаете ли Николу от Миры?” Они же рекоша: “Знаемъ, господинъ бо то нашь и митрополитъ”. И рече имъ цѣсарь: “Идѣте, Богъ вы и святый Николае прощаеть”. И одаривъ я, пусти домови. И въставъше, идоша съ великою радостию домови, хваляще и славяще Бога и святаго Николу, избавльшаго я от горькыя съмьрти».

Та же вься слышавъ Агрикъ от сусѣдъ и от другъ своихъ, утѣшися и, въставъ, иде къ женѣ своей и рече: «Воле ты жено, е ли ныне нама польза, оже вѣ се плачевѣ дьнь и нощь третиее лѣто, и святаго забыховѣ, и не идоховѣ къ нему. Нъ ныне уже, жено, послушай мене, и съ великою вѣрою поидивѣ къ святому и да ся помоливѣ; и вѣдѣ, яко велико утѣшение прияти имавѣ, и съ надѣжею доброю и великою възвратитися; и тако имавѣ улучити, яко въ наю руцѣ въдати имать святый наю чадо или проявити нама имать: живо ли будеть тамо, въ работѣ ли, или мьртвъ». И та вься слышавъши отъ мужа своего, рада бывъши, рече къ мужеви своему: «Да възьмъша свѣща и масла доидивѣ». Бѣ бо приспѣлъ праздьникъ святаго Николы. И пакы рече къ мужеви своему: «Господи мой, поидивѣ къ святому. Ныне бо ми душа радуеться, ныне бо ангели съ земьныими чловѣкы радуються».

И въставъша идоста, и инѣхъ людии мъножьство. И створиша вечеръ канонъ святому, пѣснь мъногу пѣвъше, възвратишася домови. И *пояша* сусѣды и сьрдоболя на вечеру, и сѣдоша на тряпезѣ. *Начаша* ясти и пити, славяще Бога и святаго Николу и поминающе дѣтища своего и святаго чюдеса.

И начаша пьси *лаяти*; бяху бо пьси мнози у него, и заячии, и овьчии. Начаша прилѣжьно пьси лаяти, и рече господарь къ отрокомъ: «Видите, чьто притужають пьси, или звѣрие пришьли?» Рѣша отроци: «Нѣсть ничьтоже». Пьси же боле того притужати начаша ему. И ту рече господарь къ гостьмь: «Поидѣмъ *да видимъ* съ свѣщами, звѣрь ли е вълѣзлъ въ дворъ». И поидоша съ свѣщами многами, и видѣша чловѣка, посредѣ двора стояща въ свитахъ срациньскаахъ и въ ушьвѣ, и ужасошася. И пакы приступиша ближе къ нему съ свѣщами, зьряху отрока уна стояща и въ руцѣ дьржаща стькляницю пълну вина.

О страшьно и дивьно чюдо! От безбожьныихъ срачинъ единомь часѣ примъченъ бысть и поставлено на дворѣ отьчи посредѣ.

Отьць же его зьря стояше. Онъ же стояше, акы бълванъ, дьржя стькляницю съ винъмь и ничьтоже бесѣдоваше. Отьць же много зьрѣвъ

и чюдивъся, и хотя познати и´, страхъмь и радостию объдьржимъ, и рече великъмь гласъмь сице: «Чадо Василю, се ныне на тя зьрю, въ истину ты ли еси, сладъкый мой сынъ? Или стѣнь ми ся нына кажеть тобою?» И дѣтищь скоро отвѣща: «Азъ есмь единочадый твой сынъ Василь, егоже безбожьнии срацини полониша и ведоша въ Критъ, от твоею пазуху и от матеру оттъргъше». И та вься послушавъ, отьць простьръ руцѣ свои, нача и´ цѣловати по очима, по главѣ и по ушима, по руцѣ и вьсуду, а въпрашая: «Рьци ми, драгое мое чадо, како еси от безбожьныихъ рукъ убѣжалъ, или съ кымь, чадо мое, или съ дружиною съвѣщавъся еси прибѣглъ? Не мози, чадо мое, утаити мене, нъ повѣжь родителю *своему* бывъшая си». И сынъ нача отьцю отвѣщати: «О вьсемь семь, еже мя въпрашаеши, не вѣдѣ ничьсоже. Нъ се ныне въ Критѣ на вечери прѣстоялъ есмь князу срачиньскому, — якоже мя полониша въ Критъ, и тако мя даша князу своему, да от того дьне князь пристави мя себе чьрпати, — да ныне рече ми князь и господинъ мой: “Чрѣпли”. И чьрпавъ, и хотѣхъ ему дати въ руку стькляницю сию. Не вѣдѣ, къто мя сильнъ вънезапу похыти и стькляницю пълну сию, якоже се и еще дьржю, и постави мя сьде. И не вѣдяхъ, яко на земли ли стою. Тако бо мьняхъся, яко бо вѣтръмь носимъ бѣхъ. И ту ми приде глас, глаголя ми: “Видиши ли чьто?" И азъ въ ужасти велицѣ бывъ, видѣхъ поставляюща мя великааго Божия Николу».

То слышавъ, отьць радости великы напълнивъся о велицѣмь томь чюдѣ, и приимъ за руку сына съ великою и славьною радостию възведе и´ горѣ, и прѣда и´ матери, и рече: «Жено, вижь наю заступьника, коль велика слава его и сила? Вижь, како на скоро услыша на помощь наю и утѣши на, яко помолиховѣся. Онъ же скоро поможе *нама*, теплый заступьникъ. Вижь, жено, наю спасения скора!»

То же глаголющю Агрику къ женѣ своеи, мати прѣхватящи и´ рукама своима, облобызавъши все тѣло его, глаголющи: «Уже тя имамъ въ руку своею, чадо мое драгое! Съ Божиею помощию имамъ тя, единочадый сыну мой, утѣху души моей! Имамъ тя и дьржю тя въ руку своею ныне, егоже азъ мьняхъ въ поганьскахъ странахъ умьрша».

Тако и инако много глаголющи матери къ сыну, събьрашася сусѣди и сьрдоболя, и бы радость велика, и праздьникъ святаго дъвоици створиша къ святѣи цьркъви его. И течаху вьси чловѣци на чюдо видѣть отрока. И зьряше его, чюдяхуся и славляху Бога и святаго Николу, избраника Божия и заступьника теплаго.

Чюдо 5. Другое да вы съкажю чюдо.

Уноша бѣ нѣкъто именьмь Никола, дѣмоньскъмь *мучениемъ* объдьржимъ, лежаше мѣсяць шесть, огньмь великъмь объдьржимъ. И не та едина бяше ему бѣда, нъ и нозѣ ему бяшета ся съкърчилѣ, яко нимало не можаше ходити, ни простерети, нъ пълзаше на лядвияхъ. Просто же да реку, яко всѣми съставы не можаше гъбати. Огнь бо тъ великый *жьгыи* и удъ, глъбяше сьрдьце ему, и от пламене огньна тѣло бяше ему вьсе распалено. Неже то едино, нъ вси уди исъхли ему бяху. И врачеве же, приходяще, не можаху никоеяже пользы створити. И тако пришьдъ въ велику бѣду, яко ни врачемъ имяше чьто дати, ни самому о чемь прѣбывати.

И видѣ чловѣкы си на святаго Николы праздьньство *идуща* мъногы съ свѣщами въ цьркъвь къ святому Николѣ на канонъ. Да и онъ купи свѣщю противу убожьству своему, бѣ бо убогъ вельми, и нача ползати по земли, ити къ святому. Идущю же ему, явися прѣсвятый и великый помошьникъ Никола на пути и рече: «Къто ты еси? И откуду идеши, и къ кому идеши? Что ли трѣбуеши или что ти бѣды есть? И чьто ради ныня сиць трудъ приемлеши?» Онъ же, объдьржимъ страхъмь великъмь и отъ труда велика многапутьнаго сѣдъ на единомь мѣстѣ, исповѣда ему вьсю бѣду свою и болѣзнь. И ту рече ему явивыйся: «Аще хощеши цѣлъ быти, поиди въ слѣдъ мене». И приведе и´ святый до святыя цьркъве своея, и ту ищезе. И онъ иного не видѣ, развѣ еже поидоша чловѣци съ свѣщами въ цьркъвь на литургию. Да и оно видѣвъ въждьгъ свѣщю свою, ту же пълзати нача.

И пакы съ ними възвратися къ святуму, и ту видѣ икону. И припълза, въсѣде у нея; и ту видѣвъ образъ на иконѣ святѣй святаго Николы, позна и´, яко бѣ явилъся ему на пути, и възъпи великъмь гласъмь, глаголя: «Святый Николае, якоже ми ся еси обѣщалъ на пути и рече ми: “Аще хощеши цѣлъ быти, поиди въ цьркъвь мою”, и доселѣ самъ мя еси привелъ. И ныне помилуй мя, дължьнъ бо ми еси, ицѣли мя и отдай дългъ свой мънѣ ныне».

И та глаголавъ вься, възърѣвъ на икону святаго и видѣ пакы явѣ святаго Николу, якоже и на пути. И въскрича великъмь гласъмь и рече: «Двигнѣте мя!» И ту стоящии двигоша и´. И объимъ икону святаго Николу обѣма рукама своима, и лобызая глаголаше: «Теплый заступьниче, помилуй мя!» Начаша же ему жилы простирати и кости, и ста простъ на земли, и прѣкрьсти рукама своима тѣло свое тришьды, и помаза ся святьшмь маслъмь от святаго Николы кандила. И излѣзе иж него дѣмонъ; и исцѣлѣ, и стояше простъ. И потомь пакы приимъ святую икону, цѣловаше святаго. И бывъ съдравъ Божиею радостию и святаго Николы. И видѣвъше вьси дивьное чюдо милосьрда и чловѣколюбьца Бога, дающаго благая рабомъ своимъ молитвами святаго Николы. Славу и пѣснь да въсълемъ.

Чюдо 6. Азъ же вамъ другое чюдо да повѣдѣ, да не мозѣте лѣнитися, нъ ясно послушайте.

Попъ нѣкъто именьмь Хрьстофоръ от града Тухина[23] тако имяше обычай по вься лѣта ходити на праздьникъ святаго Николы въ градъ Муры, къде лежить святый Николае. И ту покланявъся, приходяше домови. И от святаго тѣла его миро въземля, приносяше въ домъ свой на освящение вьсему дому своему.

Въ едино же лѣто приготовися ити съ дружиною къ святуму. Идущемъ имъ къ святуму близъ, и ту я сърѣтоша аравити и, поимъше я, ведоша на свою землю. Бѣ же ихъ вьсѣхъ полонено тридесяте мужь. И ведоша я домови, поставиша я натрое: едину часть подъ мечь, а другую продати, а третиюю въ тьмьници затвориша. Попа же Хрьстофора на посѣчение отълучиша. И приведъше я на мѣсто, начаша сѣчи по единому. И доиде до попа. И ту стоя, попъ Христофоръ призываше святаго Николу, глаголя: «Избави мя от меча сего и помози ми, теплый помощьниче!»

И ту абие ста святый Николае, акы на дъсцѣ писанъ въ ризахъ прѣдъ нимь, и рече ему: «Не бойся, брате, азъ бо есмь съ тобою».

И ту пришьдъ мечьникъ, и поя попа да и´ посѣчеть. И святый въ слѣдъ идяшеть. И къде и´ доведоша до мѣста, къде сѣчаху, рече мечьникъ попу: «Поклони главу». И поклони ту. И рече святый Никола къ нему: «Не бойся». И яко хотѣ посѣщи, и ту тако святый изд рукы изя ему мечь. И ста мечьникъ, забывъся, и рече къ попу: «Къде мой мечь?» Рече попъ: «Никола ти възя». Мечьникъ рече: «Да къде е?» Попъ рече: «Отъстои у тебе». И рече мечьникъ: «Пожиди ту».

Попъ же стояше съвязанъ опакы. Святы же Никола рече къ попу: «Не бойся». Шьдъ, мечьникъ принесе другый мечь и рече попу: «Поклони главу». И хотѣ ударити. И ту простьръ руку святый Никола, изя мечь. И ражнѣвася *аравитъ* на попа и рече: «Вълхъвъ ли еси? Къде мечь?» Рече попъ: «Никола възя». И онъ пакы третий възя. И сърѣте и´ святый, исхыти изд рукы. И приде къ попу тъщь, и рече: «Повѣжь ми, кый то Никола». И рече попъ: «Иже въ Мурѣхъ Ликионѣ». Рече аравитъ: «Аще то есть, тъ великъ тъ мужь и добръ. Много бо есмь то слышалъ, еже твори добра чловѣкомъ». И раздрѣши попа и ины три мужа, имъже посѣченомъ быти съ попъмь.

И приведъ я вься четыри и прѣдъ поставль, въпрашаше попа о святѣмь, како и´ видѣлъ. И попъ съказаше ему вься та по ряду: и како ся ему являлъ, и како ему изималъ изд рукы мечь. И слышавъ то аравитинъ от попа, велми почюдивъся, рече: «Великъ Богъ крьстьяньскъ». И рече къ мужемъ: «Азъ васъ даю тому Николѣ дьньшьнии дьнь». И поимъ я’, изведе и-своея земля. И настави я’ на путь, рекъ имъ: «Идѣте къ святуму Николѣ»; бѣ бо оттуда близъ. И аравитинъ възвратися въ домъ свой, а си славяще хваляху Бога, поюще, и святаго Николы, иже я избави от горкаго меча и лютыя съмьрти.

<…>

Чюдо святаго Николы. Петръ рекомый, *в*ъ благыхъ памятьнъ чьрньцъ, от воискаго бывъ участия, ту бо бяше учетанъ в *пятѣмъ полцѣ старѣйшина*[24] Съ вои пустиша и´ срацинъ воеватъ. Сълучися, якоже и многашды *бываеть* въ чловѣцѣхъ, побѣжену *быти* от поганъ; и избьеномъ бывъшемъ, а другымъ измаиомъ. Такоже и того Петра яша. И приведъша я къ князу срациньску, показаша. И повелѣ князь пустити я въ градъ Самарѣискъ[25] предати я старѣишинѣ, иже ту въ градѣ. Того же Петра повелѣ въ твьрду тьмьницю въсадити и´, и нозѣ оковати дъвоими оковы, и уже на шию възложити, понеже бѣ воемъ староста. И бы тако повелѣние.

И ту сѣдя въ узахъ, помышляше своя прегрѣшения, еже въ житии сътвори. И рече: «Сь грѣхъ бы на мънѣ достоино и правьдно, якоже и горѣе сего достоинъ есмь, понеже сългахъ Богу пьрвое. Въ бѣдѣ бо быхъ велицѣ и молихъся святому Николѣ, и потомъ обѣщахъся, сице рекый: “Избави мя, святый Николае, да ся постригу от жены и от дѣтии къ апостолу Петру въ Римъ”.[26] Къде мя избави святый Николае, ту же азъ забыхъ и не сътворихъ, еже ся бяхъ обѣщалъ святому. Да достоинъ есмь и горьшю сего бѣду прияти. Хвалю тя, Владыко мой, и святаго Николу, аще и въ тьмници есмь ли въ оковѣхъ сѣдяи. И сътворихъ лѣто все ту, и пакы рѣхъ въ собѣ: “Азъ съвѣдѣ, святый Божий Николае, нѣсмь достоинъ николиже съпасения. Да тѣмь уже не съмѣю милости просити о избавлении. Ты же, якоже имаши обычай от печальныихъ вьсе даваи[27] и молитвы своя простираи, къ тебе бо простираю и молюся, и проповѣдника къ Нему наричю да мя избавиши от узъ сихъ, да отселѣ въ миръ не обращюся, ни въ домъ свой, ни къ женѣ своей, ни къ дѣтьмь своимъ, нъ да иду въ Римъ къ святому Петру и да ся постригу. И ту лѣта своя и животъ свой съконьчаю до съмьрти въ чьрньчьствѣ. Да елико имаши дьрзновение къ Владыцѣ, моли за мя”». Тако ино много бесѣдовавъ мужь сь. И яся алчьбѣ и молитвѣ; и сътвори недѣлю всю, не въкуся чтоже.

И коньчавъ недѣлю, явися ему теплый заступьникъ и великый Николае и рече къ нему: «Молитву твою, Петре брате, услышахъ и стенание сьрдьца твоего разумѣхъ. И чловѣколюбьца Бога за тя умолихъ о избавлении. Обаче егда тъ самъ реклъ: “Просите — и приимете, и дасться вамъ; тълцѣте и отвьрзуться вамъ”,[28] — да ся не отлучаемъ чловѣколюбия его, и еже на пользу намъ подати имать». Та же вься рекъ, святый Николае повелѣ въкусити ему брашьна, рекъ: «Въздай молитвы къ Богу». И отъиде.

И пакы явися ему въторое святый Николае, весело глядая и рече къ нему: «Азъ, брате, вѣру ими ми, яко нѣсмь почилъ, о тебе моляся благому Богу. Нъ не вѣмь, чьто мыслить милосьрдый Богъ сътворити. Азъ ти покажю молитвьника достойна и помощьника. Да вѣдѣ, иже помолиться къ Богу о тебе, тъ да сътворить хотѣния наю». *И глагола ему Петръ*: «Да кто есть, святый отьче, паче тебе молящася къ Владыцѣ, яко и вьсь миръ призываеть тя на помоць, и ты спасаеши вьсь миръ?» Отвѣща къ нему великый Николае, и рече: «Вѣси ли Семеона Правьднаго,[29] иже на руку своею Христа *приятъ*, четырми десяты дьнии вънесе на руку въ цьркъвь?» — «Вѣдѣ, святьче Божий, тъчью не знаю чловѣка, развѣ еже есмь слышалъ въ святыхъ Евангелиихъ». Ту же чловѣколюбьць Николае рече: «Да того оба моливѣ непрестаньно; мощьнъ бо есть и стоить у престола Владыкы и съ Крьстительмь Иоанъмь и святою Богородицею. Да иже тъ ся помолить, то ту тако хотѣние наю дасть». То же рекъ, святый Николае отъиде от него.

Въспрянувъ же ся, чловѣкъ сь нача молитися въ алчьбѣ къ святому Николѣ, а святый Николае моляше святаго Сумеона.

И поимъ правьдьный Сумеонъ святаго Николу, идоста къ мужю утѣшити и´ и избавити и´ от узъ и от бѣды тоя. И рече Сумеонъ: «Мужайся, брате, и въспряни». Онъ же, очима прозьрѣвъ, видѣ великаго Семеона стояща, палицю имѣя злату и дьржа и´ въ руку, въ бѣлахъ ризахъ и съ святымь Николою. И рече ему святый Семеонъ: «Ты ли еси, иже призываше дьнь и нощь?» Онъ же, одъва уста своя отвьрзе, рече: «Ей, азъ есмь оканьный и грѣшьный, святьче Божий, съгрѣшивъ мъного». И рече: «Да съхраниши ли, еже еси обѣщалъ ся пострѣщи въ чьрньчьство?» Рече мужь: «Ей, господи». И рече святый: «Не мози сългати мънѣ, яко и Николѣ». Рече мужь: «Ни, господи». Рече святый Семеонъ: «Ельма ся поручиши, излѣзи, пакости не имѣя никакояже. Аможе хощеши иди отселѣ, не бойся никогоже». Рече чловѣкъ: «Господи, како хощю ити, а нозѣ ми окованѣ и веригы на выи». И подвиже святый Семеонъ жьзлъмь златымь онѣмь, удари въ оковы и въ веригы, и сътьрошася, яко и прахъ. И излѣзъ ис тьмьниця святый Семеонъ, преда и´ Николѣ и отъиде.

И приимъ святый Николае, поимъ, веде и҆ по пути. И рече святый Николае: «Имаши ли брашьно, еже ти идущи довълно будеть?» Тъ же мужь яко не мняше, яко на явѣ есть, и рече къ святому Николѣ: «Не имамъ брашьна, ни иного ничьсоже». Рече же святый Николае къ мужю: «Се, брате, огради овоща все пълни. Вълѣзъ, напълни довълъ свой и иди по пути. Не бойся: якоже и мене не можеть видѣти <...> никтоже, такоже и тебе». Тако послушавъ мужь и вълѣзъ, набра овоща, ели хотяше, и излѣзъ, поиде по пути и съ святымь Николою.

И тако доправи мужа сего святый до Рима. И рече ему нощью святый Николае: «Брате, осе еси пришьлъ въ Римъ. Да не мози *солгати*, нъ утро рано вълѣзи въ цьркъвь святаго и върховьняго Петра. И ту тя узьрить Папа и възоветь тя. Ты же, пришьдъ къ нему, поклонися и поклони главу свою да тя пострижеть. Аще ли того не сътвориши, то пакы будеши въспять шьлъ въ Самару и, въ тьмьници сѣдя, тую же бѣду приимеши. Не мози же преступити моея заповѣди, нъ паче угодие сътвори святууму Семеону и святому Николѣ. Не помышляй же ни на домъ, ни къ женѣ, ни на дѣти, развѣ къ Богу».

Та же вься рекъ, святый Николае иде къ къде съпяше Папа и рече ему: «Възбъни и вижь!» Яко явѣ глядаше Папа святаго Николу, за руцѣ държаща мужа и глаголюща сице: «Приими чловѣка сего. Избавилъ и҆ есмь ис тьмьниця отъ Самара и от узъ великъ. Дай ему молитву и постризи и҆; а имя ти ему есть върховьняго апостола Петра. Да тако ему сътвори». И тако рекъ, святый Николае ищезе от него.

И въспрянувъ, Папа повелѣ клепати утрьнюю, бѣ бо томь дьни недѣля. И шьдъ Папа въ цьркъвь, и нача глядати по всѣмъ чловѣкомъ мужа сего, егоже ему бяше проявнлъ святы Николае да бы и҆ позналъ. И тако зря по чловѣкомъ, узьрѣ чловѣка того стояща посредѣ людии въ цьркъви. И призва и҆ къ себѣ и рече: «Петре, нѣси ли ты от земля Грьчьскы, бывъ въ срацинѣхъ въ тьмьници въ Самарии, избавленъ от святаго Николы?» Онъ же поклонися до земля Папѣ, и обличи и рече: «Ей, владыко, азъ есмь». И рече Папа: «Не мози, брате, почюдитися мене, еже тя възъвахъ именьмь твоимь, егрже николиже слышалъ есмь, ни видѣлъ, брате, ни ты мене, ни азъ тебе. Нъ святый и великый Николае ночьсь престоя и повѣдая ми, како тя ис тьмьнице изведъ *и* желѣза разбивъ, и привелъ тя сѣмо, и повелѣлъ ми тя острѣщи въ имя Божие». И тако рекъ Папа, Божию молитву въ имя Господне въдавъ, остриже и҆.

Тако святый Николае чюдотворьць намъ добрая та показа, тако, моля Владыку, съвьршяеть чюдеса. И показая вьсему миру знамения, акы отьць чада приемля: съ плавающими плаваеть, по пути ходящимъ помощьникъ, въ бѣдахъ утѣшьникъ, въ тьмьницахъ присѣтьникъ, въдовиця милуя, сирыя накърьмляя, плѣньникы избавляя, больныя ицѣляя.

От святаго Николы благости и дай ны Богъ молитвами его спастися, да сию жизнь добрѣ проводяще, и будущаго вѣка молитвами его благая улучимъ о Христе Иисусе, Господи нашемь. Емуже слава и дьржава съ Отьцьмь и Святымь Духъмь нынѣ, и присно, и въ вѣкы.

---

[1] *Константин Великий* — римский император Константин I (274—337). Учитывая годы жизни императора и некоторые другие факты, можно предположить, что это чудо, по преданию совершенное Николаем Мирликийским при жизни, произошло в 30-е гг. IV в.

[2] *Фригия* — область в Малой Азии.

[3] *...от даифалъ...* — В греческой версии ὑπὸ τῶν Ταϊφάλων. Возможно, речь идет о некоей народности или о жителях (выходцах из) какого-либо города: под названием Ταίφα был известен город в Египте.

[4] *Град Костянтин* — Константинополь, основанная Константином I в 330 г. столица Византийский империи.

[5] *Ликийский* — Ликия, область на юго-западе Малой Азии.

[6] *Уепархи* — Епархия — единица административного подразделения, а также название церковного округа.

[7] *Андриака или Андриаке* — гавань вблизи города Миры в Ликии.

[8] *Мирьский* — Миры, один из самых больших городов Ликии.

[9] *Поприще* — единица измерения пути, соответствующая греческому стадию (около 185 м).

[10] *...мучимыимъ.* — По греческой версии «ибо это было место, где наказывали». В другой редакции этого чуда (*РГБ*, ф. 304, № 788, л. 441 об.): «то же мѣсто есть осужденыхъ на съмьрть».

[11] *Литра* — мера веса, равная 327.45 г.

[12] *Азъ... молчати...* — В рукописи эта часть фразы пропущена; восстановлена на основе чтения Великих Миней Четиих. В греческой версии: «Я же, узнав это, не могу молчать...».

[13] *...оставити...* — Возможно, после этого слова должно было бы быть еще одно; ср. в греческой версии: «хотите оставить, оставляйте».

[14] *...враже несмысленый...* — В рукописи, видимо, порча. Восстановлено на основе чтения Великих Миней Четиих. В греческой версии: «повредившийся умом и душой».

[15] *Дивьнъ Богъ въ святыихъ своихъ.* — Ср. Пс. 67, 36.

[16] *Въ истину... створи...* — Ср. Пс. 30, 22 и 15, 3.

[17] *...Анфурату...* — На основе греческой версии чуда можно предположить, что это город во Фракии, северной части Греции.

[18] *...от Десяти, градъ...* — Входившие в Десятиградие города составляли своего рода союз. Девять из них находились к востоку от Иордана (Иппон, Гадара, Дион, Пелея, или Пелла, Гераза, или Гергес, Филадельфия, Рафана, или Рофон, Канафа, Дамаск), и лишь один — главный — город Скифополь — к западу от него.

[19] *...на страну Катавольску...* — Древнерусский текст соответствует греческой версии. Видимо, подразумевается некий приморский портовый город.

[20] *Агрик.* — В греческой версии ἄγροικος «живущий в деревне, деревенский», что не было именем собственным,

[21] *...въ странѣ Антиохиистѣй близъ срачинъ...* — Под названием Антиохия были известны города в Писидии и Фригии (областях в Малой Азии), Маргиане и Сирии (областях Азии). В одной из греческих версий говорится об окраинах морского побережья Мир. В публикуемом древнерусском тексте Антихиисгѣй; исправлено по рукописи XIV в.

[22] *...Амирѣ.* — В греческой версии τῷ ἀμηρᾷ, которое не было, видимо, именем собственным.

[23] *Тухина* — в других списках Митулина, что соответствует греческой версии чуда. Митулин, или Митилена — город на острове Лесбос.

[24] *...в пятѣмъ полцѣ старѣйшина* — Исправлено по рукописи XIV в.; в тексте: *въ память въ пълцѣ стар...* при этом конец последнего слова плохо читается. По всей видимости, речь идет о специальном воинском отряде, охранявшем императора и дворец.

[25] *...въ градъ Самарѣискъ...* —Достаточно неопределенное географическое наименование, уточнению которого не способствует греческая версия: Самара — город на Евфрате, Самария — город в Иудее.

[26] *...къ апостолу Петру въ Римъ.* — Апостол Петр вместе с апостолом Павлом сидел в Мамертинской тюрьме в Риме. На этом месте была создана церковь. Петр же был распят и погребен вблизи Триумфального пути в Риме.

[27] *...от печальныихъ вьсе даваи...* — В рукописи XIV в.: «о печалныхъ всѣхъ дая»; в греческой версии чуда: «брать на себя тягости тех, кто в нужде».

[28] *Просите... вамъ...* — Лк. 11, 9; Мф. 7, 7.

[29] *Симеон Праведный* — Симеон Богоприимец, благочестивый старец, живший в Иерусалиме. Он принял на свои руки младенца Иисуса, когда того по закону на сороковой день после рождения принесли в Храм. См. Лк. 2, 22—35.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ДЕКАБРЯ В 6-Й ДЕНЬ.

ЧУДЕСА СВЯТОГО АРХИЕРЕЯ ХРИСТОВА НИКОЛЫ

Господи, благослови!

Был во времена цесаря Константина Великого мятеж даифал<ов> во Фригии. И возвещено было о них цесарю Константину. И послал он трех воевод с воинами своими: Непотиана, и Урса, и Еронлиона, — так их звали. И они, отплыв от славного града Константина, пристали в Ликийской епархии, в месте, называемом Андриакия, — гавани, находившейся в трех поприщах от столичного города Миры.

И сошли они <на берег> прогуляться, ибо плавание не было для них благоприятным. Некоторые же из воинов пошли, чтобы раздобыть необходимую провизию. И обидели воины <кого-то>, и столкновение было в Плакомате, и шум был большой <из-за этого>.

Услышав об этом, Божий святой Никола, епископ и пастырь церкви Божией, умолив, успокоил находившихся там людей, дабы не сотворили они никакого зла и обиды. Вскоре же пришел он в Андриакию, и поклонились ему все. И узнали воеводы о пришествии святого и тоже

поклонились ему. А когда он спросил их, сказали: «Мы миролюбивые люди, хотя и на войну идем». И умолил он их прийти в город и принять от него благословение. И приказали воеводы всем мирными быть и ни единого не обидеть.

Между тем пришли некие <люди> из города и, поклонившись, сказали святому: «Господин, если бы ты был в городе, не случилось бы такого: три смертных приговора вынесены невинным. Ведь князь, взяв мзду, приказал убить мечом трех мужей. И весь город немало горевал, что тебя там не было». И тотчас святой умолил воевод и вместе с ними вошел в город.

И когда был в Леонте, спросил он находившихся там о принявших осуждение. И сказали они, что вели их дорогой, называемой Диоскор. Войдя же в церковь Крискентия и Диоскорида, снова спросил он и узнал, что будут выходить через городские ворота. И когда был у ворот, <вновь> спросил о них. И ответили ему, что идут в Виран, ибо это было место казни. И, придя, обнаружил он много народа и палача, держащего меч и ждущего пришествия святого. И придя на место <казни>, обнаружил он трех мужей; лица их были завязаны платками, они преклонили колени, и вытянули шеи, и ждали своей смерти. Святой же Никола, взяв меч у палача, бросил его на землю. А тех <мужей>, освободив от уз, привел в город. И придя во двор князя, разбил ворота.

Тотчас же услышав <об этом> от палача, князь Евстафий поспешно вышел поклониться ему. Тогда святой Никола отвернулся от него, говоря: «Преступник перед Богом и кровопийца! Как дерзнул ты показаться мне на глаза, столько и такого натворив! Не пощажу тебя. Возвещу цесарю Константину о том, что ты совершил и как управляешь епархией». Князь же Евстафий, преклонив колени свои, сказал: «Ничуть не прогневайся на меня, господин, но узнай правду, ибо не я виновен, а старейшины града, Евдокий и Симонид». Узнав же, что взял он двести литр злата, дабы их погубить, и умолен будучи воеводами, святой простил ему вину, объявив несправедливыми решения о них, которые <были вынесены> ложно.

Воеводы же, трапезничая со святым, молили его, да сотворит о них молитву. И, приняв благословение, отплыли оттуда.

И пристали во Фригии, и усмирили они все мятежные поселения. И, установив прочный мир, пришли в славный Константин-град. И торжественная встреча была им <устроена> живущими тут воеводами,

цесарем и князьями, как одержавшим победу. И были они в палате цесаревой весьма прославлены.

Но возникла зависть к ним у живущих тут воевод. И подговорили они старшего городского судью Авлавия <устроить так>, чтобы их убили, дав ему более 1700 литр злата, чтобы их погубить.

Пообещав им это, судья Авлавий вошел к цесарю и сказал ему: «Владыка самодержец! Злой умысел есть против Величества твоего от ходивших во Фригию. Узнал я доподлинно, что они сговорились выступить против Величества твоего, обещав посланным с ними княжеские владения, и дары, и большей чести. Я же узнал и не смог молчать, что есть такой обман. Так что, какова воля Величества твоего, то сотвори». Цесарь же разгневался, когда узнал об <угрозе> жизни своей, и тотчас, не допросив, повелел вести их в темницу.

По прошествии некоторого времени недруги <воевод> упрекнули судью Авлавия, сказав ему: «Почему ты бросил их в темницу и сохранил им жизнь? Ведь будучи заточенными, смогут они помочь себе». Судья, услышав, что и заточенными будучи, себе помогают, тотчас возвестил об этом цесарю. Цесарь же, узнав, что они и заточенными будучи, против него заговор замышляют, повелел отсечь им ночью головы мечом. Судья же, выслушав, послал к начальнику темницы Иллариону, говоря: «Трех мужей, воевод, которых содержишь в темнице, приготовь этой ночью умереть».

Начальник же темницы Иларион, услышав это, со слезами сказал трем мужам: «Страх великий меня охватывает, и боюсь, и трепещу, так что лучше бы я вас не видел. Ведь ныне говорю с вами и слушаю вас, а утром мы разлучимся, потому что назначено вам умереть. А то, что есть у вас в собственности: золото ли, или серебро, или что другое — кому что хотите оставить — <оставляйте>, потому что этой ночью назначено вам умереть».

Услышав это, мужи тут же растерзали свои одежды, и рвали на себе волосы и, посыпав их земным прахом, возопили, плача и жалостно рыдая, и говорили: «В чем мы не оправдались, чтобы так погибнуть?» Непотиан же, вспомнив, что сделал святой Никола для трех мужей в Ликии, сказал, плача: «Господи Боже святого Николы, помилуй нас! Как помог ты трем мужам, которые в Ликии, неправедно осужденным, и спас их от смерти, так и нас ныне спаси, святой Никола, Христов раб; хоть и далеко ты, но близка да будет тебе молитва наша, и к Богу

возопи о нас; да спасены будучи, сподобимся мы поклониться твоей святости». И когда сказал это Непотиан, также и трое мужей словно едиными устами так возопили.

Святой же Никола явился зримо цесарю Константину и сказал ему: «Встань и отпусти трех мужей воевод, которых содержишь в темнице, ибо оклеветаны они были. Если же ослушаешься меня, устрою тебе войну в Драчи, и тело твое птицам отдам, и обращусь с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу». И спросил цесарь: «Кто ты есть и как в мою палату вошел?» И сказал святой: «Я Никола грешный, в Ликии и в Мирах митрополит». И сказав так, ушел.

И то же <самое> сказал, явившись судье Авлавию: «Авлавий, злодей, недалекий умом, встань и отпусти трех мужей, которых содержишь в темнице. Если же ослушаешься меня, обращусь я с молитвой против тебя к великому цесарю Иисусу Христу, и впадешь в недуг, и станешь пищей червей, и весь род твой погибнет зло». И сказал ему судья Авлавий: «Ты кто есть, что такое говоришь?» То же <самое> святой сказал: «Я Никола, грешный раб Божий, в Ликии и в Мирах митрополит». И сказав это, ушел.

Очнувшись, цесарь призвал своего управляющего и сказал ему: «Возвести судье, что я видел». Так же и судья послал управляющего своего, то же <самое> сказав. И повелел цесарь предстать перед ним воеводам из темницы.

И когда пришли воеводы из темницы, сказал он им: «Какими кореньями действуя, послали вы нам такие сны?» Они же молчали. А когда второй раз их спросил, Непотиан ответил: «Владыка самодержец! Мы корения не знаем и ничего такого не совершили против твоего Величества. Если же мы такие, на горшие муки да преданы будем».

Тогда цесарь сказал им: «Знаете ли вы некоего Николу?» Они же, услышав имя святого Николы, словно едиными устами так воскликнули, говоря со слезами: «Господи Боже святого Николы, послушай нас! И как спас ты трех мужей, которые в Ликии осуждены были неправедно, так и нас спаси, осужденных несправедливо, святой Никола!» Цесарь же сказал им: «Поведайте мне, кто этот Никола». И Непотиан рассказал ему обо всем, что сотворил святой Никола и так спас готовившихся умереть безвинно.

И тогда цесарь сказал им: «Не я сохраняю вам жизнь, а святой Никола, которого вы призывали. Идите и постригитесь у него». И дал он им сосуды церковные, и Евангелие, украшенное золотом и драгоценными камнями, и послал их в Ликию.

И постриглись они там, и давали нищим много золота в памятные дни. И совершали они это многие годы, славя Бога, творящего великие и дивные чудеса, как и писано: «Дивен Бог во святых своих». Слава ему и власть с единородным его Сыном и Пресвятым и Животворящим Духом ныне и всегда и в бесконечные веки веков. Аминь.

Чудо второе святого и великого отца и архиерея Божия чудотворца Николы, жившего в Мирах Ликийских.

Господи, благослови!

Подобает нам Божие писание вам проповедовать, благоверные, вспомнив тот пророческий голос, изрекший: «Воистину чуден Бог, и милость его — в святых его, волю свою всем явил», — как и ныне людям были <явлены чудеса> чудотворца Николы, жившего в наше время.

Человек некий, именем Дмитрий, живший в Константине граде, имел веру в святого Николу и большую надежду на него. И взяв для пречистого и преславного праздника святого Николы свечи, масло и все, что необходимо для праздника, поплыл он вместе с другими на неболылом корабле от славного града Константина к иному граду, именуемому Анфурат, ибо была в том граде церковь святого. Каждый год ходил туда этот благоверный муж к святому Николе, праздновал память святому.

Когда плыли они в тот день от славного града Константина, было в тот день море тихим. Но около полуночи, когда они были уже в открытом море, внезапно поднялся сильный ветер, а сверху — дождь сильный и беда великая, которая разорвала надвое паруса и бросила их в море.

И хотели они плыть к берегу, но сильные волны, набежав, выбили у них весла из рук. И только один тот Дмитрий удержал весло; но, набежав, волна и у него тоже вырвала весло и бросила в море. И так тогда

опрокинула корабль. И ничто не вышло из уст его, кроме сего: «Святой Никола, помоги мне!» И так пошел ко дну и сел на дне моря.

О великое чудо! Сильный страх охватывает меня, братья, от того, что я хочу рассказать вам об этом чуде.

И внезапно оказался там тогда святой Никола и, тотчас взяв его на свои руки, вышел из моря. И посадил его посреди дома его, который был заперт. А он представлял себя на дне моря и громким голосом вопил беспрестанно: «Святой Никола, помоги мне!»

И слышав тот голос, соседи дивились, говоря между собой: «Голос как будто нашего соседа Дмитрия, но он вчера отплыл. И как он так скоро вернулся? И как он в город вошел ночью, ведь он заперт был? Пойдем и посмотрим в доме». И когда они зажгли свечи, увидели, что дом заперт; а голос по-прежнему слышался из него, говоря так: «Святой Никола, помоги мне!» И сказали они: «Разобьем замок и посмотрим, <кто там>: или вор, или кто <другой>». И зажгли много свечей, разбили замок и вошли в комнату со свечами. Многие не узнали его; а подошли к нему ближе и узнали его; и видели непокрытую голову и текущую с нее соленую морскую воду, и от одежды его словно река текла. И сказали ему: «Как ты вошел в запертый дом? Где? И почему так скоро возвратился: вчера отплыв, а этой ночью вернулся? И почему ты весь мокрый?» Он же, все это выслушав и словно пробудившись от сна, сказал им: «Где я нахожусь? И кто вы, что спрашиваете меня?» И они ответили ему: «Мы соседи твои, и это ты, сидя в своем доме, разговариваешь. Но что с тобой случилось?» И отвечая им, он сказал: «Вот что я только знаю: когда шли мы по морю, внезапно <начался> дождь, и поднялся сильный ветер и перевернул корабль, и пошел я ко дну. А где ныне я и как здесь оказался — не знаю». И <соседи>, поднеся к нему свечу, смотрели, как текла морская вода с головы его и с одежды, словно река. Тогда страх великий и ужас охватил там всех смотрящих.

И когда настал день, услышали здесь, в городе, дальние соседи <о случившемся>, и весь город стекался видеть это чудо. И видев, дивились и славили Бога, воспевая Спаса Бога нашего и избранника его, творящего необычайные и дивные чудеса.

Чудо третье. Некто именем Симеон, Божий человек, чистый исповедник, монашествовал и постоянно молился Богу и даже чудеса творил, так что и в Десятиградии был известен.

Был у него в то время слуга по имени Никола, и тот выполнял для него всю работу. И послал он его на работу в страну Катавольскую на корабле. Так как море было совершенно спокойно и светло, то плыли спокойно и быстро, гребя с усердием и радостью; так что и он, стоя на корме, радовался и развлекался. Когда же они плыли на юг, внезапно в один час смерклось, и стало темно, и не знали они, куда плыть. А потом поднялся сильный южный ветер с дождем и грозой, и волны были выше корабля. И была большая беда, так что и весла вырвала из рук и ввергла в море, и паруса разорвала надвое. И от великого страха упали все ниц на корабле и уже не чаяли остаться в живых. Корабль высоко ходил по волнам, а они, лежа ничком, громко плакали и молились, говоря так: «Святой Никола, помоги нам и избавь нас!»

И когда они в корабле молились, стоя на коленях, монах Николай поднялся, чтобы взглянуть на море. И увидел человека, в белых одеждах ходящего. О чудо! Обрели они надежду и не ошиблись! Увидел монах Николай ясно своими глазами подходящего к кораблю святого Николу, великого чудотворца, по морю идущего, словно посуху, обращающегося к нему, поднимающегося с радостью на корабль и так говорящего: «Встань, брат; ничего не бойся, не ленись, не дремли, но иди на свою работу с радостью, ибо отныне с тобою я, кого призываешь ты всем сердцем, Никола из Мир; славь же ныне Бога». И сказав ему это, скрылся из виду. И с того часа море было тихим, в мгновение ока прекратился и дождь, и ветер, и установилась полная тишина. А туда, куда пролегал их путь, подгонял их тихий ветер. И то, что должны были пройти за две недели, прошли — не скажу за один день, — за один час. И прославили за это Бога, так певши: «Дивен Бог во святых своих».

Чудо четвертое. Некто по имени Агрик, живший в земле Антиохийской недалеко от сарацин, был очень богат и сильно любил святого Николу, имея единственного сына и творя каждый год память святому Николе: канон, утреню, и литургию; и ставил две трапезы: первую — братии Божией, убогим, а после литургии — родственникам, друзьям, соседям и иным.

Церковь святого стояла в пяти поприщах от города, в чистом поле. И каждый год собирались там люди — мужчины, и женщины, и дети — на память святого Николы.

В один год, на преславную его память, когда шли все люди на святое то собрание, тот благоверный муж, приготовив свечи, масло, фимиам и <все другое>, необходимое для канона и утрени, послал затем с

отроками своего единственного сына Василия и сказал ему: «Иди, чадо мое, к святому и великому господину нашему и теплому заступнику и сотвори службу, и канон, и утреню, и литургию. После этого придешь на обед; я и мать твоя, оставшись здесь, устроим все, что надобно братии Божией, гостям, и все, что во благо». И слыша это, Василий рад был и весел и, поклонившись отцу и матери, пошел к святому Николе.

И когда пришел он к святому, и спели уже вечерню и канон, и уже наполовину спели утреню, на рассвете внезапно появились сарацины, окружили церковь и пленили всех людей, и <с ними> того Василия, сына того благочестивого мужа по имени Агрик. И повели его в <землю> сарацин, и привели их на остров Критский. Сына же Агрикова, Василия, избрав, потому что был хорош собой и красив, отдали князю сарацинскому Амире. Князь Амира, видя его, очень красивого, обрадовался и сказал: «Этот юноша знатного рода был. Достоин он прислуживать мне». Других же продали, а иных в темницу заключили.

Родители же Василия, отец и мать, узнали о случившейся беде и великом горе, и был у них в доме сильный плач и великое рыдание. И в печали два года не праздновали они память святого Николы и не посылали ни свечей, ни масла; и больше того, когда наступал праздник святого, то они, вспоминая чадо свое, вместо свечей и масла испускали обильные слезы, и рыдание, и громкий плач.

Что же скажу, возлюбленные? Может ли кто рассказать обо всем этом, и может ли кто их утешить? И может ли кто передать стенания и воздыхания матери, которая стенала и воздыхала всем сердцем, или горючие слезы отца, или как мать рвала на себе волосы и так покрыла ими землю, что словно на большом руне сидела и причитала: «Сыночек мой дорогой, единственный, лучше бы я не родила и не узнала тебя! Неужели не увижу тебя с детьми, которые были твоими сверстниками? Неужели не ухвачу тебя руками своими, идущего по дороге или по двору, и не поцелую губами своими? Лучше бы мне видеть тебя на постели, в болезни лежащего; я бы тебя и подняла, и положила, и ухаживала бы за тобой, и не оказался бы ты в скверных руках. Или придет пусть от Бога ангел и примет твою душу; то с радостью бы тело твое обрядила, и не надрывалось бы мое сердце и утроба; лишь бы не был ты уведен в чужую землю!»

Приходили к ним из других городов и сел родственники и друзья, и увещевали их, и удивлялись внезапному пленению. И вместо радости был плач, а вместо пения на день святого Николы — рыдание их и печаль. И так, утешая их, говорили: «Есть ли кто чудодейственнее

святого Николы или сильнее? Вспомните о чудесах его, сколько он их сотворил: со дна моря человека спас, и от меча избавил, и из темницы, и когда хотели казнить тех трех мужей невинных. Призвал тогда цесарь Константин поздно вечером судью и сказал: “Утром выведи тех трех мужей из темницы и убей”. Тогда судья, услышав это от цесаря, послал к мужам тем так сказать: “Покайтесь этой ночью, чтобы вы были готовы, потому что утром, как приказал мне цесарь, когда рассветет, тогда я должен вас убить”. Услышав это, мужи те начали плакать, причитая и моля Бога: “Святой Никола, помоги нам, избавь нас от горькой этой смерти!” И той же ночью, в полночь, явился святой Никола цесарю Константину в палате и сказал: “Если не отпустишь тех мужей, то сожгу твой дом и тебя”. И услышав это, цесарь сказал судье: “Приведи тех мужей”. И привели их, и спросил он: “Знаете ли Николу из Мир?” Они же ответили: “Знаем, ведь это господин наш и митрополит”. И сказал им цесарь: “Идите, Бог и святой Никола прощают вас”. И одарив их, отпустил домой. И встав, пошли они с огромной радостью домой, хваля и славя Бога и святого Николу, избавившего их от горькой смерти».

Услышав все это от соседей и друзей своих, Агрик утешился и, встав, пошел к жене своей и сказал: «О жена, что пользы нам в том, что плачем мы день и ночь третий год, и святого забыли, и не ходили к нему. Но ныне, жена, послушайся меня, и с великой верой пойдем к святому и помолимся; и знай, что получим великое утешение и возвратимся с большой и доброй надеждой; может так случиться, что святой прямо в наши руки передаст нам нашего сына, либо откроет нам: жив ли он там, в рабстве ли он, или умер». И она, услышав это все от мужа своего, обрадовавшись, сказала мужу своему: «Возьмем свечей и масла и пойдем». Настал же праздник святого Николы — и вновь обратилась она к мужу своему: «Господин мой, пойдем к святому. Ныне ведь душа моя радуется, ныне ведь ангелы с земными людьми радуются».

И встав, пошли они; и много других людей <шло>. И сотворили на вечерней канон святому, и, спев много песнопений, возвратилисъ домой. И собрали соседей и родственников на ужин, и сели за трапезу. И начали есть и пить, славя Бога и святого Николу, вспоминая сына своего и чудеса святого.

И начали псы лаять; их было много у него, и для охоты на зайцев, и для пастьбы овец. Начали усердно псы лаять, и хозяин сказал слугам: «Посмотрите, почему беспокоятся псы, может, волки пришли?» Ответили слуги: «Никого нет». Псы же еще сильнее начали беспокоить его. И тогда хозяин сказал гостям: «Пойдем и посмотрим со свечами, не волк ли влез во двор?» И пошли они со многими свечами, и увидели человека, стоящего посреди двора в сарацинской одежде с покрывалом

на голове, и ужаснулись. И еще ближе подошли к нему со свечами и увидели стоящего юного отрока, держащего в руке чашу, полную вина.

О страшное и дивное чудо! От безбожных сарацин в один час был он принесен и поставлен посреди отчего двора.

Отец его стоял и смотрел. А он стоял, как идол, держа чашу с вином, и ничего не говорил. Отец же долго смотрел и дивился, желая узнать его, охваченный страхом и радостью, и громко воскликнул: «Чадо <мое> Василий, на тебя ли я сейчас смотрю, на самом ли деле это ты, сладкий мой сын? Или призрак мне ныне представляется тобою?» И сын тотчас ответил: «Я это, единственный сын твой Василь, которого безбожные сарацины пленили и увели на Крит, оторвав от твоей и материнской груди». И отец, услышав все это, протянул к нему руки, начал целовать его в глаза, в голову, в уши, в руки и всюду и спрашивал: «Скажи мне, дорогое мое чадо, как убежал ты от рук безбожников, с кем, чадо мое? Со спутниками своими сговорившись, прибежал? Не утаи от меня, чадо мое, поведай родителю своему, как это было?» И стал сын отвечать отцу: «Обо всем том, о чем ты меня спрашиваешь, я ничего не знаю. Но ныне на Крите прислуживал я за ужином сарацинскому князю — ведь когда привели меня в плен на Крит, то отдали их князю, и с того дня приставил он меня к себе виночерпием — и вот ныне говорит мне князь и господин мой: “Черпай”; и я, зачерпнув, хотел дать ему в руки вот эту чашу. И не знаю я, кто, сильный, внезапно похитил меня с этой чашей полной, которую и сейчас еще держу, и поставил меня здесь. И не понимал я, на земле ли стою. Ведь мне казалось, что ветром меня носило. И тут я услышал глас, говорящий мне: “Видишь ли ты что-нибудь?” И я, охваченный ужасом великим, увидел ставившего меня <на землю> великого Божьего Николу».

Услышав это, отец преисполнился огромной радостью от великого этого чуда и, взяв сына за руку, с великой и благодарной радостью поднялся с ним наверх, и передал его матери, и сказал: «Жена, зри нашего заступника, как велика слава его и сила. Смотри, как быстро пришел он нам на помощь и утешил нас. Как только мы помолились — он тут же помог нам, теплый заступник. Смотри, жена, как скоро пришло нам спасение!»

И когда сказал Агрик это своей жене, мать обхватила сына руками своими и, облобызав все его тело, проговорила: «Наконец-то я держу тебя в руках своих, чадо мое дорогое! С Божьей помощью обрела я тебя, сын мой единственный, утеха души моей! Обрела тебя, и держу ныне в руках своих тебя, которого считала умершим в землях неверных».

<В то время как> это, так и многое другое говорила мать сыну, собрались соседи и родственники, и радость их была огромной, и второй раз отслужили праздничную службу святому в святой церкви его. И стекались все люди на чудо: видеть отрока. И видя его, удивлялись и славили Бога и святого Николу, избранника Божия и заступника теплого.

Чудо пятое. Поведаю вам еще одно чудо.

Был некий юноша, по имени Никола, демонским мучением одержим; лежал он месяцев шесть, огнем сильным одержимый. И не одна эта была у него беда, еще и ноги у него были скрючены, так что совсем не мог он ни вытянуть их, ни ходить, а ползал на ягодицах. Или проще скажу: не сгибались у него все суставы. Огонь тот сильный, жгущий его члены, терзал ему сердце, и от жара огненного все тело у него было распалено. Мало того, и все члены его иссохли. И врачи, приходя, ничем не могли ему помочь. И так попал он в большую беду, потому что уже не имел ни врачам что дать, ни самому на что жить.

И увидел он людей многих, идущих со свечами на праздник святого Николы в церковь святого Николы на канон. И он тоже купил свечу, несмотря на свою бедность, а был он очень беден, и начал по земле ползти, идти к святому. И когда он шел, явился ему на пути пресвятой и великий помощник Никола и сказал: «Кто ты? И откуда идешь и к кому идешь? Или в чем нуждаешься, или какая беда у тебя? И чего ради ныне этот труд совершаешь?» Он же, охваченный страхом великим, и от долгого трудного пути сидя <неподвижно> на одном месте, поведал ему всю беду свою и болезнь. И тогда сказал ему явившийся: «Если хочешь здоровым быть, иди вслед за мной». И привел его святой к святой церкви своей и исчез. И он <ничего> другого не видел, только то, что пошли люди со свечами в.церковь на литургию. И он, видя это, зажег свечу свою и туда же начал ползти.

И опять с ними возвратился к святому и увидел там икону. И подползши, сел около нее; и увидел там на святой иконе образ святого Николы, узнал его, что это он явился ему в пути, и громким голосом завопил, говоря: «Святой Никола, коли уж ты обещал мне в пути и сказал: “Если хочешь здоровым быть, иди в церковь мою”, и сам меня сюда привел, — то помилуй же меня ныне, ведь должен ты мне, исцели меня и отдай мне ныне свой долг».

И сказав все это, посмотрел он на икону святого и опять увидел явно святого Николу, как и в пути. И вскричал он громким голосом, и сказал: «Подвиньте меня!» И стоявшие там пододвинули его. И обнял он обеими своими руками икону святого Николы, и, целуя, сказал: «Усердный заступник, помилуй меня!» И начали расправляться у него жилы и кости, и он встал, выпрямившись, на земле, и трижды перекрестил руками своими тело свое, и помазал себя святым маслом от лампады святого Николы. И вышел из него демон; и исцелился он и стоял прямо. И потом опять, взяв святую икону, целовал святого. И был здоров благодатью Бога и святого Николы. И видели все дивное это чудо милосердца и человеколюбца Бога, дающего благо рабам своим молитвами святого Николы. Станем же воссылать ему славу и песнь.

Чудо шестое. Поведаю я вам еще одно чудо, вы же не ленитесь, а внимательно послушайте.

Поп некий, именем Христофор, из города Тухина также имел обычай каждый год ходить на праздник святого Николы в город Миры, где лежит святой Никола. И поклонившись ему там, возвращался домой. И от святого тела его взявши миро, приносил в дом свой на освящение всего дома.

В один год приготовился он идти со спутниками к святому. И когда они были уже недалеко от святого, встретили их тут арабы и, пленив, повели в свою землю. Всего же было их пленено тридцать мужей. И привели они их <к себе> домой, разделили их натрое: одну часть — под меч, другую — продать, а третью заключили в темницу. Попа же Христофора на посечение <мечом> отделили. И приведя их к месту <казни>, начали казнить по одному. И дошли до попа. И стоя там, поп Христофор призывал святого Николу, говоря: «Избавь меня от меча сего и помоги мне, усердный помощник!»

И тут вдруг предстал перед ним святой Никола в том же облачении, в котором на иконе писан, и сказал ему: «Не бойся, брат, ибо я с тобой».

И тут пришел палач и взял попа, чтобы его казнить. А святой шел за ним следом. И когда довели его до места, где казнили, палач сказал попу: «Склони голову». И он тотчас склонил. И сказал ему святой Никола: «Не бойся». И когда палач собрался отсечь ему голову, тогда святой выхватил у него меч из рук. И стал палач, недоумевая, и обратился к попу. «Где мой меч?» Поп ответил: «Никола то взял».

Палач спросил: «А где он?» Поп ответил: «Далеко от тебя». И сказал палач: «Подожди здесь».

Поп стоял, связанный сзади. Святой же Никола <опять> сказал попу: «Не бойся». Придя, палач принес другой меч и сказал попу: «Склони голову». И собирался ударить. И тут святой Никола протянул руку и взял меч. И рассердился араб на попа и спросил: «Не волхв ли ты? Где меч?» Сказал поп: «Никола взял». И он снова, третий <меч> взял. И встретил его святой, выхватил <меч> из рук. И пришел палач к попу с пустыми руками и сказал: «Поведай мне, кто этот Никола?» И сказал поп: «Который в Мирах Ликийских». Сказал араб: «Если так, то велик этот муж и добр. Ибо много я слышал о том, что творит он добро людям». И развязал попа и других трехмужей, которых должны были казнить вместе с попом.

И приведя их всех четверых и поставив пред собой, стал он расспрашивать попа о святом, — как он его видел. И поп рассказал ему все то по порядку: и как ему являлся, и как у него выхватывал из рук меч. И слыша это от попа, араб сильно удивился и сказал: «Велик Бог христианский». И обратился к мужам: «Вручаю я вас сегодня тому Николе». И взяв их с собой, вывел из своей земли. И указал им путь, сказав им: «Идите к святому Николе»; было же это недалеко оттуда. И араб возвратился в дом свой, а они, славя, восхваляли в песнопениях Бога и святого Николу, который избавил их от горького меча и лютой смерти.

<...>

Чудо святого Николы. Петр, доброй памяти монах, был некогда на воинской службе и там числился старейшиной пятого полка. Отправили его с воинами воевать против сарацин. И случилось <им>, как это часто бывает среди людей, потерпеть поражение от неверных; и <одни> убиты были, а другие пленены. Также и того Петра взяли. И приведя их к сарацинскому князю, показали <ему>. И повелел князь отправить их в город Самарию, передать старейшине этого города. Того же Петра повелел посадить в крепкую темницу, и сковать ноги ему двойными оковами, и вериги на шею возложить, ибо был он старейшиной воинов. И было исполнено повеление.

И там, сидя в оковах, <Петр> размышлял о своих прегрешениях, которые он совершил в жизни. И сказал: «Это наказание заслужено мной и справедливо, и даже горшего я достоин, потому что в прошлом

солгал Богу. В беде был я большой и молился святому Николе, и потом дал обет, так сказав: “Избавь меня, святой Никола, и я постригусь, <уйдя> от жены и детей, в <церкви> апостола Петра в Риме”. Но когда избавил меня святой Никола, тогда забыл я <свой обет> и не сделал того, что обещал святому. Поэтому достоин я и горшую беду претерпеть. Славлю, Владыка мой, тебя и святого Николу, хотя и в темнице я, и в оковах сижу. И <вот> просидел я целый год здесь и опять говорю про себя: “Я знаю, святой Божий Никола, что я совсем не достоин спасения. И поэтому уже не смею просить милости об избавлении. Ты же, поскольку имеешь обычай от горюющих все <тяготы> брать и молитвы свои <за них> возносить, — к тебе ведь я обращаюсь и молюсь, и заступником перед Богом тебя называю, — избавь меня от этих уз, да отныне не вернусь я в мир, ни в дом свой, ни к жене своей, ни к детям своим, но да пойду в Рим к святому Петру и постригусь. И там годы свои и жизнь свою проведу в монашестве до самой смерти. И если имеешь дерзновение к Владыке, молись за меня». Это и многое другое говорил сей муж. И пребывал в посте и молитве; и так провел всю неделю, ничего не вкусив.

И через неделю явился ему усердный и великий заступник Никола и сказал ему: «Услышал я молитву твою, брат Петр, и понял скорбь сердца твоего. И человеколюбца Бога умолил за тебя, о <твоем> избавлении. Ведь коли он сам сказал: “Просите — и дастся вам; стучите — и откроются вам”, — так не отлучены будем и мы человеколюбия его и того, что на пользу нам подаст». Изрекши все это, святой Никола велел ему поесть и сказал: «Вознеси молитвы к Богу». И ушел.

И опять, во второй раз явился ему святой Никола, весело глядя и говоря ему: «Я брат, — верь мне, — не передохнул, молясь о тебе благому Богу. Но не знаю, что милосердный Бог думает совершить. Я тебе покажу молитвенника достойного и помощника. И знай, если помолится он Богу за тебя, тот исполнит наши желания». И сказал ему Петр: «Но кто есть, святой отец, усерднее тебя молящийся Владыке, если и весь мир тебя призывает на помощь, и ты спасаешь весь мир?» Отвечая ему, великий Никола сказал: «Ведаешь ли ты Симеона Праведного, который на руки свои принял Христа на сороковой день и внес его на руках в церковь?» — «Ведаю, святой Божий, только не человека знаю, а лишь то, что слышал о нем из святых Евангелий». Тогда человеколюбец Никола сказал: «Да будем оба молить его непрестанно, ибо силен он, и стоит у престола Владыки вместе с Иоанном Крестителем и святою Богородицею. И если тот помолится, то тогда тем самым наши желания исполнит». Сказав это, святой Никола отошел от него.

И придя в себя, человек этот начал, постясь, молиться святому Николе, а святой Никола молил святого Симеона.

И взял праведный Симеон с собой святого Николу, и пошли они к этому человеку утешить его и избавить от оков и от беды той. И сказал Симеон: «Мужайся, брат, и проснись!» Он же, открыв глаза, увидел великого Симеона, стоящего в белых одеждах рядом со святым Николою и держащего в руке золотую палицу. И спросил его святой Симеон: «Ты ли это, который призывал меня день и ночь?» Он же, едва раскрыв уста свои, ответил: «Да, святой Божий, я это, окаянный и грешный, много согрешивший». И спросил: «Исполнишь ли ты свое обещание постричься в монахи?» Ответил муж: «Да, господин». И сказал святой: «Не солги же мне, как Николе». Ответил муж: «Нет, господин». Сказал святой Симеон: «Если обещаешь, то выходи, не имея никакого препятствия. Иди отсюда, куда хочешь, никого не бойся». И сказал человек: «Господин, как я пойду? Ведь ноги мои в оковах, и вериги на шее». Тогда поднял святой Симеон свой золотой жезл и ударил им по оковам и веригам, и рассыпались они, словно прах. И вышел из темницы святой Симеон, передал его Николе и удалился.

И принял его святой Никола, взял с собой и повел его по дороге. И сказал святой Никола: «Есть ли у тебя еда, которой тебе в пути достаточно будет?» И муж тот, даже не понимая, что это наяву, ответил святому Николе: «Нет у меня ни еды, ни чего-либо другого». И сказал святой Никола мужу тому: «Вот брат, все <эти> сады полны плодов. Войди, возьми, сколько нужно, и иди в путь. Не бойся: как меня никто не может видеть, так и тебя». Тогда, послушавшись, вошел муж <в сад>, набрал плодов, сколько хотел, и, выйдя, пошел по дороге со святым Николою.

И так довел святой мужа того до Рима. И сказал ему ночью святой Никола: «Брат, вот и пришел ты в Рим. Смотри, не солги, но рано утром войди в церковь святого и верховного <апостола> Петра. И там увидит тебя Папа и позовет тебя. Ты же, подойдя к нему, поклонись и преклони главу свою, пусть он пострижет тебя. Если же ты не сделаешь этого, то пойдешь обратно в Самарию и <там>, в темнице сидя, окажешься в той же беде. Не нарушь же мою заповедь, но большее угождение сделай святому Симеону и святому Николе. И не помышляй ни о доме, ни о жене, ни о детях, а только о Боге».

Сказав все это, святой Никола пришел туда, где спал Папа, и сказал ему: «Проснись и смотри!» Как наяву смотрел Папа на святого Николу, держащего за руку мужа и говорящего так: «Прими человека этого. Я освободил его из темницы в Самарии, от тяжких оков. Помолись о нем и постриги его; имя же ему дай верховного апостола Петра. Сделай же так». И сказав это, святой Никола исчез.

Придя в себя, Папа повелел звонить в колокола к заутрени, ибо был воскресный день. Придя же в церковь, Папа начал высматривать среди людей того мужа, которого ему явил святой Никола, чтобы узнать его. И так, оглядывая людей, увидел человека того, стоящего посреди людей в церкви. И призвал он его к себе и сказал: «Петр, не ты ли из земли греческой, <и не ты ли>, будучи у сарацин в темнице в Самарии, избавлен святым Николою?» Он же поклонился Папе до земли, и открылся, и сказал: «Да, владыка, это я». И Папа сказал: «Не удивляйся, брат, что позвал я тебя твоим именем, которого никогда не слышал; и не видел, брат, ни ты меня, ни я тебя. Но святой и великий Никола, явившись мне этой ночью и рассказав, как, выведя тебя из темницы и разбив оковы, привел тебя сюда, повелел мне постричь тебя во имя Божье». И сказав это, Папа дал ему Божью молитву во имя Господа и постриг его.

Вот так святой чудотворец Никола явил нам свою доброту, так, моля Владыку, совершает он чудеса. И являя всему миру знамения, как отец чад принимает: с плавающими плавает, путем ходящим — помощник, в бедах — утешитель, в темницах — посетитель, вдов милует, сирот кормит, пленников избавляет, больных исцеляет.

Дай Бог и нам милостью святого Николы спастись, его молитвами, чтобы, прожив достойно эту жизнь, и в будущем веке спасение получить от Иисуса Христа, Господа нашего. И да славится он и властвует с Отцом и Святым Духом и ныне, и присно, и в веках.

ЖИТИЕ АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

Подготовка текста Н. Ф. Дробленковой, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой и Л. С. Шепелевой

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие Алексия человека Божия было известно на Руси с XI в. Самый ранний текст древнерусского перевода Жития сохранился в списке XII в. в составе пергаменного сборника «Златоструй» (точнее — в составе «Торжественника», включенного в «Златоструй»). Остальные списки древнейшей редакции, текст и перевод которой публикуются, представлены более поздними рукописями, датирующимися XIV—XIX вв.

Житие посвящено христианскому подвижнику Алексию (в переводе с греч. — заступник, защищающий от несчастья, спаситель), который в юности отрекся от богатства и мирской суеты и, следуя своим убеждениям до последних дней жизни, стоически свершил подвиг добровольного нищенствования. События происходят на рубеже IV—V вв. в Риме при императорах-соправителях Гонории и Аркадии и папе Иннокентии I, а также — во владениях Римской Восточной (Византийской) империи, Каппадокии, Киликии, Осроене и в Сирии. Легенды о Божием человеке известны всем христианским литературам: древнейшая из них — сирийская (еще безымянная), сложенная в районе Эдессы «сирьской», где начинал подвижничество святой (сохранилась в списках V—VI вв.); греческая версия возникла в середине VIII в. (известна в списках X—XII вв.); в IX в. появилась латинская версия, основанная на греческой; далее появляются переводы с греческого и латинского на другие языки, в том числе и на славянские.

Как полагает в своем монографическом исследовании памятника В. П. Адрианова-Перетц (*Адрианова В. П.* Житие Алексия человека Божия в древней русской литературе и народной словесности. Пг., 1917), текст Жития пришел на Русь не прямо из Византии, а через южнославянскую письменность, тем не менее древнерусский перевод близок греческому оригиналу. (К византийской традиции восходит также и русская иконография, изображение лика святого Алексия в миниатюрах лицевых рукописей Жития).

Особую популярность Житие приобрело в царствование Алексея Михайловича, небесным патроном которого был святой; тогда была составлена Служба святому Алексию человеку Божию (издана в 1671—1674 гг.). Вторая половина XVII в. — время возникновения лучших литературных обработок Жития, появления драматических произведений на житийную тему, украинской драмы «Алексий, Божий человек» (1672—1673), «Слов» Симеона Полоцкого, Лазаря Барановича, «Поучений» Стефана Яворского, вирш. К XVII в. В. П. Адрианова-Перетц относит также и сложение духовного стиха о св. Алексии человеке Божием, органически соединившего черты книжного Жития с фольклорными, былинными традициями и до начала XX в. распространявшегося в России, Белоруссии и на Украине народными певцами-профессионалами, «каликами перехожими», сказителями-былинщиками, слепыми певцами, лирниками.

Мотивы Жития отразились не только в ряде древнерусских агиографических сочинений, но и в произведениях писателей XIX—XX вв., в частности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы».

Текст Жития Алексия человека Божия опубликован и выверен по рукописи XII в. — *РНБ*, F.п.I.46, л. 98—100, а отсутствующее в ней начало (до слов: «...яко достоин есть царства небесьнаго...») воспроизведено по списку XVI в. — *БАН*, 21.7.15, л. 31—99. Внесение в издание текста необходимых исправлений опирается на их подробное обоснование в исследовании В. П. Адриановой-Перетц (с. 457—475).

ОРИГИНАЛ

МѢСЯЦА МАРѢТА ВѢ 17 ДЕНЬ

ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВѢКА БОЖИЯ

Бѣ нѣкто человѣкъ благовѣренъ в Римѣ градѣ именем Евфимианъ, славенъ бывъ у Ануриа и Аркадия,[1] у царю римскую. Богатъ сый зѣло, имѣаше же рабъ-домочадець 300 в *свилнах* ризах и в *златых* поясѣх, не имѣаше же чада, зане подружие его неплодно бѣ.

Благовѣренъ же сый, заповѣди Божиа *творяаше*, пощаше же ся по вся дьни до 9-го часа, поставляше три трапезы въ своем дому: едину — сиротам и *вдовицам*, другую — нищимъ и *недужным*, третюю — странным и мимоходящим. Сам же въ девятый час вкушааше хлѣба своего с черноризсцѣ и мимоходыи нищими. Егда же идя в *полату*, милостыню пред собою слаше, глаголя, яко нѣсмь достоинъ по земли Божии ходити. Жена же его именем Агласиа, жена же вѣрна и боящися Бога, заповѣди творяше, молящися Богу и глаголющи: «*Помени* мя, Господи, недостойную рабу твою, и дай же ми плод чреву, да будеть ми вожь старостѣ и на утѣху душа моея!»

И помяну ю´ Богъ по добродѣанию еа, и зачят и роди сынъ. И възвеселися жена и мужь еа о Бозѣ. Егда же бысть время отрочате учитися, вдасти é на первое учение грамотѣ, и навыче всей *граматикые*, и церковную строю, и от риторикиа мало, и бысть отроча премудро зѣло. Егда же бысть женити год, рече Ефимиянъ женѣ своей: «Сътворивѣ брак сыну своему». И възвеселися жена о словесѣ мужа своего, паде на ногу его, глаголющи: «Да уставит Богъ слово твое, еже глагола, да *сътворивѣ* бракъ сыну наю възлюбленному, — и да възрадуется душа моя!»

И обручиша ему нѣвесту царьскаго роду и сътвориша ему бракъ, увязьше чертогъ, вѣнчаше а святыми священникы въ церкви Святаго Внифантиа.[2] И введше я в *чертогъ*, веселишася до нощи весь день тыи.

Влѣз же в чертогъ, сѣде на престолѣ златѣ, и взем перьстень злат, и лѣз[3] обитъ *коприною,* и дасть обручницѣ своей, и рече: «Възми и съхрани, и буди Богъ межи тобою и мною, дондеже Господь изволит». И *иные* тайныи извѣща к ней. Излѣзъ ис чертога, иде в ризницю и взем от богатьства своего и изыде нощию отай из Рима. Шед же и из Капетулѣи,[4] обрѣте карабль, в рѣцѣ стоящь, и влѣз в онь, доплы града Лаодикия,[5] рекомаго *Магнарѣя*. Излѣзъ же ис корабля, помолися Богу, глаголя: «Боже, сотворивый небо и землю и спасе мя из чрева матере моея, спаси мя и нынѣ от суетнаго сего жития и сподоби мя деснаго стояния,[6] яко ты еси Богъ милостивъ и спасаай, тебѣ славу възсылаем, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

И въставъ, в той час срѣте оселники и иде с ними, дондеже доиде Едесы сирьскиа, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего[7] Исуса Христа,

иже дасть Авгарю сый.[8] Влѣз же въ град, продасть все, еже имѣ, и дасть нищим, и облечеся въ *худыя ризы*, и сѣдяше яко проситель в папертѣ *въ церкве* владычица нашеа *Пресвятыя* Богородица, пощашеся от недили до недили, причащаяся святых таинъ и ядяше двѣ уки хлѣба и двѣ уки пиаше воды, *без сна пребываше* вься нощи. А еже ему *дааху милостыню*, то все даяше нищимъ.

Искаху же его въ градѣ Римстѣ и не обрѣтоша его. И посла отецъ его отрокы искати его, и не обрѣтоша его. Пришедше въ Едесъ град Месопотамию и даша ему отроци свои милостыню и не познаша его. Видѣвъ же á, он позна á и прослави Бога и рече: «*Благодарю тя, Господи*, яко сподобил мя еси приати милостыню от своих домочадець имени твоего ради». И обратишася отроцѣ его в Рим и възвѣстиша господину своему, яко не обрѣтохом его.

Мати же его, от того часа брачнаго, егда *искааху его и не обрѣтоша, вшедши в ложницю* свою и отврьзши оконце възглавии своем и пославши вретище, попелом посыпа, молящеся Богу, глаголющи: «Не имам въстати отсюду, дондеже *увѣмъ* о сыну своем единочадѣм, камо ся дѣ». А отець его, отнелѣже родися сынъ его, не прилѣпися женѣ своей, глаголя к ней: «Моливѣ Бога, да пощадит отроча, еже нама дасть».

Сътворшу же отрочатѣ 17 лѣт въ *папрьтѣ* Святыа Богородица и угоди Господеви своему: явися во снѣ понамаревѣ святая Богородица, глаголющи: «*Въведи человѣка Божиа въ церковь мою*, яко достоинъ есть царства небесьнаго, яко миро бо доброволя молитва его есть и якоже вѣнецъ на главѣ цесареви, тако почиваетъ Духъ Святый на немь. И яко же солнце сияетъ въ всь миръ, тако просияетъ житие его прѣдъ ангелы Божии». *Пономарь* же ища того человѣка, и не обрѣте, и обратися моляся Богородицы, да явить ему человѣка того. Глаголя же пакы къ нему Богородица второе: «Убогый сѣдя прѣдъ двьрьми цьрьковными, тъ есть человѣкъ Божий». Изиде же пакы въ папьртъ и обрѣте и´, имы и´ за руку, въведе и´ въ цьрковь, и оттолѣ служаше ему вельми.

И прослу слово то человѣка Божия въ вьсемь градѣ томь. Видѣвъ же, яко познаша и´ вьси, отбѣжа от града того и пришьдъ въ Лаод*и*кию, вълѣзе въ корабль и хотя преехати въ Таръсъ Киликию,[9] зане ту не знаяхуть его.

Волею же Божиею прегънанъ бысть корабль вѣтръмь бурьнъмь и приде въ Римъ. Излѣзъ же ис корабля, рече: «Живъ Господь Богъ мой! Не буду тяжькъ никомуже иному: въ домъ отца моего да иду, яко и ту незнаемъ есмь». Ида же, сърѣте отца своего, идуща от полаты въ врѣмя обѣда, и поклонися ему, глаголя: «Рабе Божий, помилуй мя, убогаго страньна, и не дѣи мене въ дворѣ своемь, да ся насыщаю и азъ съ рабы твоими “от крупиць, падающи съ тряпезы”[10] твоея. Богъ же да благословить лѣта твоя и да ти подасть царьство небесное, и яже имаши на страньнѣй земли да благословить и да тя насытить упьвания своего». Слышавъ же отецъ его, паче о страньныхъ тъщънѣи бысть въвести въ домъ свой, и рече къ отрокомъ своимъ: «Къторый от васъ служити ему хощеть? Да аще угодить ему, живъ Господь, яко свободьнъ будеть и участке имать

възяти въ дому моемь. Нъ въ папьртѣ въхода моего сътворите ему хыжицю, да вълазя и излазя, зьру его. Давайте же ему от моея яди и тряпезы». — И бѣ ему суровъ приснъ.

Мати же его имущи сѣтование и печаль и не исхожаше из ложьниця своея, а снъха, оставъши, рече ей: «Не отиду отсуду до съмьрти моея, нъ гърлици ся уподоблю, пустынелюбици и единомужици. И азъ сътърплю и пожду, донъдеже увѣдѣ о женисѣ моемь, чьто ему бысть».

Отроци же по вься вечеры пакости ему дѣяху, ругающеся: они же пьхахуть его ногами, друзии же заушахуть, инии же пакы, опанице омывающе, възливаху на нь помыя. Видѣвъ же человѣкъ Божий, яко диявъльмь научениемь то ему бываеть, съ радостию, и веселиемь, и търпѣниемь вься приимаше, търпя.

Съконьчавъшю же въ дому отчи 17 лѣт незнаемъ, къто бѣ, егдаже изволися Господеви възати предание от него; рече къ отроку, служащему ему: «Брате, принеси ми харътию[11] и чьрнило». *И принесе ему*. И възьмъ, написа тайны, яже имяше съ отцьмь си, и съ материю, и еже глагола къ обрученици своей въ чьртозѣ, како ей дасть пьрстень и льзъ. И вьсе житие свое написа, да познають и´, яко тъ есть сынъ *ею*.

Бысть же въ единъ дьнь недѣля *сущии*, по коньчании святыя литургия, и еще сущу Маркиану архиепископу въ церькви и благовѣрьныма цесарема и всѣмъ людьмъ, гласъ услышыша невидимъ за олтарьмь глаголя: «Придѣте вьси тружающиися и обрѣмѣнении грѣхы, и азъ вы покою!»[12] Дивиша же ся и ужасошася вьси и падоша ници въпнюще: «Господи, помилуй!» Тъгда же пакы вторый гласъ услышаша: «Поищѣте человѣка Божия, да помолитъся за миръ. Свитающю же пятъку, исходить от телесе своего».

Въ четвьртъкъ же вечеръ събьрашася вьси въ церькъвь Святаго *апостола* Петра молящеся Богу, да явить имъ человѣка Божия. И бысть гласъ, глаголя: «Въ дому Еуфимияни, ту есть тѣло его». Обращьша же ся оба цесаря, рѣста къ Еуфимияну: «Въ дому своемь таку благодать имѣя, почто нама нѣси повѣдалъ?» Еуфимиянъ же рече: «Живъ Господь Богъ мой! Не съвѣдѣ». *И призва же стрѣйшаго рабъ своихъ и рече: «Свѣси ли кого в клевретех моих такого суща?» Он же рече ему: «Живъ Господь Богъ мой, яко не свѣмъ*: вьси бо пустошьници суть». Тъгда повелѣста цесаря ити въ домъ Еуфимиянь, да поищють человѣка Божия. Тъгда повелѣ Еуфимиянъ рабомъ своимъ столы и престолы поставити съ свѣщами и съ тьмьянъмь срѣсти я. И придоста цесаря и архиепископъ, и вьси цесареви мужи, и бысть гълчание въ дому.

Мати же его завѣсила была окъньце завѣсъмь, да не видить ея никътоже, и рече: «Чьто се есть мълва и мятежь, и почьто суть пришьли?» А сънха вьсѣхъ зьряше съ полаты. Слуга же человѣка Божия *рече* къ господину своему: «Господи, еда сь есть человѣкъ Божий, нищий сь, егоже ми бѣ поручилъ, велика бо знамения и дивьна видѣхъ у него. От недѣля до недѣлѣ причащающася святыхъ таинъ и 2 укъни хлѣба и 2 укъни воды пияше, вься недѣля не ядыи, а въ нощи бе съна

пребываше. Нъ етери от клеврѣтъ моихъ пакости ему творяху: ови пьхающе, а друзии ругающеся, инии же помыями обливаху, онъ же съ радостию все приимаше».

Еуфимиянъ же слышавъ се, тече къ человѣку Божию и, пришьдъ, глагола къ нему, и не бѣ гласа от него уже, и открывъ лице его, видѣ свьтящеся, яко ангелу, и държаща харътию въ руцѣ. Еуфимиянъ же хотѣ възьмъ харътию видѣти, чьто есть написано въ неи, онъ же не пусти ея. Еуфимиянъ же обращься и шьдъ, рече къ цесарема, яко егоже ищемъ, обрѣтохомъ, и исповѣда има, яко прѣже 17 лѣтъ приде къ мънѣ, и — все по ряду, како житие его, еще же и харътию дьржить въ руцѣ и не дасть ми ея.

Тъгда повелѣста цесаря одръ настълати и положити на немь святаго. Въставша же цесаря, и архиепископъ, и вьси цесареви мужи, сташа прѣдъ одрьмь глаголюще: «Рабе Божии, и вѣ, аще грѣшна есвѣ, то — цесаря есвѣ, а сь — отець вьсея вьселеныя.[13] Въдажь намъ харътию, да видимъ, чьто ты еси и чьто есть писано въ неи». Тъгда въдасть имъ харътию, и възьмъша въдаста ю дияку церьковьному. Сѣдъшема же цесарема, и архиепископу, и Еуфимияну, начать харътию чисти халтоларь.[14]

Егда слыша отець чьтения харътия, въскочи съ прѣстола скоро, и растьрза ризы своя, и сѣдины тързаше, текыи надъ тѣло его, вьргъ же себе на пьрси его. Любьзна цѣловаше его глаголя: «Увы мънѣ, чадо мое! Почто ми сицѣ сътворилъ еси, почто ми нанесе сице въздыхание? Колико лѣтъ пустъ бѣхъ, чая слышати гласъ твои, ли бесѣду твою, и не явилъ ми ся еси. Увы мънѣ, вожение старости моея! Камо имамъ дѣти сѣтование сърьдца моего? Отселѣ уже достоить ми плакатися острупленыя си душа».

Слышавъши же мати его, яко сынъ ея есть, раздьра окъньце свое и ризы своя, и растьрза главу свою, жалостьно глядяше на сына своего и молящи народы, сущии на полатѣ, молящи я´, глаголаше: «Увы мънѣ, мужи, дадите ми мѣсто, да възьрю си жалостьно възлюбленаго своего чада. Увы мънѣ, братия моя, да узьрю си единочадаго сына моего, агньца душа моея, пътѣньца гнѣзда моего и въздоение сьсьцю моею, надѣжа мышьцю моею». Любьзно же лобызающи, въпияше глаголющи: «Увы мънѣ, чадо моея утробы! Почто ми сице сътворилъ еси? Толико лѣтъ пустъ еси былъ въ дому отца своего и не явилъся еси мънѣ».

Снъха же текъши, въ сквьрнахъ ризахъ сущи, плакашеся, глаголющи: «Увы мьнѣ, пустынелюбьная гърлице моя! Колико лѣтъ пуста бихъ слышати гласъ твой, ли слухъ твой. Камо ся дѣлъ еси и не явил ся мънѣ, иже дьньсь есмь въдовицею. И нѣсть ми уже на кого възирати, нъ отселѣ въсплачю ся острупленаго сърдца». Людие же дивящеся вьси сльзамъ ихъ, плакахуся.

Тъгда повелѣста цесаря и архиепископъ нести одръ и поставити посредѣ града. Слышавъше же, гражане вси ся сътекоша надь нь. Елико бо недужьникъ приступи къ нему, вьси исцѣлѣша: нѣмии проглаголаша, слѣпии прозьрѣша, бѣсьнии исцѣлѣша. Цесаря же видѣвъша си чюдеса,

сама възьмъша одръ, понесоста съ архиепископъмь, да освятяться прикосновениемь тѣла человѣка Божия. А отьць его държася за руку его, колѣбляся, и стеня, и бия пьрси своя. Мати же его тако же власы своя простьръши на нь, въпияше. Снаха же, пакы сѣтующи и рыдающи, въ слѣдъ одра идяше, плачющи. Людие же гнѣтяхуться о одрѣ и не можахуть ити, държаще и´.

Тъгда повелѣста цесаря злато съ срѣбръмь сыпати людьмъ, обращьшемъ ся на не, възмогуть понести человѣка Божия. Нъ не обратися никтоже на не, паче любяще тѣло святаго. Многу же труду бывъшю поздѣ, нѣколи донесоша въ церьковь Святаго Вонифанта.

Благовѣрьная же цесаря повелѣста сътворити ковьчегъ златъ и украсити и´ камениемъ драгымь и бисъръмь, и сътворьше, и вложиша въ нь тѣло чловѣка Божия Алексия месяца июля въ 17. И праздьньствоваша 7 дьний, отцю и матери и снъсѣ ту прѣбывающемъ.

Божиею благодѣтию искыпѣ ис ковьчега ему миро благыя воня. И сему чюдеси бывъшу, вьси недужьнии събьрашася, и, възимающе, мазахуся, и исцѣлеваху, славяще и хваляше Отца, и Сына, и Святаго Духа, единого Бога *истиньнаго*, емуже слава ныня, и присно, и въ вѣкы. *Аминь.*

---

[1] *...у Ануриа и Аркадия...* — Гонорий и Аркадия — римские императоры братья-соправители, сыновья Феодосия I Великого, известные строгими указами против язычников. После раздела Римской империи в 395 г. Гонорий (395—423) правил западной частью империи, Аркадий (395—408) — восточной.

[2] *...въ церкви Святаго Внифантиа.* — Церковь в память римского св. мученика Вонифатия (день памяти 19 декабря), который был послан своей госпожой из Рима в Тарс Киликийский за мощами христианских мучеников и, увидев, как мужественно переносят христиане свои истязания, сам стал христианином и принял мученический венец: был посечен мечом 14 мая 290 г.

[3] *...лѣз...* — лезь (лизь), лежа (лежей) — сорт шелка-сырца, вывозимый из Персии армянскими купцами.

[4] *...из Капетулѣи...* — т. е. из Капитолия, кремля и святыни древнего Рима, расположенного на Капитолийском холме.

[5] *...доплы града Лаодикия...* — Лаодикия — название нескольких городов в древности, один из которых (во Фригии) был главным центром христианства.

[6] *...доплы града Лаодикия...* — Лаодикия — название нескольких городов в древности, один из которых (во Фригии) был главным центром христианства.

[7] *...доиде Едесы сирьскиа, идѣже лежит образъ иконы Господа нашего...* — В древности город Эдесса — столица Осроены (в северо-западной части Месопотамии, Междуречья, на р. Евфрат), римская колония, которая являлась крупным христианским центром и была овеяна сказаниями, связанными с именем Иисуса Христа и его Нерукотворного образа. С 1637 г. принадлежит Турции (г. Урфа).

[8] *...иже дасть Авгарю сый.* —Имеется в виду Авгарь V Черный, дважды царствовавший в Осроене (с 4 г. до н. э.—по 7 г. н. э. и с 13 г.—по 50 г.). С его именем связаны сказания об исцелении его с помощью присланного ему Христом Нерукотворного образа — лика Иисуса Христа, запечатленного на полотне,

[9] *...хотя преехати въ Таръсъ Киликию...* — Тарс (Таразос) — главный город Киликии, области, расположенной на юго-востоке Малой Азии; с 66 г. до н. э. часть ее была римской провинцией.

[10] *...«от крупиць, падающи съ тряпезы»...* — Мф. 15, 27.

[11] *...принеси ми харътию ...* — Хартия — здесь в значении — пергамен, приготовленный из кожи для письма; ниже — в значении: грамота, письмо.

[12] *«Придѣте вьси тружающиися и обрѣмѣлении грѣхы, и азъ вы покою!»* — Мф. 11, 28.

[13] *...а сь — отець вьсея вьселеныя.* — Имеется в виду архиепископ.

[14] *Халтоларь.* — Греч. *хартоларь* — архиварий (архивариус), хранитель книг и хартий.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА МАРТА В 17 ДЕНЬ

ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТОГО АЛЕКСИЯ ЧЕЛОВЕКА БОЖИЯ

В граде Риме жил один благоверный человек по имени Евфимиан, бывший в почете у римских цесарей Гонория и Аркадия. Богат он был очень, имел триста рабов-домочадцев в шелковых одеждах с золотыми поясами, но не имел наследника, ибо супруга его была бесплодна.

Как человек благоверный, он следовал заповедям Божьим, постился каждый день до девятого часа, устраивал в своем доме три трапезы: одну — для сирот и вдовиц, другую — нищим и недужным, третью — для странников и паломников. Сам же в девятом часу вкушал свой хлеб с чернецами и нищими. А когда шел в палаты, посылал впереди себя

милостыню, говоря, что недостоин ходить по Божьей земле. И жена его именем Агласия, благоверная и богобоязненная, тоже соблюдала заповеди, молясь Богу и говоря: «Помяни меня, Господи, недостойную рабу твою, и дай плод чреву моему, да будет мне поводырем в старости и утешением души моей!»

И Бог воздал ей за ее добродетель: она зачала и родила сына. И возблагодарили Бога жена и муж. Когда же отроку пришло время учиться, отдали его сначала обучению грамоте, и он познал всю грамматику, церковные правила и немного риторику, и был отрок очень умным. А когда настало время его женить, Евфимиан сказал своей жене: «Свершим брак сыну своему». И возрадовалась жена словам мужа своего, пала ему в ноги, говоря: «Да утвердит Бог слова, сказанные тобой, свершим брак сына нашего возлюбленного — и да возрадуется душа моя!»

И обручили его с невестой царского рода, свершили его брак, женили его, и венчали их праведные священники в церкви Святого Вонифатия, а, отведя его в брачную спальню, все веселились весь тот день до ночи.

А он, войдя в спальню, сел на золотой свадебный трон, и снял золотое кольцо, и, завернув в персидский шелк, отдал своей обрученной, сказав: «Возьми и сохрани, и да будет Бог меж тобою и мною до той поры, пока Господь изволит». И иное тайное поведал ей. Выйдя из спальни, пошел он в сокровищницу и, взяв часть своего богатства, покинул Рим тайно ночью. Спустившись с Капитолия, увидел он корабль, стоящий на реке, и, взойдя на него, доплыл до града Лаодикии, называемого Магнарея. Сойдя с корабля, помолился он Богу так: «Боже, сотворивший небо и землю, вызволивший меня из чрева матери моей, спаси меня и ныне от этой суетной жизни и сподобь меня десного предстояния возле тебя, ибо ты Бог милостивый и Спаситель. Славу возносим тебе, Отцу, и Сыну, и Святому Духу».

Помолившись, тотчас же встретил он погонщиков ослов и отправился с ними, пока не дошли до Эдессы сирийской, где лежит образ Господа нашего Иисуса Христа, который некогда сам дал Авгарю. Войдя в город, продал он все, что имел, и роздал нищим, облекся в бедные одежды и как нищий проситель сидел на паперти церкви владычицы нашей Пресвятой Богородицы, постясь от воскресения до воскресения, причащаясь святых тайн, съедая лишь два куска хлеба и выпивая два глотка воды, пребывая без сна все ночи. А если ему подавали милостыню, он все отдавал нищим.

Искали его в городе Риме, но не нашли. И отец послал слуг разыскивать его, но и они не нашли его. Когда слуги пришли в Месопотамию, в город Эдессу, то, не узнав его, подали ему милостыню. Он же, увидев, узнал их и возблагодарил Бога, сказав: «Благодарю тебя, Господи, что сподобил меня принять милостыню от своих домочадцев имени твоего ради». И вернулись его слуги в Рим, сказав своему господину, что не нашли его.

Мать же с того свадебного часа, когда искали его и не нашли, вошла в свою спальню, открыла оконце возле своего изголовья и, постлав мешковину, посыпала пеплом и стала молиться Богу, приговаривая: «Не выйду отсюда, пока не узнаю о сыне своем единственном, куда делся». И отец, с тех пор как родился сын его, не прикасался к жене своей, сказал ей: «Помолим Бога, да пощадит дитя, которого нам дал».

Семнадцать лет провел юноша на паперти церкви Святой Богородицы и угодил Господу своему: явилась во сне пономарю святая Богородица со словами: «Введи в церковь мою человека Божия: достоин он царства небесного, ибо молитва его, как миро благоуханное, и, как цесарев венец на голове, почивает на нем Дух Святой. И как солнце сияет для всего мира, так просияет житие его пред ангелами Божьими». Пономарь же, поискав того человека и не найдя, обратился с молитвой к Богородице, чтоб явила ему человека того. И Богородица вновь сказала ему, вторично: «Убогий, сидящий у дверей церковных, это и есть человек Божий». И снова вышел он на паперть, нашел его и, взяв его за руку, ввел в церковь и с той поры служил ему исправно.

И разнеслась слава о человеке Божием по всему городу. А когда он понял, что все его узнали, то бежал из этого города, и, прийдя в Лаодикию, сел на корабль, и хотел уехать в Киликию, в Тарс, потому что там не знали его.

Но, волею Божьей, корабль был подхвачен сильным ветром и пришел в Рим. Сойдя с корабля, он сказал: «Благословен Господь Бог мой! Не буду в тягость никому: войду в дом отца моего, как будто я там неизвестен». Подходя, встретил он отца своего, идущего из дома в обеденное время, и поклонился ему, сказав: «Раб Божий, помилуй меня, убогого странника, и пусти меня во двор свой, дабы и я насыщался с рабами твоими “крохами, падающими со стола” твоего. Бог же да благословит лета жизни твоей и даст тебе царствие небесное, и странник, которого примешь, благословит и утешит тебя верованием своим». Когда отец его услышал о странниках, которых весьма привечал в своем доме, то сказал своим слугам: «Кто из вас хочет служить ему? Если же угодит ему, да видит Господь, тот будет свободным и получит часть моего имущества. А при входе в мой дом постройте ему хижину, чтобы, входя и выходя, я видел его. Давайте же ему еду с моего стола». Но был он с ним всегда суров.

А мать его, сетуя и печалясь, не выходила из своей спальни, а сноха, оставшаяся с ней, говорила: «Не уйду отсюда до смерти моей, а уподоблюсь горлице, пустынножительнице и единомужнице. И я буду терпеть и ждать до тех пор, пока не узнаю о женихе моем, что с ним».

Слуги же каждый вечер мучили его, глумясь над ним: одни пинали его ногами, другие давали оплеухи, а иные же, моя посуду, выливали на него помои. А человек Божий, видя, что это свершается с ним по дьявольскому наущению, принимал все терпеливо, с радостью и стойкостью.

Когда же прошло семнадцать лет его пребывания в отчем доме неузнанным, тогда Господь изволил взять у него исповедание о себе; человек Божий сказал отроку, который ему служил: «Брат, принеси мне пергамен и чернила». И тот принес ему. Он взял и написал о тайном, что было у него с отцом и матерью, и о том, что говорил повенчанной с ним в своем брачном чертоге, когда дал ей кольцо и шелк. И всю жизнь свою описал, чтобы узнали его, что это — их сын.

В один из воскресных дней по окончании святой литургии, когда архиепископ Маркиан был еще в церкви, благоверные цесари и все люди услышали неведомый глас из алтаря, изрекший: «Придите все отягощенные и обремененные грехами, и я вас упокою!» Удивились и ужаснулись все и пали ниц, возопив: «Господи, помилуй!» И тогда вновь, вторично, услышали глас: «Поищите человека Божия, да помолится за мир. На рассвете в пятницу покинет он тело свое».

А в четверг вечером все собрались в церкви Святого апостола Петра, моля Бога, чтобы явил им человека Божия. И раздался глас, изрекший: «В доме Евфимиана тело его». И обратились оба цесаря к Евфимиану, сказав: «Имея в доме своем такую благодать, почему ты нам не сказал?» А Евфимиан ответил: «Видит Господь Бог мой! Не знал». И призвал он старейшину рабов своих и сказал: «Не знаешь ли среди моих рабов такого?» И тот ответил: «Видит Господь Бог мой, не знаю: все они — ничтожные люди». Тогда цесари велели идти в дом Евфимиана поискать там человека Божия. Для их встречи Евфимиан велел рабам своим поставить столы со свечами и фимиамом и сидения. И пришли цесари, архиепископ и все именитые цесаревы мужи, и в доме стало шумно.

Мать же, у которой завешано было оконце занавесью, чтобы ее никто не мог видеть, сказала: «Что это за разговор и шум, и зачем все пришли?» А сноха всех видела из комнаты. И слуга человека Божия сказал своему господину: «Господин, не человек ли Божий тот нищий, которого ты мне поручил, ибо великие и дивные чудеса замечал я за ним. С воскресения до воскресения причащался он святых тайн и, кроме двух кусков хлеба и двух глотков воды, не пил и не ел все воскресения, а ночами не спал. И некоторые из рабов моих мучали его: одни пинали, а другие глумились над ним, иные же обливали помоями, а он принимал все с радостью».

Евфимиан, услышав это, устремился к человеку Божию и, войдя, заговорил с ним, но тот уже был безгласен, а открыв лицо его, увидел, что оно сияет, как у ангела, и держит он в руке пергамен. Евфимиан хотел взять пергамен, чтобы увидеть, что написано на нем, но тот не выпустил его из руки. И Евфимиан возвратился, чтобы сказать цесарям, что он нашел того, кого они ищут, и поведал им, как семнадцать лет назад пришел он к нему, и далее — все по порядку о его житии, а еще о том, что он держит в руке пергамен, но не отдал ему.

Тогда цесари велели соорудить ложе и положить на него святого. И поднялись цесари, архиепископ и все цесаревы мужи, и встали у одра со словами: «Раб Божий, ведомо тебе, что мы, грешные, — цесари, а вот

— отец вселенский. Отдай нам послание, дабы мы увидели, что написано в нем, и узнали, кто ты». Тогда он отдал им свое письмо, а они, взяв его, передали церковному дьяку. И когда цесари, архиепископ и Евфимиан сели, архиварий начал читать грамоту.

Как только отец услышал чтение письма, тут же вскочил с места, растерзал одежды свои, стал рвать седины, устремился к телу его и бросился ему на грудь. Любовно целовал он его, говоря: «Горе мне, чадо мое! Почто так поступил со мной, за что нанес мне такое огорчение? Сколько лет понапрасну надеялся я услышать либо голос твой, либо речи твои, но ты не открылся мне. Горе мне, поводырь старости моей! Куда мне деться от сердечной скорби моей? Отныне суждено мне лишь оплакивать свою израненную душу».

Когда же его мать услышала, что он сын ее, разодрала она завесу на окне и одежды свои, растерзала свои волосы, горестно глядя на сына своего и прося людей, находящихся в палатах, с мольбой им говорила: «Горе мне, почтенные люди, дайте мне место, да взгляну горестно на чадо свое возлюбленное. Горе мне, братия мои, да узнаю сына моего единственного, агнца души моей, птенца гнезда моего, вскормленного грудью моей, опору жизни моей». И с любовью целуя его, рыдала со словами: «Горе мне, чадо утробы моей! Зачем так поступил со мной? Столько лет попусту провел ты в доме отца твоего, и не открылся мне».

Сноха же, вбежавшая в бедных одеждах, оплакивала его, причитая: «Горе мне, горлице, возлюбившей уединение свое! Сколько лет лишена я была возможности слышать голос твой, либо вести о тебе. Куда делся ты и зачем не открылся мне, ставшей с этого дня вдовицей. И не на кого уже мне взирать, и отныне восплачу израненным сердцем». Люди же дивились их плачу и со слезами молились.

Тогда цесари и архиепископ велели нести одр и поставить посреди града. Горожане же, услышав об этом, все собрались над ним. Сколько бы недужных ни приходило к нему, — все исцелялись: немые заговорили, слепые прозрели, бесноватые выздоровели. А цесари с архиепископом, видевшие эти чудеса, сами взяли носилки с телом и понесли их, дабы освятиться прикосновением к телу человека Божия. Отец же его держался за его руку, шатаясь и стеная и бия себя в грудь. И мать его тоже рыдала, покрыв его своими волосами. И сноха, также скорбя и рыдая, шла за одром с плачем. Люди же теснились возле одра и, задерживая его, не могли двигаться дальше.

Тогда цесари велели бросать людям золото и серебро, чтобы, когда они устремятся к деньгам, можно было понести тело человека Божия. Но никто на это не позарился, ибо тело святого было им дороже. Много затруднений было и потом, прежде чем донесли они тело в церковь Святого Вонифатия.

Благоверные цесари повелели создать золотую раку и украсить ее драгоценными камнями и бисером, а сделав, положили в нее тело человека Божия Алексия месяца июля в 17 день. И совершали поминовение семь дней, а отец, мать и сноха там пребывали.

Божьей благодатью, излилось из раки его миро благовонное. И когда это чудо свершилось, собрались все болящие и, набирая его, мазались им и исцелялись, славя и восхваляя Отца, и Сына, и Святого Духа, единого Бога истинного, ему же слава ныне, и присно, и во веки. Аминь.

ИЗ «ИСТОРИИ ИУДЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» ИОСИФА ФЛАВИЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии А. А. Пичхадзе

ВСТУПЛЕНИЕ

Иосиф Флавий (ок. 38 — после 100) происходил из иудейского жреческого рода; во время восстания против римлян, участники которого сражались за политическую независимость Иудеи, был одним из организаторов сопротивления в Галилее, но после взятия римлянами города Иотапаты перешел на их сторону. Иосиф пытался уговорить повстанцев, защищавших Иерусалим, сдаться римлянам, но безуспешно; город был взят и стерт с лица земли на его глазах. «Иудейская война», написанная участником и очевидцем событий, является уникальным источником сведений не только о самом восстании, но и о разнообразных сферах жизни Иудеи этого времени. «Иудейская война» была написана Иосифом на арамейском и греческом языках; арамейская версия не сохранилась, а греческая получила широкое распространение — во многом благодаря тому, что трактовка Иосифом бедствий, обрушившихся на Иудею, как кары за грехи, за то, что иудеи отвергли истинного Бога, оказалась созвучна христианскому пониманию истории: как и сам Иосиф, средневековый читатель видел в разрушении Иерусалима свершение Божьего суда и исполнение пророчества Иисуса Христа о разорении города (Лк. 19, 41—44). Однако трактовка событий у Иосифа неоднозначна: признавая справедливость Божьей кары, он не может не оплакивать гибель родного города. Скорбь о его поруганной красе, о его попранных святынях, сочувствие к погибающим в страшных мучениях соотечественникам сообщают произведению Иосифа совершенно особую интонацию, отличающую «Иудейскую войну» от средневековых хроник и сохраненную в древнерусском переводе (это особенно отчетливо проявляется при сопоставлении с «Хроникой» Георгия Амартола, где также описано взятие Иерусалима).

Перевод «Иудейской войны» на древнерусский язык был осуществлен не позднее XII в. Выполненный в свободной манере, чрезвычайно выразительный и яркий, он является своего рода шедевром древнерусского переводческого искусства.

Вниманию читателя предлагаются три фрагмента: описание взятия Иотапаты в 67 г. (кн. III, 7—8), описание Иерусалима и Иерусалимского храма (кн. V, 4—5) и описание взятия Иерусалима в 70 г. (кн. VI, 3—5). Текст приводится по рукописи *РГАДА, МГАМИД*, № 279, XV в., л. 413—

417, 438—440, 455 об.—460. Список акающий, отсюда написания типа *гробѣжь* вместо *грабежь*, *своливатися* вместо *сваливатися*, *а* вместо *о* (предлог) и т. п. Исправления сделаны по списку *ЦНБ АН Литвы* № 109/147 XVI в. и по изданию: La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin, t. 1—2. Paris, 1934—38; в основе издания — список РГБ, ф. 113, № 651, XVI в.

ОРИГИНАЛ

Како Отапатъ взятъ бысть

Уеспасиянъ[1] же *се* съ своимъ сыномъ Титомъ[2] и въ Птолѣимадѣ[3] пребываа, искушаше вои и писаше, кождо какъ ихъ есть. И Плакида же, иже бысть посланъ на воевание галилѣйско, хотя славу взяти, и устрѣмися на Иотопатъ,[4] иже есть стлъный градъ галилѣйскый и твержий. Но не улучи упования. Гражане же очютивше пришествие ихъ, сташа прѣдъ градомъ исплъчившеся, и снемшеся съ римскыми плъкы, скоро побѣдиша ихъ, и язвивше много ихъ, и убивше 7 мужь. Зане не обычай имъ есть обратити плещи, когда побѣжени будуть, но тихо отступають, яко не знати бѣгания ихъ.

И абие Еуспасианъ *погна* от Птоломаиды и на Галилѣю, и повелѣ воемъ ходити яко обычай есть римляномъ: стрѣлцемъ *и легкооружником* напереде, да блюдуть внезапнаго приезда противныхъ *и* испытають, егда когда будуть съкрыти вои по лѣсомъ; и по них ити *бронистьцемь,* едина чясть конникъ, а другаа пешець; и по нихъ путедѣлци, идеже тѣсно и люто, сѣкуще и равнающе, да не трудятся лютымъ путемъ; и по нихъ *игемонъ* товаръ и воеводстий *и* конници на съблюдение его; и потомъ съ избранными *сам* конникы и пешци; и по немъ осли и мскы, несуще съсуды, имиже грады възимаху; и по тѣхъ начялници *спирамъ****[5]*** *и* воеводы, окрестъ же ихъ избраннии вои; и потомъ хоругви наричемыи орелъ, зане се есть цѣсарь всѣмъ птицамъ и крѣплий всѣхъ, и устрѣтение его побѣды являеть. И тѣмъ вьслѣдоваху трубници, и по нихъ плъкъ, расширився на 6 частѣй; и по нихъ сотникъ *призирая* чины; и по них стражие конници и пешци съ оружиемъ, стрегуще зада.

И видѣвше их галилѣяне ужасошася вси, и мнози начяша раскаиватися. Иже окрестъ Иосифа, прежде видѣния *разбѣгошяся* съ Иосифомъ къ Тивириадѣ.[6]

Исплънишася страха вси тивириане, разумѣюще, яко не бѣжалъ бы *и* Иосифъ, аще бы ся не отчаялъ. То смотряше, како конець будеть иудѣомъ, и вѣдяше, яко нѣсть имъ спасениа, аще не покаются, а самъ

чаяше прощениа от римлянъ. Но обаче съ людми изволи умрѣти, негли предати отечьство и власть, преданную ему. *И* написа къ властелемъ иерусалимъскымъ о всемъ съ истинною, да или миръ изволять, или прислють ему помощь.

Еусписиан же взя Гадарю[7] и окрътняя веси, не пощадѣ от стара и до младенець, но вся ножу предасть. И потомъ иде на Етапату. И слыша Иосифъ, пришедъ тамо от Тивириады, и укрѣпи мышци иудѣйскы. И некоему *благовѣстовавшу* къ Еуспасиану Иосифово пришествие, и абие той тосняся, мня всю Иудѣю взяти, аще Иосифа имуть, посла Плакиду съ тысящею конникъ, да объступять градъ, да бы не выбежалъ Иосифъ. Самъ же по единомъ дни поемъ всю силу, иде на Етапату *до* полудне, и *двѣма* плъкома пешець объступи градъ, а конникы за тѣми постави, загражаа имъ вся пути.

Июдеи же, вышедъ прѣд врата, сташа. Еуспасианъ пусти на ня стрѣлци, и пристави праща[8] и вся далѣ пущаемаа. Сам же съ пешци на пригорняя мѣста *иде,* идеже мощно раскопати стѣны. И убоявся Иосифъ *выскочи,* и с нимъ вси иудѣи, и сняшася с римляны и отгнаша а. И сѣкъшеся весь день, на нощь разидошася. И тогда от римлянъ мнози быша язвени, три убитии, от жидовъ же язвени 600 и 17 *и* падоша же.

Наутрия вышедъше *нападоша* на римляны велми крѣпле. Обрѣтоша же ся противнии крѣпльше ихъ. До пятого дне бишася, и бысть видѣти ломъ копийный, и скрежтание мечное, и щити *искѣпани,* и мужи носими, *и* землю напоиша кровий. А ни иудѣи римлянъ не устрашивахуся, ни римляне трудяхутся, зряще твердости града.

Сей бо градъ весь стоить над пропастию, яко не мощно очима человѣческыма дозрѣти глубины, токмо от севера приступъ малъ, зане къ дебри кончяшася стѣны. Еуспасианъ же, противляяся утвержению града и крѣпости иудѣйской, и призва властелины своя, и повелѣ воемъ носити пръсть, и хворостъ, и камение, и абие расшедъшеся понесоша. И устроивше желѣвы,[9] да быша не пакостили из града, и наплъниша пропасти. Иудѣи же камение велико пущаху на ня, но не успѣша ничтоже.

Уеспisианъ же постави окрестъ града *стѣнобиичныя* съсуды; бяше ихъ 60, и *трекапный*[10] камень метаху порочами, и сулици[11] из лукъ пущаемы ш*умяху, и* стрѣлы помрачиша свѣтъ. И тѣмъ не смѣша жидове лѣсти на стѣны, възбраняеми суще от вышняя мьсти. Выристаху же яко

разбойници изъ вратъ, внезаапу желевъ отторгаху, и под нею стоящихъ сѣчяху.

Еуспасианъ же повелѣ покровъ сътворити от конець до конець града и *приспу* выше града. Иосифъ же, видѣвъ, съвокупи дѣлатели, да быша выше въздѣлали *стѣны.* Онем же не могущимъ от камениа и стрѣлъ, и сей покровъ имъ устрои новодраными кожами волуями. И тако дѣлающе за нощь и день *въздаша* 20 лакотъ възвыше стѣны, имже велика бысть печяль Еуспасиану, зане не помысли, что сътворити высотѣ той противу. И отозва воя и сѣде около града думаа, да гладом възмѣть я.

Онем же обилие бысть всякого брашна, оскуде *же* в нихъ соль и вода, зане не бысть источника, ни кладязя внутрь града. Еуспасианъ же… яко жаждею *предадятся* ему. Иосифъ же, хотя преломити упование его, повелѣ измочити много ризъ и повесити на стѣнахъ, да *каплеть* из нихъ, имже печяль и ужасъ приа римляны. И гемонъ, отчаався гладное взятие, *възвратися* пакы на оружие и на нужю, егоже жадаху июдѣи: отчаявъше бо себе и градъ, изволиша умрѣти от рати, негли от глада и жажда. И по вся дни жидовое *биющеся вси* побиени быша, и мало ихъ остася. Расмотрѣвъ Иосифъ, яко нѣсть уже спасениа, думаше побѣгнути изъ града. И разумѣвше народи, *обиступлеше* и моляхуся ему, да не презрит их в той бѣдѣ, въздвигающе упование свое на нь на единаго: «Аще бо и еще пребудеши с нами, то вси на рати бодри будем тебе ради; аще ли отидеши, то мы пленени будем». Он же, промышляя о своей главѣ, глаголаше им, яко: «Вас дѣля выхожу, да събравъ воя внезапу нападу на супостаты. Ти бо, оже слышат мя вышедша от вас, град оставлеше, и по мнѣ женут». Таковая рекшу ему, не послушашя людие, но и дѣти, и старии, и жены съ младенци, болма *разгорѣвшяся любовию к нему,* припадаху к ногама его, молящеся, да не отступить от нихъ. И сей, видя вопль и *рыдание* ихъ, *осклаблься* рече: «Нынѣ врѣмя, о друзи, обрѣсти *славу* некончяную и сътворити что мужеское на память послѣднимъ».

И събравъ крѣпльшихъ, иде на стражи и разгна их, и сѣчяше я до обрытия, и желевъ *раздруши* и покровъ ихъ, и приспу раскопа, и дѣла ихъ зажже; и по три дни и по три нощи не опочиваа то творя. Еуспасианъ же *то* видя воя своя недомышляюща противу ристанию иудѣйску, и повелѣ не сниматися съ человѣкы, жаждющихъ смръти: нѣсть бо *крепле* ничтоже отчаявшихъся *крѣпле* и неволею биющихся. И повелѣ *аравскиимь* стрѣлцемъ и сурьскымъ *порочником,* да *борются* съ иудѣи. Си же идуще и тѣла не щадяще, нападаху на римляны лютии, *поминующе* стрѣлци.

И пакы Еуспасианъ исплъчи воя якоже прѣжде, и стрѣлци застави, и въздѣлаша приспу. И поставиша овенъ, *еже* есть дрѣво велико и тлъсто, подобно шеглѣ корабелной, а в конець же его всажено желѣзо велико рогато, имже и *овенъ* наречется. И *врывше* двѣ дрѣве яко рососе, и между има положьше и *оборсавше* ужи множество людий и влекуще биаху. И стрѣлцемъ *стрѣляющим,* и суличникомъ сулицами сующимъ, и порочникомъ камение пущающимъ, и не смѣюще июдѣи стати на забралѣхъ.[12] Потомъ же безъ страха биаху стѣны овномъ, и множеству на единомъ мѣсте биющимъ, и трясахуся стѣны. Иосифъ же наплъни мѣхы половы, *събра* и повеси, и идеже *влечаху* овна, то на то мѣсто влечяху мѣхы, и не бысть пакости стѣнамъ, *възбраняющи* овну мѣхы. Римляне же, привязывающе сръпы къ стружиемъ, отрѣзываху мѣхы. Иудѣи же отчаявшеся вземше лючь, и тростие, и хворостъ сухъ, и смолу и серу, и треми мѣсты *вытекше* подожгоша приспу, и дѣла, и пороки, и овенъ. Римляне же ужасошася от шатания ихъ, разбѣгошася; и пламени обьступившю ихъ, и не могуще утещи, сами ся рѣзаху.

Тогда мужь нѣкто иудѣянинъ дѣло сътвори подобно памяти. Елеазаръ сей бысть Соммѣинъ сынъ, отечьство же его весь галилѣйскаа. И сей подъемъ камень великъ зѣло, и пусти на овенъ, и отшибѣ главу его, и скочи съ забралъ и взя главу его срѣди римлянъ, и възвращься ста надъ градомъ, да будеть всѣмъ явленно и славно, *и* дръжа овню главу. И прелѣтѣвше 5 стрѣлъ от заднихъ стрѣлець и удариша и, *и* уязвенъ свалися съ града съ овномъ.

И по семъ храбра явистася Нѣтиръ и Филипъ из града Рума: нападоста бо на десятый плъкъ с такимъ шюмомъ и с такою крѣпостию и скоростию, яко раздрушиста плъкъ велий, *разгнаста* и побѣдиста, *и* не тръпяще мужества ею, на *няже устремляшетася.* Иосифъ *вышед* съ людми, *разгна пятый* плъкъ и вся оставшаа пожже, а основания приспы размѣта.

И утру же бывшю, Еуспасианъ, събравъ разбѣгшихся, поносяше имъ, занеже бѣжаша не прѣд воины, но прѣд разбойникы, не стыдящеся ни воинскаго закона, ни отечьскыя похвалы. И вси единодушествующе третьюю приспу въздѣлаша, и овенъ въздѣлаша, и биаху *идѣже преже* пошибоша.

И ту нѣкто *из града* застрѣли Еуспасиана въ плесно, нъ съверху: удаление бо мѣста изя силу стрѣлную. И великъ мятежь бысть римляномъ: окрестнии бо его, видѣвше кровь, възвѣстиша всѣмъ о язвѣ гемонстѣй. И страхъ велий на всѣхъ нападе, и охабльшеся градъвзятия, течяху скоро къ гемону. Прѣжде всѣхъ Титъ убояся о отци. Но скоро престаша от мятежа, гемонъ же обѣзавъ ногу и погна сквозѣ плъкы

своя, да быша узрѣли и, и ти видѣвше и обрадовашася и другъ друга пострѣкаша, на стѣны устремляющеся, мъщающе своего гемона. И бысть видѣти падающа жиды акы снопы съ *забралъ,* но обаче *не слазяху съ* стѣнъ, но смрьть прѣд очима видяще висяхуся и огнь, и желѣза и камение пущаху на подстоящихъ. Но не успѣша ничтоже.

Но и нощи приспѣвши не опочиваху, стрѣлы же и сулици пущаемы множество убиваху, паче же всѣхъ порочна сила, иже и забрала отшибаху, и углы съкрушаху. Единому же от мужь срази главу, и съскочи глава до трей връстъ. И жена непраздна вышедши из дому, яко удари въ чрево ея, и вышебѣ младенець до връсты. Лютъ же вопль от *женъ* изъутра въста, плачь же и внешнихъ, и стенание до небеси идяше. Кровь зъ забралъ течяше яко рѣкы, и моглъ бы кто по трупиа вълести въ градъ, яко по степенемъ. Мнози же *иоттапатианъ* тогда добрѣ страдавше падоша, мнозн же язвени быша. Стѣна же *всею* нощию биема овномъ съкрушися и паде. Жидове же облъкшеся въ оружие, падшаа мѣста твердяху.

И утру бывшю Еуспасиянъ покои воя от нощнаго труда мало, и потомъ иде на възимание града. И повелѣ конникомъ крѣпльшимъ, да съсѣдъ с *конь,* поидуть на падшаася мѣста, и по тѣхъ *пѣшцем* храбрѣйшимъ, а прокъ конникъ постави по пригорию, да не *утечет* из града никтоже гражанъ. Стрѣлца же и порочникы застави назадъ, да не дадять гражаномъ выникнути и-забралъ. И на мѣста, идеже стѣны цѣлы быша, ту принесше лествица, да гражаномъ падшихъ мѣстъ блюдущимъ, си безъ страха влѣзуть. Увѣдѣв же Иосифъ, повелѣ олово кыпящее лѣяти на ня, имже иждежени своливахутся, и много ихъ иждежено бысть. И пакы Еуспасиянъ повелѣ три сыны на приспѣ съдѣлати, по 50 лакотъ възвыше, и поковаша а желѣзомъ, да не прикоснется ихъ огнь, и тверди будуть тягостию. И възведъ на ня лучьшии стрѣлци, и суличникы, и праки легкиа, и биахуть и яко из неба. Гражане же исподнии не могуще с вышними битися и видимии с невидимыми усклабишася, но противляхутся, дондеже изнѣмогоша.

И потомъ выбѣже нѣкто из града и насочи къ Еуспасиану, яко: «Уже изнемогошася гражане бдѣниемъ и утружениемъ бесчисленымъ бес престани. Но обаче можеши въ заутренюю стражю[13] взяти град, отаи пришедъ: тружающимся бо день и нощь, а в зорѣ одолѣеть имъ сонъ, яко в той часъ отчающимся рати, и вси стрегущеи спять». Онъ же не я вѣры сочившему, вѣдаа твердость иудѣйску и увѣрениа другъ къ другу. И прѣд тѣмъ ятъ нѣкоего иотапатанина и мучи и всѣми муками, и огнемъ, и желѣзомъ, да бы что повѣдалъ о внутренихъ. Ничтоже рекшю ему распя и, и умре смѣяся. И о семъ же чюяше, яко *не велмм далече* рѣчи его от истинны суть, и предасть и на съблюдение. Сам же в насоченый часъ прииде съ вои къ граду съ млъчяниемъ. И пръвое възлѣзе на стѣны Титъ съ *Савиномъ* тысячьскым и по *нею Секостъ* и

Плакида съ своими вои, избиша стража и внидоша въ градъ млъчяще, и посредѣ града *ходящим* плѣнѣнии не очютиша: раздруши бо *силу* их трудный сонъ. Аще же кто въставъ, мъглою не можаху видѣти, послучившися ей тогда над градомъ, дондеже свѣту бывшю, и внидоша вси вои, поминающе злаа, яже прияша от нихъ, не щадяху от стара и до младенца. И друзии, видяще кончину, сами ся зарѣзаху, а друзии по пещерамъ разбѣгошася... и Антониа сотника да вдасть ему руку да не убиеть его; и оному же безъ злобы простершю руку и безъ соблюдения, и той прободе ребра его копиемъ и уби и, прежде его *варивъ.* И въ той день вси видимии убиени быша числомъ 60 тысящь, плѣнныхъ же пять тысящь, и градъ раздрушиша, и сыны ижжегоша. Иотопатъ же тако взятъ бысть, мѣсяца панема,[14] еже *есть* иуль, въ третьее на десять лѣто кесарьства Неронова.[15]

Римляне же искаху Иосифа, гнѣвающеся на нь, и хотяще угодити гемону своему; въ трупьи искаху и въ тайныхъ мѣстехъ градныхъ.

Како Иосифъ въскочи въ яму

Онъ же егда възимаху градъ, Богу поспѣшествующю ему, украдеся средѣ вой, и въскочи въ яму глубоку, от неяже бѣ путь невидимъ къ пещере, и ту обрѣте 40 мужь лучьших таящихся, и всяка пристроя ту бысть, яже на потребу тѣлу. Стражие бо сѣдяху около града, и не мощно бысть убѣжати. И по два дни таяшеся. Въ третий же день, нѣкую жену емше стражие мучяху, и та мучима, исповѣда на того и яже с нимъ. Абие Еуспасианъ посла два тысячьскаа съ тщаниемъ, Павлина и Галикана, *вывабити* Иосифа и вдати ему руку. И та шедша молястася ему, на спасение десницю даяста, но сей не послуша боявся мучениа, зане зла много створилъ имъ при брани. И гемонъ же и третиаго тысячьскаго посла къ нему знаемаго друга, именемъ *Никанора.* И сей пришедъ почиташе ему римскую кротость и милосердиа плѣннымъ, и приложи, яко храбръства его дѣля и мудрости не възненавидять, но паче дивятся. «Гемонъ же теснѣтся вывести тя къ собѣ не на муку, но хранити тя хотя. Аще бы хотѣлъ на зло тя вабити, то не послалъ бы мене, друга твоего, ни азъ бых послушалъ его на прелесть тобѣ».

Иосифу же *двоумующу,* вои хотяху съ гнѣвомъ закурити пещеру. И сей *увѣдѣвъ* грозу их, *въспомяну* сны нощныя, имже Богъ показа ему будущаа на иудѣя *бѣды.* Бысть же на разрѣшение сномъ хитръ и мога разумѣти, яже Богъ кажеть с покровомъ, и священныхъ книгъ пророческыхъ не утаилося от него, зане иерѣй бысть и от иерѣйскаго племене родися. И въ той час духа исплънився, и рассуди страшнаа видѣниа соннаа, и принесе къ Богу тайную молитву глаголя: «Понеже иудѣйскъ род, зиждителю, осклаблено ми ся мнить прѣдъ твоима

всевидящима очима и всю вазнь преводилъ еси на римляны и поручилъ еси имъ свою крѣпость, и мою душю избавилъ еси проповѣдати будущаа, и се твоимъ святымъ повелѣниемъ даю руцѣ римляномъ волею, и кленуся святымъ твоимъ именемъ, яко не живота дѣля въсхожю, ни предати хотя отечьство, но послужити твоей славѣ и силе, и проявити ми яже показа».

И тако рекъ, *простре руку к Никонору.* Иудѣи же *иже* с нимъ, очютивше его хотяща вылести, и обьступивше въпияху, яко велми постенеть отечьскый законъ, и дряхлъ будеть Богъ, иже създа иудѣомъ душа обидящаа смръти и непокориви. «Животъ ли *любиши,* Иосифе? Тръпиши ли видѣти свѣтъ работный? Велми ускорилъ еси на забыть, колики научилъ еси умирати за свободу. А лжу славу приялъ еси о мужествѣ, и всуе еси былъ мудръ, оже уповаеши *от* них спастися, ихъже сердце раскровави. Но аще ты ума своего забылъ еси, но намъ подобаеть промыслити о отечьскомъ законѣ. Се ти мечь: аще *въгрузиши* въ свою утробу волею, то будеши вѣчный воевода июдѣйскъ; аще ли не хощеши, умреши от нашихъ рукъ, акы прѣдатель». Тако глаголюща обнажиша мечь на нь, аще дасться римляномъ.

Иосифъ же убояся насилства их, и мня обиду Божественую, аще прежде повелѣниа Божиа умреть, начя мудрити къ нимъ яже при нужн, и рече: «Въскую на ся смръти ищемъ? Въскую възлюбленнаа разлучяемъ — душю и тѣло? Мните ли мене измѣнившася? Но не измѣнихся. Лѣпо при брани убиену быти от ратныхъ рукъ. Аще бо римскаго мечя боюся и крыюся, то достоинъ есмь въ истинну своею рукою и своимъ мечемъ умрети. Аще ли щадять насъ плѣнныхъ, то како намъ не достоить ли помиловати себе? Добро ли свободы ради умрѣти, то мнѣ любо прѣд полкомъ. Нынѣ кде плъкъ? Кто с нами биется? Страшивъ же есть вкупѣ иже не умираеть, егда достойно, *и* иже умираеть, егда не достойно. Что же боящеся не внидемъ к римляномъ? Смръти ли? Да въскую егоже ся боимъ *чаемо* от врагъ, сами на ся влечемъ *нуждею?* Работу ли кто поносить? Нынѣ же та велми *есмы свободни.* Храборъ ли мнится вамъ еже ся рѣжеть? *Ни,* нъ слабейши всѣхъ человѣкъ, якоже кръмникъ волнъ убояся, прежде бури потопи корабль. Саморѣзание же кромѣ естества есть, и вдано *никоторому* животну, ни можеть обрѣсти ниединого собою умирающаго. Естественый бо законъ крѣпокъ въ всѣхъ животу хотѣти. Того ради и отъимающихъ от насъ животъ врагъ мнимъ, и Бога прогнѣваеть человѣкъ, егда ся дару его *поругаеть,* и безаконствуеть прѣд очима его. Всяка плоть смрътна есть и от тлѣнна естества създанна, душа же безъсмрътна выину, и Божественымъ подобиемъ въ телеси *пребываеть.* Аще ли кто погубить *чюжь кровъ,* вданое ему на съхранение, то наречется *лукавъ* и невѣренъ, и всѣмъ непотребенъ. Аще же кто разлучить *кровъ Божий* от своего тѣла, какъ можеть утаитися от *обидимаго?* Аще работенъ убѣжить от господина, аще *и* лукавъ *есть,* достоинъ есть муцѣ. Сами же прекраснаго владыкы и предобраго, Бога бѣгающе, не будемъ ли нечтиви? Не вѣсте ли, яко выходять от сего жития по естественому закону, взятый от Бога дългъ

отплативше, егда хощеть взяти? То тѣмъ слава вѣчнаа, и доми тверди, и роди памятни, а душа ихъ чисты и непорочны пребывають у святаго небеснаго мѣста и чають оттуду въспять вселитися имъ въ своя телеса, егда възвратятся вѣци. И пакы, иже на ся възложивше руки, то душа ихъ адъ темный приемлеть, Отець же и Богъ и до правнукъ мучить ихъ. Тѣмъ възненавидѣно се прѣдъ Богомъ, и законодавець нашь повелѣ до запада солнечьнаго лежати безъ погребениа тѣлесомъ самоубийць; по инѣм же землямъ и десниця мрътвых отрѣзають. Достойны есмы, о друзи, съ правдою ходити, а не приложити къ напастемъ человѣческымъ гнѣва зиждителева. Се моея рѣчи конець. Не могу предатель собѣ быти. Иноплеменници зовуть на спасение — азъ ли хощю на мечь налечи? Не буди ми се. Аще же и по вдании рукы убиють мя, то яко вѣнцемъ побѣдныимъ вѣнчянъ отъиду, имѣя невѣрство ихъ луче цѣсарства».

Таковаа многа глагола Иосифъ к нимъ, браня имъ от саморѣзаниа. Они же заградивше уши отчаяниемъ, обьступиша *и,* убити хотяща, поругающе и хуляще на слабость. Онъ же овогo именемъ нарицаа, на другаго же съ грозою зря, овогo же за руку *попадаа,* различными рѣчми отреваше от себе. И тии еще стыдящеся от своего воеводы акы при плъку и срамляющеся, никтоже възложи рукы на него.

И сей, поручивъ спасение свое Богу строителю, рече: «Понеже благоволилъ Богъ умрѣти намъ, числомъ да убиени будемъ: на негоже конець числа будеть, да той будеть убиенъ от втораго». Тако рекъ, *почте* числа мудростию, и тѣмъ пребляди вся, и убиени быша вси другъ от друга, развѣи единого. И *тъснася,* да не осквернить десниця кровию сродническою, помолися тому, и оба *вынидоста* жива. И поведоша а къ Еуспасияну, а римляне вси течяху на позоръ, и бысть кличь разноличенъ, овѣмъ радующимся о Осифовѣ плѣнении, овѣмъ грозящимся, овѣм же велящимъ мучити и убити врага, овѣм же дивящимся премѣнению житийскому. Еуспасианъ же повелѣ утвердити *и,* да послеть и къ Нерону.

О градѣ Иерусалимѣ и о церкви и о катапѣтазмѣ

Како бѣ град Иерусалимъ

Град же бѣ огражeнъ трѣми стѣнами, идеже не заидоша глубокы пропасти, въ тѣхъ *бо* мѣстех едино огражение бысть. Самъ же град създанъ бысть на двою гору, а между горама дебрь есть, в неиже чястии храми стояху. И от тою гору едина бысть вышьши и длъжши, на неиже

стоить Горнии градъ, нареченъ *Давыдом*[16]цѣсаремъ Хранитель,[17] зане бысть утверженъ, иже бысть отець Соломоновъ,[18] создавшаго церкви пръвѣе. Втораа же нарицается Край,[19] на неиже създанъ град Длъний на дву горбу, пред нею дебрь глубока. Потомъ же в лѣта, в няже *цѣсарствоваша* Асамонѣи,[20] дебрь ту исплъниша, хотяща сравнати градъ церкви, а иную высоту желѣзы сѣкуще сътвориша ниже, да явится выше и церковьный връхъ. Сыротворенаа же дебрь,[21] юже рекохомъ между градома, доидеть до Силуана,[22] идѣже бяше кладязь сладокъ и множаася. И окрестъ гору обыдоша пропасти страшны, имиже неприступно ниоткудуже.

От трий же стѣнъ пръваа създана бысть Давидомъ и Соломономъ твердо *велми и* неприступно, и починается от Коннаго сына[23] и кончяется до Соломоновы купѣли[24] и до *Офласа.*[25]Втораа же починается от вратъ Генафь[26] и обиходить до Антония[27] и кончяется. Третьяя же идеть от Коннаго сына и до Мусиинаго[28] и кончяется до Елѣнинъ гробъ[29] и до Цѣсарьскых пещеръ,[30] идеже гробъ Синничь.[31] Агрипа[32] же придѣлалъ бяше къ *острогу* новы стѣны и нарече я Везефа,[33] наречемыи Новый градъ, но не кончя дѣла убоявся Клавдѣя,[34] да не мнить велика дѣла *на разрачениа* дѣлана. Не могли быша взяти града сего, аще бы Агрипа скончялъ стѣны акы почялъ: созда бо камениемъ по два десяти локотъ тлъстоты, а по десяти широта, ни желѣзы мощно сѣчи их, ни овны подвигаемо. Агрипѣ же *прѣставшу* от *дѣла,* якоже рекохомъ, страха дѣля, иудѣи же възвысиша *до* полутретиа десятъ лакотъ.

Церкви[35] же създана бысть на горѣ высоцѣ на верху равнѣ, окрестъ же ея пропасти великы. Цѣсарю же Соломону стѣны създавшю на въсточную страну и приспу, сътвори на ней комары, по инѣм же странамъ гола бысть церкви. И въ послѣдняя времена людемъ выину присыпающимъ, *сравнаша* гору и разшириша, и просѣкше полуденьныя стѣны, оттуда обънградиша окрѣстняя церкви. И оградивше около горы и трудившеся паче силы, съвершиша дѣло славно, на немже длъгы вѣкы искончяшася и священное съкровище исклочися, *и* посылаемо от всея вселенныя на честь Богови. А идеже *глубока* мѣста бяше, 300 лакотъ въздаяху камениемъ *и* по 40 лакотъ въ тлъцѣ. Множество бѣ имѣния и людско *поспешение* паче ума и слова съвершаше строение, и искончяша еже видящимъ вѣрно, а слышащимъ невѣрно.

Верху же сугубы комары създаша, стлъпи же камени в нихъ по полутретью десятъ въ высоту лакотъ, изъ единого мрамора, бѣли учинени; покровъ же бысть кедреными дсками, добрѣ тесаными. И многоукрашенно естествомъ, имже видѣць не можаше скоро отнести очи свои от видѣния; рукописаннаго же строения не бысть в немъ, ни рукодѣлания. Кругло же стѣнно бысть 6 връстъ, и дворъ же не покрытъ, украшенъ бѣ различными камении възидаеми и помощенъ. Оттудуже

въсходъ бысть на вторую церковь, прѣд неюже прѣдградниии камение трилокотное высотою, а видѣниемъ весело зѣло; в нѣиже стояху стлъпи равни, и на нихъ титлы грамотами еллинскыми и римскыми и жидовскыми, проповѣдующе законъ чистотѣ и да не приидеть внутрь иноплеменникъ. То бо нарикаху святое, 14 степени проходимо, и на четыри углы създанъ верхъ. И над тѣми титлами четвертаа титла висяше, тѣми грамотами показаа Исуса, цѣсаря не цѣсарствовавша, распятаго от иудѣй, зане *пропов*ѣ*даше* разорѣние града и опустѣние церкви.[36]

И на въсточную страну врата быша и мѣсто отдано женамъ на службу и на молитву; инѣми бо дверми недостойно бѣ женамъ внити, ни въ своя двери прелазити огражения. Въ западнѣи же странѣ не бысть вратъ, но от краа и до краа загражено же бысть стѣнами. Комары же, иже межи враты быша, зряще внутрь от стѣнъ прѣд газофилакиемъ, над великыми стлъпы мраморяными стояху.

От вратъ же 9 златом и сребромъ покованы быша, и с вереями и съ *одверием,* едина же внѣшняя коренфийскою мѣдию окована бяху, свѣтлѣйши и честнѣйши сребреныхъ и позлащенныхъ. По всѣм же вратомъ по двоя двери быша, кояждо же дверь имяше въ высоту 30 лакотъ, а в широту 15, от вратъ и до вратъ 30 лакотъ. Оград мраморянъ образомъ сынномъ, высота же его *бол*ѣ 40 лакотъ. И по два стлъпа мраморяна по коемждо оградѣ стояху, и величество всѣхъ бысть равно. Въсточнаа врата кореньфинскаа 50 лакотъ быша възвыше, а двери 40 лакотъ, на нихъже тлъстота злата и сребра бѣ паче. Всѣхъ *бо* инѣхъ 9 Александръ[37] покова, Тивериевъ[38] отець. Степений же 15 до великых вратъ от женскаго мѣста быша.

Сама же церкви среди стояше, святое *священое,* двѣма на десять степенема *непроходимо;*[39] высота же ея прѣдняя 100 лакотъ възвыше, а вшире такожде, задняя же ея 40 лакотъ ужше. Пръваа же врата имяху въ высоту 70 лакотъ, а вшире полутретиа десят локотъ, дверий же не имѣяше по подобию невидѣния небеснаго. Позлащена быша чела вся, и приклонившимся к нимъ видѣнъ бысть внутрений весь домъ, *сияемь* златомъ. Си же церкви *есть* покрыта бысть сугубъ, а пръвый храмъ прѣдстояше, въздвиженъ великою высотою 90 лакотъ, а ширина до 50, а продлъжено *до* 20. Висяхуть же над тѣми враты лозы златы, а от нихъ грезни злати, възвыше мужеска възраста. Внутрь же и двери быша сухаго злата, 50 и 5 локотъ възвыше, а вширѣ 16. Прѣд тѣми же висяше катапетазма,[40] равна широтою и долготою, яже бѣ паволока вавилонскаа, *устроена* уакинфомъ, и виссомъ, и кокомъ, и перфиромъ, чюдно видѣниемъ, но не безъ мудрости видѣние имущи, но на *ображение* всѣмъ. *Прообразовашет* бо кокъ огнь, а усъ землю, а уакинфъ аиера, а порфиръ море: кокъ бо и уакинфъ подобитася прѣдреченнымъ образомъ, усъ же и перфира ражаниемъ

приближаетася оно къ земли, оно къ морю. Написано же бѣ на той катапетазмѣ всяко небесное видѣние и мудрость, развѣ двою на десять поясъ небесныхъ.[41]

Си же катапетазма прѣд симъ родомъ бысть цѣла, зане благочестиви быша людие; нынѣ же жалостно бысть зрѣти на ню: раздра бо ся внезаапу от верху и до долу, егда добродѣйца мужа, и не мужа дѣломъ, прѣдаша на убой мздою. И ина знамения многа *страшна кажут* бывша тогда. И того убиена и по погребении не обрѣтома въ гробѣ глаголаху — ови бо творяху въставша его, ови же украденна его своими другы. Не вѣм же, котории правѣйше глаголють: въстати бо мрътвый собою не можеть, но молитвою иного праведника поспѣшаемъ, развѣ аще аггелъ будеть или инъ от небесныхъ силъ, или самъ Богъ *явится* яко человѣкъ и сътворить елико хощеть, и ходить съ людми, и падеть и ляжеть и въстанеть, яко есть ему воля. Ови же рекоша, якоже *немощно* есть украсти его, понеже окрестъ его гроба посадиша стражи — 1000 римлянъ, а 1000 июдѣй. Таковаа *о той* катапетазмѣ глаголемаа суть, и противу вину раздрание ея есть.[42]

Пришедъши внутрь приимаше *равность* церковьнаа, егоже высота 60 локотъ. Мѣсто же *се шестьдесятное дѣлится* надвое: *первое* же 40 локотъ, в немже быша три дѣла пречюднаа и преславнаа всѣмъ человѣкомъ: свѣтилникъ и трапеза и кадилница.[43] На свѣтилницѣ же бысть 7 свѣщникъ, по подобию 7 звѣздъ небесныхъ, нареченныя планить.[44] На трапезѣ быша 12 хлѣба, по подобию числу поясомъ небеснымъ и по образу лѣтъ. На кадилници же быша 13 темиана, събираеми от всѣхъ морь, и от всея вселенныя, и от всѣхъ пустынь, назнаменающа, яко вся от Бога и къ Богу. Внутрьнѣе же мѣсто 20 лакотъ невидимо есть катапетазмою другою, и ничтоже в немъ не стояше, ни лежаше, и непроходимо бысть и *нескврънно* и невидимо всѣми, нареченнаа святаа святыхъ. И подлѣ ребра долнѣе црькви учястишася и умножишася храми треврѣхнии, на высоцѣй же странѣ не таци быша храми, зане бѣ тесно.

На внѣшнее же лице церкви зряще ужасахутся очима и душами: златыми дсками тлъстыми оковано бѣ всюду, противу же солнечному сиянию огненъ взоръ *пущаше.* Яко на чисто солнце нелзѣ възрѣти, но мжить всякъ, тако и очи *не* хотящихъ зрѣти на ню помижаетася. Мимоходящим же на ню зрящимъ являшеся яко гора исплънена снѣга: на нихъже бо мѣстех не ковано бѣ златом, бѣлеяшеть бо ся зѣло. На връху же всажени быша златы гвозды и велици и длъзи, и *части,* яко стрѣлы и остры, да никоторыйже птичь сѣдъ осквернить верха. Камение имже създано бысть, быша по полупяту десяту локотъ въ долготу, а възвыше по пяти, а вшире по 6. Прѣд тою же бысть жрътвеникъ,[45] высотою 15 лакотъ, а вшире 8 лакотъ, и въ долготу такожде, на четыри углы създанъ, выходя от единого угла, образомъ акы рогъ, и въсходъ же

на нь от полудния. Създано же бысть безъ желѣза, и николиже не прикоснется ему желѣзо. Окрестъ же церкви и жрътвеника обыиде акы вѣнець, заграда *камена* прекрасна, лакте възвыше, бранящи народ *и* от иерѣй. Прокаженым же и трудоватымъ ни въ градъ *да* не дадяхуть входити, женам же браняху прѣити заграды тоя чистымъ и нечистымъ. И мужемъ не очистившимся възбраняху от внутреняго двора, такоже иерѣомъ.

Иже родънии иерѣи быша, не мощно служити слѣпотою или хромотою или рукою, идяху внутрь съ здравыми и цѣлыми иерѣи, и чясть емлюще с тѣми равно, а въ священныя ризы не облачяхуся. На жрътовникъ бо и на церковь въсхожаху иерѣи непорочнии, и облекшеся въ усъ, и паче говѣюще от вина, страшащеси, да ничтоже не *прѣступят* въ службѣ. И архиерѣй въсхожаше с ними не по вся дни, но въ суботы и в новыя мѣсяця и въ отечьскыя праздникы великыя. Егда служаше, ризы[46] его быша кромѣ от иерѣй. Покрыяше бо прѣд до голений *и* прѣпоясникомъ, а исподъ полотном, връху же облачяшеся въ ризу круглу до ногъ, уакинфомъ устроена. И около ея висять колоколи злати и роидья такоже; *клаколи же прообразують громъ, а родиа* млънию. И вѣнець прилѣпливаше ризу къ персемъ, пятью же поясъ обиатъ от злата и от пръфира, и от кока, и от уса, и от уакинфа, имже и катапетазма устроена бе — вины ради, еяже рекохомъ. И надъ тѣмъ висяшеся емофоръ, златомъ кованъ, образъ имущь бронный. Подлѣ же его два щита, златомъ кованы, и в нею насрѣди сардоникы, велици и прекраснии, в нихъже *написано начяльници* колѣна иудѣйска. На друзѣй же странѣ висяху 12 камени на 4 чясти раздѣлени: на пръвой сарди, и *топазъ,* изморагдъ, а на вторѣй анфраксъ, иаспи и самфиръ, и на третьей *ахати, амефисъ, лигури,* и на четвертой *ониксъ,* вирилъ, хрусолифъ. Главу же покрываше вѣнцемъ вусинскомъ, покрытъ уакинфом, а над нимъ инъ златъ вѣнець, на немже написана быша крестомъ священныи грамоты и *четворица****[47]*** Въ сию же ризу не облачяшется въ ино врѣмя, развѣ егда служаше в непроходимѣй единою лѣта, егда обычай всѣмъ говѣти Бога.[48] Въ ины же праздникы въ простѣйшаа ризы облачяшеся.

О градѣ, о церкви, о дворѣ

О градѣ же и о церкви и обычаи пакы изречемъ, яже оставихомъ.

Сынъ же нарекомый Антоний създанъ бысть межи двѣма комарама церковьныма, над высокымъ камениемъ 50 лакотъ възвыше. Строение же бѣ Ирода цѣсаря, иже камень сей покры дсками мраморяными от корене до верху, красоты дѣля и плъзости дѣля, да невъзможно будеть внити и изыти. И прѣд сыномъ създа стѣну трий локотъ възвыше, и

потомъ сынъ *създалъ* възвыше 40 лакотъ. Внутренее же его мѣсто цѣсарьскый дворъ бѣ: храми прекрасни и потребни, и комары, и бани великы, и воинскыи дворы широкы. Зане вся потребнаа имяше, подобяшеся граду силному, *егда* зане вся быша в немъ прекраснаа и различнаа, бысть же жилище цѣсарьское. И образомъ сынъ сей на углы четырми сынъ обиатъ бысть, три възвыше быша по пятидесятъ лакотъ, четвертый же на въсточнѣй странѣ 70 лакот, яко видѣти от него церковь, идѣже сѣдяще стражие римстии съ оружиемъ при праздницѣ блюдaаху, да не разратятся людие. Церковьный бо градъ бысть граду самому акы дѣтинець,[49] сынъ же Антоний вышний и твержий црьковнаго града. Вышний же градъ имяше оприснь дѣтинець — Иродовы полаты.[50] Везефа же разлучится от Антония и от полунощия призрить на церковь. О градѣ же и о стѣнахъ, елико ми мощно, измолвихъ.

Мятежници[51] же от цръкьве по вся дни биющеся съ дѣлающими приспу, и въ 27 день преждереченнаго мѣсяца[52] таку лесть сътвориша: заднюю комару между соломенемъ и връхомъ исплъниша хвороста съ смолою и съ сѣрою, потом же творяхутся акы бѣгающе. И к тому мнози от несмотрящихъ устремльшеся нападоша на отступльшаа, и поставиша лествиця и възлѣзоша горѣ на комары. И абие иудѣи пожгоша, и располѣвшюся огню, всюда обступи вся, и не можахуть како промыслити и метахутся *назад* въ пропасти, инии же къ супостатомъ исъкрушахутся, а инии изгорѣшася, а инии изрѣзашяся. Кесарь же гнѣвашеся на погыбшаа, зане безъ повелѣния *възлѣзоша,* но обаче съжалиси о нихъ. И не могущю никомуже помощи имъ, се бысть утѣха истляющимся, понеже *видяше* кесарь, за негоже *кождо* ихъ душю полагаше, кличюще бо и поскачюще и молящеся другъ другу, да въспомогуть, имже лзѣ, и гласы свѣтлы пущающе, с похвалами и с веселиемъ умираху. Инии же къ *комарнѣй* стѣнѣ прибѣгше, широцѣ сущи, и от огня избавишася. Обступльше же ихъ иудѣи биюща я, падоша вси.

Единъ же от нихъ уноша, именемъ Логинъ, дѣло сътвори достойно памяти. Иудѣи бо не могуще убити, даяхуть ему руку, молящеся да слѣзеть къ нимъ. Братъ же его Корнилий, противу ему стоя, въпияше къ нему, да не посрамить своего рода, ни укорить вой римскыхъ. И сей, послушавъ его, и извлекъ мечь, всѣмь на нь зрящимъ въгрузи в ся. Токмо же *Арторий* лестию от огня избы: *тъй бо* призва *своего* Лукья, своего товарника, и рече к нему великымъ гласомъ: «Тебе оставлю наслѣдника моему стяжанию, аще приступль ухитиши мя». Оному же бодро притекшю, съвержеся на нь и живъ бысть; *Лукий* же от тяжасти зараженъ бысть, и падъ ниць на камени умре.

Си лесть печяль възложи на римляны за мало время, потом же научишася блюсти от льсти иудѣйскы, имже многажды спакостишаси, не вѣдуще градныхъ мѣстъ и нрава мужь. И пожжены быша комары до Иоаннова сына, егоже създа, егда биашеся съ Симономъ.[53] Утру же бывшю, римляне *съ* сѣверныя комары иждегоша.

Иже истляхуть от *глада* въ градѣ, падахуть якы листвие *и яко* пѣсокъ, и страсть ихъ неизъглаголема бысть. По всѣмъ храмомъ, аще и крупь стѣнъ явился бы, то рать бысть, и руками биахуся любимии сродници, *выдавливающе* изъ гортани скверннное извлечение душевное. Не имѣяхуть вѣры ни умирающимъ, но издыхающихъ разбойници испытааху, аще кто пищю въ надрѣхъ нося, творится лжа умираа. И зияюще, акы бѣснии пси, не улучяху въ двери, поревающеся и уклоняющеся, аможе не хотяху, акы пиании. И не могуще никдѣже обрѣсти что снѣдно, въ едину храмину и трижды, и 4-жды влазяху въ единъ час. И вся обрѣтаемаа в зубы вношаше нужда. Яже непотребна быша скверным безсловеснымъ животинамъ, то сами выбирающе ради ядяху, и на конци ни поясъ, ни сапогъ гнушахуся, ни кожь щитныхъ, но раздирающе я ради ядяху. Аще же согнившее сѣно или солому кто обрѣташе, то бяше имъ пища акы съ *благоуханным* зѣлиемъ устроена. Инии же тонко сѣно събирающе, продаяху полъ гривны[54] вѣса на четырехъ златницѣхъ атитьскыхъ, яже суть *8* златникъ *погоручих.* И въскую потолику *исповѣдаю* нужду гладную? Иду же на показание *дѣла,* иже ни въ еллинѣхъ, *ни* въ варварѣхъ написано бысть, страшно глаголющимъ и невѣрно слышащимъ. Азъ же молилъся быхъ послѣднимъ человѣкомъ, да быша не мнѣли мене лжуща, и *съ* сладостию бых преступилъ злобное слово се, аще быша не были послуси и видоци бесчислении; обаче же суетну благодать сътворю отечьству моему, аще потаю страсть, юже прияша.

Жена бо нѣкаа, живущи об онъ полъ Иердана, именемъ Мария, дщи Елеазарова, от веси Вафехоръ, еже сказается домъ усоповъ, родом же и богатством нарочита сущи, и съ прочими людми въ Иерусалимъ прибѣгши. Еяже стяжание мучители расхищьше, елико бо пристроивши принесе от оного полу Иордана, не оставиша ничтоже и-съсудъ драгыхъ, и всяку промысленую пищю, приходяще по вся дни, отимаху. Лютъ же гнѣвъ вниде въ жену сию, и лающи и кленущи въсхитающаа, *на ся* поостриваше я, да бы ю кто убилъ. Потом же видящи, яко никтоже брежеть убити ея, ни *гнѣвающуся* на ню, *ни жалующу по ней,* тружашеся ходящи къ инѣмъ, да бы *ю* обрѣла что снѣдно. И не могущи обрѣсти никдѣже, гладу ходящю сквозѣ утробу и мозгы, и приемши съдумника нуждю, на свое естество устрѣмися. Бѣ же у нея отрочя у сесца, и приемши и в руцѣ и рече къ нему: «Младенче милый! Се обидоша *на* насъ рать, и гладъ, и мятежь. Кому тя храню? Аще римляне възмуть нас, тамо работа тяжка и нестеръпима; аще же они не приспѣють, *то глад* нас въсхитить; мятежници же лютѣйши обою. Гряди, чядо, откуду еси вышелъ, и буди ми пища, и мятежникомъ клятва, и вѣку притчя, яже дойде иудѣйскаа жития!» И тако рекши,

закла сына своего, и испѣкши и раздѣли и надвое наполы, и полъ предасть утробѣ, а полъ же его покрывши схрани. И абие мятежници приступивше по обычаю, скверный смрадъ обухавше, запрещахуть убити ю, аще не явить пристроенаго. *Она же рече* яко: «И добру чясть оставила есмь вамъ», — и откры имъ остаток чяда. Онѣх же узрѣвших обья ихъ страхъ и трепетъ и ужасъ, и противу видѣнию окаменишася. Она же рече: «Се чядо мое от мене рожденно, а дѣло мое. Снѣжьте, ибо и азъ ела есмь. И не будѣте мякчейше жены, ни *милостиви* паче матере. Аще же вы есте благочестиви и мое заколение отмѣтаете, но азъ *снѣх,* и прокъ мнѣ оставите». По том же они трепещюще изидоша, тѣмъ единѣмъ *устрашьшеся,* и одва сея пища отступиша матере. И абие извѣщено бысть по всѣму граду си скверность, и кождо прѣд своима очима положи страсть сю, яко самъ творивъ *трепеташе.* Гладнии же тесняхутся къ смръти и ублажахуть прежде умръшаа, *преже даже* не видѣша таковаго зла.

Скоро же и къ римляномъ принесоша вѣсть о сей страсти, от нихъ же ови не яша вѣры, ови же съжалишаси о нихъ, ови же гнушахуся о нихъ болма. Кесарь[55] же отвѣщеваше о томъ к Богу глаголя, яко: «Азъ иудѣомъ миръ и волную жизнь подаваю, и не въспомянулъ быхъ шатания ихъ, ни всяческаго зла, яже сътвориша. Си же *за* единоумие мятежь изволиша, а за миръ рать, а за сытость *и* обилие — и страсть и гладъ. И нынѣ своими руками начяша зажигати святое, егоже азъ съблюдохъ доселѣ. Тѣмже и достойно имъ таку пищу приимати и покрыти скверность *чядоядениа* падениемъ *града,* да не останутся по вселеннѣй живи, ни видить солнце града, в немъже матери чяда своя ядять. Егоже было отцемъ сътворити прѣд матерми, зане такое страсти зряще, и еще въ оружии пребывають». И тако рекъ помышляше, како отчаяшася мужи ти и не въсхотять покаятися, ни приемлють цѣломудрия.

И двѣма плъкома скончявшима приспу въ осмый день мѣсяца лоя, иже есть август, повелѣ поставити *овны* на западнѣмъ мѣсте внутреняя цръкве. Прѣд тѣм же по шесть денъ бия безъ престани Побѣдникъ стѣны, иже есть болий всѣхъ овенъ, не възможе ничтоже разбити. Под сѣверными же враты подкопаша ини *създанаа* основания, и зѣло трудившеся, одва вывалиша предниии камени три, но не порушишяся стѣны, но *стояша* крѣпко. Римляне же, ни овны, ни желѣзы могуще разбити я, ни инѣмъ ничимъже, лѣствица приставиша къ камарамъ. Иудѣи же не вариша бранити имъ възлѣзти горѣ, но послѣди притекше сняшася съ възлѣзшими, крѣпко бишася. И овы мѣтаху долу, овы же въ пропасти връжаху, овы же бодяху, инѣх же топрѣво възлѣзшихъ, и еще не доспѣвшимъ възняти щитъ, варяющися сѣчяху, инѣх же, лѣствиць укланяюще я, мѣтаху доловъ. Римляне же въ иномъ мѣсте вЪзнесоша хоругви кесаревскыя. Иудѣи же потекше люту сѣчю съставиша, тоснущеся отяти я. Они же, срамоту безславную мняще отимания ихъ, не осклабишася биюще, дондеже вси погибоша. Иудѣи же хоругви отъемше и *възлѣзших избивше,* хупяхуся яко самого кесаря бивше или

плѣнивше. От римлянъ же никтоже безо мьсти погыбѣ, но убивъ прежде, тожде убиенъ есть. Титъ же видя, яко на пакость воиномъ его щадѣние *цръковное,* и повелѣ да зажгуть врата.

И тогда прибѣгоста къ нему *Анан,* иже от *Амауса,* и Архилай Магудатинъ сынъ, уповающе проститися от него, зане одолѣвшимъ иудѣом прибѣгоста. Титъ же мняше, яко лестию приидоша, и слышавъ жестосердие иудѣйско, повелѣ убити глаголя, яко: «Нуждею приидоста, а не волею, и ни еста достойна спасению, зане прискочиста, видяща запаляемо отечьство». Но обаче вѣры ради въздержа гнѣвъ и пусти я, но не бы има чясти равны, якоже инѣмъ.

Воином же възложившимъ огнь на врата сребренаа, сребру же растекающюся, и яся пламень дскамъ, и оттуду внезаапу пойде пламень по камарамъ. Иудѣом же видящимъ пламень окръстъ себе, телеса и душа ихъ раслабѣшася, и ужасомъ никтоже не подвизашеся на угашение, но въ едином мѣсте стояху зряще. Потомъ же *стужившеси* зѣло, прияша умъ, но не цѣлъ, и възъяришася на римляны болма. Въ той же день и нощь огнь запаляше по храмомъ и по каморамъ.

Утру же бывшю Титъ посла угасити огнь и раскопати ожженаа и расширити путь плъкомъ. И призва шесть от връховныхъ гемонъ: Тиверия *и* Александра, и Секста *и* Кереялья, и Ларкия Лепида, и Тита Фругыя, и *Фронтона* Етерина, и Марка Антония Иулиана, иудѣйскаго властелина, думаше с ними о цръкви. И от нихъ же ови рекоша, да ратный законъ на ней съвершать: не престануть бо иудѣи мятущеся, дондеже цръковь стоить, в нюже отвсюду събираются. Ови же рекоша: «Аще оставять иудѣи и не въздвизають оружия в ней, то достойно ю съхранити; аще ли же бьются ту, то зажещи ю: наречеть бо ся сынъ бойный, а не цръкве. Безаконие же не от насъ, но от понудившихъ ны». Титъ рече: «Аще среди ея стояще иудѣи биются, то николиже не погублю бездушныя в нихъ мѣсто, ни пожгу такаго и толика дѣла. Аще бо погибнеть, то римляномъ пакость, аще ли стоить, то красота будеть нашей власти». К тому же слову приложистася Фронтонъ и Александръ. И тогда распусти думца и повелѣ гемономъ, да почиють съ вои, да крѣпчее утро исплъчятся.

Въ тойжде день трудъ и ужасъ удръжа устремление иудѣйско. Наутрѣи же събравше всю силу съ упованиемъ, *вытекоша* въ вторый час дне[56] въсточными враты и нападоша на *стража* внѣшняя. И си крѣпко сътръпѣша устремление ихъ, *и* въоружившеся сташа противу яко стѣна, исплъчившеся чясто, но ярость и ристание иудѣйско одолѣваше имъ. И поразумѣ *Титъ* уклонение их, видяше бо от Антония, и прийде съ избранными вои на помощь. Иудѣи же не стръпѣша пришествия его, но

прѣднимъ падшимъ, а прочии разбѣгошася. Егда же отступаху римляне, си възвращающеся нападаху на ня, онѣм же възвращающимся, *си* бѣгаху. То же бысть до пятого часа дне, дондеже бѣжавше затворишася *въ* внутренѣй црькви.

Како црькви зажжена бысть, и о знамѣниихъ прежде погыбели Иерусалиму, и како Симонъ и Иоанъ призваста Тита на повѣсть, Титъ же повелѣ противу речи ею отвѣщевати; они же не покаряхуся, Титъ же не повелѣ оттолѣ их щадѣти

Титъ же отступи къ Антонии *и* наряди воя, да утро приступят вси около црькви. Богъ же инако промысли и древле осуди ю огнемъ скончятися. И приспѣ судный день на скончяние лѣта, въ десятый день мѣсяца лоя, в онже древле вавилонскымъ цѣсаремъ иждежена бысть. Пламени же начятие бысть от своихъ. Отступившю бо Титу, и мало врѣмя почивше иудѣи пакы на римляны *вытекоша,* и си побѣждьше иудѣя, гнаша по нихъ и до црькве, и сами внидоша. Идѣже нѣкто воинъ ни казания кесарева пождавъ, ни убояся о толице почятьи дѣмонскомъ, суровствомъ въсхити огнь изовну и на дружне рамо въступи, досяже до златаго оконца и до дверий, имиже възможно бысть възлазити къ *храмом* оцрьковнымъ. Пламени полящю, иудѣи възопиша и въскликаша по достоянию страсти, на възбранение и на месть потекоша, ни живота щадяще, ни себе блюдуще, ни опасающеся.

И нѣкто притекъ възвѣсти Титови. Сей же въ шатрѣ почиваше *от* брани. И абие въсхоплься, течяше къ црькви, да угаситъ огнь. И по немъ поидоша гемони вси, и въслѣдъ их идяху плъци убоявшеся, и бысть вопль и мятежь великъ, толикой силѣ бес чину подвигшися. Кесарь же гласомъ и рукою казаше воемъ угасити огнь. Они же ни кличюща слушаху, зане уши ихъ не слышаху от ратнаго кличяниа, ни ручнаго махания внимаху.

Ови бо на супостаты зряху, кто кого убиеть, ови же гнѣвомъ затвориша уши, плъком же текущимъ, ни казание, *ни* запрещение, ни млъба можаше удръжати устремления их, но ярость воеводяше прѣд всѣми и гнѣвъ обья вся. И въ теснотѣ съгнѣтающеся, мнози потоптани быша другъ от друга, мнози же на горящее камение и на попелъ въступающе, не могуще вылѣзти изгараху. А иже близъ црькве стояша, не творяхуся слышаще кесарева повелѣния, но кождо ихъ ближнему веляше зажещи болма. Мятежници же метяхутся, не могуще что промыслити, и бысть везде бой и *кровь и бѣжание.* Народ же, людие суще немощнии *и* безъ оружия, идѣже кто постиженъ, *ту* убиенъ бысть. У жрътвеника събрашася множество мрътвець, кровь же течяше акы рѣка, и струя кровнаа влечяше *трупие.*

Кесарь же разумѣвъ, яко не можеть устремления удръжати войскаго, и огнь одолѣваше, вниде съ *гѣмоны* внутрь и видѣ святое цръковное, егоже жадаше, и вся яже в немъ преславна, не токмо *у* своихъ людий, но и *у* иноплеменникъ, чюдна и преславна и прекрасна. Пламени же и еще не *прошедшу* внутрь, но окрестнаа храмы обходящю, мня Титъ, яко възможно есть и еще отъяти дѣло огня, прискочи *и* начя самъ гасити огнь, и воины понуждаше. И *Ливерарья* пристави сотника бити непослушающаа, да възбранять пламени. Гнѣвъ же ихъ *и* ненависть иудѣйска одаляше чести кесаревѣ и страху, и устремления ратнаа полаху паче пламене. Мнозии же въсхищения надѣющеся болма зажигаху, мняще, яко вся исплънена внутреняя богатства, зане видѣша окрълстнаа златом покрыта. Вышедшю же кесарю на възбранение вой, нѣкто вложи огнь въ темныя двери внутрении,[57] и внезапу изъвнутрь явившюся пламени, отступиша игемони съ кесаремъ, и оттолѣ не възбраниша никомуже. И цръкви же такоже зажжена бысть, не хотящю кесарю.

Дѣло велика рыдания достойно, прѣдивнейши всѣхъ, елико слышахомъ и видѣхомъ и създаниемъ, и величествомъ, и красотою, и устроениемъ, и славою от святаа. Велико же утѣшение прииметь кто зря на суд Божий, егоже не възможьно утечи ни съдушьнымъ, ни бездушнымъ, ни дѣломъ, ни мѣстомъ. Удивить же ся кто времѣнному кругу: судъ бо *и* съблюдѣ и того мѣсяца, и того же дне, якоже рекохомъ, *в онже* древле вавилоняне пожьгоша ту цръковь.[58] И от перваго же създаниа ея, еже нача Соломанъ цѣсарь, до нынѣшьня разорениа, еже бысть въ двѣ лѣте кесарьства Еуспасианова, съчитается *лѣт* 1000 и 100 и 30, и 7 мѣсяць, дневъ 15, от послѣдняго же създаниа, еже сътвори Аггѣй[59] во 2 лѣто цѣсарьства Кирова, до сего плѣнениа съчитается лѣтъ 600 и 30 и 9, и мѣсяць одинъ и 15 дневъ.

Съгарающи же цръкви вся обретаемая въ гробѣжь и въ расхыщение быша, и вси постигаемии желѣзомъ *скончашася,* и не бысть милости никоторомуже възрасту, ни стыдѣния *на* благообразныхъ, но и дѣти, и старии, и сквернии, *и* иерѣи равно смрѣть прняша: рать бо обья всякъ род бьющихся и молящихся. И пламени же бучащю, и вопль падающих и стонание громъ *въспущаше.* Высоты ж ради горнѣе и величества дѣля съгарающю дѣлу, реклъ бы кто издалечя зря, яко весь градъ горить. И невъзможно помыслити что лютѣйша и страшнѣйша тогдашняго вопля: римстии плъци бо мятущеся кликаху, мятежници же обступлени огнемъ и оружиемъ въпияху, иже остася людий бѣжаху съ ужасомъ кличюще, противу страсти плачюще; мнози же от глада иссохше и мжаще, видѣвше *цръковный* огнь, възмогоша пакы кликати и плакати. И противу кличю възгласяху горы окрестнаа и лѣси. И всюда бысть мятежь и *страсть люта,* и мнѣли бо цръковную гору ис корения скачющю, зане исплънися всюда *пламене.* Кровь же бысть обилнейши огня, и убиваемии болѣ убивающихъ, и не бысть лзѣ видѣти земля, зане

вся покрыта бысть трупиемъ. Воини же и на стогы мрътвець въступающе на бѣгающаа течяху. Мятежници же одва *проборовшеся* къ внѣшнѣй цръкви *въстекоша,* и оттуду къ граду, останокъ же народа *вбѣже* въ внешнюю комару. Иерѣи же прьвѣе вертелища[60] желѣзнаа истлъчьными ногами метаху на римляны; потомъ же яко дойде ихъ огнь, поступиша къ стѣне широцѣ сущи 8 лакотъ. Два же от нарочитых въвергостася въ огнь и сожжена *быста* съ цръковью — Мииръ, сынъ Вельговъ, *и* Иосифъ Далѣевъ.

Римляне же мняще восуе щадѣти окрестнаа, цръкви же пожжени сущи, *зажгоша* комары и двери и врата, развѣ двоихъ — въсточныя и полуденьныя, послѣдь же раскоявшеся, и ты раскопаша и пожгоша и газофилакию, яже быша хранилища стяжания многа: лежаше же в нихъ ризы и паволокы, и съсуды бесчисленыя, и отинудь рѣщи все богатство иудѣйско ту бѣ събранно и вси домовѣ богатых. Приидоша же и на прочную комару внешнюю, в нюже прибѣгоша жены и дѣти и ина чядь смешенаа 6000. И прежде даже не повелѣ кесарь ни гемони, *ии* гнѣва исплънившеся вои подожгоша и истлѣша вси, и не избы от нихъ никтоже, овѣмъ въ пламень вмѣтавшимъся, овѣмъ ту изгорѣвшимъ.

О знамениихъ прежде погибели Иерусалиму

Погибѣль же си людемъ сътвори нѣкто лжий пророкъ, иже въ ты дни проповѣдаше гражаномъ, яко: «Богъ велить вамъ внити въ цръковь и *приати* знамение избавлению». Тѣхъ же лживыхъ пророкъ Иоаннъ съ Симономъ пустиста къ людемъ, заповѣдающа людемъ ждати Божия помощи, да быша не бѣжали к римляномъ. Обычай же есть всякому въ бѣдахъ сущю, възвѣстить ему кто избавление от зла, то имѣть вѣру. Аще же льстить кто *и* лжеть добраа *млъвя,* то вѣрнй ему, и все упование на того възложить.

Тѣмже и се многострастный народ лестьцемъ и лжющимъ на Бога внимаше, глаголющим же право и проповѣдающимъ хотящюю быти пустоту *и* знамениемъ и явлѣниемъ не внимааше, ни вѣроваше, но якоже шибении, ни души имущи, ни очью, ни послушаша Божествъныя проповѣди. Ни разумѣша, егда ста звѣзда над градомъ, подобна копию, и пребы лѣто все, ейже имя комитисъ наречемаа, вся власятая. И пакы, прежде заротѣния съвокупляющимся людемъ къ опресночному празднику, въ 8 день мѣсяца ксанфика, иже есть априль, въ девятый час нощи, толикъ свѣтъ въсия на жрътвеницѣ и на цръкви, яко мнѣти дни быти свѣтлу, и продлъжися до получаса. Иже неразумнии мнѣша благо знамение, священнии же грамотеи тако судиша, якоже и скончяся. В той же праздникъ корова нѣкымъ приведена бысть на заколение, и посреди цръкви стоящи роди агньца. Въсточнаа же врата внутреняя,

мѣднаа и тлъста, одва въздвизаема 20-ю мужь на затворение, имъже быша верея желѣзны и *завора,* подбой глубокъ и дльгымъ камениемъ устроенъ, явишяся въ 6 час нощи сама отворена. Притекше же стражие цръковьнии повѣдаша властелину, и сей съ многыми людми пришедъ, едва поможе затворити я. Се же знамение судиша на благое: мнѣша бо, яко Богъ отврьзеть имъ двери благыя. Книжници же разумѣша, яко утвръжения цръковнаа сама *разорятся,* и туне отверзется ратникомъ, и опустѣеть святое. По малѣ же днеѣв от праздника, въ 21 день мѣсяца артемисия, иже есть май, видѣние нѣкое дѣмонское явися паче вѣры. Иже слышать, мнѣли быша рѣчь сю басни и чяродѣяния, аще не мнози быша видѣли и повѣдали, и страсть въслѣдоваше подобна видѣнию. Преже бо слънечьнаго захождения явишася по аеру и по небу по всей иудѣйстей земли колесници и полци съ оружиемъ, скачюще сквозѣ облакы и обступающе грады. Въ праздникъ же нареченный Пянтикостий, нощию иерѣи влѣзше въ внутренюю црьковь по обычаю на службу, прьвое очютиша подвизание *и* громъ, потом же и глас внезаапу слышаша глаголющь: «Отступимъ отсюду». Иже страшнѣйши сих.

А Исусѣ Ананвѣ сыну, о шести глас

Исусъ нѣкто Анановъ сынъ, от простыхъ, не книжникъ, прежде четырь лѣтъ рати, граду еще мирну сущю и изообилну, пришедъ на праздникъ, егда вси празднують скинопигью по обычаю, въ цръкви стоя, начя внезаапу въпити: «Глас от въстока, глас от запада, глас *от* 4 ветръ, глас на Иерусалимъ и на цръковь, глас на женихы и на невѣсты, глас на всѣхъ *людѣй».* Се глаголя, по вся дни и нощи въпияше, обходя по *стъгнамъ.* Некоторыи же от нарочитыхъ разгнѣвашася на нь, злорѣчия его ради, и емше многыми ранами мучиша и. Сей же ни ранъ мняше, ни о собѣ моляшеся, ни къ мучящему и отвѣщеваше, но токмо въпияше, яже прежде. Власти же иерусалимьстии, мняще сего вышнею силою нѣкоею подвизаема на вопль той, и приведоша и къ римскому властелю, идеже биемъ прутиемъ и манъглавиемъ даже и до костий, ни поболѣ, ни прослези, но блъма чресъ силу кликаше гласомъ жалостнымъ тѣмъ: «Люте, люте Иерусалиму!» Алвину же прошащю его, — той бо бѣ властелинъ тогда от Рима, — «Кто еси? Откуда? И въскую таковаа *въпиеши?»,* сей же не отвѣща ничтоже противу рѣчемъ его и не преста плета рыдание градное, дондеже Алвинъ безумна творя отпусти и. Се же оттолѣ не прииде ни к *комуже,* ни явися, дондеже прииде рать. И потомъ по вся дни акы молитвѣ *изучься,* рыдаа въпияше: «Лютѣ, лютѣ Иерусалиму!», а ни къ биющимъ его *отвѣщаваше,* ни лающимъ его кленяше, ни подавающихъ ему пищю благословяше. Единъ же отвѣтъ се дряхлъ бысть къ всѣмъ по 7 лѣтъ и по 5 мѣсяць, и ни глас его измлъче, ни утрудися, дондеже видѣ дѣла ратнаа, яже *проповѣдаше,* и потомъ почи смрътию. Ходя по забраломъ, пакы въпияше: «Увы, увы граду и людемъ и цръкви!», наконець же приложи: «Увы, увы мнѣ!» И абие камень прилѣтевъ от порочя удари и и уби и, и испусти душю, и еще глаголющю проповѣдание се.

И аще кто добрѣ разумѣеть, то обрящеть Бога промышляюща за человѣка и всѣмъ нравомъ *проявляюща* роду нашему яже на спасение; мы же несмыслиемъ и злодѣйствомъ самоволнымъ погибаемъ. Богъ знамения гнѣвнаа показаа, да быша разумѣли людие Божий гнѣвъ, и престануть от своея злобы, и тѣмъ умолять Бога. Сущю же въ иудѣихъ пророчьству, яко четвероуглъным образом опустѣеть градъ и цръкви, то сами начяша кресты дѣлати на распятие, еже есть, якоже рекохомъ четверообразныи. И по разорении Антония цръковь четвероуглльную сътвориша. На рать же подвиже я проповѣдания *дворазумнаа* въ святыхъ книгахъ *обрѣтаемая,* глаголюще, яко в та времена нѣкто от иудѣйскыя земля будеть цѣсарствуя над всею вселенною. Имже разноличнаа сказания суть: ови бо мнѣша Ирода, ови же распятаго чюдотворца Исуса,[61] ови же Уесписиана. Но обаче невъзможно *человѣком* суда убѣжати, аще *и* промыслять. Иудѣи же знамения судиша, якоже хотѣша, вратяще я на свою сладость, другаа же похулиша, дондеже погубивше себе и отечьство, обличишася и постыдѣшася и явишася безумни.

---

[1] *Веспасиан* (9—79) — будущий римский император (69—79), осуществлял верховное командование римским войском в провинции Иудея в 67—69 гг.

[2] *Тит* (39—81) — будущий римский император (79—81).

[3] *Птолемаида* — город на побережье Средиземного моря, откуда Веспасиан двинулся со своим войском на юго-восток провинции Иудея.

[4] *Иотапата* — город на границе Галилеи.

[5] *Спира* — отряд войска; здесь, видимо, когорта, хотя слово имело и значение манипул, третья часть когорты.

[6] *Тибериада* — город на востоке Галилеи, основанный тетрархом Иродом Антипой и названный им в честь римского императора Тиберия (14—37).

[7] *Гадара.* — В греческом оригинале Гадара, очевидно, названа по ошибке, так как этот город находится далеко на юго-восток от Иотапаты; видимо, имелся в виду город Габара, расположенный на пути из Птолемаиды в Иотапату.

[8] *Праща* — стенобитное камнеметное орудие.

[9] *Желвь* — «черепаха», боевой порядок, при котором солдаты, держа щиты горизонтально над головой, образуют сплошной защитный навес.

[10] *Трекапный*. — Капь — древнерусская единица веса.

[11] *Сулица* — короткое метательное копье.

[12] *Забрала* — укрепления на верхней части крепостной стены.

[13] *...въ заутренюю стражю...* — Ночь (с 6 часов вечера до 6 часов утра) была разделена у римлян на 4 стражи (по 3 часа каждая); последняя из них называлась утренней.

[14] *...мѣсяца панема...* — Иосиф пользуется македонским календарем, который употреблялся в Малой Азии и на Ближнем Востоке.

[15] *Нерон* (37—68) — римский император (54—68).

[16] *Давид* — царь Израильско-Иудейского государства в конце XI—перв. пол. X в. до н. э., завоевавший Иерусалим и перенесший туда свою столицу (2 Цар. 5, 6—9).

[17] *...Хранитель...* — Возможно, имеется в виду крепость Сион, которую завоевал Давид и где он поселился (2 Цар. 5, 9).

[18] *Соломон* — сын царя Давида, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), построивший первый храм Яхве в Иерусалиме (3 Цар. 5—7, 1 Пар. 22; 28, 10—29, 19; 2 Пар. 2—4).

[19] *...Край...* — Нижний город назывался Акра, в переводе с греческого буквально вершина.

[20] *Асамонѣи* — Хасмонеи — Маккавеи, жреческий род, правивший Иудеей в 167—37 гг. до н. э.

[21] *Сыротворенаа... дебрь...* — Происхождение названия неясно; предполагают, что это эвфемизм вместо «Навозная долина» — слова сыр и навоз звучат по-еврейски похоже. Ср. Неем. 3, 13—14.

[22] *Силоам* — этот источник упоминается в Ис. 8, 6; Иоан. 9, 7.

[23] *...Коннаго сына...* — Эту башню Ирод Великий, царь Иудеи в 40—4 гг. до н. э., назвал по имени своего друга Гиппика (это имя буквально означает конный, греч. ἵππος *конь*); она находилась рядом с современными Яффскими воротами.

[24] *Соломонова купель* — Возможно, имеется в виду Царский пруд близ Колодезных ворот, упоминаемый в Неем. 2, 14; видимо, предание приписывало его создание Соломону.

[25] *Офел* — возвышенность на юго-востоке Храмовой горы, упоминается в 2 Пар. 27, 3; 33, 14; Неем. 3, 26—27 и др.

[26] *...Генафь...* — в переводе с еврейского означает «сад»; местоположение этих ворот точно не установлено.

[27] *Антония.* — См. ее подробное описание в главе (О градѣ, о церкви, о дворѣ). Построивший крепость Ирод Великий назвал ее в честь своего покровителя, римского триумвира Марка Антония (83—30 гг. до н. э.).

[28] *...Мусиинаго...* — Происхождение греческого названия башни Ψηφινός неясно; греч. ψῆφος означает «камешек».

[29] *...до Елѣнинъ гробъ...* — Елена — царица Адиабены, древнего царства на берегах рек Тигра, Верхнего и Нижнего Заба; она перешла в иудаизм и переселилась в середине 40-х гг. н. э. в Иерусалим, приказав построить себе роскошную гробницу недалеко от города (возможно, ее следует идентифицировать с современными Царскими гробницами севернее Иерусалима).

[30] *...до Цѣсарьскых пещеръ...* — Царские пещеры — каменоломни, где добывался материал для царских построек (к востоку от современных Дамасских ворот).

[31] *...гробъ Синничь...* — Что это за памятник, неясно. В Библии несколько раз упоминается Поле белильщика сукон близ Иерусалима — ср., напр., Ис. 7, 3; 36, 2.

[32] *Агриппа* — внук Ирода Великого, царь Иудеи в 41—44 гг.

[33] *Везефа* — собственно «местность, где растут оливы»; так назывался холм к северу от Храмовой горы.

[34] *Клавдий* — римский император (41—54).

[35] *Церкви...* — Храм, построенный Соломоном, в 586 г. до н. э. был разрушен вавилонянами (см. 4 Цар. 25, 9). Второй храм, который описывает Иосиф, был построен ок. 415 г. до н. э. при персидском царе Кире (1 Езд. 1—4; 2 Езд. 5—6); строители старались воссоздать первоначальную постройку. Впоследствии храм постоянно достраивался вплоть до его разрушения римлянами.

[36] *И над тѣми титлами... опустѣние церкви.* — Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала. Древнерусский переводчик, очевидно, пользовался другой, несохранившейся редакцией, содержащей упоминания об Иисусе Христе, которые впоследствии (возможно, при императоре Домициане, гонителе христиан) были удалены из текста.

[37] *Александр* Лизимах — алабарх (должностное лицо, стоявшее во главе еврейского населения) Александрии Египетской при императорах Тиберии и Клавдии, один из самых богатых и знатных иудеев города.

[38] *Тиберий Александр* — сын Александра Лизимаха, перешедший в язычество; прокуратор Иудеи, а затем, во время осады Иерусалима, начальник императорской гвардии в войске Тита. См. с. 284.

[39] *...непроходимо...* — Ошибка переводчика, в греческом оригинале ἀναβατός *в которое входят*.

[40] *...катапетазма...* — Ср. Исход 26, 31.

[41] *...развѣ двою на десять поясъ небесныхъ.* — Знаки зодиака не могли быть изображены на завесе, так как иудейский закон запрещал изображать людей и животных.

[42] *Си же катапетазма... противу вину раздрание ея есть.* — Этот текст отсутствует в сохранившейся редакции греческого оригинала. Ср. Мф. 27, 51; Мр. 15, 38; Лк. 23, 45.

[43] *...свѣтилникъ и трапеза и кадилница...* — Ср. Исход 26, 35; 37, 10—29.

[44] *...7 звѣздъ... планитъ...* — К ним древние причисляли Солнце, Луну, Меркурий, Венеру, Марс, Юпитер, Сатурн.

[45] *Жертвенник.* — Ср. Исход 27, 1—2.

[46] *Ризы.* — Ср. Исход 28, 7—43.

[47] *Четворица.* — На повязке первосвященника было 4 буквы, обозначающих имя Яхве. В рукописи *животворца*; исправлено на *четворица* по смыслу и в соответствии с греческим оригиналом.

[48] *...обычай всѣмъ говѣти Бога* — т. е. в день Всепрощения (праздник Йом-Киппур).

[49] *Детинец* — внутренняя крепость.

[50] *Иродовы палаты* — дворец Ирода Великого.

[51] *Мятежници...* — Иосиф называет мятежниками и разбойниками противников примирения с римлянами, сражавшихся за независимость Иудеи и державших оборону Иерусалима.

[52] *...преждереченнаго мѣсяца...* — т. е. панема (соответствует июлю—августу).

[53] *Иоанн и Симон* — два главных предводителя повстанцев Иерусалима. Иоанн из Гисхалы возглавлял партию зелотов — наиболее радикальных поборников политической независимости Иудеи. Симона из Герасы партия умеренных призвала в Иерусалим на помощь против зелотов. Вступив в Иерусалим в 69 г., Симон начал войну с Иоанном. Когда начался штурм Иерусалима, Иоанн и Симон объединились

против римлян; Иоанн оборонял Храмовую гору, Симон — Верхний и Нижний город.

[54] *Гривна* — древнерусская мера веса.

[55] *Кесарь* — Тит (*Тит* (39—81) — будущий римский император (79—81)).

[56] *...второй час дня...* — 8 часов утра.

[57] *...двери, внутреннии...* — двери в Святая святых, где, по-видимому, не было освещения.

[58] *...пожьгоша ту цръковь.* — Показания источников относительно даты сожжения храма вавилонянами расходятся.

[59] *Аггей* — См. Агг. 1—2.

[60] *...вертелища...* — Очевидно, шпили с крыши храма.

[61] *...сами, начяша кресты дѣлати... четверообразныи ... ови же ... Исуса...* — Этих слов нет в дошедшей до нас редакции греческого оригинала.

ПЕРЕВОД

Как была взята Иотапата

А Веспасиан со своим сыном Титом, пребывая в Птолемаиде, испытывал воинов и писал, каков каждый из них. Плацид же, который был послан вести войну в Галилее, желая добиться славы, устремился на Иотапату, столичный город Галилеи, укрепленный лучше других. Но не достиг того, на что надеялся. Ибо горожане, узнав об их наступлении, стали перед городом, изготовившись к бою, и, схватившись с римскими полками, скоро победили их, многих ранив и убив семь человек. Ведь не в обычае у них обращать спину, когда они терпят поражение, но отступают понемногу, так что бегство их оказывается незаметным.

Веспасиан же сразу двинулся от Птолемаиды на Галилею и приказал воинам выступать, как это заведено у римлян: впереди стрелки и легковооруженные, которые должны вести наблюдение на случай внезапного приближения противника и разведывать, не спрятаны ли отряды по лесам; за ними следуют латники, частью — всадники, частью — пехотинцы; и вслед за ними — путепроходчики, которые рубят лес и разравнивают дорогу в тесных и труднопроходимых местах, чтобы <воины> не уставали от тяжелого пути; за ними — обоз полководца и военачальников и всадники для его охраны; потом сам <полководец> с

отборными <частями> конницы и пехоты, и за ним — ослы и мулы, везущие приспособления, при помощи которых они брали города; а за ними — предводители спир и военачальники, и при них — отборные воины; потом — значки, которые называют «орел», потому что это царь над всеми птицами, — он сильнее всех, и встреча с ним предвещает победу. И за ними следовали трубачи, затем — войско, разделяющееся на шесть частей, и далее — сотник, надзирающий за строем, и за ними — сторожевой отряд из всадников и пехотинцев с оружием, охраняющих задние ряды.

И все галилеяне, увидев их, ужаснулись, и многие начали раскаиваться. Те, что были при Иосифе, еще прежде, чем увидели, бежали с Иосифом к Тибериаде.

И преисполнились страха все тибериане, понимая, что не бежал бы Иосиф, если бы не потерял надежду. А он размышлял, каков будет конец иудеянам, и знал, что нет им спасения, если не покаются, а сам надеялся на прощение от римлян. Но однако предпочел умереть вместе с людьми, чем предать отечество и данную ему власть. И он написал иерусалимским властителям правдиво обо всем, чтобы они либо предпочли мир, либо прислали ему помощь.

Веспасиан же взял Гадару и окрестные села, не пощадил ни стара, ни мала, но всех предал мечу. И потом пошел на Иотапату. И услышал <об этом> Иосиф, придя туда из Тибериады, и укрепил силы иудеян. Кто-то сообщил Веспасиану о прибытии Иосифа, и он сразу, думая, что возьмет всю Иудею, если поймают Иосифа, поспешил послать Плацида с тысячей всадников окружить город, чтобы Иосиф не мог бежать. Сам же днем позже, собрав всю силу, пошел до полудня на Иотапату и с двумя полками пехотинцев окружил город, а всадников поставил за ними, преграждая им все пути.

Иудеяне же, выйдя, стали перед воротами. Веспасиан послал на них стрелков и установил пращи и все метательные орудия. Сам же с пехотинцами направился на высокое место, откуда можно было разрушить стены. Испугавшись, Иосиф сделал вылазку и с ним все иудеяне, и схватились с римлянами, и отогнали их. И рубились весь день, а к ночи разошлись. Тогда многие у римлян были ранены, трое убиты, а у евреев ранены шестьсот, а семнадцать пали.

Наутро, выйдя, напали на римлян с гораздо большей силой. Противник же оказался сильнее их. Пять дней они бились, и можно было видеть,

как ломались копья, и скрежетали мечи, и разбивались щиты, и выносили мужей, и землю напоили кровью. Однако ни иудеяне не проникались страхом перед римлянами, ни римляне не падали духом, видя, как твердо укреплен город.

Ведь этот город весь стоит над пропастью, так что невозможно глазам человеческим измерить глубину; только с северной стороны небольшой приступ, потому что стены кончались, сходя к ущелью. Веспасиан же на преодоление твердыни города и силы иудейской призвал своих военачальников и приказал воинам носить землю, хворост и камни, и они сразу, разойдясь, принялись носить. И, устроив черепаху, чтобы им не причиняли вреда из города, наполнили пропасть. Иудеяне же бросали на них множество камней, но ничего не добились.

Веспасиан поставил вокруг города стенобитные орудия — их было шестьдесят, — и они пращами метали камни весом в три капи; и сулицы, пускаемые из лука, свистели, и стрелы затмили свет. И из-за этого иудеяне не посмели выходить на стены — им мешал верхний защитный обстрел. Они, как разбойники, выбегали из ворот, стремительно оттаскивали черепаху и секли стоящих под ней.

Тогда Веспасиан приказал сделать покрытие от одного конца города до другого и насыпь выше города. Иосиф же, видев это, собрал строителей, чтобы они надстроили стены. А когда они не смогли из-за камней и стрел, он устроил им навес из свежесодранных воловьих шкур. И так работая, за ночь и день они надстроили стены на двадцать локтей в высоту, к великой досаде Веспасиана, поскольку он не мог придумать, что предпринять против такой высоты. И отозвал воинов и осадил город, думая взять их голодом.

У них же было обилие всякой снеди, но недоставало соли и воды, потому что не было ни источника, ни колодца внутри города. Веспасиан <надеялся>, что они сдадутся из-за жажды. Но Иосиф, желая отнять у него надежду на это, приказал намочить многочисленные одежды и повесить на стенах, чтобы с них капало, отчего римлян охватило уныние и ужас. Полководец, отчаявшись взять город голодом, снова обратился к оружию и насилию, а этого и хотели иудеяне: потеряв надежду спасти жизнь и город, они предпочитали умереть в битве, чем от голода и жажды. И евреи, сражаясь все каждый день, терпели поражение, и их осталось мало. Иосиф, рассудив, что нет уже спасения, думал бежать из города. И узнав об этом, люди обступили его и умоляли не бросать их в этой беде, возлагая надежды на него одного: «Если ты останешься с нами, то все, не зная усталости, будем биться за тебя; если же ты уйдешь, то мы попадем в плен». Он же, думая, как

спасти свою голову, говорил им, что: «Ради вас я ухожу, чтобы, собрав воинов, внезапно напасть на врагов. Ведь они, как только услышат, что я ушел от вас, оставят город и погонятся за мной». Этих слов не послушали люди, но и дети, и старики, и женщины с младенцами, воспылав большой любовью к нему, припадали к его ногам, умоляя не уходить от них. И он, видя их вопль и рыдание, уступил и сказал: «Ныне время, о други, обрести славу вечную и сотворить нечто достойное мужей на память грядущим поколениям».

И собрав сильнейших, пошел на сторожевой отряд и разогнал его, и сек их до лагеря, и разрушил их черепаху и навес и насыпь раскопал, и сооружения их поджег; и три дня и три ночи делал то же без отдыха. Веспасиан же, видя, что его воины не могут противостоять вылазкам иудеян, приказал не вступать в бой с людьми, жаждущими смерти: ведь нет ничего сильнее отчаявшихся и сражающихся потому, что нет другого выхода. И приказал арабским стрелкам и сирийским пращникам биться с иудеянами. А те шли и не щадя головы яростно нападали на римлян, минуя стрелков.

И снова Веспасиан изготовил воинов к бою, как прежде, и поставил впереди стрелков, и восстановили насыпь. И поставили баран: это большое толстое бревно, похожее на корабельную мачту, а на конце его насажены рога большие из железа — поэтому оно и называется баран. И врыв два бревна наподобие развилины и поместив его между ними и обвязав веревками, множество людей, оттягивая, наносили удары. И в это время стрелки пускали стрелы, суличники метали сулицы, а пращники бросали камни, так что иудеяне не смели подняться на забрала. И потом они, не опасаясь, били стены бараном, и когда множество <людей> било в одном месте, стены сотрясались. Иосиф же наполнил мешки, набрав половы, и повесил, и куда тащили баран, на то место тащили мешки, и стенам не было вреда, потому что барану мешали мешки. Но римляне, привязывая серпы к копьям, отрезали мешки. И иудеяне в отчаянии, взяв факел, сучья и сухой хворост, смолу и серу, выскочив в трех местах, подожгли насыпь, и сооружения, и метательные орудия, и баран. Римляне, в ужасе от их дерзости, разбежались; пламя окружило их, и, не имея возможности бежать, они резали сами себя.

Тогда один из мужей, иудеянин, совершил поступок, достойный памяти. Это был Елеазар, сын Самия, родом из галилейского села. И он, подняв огромный камень, бросил на баран и отшиб ему голову, затем соскочил с забрал и схватил его голову прямо среди римлян и, возвратившись, встал над крепостной стеной, чтобы все видели и знали, держа голову барана. И пять стрел, прилетев от задних стрелков, поразили его, и, раненый, он упал со стены вместе с бараном.

А после него храбрецами явили себя Нетир и Филипп из города Румы, которые напали на десятый полк с таким шумом, с такою силой и скоростью, что разбили большой полк, разогнали его и победили: не в силах были устоять перед их мужеством те, на кого они устремлялись. Иосиф же, выйдя с людьми, разогнал пятый полк и пожег все оставшиеся <орудия>, а основания насыпи раскидал.

И когда наступило утро, Веспасиан собрал разбежавшихся и поносил их за то, что они бежали не перед воинами, но перед разбойниками, не стыдясь ни воинского закона, ни славы отцов. И все, в единодушном устремлении, надстроили третью насыпь и восстановили баран, и били там, где уже раньше произвели разрушения.

И тут кто-то из города ранил Веспасиана в ступню, но неглубоко: большое расстояние ослабило силу стрелы. И у римлян началось великое смятение: стоявшие вокруг него видели кровь и оповестили всех о ране полководца. И великий страх напал на всех, и, оставив битву за город, они быстро побежали к полководцу. Прежде всех Тит испугался за отца. Но скоро волнение улеглось, и полководец, обвязав ногу, поскакал через свои полки, чтобы они увидели его, и те, видя его, обрадовались и, подгоняя друг друга, устремлялись на стены, мстя за своего полководца. И можно было видеть, как евреи падали, будто снопы, с забрал, но, однако, не сходили со стен и, видя смерть перед глазами, свешивались и бросали на стоящих внизу камни, железо и огонь. Но ничего не достигли.

Но и с наступлением ночи они не дали себе отдыха, но пущенные стрелы и сулицы убивали множество людей, а особенно — метательные орудия, из которых и забрала отшибали, и углы сокрушали. Одному из мужей оторвало голову, и отскочила голова на три версты. И беременная женщина, вышедшая из дома, — как ударило в чрево ее и вышибло младенца на версту! И страшный вопль вырвался у женщин внутри <города> и плач у тех, кто стоял снаружи, и стенание поднялосьдо неба. Кровь с забрал текла рекою, и можно было по трупам войти в город как по ступеням. Многие из иотапатиан, тогда славно подвизавшись, пали, и многие были ранены. А стена, которую били всю ночь бараном, сломалась и обрушилась. И еврен, вооружившись, укрепляли обрушившиеся места.

Когда же наступило утро, Веспасиан дал воинам немного отдохнуть от ночных трудов, а потом пошел на взятие города. И приказал самым сильным из всадников, сойдя с коней, идти на обрушившиеся места, и

за ними — храбрейшим из пехотинцев, а остальных всадников поставил по пригорью, чтобы не убежал из города никто из горожан. Стрелков же и пращников поставил назад, чтобы они не давали горожанам высунуться из-за забрал. И на места, где стены были целы, принесли лестницы, чтобы, пока горожане охраняют обрушившиеся места, они сами влезли без опаски. И узнав это, Иосиф приказал лить на них кипящее олово, и они, обожженные им, скатывались вниз, и много их было обожжено. И снова Веспасиан приказал сделать на насыпи три башни по пятьдесят локтей в высоту, и оковали их железом, чтобы не вредил им огонь и чтобы они были крепки своею тяжестию. И поставил на них лучших стрелков и суличников и легкие метательные орудия, и они стреляли как будто с неба. Горожане же, оказавшись внизу и не имея возможности биться с теми, кто выше, к тому же видимые с невидимыми, отступили, но продолжали сопротивляться, пока не обессилели.

И после этого выбежал кто-то из города и донес Веспасиану, что: «Уже изнемогли горожане от бессонных ночей и бесконечного постоянного напряжения. А ты можешь в утреннюю стражу взять город, подойдя тайно, потому что они в трудах день и ночь, а на заре одолевает их сон — ведь в этот час они не ожидают нападения и вся стража спит». Однако он не поверил доносчику, зная твердостъ иудеян и верность друг другу. Ведь до этого он уже взял одного иотапатианина и пытал его всеми пытками, огнем и железом, чтобы тот рассказал что-нибудь о делах в городе. Когда же тот ничего не сказал, он распял его, и тот умер смеясь. И с этим <перебежчиком> — он чувствовал, что не очень далеки от истины его речи, и отдал его под стражу. Сам же в указанный доносчиком час подошел с войском к городу в полной тишине. И первым влез на стены Тит с трибуном Сабином, а за ними — Секст и Плацид со своими воинами, убили стражу и вошли в город бесшумно, и взятые в плен не услышали, как они ходили посреди города: ведь все силы у них отнял тяжелый сон. Если же кто и вставал, то не мог видеть из-за тумана, приключившегося тогда над городом, — пока к рассвету не вошли уже все воины и, поминая все зло, которое претерпели от них, не щадили <никого>, от стариков до младенцев. И одни, видя смерть, закалывались сами, а другие разбежались по пещерам. <Один из иудеян попросил> Антония-сотника дать ему руку в знак того, что тот не убьет его; и когда тот без задней мысли и без опаски протянул руку, он проткнул его ребра копьем и, опередив, убил его. И в тот день были убиты все, кто не скрылся, — шестьдесят тысяч, пленных же взяли пять тысяч и город разорили, а башни сожгли. Так была взята Иотапата в месяце панеме, то есть июле, в тринадцатый год правления Нерона.

Римляне же искали Иосифа, гневаясь на него и желая угодить своему полководцу; искали его среди трупов и в потаенных местах города.

Как Иосиф прыгнул в яму

А он, когда брали город, с Божьей помощью, спрятался среди воинов и прыгнул в глубокую яму, из которой шел невидимый путь к пещере, и обнаружил, что в ней скрываются сорок лучших мужей, и тут были всякие припасы на потребу телу. Ведь вокруг города находилась стража, и невозможно было убежать. И два дня он скрывался. На третий день стража схватила одну женщину и пытала, и та под пыткой указала на него и тех, кто был с ним. И сразу Веспасиан послал двух трибунов с поспешностью — Павлина и Галликана, выманить Иосифа и обещать ему безопасность. И эти двое, отправившись, просили его и в знак безопасности давали правую руку, но тот не послушал, боясь мести, потому что много зла сотворил им на войне. Полководец же третьего трибуна послал к нему, о котором знали, что он был его другом, именем Никанора. И тот, явившись, говорил ему о доброте римлян и их милосердии к пленным и добавил, что благодаря своей храбрости и уму он вызовет у них не ненависть, но скорее восхищение. «Полководец же старается вывести тебя к себе не на пытку, но желая спасти тебя. Если бы он хотел выманить тебя, чтобы причинить зло, то не послал бы меня, твоего друга, да и я не послушал бы его, если бы нужно было обманывать тебя».

И поскольку Иосиф колебался, воины хотели в гневе поджечь пещеру. И он, узнав об этой угрозе, вспомнил ночные сны, в которых Бог показал ему несчастья, которые обрушатся на иудеян. Он же хорошо толковал сны и умел понимать то, что Бог показывал прикровенно, и ничто из священных пророческих книг не было для него тайной — ведь он был священник и происходил из рода священников. И в тот час преисполнился духа и растолковал страшные сонные видения и вознес к Богу тайную молитву, говоря: «Поскольку род иудейский, о творец, кажется мне лишившимся силы пред твоими всевидящими очами и всю удачу ты перенес на римлян и наделил их своею мощью, а мою душу спас, чтобы я возвещал о будущем, — и вот, по твоему святому повелению, я добровольно даю руку римлянам и клянусь твоим святым именем, что выхожу не ради спасения жизни и не желая предать отечество, но послужить твоей славе и силе, чтобы сделать явным то, что ты мне показал».

И сказав так, протянул руку Никанору. А иудеяне, которые были с ним, узнав, что он хочет выйти, окружили его, крича, что сильно восстенает отеческий закон и опечалится Бог, который сотворил иудеянам души непокорные и презирающие смерть. «Или ты любишь жизнь, Иосиф? Но потерпишь ли ты видеть свет рабства? Ты слишком быстро забыл, скольких сам научил умирать за свободу! А лжива слава о твоем мужестве, и всуе был ты мудр, если надеешься спастись от тех, чье сердце раскровавил! Но если ты позабыл свой ум, то нам подобает

позаботиться о законе отцов. Вот тебе меч: если вонзишь в свою утробу своею волей, то будешь вечно воеводой иудеян, если же не хочешь — умрешь от наших рук как предатель». С этими словами они обнажили на него меч <опасаясь, что> он предаст себя римлянам.

Иосиф же испугался, что они будут действовать силой, и считая пренебрежением по отношению к Богу, если он умрет прежде Божия повеления, начал хитрить с ними, потому что положение было безвыходное, и сказал: «Почему мы ищем себе смерти? Почему мы разлучаем возлюбленных — душу и тело? Вы считаете, что я изменился? Но я не изменился! Хорошо умереть в битве от рук врага. Если я боюсь римского меча и укрываюсь, то в самом деле я достоин умереть от своей руки и своего меча. Но если нас щадят, взяв в плен, то разве нам не должно помиловать себя самих? А что прекрасно умереть за свободу — то мне это любо перед войском. А сейчас — где войско? Кто с нами бьется? Равно труслив тот, кто не умирает, когда подобает, и кто умирает, когда не подобает. Так чего же мы боимся, что не выходим к римлянам? Смерти? Но почему то, чего мы боимся, ожидая этого от врагов, мы сами на себя навлекаем насильно? Если же кто поносит рабство, то теперь мы очень свободны?! Или же вам кажется храбрым тот, кто сам себя убивает? Напротив, это — слабейший из всех людей, подобный кормчему, который, испугавшись волн, прежде бури потопил корабль. Самоубийство же противоестественно и не дано ни одному животному — ведь ни одно из них себя не убивает. Во всех силен естественный закон — хотеть жить. Поэтому отнимающих у нас жизнь мы считаем врагами, и прогневает Бога человек, если дар его отдает на поругание, и творит беззаконие пред очами его. Всякая плоть смертна и создана из тленного естества, душа же вечно бессмертна и пребывает в теле по Божественному подобию. Если кто-нибудь погубит чужой залог, данный ему на сохранение, то его назовут коварным и вероломным, с которым никому нельзя иметь дело. Если же кто разлучит Божий залог от своего тела, то как может он укрыться от того, кому нанес обиду? Если раб убежит от господина, даже плохого, то он достоин кары. Но убегая сами от прекрасного и предоброго владыки — от Бога, не окажемся ли мы нечестивцами? Разве вы не знаете, что из этой жизни уходят по естественному закону, отплатив взятый у Бога долг, когда он захочет взять? И таким — слава вечная и дома крепкие и потомки не забывающие, а души их, чистые и непорочные, пребывают в месте святом и небесном и ждут, когда вернутся обратно и вселятся в свои тела после того, как обратятся века. Но те, кто на себя налагает руки, — их души темный ад принимает, а Отец и Бог мучит их до правнуков их. Потому ненавистно это пред Богом, и законодатель наш установил, чтобы до захода солнца тела самоубийц лежали без погребения; в других же странах и правую руку у мертвых отрезают. Мы достойны, о други, ходить с правдой, а не добавлять к человеческим бедам гнева творца! На этом свое слово кончаю. Не могу быть предателем самому себе. Иноплеменники зовут нас на спасение — и я ли захочу броситься на меч? Да не будет этого! Если же после того, как я дам им руку, они убьют меня, то я паду, как бы увенчанный победным венцом, предпочитая их вероломство царству».

Много подобных слов говорил к ним Иосиф, удерживая их от самоубийства. Они же, заградив уши отчаянием, обступили его, собираясь убить, понося и хуля за слабость. А он, одного называя по имени, на другого глядя с угрозой, третьего хватая за руку, разными речами отталкивал их от себя. А их, еще сохранявших уважение к своему военачальнику, как в строю, удерживал стыд, и никто не поднял на него руку.

И он, предоставив спасение свое Богу-промыслителю, сказал: «Поскольку благая воля Бога — нам погибнуть, умрем по счету: на ком закончится счет, пусть будет убит следующим». И сказав так, рассчитал числа с хитростью, и тем обманул всех, и все были убиты друг другом, кроме одного. И он, стремясь не осквернить руки родственной кровью, упросил того, и оба вышли живыми. И повели их к Веспасиану, а римляне все устремились на зрелище, и поднялся разноголосый крик: одни радовались, что Иосифа взяли в плен, другие выкрикивали угрозы, третьи требовали пытать и убить врага, а иные дивились превратности жизни. Веспасиан же приказал взять его под стражу, чтобы послать к Нерону.

О городе Иерусалиме, и о храме, и о завесе

Каким был город Иерусалим

Город был огражден тремя стенами там, куда не вдавались глубокие пропасти, а в этих местах было одно ограждение. Сам же город был построен на двух горах, а между этими горами — долина, в которой стояли теснящиеся друг к другу дома. Из этих двух гор одна была выше и длиннее — на ней стоит Верхний город, названный царем Давидом «Хранитель» за то, что был укреплен; этот царь был отцом Соломона, осуществившего первоначальную постройку храма. А вторая называется «Вершина»; на ней построен Нижний город на двух холмах, а перед ней — глубокое ущелье. Потом в годы, когда царствовали Хасмонеи, это ущелье засыпали, чтобы сравнять город с храмом, а другую вершину, иссекая железом, сделали ниже, чтобы выше казался верх храма. А Долина сыроделов между двумя городами, о которой мы сказали, доходит до Силоама, где был сладкий и обильный источник. А вокруг двух гор пролегли пропасти страшные, через которые нет приступа ни с какой стороны.

Из трех же стен первая была построена Давидом и Соломоном очень крепкой и неприступной; она начинается от Конной башни и кончается у Соломоновой купели и Офела. Вторая начинается от Геннафских ворот, идет кругом до Антониевой крепости и там кончается. Третья идет от Конной башни до Мозаичной и кончается у Елениной гробницы и Царских пещер, где могила Красильщика сукон. Агриппа пристроил к ограде новые стены и назвал их «Везефа», что значит «Новый город», но не завершил постройки, из-за страха перед Клавдием, как бы тот не заподозрил, что огромная постройка предпринята для <подготовки> мятежа. Этот город не смогли бы взять, если бы Агриппа закончил стены, как начал: ведь он строил из камней в двадцать локтей толщиной и в десять шириной — их нельзя было ни прорубить железом, ни поколебать бараном. После того, как Агриппа прекратил строительство — как мы сказали, из-за страха, — иудеяне достроили <стены> до двадцати пяти локтей в высоту.

Храм же был создан на высокой горе, на вершине, на ровной площадке, а вокруг него — огромные пропасти. Царь Соломон построил стены с восточной стороны и сделал насыпь, а на ней — крытую галерею; с другой же стороны храм был неогорожен. И люди, в последующее время постоянно возвышая насыпь, сравняли гору и расширили ее и, прорубив южные стены, огородили с этой стороны место вокруг храма. И, сделав ограду вокруг горы и трудясь свыше сил, завершили знаменитое сооружение — на это ушли долгие века и было истрачено священное сокровище, присылаемое со всей вселенной на почитание Бога. А где места были низкие, надстраивали на триста локтей камнями по сорок локтей толщиной. Множество средств и старание людей создавали строение превыше слова и ума и довершили то, в чем видящие могли удостовериться и чему слышащие не могли поверить.

А наверху они построили двойные крытые галереи, и колонны в них были каменные, по двадцать пять локтей в высоту, сделанные из цельного мрамора, белые; покрытие же было из кедровых досок, хорошо отесанных. И храм был великолепен благодаря естественной красоте, так что зритель не скоро мог отвести глаза свои от <этого> зрелища; росписи же и ничего сделанного руками не было в нем. Кругом была стена на шесть верст, а двор не был покрыт, но украшен и вымощен различными встроенными камнями. И оттуда была устроена лестница ко второму храму, а перед ним — перегородка из камней высотой в три локтя, очень приятная на вид; и за ней стояли одинаковые столбы с надписями греческими, латинскими и еврейскими буквами, возвещающие закон <соблюдения> чистоты и запрет иноплеменникам входить внутрь. Они называли это «святое»; в него проходили по 14 ступеням, и верх был сделан четырехугольным. А над теми надписями висела четвертая надпись, теми же буквами, возвещающая об Исусе, царе не царствовавшем, распятом иудеями за то, что он предсказывал разорение города и запустение храма.

А на восточной стороне были ворота и место, отведенное женщинам для службы и молитвы, ибо через другие двери женщинам входить не подобало, так же как и переходить за ограду через свои двери. С западной же стороны не было ворот, но от края и до края было загорожено стенами. Крытые же галереи, которые были между воротами, обращенные внутрь от стен перед сокровищницей, стояли на больших мраморных колоннах.

Из ворот девять были окованы золотом и серебром, с косяками и притолоками, а одни, внешние, окованные коринфской медью, были еще прекраснее и драгоценнее, чем серебряные и позолоченные. Во всех воротах было по две двери; каждая дверь имела в высоту тридцать локтей, а в ширину пятнадцать; от ворот и до ворот — тридцать локтей. Ограда — мраморная, башнеобразная, высота ее более сорока локтей; и у каждой ограды стояли по две мраморные колонны, и величина всех была одинакова. Восточные ворота — коринфские — были пятьдесят локтей высотой, а двери — сорок локтей, и толщина золота и серебра на них была больше. Все остальные девять поковал Александр, отец Тиберия. Ступеней же было пятнадцать до больших ворот от места для женщин.

Сам же храм стоял посередине, священное святилище, имевшее двадцать две ступени, в которое нельзя было входить; высота его впереди сто локтей, а в ширину столько же; задняя его сторона на сорок локтей уже. Первые ворота имели в высоту семьдесят локтей, а в ширину двадцать пять локтей, дверей же они не имели — по подобию неба, недоступного взору. Все лицевые стороны были позолочены, и, приникнув к ним, можно было увидеть все внутреннее строение, сияющее золотом. Этот храм был перекрыт дважды, а первый храм стоял впереди, воздвигнутый на огромную высоту — девяносто локтей, а ширина — до пятидесяти, а в длину — до двадцати. Над этими воротами висели золотые лозы, а на них — золотые грозди, больше человеческого роста. Внутренняя отделка и двери были из чистого золота, пятьдесят пять локтей в высоту, а в ширину — шестнадцать. Перед ними висела завеса, равной ширины и длины; это была вавилонская пелена, сделанная из синей ткани и виссона, червленицы и багряницы — чудная видом, и вид ее был не без смысла, но заключал в себе образ всех вещей: ведь червленица служила образом огня, виссон — земли, синяя ткань — воздуха, а багряница — моря. Ведь червленица и синяя ткань видом подобны названным <стихиям>, виссон же и багряница по рождению близки один к земле, другая — к морю. Изображено же было на той завесе все, что видно на небе, согласно науке, кроме двенадцати небесных поясов.

Эта завеса до нашего поколения была цела, потому что люди были благочестивы, а теперь — жалко было смотреть на нее: ведь она внезапно разорвалась сверху донизу, когда творившего добро человека — и не человека деяниями — предали на убийство за мзду. И рассказывают о многих других страшных знамениях, случившихся тогда. Говорили, что он был убит и после погребения не найден во гробе — одни утверждали, что он воскрес, а другие — что был украден своими друзьями. Не знаю, кто из них ближе к правде: ведь мертвый не может сам собою воскреснуть, но лишь с помощью молитвы другого праведника, если только это не будет ангел или кто-нибудь иной из небесных сил, или сам Бог явится в образе человека и сотворит все, что хочет, и ходит среди людей, и погибнет, и почиет, и воскреснет по своей воле. Другие же говорили, что украсть его невозможно, потому что вокруг его гроба посадили стражу: тысячу римлян и тысячу иудеян. Вот что рассказывают об этой завесе, и по этой причине разорвалась она.

Входившие внутрь попадали в нижний ярус храма, высота которого шестьдесят локтей, Место же это в шестьдесят локтей разделяется на две части: первая — в сорок локтей, в которой находились три вещи, изумительные, слава о которых распространилась повсюду, — светильник, стол и кадильница. На светильнике было семь лампад, по подобию семи звезд небесных, называемых планетами. На столе было двенадцать хлебов, подобно числу поясов небесных и по образу лет. На кадильнице же было тринадцать тимьянов, собираемых со всех морей, и со всей обитаемой земли, и со всех пустынь, означающих, что все от Бога и к Богу. Внутреннее же место — двадцать локтей, невидимое за другой завесой, и ничего в нем не стояло и не лежало, и оно было недоступно для входа и скверны и невидимо для всех, называемое «святая святых». И вдоль боковой стороны нижнего храма вплотную друг к другу стояло множество строений с тремя крышами, на высокой же стороне строения были не такие из-за тесноты.

Лицевая сторона храма, обращенная наружу, поражала глаза и души смотрящих: везде она была окована толстыми золотыми пластинами и при солнечном сиянии казалась пылающей огнем. Как на чистое солнце нельзя взглянуть, но жмурится всякий, так и глаза против воли смотрящих на него зажмуривались. Когда же смотрели на него, проходя мимо, он казался горой, покрытой снегом: в тех местах, где не было оковано золотом, он ярко сверкал белизной. Наверху же были всажены золотые острия — большие, длинные, частые и острые, как стрелы, чтобы никакая птица, сев, не осквернила верха. Камни, из которых он был построен, были по сорок пять локтей длиной, по пять высотой и шириной по шесть. Впереди был жертвенник высотой пятнадцать локтей, а в ширину восемь локтей и столько же в длину, сделанный четырехугольным, выступающий с одного угла наподобие рога; восходят же на него с южной стороны. Он был сделан без железа, и никогда не прикоснется к нему железо. Вокруг же храма и

жертвенника обходит, как венец, красивейшая каменная ограда, в локоть высотой, отгораживающая народ от священников. Прокаженным же и больным даже в город не позволяли входить, а женщинам запрещали переходить ту ограду, что между чистыми и нечистыми. И мужчин не очистившихся не допускали во внутренний двор, так же и священников.

Те из рода священников, кому нельзя было служить из-за слепоты, или хромоты, или <увечной> руки, входили внутрь со здоровыми и неувечными священниками, получая ту же часть, что и они, но в священные ризы не облачались. На жертвенник же и в храм входили священники непорочные, облекшиеся в виссон и воздерживающиеся в особенности от вина, опасающиеся малейшего нарушения в службе. И первосвященник входил с ними не во все дни, но в субботы и первые дни месяца, а также в большие праздники, установленные предками. Когда он служил, ризы его отличались от священнических. Ибо перед он закрывал до голеней опоясывающей тканью, а низ — полотном; сверху он облачался в круглую ризу, доходящую до ног, сделанную из синей ткани. И кругом на ней висят золотые колокольчики и яблоки: колокольчики служат образом грома, а яблоки — молнии. И повязка прикрепляла ризу к груди, вокруг нее — пять поясов из золота, багряницы, червленицы, виссона и синей ткани, из которых была сделана и завеса, — почему, мы уже сказали. А над ней свисал омофор, сделанный из золота, имеющий вид брони. Внизу его — два щита, кованные из золота, и в середине у них — большие и прекрасные сардониксы, на которых написаны родоначальники колен иудейских. На другой стороне были прикреплены двенадцать камней, разделенных на четыре части: в первой сердолик, топаз, изумруд, во второй карбункул, яшма и сапфир, в третьей агат, аметист, лигурий, а в четвертой оникс, берилл, хризолит. Голову же он покрывал повязкой из виссона, сверху — синей тканью, а поверх — еще одним золотым венцом, на котором были написаны крестом священные буквы, составляющие четверицу. В эту ризу он не облачался в другое время, но только когда служил в <святилище>, куда никому нельзя было входить, — один раз в год, когда все по обычаю говеют Богу. В другие же праздники он облачался в более простые ризы.

О городе, о храме, о дворе

О городе, о храме и об обычаях мы еще скажем, что опустили.

Крепость же, называемая Антониевой, была построена между двумя крытыми галереями храма, на высоком камне в 50 локтей высотой. Это было сооружение царя Ирода, который покрыл этот камень

мраморными плитами от основания до верха — для красоты и ради пользы, чтобы невозможно было ни войти, ни выйти. И перед крепостью он построил стену в три локтя высотой и потом построил крепость 40 локтей в высоту. Ее внутреннее пространство было царским дворцом: прекрасные и удобные дома, крытые галереи, большие бани и широкие дворы для воинов. Поскольку там было все необходимое, она была похожа на сильный город; поскольку все в ней было прекрасно и разнообразно — на царское жилище. Имея вид башни, она по четырем углам была окружена башнями, три были в высоту по пятьдесят локтей, а четвертая на восточной стороне — семьдесят локтей, так что с нее можно было видеть храм, и на ней сидела римская стража с оружием, наблюдая во время праздников, чтобы народ не поднял мятеж. Таким образом, кремль вокруг храма был по отношению к городу как детинец, а Антониева крепость — еще более укрепленной, чем храмовый кремль. Верхний же город имел свой особый детинец — Иродовы палаты. Везефа же отделяется от Антониевой крепости и с северной стороны смотрит на храм. О городе и о стенах, насколько мог, я рассказал.

О взятии Иерусалима

Мятежники, все дни ведя из храма бой с теми, кто делал насыпь, в 26-й день указанного месяца устроили такую хитрость: заднюю крытую галерею между верхней перекладиной и крышей наполнили хворостом со смолой и серой, а потом притворились, что убегают. И тогда многие, неосмотрительно бросившись, напали на отступивших, поставили лестницы и влезли вверх на галерею. И сразу же иудеяне подожгли <их>, и огонь, разгоревшись, окружил всех отовсюду, и они, бессильные что-либо предпринять, бросались назад в пропасть или падали к противникам; некоторые сгорели, а иные погибли от меча. Цезарь же разгневался было на погибших за то, что они влезли без приказа, но, однако, проникся к ним жалостью. И поскольку никто не мог им помочь, утешением для горящих было то, что их видел цезарь, за которого каждый из них полагал душу; крича, прыгая, умоляя друг друга помочь, если кто может, и испуская радостные возгласы, они умирали с похвалою и весельем. А некоторые, прибежав к широкой стене галереи, спаслись от огня. Обступившие их иудеяне рубились с ними, и они все погибли.

Один же из них, юноша по имени Логин, совершил поступок, достойный памяти. Иудеяне не могли его убить и давали руку, упрашивая, чтобы он слез к ним. Но его брат Корнелий, стоя напротив него, кричал ему, чтобы он не посрамил своего рода и не навлек позора на римских воинов. И тот, послушав его, извлек меч на глазах у всех и вонзил в себя. Только Арторий хитростью спасся от огня: он позвал своего товарища Луция и громко сказал ему: «Тебя оставляю наследником своего имущества, если ты подойдешь и поймаешь меня». И когда тот

быстро подбежал, он рухнул на него и остался жив; Луций же был повален тяжестью и, упав лицом на камень, умер.

Эта хитрость на некоторое время повергла в уныние римлян, но потом они научились остерегаться хитрости иудеян, потому что им часто вредили незнание местности, где стоял город, и нрава его жителей. И сожжены были галереи до башни Иоанна, которую тот построил, когда воевал с Симоном. На следующее утро римляне сожгли северные галереи.

А в городе угасающие от голода падали как листья и как песок, и страдания их были неописуемы. Во всех домах, если появлялась хотя бы тень крошки, то начиналось побоище, и любимые родственники дрались врукопашную, выдавливая из горла скверное извержение души. Не верили даже умирающим: разбойники обыскивали испускающих душу, проверяя, не притворяется ли человек умирающим, скрывая пищу за пазухой. И с раскрытым ртом, как бешеные псы, толкаясь в двери, они не попадали в них и уклонялись туда, куда не хотели, будто пьяные. И, поскольку не могли нигде найти ничего съестного, входили в один и тот же дом по три и четыре раза за один час. И все, что находили, нужда заставляла тащить в рот. И что непотребно скверным бессловесным животным, то сами, выбирая, поедали с радостью и под конец не гнушались ни поясов, ни сапог, ни кож со щитов, но раздирая их, ели с удовольствием. Если же кто находил сгнившее сено или солому, то это была для них как будто пища, приправленная благоуханными травами. А некоторые, собирая сухие стебельки, продавали полгривны веса за четыре аттических золотых, что равно восьми золотым червонного золота. Но зачем я так много говорю о голодной нужде? Перехожу к рассказу о происшествии, подобное которому не было описано ни у эллинов, ни у варваров, о котором страшно рассказывать и, слушая, невозможно поверить. Я же прошу потомков не думать, что я лгу; я с радостью опустил бы этот страшный рассказ, если бы не было бесчисленных свидетелей и очевидцев; да и плохую службу сослужу я моему отечеству, если скрою страдания, которые претерпели <люди>.

Одна женщина, живущая по ту сторону Иордана, по имени Мария, дочь Елеазара, из села Батехор, что значит «дом иссопа», известная своею знатностью и богатством, прибежала среди прочих в Иерусалим. Ее имущество — то, что она сберегла и принесла с того берега Иордана, — разграбили мучители и не оставили ничего из дорогой утвари, а всю пищу, которую удавалось раздобыть, отнимали, являясь каждый день. И лютый гнев охватил эту женщину, и, браня и кляня расхитителей, она стала подстрекатъ их, чтобы кто-нибудь убил ее. Потом, видя, что никто не думает убивать ее ни из гнева. ни из жалости, она мучилась в поисках съестного, ходя к другим. И поскольку не могла найти ничего, а голод пронизывал утробу и мозг, взяв в советчики нужду, устремилась

на свое естество. Был у нее грудной младенец; и, взяв его на руки, сказала она ему: «Милый малютка! Вокруг нас война, голод и мятеж. Для кого мне тебя хранить? Если римляне нас возьмут, там тяжкое и нестерпимое рабство; если же они не успеют, тогда нас сразит голод; а мятежники страшнее и того, и другого. Ступай же, дитя, туда, откуда вышел, и будь мне пища, а мятежникам проклятие, и веку притча о том, до чего дошла жизнь иудеян!» И сказав так, заколола своего сына и испекла, потом разделила его на две половины и одну съела, а другую, накрыв, оставила. И тут же мятежники, явившись, по обыкновению, и учуяв скверный смрад, приступили, угрожая убить ее, если она не покажет, что припасла. А она ответила: «Добрую часть я оставила вам!» — и открыла им, что осталось от ребенка. Когда же они увидели, их охватил страх, трепет и ужас, и они окаменели перед этим зрелищем. Она же сказала: «Вот дитя мое, мною рожденное, и дело — моих рук. Съешьте, ведь и я ела. И не будьте мягче женщины и жалостливее матери. Если же вы благочестивы и отвергаете мое заклание, то я уже ела, и остальное оставьте мне». После этого они, трепеща, вышли: только этого они устрашились и насилу эту пищу отказались взять у матери. И сразу по всему городу прошла весть об этой скверне, и каждый воочию представил себе это ужасное деяние и содрогнулся, как если бы сам его сотворил. Голодные жаждали быстрей умереть и считали счастливыми тех, кто умер прежде, чем увидел такое зло.

Вскоре и к римлянам принесли весть об этом ужасном событии, и некоторые из них не поверили, другие преисполнились к ним жалости, а иные — глубокого омерзения. А цезарь оправдывался в этом перед Богом, говоря, что: «Я даю иудеянам мир и свободную жизнь и не вспомнил бы их непокорства и всего зла, которое они сотворили. Они же предпочли согласию мятеж, миру войну, а сытости и изобилию — страдания и голод. И теперь своими руками начали поджигать святилище, которое я берег до сих пор. А потому они достойны принимать такую пищу и поплатиться за мерзость чадоядения падением города, чтобы не остались они живы во вселенной, да не смотрит солнце на город, в котором матери едят своих детей. Раньше матерей это следовало бы сделать отцам за то, что, видя такой ужас, они до сих пор не складывают оружия». И сказав так, он задумался о том, насколько отчаялись эти люди, что не хотят раскаяться и не приемлют здравомыслия.

И когда два полка закончили насыпь в восьмой день месяца лоя, то есть августа, он приказал поставить бараны с западной стороны внутреннего храма. Перед этим Победитель — самый большой баран — в течение шести дней без перерыва наносил удары, но не смог ничего разбить. Другие же подкопали под северными воротами построенное основание и с большим трудом насилу вывалили три передних камня, однако стены не обрушились, но стояли крепко. И римляне, не в силах сокрушить их ни баранами, ни железом, ни чем-либо еще, приставили лестницы к галереям. Иудеяне же не успели воспрепятствовать им

влезть наверх, но затем, прибежав, схватились с взобравшимися и крепко бились. И одних сбрасывали вниз, других низвергали в пропасть, третьих закалывали, а тех, кто только что влез и еще не успел взять щит, опережая, зарубали, иных же, сталкивая с лестниц, сбрасывали вниз. А римляне в другом месте подняли значки цезаря. Иудеяне же, сбежавшись, учинили лютую сечу, пытаясь отнять их. А те, считая, что лишиться их — значит навлечь на себя бесславный позор, бились не уступая, пока все не погибли. А иудеяне, отняв значки и перебив влезших <на галереи>, похвалялись так, будто убили или взяли в плен самого цезаря. Из римлян же никто не погиб, не отомстив, но каждый был убит, убив прежде сам. И Тит, видя, что щадит храм во вред <своим> воинам, приказал поджечь ворота.

И тогда прибежали к нему Анан из Еммауса и Архелай, сын Магадата, надеясь получить от него прощение, потому что прибежали после победы иудеян. Но Тит думал, что они пришли с хитростью, и, наслышанный о непреклонности иудеян, велел убить их, говоря, что: «Вынужденно вы пришли, а не по своей воле, и не достойны спасения, потому что прибежали, видя, что уже горит отечество». Но, однако, не желая поступить вероломно, укротил <свой> гнев и отпустил их, но участь им была уготована не та же, что другим.

А воины подожгли серебряные ворота, и когда серебро начало плавиться, от пламени занялись доски, и оттуда внезапно пламя перекинулось на галереи. Когда иудеяне увидели пламя вокруг себя, тела и души их обессилели, и от ужаса никто не двигался тушить, но все стояли на одном месте и смотрели. Потом к ним, сильно удрученным, вернулся разум, но не здравый, и они страшно разъярились на римлян. В тот день и ночь огонь палил по пристройкам и галереям.

Когда же наступило утро, Тит послал погасить огонь, разобрать то, что сгорело, и расширить путь для полков. И призвал шестерых верховных военачальников: Тиберия Александра, Секста Цереалия, Ларция Лепида, Тита Фригийского, Фронтона Этернина, Марка Антония Юлиана, наместника Иудеи, и держал с ними совет о храме. Одни из них сказали, что с ним нужно поступить по закону войны, потому что иудеяне не прекратят мятеж, пока стоит храм, в который они собираются отовсюду. Другие же сказали: «Если иудеяне оставят <храм> и не будут браться в нем за оружие, то его следует сохранить; если же будут оттуда биться, то поджечь его: ведь тогда его нужно назвать боевой крепостью, а не храмом. Беззаконие же <исходит> не от нас, но от вынудивших нас <это сделать>». А Тит сказал: «Если даже иудеяне будут сражаться, находясь в нем, я все равно никогда не погублю вместо них неживое и не сожгу такое огромное и прекрасное ссюружение. Ведь если <храм> погибнет, это будет во вред римлянам,

если же сохранится, то будет украшением нашей власти». К этому мнению присоединились Фронтон и Александр. И тогда он распустил совет и велел военачальникам отдохнуть вместе с воинами, чтобы наутро с новыми силами изготовиться к бою.

В тот день усталость и ужас сдержали устремление иудеян. Наутро же, собрав все силы и надежду, они выбежали во втором часу дня через восточные ворота и напали на стражу снаружи <храма>. Те стойко выдержали их нападение: вооружившись, стали против них как стена, изготовившись тесным строем, но яростные набеги иудеян одолевали их. Тит заметил, что они отступают, — он видел все с Антониевой крепости — и пришел с избранными воинами на помощь. Иудеяне не выдержали его прихода, но, после того как передние пали, остальные разбежались. Когда же римляне начинали отступать, они возвращались и нападали на них, когда же те возвращались, они убегали. Так продолжалось до пятого часа дня, пока, бежав, они не затворились во внутреннем храме.

Как подожжен был храм, и о знамениях перед погибелью Иерусалима, и как Симон и Иоанн призвали Тита на беседу, Тит же повелел возразить на их речи; они же не покорялись, и Тит приказал больше их не щадить

Тит отступил к Антониевой крепости и изготовил воинов, чтобы наутро они все, подойдя, окружили храм. Бог же судил иначе и давно положил ему погибнуть от огня. И приспел судный день в конце года, в десятый день месяца лоя, в который он в давние времена был сожжен вавилонским царем. Огонь начался от своих. Ибо когда Тит отступил, иудеяне, передохнув немного, снова устремились на римлян, и те, одолев иудеян, преследовали их до самого храма и сами вошли <за ними>. И тут один из воинов, не дождавшись приказа цезаря и не убоявшись демоном внушенного начинания, в ярости выхватил огонь изнутри и, встав на плечо товарища, достал до золотого оконца и до дверей, через которые можно было добраться до строений, окружавших храм. Огонь стал разгораться, и иудеяне, с таким криком и воплем, которого заслуживало это страшное дело, побежали, дабы воспрепятствовать <римлянам> и отомстить, не щадя жизни, не помышляя о спасении и позабыв об осторожности.

И кто-то, прибежав, возвестил Титу. Он же в шатре отдыхал от брани. И немедленно, вскочив, побежал к храму, чтобы погасить огонь. И за ним направились все военачальники, а вслед им шли полки в страхе, и стоял крик и большое смятение, когда такая огромная сила пришла в движение без порядка. А цезарь голосом и рукой приказывал воинам

погасить огонь. Они же не слушали даже его крика, — потому что уши их не слышали из-за ратного шума, — и не замечали знаков, которые он делал рукой.

Одни смотрели на врагов, кто кого убьет, другим гнев затворил уши, и когда полки бежали, ни приказ, или запрет, ни просьба не могли удержать их устремления, но ярость предводительствовала всеми и гнев охватил всех. И, давясь в тесноте, многие были затоптаны своими, а многие, наступая на горящие камни и на пепел и не сумев выбраться, сгорели. А те, что стояли возле церкви, притворялись, будто не слышат приказов цесаря, но каждый из них велел стоящему рядом поджигать еще больше. Мятежники же метались, не зная, что предпринять; и повсюду шел бой, текла кровь и бежали воины. А народ — людей беспомощных и безоружных — убивали там, где кого настигали. У жертвенника скопилось множество мертвых, а кровь текла как река, и поток крови увлекал трупы.

Цезарь, увидев, что не может удержать устремления воинов и что огонь одолевает, вошел с военачальниками внутрь и увидел святилище храма, который он жаждал <увидеть>, и все, что было в нем, о чем шла слава не только среди своих людей, но и иноплеменников, — чудное, достойное славы и прекрасное. Поскольку пламя еще не проникло внутрь, но распространялось по окрестным строениям, Тит, думая, что еще возможно спасти здание от огня, подскочил и начал сам гасить огонь и заставлял воинов. Он приставил сотника Либералия бить неповинующихся, чтобы воспрепятствовать огню. Но, охваченные гневом и ненавистью к иудеянам, они уже перестали почитать и бояться цесаря, и ратное рвение пылало сильнее пламени. А многие, надеясь пограбить, поджигали еще больше, думая, что внутри все наполнено богатствами, потому что видели, что кругом было золотое убранство. Когда же цесарь вышел, чтобы остановить воинов, кто-то бросил огонь в темные внутренние двери — и внезапно изнутри показалось пламя; тогда отступили военачальники с цезарем и больше уже никого не останавливали. Так был подожжен храм, против воли цезаря.

Творение, достойное великого плача, самое удивительное из всех, сколько мы слышали и видели, и строением, и величием, и красотою, и убранством, и славою своих святынь. Но глубоко утешится тот, кто подумает о суде Божьем, которого не может избежать ни обладающее душой, ни то, что души не имеет, ни дело, ни место. И подивится кто-нибудь кругу времен: судьба соблюла и тот же месяц, и тот же день, в который, как мы сказали, в давние времена вавилоняне сожгли этот храм. От первоначальной постройки его, начатой царем Соломоном, до нынешнего разрушения, которое случилось в два года правления цезаря Веспасиана, насчитывается 1130 лет, 7 месяцев и 15 дней, а от

последней постройки, которую предпринял Аггей во 2-й год царствования Кира, до этого пленения насчитывается 639 лет, один месяц и 15 дней.

Пока храм горел, было разграблено и расхищено все, что удавалось найти; и все, кого настигало железо, погибли, и не было пощады никакому возрасту, ни уважения к благообразию, но и дети, и старцы, и нечистые, и священники — все равно приняли смерть, ибо война захватила всех сражающихся и молящихся. И в то время как выло пламя, гремели вопли и стоны погибающих. Из-за высоты горы и огромных размеров горящего сооружения глядящий издалека сказал бы, что горит весь город. И невозможно вообразить ничего более жуткого и страшного, чем тогдашний вопль: ибо и римские полки кричали, мечась, и мятежники, окруженные огнем и битвой, испускали вопли, и те, кто уцелел, бежали в ужасе, крича и плача при виде бедствия; и ко многим иссохшим от голода и видевшим смежающимися глазами огонь в храме, вернулись силы кричать и плакать. И на крик отзывались окрестные горы и леса. И повсюду было смятение и лютый ужас, и казалось, что гора, на которой стоял храм, выпрыгивает из основания, потому что вся она покрылась пламенем. Но кровь была обильнее огня, и убиваемых было больше, чем убивающих, и земли не было видно, потому что вся она была покрыта трупами. Но воины гнались за убегающими даже попирая груды мертвецов. Мятежники же, едва пробившись, сбежались к внешнему храму и оттуда — к городу, а остальной народ вбежал во внешнюю галерею. Священники поначалу кидали в римлян железные вертела, выламывая у них основания; потом, когда до них дошел огонь, отступили к стене шириной в 8 локтей. А двое из именитых <граждан> бросились в огонь и сгорели вместе с храмом — Миир, сын Вельги, и Иосиф, сын Далея.

Римляне, полагая, что ни к чему щадить окрестные <строения>, когда храм сожжен, подожгли галереи, двери и ворота, кроме двоих — восточных и южных, а потом, пожалев об этом, и те разрушили; сожгли и сокровищницу, где хранилось большое богатство: там лежали и ризы, и покрывала, и бесчисленные сосуды, — одним словом, все богатство иудеян было здесь собрано и все домашнее имущество богатых. Они пришли и в уцелевшую внешнюю галерею, в которую сбежались жены и дети и прочий люд всякого рода, числом 6000. И не дожидаясь приказания цезаря или военачальников, преисполнившиеся гнева воины подожгли <их>, и все погибли, и никто от них не спасся — одни бросались в огонь, а другие сгорели на месте.

О знамениях перед погибелью Иерусалима

А виновником этой гибели людей был один лжепророк, который в те дни возвещал горожанам, что: «Бог велит вам войти в храм и принять знамение спасения». Этих лжепророков Иоанн с Симоном послали к людям с заповедью — ждать Божьей помощи, чтобы они не бежали к римлянам. А в беде — так обычно бывает — всякий верит любому, кто возвестит ему избавление от несчастий. И если кто-то обманывает и говорит приятную ложь, то ему верят и на него возлагают всю надежду.

Вот почему и этот многострадальный народ внимал обманщикам и лгущим о Боге, а говорящим правду и предвещающим грядущее опустошение знамениям и явлениям не внимал и не верил; и как безумные, не имеющие ни глаз, ни души, не послушали они Божественного предупреждения. И не уразумели, когда над городом встала звезда, подобная копью, и стояла целый год — она называется комета, <потому что> вся волосатая. И кроме того, перед началом войны, когда народ собирался к празднику опресноков в 8-й день месяца ксанфика, то есть апреля, в девятый час ночи такой свет воссиял на жертвеннике и на храме, как будто был ясный день, и это продолжалось с полчаса. Неразумные считали, что это благое знамение, но сведущие в священных книгах рассудили в соответствии с исходом. В тот же праздник кем-то была приведена корова на заклание, и, стоя посреди храма, она родила ягненка. А восточные внутренние ворота, медные и толстые, которые с трудом задвигали 20 человек, с железными петлями и запорами и глубоким косяком, сделанным из длинного камня, — оказались в 6-й час ночи отворившимися сами собой. Прибежавшие сторожа храма оповестили начальника, и тот, явившись с немалым числом людей, едва смог их закрыть. И это знамение сочли за благое: думали, что Бог отворит им двери благие. Но книжники поняли, что крепость храма разрушится сама собой и без труда откроется перед врагами, и опустеет святилище. А спустя немного дней после праздника, в 21-й день месяца артемисия, то есть мая, явилось какое-то невероятное демонское видение. Услышавший об этом решил бы, что это басни и чародейство, если бы не видели и не рассказали многие, и страшные несчастья последовали под стать видению. Так вот, перед заходом солнца по воздуху и по небу явились по всей иудейской земле колесницы и полки с оружием, скачущие сквозь облака и окружающие города. В праздник же, называемый пятидесятница, священники, войдя, как обычно, ночью во внутренний храм на службу, сначала почувствовали сотрясение и гром, а потом внезапно услышали голос, который сказал: «Уйдем отсюда!» А вот что было страшнее всего остального.

Об Исусе, сыне Анана, о шести голосах

Некто Исус, сын Анана, из простых, не книжник, за четыре года до войны, когда в городе еще был мир и изобилие, придя на праздник, во

время которого все по обычаю отмечают установление кущ, стоя в храме, начал внезапно вопить: «Голос с востока, голос с запада, голос с четырех ветров, голос на Иерусалим и на храм, голос на женихов и невест, голос на весь народ». Он повторял это, вопия все дни и ночи, обходя по стогнам. И некоторые из знатных <горожан> разгневались на него за его дурные речи и, схватив, много и сильно били. А он, не ставя побои ни во что, не просил о себе и не отвечал своему мучителю, но только вопиял то же, что и прежде. Власти же иерусалимские, думая, что некая высшая сила подвигает его на этот вопль, привели его к римскому наместнику, где его били прутьями и бичами до костей, а он, не ведая ни боли, ни слез, еще больше, через силу, кричал тем же скорбным голосом: «Горе, горе Иерусалиму!» И когда Альбин — он был тогда римским наместником — спрашивал его: «Кто ты? Откуда? И почему так кричишь?», — он не отвечал ничего на его речи и не переставал сплетать плач по городу, пока Альбин не отпустил его, сочтя безумным. А он после этого ни к кому не пришел и не объявился, пока не началась война. И потом все дни, как будто выучив молитву, вопил, рыдая: «Горе, горе Иерусалиму!», не отвечая бьющим его, не кляня поносивших его, не благословляя подававших ему пищу. И один только этот печальный ответ был ко всем 7 лет и 5 месяцев, и голос его не умолк, и он не знал усталости, пока не увидел войну, которую предсказывал, и после этого почил смертью. Ходя по забралам, он снова кричал: «Увы, увы городу, и людям, и храму!», и под конец добавил: «Увы, увы мне!» И тут же камень, прилетевший из порока, поразил его насмерть, и он испустил дух, еще произнося свое предсказание.

И если кто наделен добрым разумом, он увидит, что Бог промыслит за человека и всеми способами являет роду нашему, что для нас во спасение; мы же погибаем из-за неразумия и из-за того, что творим зло по своей воле. Бог являет знамения гнева, чтобы люди уразумели Божий гнев, оставили творить зло и тем умилостивили Бога. Но хотя иудеянам было пророчество, что из-за четырехугольной формы опустеет город и храм, они сами начали делать кресты для распятий — четырехугольные, как мы сказали. И после разрушения Антониевой башни построили четырехугольный храм. На войну же их подвигли двусмысленные предсказания, которые находятся в священных книгах; в них говорится, что некто из иудейской земли будет царствовать над всей вселенной. Их толковали по-разному: одни считали, что это об Ироде, другие — о распятом чудотворце Исусе, а третьи — о Веспасиане. Однако невозможно людям уйти от судьбы, даже если они и предвидят <грядущее>. Иудеяне же толковали знамения, как хотели, извращая их себе в угоду, а всех остальных поносили, пока не погубили себя и отечество, сами себя обличили и посрамили и показали свое безумие.

ПАТЕРИКИ

Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой и В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Патерик (греч. πατερικόν от πάτερ — отец) — сборник рассказов о жизни первых поколений, главным образом египетского монашества. Они были составлены для назидания иночества на основе предания и монастырских записей о подвижниках в период с IV по VI в. в различных областях Византийской империи.

Из огромного количества патериков на церковнославянский язык были переведены в Болгарии и на Руси в IX—XI вв. лишь отдельные их разновидности, получившие названия Скитского, Азбучно-Иерусалимского, Египетского и Синайского. Из них первым был переведен, как полагают, Скитский поглавный, в котором рассказы и изречения некоторых подвижников распределены по главам, название каждой соответствует определенной монашеской добродетели. Сходен со Скитским и Азбучно-Иерусалимский патерик, однако рассказы и изречения в нем распределены по алфавиту имен подвижников. Не менее древними являются собрания рассказов о монашестве различных областей христианского Востока — Синайский и Египетский патерики. В Египетском патерике собраны повести о суровой жизни отшельников и их подвигах во имя веры в пустынях Египта, в Синайском — Египта, Палестины и Сирии.

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты из Скитского патерика публикуются по списку *РНБ*, собр. Погодина, № 267 (XIV в.), л. 44—103 с дополнениями по списку из Соловецкого собрания, № 647/705 (XV в.), л. 49—243 об.

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

Тексты печатаются по списку *РНБ*, Соловецкое собр., № 635/693 (XV в.), л. 56 об.—63 об.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Синайский патерик в греческом оригинале назывался «Лугом духовным». Он составлен Иоанном Мосхом (ум. в 622 г.), палестинским монахом, который вместе со своим учеником Софронием много путешествовал; воспоминания о встречах, рассказах и беседах с различными людьми в годы долгих странствий (579—619) послужили материалом для книги; здесь упоминаются реальные города, села, пустыни древней Палестины, Сирии и Египта. В славянском переводе содержится 335 главок («слов»), которые тематически распадаются на несколько групп: чудесные явления, бытовые повести, рассказы о животных и т. д. Всем им присуща незамысловатость повествования, но очень тонкие, иногда трогательные характеристики героев и

психологически оправданные их действия и поведение. Патерики неоднократно переписывались и оставались любимейшим чтением в течение многих веков. Ряд сюжетов Синайского патерика впоследствии разрабатывался в новой литературе, в том числе и в русской.

Двенадцать новелл этой книги публикуются по самому древнему славянскому списку, составленному в Древней Руси в конце XI в. (*ГИМ*, Синодальное собр., 551) — в издании: Синайский патерик. М., 1967. С. 95—96, 133—139, 165—166, 182—187, 197—199, 264—266, 288—289, 296—301, 307—311, 340—342.

ОРИГИНАЛ

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о расмотрении

<…> Поведаше авва[1] Данил, яко егда бѣ въ Скитѣ[2] авва Арсений,[3] и бѣ единъ мнихъ ту, крады ссуды старчемъ. И авва Арсений поятъ его в хыжю свою, хотяй научити и старча покоити, и глагола ему: «Емуже хощеши, дам ти азъ, токмо и не docради». И дасть ему чату[4] злату, и ризу, и всю потребу. Шед же, пакы крадяше. Отцы же, то видевши, яко не престаяше, изгнаша я, глаголаше, яко: «Аще обрящется братъ, имѣя нравъ золъ, подобаеть терпѣти его. Аще ли крадеть и, учимъ, не останеть того, ижжените и, яко свою душю погубить и вся сущая на мѣстѣ томь възмущаеть».

О творящих знаменья святых старець

<…> Взиде иногда тоиже авва Макарий[5] от Скита в Терьнуть[6] и вниде въ гробища спатъ. Бѣ же ту кости елиньски многы сухы. И вземь от нихъ едину, положи ю подъ главою си, яко дохторъ. Видив же дѣмони дерьзновение его,[7] ревновавша и хотѣша пострашити и, вопияху, яко женьско имя глаголаше: «О, она, поиди с нами в баню мытъся». Отъзважеся другыи дѣмонъ от мертвыя кости, глаголя: «Страньна имамъ верху себе и не могу прити». Старечь же не убояся, но дерзая бьяше трупа, глаголя: «Въстани, иди, аще можеши». И се слышавше дѣмони, възпиша велиимъ гласомъ, глаголюще: «Побѣдилъ ны еси». И бѣжаша посрамлени.

<...> Глаголаше авва Сисой:[8] «Егда ядахомъ въ Скитѣ со отцемь Макариемь, взидохомъ пожати, с нимь 7 мужь; и се едина вдовица, класы събирающи бѣ за нама, и не престаше плачющися. Возва же старѣишину вси тоя и рече ему: “Что имать старица си, яко вьсегда плачеться?” И глагола ему, яко: “Мужь ея взять залогъ у единого и умре напрасно, и не повѣдѣ, кде положи. И хощеть же господинъ за залогъ пояти ю´ и дѣти ея въ рабъ мѣсто”. Глагола ему старець: “Рци еи, да придеть к намъ, идеже почиваемь полудень”. И пришедши еи, рече еи старець: “Что еда плачешися тако?” И рече: “Мужь ми умре, веземъ залогъ отъ единого, и не повѣдѣ, умирая, кде положи и́.˝. Рече старець: “Приди, покажи намъ, кде и еси положила”. И поимъ братью с собою и изиде с нею, и, пришедъшемъ на мѣстѣ, рече старець: “Отъиди въ домъ свои”. И помолившемъся имъ, възва старець мертвеца, глаголя онъ именемъ рекъ: “Кдѣ еси положилъ заимъ чюжь?” Онъ же отъвѣщавъ рече: “В дому моемь есть сокровено под ногу одру”. И рече ему старець: “Спи пакы до дне въскресенья”.

Видѣвъше же братья, от страха падоша на ногу его, и рече имъ старець: “Не мене дѣля бысть се, ничтоже бо есмь азъ, но вдовицѣ дѣля и сиротъ ея створи Богъ створи вещь сию. Се же есть велико, яко безгрѣш*нѣ* хощеть души Богъ, и егоже аще просить и прииметь”. Пришедъ же, възвѣсти вдовицѣ, кде положи залогъ. Она же веземъши, дасть господину его, и свободи чада ея. Слышавъше же, прославиша Бога».

Покаяниема обема

<...> Глаголаше старечь от Тиваидскых старечь,[9] яко: «Азъ бѣхъ сынъ иерея идольскаго. Малъ же сы убо, сѣдѣхъ въ церкви и видивъ отца своего множичею входяща жертву створити идолу. И единою отаи внидохъ въслѣдъ его и видихъ Сотону сѣдяша, и вся воя его престояща ему. И се единъ князь его пришедъ, кланяшеся ему. Отвещавъ же дьяволъ, рече ему: “Откуду ты приде?” Он же отвѣщавъ, рече: “На сей странѣ бѣхъ и въздвигохъ брань и многъ мятежь, и пролить*е* крови створихъ, и придохъ възвѣстить ти”. И рече ему: “Колицѣмъ лѣтъ се створи?” Он же рече: ”30-ми денъ”. Он же повелѣ бити его толицѣмь денъ се творша. И се инъ, пришедъ, кланяшеся ему. И рече ему: “Откуду ты еси пришелъ?” Отвѣщавъ дѣмонъ, рече: “Въ морѣ бѣхъ и въздвигохъ трусы и потопихъ корабля, и многы мужа убивъ, придохъ възвѣститъ тебѣ”. Он же рече ему: “В колико дний и се створи?” Дѣмонъ же рече: “Есть дни 20”. Повѣлѣ же и того бити почто в толико дний се едино створилъ. И се третий, приступль, кланяшеся ему. И рече ему: “Откуду ты приде” Он же, отвѣщав, рече: “В семь градѣ брачѣ быша, и въздвигохъ брань, и много пролитье крови створихъ, с женихомъ и с невѣстою, и придохъ възвѣстить тѣбѣ”. Он же рече: “В колико дний и се створи?” Он же рече: “В 10 дний”. Повеле яко медлившаго бити и сего. Приде же другый, поклонится ему. Рече тому:

“И ты откуду приде?” Он же рече: “В пустыни бѣхъ 40 лѣт, боряся съ единѣмъ мнихомь, и в сию нощь низложихъ и в любодѣяние”. Он же се слышавъ, въставъ, облобыза и́. и вземь вѣнечь, еже ношаше, възложи ему на главу и посади и́. на престолѣ съ собою. Глагола, яко: “Велику вещь сию възьможе побѣдити”».

Рече старче: «Се азъ видивъ, глаголахъ: “Тако есть великъ чинъ мнишьскыи”. Богу благоволившю спасение, изидохъ и быхъ мнихъ».

Слово о блаженѣмь послушании

<…> Два брата присная придоста житъ въ манастырь. Единъ же бѣ от нею постникъ, а други имѣя послушанье велико. Глаголаше же ему старець: «Створи се», — и творяше, яже изъ утра и ядяше, и славу приимаше послушань емь въ манастыри.

Устрѣленъ же бысть о немь братъ его постьникъ. И рече въ себѣ: «Да искушю сего, аще имать послушанье». Приступль, рече отцю: «Посли со мною брата моего, да идевѣ нѣкамо». И отпустити и́. отець. Поять же и постникъ, хотя и́. искусити. Приде на рѣку, имѣяше же много множьство коркодилъ. И рече ему: «Влѣзи в рѣку и прѣиди». Яко вълѣзе, придоша коркодилии и льзаху тѣло его, и не вредиша его. Видѣвъ же постьник, рече ему: «Излѣзи из рѣки».

Идуща же, обрѣтоста тѣло повержено на пути. И рече постникъ: «Аще быховѣ имѣла ветошь, възложила быховѣ на тѣло». И рече, имѣяй послушанье: «Паче молитву створивѣ, не коли въстанеть». И стаста помолитъся. Помоливъшема тема же ся има, въста мертвець.

Яви же Богъ си отцю въ манастырю, и како искуси брата свъего в коркодилѣхъ, како въста мертвець. Приде въ манастырь, и глагола отець постнику: «Что тако створилъ еси брату своему? И се за послушанье въста мертвець».

О житии добрѣ различно къ старцемь

Повѣдаша о единомь ошельницѣ, яко отъиде в пустыню имы левытона[10] токмо, и похожь три дни, възиде на камень и видѣ под нимо злакъ, и человѣка пасома, акы звѣрь. И сълѣзе тамо и удержа и́.. Старець же бѣ нагъ, пренемогъ, и не смогыи понести воля человѣчьскы и, възмогъ же от него и побѣже. И погна братъ въслѣдъ его, вопия: «Бога дѣля жену тя, пожди мене». И обращеся, рече ему: «И азъ Бога дѣля бѣжю тебе». Послѣдь же яко отверже от себе ризу, пожда его. И яко приближися ему, рече: «Егда отвержеть имѣнье от себе свѣта сего, и азъ пождахъ тебе». И моляше и глаголя: «Отче, рци ми слово, како съпасуся?» Онъ же рече ему: «Бѣгай человѣкъ и молчи, и спасешися».

<...> Повѣда, рече, ошелникъ братии, сущий въ Раидѣ,[11] идеже есть 70 стеблъ фюникъ, идеже ополчися Моисий съ людми, егда изиде от Земля египетьскы.[12] И глаголаше сице: «Помыслихъ иногда в пустыню, еда како обрящу далече мене живуща и работающю Владыцѣ Богу. И шедъ же 40 дний и 40 нощи*й* и обрѣтохъ пещь; и приближивъся къ ней, и зрѣхъ же въ ню. И видѣхъ человѣка сѣдяща, и толкнухъ по обычаю мнишьскому, яко да излѣзеть целоватъ мене, онъ же не подвигнуся, бѣ бо умерлъ. Азъ бо небрегохъ ничтоже, вълѣзъ и яхъ и́ за руку его, и абье растаяся, и бысть персть. И видѣхъ еще ризу висющю, егда же и сию яхъ, растаяся и бысть ни въ чтоже. Якоже въ нечаянии быхъ, и изидохъ оттуду и пойдохъ в пустыню, и обрѣтохъ ину пещь и стопы мужьскы. Радъ же бывъ, приближися къ пещи, и яко толкнухъ и не озвася никтоже. Вълѣзъ же, никогоже не обрѣтохъ. Ставъ же вънѣуду пещи, глаголахъ въ себѣ, яко подобаеть рабу Божию прити, идеже аще есть, якоже убо день мимоидяше. И видѣх вельблуды идуща и раба Божия нага, власы своими оболчена срамныя уды тѣла. Егдаже приближися ко мьнѣ, мнѣвъ мя духа суща, ста на молитвѣ, бѣ бо, якоже послѣди глаголаше, многы напасти приялъ есть духы. Азъ же, разумѣвъ се, глаголахъ ему: “Человѣкъ есмь”. И егда рече: “Аминь”. Видѣвъ мя, утѣшися, и поимъ мя, и веде мя в пещь и въпрашаше, како сѣмо приде. Азъ же рекохъ: “Взискатъ рабъ Божий придохъ в пустыню сию. И не лишилъ есть Богъ хотѣния нашего”. И азъ въпрашахъ и́., глаголя: “Сѣмо убо како самъ прииде и како питаешися, и како, нагъ сыи, не требуеши ризы?” Онъ же рече: “Азъ въ монастырѣ бѣхъ во Вифаидѣ,[13] дѣло имый токалия. Вниде же в мя мысль, глаголющи: «Изиди и живи единъ, и можеши безъмлвьствовати и мьзду болшю стяжати от плода дѣла своего». Якоже обѣщахъся мысли и дѣло скончати, создавъ бо монастырь, имѣх повелѣвающая. Много же раздавая събираемая, подвизахъся нищиимъ и страннымъ раздаяти. Тоже врагъ нашь дьяволъ въздревновавъ яко присно, и тогда хотящю възданью быти, о нихже тщася труды мои Господеви въздаяти. Видѣвъ едину черноризицю, повелѣвшю ми единою, и сътворшю ми се, и давъшю нудитися и пакы нудитися, и пакы повелѣвати ино; и якоже обычай бысть и дерзновение болше, кончина — и осязанье руцѣ, и смѣхъ, и сужитие; и страдавъша родиховѣ безаконье. Яко пребыха с нею 6 месяць в падании, помыслихъ, яко Илии: «Днесь или утрѣ или по мънозѣхъ лѣтѣхъ съмерть подъиму, и прияти имамъ мучение вѣчное. Аще бо кто жену мужату посмрадить, мученью вѣчному повиненъ будеть».[14] Посмражи Христову невѣсту, и тако в пустыню сию таи избѣгохъ, оставивъ вся женѣ. И пришедъ,

обрѣтохъ пьщью, источникъ сь и фюникъ, приносящь ми 12 меча[15] фюникъ. На месяць же приносить мечь единъ, еже ми годѣ есть на 10 дний, и посемь съзрѣваеть другыи. По лѣтѣхъ же мнозѣхъ въздрастоша ми власи, и ризамъ ми истьлѣвъшамъ, тѣми закрываю юже подобаеть, телесе срамоту. Якоже пакы въпрашахъ и́., “аще въ начатъцѣхъ сътужаше си ту?” “В начатцѣхъ оскърбляхъся зѣло, якоже на земли падати от ятръ, и не мощь ми стоящу службы тъворити, но лежащ ми на земли, вопияхъ къ Вышнему. Сущю же ми в пещи въ тузѣ мнозѣ и страсти, якоже дуже не можахъ исходити вонъ, видѣхъ мужа вълѣзша и глаголюща: «Чимъ болиши?» Азъ же малы възмогъ рещи: «Ятра мя болять». И рече ми: «Кде болиши?» И яко показахъ ему, персты рукы своея управле сочтавъ, прорѣза мѣсто, якы ножемъ, и истергь ятръ, показа ми струпы, и рукою *истогравъ*, въ платѣ струпы положи, рукою пожа за мѣсто, рече ми: «Се съдравъ бысть, служи Владыцѣ Христу якоже подобаеть». И оттолѣ быхъ сдравъ, и тако бо сътрада сде живу. Мъного же и молихъ, да быхъ жилъ в первѣи пещерѣ, и рече: «Не мощи, начнеши терпѣти напастии демоньскъ».

Азъ же истое се расмотре, молихъся ему, да помолься, отпустить мя. Си же повѣдахъ вамъ ползы дѣля».

О смѣренѣи мудрости

<...> Братъ скорбь имѣаше на брата. Слышав же то, приде покаятъся ему. Онъ же не отъверзе ему дверий. И иде къ единому старцю и повѣда ему вещь ту. И отвѣща ему ста*рець*, рекыи: «Блюди еда оправьданье имаши въ сердци своемь, яко зазря братѣ своемь, яко то есть повиненъ, себе же не оправдаеши. И сего дѣля не извѣстися ему отврѣсти, обаче се есть, глаголю ти, аще же и тъ согрѣшилъ есть къ тебѣ, иди, положи въ сердци своемь, яко ты согрѣшилъ еси к тому, и брата своего оправдаи, и тогда Бог извѣсти ему смиритися с тобою». — И проповѣда ему притчю сицю, глаголя: «Два бѣста проста людина говѣина, и свѣщавъша, изидоста и быста мниха. И ревнующа по еангъльску гласу, не вѣдяща же, скопистася, рекъше — Царствия ради Небеснаго. Слышавъ же архиепискъпъ, отлучи я´ от церкви. Она же, мнящеся, яко добро створиста, роптаста на нь, глаголюще: “Вѣ скопиховѣся иза Царствие Божие, и се отлучи на есть, но идѣвѣ, да повѣвѣ на нъ, ко архиепископу Ерусалимьскому”. Шедъша же, повѣдаста ему. И рече има архиепископ: “И азъ отлучаю ва”. И от сего пакы печаль приимъша, идоста во Аньтиохию ко архиепискупу, и рекоста ему яже о себѣ. И тъ отлучи я. И глагола къ себѣ: “Пойдевѣ въ Римъ к патриарху, и тъ мьститъ наю отъ всѣхъ сихъ”. Шедъша же къ великому архиепископу Римъскому, възвѣстиста ему, яже створиша има архиепископи. “Придоховѣ къ тобѣ, — рѣста, — яко ты еси глава вьсѣмъ”. Рече же има и тъ: “И азъ ва отлучаю, и отлучена еста”. Тогда стязающася къ себѣ, рекоста: “Си по себѣ суть единъ по единомъ, зане во сонмѣхъ суть сбирающеся, но идевѣ къ святому Епифанью, архиепископу Купрьску, [16] възвѣстистѣ ему, яко пророкъ есть и не обинуеть ся человѣку”.

Егдаже приближистася къ граду его, и явися ему от нею, и пусти*ста* въ сретение ему, он *же* рече: “Ни въ градъ сь вълазита”. Тогда бывъша въ себѣ рѣста: “Воистину вѣ согрѣшиховѣ. Что убо себе оправьдаювѣ? Буди яко они бес правды не отлучиша, еда убо и сь пророкъ, се бо Бог яви ему таиная”. И зазрѣста себе о грѣсѣ, яже створиста. Тогда видѣвъ сердцевѣдець Богъ, яко воистину зазрѣста себѣ, и сказа о нею отцю Епифанью. Пустивъ же, приведе я и утѣши и приятъ я въ причастье, и написа архиепископу Александрьску, глаголя: “Приими чадѣ твои, покаяста бо ся воистину”».

И рече старець: «Се есть исцѣленье человѣку, и сему хощеть Богъ, да человѣкъ изложить соблазнъ свои предъ Бога». Слышавъ же братъ, створи по словеси старцю, и шедъ, толкънувъ въ двери братьня. Онъ же, яко токмо очюти утрь, преже его покаяся, и отъверзе ему, лобзастася отъ душа, и бы обѣма миръ великъ.

О прозорливых

<...> Рече авва Данилъ, ученикъ отца Антонья,[17] яко: «Повѣда намъ старць Антоний, акы о иномь единомь глаголя, обаче самъ себѣ, яко: “Сѣдящю от старець в келии своеи, приде гласъ, глася: «Приди, да покажю ти дѣла человечьска». И въставъ, изиде, и веде и́. на едино мѣсто, и показа ему мюрина, сѣкуща дрова и сътвориша бремя велико. Покушашеся же ся понести еи, не можаше, и, еже бы уяти от него, шедъ пакы сѣчаше дрова и прилагаше къ бремени, се же мъногажды творяше. И пришедъ мало, показа ему пакы человѣка стояща на кладязи и чреплюща въ сусѣкъ утелъ и ту же воду пущающа въ кладязь. Глагола же пакы: «Приди, да покажю ти иного». И се видехъ церковь и два мужа, сѣдяща на коню и носяща въ прекы древо единъ единому. Хотѣста же преити сквозѣ врата и не можаста, зане бѣ дрѣво въ прекы. Не съмириста же себе, единому управити древо въ правость, и сего дѣля остасте вне вратъ″.

Си же суть носящеи, — яко правдѣ его с гордынею, и не сѣмиришася исправити себе и ходити со смѣреньемь в путехъ Христосовѣхъ, тѣмъже и стаюбть вънѣюду Царствия Божия. Сѣкыи же дрова человекъ во мнозѣхъ грѣсѣхъ есть, и в покаянья мѣсто ина безаконье, прилагаеть верху безаконий своихъ, а чрепляй воду добра дѣла творя, но понеже имѣяше въ нихъ зла смиренья, о семь губить добрая своя дѣла».

Достоить убо всякому человѣку бодру быти въ дѣлѣхъ своихъ, да не въ грѣхъ трудиться.

<…> Повѣдаше единъ от старець, глаголя, яко: «Ошелникъ в пустыни Нильскаго града, и служаше ему простъ людинъ вѣренъ. Бѣ же и въ градѣ человѣкъ богатъ и нечьстивъ. Прилучися ему умрети, и проважаху тьи вси гражане и епископъ съ свѣщами. Изиде же служай ошелнику по обычаю нести ему хлѣбы, и обрѣте и́. изъѣдена уеною, и паде ниць предъ Богомъ, глаголя: “Не въстану, доньдѣже извѣстиши ми, что се есть, — яко онъ нечьстивыи толико имѣ провоженье, се же, работая ти день и нощь, како умре?” И приде ангелъ и рече ему: “Онъ же нечьстивыи имѣяше мало добро дѣло и приятъ сде, да тамо ни единого покоя прииметь. Се же ошелникъ, понеже бѣ человѣкъ устроенъ всякою благодатью, имѣяше и тъ яко человѣкъ мало соблазнъ, въсприятъ же сде, тамо обрящеться чистъ предъ Богомъ”. И въста си извѣщениемь, славя Бога, яко истови суть».

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне[18]

Есть, рече, в пустыни сеи братъ нашь Иоаннъ, юнъ же тѣломъ, всѣхъ же нынѣшнихъ черноризець добротами преходя. Его же никтоже въскорѣ обрѣсти можеть, понеже преходить присно отъ мѣста до мѣста въ пустыняхъ. Тъи заперва стоялъ на камени по три лѣта, вьину молитву творя пребываше, никакоже сѣдъ, ни спавъ елико стоя, сна мало взимааше. В недѣлю точию комкание взимая, прозвутеру ему приносящу, иного же ничсо не ядяше.

Въ единъ же от дний преобразився сатона въ прозвутера, рано к нему прииде, хотя ему комкание дати. Познав же его, блаженый Иоанъ рече к нему: «О, всему лукавьству и всеи прелести отець, враже всей правдѣ! Не останеши ли ся прелщая человѣча христьяньския душа, но дрьзаеши и к самому прѣчистому комканию!» Онъ же к нему отвѣща: «Мало тебе не низложихъ, приобрѣтъ тя, тако бо и другаго отъ твоея братия прельстихъ, и безъ ума и сътворихъ, и бѣсенъ бысть. За него же мнози святии молитву сътвориша и одва възмогоша его умна сътворити». И се рекъ, бѣсъ отъиде от него.

Рассѣдшемася его ногамъ от многаго стояния, и гною текущу от нихъ, пришедъ ангелъ, присягну ко устомъ его, глаголя: «Христос будет ти истинная ядь, и Дух Святый — истиное питие, и доволно да ти будеть

духовная пища, да не, насытився, изблюеши». И исцѣливъ его, престави й́ от того мѣста.

Живяше же, по пустыни ходя, яды былия, в недѣлю же на томъ мѣстѣ ся обретааше, комкание възимаа. Фуничьное же листвие мало от прозвутера испросивъ, попругы плетяше. Хотящу же приити к нему хромцю нѣкоему исцѣления ради, и всяде тъчию на осля, тъгда же и ногама присягъ къ попругу, иже бяше плетенъ от святаго мужа, абие исцѣлѣ. Иногда же благословление къ болемъ пославъ, абие избыша недуга.

Яви же ся ему иногда о своихъ монастырехъ, яко нѣции от нихъ неправедно житие имуть. Пишеть ко всѣмъ послание прозвутеромъ, яко некотории лѣнятся, друзии же подвизаються на добродѣяние, и обрѣтеся истина, тако ищуще. Пишеть же и ко отцемъ, яко отци отъ нихъ лѣнятся о спасении братии, и друзии же доволно я молять. И обоимъ честь и мукы исповѣдаше. И пакы инѣхъ ко свершенному устроению призывая, воспоминаше отъ видимыя на невидимыя отътити. «Время бо уже жития того показати, не бо дѣти, — рече, — или младенцы всегда хощема пребывати, но пакы къ свершеныимъ разумомъ преити и къ великимъ дѣломъ наступити».

Се и ина намъ и множаишая отець о святѣмъ мужѣ исповѣда, яже множества ихъ ради чюдесъ всѣхъ не писахомъ, не яко не суть не истинна, но инѣхъ ради невѣрьства. Мы же извѣсто вѣмъ, многи бо велиции мужи то же сповѣдаша, та же яже и очима видѣша.

О черноризцѣ Пафнотѣ

Видѣхомъ и мѣсто Пафнотово, мужа велика и добра дѣла исполненъ, иже преже малымъ временемъ скончася въ странахъ Ираклиовах Фиваиды. О нем же мнози многа сповѣдаху.

И по многых трудѣх моляше Бога: «кыих святыхъ подобенъ есмь». Аньгил же явився ему, рече: «Подобенъ еси того свирца, иже во градѣ живеть». Он же съ тъщаниемъ устремився к нему, вопрошаше от него жизни его и дѣла ему испыташе. Он же рече к нему, еже и бѣаше истинна, грѣшника и пияницу и блудника сам ся повѣдаше, но зѣло давно от разбойничества на се пришедше. Пытающу же от него, что доброе си когда управилъ, рече к нему: «Ничтоже добра себѣ свѣдѣ.

Развѣ, яко иногда в разбойничестѣмъ дѣлѣ сыи, дѣву Христову хотящемъ разбойникомъ оплазити, отъях и нощию до веси проводих. Иногда же пакы жену обрѣтох зело лѣпу, блудящу по пустыни, гониму от княжь мужь долга ради мужа своего. И плачющуся обрѣтъ, вопрошах от неа плачю тому вины. Она же рече: “Ничтоже мене ни въпрашаи, владыко, не пытаи мене, окаану, но аки рабу свою поим, аможе хощеши, веди. Мужу моему многажды биену бывшю по двѣ лѣтѣ времени долга ради златникъ 300 и в темници затворену, и любыя моя дѣти тремъ проданомъ бывшемъ, азъ воставши бѣжахъ, мѣсто отъ мѣста преходяще. Нынѣ же по пустыни плаваю, многажды бо обрѣтена бывши и часто биена бывши, и 3 днии имамъ в пустыни не ядущи пребываю˝. Азъ же миловавъ ю, веде в пещеру, давъ еи 300 златникъ, до града проводихъ, свободивъ с дѣтми мужа еи».

К тому отвѣща Пафънотъ: «Аз же себе не свѣдѣ ничьтоже от сих управиша, нъ о трудѣхъ черноризских, обаче слышалъ мя еси славна суща, не бо лѣностию свою жизнь проводихомъ. Мне убо о тебѣ Богъ откры, яко ничим же хуже еси мене о управлениих. И аще убо немало слово, брате, о тебе Божеству бываеть, не преобиди душа своея».

Он же повергъ абие свирѣли и, пѣсни свирѣлныя на духовныя пѣсни преложивъ, въ слѣдъ его в пустыню поиде. Три же лѣта бывъ, трудився, и въ пѣснех и въ молитвах свою жизнь скончавъ. К небесному житию слашеся, святых лик и чинов праведных вънтенъ бывъ, почи.

Да яко убо оного трудившася добрѣ къ Богу препроводи, преложе себѣ болша жития, паче первыих. И вопрошаше Бога паки явити ему, кыихъ святых есть подобенъ. И пакы глас Божий бысть к нему, глаголя: «Подобенъ еси ближняя веси старѣишине». Он же вскорѣ к нему прииде и абие ударившу ему во врата, изиде онъ, по обычаю своему странныя приемля. Измыв же нозѣ ему и поставивъ трапезу, повелѣ ему вкусити. Въпрашающу же дѣла ему и глаголющу: «Человѣче, свою жизнь исповежь ми, много бо черноризець, якоже ми обличилъ Богъ, прѣходиши». Он же глаголаше грѣшьна себе суща, не достоина имене черноризъскоу. Да якоже пребываше онъ вопрошая, отвѣща человѣкъ, глаголя: «Азъ же не имѣхъ нужею своя дѣло исповѣдати, елмаже от Бога глаголеши пришедшю ти, еже при мнѣ исповѣдаю ти.

Мнѣ же уже тридесяте си есть лѣто, отколѣ сам ся от подружия отлучих. Четыри точию лѣта с нею живъ и три от нея сыны сътворивъ иже на потребу мою служать ми. Не престах любя странникы до днешняаго. Не имать похвалитися кто, токмо самъ преже мене, странникы примъ тщама рукама из моего двора. Не презрѣхъ убога отпадша, не подавъ ему доволна утѣшения. Не лицемѣръ бых чаду

своему в судѣ. Не влѣзоша в домъ мои плоди туждии. Не бысть сваръ, егоже не умирихъ. Не похули ничтоже презрѣ дѣлъ дѣтей моих. Не прикоснушася туждиихъ плодовъ моя стада. Не осѣяхъ преже своих нивъ, но всѣмъ я обща положих останкы осѣях. Не дахъ силному нища обидѣти. Ни опечалих никогоже въ жизни своеи, ни суть кривины на когождо когда изнесох. Сия Богу хотящу, се вѣдѣ себе сътворена».

Слышавъ же Пафнотъ мужа сего добродѣяние, главу лобызааше, глаголя ему: «Благовѣстить тя Господь от Сиона и удивиша благая Иерусалима.[19] Добрѣ бо се управи, едина ти недостала есть добрыхъ дѣлесъ главизна — премудры о Бозѣ разум. Егоже не имаши мощи без болѣзни стяжати, аще не себе с миромъ отмѣта вся, въземъ крестъ, въслѣдъ Спасителя поидеши». Он же се яко услыша, абие ни къ своимъ ся съвѣща, идяше въслѣдъ мужа под гору.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Единъ отьць повѣда шьдъшемъ намъ въ Фиваиду,[20] яко старьць сѣдяше вънѣ града Антинъ Великый, сътворивъ въ клѣтъцѣ своей лѣтъ 60. И имяше же ученикъ 10 и единого же имяше зѣло лѣнящася. Старьць же многашьды учаше и, глаголя и моляше и: «Брате, съмотри своей души, умерети имаши и въ муку ити!» Братъ же въину прѣслушаше старьца, не приемля глаголемыихъ от него. Прилучи же ся нѣ по комь лѣтѣ умерети брату. Мъного же печалова о немь старьць, *вѣдяше* бо, яко въ мнозѣ унынии и лѣности изиде отъ мира сего. И нача старьць молити и глаголати: «Господи Исусе Христе истиньный Боже нашь! Яви ми яже о души братьни». И се узьрѣ въ мьчьтѣ и яко въ стързѣ бывъ, видѣ рѣку огньну и множьство въ томь огни, и посредѣ брата, погружена до выя. Тогда глагола ему старьць: «Не сея ли мукы дѣля моляхъ тя, да посмотриши своей души, чадо?» Отъвѣща братъ и рече старьцю: «Благодарьствую Бога, отче, яко понѣ глава ми отъраду имать: тако ми молитвы твоея на врьсѣ епискупу стою!»

Слово 98

И се съказа нъ тъ же Паладий глаголя, яко: Слышахъ повѣдающю нѣкому кораблю старѣйшинѣ таково, яко «единою пловущю мнѣ, имѣх въсядьникы мужя и жены. И пришьдъше на пучину, — и вьсѣмъ добрѣ

пловущемѣ: овѣмъ въ Костянтинъ градъ, овѣмъ въ Алексаньдрию,[21] другымъ же другоямо, вѣтру же не напокось сущю имъ плути. И прѣбыхомъ дьний пять, не поступяще от мѣста идеже бѣхомъ. Бѣхомъ же въ мънозѣ сътужении и недомышлении: чьто се убо есть. Азъ же, яко *въ снѣ*, навъклиръ, имы печаль о корабли, и иже, суть въ немь вьси, начяхъ ся молити Богу о томь. И единою приде ми гласъ невидимо глаголя: “Съврьзии Марию долу, да и стройно ти ся попловеть!˝ Азъ же помышляхъ, рекы: ”Чьто се си убо будеть? Кто есть Мария?˝ Ти, якожесебе недомышляхъ о семь, пакы приде ми гласъ, рекы: “Глаголахъ ти, съврьзи Марию долу, и гонезнете!” Тогда азъ умыслихъ сице и възъвахъ напрасно, вельми рекы: “Мария!” Она же възлежаше на постели своей, да и озъва ся рекущи: “Чьто велиши, господи?” Тогда рѣхъ ей: “Сътвори любъвь, доиди сьде”. Она же въставъши приде, и яко приде, поимъ ю и отведохъ одину и рѣхъ ей: “Видиши ли, сестро Марие, какы грѣхы имамь азъ, и мене ради вьси имате погыбнути”. Она же, вельми въздъхнувъши, рече: “По истинѣ, господи науклире, азъ есмь грѣшьница”. Пакы же азъ къ ней рѣхъ: “Жено, кыя грѣхы имаши?” Она же рече: “Лютѣ мнѣ, яко нѣсть грѣха, егоже нѣсмъ не сътворила; и моихъ ради грѣхъ вьси имате погыбнути”. Таче по томь рече, съповѣда ми жена, сице рекущи: “По истинѣ, господи науклире, азъ оканьна и зълогрѣшьна! Мужа имѣхъ и дъва дѣтища, пьрвый девяти лѣть, а другы — пятию. Таче по томь умьре мужь мой. Живяше же въскрай мене воинъ, да хотѣхъ да бы мя поялъ женѣ, и посълахъ къ нему нѣкого. Воинъ же рече: «Не поиму жены, имуща дѣтий отъ иного мужа!» Тогда азъ яко то слышахъ, яко не хощеть меня пояти дѣтий дѣля, къ тому же и любящи и, заклахъ дѣтища своя оба, оканьная, и вѣсть ему посълахъ рекущи: «Не имамь уже дѣтища, ни единого». Яко то слыша воинъ тъ, о дѣтищю тою, еже есмь сътворила, рече: «Живъ Господь, живый на небеси! — яко не поиму ея». Да тѣмь убоявъшися, еда се увѣдять и уморять мя, да тѣмь бѣжахъ”. Се слышавъ азъ отъ жены тоя, и тако не рачихъ ея въврещи въ пучину морьскую, нъ сице умыслихъ рече и рѣхъ ей: “Се азъ прѣбываю въ корабли, да вѣси убо жено: аще не пойдеть корабль, — то мои грѣси дрьжять корабль”, — таче възъвахъ корабльникы утрьнии корабль. Яко же сънидохъ въ кораблиць, то не бы ничьсоже не поступи, ни великый корабль не поступи. Тогда вълѣзъ въ великый корабль, глаголахъ женѣ: “Съниди ты въ кораблиць”, она же сниде.

И егда же тъчию сниде та, абие кораблиць нѣ до пятишьды обрьтѣвъ ся, стрьмо дьну иде и погрязе; великый же корабль поплу стройно, и трьми дьньми по немь прѣидохомъ пловуще, еже быхомъ прѣшли и 15 дьний».

Слово 99

Азъ же и господь мой Софроний[22] идоховѣ въ домъ философа Стефана да прѣбудемъ: бѣ же пладьнуя. Живяше же идуще къ Святѣй Богородици, юже съзьда блажены папа Еулогий[23] на въстокы великаго Тетрафола.[24] Якоже въсклепаховѣ въ домъ философа, приниче дѣвица, глаголющи нама: «Възлежить, нъ мало потърпита». Тогда глаголахъ господи моему Софронию: «Поидивѣ къ Тетрафолу, да ту прѣбудевѣ». Есть же мѣсто Тетрафола зѣло чьстимо от александрѣнъ, глаголють бо, яко мощи пророка Иеремия[25] от Егупта възьмъ, Александръ зиждитель[26] ту я положи. Якоже идоховѣ къ Тетрафолу, не обрѣтоховѣ никогоже, тъкмо три слѣпьца; полудьне бо бѣ. Идоховѣ же близь слѣпьць, и съ безмлъвиемь и съ млъчаниемь сѣдоховѣ, имуща кънигы наю. Глаголаху бо слѣпьци много, и глагола другъ къ другу: «Воле, ты како бы слѣпъ?» Отвѣща, глаголя: «Корабльникъ бѣхъ, и якоже бѣхъ унъ, и от Африкия пловяхомъ на пучинѣ призьрѣхь ся, и не имы како ся быхъ уцѣлилъ. Бѣльма начяхъ имѣти въ очию моею». Глаголяхъ же и другому слѣпьцю: «Ты како же осльпе?» Отвѣща и онъ, глаголя: «Стъкляничьную хытрость бѣхъ имы, и от огня истечение ми бысть обѣма очима моима, и осльпохъ». Глаголаста же ему и она: «Ты же како бысть слѣпъ?» Отвѣща: «Сущу ми азъ вама глаголю. Егда же бѣхъ унъ, възненавидѣхъ дѣлати зѣло, быхъ же и не спасенъ. И не имѣхъ, откуду ясти — абие же крадяхъ. Въ единъ же от дьнии по сътворении моемь мъного зъла, стоящю ми на мѣстѣ, идеже мучать, и видѣхъ мьртвьць износимъ, добромь покръвена. Идохъ же въ слѣдъ носимааго, да быхъ видѣлъ, къде и хотя погрести. Си же доидоша зади святого Иоана Великааго и положиша и въ гробѣ и отидоша. Азъ же, яко видѣхъ отшьдъшея, вълѣзохъ въ гробъ и съвлѣкохъ ии, въ неже бѣ одѣнъ, оставивъ на немь одину тъчию поняву. Хотящю же ми излѣсти из гроба, възьмъ много зѣло, зълое мое зьдание глагола ми: "Възьми и поняву его, яко красьна есть". Обратих ся, лишеникъ, яко же съвлѣкохъ поневу съ него, да и быхъ нага оставилъ, въздвигъ ся сѣде прѣдъ мьною мьртвьць, и, простьръ обѣ руцѣ свои на мя, пьрсты своими одьра лице мое и изятъ обѣ очи мои. Тогда азъ, лишеникъ, оставивъ вься, съ мъногою бѣдою и скрьбию изидохъ отъ гроба. Се повѣдахъ вамъ и азъ, как быхъ слѣпъ». Се слышавъшема нама, поману ми Софроний и отидоховѣ отъ нихъ, и глагола ми: «Воле, господи и авва Иоаний, не съдѣивѣ дьньсь зъла, вельми бо пользу обрѣтоховѣ», пользу же приимъша, напьсаховѣ, да и вы пользу приимете, яко никътоже творя зъло утаить ся Бога.

Слово 119

Тъ же отьць нашь Георгий архимандритъ повѣдаше намъ о аввѣ Иулиянѣ, глаголя: бывъшиимь епискупѣ Вострѣнемъ.[27] Яко егда ити ему отъ манастыря и быти епискупу въ Вьстрѣнѣхъ, нѣкыя богатины того же града, ненавистьници, въсхотѣша отравами погубити и. И прѣглаголаша чьваньчию его, имѣние дающу, и даша ему съмьртьно, да чьванующю митрополиту, въложить отраву въ чашю его. Отрокъ же яко наученъ бысть, тако сътвори, и, придавъ чашю, отрокъ божьствьнуму

Иулияну отраву възятъ. И отъ Бога разумѣвъ съвѣту, иже сътвориша, възьмъ чашю, постави ю предъ собою, ничьсоже рѣхъ бьхъма отрочищю и, пустивъ, призва богатины, въ ни же бѣша и иже на нь съвѣтъ сътвориша. Божьствьный же Иулиянъ, не хотя обличити сътворьшихъ, кротъко глагола вьсѣмъ: «Аще мьните съмѣренааго Иулияна отравлениемь уморити, се предъ вьсѣми вами испиваю». И знаменавъ тришьды чашю прьсты своими и, рекъ: «Въ имя Отьца и Сына и Святого Духа испиваю сию чашю», и предъ вьсѣми испивъ ю, — без врѣждения пребысть. И, видѣвъше, поклониша ся ему до земля.

Слово 134

Яко отъ единого попьрища[28] святого Иердана рѣкы лавра естъ, авва Герасима нарицаема.[29] Въ ту лаврю прѣходящемъ намъ повѣдаша сѣдящии ту старьци о аввѣ Герасимѣ, яко ходя единою по блату святого Иердана, усърѣте и львъ, зѣло рыдая отъ ногы своея; имяше бо трьстяну трѣску, уньзъшю ему. Яко отъ сего отещи ему нозѣ и плънѣ гноя быти. Якоже узьрѣ львъ старьца, показаше ему ногу, яже бѣ язвьна отъ уньзъшая порѣзи, плачя ся яко и нѣчьсо и моля ся ему, исцѣленъ от него быти. Якоже видѣ и старьць въ такой бѣдѣ, сѣдъ и имъ и за ногу и роздвигъ мѣсто, изя тръсть съ мъногомь гноимь. И, добрѣ очистивъ струпъ и обязавъ платомь, пусти и. Львъ же ицѣленъ по семь не оста старьца, нъ яко свой ученикъ, яможе идяаше ему, яко чюдитися старьцю, толику разуму звѣри, и прочее. Оттолѣ старьць питаше и, помеща ему хлѣбъ и мочена сочива. Имяше же та лавра одинъ осьлъ, на немьже приношааше воду въ потрѣбу отьцемъ святого Иердана, отнюдуже пиють воду; отстоить же от лавры рѣка попьрище одино. Обычай же имяху старьци даяти льву, да ходить и пасеть и по краю святого Иердана. Одиною же пасомъ осьлъ отъ льва, отиде отъ него не маломь отшьствиемь. И се мужь съ вельблуды отъ Аравия идыи обрѣтъ и поятъ и въ своя си. Львъ же, погубивъ осьла, приде въ лавру зѣло унывъ и дряхлъ къ авва Герасиму. Мьняше же авва Герасимъ, яко изѣлъ есть осьла львъ, глаголя ему: «Къде есть осьлъ?» Сь же, яко человѣкъ, стояше млъчя и долу зьря. Глагола ему старьць: «Изѣлъ ли и еси? Благословенъ Господь, еже творяше осьлъ, отселѣ тебѣ есть творити». Отътолѣ же млъвлышю старьцю ношаше канпилий комърогы имущь четыри и приношаше воды. Приде же одиною воинъ молитвы дѣля къ старьцю и, видѣвъ льва, носяща воду и увѣдѣвъ вину, помилова и́., и, выньмъ три златьникы, дасть старьцемъ, да купять осьлъ въ потрѣбу себѣ и свободять отъ таковыя работы льва. Вельблудьникъ же, иже бѣ осьла поялъ, идяше пакы пьшеницю продаятъ въ святый градъ, имы осьлъ съ собою. И прѣшьдъ святого Иердана, усърѣте ся по сълучаю съ львомь, и видѣвъ и, оставивъ вельблуды, бѣжа. Львъ же, познавъ осьлъ, тече к нему и усты имъ и, якоже бѣ обыклъ, ведяше и съ трьми вельблуды, радуя ся въкупѣ и зовы, яко осьла, егоже погуби, обрѣтъ, приведе и къ старьцю. Старьць бо мьняше, яко львъ изѣлъ осьла. Тогда старьць, увѣдѣвъ, яко облъганъ бысть львъ, положи же имя льву Иерданъ. Сътвори же въ лаврѣ львъ вяще пяти лѣтъ, не отлучая ся отъ

него присно. Егда же къ Господу приде авва Герасимъ и отьци погребены бысть, по съмотрению Божию львъ не обрѣте ся въ лаврѣ. По семь же мало приде львъ въ лавру и искаше старьца своего. Авва же Севатий киликъ,[30] ученикъ авва Герасима, видѣвъ и, глаголаше ему: «Иердане, старьць нашь остави насъ, сиры, и къ Господу изиде, — нъ възьми ѣждь». Львъ же ѣсти не хотяше и начатъ стоя очима своима сѣмо и онамо чясто възирати, ища старьца своего, рикая вельми и не трьпя отъчаяти ся. Авва же Севатий и прочии старьци, гладяще и по хрьбьту, глаголаху: «Отиде старьць къ Господу, оставивъ ны». Ни тако имъ глаголюще къ нему, не можяху его отъ въпля и от рыдания уставити. Нъ елико же мьняху его словомь утѣшити и прѣмѣняти, толико же онъ паче рыдаше и въпля больша двизаше, и рыданию притваряше, показая гласы и измѣнуя гласы, — и лицьмь, и очима печаль, юже имяше, не видя старьца. Тогда глагола ему авва Севатий: «Поиди съ мьною, понеже не имеши намъ вѣры, и покажю ти, къде лежить нашь старьць». И поимъ веде и, идеже бѣша погребли его. Отстояше же отъ церкве полъ попьрища. Ставъ же авва Севатий врьху гроба авва Герасима, глагола льву: «Се старьць нашь сьде погребенъ бысть». И прѣклони колѣнѣ авва Саватий врьху гроба старьча. Якоже слыша львъ и видѣ, како поклони ся авва Саватий врьху гроба и плакаше ся, поклони ся и сь, и, ударяя главою о землю зѣло и ревы. И тако абие скоро умретъ врьху гроба. Се же вьсе бысть не яко душю словесьну имѣюща, нъ яко Богу хотящю славящимъ его прославити не тъкмо въ житии семь, нъ и по съмрьти, и показати намъ, како повиновение имяаху звѣрие къ Адаму прѣжде ослушания его заповѣди и еже въ породѣ пища.

Слово 148

Повѣда намъ авва Данилъ старьць отъ Егупта, глаголя, яко възиде старьць одиною въ Терфинъ рукодѣлания своего продаятъ. Уноша же нѣкъто моляше старьца, глаголя: «Бога дѣля, калогере, поиде въ домъ мой и сътвори надъ женою моею молитву, зане неплоды есть». Старьць же, понуженъ отъ уноша, иде въ домъ его, и сътворь молитву женѣ его. И Богу въсхотѣвъшю имяше жена въ чревѣ. Нѣции же мужи, не бояще ся Бога, начяша облъгати старьца, и глаголати, яко уноша бещадьнъ есть, нъ отъ авва Данила брежа есть жена. Приде же слухъ къ старьцю и възвѣсти старьць мужю жены: «Яко егда родить жена твоя, възвѣсти ми». Егда же роди жена, възвѣсти ему уноша въ скутъ рекы: «Бога дѣля и молитвъ твоихъ, отьче, дѣтищь ны ся роди». Тогда авва Данилъ глаголаше къ уноши: «Сътвори бракъ крыцению и призови родъ твой и другы твоя». И якоже обѣдоваху, възьмъ старьць дѣтищь въ руцѣ свои предъ всѣми, глагола отрочяти: «Къто есть отьць твой, дѣтищю?» Глагола дѣтищь тако, показа прьстом ручьныимь уношю. Бѣ же дѣтищь дьни 12.

Слово 234

Глаголаше Саватий рекы, яко: «Сѣдохъ въ лаврѣ отьца Фирьмина,[31] приде разбойникъ къ отьцю Зосимѣ и моляше старьца, рекы: “Сътвори любъвь Бога ради, имь же мънога убийства сътворилъ, да мя бы чрьноризьца сътворилъ и умлъкъ быхъ, и осталъ ся своего зъла”. Старьць же, наказавъ и, сътвори чрьноризьца, давъ ему и образъ. Потомь же скоро рече старьць: “Ими ми вѣру, чядо, яко сьде прѣбывати не можеши, аще бо тя услышить кый кънязь, то иметь тя и глаголющеи на тя побьють тя. Нъ послушай мене и веду тя въ манастырь подаль отсуду”. И веде и въ Дорофеовъ манастырь въскрай Газы.[32] И сътвори ту 9 лѣтъ, и навыче Пьсалтырь и вьсь строй чрьньчьскыи, и пакы възиде къ старьцю въ Фирмине мѣсто и рече ему: “Господи, отьче, сътвори въ милость и дажь ми ризы моя мирьскыя, и възьми си чрьноризьчьскыя”. Старьць же съжали си, рече къ нему: “Чьсо ради, чядо?” Отвѣща ему братъ, рекы: “Се, яже вѣси, отьче, 9 лѣтъ имамь въ манастыри, и, елико же могы, алъкахъ и въздрьжахъ ся, и съ вьсѣмъ млъчаниемь и страхом Божиемь жихъ, повинуя ся. И вѣдѣ же, яко благыни Его приятъ мя мъногымь моимь зъломь. Обаче вижю присно въ сънѣ, въ црькви и яко поиду комъкати, и въ обѣдьници — дѣтищь глаголющь ми: «Почьто мя еси убилъ?» И ни въ единъ часъ не попустить ми. Сего ради убо хощю ити, отьче, да дѣтища ради умьру, без ума бо и убихъ”. И, възьмъ ризы, облѣкохъ ся въ ня, изиде из лавры, и, яко приде къ Диополу граду,[33] другый дьнь яша и убиша и.

Слово 258

Глаголаше намъ и се о томь же *тъ же* Дионисий прозвутеръ, яко одиною хожаше старьць въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села,[34] еже ему бѣ и пещера. И ходя велика льва узьрѣ противу идуща. И идяше путьмь тѣснъмь зѣло межю дъвѣма ограждениема, якоже е обычай дѣлателемъ огражавати нивы своя, търъновьная дрѣва садяще. И толику тѣсноту путь имѣ, яко единому комужьдо пѣшему ничьсо же носящю одъва проити; понеже отсудѣ трьние бѣ ся сърасло, и неудобь яко хотяще путьмь минути мимо ходящю ему. Якоже другъ друзѣ приближиста ся старьць же и львъ, старьць ся увративъ въ распутие уступити льву: ни за тѣсноту пути львъ можаше съвратити ся, ни минути ся има бѣ льзѣ. Видѣвъ же львъ, божия угодьника проити хотяща и никакоже обратити ся хотяща, на задьнею ногу ставъ простъ ошюю старьца и граждения, и тяжьствомь и силою тѣлесьною мало пространьство сътворивъ, бес пакости правьдьнуму путь сътвори. И тако мину старьць, задьнихъ прикасая ся льву, и по миновении его въставъ львъ отъ гражения *своимъ* путьмь отиде.

Слово 266

Въ самомь островѣ[35] повѣда намъ боголюбивая и нищелюбивая Мария, мати Павля канъдита,[36] глаголющи, яко: «Егда бѣхъ въ градѣ Ниесиви,[37] бѣ ту жена крьстияна, имущи мужа елина. Бѣста же убога, имяста же серьбрьниць великыхъ 50. Одиною же рече мужь женѣ своей, яко: “Дадивѣ сребрьникы сия въ заимъ, да понѣ малу утѣху имавѣ отъ нихъ. Аще ли по единой изѣмъ я, и не будеть ихъ”. Отвѣщавъши же жена та добрая, глагола ему: “Аще велиши дати я въ заимъ, прѣдажь я въ заимъ Богу крьстьяньску”. Глагола ей мужь: “То къде е Богъ крьстьяньскъ, да ему давѣ въ заимъ?” Глагола ему жена: “Азъ тобѣ и покажю, аще бо сему даси въ заимъ, не тъчию не погубиши ихъ, нъ и лихвы тебѣ подасть, и главьства усугубить”. Онъ же рече ей: “Пойди покажи ми, и дамь ему въ заимъ˝. Она же, поимъши мужа своего, веде и въ црькъвь святую. Имать же цьркы Нисийская пятера врата великая: якоже въведе и въ врата црькъвьная, иде же суть великыя двьри, показа ему нищая рекъши ему: “Симъ аще подаси, Богъ крьстьянь се въземлеть, вьси бо си того суть”. Онъ же абие съ радостию подасть *три десяти* сребрьникъ убогымъ, и идоста въ домъ свой. По трьхъ же месяцихъ оскудѣвъшема пищами, глагола мужь женѣ: “Сестро, не хоще ли Богъ крьстьяньскъ подати нама ничьсоже отъ длъга оного?˝ Отвѣщавъши же; жена рече ему: “Ей, иди идеже еси положилъ и подасть ти съ вьсею волею”. Онъ же, текы, иде въ святую црькъвь и бывъ на мѣстѣ, идеже сребрьниця дасть *убогымъ*; и, походивъ црькъвь вьсу, сумьняся видѣти, не видѣ никого же, хотяща ему чьто подати, нъ тъчию едины убогыя сѣдяща. Пакы мыслящю ему въ себѣ: “Кому рещи? кого истяжеть?” — видѣ прѣдъ ногама своима на мороморѣ одину сребрьницю велику лежащю, отъ нихъже бѣ раздаялъ братии. Прѣклонивъ ся, възьмъ ю, иде въ домъ свой и глагола женѣ своей: “Ходихъ въ црькъвь вашю, вѣру же ми ими, жено, не видѣхъ, якоже ты ми рече, Бог крестьяньска, и никтоже ми дасть ничьтоже, тъчию сию сребрьницю обрѣтохъ, лежящю ту, идеже азъ дахъ 50 сребрьникъ”. Тогда рече ему чюдьная та жена: “Тъ есть, иже невидимо тебѣ подасть, невидимъ бо есть и невидимою силою и рукою миръ строить. Нъ иди, господи мой, купи намъ нѣчьто, да ѣмы дьньсь, и тъ пакы дасть тебѣ”. Онъ же шьдъ купи *имъ* хлѣбы и вина и рыбы и принесъ дасть женѣ своей. Она же възьмъши рыбу, начятъ ю омывати и, роспоръши ю, обрѣте утрь въ ней камыкъ зѣло чюдьнъ. Яко женѣ почюдити ся ему, тъчию не вѣдяще, чьто есть, обаче съхрани и. Пришьдъшю же мужю ея, ядущемъ имъ, показа камыкъ, егоже обрѣте, глаголющи: “Се сь камень обрѣтохъ въ рыбѣ”. Онъ же, видѣвъ, чюди ся добротѣ его, не вѣдя же, чьто есть. Глагола ей *ядъшемъ* имъ: “Даждь ми, да продамь и шьдъ, аще бо обрящю на немь чьто възяти”. Не вѣдяше бо, якоже рѣхъ, чьто е невѣжа сы. Възьмъ же камыкъ, иде къ трапезьнику, еже есть сребропродавьчи: “Хощеши ли купити камыкъ сь?” Видѣвъ же и сребропродавьчи, глагола ему: “Чьто хощеши на немь възяти?” Глагола ему продаяй: “Дажь, еже хощеши”. Глагола ему онъ: “Възьми пять сребрьникъ”. Продаяй же, мьнѣвъ, яко играеть ему, глагола ему то: “Даси ли селико на немь?” Сребропродавьчий же сребро, мьнѣвъ яко ругаеться, тако отвѣщавъ, глагола ему: “То възьми 10 сребрьниць”.

Продаяй же мьнѣвъ, пакы имь луковати, умлъча. Глагола сребродавьчи: “Възьми 20 сребрьникъ на немь”; онъ же млъчаше, ничьсоже отвѣщавая, яко и до 30 и до четырь десятъ и до 50 сребрьникъ възиде сребропродавьчий. Сии хотя дати, кльняше ся въ истину. Тогда продаяй, пришьдъ въ ся, помысливъ, яко аще бы сему не бы велика цѣна была, пятидесятъ сребрьникъ не бы далъ на немь. Начя же паче тяжьчити е, помалу же сребропродавьчий възнося дасть ему до три сътъ сребрьникъ великъ. И се възьмъ и камень давъ, приде къ женѣ, радуя ся. Она же, видѣвъши, рече ему: “На колицѣ прода?” — мьнѣвъши, яко или на пяти, или на 10 мѣдьниць продасть и. Онъ же изнесъ три съта сребрьникъ великъ, дасть ей, рекы: “На толицѣ продано бысть”. Она же человѣколюбивуму Богу чюдивъши ся благости, глагола къ нему: “Вижь, мужю, Богъ крьстьяньскъ коль есть благъ, и благоразумьливъ, и богать. Видиши ли, яко не тъчию 50 сребрьникъ, нъ и лихву тебѣ далъ есть, въ заимъ ему давъшю, нъ въ мало дьнъ шестерицю тебѣ дасть. Вѣжь же, яко нѣсть Бога иного на земли и небеси, нъ тъ единъ”. Вѣру же имъ, симъ чюдесемъ и искушениемъ навыкъ истинѣ бысть крьстиянинъ абие и прослави Христа Бога нашего съ Отьцьмь и Святымь Духомь, много хваля съмысльство своея жены, ею же бысть ему дано въ истину Бога познати».

Слово 270

Идохомъ въ Аскалонъ,[38] въ гостиницю отьць, и повѣда намъ авва Евьсевий прозвутеръ, яко купьць града сего, плувъ и погубивъ своя и чюжая, самъ тъчию спасенъ бысть. Пришьдъ же сѣмо, ятъ бысть отъ давъшихъ въ заимъ ему, въсаженъ бысть въ тьмьницю и разграбиша домъ ему. И въ нихъ же хожаше жена ему, она же отъ мънога сътужения тѣснотою заповѣдь възималаше, да понѣ хлѣбомь питаеть мужа. Сѣдящи же ей единою и ѣдущи съ мужьмь въ тьмьници, въниде великъ чьстьнъ мужь — дати хотя благотворьство въсаженымъ, и, узьрѣвъ свободьну жену, съ своимь мужьмь сѣдящю, упаде ся на ню, бѣ бо красьна зѣло. И възвѣсти ей тьмьничьникомь. Она же съ радостию приде, мьнящи любъвь възяти, и поимъ ю одину, рече ей: «Чьто ти е и почьто еси сьде?» И повѣда ему вьсе. Глагола ей: «Аще искуплю вы длъгу, ляжеши ли съ мною въ сию нощь?» Въ истину красьна и съмысльная глагола ему: «Слышахъ, владыко, апостола, глаголюща, яко жена не владеть своимь тѣлъмь, нъ мужь. Пожиди же, владыко, да въпрошю мужа моего, и, яко же рече, сътворю». И пришьдъши, повѣда мужю вься. Онъ же, плънъ сы разума и съмотрения своей женѣ не въстъща ся, да бы избылъ тьмьниця, нъ въздъхнувъ, съ сльзами рече женѣ своей: «Иди, сестро, отрьци ся человѣкови, и надѣевѣ ся Господи нашемь Исусѣ Христѣ, яко не оставить насъ до коньчины». И въставъши отпусти человѣка рекъши: «Рѣхъ мужю моему, то не рачи». Въ то же врѣмя бѣ земьникъ въ ту же тьмьницю и прѣже *даия* купьчя. И вься съблюдаше и слышаше жены и мужа, и въздъхну, въ себѣ глаголя: «Вижь, в какой напасти сия еста, и свободы своея не продаста имѣния дѣля възяти и пущенома быти, нъ съмысльство паче богатьства

избьраста и о сей жизни не родиста. То чьто сътворю азъ, страстьны, иже николи же въ разумѣ своемь помянувъ, яко аще Богъ, сего дѣля и разбою быхъ достоинъ». И призъвавъ къ себѣ двьрцами клѣтьца, идеже бѣ въсаженъ, глагола имъ: «Азъ разбойникъ есмь и разбою виньнъ, и въ нь же часъ придеть игемон, умерети имамь, яко убийца. Видѣвъ же съмысльство ваю, съмѣрихъ ся. Нъ идѣта на се мѣсто стѣны градьскыя и, копавъша, възьмѣта имѣние, еже обрящета. Имата и по искуплении, и ино мъного благословение, и молита за мя, да обрящю и азъ милость». И по дьньхъ пришьдъ игемонъ, повелѣ разбойника извести и заповѣда юсѣкнюти его. И по единомь дьни глагола жена мужю: «Velиши ли, господи мой, да иду, яможе рече разбойникъ? Аще буде истиньствовалъ?» Онъ же рече: «Яко ти годѣ». Она же, възьмъши малу мотычицю вечеръ и, ставъши на мѣстѣ и копавъши, обрѣте грънььць открървенъ, и, възьмъши, иде. И мудростию начьнъши помалу, малы дающи, яко отъ сего и отъ иного приемлущи, искупи ся и изведе мужа своего. И глаголаша повѣдавъй: «Вижь, якоже съхраниста си заповѣдь Господа нашего Исуса Христа, — тако и сь увеличи милость свою на нею».

Слово 271

Повѣдаше намъ Афанасий, иже въ Зимархѣ антиохѣнинъ, глаголя о аввѣ Врохатѣ егуптѣнинѣ, яко пришьдъшю ему от Египта вь Селеукия, близь Антиохия,[39] обрѣте вънѣ града мѣсто пусто, искаше себѣ сътворити малу клѣтьцю. И създавъ, не имяше чимь покрыти ея. И вълѣзъ одиною въ градъ, обрѣте Анатолия, ему же имя гръбаваго дѣлателя суща, селеуки и антиохи, вънѣ дому своего сѣдяща. И пришьдъ къ нему, глагола ему: «Сътвори любъвь, владыко, дажь ми мало древьце, да покрыю клѣтьцю мою». Онъ же вельми съгнѣва ся, глагола ему: «Се дрѣво, възьми — и иди», — показавъ ему велико древо, еже имѣ прѣдъ домомь своимь лежаще, еже творяше кораблю на потрѣбу пяти тьмъ. Глагола ему авва: «Благослови и *възьму* же». Глагола ему Анатолий пакы, кручиньствуя: «Благословенъ Бог». Онъ же, възьмь дръво и възложивъ на плещи свои, иде въ клѣтьцю свою. И чюдивъ ся о прѣславьнѣмь чюдеси Анатолий, дарова ему толико дрѣво въ потрѣбу, емуже и хотяше. Отъ него же не тъчию реченую клѣтьцю покры, но ина мъногая же въ манастыри сътвори отъ него дѣла.

Слово 284

Повѣдаше нѣкъто отъ отьць, яко нѣкогда каменьникъ, егоже наричють кавидарионъ, имы камень мъногоцѣньнъ и бисьръ, възиде въ корабль съ отрокы своими, хотя ити на куплю. Прилучи же ся по съмотрению възлюбити отрока нѣкого корабльника, иже творяше ему служьбу и

почиваше. И сь отъ него яды, отъ нихъже ѣдяше. Въ единъ же дьнь слышить отрокы шьпъчюща, утвьрдивъшемъ се, да врьгуть кавидара въ море камения дѣля многоцѣньнаго. Абие же отроку съ мъногомь унынием по обычаю сътворити ему службу, глагола ему: «Чьто унылъ еси дьньсь, дѣтищю?» Онъ же потай рекы: «Ничьтоже». Пакы же въпрашаше его, глаголя: «Въ истину рьци ми, чьто ти есть?» Тъгда ражьже ся плачьмь и глагола ему, яко: «Тако съвѣтъ сътворишя корабльници на тя». Глагола ему, опасьно отъвѣща *ему* тако: «Утвьрьдиша ся о тебѣ». Тогда призъва отрокы своя и рече имъ: «Еже вы реку сътворите без лѣности и безъ размышления нѣкого». Тогда простьреть поняву и начатъ глаголати имъ: «Принесѣте музикия», — и принесоша. И отврьзъ, начя распростирати камения, и егда положиша вься, начя тако глаголати: «Се ли е животъ? сихъ ли дѣля бѣду приемлю въ мори и стражю, и по семь умираю, ничьсоже възьмъ съ собою отъ мира сего?» И глагола отрокомъ своимъ: «Исыплѣте вься въ море». И чюдиша ся корабльници, и разиде ся съвѣтъ ихъ.

---

[1] *...авва...* — отец, титул начальника обители.

[2] *...егда бѣ въ Скитѣ...* — Скит (копт. Schiet — пространная пустыня), или Скитская пустыня в Среднем Египте, была местом обитания отшельников.

[3] *...авва Арсений* — преподобный Арсений Великий — известный подвижник Скита, был воспитателем сыновей императора Феодосия I (379—395).

[4] *...чату...* — цату, т. е. монету.

[5] *...авва Макарий...* — преподобный Макарий Египетский (301—391); в 340 г. основал лавру Скит.

[6] *...от Скита в Терьнуть...* — Теренута или Теренуфа — город в Египте.

[7] *Видив же дѣмони дерьзновение его...* — По христианским воззрениям тех времен, в могилах язычников (эллинов) обитали демоны.

[8] *...авва Сисой...* — Преподобный Сысой Великий Скитский скончался в 429 г.

[9] *...от Тивaидскых старечь...* — Имеются в виду монахи одной из обителей Фиваиды.

[10] *...имя левытона...* — Левитон (греч. λευτόν) — длинная льняная рубашка, нижняя одежда египетских монахов.

[11] *...братии, сущий въ Раидѣ...* — Раита, или Раифа, — лавра на юго-западном берегу Синайского полуострова у Черного моря.

[12] *...идеже ополчися Моисий... от Земля егупетьскы.* — См. Исход 15, 27.

[13] *...въ монастырѣ бѣхъ во Вифаидѣ...* — Фиваида — пустыня в нижнем Египте.

[14] *...помыслихъ, яко Илии...повиненъ будеть».* — Неизвестно, кого именно цитирует отшельник. Это мог быть патриарх иерусалимский Илия (491—518) и преподобный Илия Скитский, живший в VI в.

[15] *...приносящь ми 12 меча...* — Мечь (греч. ἑσμός) — куча.

[16] *Епифаний Кипрский* (310 или 332—403) — автор многих сочинений, особенно против различных ересей. В 367 г. был назначен епископом г. Саламина на о. Кипр и был им 36 лет.

[17] *...авва Данилъ, ученикъ отца Антонья...* — Преподобный Даниил Скитский (втор. пол. IV в.) был в действительности учеником преп. Арсения.

[18] *Преподобный Иоанн Ликопольский* (IV в.) — подвижник, провел 50 лет на горе Лико в верхнем Египте.

[19] *... Благовѣстить тя Господь...благая Иерусалима.* — Ср. Пс. 127, 5.

[20] *Фиваида* — безлюдная пустыня в окрестностях Фив, древней столицы Верхнего Египта («пустыня египетская»); место знаменито тем, что именно здесь появились первые в истории христианства пустынножители.

[21] *...овѣмъ въ Костянтинъ градъ, овѣмъ въ Александрию...* — т. е. на север и на юг; Константинград — русское название Константинополя, столицы Византийской империи; Александрия — город и порт в Египте, на берегу Средиземного моря, основан Александром Македонским в 331 г. до н. э., впоследствии один из центров распространения христианства.

[22] *...господь мой Софроний...* — Софроний из Дамаска, спутник Иоанна Мосха в его путешествиях, его ученик, которому автор передал рукопись Патерика перед смертью, впоследствии видный церковный деятель (с 634 г. до смерти в 641 или 644 г. был патриархом Иерусалимским).

[23] *...юже съзьда блажены папа Еулогий...* — Знаменитый церковный деятель и писатель Евлогий, родом сириец, был патриархом александрийским в 580—607 гг.

[24] *...великого Тетрафола.* — Т. е. тетрапила, следовательно, храм окружался четырьмя рядами колонн.

[25] *...пророка Иеремия...* — Второй из четырех великих пророков Ветхого завета, родом из Иерусалима; начал учить евреев в 626 г. до н. э., был уведен в Египет, где и умер.

[26] *...Александръ зиждитель...* — Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), основатель города Александрия в Египте.

[27] *...о аввѣ Иулиянѣ... епискупѣ Вострѣнемъ.* — Вострены (Бостра) — город в Аравии; Юлиан был епископом в Бостре в то время, когда в царствование византийского императора Анастасия I (491—518) на некоторое время победили сторонники еретического движения в христианстве; епископ Юлиан преследовался и неоднократно изгонялся из города.

[28] *...отъ единого попьрища...* — Мера пути, по различным источникам разной длины; в переводных памятниках славянское слово заменяло греческий стадий — 185 м (считалось, что это 125 шагов воина).

[29] *...авва Герасима нарицаема.* — Герой рассказа, один из знаменитых подвижников V в., родом из малоазийской провинции Ликии, основал свой скит на берегу реки Иордан; умер Герасим 4 марта 475 г.

[30] *Авва же Севатий киликъ...* — ученик Герасима, родом из Киликии, юго-восточной части Малой Азии.

[31] *...въ лаврѣ отьца Фирьмина...* — Фирмин, один из учеников основателя древнего монашеского устава Саввы Освященного (ум. в 532 г.), почитаемого и на Руси; Фирмин основал обитель недалеко от Назарета.

[32] *...въ Дорофеовъ манастырь въскрай Газы.* — Имеется в виду Дорофей, один из известных в древности подвижников, занимавшийся также науками и философией; основал обитель неподалеку от Газы — города в южной Палестине, недалеко от Средиземного моря.

[33] *...приде къ Диополу граду...* — Город Диосполис, теперь Лидда, на пути из Иерусалима в Иоппию.

[34] *...въ прѣдѣлѣхъ Сохуста села* — название пустыни.

[35] *Въ самомь островѣ...* — Описка, имеется в виду о. Самос в Эгейском море, недалеко от побережья Малой Азии.

[36] *...мати Павля канъдита...* — Кандидат (или квестор) — чиновник при сенате, читавший императорские рескрипты перед сенаторами.

[37] *...Ниесиви... цьркы Нисийская...* — Нисибия, парфянский город в верховьях р. Тигр (теперь в Курдистане).

[38] *Аскалонъ* — один из пяти главных городов филистимлян на берегу Средиземного моря (сохранились развалины), часто упоминается в Библии; аскалонцы постоянно враждовали с иудеями, а затем и с

первыми христианами; город был окончательно разрушен в результате крестовых походов XIII в.

[39] *...вь Селеукия, близь Антиохия...* — Антиохия, древняя столица Сирии, расположена недалеко от Средиземного моря; в античные времена и в первые века христианства — центр культурной, экономической и административной деятельности; Селевкия — городок около Антиохии.

ПЕРЕВОД

ИЗ СКИТСКОГО ПАТЕРИКА

Слово о премудрости

<...> Рассказал авва Данил, что когда был в Ските авва Арсений, был там один монах, похищавший сосуды у старцев. И авва Арсений привел его в келью свою, желая наставить и успокоить старца, и сказал ему: «Если ты <что-то> хочешь, я тебе дам, только не кради». И дал ему цату золотую, и одежду, и все необходимое. Тот ушел, но снова стал красть. Увидев, что он не перестает, отцы прогнали его, говоря: «Если окажется брат злого нрава, необходимо терпеть его. А если крадет и, наставляемый, не перестает <делать это>, изгоните его, потому что и свою душу погубит и всех находящихся на месте том возмутит».

О творящих чудеса святых старцах

<...> Отправился однажды тот же авва Макарий из Скита в Тернуф и заночевал в гробнице. Было там много высохших костей умерших эллинов. И, взяв одну из них, он положил ее под голову как подушку. Демоны, видя такую его дерзость, решили его испугать и закричали, называя как будто женское имя: «Эй, такая-то, пойдем с нами в баню мыться». Отозвался другой демон из сухой кости, говоря: «Странник сверху меня <лежит>, поэтому не могу прийти». Старец же не испугался, а смело стал избивать останки, говоря: «Встань, иди, если можешь». Услышав это, демоны страшно вскричали, говоря: «Ты нас победил». И бежали, посрамленные.

<...> Рассказывал авва Сысой: «Когда после трапезы в Ските мы с отцом Макарием отправились на жатву, с нами были еще 7 человек; и вот одна вдова собирала за нами колосья и не переставая плакала. Он

позвал старейшину того села и спросил его: “Что случилось у этой старой женщины, что она всегда плачет?” Тот ответил ему: “Ее муж, взяв залог у одного человека, внезапно умер и не сказал, куда положил. И хозяин хочет вместо залога взять ее и ее детей в рабство”. Сказал ему старец: “Передай ей, чтобы пришла к нам туда, где отдыхаем в полдень”. Когда она пришла, спросил ее старец: “Почему ты так плачешь?” Она ответила: “Мой муж умер, взяв залог у одного человека, и не сказал, умирая, куда положил его”. Сказал старец: “Пойдем, покажешь нам, где ты его похоронила”. Взяв братию с собой, он пошел с ней и, когда они пришли на место, старец сказал: “Иди в свой дом”. После того как они помолились, старец позвал мертвеца и, называя его по имени, спросил: “Куда ты положил чужой заем?” И тот сказал в ответ: “Спрятано в моем доме в подножии моего ложа”. Сказал тогда ему старец: “Спи опять до дня воскрешения”.

Братья, увидев <это>, от страха упали к его ногам, а старец сказал им: “Не ради меня это было, ибо я ничто, но ради вдовы и сирот ее Бог совершил это дело. Великое в том, что Бог покровительствует безгрешной душе и, о чем бы она ни попросила, то получит”. Пришел он и сообщил вдове, где положил <муж ее> залог. Взявши его, она отдала его хозяину, и тот освободил ее детей. Слышавшие это прославили Бога».

О двух покаяниях

<...> Рассказал один из Фиваидских старцев: «Я был сыном жреца языческого. Когда был ребенком, сидел <часто> в церкви и видел своего отца, часто приходившего принести жертву идолу. И однажды тайно я пошел за ним и увидел Сатану, сидящего, и все воинство его, стоящее перед ним. И вот подошел один из его князей и поклонился ему. Отвечая, дьявол спросил его: “Откуда ты прибыл?” Тот же, отвечая, сказал: “В этой стране был, и устроил раздор и великую смуту, и кровопролитие сотворил, и пришел известить тебя”. И спросил его <Сатана>: “За какое время ты это сделал?” И тот ответил: “За тридцать дней”. Тогда <Сатана> приказал избить его за то, что столь <много> дней это делал. И вот другой пришел, кланяясь ему. Спросил его <Сатана>: “Откуда ты пришел?” Отвечая, демон сказал: “В море был, и устроил бури, и потопил корабли, и много людей убил, пришел доложить тебе”. Тот же спросил его: “За сколько дней сделал это?” Демон ответил: “За двадцать дней”. Приказал <Сатана> и того бить: почему за столько дней лишь это сделал? И вот третий подошел, кланяясь ему. И он спросил его: “А ты откуда пришел?” Тот, отвечая, сказал: “В этом городе была свадьба, устроил я ссору жениха и невесты и великое кровопролитие устроил, явился тебя известить”. Тот же спросил: “За сколько дней сделал это?” Он ответил: “За десять дней”. Приказал <Сатана> бить и этого непроворного. Пришел и другой,

поклонился ему. Спросил <Сатана> у него: “А ты откуда пришел?” Тот ответил: “Сорок лет был я в пустыне, борясь с одним монахом, а в эту ночь поверг его в любодеяние”. Услышав это, <Сатана> встал, поцеловал его и, взяв венец, который сам носил, возложил его ему на голову и посадил на трон рядом с собою. Произнес: “Ты смог одержать великую победу!”»

Сказал старец: «Увидев это, я проговорил: “Так велик чин монашеский”. С Божьего соизволения к спасению, ушел я и стал монахом».

О смиренном послушании

<...> Двое родных братьев пришли жить в монастырь. Один из них был постником, а другой имел послушание великое. Скажет ему старец: «Сделай это», — и делает с утра, а <потом> ел, и прославился послушанием в монастыре.

Поражен был этим брат его постник. И подумал он: «Испытаю его, имеет ли он послушание». Подошел, сказал отцу: «Пошли со мной брата моего, чтобы пойти нам в одно место». И отпустил его отец. Взял его постник, собираясь его искусить. Пришли на реку, в которой водилось многое множество крокодилов. И сказал ему <постник>: «Войди в реку и перейди <ее>». Как только тот вошел, приплыли крокодилы и стали лизать тело его, и не повредили его. Увидел <это> постник, сказал ему: «Выйди из реки».

Идя <обратно>, нашли они тело, брошенное на дороге. И сказал постник: «Если бы у нас была тряпица, покрыли бы ею тело». И сказал послушник: «Помолимся, может, встанет». И встали они на молитву. Когда же они помолились, встал мертвец.

Показал Бог все это отцу в монастыре: и как испытывал <брат> брата своего с крокодилами, как встал мертвец. Когда <постник> пришел в монастырь, сказал отец постнику: «Почему ты так поступил с братом своим? Это <в награду> за послушание <его> встал мертвец».

О различном достойном житии старцев

Рассказывали об одном отшельнике, который отправился в пустыню, одетый только в левитон, и, пройдя три дня, поднялся на скалу и увидел под ней траву и человека, пасущегося, словно зверь. И сошел он вниз и задержал его. Старец же был нагой, изможденный и, испугавшись человека, вырвался от него и побежал. И погнался брат вслед за ним, выкрикивая: «Бога ради бегу за тобой, подожди меня». И тот, обернувшись, ответил ему: «И я Бога ради бегу от тебя». Потом же, когда он снял с себя одежду, подождал его. И когда он приблизился, сказал <ему>: «Когда ты отказался от мирского имущества, я подождал тебя». Тот, взмолившись, проговорил: «Отец, скажи, как мне спастись?» А он ответил ему: «Избегай людей, безмолвствуй, и спасешься».

<...> Говорили о том, что один отшельник рассказал братьям из Раифы, где растут 70 финиковых пальм и где Моисей вооружился вместе с народом, когда они вышли из Земли египетской. А говорил вот о чем: «Задумал я как-то <отправиться> в пустыню, чтобы найти вдали от меня живущих и трудящихся для Владыки Бога. И шел 40 дней и 40 ночей, и нашел пещеру, и подошел к ней, и заглянул в нее. И увидел <там> человека сидящего, и постучал по монашескому обычаю, чтобы он вышел приветствовать меня, но тот не пошевелился, потому что был мертв. Я же, ничуть не обратив на это внимания, вошел и взял его за его руку, и он тотчас же растаял и сделался прахом. И увидел я еще висящую <в воздухе> одежду, но когда дотронулся и до нее, она <тоже> растаяла и исчезла. В смятении я вышел оттуда, и пошел по пустыни, и нашел другую пещеру и следы мужских ног. С радостью приблизился я к пещере, постучал, и никто не отозвал-ся. Когда же я вошел <туда>, то никого <в ней> не нашел. Стоя у пещеры, я подумал, что раб Божий должен вернуться, если он здесь живет, поскольку день близился к концу. И увидел я движущихся верблюдов и обнаженного раба Божьего, волосами своими прикрывающего срамные части тела. Когда он приблизился ко мне, то, приняв меня за духа, стал на молитву, ибо, как он потом говорил, много бед принял он от духов. И я, поняв это, сказал ему: “Я — человек”. И тогда сказал он: “Аминь”. Видя меня, он успокоился, взял меня <за руку> и повел в пещеру и спрашивал, зачем я сюда пришел. Я же ответил: “В поисках рабов Божиих пришел я в эту пустыню. И не отказал нам Бог в этом желании”. И я, спрашивая его, сказал: “Сюда как сам ты пришел и чем питаешься, и почему тебе, нагому, не требуется одежда?” И он ответил: “Я в монастыре был в Фиваиде, занимался ткачеством. И возник во мне помысл, говорящий: «Уйди и живи один, имеешь силы безмолвствовать и получишь большую награду от плодов своего труда». Как только я пообещал <это> помыслу, то <решил> работу <свою> закончить, поскольку имел приказание оставить монастырь. Многие раздавая доходы, старался нищим и странникам <их> раздавать. Тогда враг наш дьявол, позавидовав, как всегда, захотел воздать <мне> за ревностные труды мои к Господу. Встретил я одну монахиню, приказавшую мне однажды и, когда я это сделал, ставшую принуждать, и еще принуждать, и еще

приказывать <делать> другое; и так стало это обычаем, и смелости стало больше, а кончилось прикосновением рук, и смехом и сожитием; и делая это, породили мы беззаконие. Пребывал я с нею шесть месяцев в падении и вспомнил <слова> Илии: «Сегодня или завтра или через много лет смерть получу и приму вечные муки. Ибо, если кто мужнюю жену опорочит, вечным мукам предан будет». Я осквернил Христову невесту, и поэтому в эту пустыню тайно бежал, оставив все женщине. И, придя, я нашел пещеру, источник этот и финиковую пальму, приносящую мне 12 мечей фиников. В месяц она дает один меч, которого хватает мне на 10 дней, а потом созревает и другой. Через много лет отросли мои волосы; когда одежды истлели, ими прикрываю, как положено, постыдные места на теле". Поскольку я еще расспрашивал его, — "не было ли тебе сначала здесь трудно?" <Он продолжил>: "Сначала я страдал очень, так что и на землю падал от болей в почках, и не мог совершать службу стоя, а лишь лежащим на земле, я призывал Всевышнего. Когда я лежал в пещере в сильной тоске и страдании из-за того, что совершенно не мог выходить наружу, увидел я человека, который вошел и спросил: «Чем ты болеешь?» Я же едва смог вымолвить: «Почки у меня болят». Он спросил меня: «Где болит?» И когда я показал ему, пальцами руки своей, соединив как должно, прорезал место, как ножом, вынул почки, показал мне струпья и, рукою выдернув, в лоскут струпья положил, рукою сдавил <больное> место, сказал мне: «Теперь ты здоров, служи Владыке Христу как следует». С тех пор я здоров и так, работая, живу здесь. Много <раз> я просил <его о том>, чтобы <позволено было> мне жить в прежней пещере, но он отвечал: «Не смей, иначе пострадаешь от козней демонских»".

Я же о сути этого <рассказа> рассудил, попросил его, чтобы, помолившись, он отпустил меня. А рассказал вам это пользы ради вашей».

О смирении

<...> Брат обиделся на брата. Тот, узнав об этом, пришел покаяться перед ним. Он же не открыл ему дверь. И пошел тот к некоему старцу и рассказал ему об этом. И ответил ему старец, говоря: «Остерегайся оправдать себя в сердце своем, ибо осуждая брата своего, что тот виновен, ты не оправдаешь себя. Из-за этого он не был извещен <свыше>, чтобы открыть <тебе дверь>, но, говорю тебе, если он и виновен перед тобой, иди, положи на сердце своем, что ты виновен перед ним, а брата своего оправдай, и тогда Бог известит его помириться с тобой». — И рассказал ему такую притчу, говоря: «<Жили> двое простых людей-постников, и, посоветовавшись, ушли <из мира> и стали монахами. И, следуя евангельской заповеди, но не понимая ее, оскопили себя, говоря — ради Царства Небесного. Архиепископ, узнав об этом, отлучил их от церкви. Они же, думая, что добро сделали, роптали на него, говоря: "Мы оскопили себя ради

Царства Божьего, а он отлучил нас, но пойдем да пожалуемся на него архиепископу Иерусалимскому”. Пошли и рассказали ему. И сказал им архиепископ: “И я отлучаю вас”. И опечалившись от этого еще больше, они отправились в Антиохию к архиепископу и рассказали ему о себе. И тот <тоже> отлучил их. И сказали они друг другу: “Пойдем в Рим к патриарху, и он отомстит за нас всем им”. Придя к великому архиепископу Римскому, известили они его о том, что сделали им архиепископы. “Мы пришли к тебе, — сказали они, — потому что ты — самый главный”. Но сказал им и тот: “И я вас отлучаю, вы отлучены”. Тогда, обращаясь друг к другу, они сказали: “Все они друг за друга, потому что на соборах встречаются, но пойдем к святому Епифанию, архиепископу Кипрскому, и известим его, ведь он пророк и не станет лицемерить перед человеком”. Когда они приблизились к городу, где он жил, объявили ему о себе и пошли к нему навстречу, он сказал <им>: “Не входите в этот город”. Тогда они подумали: “Мы действительно согрешили. Чем себя оправдаем? Если бы те несправедливо нас отлучили, тогда этот пророк <был бы извещен>, ибо это Бог показал ему сокровенное”. И осудили себя за грех, который сделали. Тогда увидел всезнающий Бог, что они действительно осудили себя, и сказал о них отцу Епифанию. Тот, впустив их, привел их <к себе>, и утешил, и принял их в общение, и написал архиепископу: “Прими детей своих, потому что они действительно покаялись”».

И сказал старец: «Исцеление человека, которого хочет Бог, в том, чтобы человек рассказал об искушении своем перед Богом». Выслушав, брат сделал так, как сказал старец: пошел, постучал в дверь брата. Тот же, как только услышал <это> внутри <келии>, раньше его покаялся и открыл ему, поцеловались они от души и помирились.

О провидцах

<...>Сказал авва Даниил, ученик отца Антония: «Рассказывал нам старец Антоний, говоря о каком-то другом брате, в действительности же сам о себе: “Когда старец сидел в своей келье, явился голос, произнесший: «Выйди, и я покажу тебе человеческие дела». И, встав, он вышел, а тот привел его на одно место и показал ему мурина, который рубил дрова и сделал большую охапку. Попробовал он поднять ее, но не смог и, вместо того, чтобы убавить, пошел и еще нарубил дров и прибавил их к охапке, и делал так много раз. И пройдя немного, показал <он> ему еще человека, стоящего у колодца и вычерпывающего <воду> в дырявую емкость и ту же воду выливающего в колодец. Сказал еще <голос>: «Пойдем, и <я> покажу тебе другое». И вот увидел я церковь и двух людей, сидящих <верхом> на конях и держащих с двух концов поперек бревно. Хотели они пройти в ворота, да не могли, потому что <держали> поперек бревно. Не договорились

между собой, чтобы один повернул дерево правильно, и поэтому они остались за воротами”.

Те, что несли дерево, — это правда с гордостью; не пожелали они смириться друг с другом и ходить со смирением по пути Христа, поэтому и останутся за пределами Царства Божьего. Тот, кто рубит дрова, — это человек, который имеет много грехов и, вместо покаяния, другое беззаконие прибавляет сверху беззаконий своих. А черпающий воду — это тот, кто творит добрые дела, но, поскольку не противится злу, тем самым губит свои добрые дела».

Следует любому человеку быть осмотрительным в своих поступках, чтобы не во грех трудиться.

<...> Рассказывал один старец, говоря: «<Жил> в пустыни отшельник около города вблизи реки Нил, и прислуживал ему один преданный мирянин. А в городе жил один богатый и бесчестный человек. Случилось так, что он умер, и провожали его все горожане и епископ со свечами. Отправился, как обычно, тот, кто служил отшельнику, отнести ему хлеб, и нашел его изъеденным гиеной, и упал он ниц, взывая к Богу: “Я не поднимусь до тех пор, пока Ты не объяснишь мне, почему это так, — что тот нечестивец имел такие проводы, а этот, который служил тебе день и ночь, так умер?” И пришел ангел и сказал ему: “Тот нечестивец сделал мало добрых дел, но принял здесь <покой>, чтобы не иметь там никакого покоя. Этот же отшельник, поскольку был человеком, исполненным всяческой благодати и имел <в этом мире> мало соблазнов, получив <это> здесь, там будет чист перед Богом”. И встал <слуга>, просвещенный, прославляя Бога, потому что истина есть».

ИЗ ЕГИПЕТСКОГО ПАТЕРИКА

О черноризце Иоанне

Есть, говорят, в этой пустыни брат наш Иоанн, юный телом, всех нынешних черноризцев добродетелями превосходящий. Его никто быстро найти не может, поскольку он всегда ходит с места на место в пустынях. Сначала он стоял на скале три года, постоянно пребывая в молитве, никогда не садился и спал даже стоя, да и то немного. В

воскресенье только принимал Святые Дары, которые приносил ему пресвитер, а другого ничего не ел.

Однажды преобразился сатана в пресвитера, придя к нему утром, хотел причастить его. Распознав его, блаженный Иоанн обратился к нему: «О отец всякого лукавства и всяческой лжи, враг всяческой истины! <Ты> не прекращаешь совращать христианские души людей, но ты дерзаешь <покушаться> на самое пречистое причастие». Тот же ему отвечал: «Чуть было я тебя не уловил, ну так я обманул другого из твоей братии и лишил его рассудка, и он стал бесноватым. И многие святые за него молились, но едва смогли возвратить ему рассудок». И, сказав это, бес отошел от него.

Когда ноги его потрескались от долгого стояния, и из них потек гной, явился ангел, прикоснулся к его устам, говоря: «Христос будет тебе истинной пищей, а Дух Святой — истинным питьем, и да будет тебе достаточно духовной пищи, чтобы ты не изверг ее <никогда>, насытившись». И, исцелив его, он перенес его с того места.

Так он жил, по пустыни ходя, ел траву, но в воскресенье на то же место возвращался и принимал причастие. Попросив у пресвитера немного пальмовых листьев, плел он подпруги. Когда один хромой захотел придти к нему, чтобы исцелиться, то как только сел он на осла и ногами коснулся подпруги, которая была сплетена святым человеком, сразу выздоровел.

Ему открылось некогда, что в его монастырях некоторые живут неправедно. Пишет он ко всем пресвитерам послание о том, что одни ленятся, другие же стремятся <совершать> добрые дела и так обретают истину, которую ищут. Пишет он и к отцам, что некоторые из них ленятся <заботиться> о спасении братии, а другие же много о нем молятся. И тем и другим честь и муки предсказывал. И еще, иных к совершенству духовному призывая, убеждал, чтобы возвысились они от видимых предметов к невидимым. «Пора показать при жизни, что мы — не детьми, — говорил, — или младенцами хотим оставаться, но к более высокой степени разумения перейти и к великим делам приступить».

Так и другое нам и многое отец о святом муже рассказывал, но мы из-за большого числа чудес обо всех их не писали, не потому, что они не правдивы, а потому, что некоторые не поверили бы. Мы же твердо знаем <об этом>, ибо многие великие подвижники то же рассказывали, все то, что своими глазами они видели.

О черноризце Пафнутии

Видели мы и <монастырь> Пафнутия, человека великого и добродетельного, который недавно скончался в окрестности Гераклеополя в Фиваиде. О нем многие много рассказывали.

После многих трудов он попросил Бога <указать>: «кому из святых я подобен». Ангел явился ему и сказал: «Подобен ты тому свирельнику, который в городе живет». Поспешно он отправился к нему, расспрашивал его о его жизни и какие он сделал дела. Тот же сказал ему, что и было правдой, что он грешник, пьяница и блудник, — так о себе рассказывал, — не так давно пришел на это из разбойничества. На расспросы о том, сделал ли он когда что-нибудь доброе, он ответил ему: «Никакого добра за собой не знаю. Кроме как, когда я был разбойником, тогда монахиню хотели разбойники оскорбить, я отнял <ее> и ночью до села проводил. Однажды еще женщину встретил очень красивую, бродившую по пустыни, преследуемую людьми сановника из-за долга мужа своего. Найдя ее в слезах, спросил я у нее о причине тех слез. И она ответила: “Не расспрашивай ни о чем меня, господин, не спрашивай, окаянную, но, как рабу свою возьми и куда хочешь уведи. После того как мужа моего много били в течение двух лет из-за долга в триста златников и посадили в тюрьму, а любимых моих троих детей продали в рабство, я встала и убежала, скитаясь с места на место. Теперь по пустыни брожу, много раз я была схвачена, часто меня били, а <последние> три дня хожу по пустыни голодная”. Я пожалел ее, привел в пещеру, дав ей триста златников, до города проводил, освободив мужа с детьми ее»>.

Ему отвечал Пафнутий: «Я за собой не знаю ничего, что было бы подобно <этим делам>, но в трудах черноризческих, — полагаю, ты слышал как славно мое имя, — ибо не в лености жизнь свою проводим. Однако Бог открыл мне о тебе, что ты ничем не хуже меня по <своим> заслугам. И, если великое слово за тебя, брат, сказано Богом, не забывай о душе своей».

Тот же бросил тотчас свирель и, песни свирельные на духовные заменив, вслед за ним в пустыню отправился. В течение трех лет трудился и в песнопениях и молитвах закончил свою жизнь. К небесному житию отправленный, он почил и был причтен к сонму святых и чинам праведных.

После того как <Пафнутий> этого достойно трудившегося к Богу препроводил, он предался еще большим подвигам, чем прежде. И снова спросил он Бога явить ему, кому из святых он подобен. И опять голос Божий был к нему, произнесший: «Подобен ты старейшине ближайшего селения». Он же сразу пришел к нему и, как только постучал в ворота, вышел тот, чтобы по своему обыкновению принять странников. Омыв ноги ему и поставив <перед ним> трапезу, предложил он ему попробовать. Когда <Пафнутий> стал расспрашивать о его делах, говоря: «Человек, расскажи о своей мне жизни, ибо ты многих черноризцев, как мне открыл Бог, превосходишь». Он же назвал себя грешником, недостойным имени черноризца. Но, поскольку тот продолжал расспрашивать, человек ответил: «Я бы не хотел о себе рассказывать, но, если, как ты говоришь, пришел <по велению> Бога, я тебе расскажу о себе.

Вот уже тридцать лет, как я сам отказался от жены, четыре только года с нею прожив и поимев от нее троих сыновей, которые по необходимости помогают мне. Не переставал любить странников и до сегодняшнего дня. Никто не похвалится, что только он <и> раньше меня странников принимал заботливыми руками из моего двора. Я не отверг падшего убогого, не подав ему необходимого утешения. Не взирая на лицо, не нарушал правосудия <даже> ради сына своего. Не проникали в мой дом плоды чужих трудов. Не было ссоры, которую бы я ни усмирил. Никто не бранил <или> презирал труды детей моих. Не прикоснулись к чужим посевам мои стада. Не засевал я свои поля прежде, чем другие, но засевал оставшиеся земли. Не давал обидеть сильному бедного. Никого не огорчил в жизни своей, никогда не возводил неправду на кого-либо. Коли Бог этого хочет, рассказал я <тебе>, что я это делал».

Услышав о добрых делах этого человека, Пафнутий поцеловал его в голову, говоря ему: «Благовестит о тебе Господь с Сиона и узришь благое Иерусалима. Ибо ты хорошо все это делал, но тебе недостает одной от хороших дел части — глубокого познания Бога. Этого не сможешь безболезненно достигнуть, если не отметешь от себя все мирское и, взяв крест, не пойдешь вслед за Спасителем». Тот, как это услышал, сразу, не посоветовавшись с близкими, ушел за <Пафнутием> под гору.

ИЗ СИНАЙСКОГО ПАТЕРИКА

Слово 55

Когда мы шли в Фиваиду, один святой отец рассказал нам о старце Антине Великом, который, сделав маленькую келью, жил в ней за городом шестьдесят лет. Было у него десять учеников, а один из них — очень ленивый. Много раз старец выговаривал ему, и поучал его, и умолял: «Брат, позаботься о своей душе, ведь умрешь — и на мучение идти!» Брат же всегда ослушивался старца, не принимая сказанного им. Случилось же в каком-то году умереть брату. Много печалился о нем старец, зная, что в великой беспечности и леностн ушел тот из мира сего. И начал старец молиться и проситъ: «Господи, Иисус Христос, истинный Бог наш! Дай мне увидеть душу брата». И вот взглянул в воображении, как будто в забытьи будучи, и увидел реку огненную, и много в ней пламени, а посредине брата, погруженного по шею. Тогда сказал ему старец: «Не этой ли муки ради молил я тебя позаботиться о душе своей, чадо?» Отвечал брат, сказав старцу: «Слава Богу, отче, что, по крайней мере, голова моя в покое находится: так по молитвам твоим на голове епископа стою!»

Слово 98

И вот рассказал нам тот же Палладий, говоря: Слышал я, как поведал начальник одного корабля следующее: «Когда плыл я однажды, были со мною спутники, мужчины и женщины. Как вышли в открытое море — все благополучно плыли: те в Константинополь, те в Александрию, другие же в иное место, хотя ветер и не был им благоприятен. Мы же простояли дней пять, не сходя с места, где были. Впали мы в большую скорбь и в недоумение: что же это такое? Я же, начальник, как в сновидении, озабоченный кораблем и теми, кто на нем, начал молиться Богу об этом. И однажды раздался голос, невидимо говорящий: “Сбрось Марию в море, и свободно тебе поплывется!” Я же поразмыслил, сказав: “Так что же это будет? Кто такая Мария?” И, так как я не понял этого, снова раздался голос, говоривший: “Сказал я тебе: сбрось Марию в море, и спасетесь!” Тогда понял я наконец и воскликнул внезапно, громко сказав: “Мария!” Она же лежала на постели своей, да и откликнулась, говоря: “Что хочешь, господин?” Тогда сказал я ей: “Сделай милость, подойди сюда”. Она же, встав, подошла, а как подошла, взял ее, и отвел одну в сторону, и сказал ей: “Видишь ли, сестра Мария, какие на мне грехи, из-за меня и все можете погибнуть”. Она же, сильно вздохнув, сказала: “Действительно, господин кормчий, я грешница”. И снова я ей сказал: “Женщина, какие на тебе грехи?” Она же ответила: “Горе мне, ибо нет греха, которого я бы не сотворила; и моих ради грехов все вы погибнете”. И после этого раскрыла и поведала мне женщина, так говоря: “Действительно, господин кормчий, я несчастная и злогрешная! Был у меня муж и двое детей, первый девяти лет, а второй — около пяти. А потом умер муж мой. Жил же по соседству со мною воин, и захотела я, чтобы взял он меня в жены, и послала к нему кое-кого. Воин же сказал: «Не возьму женщину, у которой дети от другого мужа!» Тогда я как услышала, что не хочет меня брать из-за детей, да к тому же и любя его, убила детей своих

обоих, несчастная, и сообщила ему, говоря: «Нет у меня больше ребенка, ни единого». Как услышал то солдат, о детях-то, что я наделала, воскликнул: «Жив Господь, живущий в небесах! — ибо не возьму ее». Потому испугалась я, что узнают и умертвят меня, да так и убежала”. Такое услышав от женщины той, не решился я ввергнуть ее в пучину морскую, но так надумал и сказал ей: “Вот я спускаюсь в лодку, так знай же, женщина: если не тронется корабль, значит — не мои грехи держат его”, то же сказал и корабельщикам на корабле. Когда же сошел я в лодку, ничего не случилось, корабль не тронулся с места. Поднялся я тогда на корабль, сказал женщине: “Спустись и ты в лодку”, и она спустилась.

И как только она спустилась, тотчас лодка, раз пять перевернувшись, стремительно пошла ко дну и затонула, корабль же поплыл быстро, и за три дня пришли мы, плывя на нем, куда нужно было бы плыть пятнадцать дней!»

Слово 99

Я же и господин мой Софроний пошли в дом мудреца Стефана, чтобы побыть там: был уже полдень. Жил же он по дороге к церкви Святой Богородицы, которую создал блаженный папа Евлогий на восток от большого Тетрафола. Когда же постучались мы в дом мудреца, выглянула служанка, говоря нам: «Он еще лежит, немного подождите». Тогда сказал я господину моему Софронию: «Пойдем к Тетрафолу да там и побудем». Тетрафол — место, очень чтимое александрийцами, говорят даже, что мощи пророка Иеремии, в Египте взяв, Александр, основатель города, тут положил. Пока шли мы к Тетрафолу, не встретили никого, только трех слепцов, ибо был полдень. Прошли мы вблизи слепцов и в безмолвии и в молчании сели, раскрыв наши книги. Слепцы же много говорили и расспрашивали друг друга: «Ну-ка, как ты ослеп?» Отвечал один, говоря: «Я был моряком, и, когда был молод, плыли мы от Африки морем, занедужил глазами и не знал, как исцелиться. Бельма появились в глазах моих». И спросил другого слепца: «А ты как ослеп?» Отвечал и тот, говоря: «Был я стеклодувом, и вытекли от огня оба моих глаза, и ослеп я». Спросили они и третьего: «Ты же как ослеп?» Отвечал он: «Раз уж я здесь, то расскажу вам. Будучи юным, очень презирал я работу, потому и не спасся от беды. Не знал я, где достать еды — тотчас же крал. В один из дней, уже наделав много зла, когда стоял я на месте, где казнят, увидел, как выносят мертвеца, богато накрытого. Пошел я вслед покойному, чтоб посмотреть, где его погребут. Итак, зашли они за церковь святого Иоанна Великого, и положили его в склепе, и отошли. Я же, как увидел ушедших, влез в гробницу и снял одежду, в которую был тот одет, оставив на нем одно лишь покрывало. Когда же хотел я покинуть склеп, взяв уже очень много, злое мое естество подсказало мне: “Возьми и

покрывало его, уж очень красиво”. Повернулся я, несчастный, и лишь только снял с него погребальное покрывало, оставляя его нагим, как, поднявшись, сел предо мною мертвец и простер обе руки свои ко мне, пальцами оцарапал мне лицо и выдрал оба глаза мои. Тогда я, несчастный, оставив все, в великой беде и печали вышел из склепа. Вот рассказал я вам, как и я ослеп». Когда мы услышали это, поманил меня Софроний, и отошли мы от них, и сказал мне: «Ну-ка, господин и отец Иоанн, не совершим же сегодня недоброго, ибо большое благо сыскали»; пользу же получив, записали, чтобы и вы это восприняли: никто из творящих зло не утаится от Бога.

Слово 119

Тот же отец наш, Георгий-архимандрит, поведал нам об отце Юлиане, рассказав, как был он епископом в Востренах. Когда пришлось идти ему из монастыря, чтобы стать епископом в Востренах, некие вельможи этого города, недоброжелатели, захотели отравой погубить его. И подговорили виночерпия его, посулив мзду, и дали тому яд, чтобы, прислуживая митрополиту, всыпал отраву в чашу его. Слуга, как научен был, так и сделал, и, положив в чашу, слуга божественному Юлиану отраву поднес. Но от Бога постигнув заговор, который содеяли, взяв чашу, поставил Юлиан ее пред собою, совершенно ничего не сказал слуге и, послав, призвал он вельмож, среди них и тех, которые на него устроили заговор. Божественный Юлиан, не желая обличать заговорщиков, кротко сказал всем: «Коли надеетесь смиренного Юлиана уничтожить отравой, вот перед всеми вами и пью». И перекрестив трижды чашу перстами своими, и сказав: «Во имя Отца и Сына и Духа Святого пью эту чашу», и выпив ее перед всеми, — остался он невредим. И видевшие это поклонились ему до земли.

Слово 134

В одном поприще от святого Иордана-реки есть лавра, называемая лаврой отца Герасима. Когда перешли мы в ту лавру, рассказали нам живущие тут старцы об отце Герасиме, как ходил он однажды по болоту у Иордана, и встретил его лев, громко ревевшнй из-за лапы своей: вонзилась в нее тростниковая щепка. От этого распухла лапа и наполнилась гноем. Как увидел лев старца, показал ему лапу, пораненную вонзившейся занозой, плача и как бы умоляя его исцелить. Как увидел старец его в такой беде, сел и, взяв его за лапу, раздвинул рану и вынул тростинку с обильным гноем. Хорошо очистив язву и завязав ее платком, отпустил его. Исцеленный же лев потом не оставил старца, но, как ученик, куда бы ни шел тот, следовал за ним, так что дивился старец и впоследствии такому разуму зверя. С тех пор старец

кормил его, бросал ему хлеб, давал чечевичную похлебку. Был же в той лавре один осел, на котором приносили воду для нужд святых отцов из святого Иордана, откуда пьют воду; отстоит же от лавры река в одном поприще. Вошло у старцев в обычай льва посылать, чтобы ходил он и пас осла по краю святого Иордана. Однажды, пасясь, отошел осел ото льва довольно далеко, и вот человек с верблюдами, из Аравии идущий, нашел его и взял с собою. Лев же, утратив осла, вернулся в лавру, очень печальный и угрюмый, к отцу Герасиму. Решил же отец Герасим, что съел осла лев, и спросил: «А где осел?» Тот же, подобно человеку, молча стоял, глядя в землю. Сказал ему старец: «Съел ли его ты? Благословен Господь: все, что делал осел, отныне делать тебе». С тех пор, как и сказал старец, таскал он короб с четырьмя кувшинами и приносил воду. Пришел же однажды воин к старцу молитъся и увидел льва, носящего воду, а узнав причину, сжалился над ним и, вынув три золотых, дал старцам, чтобы купили осла для своих надобностей и освободили бы от такой работы льва. Владелец же верблюдов, который похитил осла, вновь возвращался, чтобы продать пшеницу в святом граде, и осел был при нем. Перейдя святой Иордан, случайно тот встретился с львом: увидел его и, оставив верблюдов, бежал. Лев, признавши осла, помчался к нему и, взяв его пастью за холку, как делал обычно, привел — с тремя верблюдами, одновременно и радуясь, и возглашая, что осла, которого потерял, отыскав, привел к старцу. Старец же думал, что лев съел осла. Тогда старец, узнав, что оболган был лев, дал имя льву Иордан. Находился же в лавре лев свыше пяти лет, не отлучаясь из нее никогда. Когда же к Богу отправился отец Герасим и погребен был отцами, по Божьему усмотрению не было в лавре льва. Немного спустя вернулся он в лавру и искал старца своего. Отец Севатий, ученик отца Герасима, киликиец, увидя его, сказал: «Иордане! Старец наш оставил нас, сирот, и отправился к Господу, — но возьми и поешь!» Лев же есть не хотел и начал, стоя, глазами своими туда и сюда часто поводить, ища старца своего, громко рыча, но не теряя надежды. Отец же Севатий и прочие старцы, гладя его по спине, говорили: «Отошел старец к Господу, оставив нас». Но хотя ему так они говорили, не могли его от воплей и рыдания отвратить. Только думали его словом утешить и успокоить, как он лишь пуще рыдал, и вопли сильней испускал, и стоны издавал, перемежая их криками, — и мордой, и глазами выражая печаль, какую испытывал, не видя старца. Тогда сказал ему отец Севатий: «Пойди со мною, потому что не веришь нам, и покажу тебе, где лежит наш старец». И взяв, повел его туда, где того погребли. Находилось это от церкви за полпоприща. Став над могилой отца Герасима, отец Севатий сказал льву: «Вот, старец наш здесь погребен был». И преклонил колени отец Севатий над гробом старца. Лишь услышал лев и увидел, как склонился отец Севатий над гробом, оплакивая, наклонился и он, сильно ударяя головою о землю и ревя. И так очень скоро умер над гробом. Все это было с бессловесной душой, как если бы Бог желал прославить его почитающих не только в сей жизни, но и после смерти, и показать нам, как повиновались звери Адаму до ослушания им божеской заповеди и до лишения блаженства в раю.

Слово 148

Поведал нам отец Данил, старец из Египта, рассказав, как вышел однажды старец в Терфин, чтобы продать плоды своих трудов. А некий юноша умолял старца, говоря: «Ради Бога, отец, пойди ко мне в дом, помолись над моею женою, так как бесплодна она». Понуждаемый юношей, старец пошел в его дом, сотворив жене его молитву. И когда Бог пожелал, женщина зачала. Некие же люди, не боясь Бога, начали клеветать на старца и говорить, что юноша бездетен, и от отца Данила беременна его жена. Дошел слух до старца, и попросил старец мужа женщины: «Когда родит твоя жена, сообщи мне». Когда же родила женщина, дал знать ему юноша тайно, говоря: «Благодаря Богу и молитвам твоим, отче, младенец родился у нас». Тогда отец Данил попросил юношу: «Устрой пир в честь крещения, созови твоих родственников и друзей». И во время обеда перед всеми взял старец младенца на руки, спросив его: «Кто здесь отец твой, младенец?» И ответил младенец этот, пальцем руки указав на юношу. Было же ему всего двенадцать дней.

Слово 234

Рассказывал Савватий, говоря: «Был я в лавре отца Фирмина, пришел разбойник к отцу Зосиме и умолял старца, говоря: “Сделай милость Бога ради! Совершил я множество убийств, позволь мне быть монахом, и прекратил бы я, и отстал бы я от своего зла”. Старец же, прочтя ему наставление, поставил его черноризцем, подавая ему пример во всем. Но вскоре же сказал старец: “Верь мне, чадо, что здесь ты оставаться не можешь, ибо если услышит о тебе какой-нибудь правитель, то схватит тебя, и обвиняющие тебя убьют. Но послушай меня: отведу тебя в монастырь, подальше отсюда”. И отвел его в Дорофеев монастырь возле Газы. И провел он тут девять лет, изучил Псалтырь и всю монашескую службу, и снова вернулся к старцу в фирминскую лавру, и сказал ему: “Господи, отче, сделай милость и верни мне одежды мои мирские, возьми себе монашеские”. Старец же опечалился и молвил ему: “Зачем, чадо?” Отвечал ему брат, говоря: “Вот, как ты знаешь, отче, девять лет я в монастыре, и, насколько мог, я постился и воздерживался, и в полном молчании и в страхе Божьем жил, повинуясь. И познал я, что благость Его меня приняла со всем моим злом. Однако вижу всегда — и во сне, и в церкви, и как пойду причащаться, и за едой — младенца, спрашивающего меня: «За что ты меня убил?» И ни на один час не отпускает меня. Вот почему и хочу я, отче, идти, чтоб умереть за младенца, ведь я и убил-то его бессмысленно”. И, взяв одежды, облекся в них и покинул лавру, а как пришел в город Диапол, на другой день схватили и убили его».

Слово 258

Рассказывал нам о том же и тот же Дионисий-пресвитер, как однажды ходил старец по полю Сохусты, где и была его пещера. И, двигаясь, увидел огромного льва, навстречу идущего. А шел он очень узкой дорогой между двумя изгородями, ибо принято было у земледельцев огораживать свои поля, терновые кусты насаживая. Дорожка была настолько узкой, что лишь одному пешему, ничего не несущему, едва пройти, поскольку терновник сильно разросся и нельзя было разминуться при встрече, если кто-то проходил мимо. Когда же сблизились друг с другом старец и лев, старец отклонился на перекрестке, чтобы уступить льву: из-за узости дороги ни лев не мог пройти, ни разминуться им нельзя было. Увидев, что божий угодник хочет пройти и никак не желает возвращаться, лев, доверчиво на задние лапы став слева от старца и изгороди, тяжестью тела и силой образовал небольшой проход, безвредно праведному проделал дорогу. И так прошел старец, к задним ногам прикасаясь льва, а потом и лев, отойдя от изгороди, своим путем пошел.

Слово 266

На острове Самосе поведала нам боголюбивая и нищелюбивая Мария, мать кандидата Павла, говоря: «Когда была я в городе Ниесевии, жила там женщина-христианка, имевшая мужа язычника. Жили же они бедно, но было у них пятьдесят больших сребреников. Однажды сказал муж жене своей: “Отдадим сребреники эти взаймы, по крайней мере какую-то пользу получим от них. А если по одному их истратим, то не станет их вовсе”. Отвечая, та добрая женщина сказала ему: “Если велишь отдать их взаймы, передай их взаймы Богу христианскому”. Сказал ей муж: “Где же тот Бог христианский, чтобы дать ему взаймы?” Ответила ему жена: “Я тебе покажу его; если же этому дашь ты взаймы, не только не потеряешь деньги, но с процентами тебе их вернет и капитал приумножит”. Он же попросил ее: “Пойди, покажи мне, и дам ему взаймы”. И она, взяв мужа своего, повела его в святую церковь. Есть же в церкви Ниесевийской пять огромных притворов; и как ввела его в притворы церковные, где огромные двери, показала ему нищих, промолвив: “Если этим отдашь, Бог христианский возьмет сие, ибо все они — божьи слуги”. И он тотчас с радостью подал пятьдесят сребреников убогим, и вернулись оба домой. Но через три месяца, как кончилась у них еда, сказал муж жене: “Сестра! Не желает ли Бог христианский вернуть нам что-нибудь из того долга?” Отвечая, жена сказала ему: “Да! иди туда, где положил, и подаст он тебе с полным желанием”. Он же, торопясь, пришел в святую церковь и стал на месте, где отдал нищим сребреники; и, обойдя всю церковь, усомнился, не видя никого, кто хотел бы подать что-нибудь, одних лишь сидящих нищих. Но лишь снова подумал он про себя: “Кому сказать? с кого

стребовать?”, как увидел под ногами своими на мраморе один большой сребреник, из тех, что он роздал нищим. Наклонившись и взяв его, вернулся домой и сказал жене своей: “Ходил я в вашу церковь, поверь мне, жена, не видел я Бога христианского, как ты обещала, и никто мне не дал ничего, только этот сребреник нашел я лежащим там, где сам я роздал пятьдесят сребреников”. Тогда сказала ему та удивительная женщина: “Он есть тот, кто невидимо подал тебе, ибо невидим он и незримою силою и рукою мир созидает. А теперь иди, господин мой, купи нам что-нибудь, чтобы поесть сегодня; он же снова подаст тебе”. Тот же, пойдя, купил хлеба, и вина, и рыбы и, вернувшись, дал жене своей. А она, взяв рыбу, начала ее мыть и, вспоровши ее, нашла внутри рыбы камень, весьма удивительный. Жена лишь подивилась ему, не зная, что это, но сохранила его. Когда же вернулся ее муж, за едой показала она камень, который нашла, говоря: “Вот этот камень нашла я в рыбе”. И он, посмотрев, дивился его красоте, также не зная, что это. После того. как они поели, сказал он: “Дай мне, пойду продам его, может быть, и дадут за него что-нибудь”. Ибо не ведал, как я сказал, этот невежда, что это такое. Взяв камень, пошел он к меняле, который торговал и серебром: “Хочешь ли купить камень этот?” Увидев камень, торговец серебром сказал ему: “Что хочешь за него взять?” Ответил ему продающий: “Дай сколько хочешь”, и ответил ему меняла: “Возьми пять сребреников”. Продающий же, думая, что шутит он над ним, спросил: “Да дашь ли столько за камень?” Торговец же серебром, полагая, что тот так негодует, отвечая, сказал: “Ну, возьми десять сребреников”. Продающий же, решив, что снова над ним смеются, промолчал. Сказал торговец: “Возьми двадцать сребреников за него”; тот снова молчал, ничего не отвечая, пока и до тридцати, и до сорока, и до пятидесяти сребреников не поднял цену торговец серебром. Клялся он, что взаправду хочет так дать. Тогда продающий, придя в себя, подумал, что, если бы камню не была велика цена, пятидесяти сребреников за него бы не дали. Начал он снова наценивать камень и, постепенно цену все увеличивая, дал ему торговец триста больших сребреников. Взяв их и камень отдав, пришел тот к жене своей, радуясь. Она же, увидев это, спросила: “За сколько продал?” — думая, что или за пять, или за десять медных монет продал его. Он же вынул триста больших сребреников, отдал ей, сказав: “За столько продано было”. Та же, человеколюбивого Бога дивясь благости, сказала мужу: “Видишь, муж, Бог христианский сколь благ, и благоразумен, и богат. Видишь ли, что не только пятьдесят сребреников, но с процентами дал тебе, взаймы ему давшему, в малый срок в шесть раз тебе воздал. Знай же, что нет Бога иного на небесах и на земле, но только этот один”. И принял он веру, этим чудом и опытом наученный истине, стал христианином тотчас же и прославил Христа Бога нашего с Отцом и Святым Духом, много похваляя мудрость своей жены, ибо благодаря ей дано было ему воистину Бога познать».

Слово 270

Пришли мы в Аскалон, в гостиницу при лавре, и поведал нам отец Евсевий, священник, как купец из этого города, плывя, потерял и свое, и чужое, сам лишь спасен был. Вернувшись сюда, схвачен был заимодавцами, посажен в темницу, а дом его был разграблен. И в темнице посещала его жена, которая, придя в большую печаль от нужды, испросила разрешения хотя бы хлебом кормить мужа. Сидела она однажды и ела с мужем в темнице, как вошел знатный вельможа, желавший оказать милости узникам, и, увидев свободную женщину, рядом с мужем сидящую, ею увлекся, ибо была она очень красива. И позвал ее через тюремщика. Она же с радостью пришла, думая получить милость, но, оставив ее одну, сказал ей вельможа: «Кто ты и почему здесь?» И поведала ему все. Он предложил: «Если выкуплю ваш долг, ляжешь ли со мною в эту ночь?» Воистину красивая и мудрая ответила ему: «Слышала я, господин, апостол говорил, что жена не владеет своим телом, но муж. Подожди здесь, господин, спрошу я мужа своего и, как он скажет, сделаю». И, вернувшись, рассказала все мужу. Он же, полный рассудительности и заботы о своей жене, не заторопился, чтобы покинуть темницу, но, вздохнув, сказал жене своей: «Иди, сестра, откажи человеку, будем надеяться на Господа нашего Иисуса Христа, не оставит нас до конца». И, вернувшись, отпустила она человека, сказав: «Говорила я это мужу моему, но не согласился он». Тогда же посажен был в ту же темницу разбойник, еще до ареста купца. И все наблюдал он, и слышал жену и мужа, и вздохнул про себя, говоря: «Смотри, в какой беде эти двое, но и свободы своей не отдают за богатство, чтобы, взяв его, откупиться, предпочитая благоразумие, и за жизнь свою не тревожатся. Что же сделаю я, несчастный, никогда и не вспомнивший, что существует Бог — почему и разбойником стал?!» И подозвал их к себе, позванивая дверцами решетки, за которую посажен был, и сказал им обоим: «Я разбойник и виновен в разбое; сейчас придет начальник, и умру я как убийца. Увидев же благоразумие ваше, смирился я. Так идите на эту сторону городской стены и, выкопав, возьмите сокровище, какое найдете. Хватит и на выкуп, и на другое доброе дело, молитесь и за меня, пусть и я получу прощение». Через несколько дней пришел начальник, велел разбойника вывести и приказал отрубить ему голову. Еще через день сказала жена мужу: «Прикажешь ли, господин мой, идти, куда указал разбойник? Может быть, он и правду сказал». Тот же ответил: «Если тебе угодно». Она же, вечером взяв небольшую мотыгу и став на указанном месте, копая, отыскала спрятанный горшок и, взявши, ушла. Хитроумно начав с малого, давая понемногу, как будто получала от того и иного, выкупила и освободила мужа своего. И добавил рассказчик: «Видишь: сохранили те двое заповедь Господа нашего Иисуса Христа — и преумножил он милость свою на них».

Слово 271

Поведал нам Афанасий, по рождению антиохиянин, говоря об отце Врохате, египтянине, что, когда пришел тот из Египта в Селевкию близ

Антиохии, нашел вне города место пустынное и хотел себе построить маленькую келью. Построив же, не знал, чем покрыть ее. Однажды вошел он в город и встретил Анатолия, так звали селевкийца и антиохийца, гробовщика, который сидел возле дома своего. И, подойдя к нему, сказал: «Сделай милость, господин, дай мне маленькое деревце, чтобы покрыть мою келью». Тот же очень разгневался и крикнул: «Вот дерево, бери — и иди», указав на огромное дерево, перед домом его лежащее, достаточное, чтобы построить корабль для пятидесяти тысяч. Ответил ему святой отец: «Благослови, и возьму». Снова крикнул ему Анатолий язвительно: «Благословен Бог!» Тот же, взяв дерево и возложив на плечи свои, пошел к себе в келью. И дивился преславному чуду Анатолий, подарил ему то дерево на нужды, какие были. Он тем деревом не только помянутую келью покрыл, но и многое другое для монастыря устроил таким поступком.

Слово 284

Поведал некий святой отец, как некогда каменщик, называемый гранильщиком, с драгоценным каменьем и бисером взошел на корабль с помощниками своими, собираясь торговать. Случилось же, по предначертанию, что сдружился он с неким слугой корабельщика, который прислуживал ему и отдыхал с ним. И от гранильщика тот кормился, от того, что он ел <сам>. Однажды слышит слуга, как шепчутся помощники корабельщика, решившие сбросить гранильщика в море из-за драгоценных камней. И так как в тот день, как обычно исполняя свои обязанности, слуга выглядел очень унылым, то спросил его гранильщик: «Что ты печален сегодня, сын мой?» Тот же тихонько ответил: «Ничего». Снова спросил гранильщик, говоря: «Правду скажи мне, что с тобой?» Тогда разразился он плачем и сказал ему: «Такой заговор устроили корабельщики на тебя». Когда переспросил гранильщик, осторожно ответил ему: «Так решились поступить с тобою». Тогда призвал гранильщик слуг своих и сказал им: «Что скажу вам, исполните быстро и без рассуждения всякого». Расстелил он полотно и приказал им: «Принесите ларцы», — и принесли. И, раскрыв их, начал раскладывать каменья, а разложив все, произнес: «Это ли — жизнь? их ли ради несчастье приму я в море и пострадаю, а потом и умру, ничего не взяв с собою из этого мира?» И сказал своим слугам: «Высыпьте все в море!» И дивились корабельщики, и разрушился заговор их.

ЖИТИЕ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии А. М. Молдована

ВСТУПЛЕНИЕ

Книга об Андрее Цареградском была весьма популярна на Руси, о чем говорит большое количество (более 200) дошедших до нас древнерусских списков. Ее успех у читателя объясняется, во-первых, необыкновенной занимательностью содержания и превосходными достоинствами перевода; во-вторых, — тем обстоятельством, что в наиболее распространенном у славян древнерусском переводе Андрей представлен как славянин (так переведено греческое σκύθης), а в более поздних списках как «русин» и даже новгородец. Особым вниманием это произведение пользовалось также ввиду содержащегося в нем свидетельства о явлении Богоматери святому Андрею и Епифанию в константинопольском Влахернском храме, на основании которого был установлен на Руси праздник Покрова Пресвятой Богородицы.

Греческий оригинал Жития, если верить заключающей его записи, был написан в Константинополе священником храма Софии Никифором. Ряд упоминаемых в Житии лиц и городских реалий указывает на то, что главный персонаж повествования Андрей жил в V в., и хотя автор изображает события так, словно он был современником и другом Андрея, на самом деле это не более чем литературный прием, ибо, судя по другим особенностям содержания Жития, оно не могло быть написано ранее конца IX или начала X в., при этом Никифор, по-видимому, просто воспользовался более ранними преданиями.

Юродство во Христе, столь же древнее, как и само христианство, во все времена сопутствовало ему, являя себя наиболее ревностной и самоотверженной преданностью высшей небесной правде, преподанной Исусом Христом. «Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, — разъяснял апостол Павел, — тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 18—19).

Юродивые по-своему воспроизводили земной подвиг Христа. Живя среди людей в отличие от монахов-пустынников и отшельников они подвергали себя наиболее трудным и жестоким соблазнам и испытаниям, ежедневно и ежечасно обличая безумие мира сего и самим своим видом и парадоксальными речами и деяниями напоминая о присутствии высшего Судии.

Подобно своим предшественникам, особенно знаменитому юродивому Симеону, подвизавшемуся в VI в. в Палестине, Андрей ходил по улицам Константинополя полунагой, едва прикрытый тряпьем, терпеливо сносил насмешки, добровольно подвергался избиению, спал на солнцепеке или на гноище и в других неподходящих местах. Как-то, когда Андрей спал посреди дороги, его переехала телега, запряженная волами, но он остался невредим. А однажды наступила такая суровая зима, что все нищие погибли от холода и ветра или задохнувшись в сугробах, и Андрей, у которого не было ни одежды, ни крова, лег на улице и приготовился к смерти. Но внезапно он ощутил прилив тепла и увидел себя гуляющим по раю, и когда он очнулся, морозы кончились.

Произведение построено как цикл, включающий около 100 различных по объему рассказов, в которых повествуется о приключениях и чудесах Андрея, а также о различных персонажах и событиях из жизни Константинополя, имеющих часто лишь косвенное отношение к собственно житийному сюжету, а иногда и вовсе с ним не связанных. В частности, много говорится о боголюбивом и разумном юноше знатного происхождения Епифании, который был другом Андрея и, хотя не занимался юродством, всех удивлял своим воздержанием, целомудренной жизнью и глубоким умом. Впоследствии, как сообщается в Житии, он был Константинопольским патриархом.

Таким образом, это Житие представляет собой не столько агиографическое или тем более историческое повествование о реальных событиях и лицах, сколько сочинение в духе средневекового романа.

Книга содержит в конце большой раздел, получивший в русской книжности особое название «Епифаниевы вопросы и ответы блаженного Андрея», в котором Андрей дает разъяснения по вопросам мирового устройства, разнообразных явлений природы, толкования Священного писания, эсхатологических предсказаний (так называемый «Апокалипсис Андрея Юродивого») и др.

Своим разнообразным и ярким содержанием «Житие Андрея Юродивого» оказывало значительное влияние на распространение идей юродства на Руси и одновременно служило источником для составления житий русских юродивых.

Древнерусский перевод Жития был выполнен, видимо, в XI, во всяком случае не позднее начала XП в., так как фрагменты этого перевода вошли в переработанном виде уже в первую (краткую) редакцию Пролога, созданного на Руси около середины XП в.

Кроме этого, древнейшего славянского перевода Жития, представляющего, кстати, наиболее пространную версию греческого текста, существует второй полный южнославянский перевод, осуществленный независимо от первого не позднее XIV в. и не имевший значительного распространения.

Мозаичность композиции Жития, легко разделяющегося на отдельные рассказы и эпизоды (в греческом издании, например, выделено 245 отдельных эпизодов), привлекала к нему внимание греческих и славянских книжников как к источнику для составления различных сборников. Помимо многочисленных рукописей Пролога, существуют еще десятки других сборных по составу рукописей, в которых содержатся рассказы или фрагменты Жития, в том числе несколько самостоятельных переводов греческих сокращенных редакций и выборок из этого памятника.

Текст печатается по древнейшему списку древнерусского перевода, относящемуся к концу XIV в. (рукопись *РГАДА*, Син. тип. 182), а в местах утраты листов — по копии с этой рукописи, сделанной в конце

XV в. (рукопись *РНБ*, Сол. 216). Явные описки или ошибки исправлены по родственному списку *РГБ*, Егор. 162. Искаженные по текстологическим причинам чтения восстанавливаются в соответствии с греческим оригиналом по древнейшим спискам других редакций и текстологических групп: *РГБ*, Тр.-Серг. 780; *РГБ*, Тихонр. 29; *ГИМ,* Син. 924; *РНБ*, Сол. 214.

Греческие соответствия указываются по рукописи Баварской национальной библиотеки Monac. 552

ОРИГИНАЛ

СИА КНИГА ЖИТИЕ И ЖИЗНЬ СВЯТАГО И БЛАЖЕНЬНАГО ОТЦА НАШЕГО АНДРѢА УРОДИВАГО ХРИСТА РАДИ И ИЖЕ ВЪ СВЯТЫХЪ ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИА ПАТРИАРХА КОСТЯНТИНА ГРАДА

Слово прьвое. Како сътворися ему уродьство

Жизнь Богу угодну и житье непорочно мужа добронрава, о возлюбленьи, хотящю ми исповѣдати, приклоните себе, молюся вамъ, на послушание сихъ. Есть бо си повѣсть якоже *медвену нѣкаку воню* каплющи, масть сладку и велми дивну. Тѣмже уготовитеся всею душею на се насыщение, да болми и азъ самъ подвигнуся на начатье повѣсти сея и положю пред вами духовныя доблести сего мужа. Есть же слово сего начатья сице.

При цьсарьствѣ христолюбца цьсаря Лва Великого[1] бѣ нѣкто мужь в Костян*ти*ни градѣ именемь Феогностъ, иже бѣ протоспафаревымъ саномь[2] почтенъ от благовѣрнаго цьсаря, егоже по семь воеводу створи на въсточныхъ странахъ.[3]

Се же мужь многу челядь бѣ имѣя, послѣди же купи и ины многы, в нихже бѣаше и сь, иже ныня поминаемъ бываеть нашимъ смиреньемь. Бѣаше же родомъ словѣнинъ.[4]

Егдаже господинъ его купи сего и съ прочими, се бѣаше младѣи всѣхъ плотнымь взоромъ и красенъ велми, яко смилитися ему у господина своего велми и прѣд нимь ему служити орудья требльшая. Абие же вда его, да ся научить святымъ книгамъ, еще грѣчкы молвити не разумѣющю.

Трѣзвъ же сыи отрокъ умомь своимь, въскорѣ изучися Псалтыри и числомь и всему, еликоже учитель его веляше ему, якоже дивитися учителю его скорому его ученью. Не мнящю никомуже, якоже словѣнинъ есть личнаго взора дѣля и душевнаго разума, и плотьныя дѣля силы, и доброты дѣля писания его.

Сего дѣля и господин его в нотарево мѣсто нача его водити на всяку потребну службу. Съ всимь прилежаниемь и тщаниемь кончава я, яко милу ему быти господину своему и госпожи своеи и от всихъ сущихъ в дому ихъ.

Многы же чти творяше ему Феогностъ и *даяше ему* от портъ своихъ, в нихже самъ хожаше, видя его всимь сердцемь прилежаста на имѣние его, яко видяще его молъвляху, яко: «Рабъ в лѣпшихъ портѣхъ господина своего ходить».

Часто же хожаше по церквамъ и любляаше прочитати богодуховнъныя книгы, боле же святыхъ мучения и жизни святыхъ отець, яко горѣти серцю его на тѣхъ упованье, на подобие ихъ въставлятися. Особѣ бо вложи собѣ начало добраго житья. Тацѣмь образомъ Богу нача работати.

Въ едину бо нощь въставъ одра своего, да ся помолить, по подобью рекшому: «Полунощи въстаяхъ исповѣдатися Тебѣ».[5] Завидив же неприязнивыи дѣмонъ добрууму начатью его, пришедъ, нача бити въ двери храмины тоя, в неиже уныи прибываше. Оужасъ же ся от страха, остася молитвы и скоро на одрѣ възлегъ, покрыся козичиною своею.[6] Се же видивъ Сотона, рад бысть и рече, яко к нѣкому подобну себѣ: «Видиши ли сего? Доселѣ тоштетину ялъ,[7] а уже строиться и сь на ны». И се рекъ, ищезе.

От страха же того усну *твердо блаженыи.* Види въ снѣ, яко бѣаше нѣгдѣ на позорищи.[8] Да бѣше на единои странѣ множьство ефиопъ много,[9] а на друзѣи странѣ множьство в бѣлахъ ризахъ и инѣхъ святыхъ мужь. Бѣаше же межю обою страну рѣць нѣкака о уристанѣи и о борении. Ефиопи бо, черна нѣкого велми велика имѣюще, прошаху у сбора бѣлоризець,[10] нѣ ли никогоже, иже ся бы уристалъ любо брался с церным *симъ.* Никтоже бо, глаголаху, нигдѣже не може ся ему противити, боръшюся ему съ мнозими. Бѣаше бо тысящникъ несытаго легеона Сотонина.

Да якоже онѣ началѣ бѣаху хвалитися тако, и блаженому ту стоящю и послушающю, а бѣлоризцемь не умѣющемь что отвѣщати, единъ нѣкто уноша велми красенъ слѣзе от горних, в руцѣ держа 3 вѣнца. Да единъ бѣаше украшенъ златомь чистомь и каменьемь чьстьным, а вторыи жемцюгомь великымъ драгымъ блискающимся, а 3-и велми болѣи обою от всякого цвѣта чьрвьлена и бѣла и от вѣтвия Божия рая исплетена, неувядае*мъ* николиже. Таку же воню имѣаху, якоже умъ человецьскъ не можеть нарещи.

Се же види Андрѣи, тужаше и торзашеся, кацѣмь образомь бы възмоглъ взяти понѣ единъ от вѣнець тѣхъ. И приступивъ к тому, иже то бѣаше видиниемь уноша, рече ему: «Тако ти Христа. Продаеши ли я? Аче бо любо не могу купити ихъ, но аче мало пождеши мене, шедъ, повѣдѣ господину своему, да вдасть ти злата, елико хощеши».

Рече ему уноша, улыскаяся лицемь: «Ими ми вѣру, възлюблене, яко аще ми принесеши любо и всего сего мира злато, не вдам ти от сего цвѣта ни единого, ни тебе, ни иному никомуже, ни мнимому твоему господину. Не бо суть суетнаго сего мира, якоже ты *мниши,* нъ си суть от скровищь прѣнебесьныхъ вѣнци Христови, имиже ся вѣнчавають иже черныя оны избивають. Аще ли хощеши не единого токмо взяти, нъ и вся три, да шедъ борися съ ефиопомъ онѣмь чернымь. Да аще ему удолѣеши, не едины си, нъ ины, елико хощеши, крашьшя сихъ възмеши у мене».

Се слышавъ Андрѣи, о словесѣ семь дерьзновение взя и рече ему: «Вѣру ими ми, яко створю, елико ми еси реклъ. Толико научи мя клюкамъ его».

И рече к нему уноша: «А ты не вѣси ли клюкъ его? Не ефиопѣ ли суть, грознѣ и страшивѣ, немощьни? Да не плашися страшнаго его величества и взора. Яко же бо зелье гнило, тако и тои есть изъгнилъ и немощенъ».

Сими же словесы укрѣпивъ унаго, приимъ его красныи онъ уноша, яко творяся братися с нимь хотя, учаше его, како ся бы ему противити ефиопу. И рече ему въ ухо: «Егда тя возмет и начнет вертѣти тобою, се бо вѣдѣ азъ, нъ ты не мози ся ужаснути, нъ запни ему и узриши славу Божию».

И изииде же абье блаженыи, да ся бореть, и рече великымъ гласомь: «Иди сѣмо, учѣрнене,[11] да ся боревѣ оба». Пришед же ефиопъ, дыша и грозяся, *въсхыти* Андрѣа, и нача имъ вѣртѣти на многы часы. И начаша ефиопи плескати, а бѣлоризци поблѣдѣша, мняху бо яко ударить имъ черныи о землю, да ему и оци искочита. Вертим же около Андрѣи, и стрясеся, запя ему ногою. И летящю таковому дѣмону, улучися лбу его на камени и абие нача въпити.

Радость же велика и плесканье велико нача быти бѣлоризцемь. И въсхытиша праведника на высоту руками своими, възнака начаша его лобызати, мажюще муромь духовнымъ. Тогда же чернѣи онѣ разидошася вси с великомъ студомь. А красныи онъ уноша вда ему чьстныя вѣнца и лобзавъ его рече: «Иди с добромъ. Отселѣ уже нашь еси другь и брат. Теци уже добрыи подвигъ, нагъ буди *и* похабъ мене дѣля и многа добра причастьникъ будеши въ день цьсарства моего».

Си слышавъ, блаженыи от великого того сна убудися и нача дивитися о бывшихъ ему, мнози сущи вонѣ въ устѣхъ его; воняше и лице его яко Божия воня невидимо.

Заутра же приде ко мнѣ недостоиному и, дерьзнувъ, исповѣда ми бывшее видинье свое. Да подивихся, слышавъ, видинью его. Свѣщаховѣ же ся оба и судиховѣ, да ся прѣтворить нынѣ вмѣсто яко бѣшенъ есть, неистовъ ся дѣеть рекшаго дѣля к нему: «Буди похабъ мене дѣля и многа добра причастника тя сътворю въ день цьсарства моего».

Инако бо не можаше улѣсти плотнаго своего господина, якоже неудобь есть никомуже пустити хлапа своего, да будеть свободенъ, паче же на Божие дѣло, дьяволу възъбраняющю завистью сему.[12]

Въ другую же нощь полунощи въставъ, помолися и кончавъ молитву, вземъ ножь, иде къ кладязю, иже бѣаше близъ ложница господина своего. И съвлекъ со себе ризу, в неиже самъ хожаше, нача ю дробити на платы. И якоже бѣшенъ ся дѣя, словеса нѣкая мутна нача молвити съ *гласомъ* беставномъ, якоже неистовѣи дѣють.

Убудив же ся господинъ его, дивитися нача бывшему, паче же полунощи. Розмысли же в себе, яко духъ кладяжьныи пришедъ,

надохнулъ есть, егоже обрѣтъ прѣдъ собою, да обрѣлъ есть сего. Умолча же до заутрѣя.

И противу свѣту иде поваръ почретъ воды и видивъ бывшее Андриови, удивися. Остав же ся водоноса, шедъ, повѣда господину своему, поющю заутренюю. Се же слышавъ господинъ его, дивляшеся, яко Андрѣи, рече, неистов ся дѣя, сѣдить на устьи кладязя, порты своя роздравъ. Сниде же съ женою своею и со всимъ домомь своимь и видивше его несмысляща, плакашася немало и бишася, мняще, яко право демонъ се ему есть створилъ, да несмыслить. Господинъ же его велми печаленъ бывъ о напасти сеи и ничтоже не могъ ему помочи, повелѣ вести его въ церковь святыя мученица Анастасия,[13] юже есть създалъ благовѣрныи Левъ Мясникъ,[14] и ужи желѣзны привязати его тамо, пославъ и сребреникъ голѣмо слузѣ церковьному на сего потребу и угодие.

Чресъ день же весь праведникъ творяся несмысленъ, словеса глаголаше, якоже похабъ. В ту же нощь плакатися нача на сердци своемь, кланяяся, моляся мученици Христовѣ, дабы ся ему явила, а аче есть достоинъ, дабы его утѣшила, аще угодно есть начатье, еже есть почалъ.

Вмалѣ же тому плачю и молитвѣ преставшю, види и се: 5 женъ очивѣсть придоша ту, и единъ нѣкто старець славою многою славимъ прѣдъ тѣми хожаше. Ходяще же хожаху по болемъ, лежащих ту единого по единому посѣчающе. Минувше же прочая, придоша и к тому, да прѣже старець ста, а от него святыя оны жены. Зряше на нь старѣць онъ беспрестани оцима, сладко нѣчто улыснуся к нему, нѣчто добро о немь промышляя. Рече же к женѣ пятѣи къ свѣтлѣишии, играя: «Госпоже Анастасье, не лѣкуеши ли ничтоже сдѣ?»

Рече ему *она:* «Господи учителю, инъ есть лѣковалъ, да нѣ ему надоби никтоже. Иже бо ему есть реклъ се, яко: “Да *будеши* похабъ мене дѣля и многа добра владыка будеши въ день цьсарства моего”. Да то есть лѣковалъ, да нѣ ему трѣбѣ ициленье. Уже бо реместву емуже ся есть научилъ и не остася его до послѣдняго своего дыханья, и будеть Богу съсудъ избранъ, избранъ и святъ и възлюбленъ Духомь».

Рече старець: «И азъ, госпоже, вѣдѣлъ есмь, нъ играя к тебе молвилъ есмь тако».

Се же глаголаше, зрящю Андрѣю, вдавше ему миръ, дну въ церковь внидоша кланяния дѣля. Оттолѣ же никогоже от тѣхъ не види ни вышедша, ни вшедша, даже нача клепати в било слуга. Оудивив же ся преподобьникъ видинымъ от его, прослави Бога и святую мученицю похвали, яже ускори на моление его.

Сѣдѣвъ же день тои весь въ ужи, не вкуси ничегоже, нъ блядивая словеса молъвляше сѣдя. Нощи же наставши, уже оному бдящю до полунощи и по обычаю молитвы и моленья отаи в таинѣмь храмѣ сердца своего Богу и святѣи мученици приносящю, приде к нему очивѣсть дьяволъ съ многы бѣсы, держаи секиру, а они друзѣи ножи, друзѣи дрѣво и колье и меца и копья, друзѣи же ношаху ужа. Тысящьникъ бо бѣаше дѣмоня полку, да сего дѣля мнози бѣси бѣаху пришли по немь, да побиють блаженаго.

Рикати же нача издалеча изъгнилыи старець, тѣмь бо образомь ся *бяше* явилъ, якоже старыи синець, и потече на святаго, хотя убити его секырою, яже ношаше в руку. И вси дѣмонѣ сущеи с нимь потекоша, зарѣзати его хотяще. Он же съ слезами руцѣ въздѣвъ, къ Господу въпияше, глаголя: «Не предаи же звѣремъ душа моея исповѣдающюся тебе!» И се рекъ: «Святыи Иоанне апостоле Богослове, помози ми!»

И абие громъ бысть, яко свыше, и голка людии многъ. И се старець нѣкто великама очима, *въсъклоненъ мало, лице имѣя* солнца свѣтлѣе, и множьство много с нимь. И рече к сущимъ со собою съ яростию: «Затворите врата, да не убѣжить никтоже». Си же болѣ онѣхъ суще, се твориша въскорѣ. Да якоже изъимани быша вси тѣ, рече единъ от черьныхъ къ другу своему отаи: «Горе часу сему, в онже мы ся прельстихомъ. Иоаннъ бо лютъ есть, да злѣ ны хощеть мучити».

Повелѣ же честьныи онъ старець своимъ, да сняша желѣзное уже съ шия Андрѣовы. И ста внѣ вратъ и рече къ своимъ: «Ведите ми я по единому». Приведошя же и ростягоша по земли. И въземъ апостолъ уже желѣзное, прѣгну натрои, вда ему ранъ 100. И вопияше же яко человѣкъ: «Помилуи мя!»

По семь пакы протягоша другаго дѣмона, и бьенъ бы и тъ тако же.

Слыша же блаженыи Андрѣи, еже въпияху «Помилуи насъ!», хотя любо не хотя нача ся смѣяти. Мняше бо ся Андреови, яко же и человѣци,

ефиопи изьимани быша, да тепуть я явѣ. Протягоша же и третьяго, да и тъ толико же притерпѣ. Богъ бо бияше нелжею ранами, имиже родъ тѣхъ оскорбьляется. По ряду же бивше всихъ, биюще, повѣдаху биенымъ и пущенымъ: «Шедше, покажите себе отцю своему Сотонѣ, любо ли ему се будеть».

Да якоже разидоша, вси бѣлоризьци они ищезнуша. Красныи же онъ старець приде къ рабу Божию и, възложивъ уже на выю его, рече к нему играя: «Види*ши* ли, како ти ся есмь уранилъ на помощь твою. Велми бо ся пеку тобою, мене бо наряди Богъ, повелѣвъ ми, да промышляю, яже тя на спасение твое приводять удобная, пекыися всегда и подая тебе. Да притерпи, да будеши о всемь искушенъ. Недалече бо ти будеть, и пущенъ будеши и ходити начнеши по своеи воли, кдѣ же будеть годѣ очима твоима».

Рече Андрѣи: «Господи мои, а ты кто еси? Не вѣдѣ бо, кто ты еси».

Он же рече: «Азъ есмь иже възлеже на честныя и животворящяя пьрси Господа нашего Исуса Христа».[15] И се рекъ, якоже въ молнию себе прѣтворивъ, из очию его отииде.

Блаженыи же Андрѣи дивляшеся и велми Божию милость славляше, *яко* тако по всему словеси и орудью помощникъ ему бысть и како его избави от темныхъ духъ, въстающихъ на него. И молъвляше в таинѣ: «Господи Исусе Христе, велика и неизвѣдома есть сила твоя и боле естьства суть милосердия твоя, яко мене смиренаго милуеши и печешися мною, да мнѣ ся дивно творить и велми чюдно. Да и еще съхрани мя по истѣнѣ твоеи и створи мя достоина обрѣсти благодѣть у тебе. Вышнѣи, великая сила, страшныи, не оставляи насъ».

Се же ему молящюся, наста нощь, и мало поспавъ, види въ снѣ, яко бѣаше в полатахъ цьсаревахъ. Сущю же ему тамо, призва его цьсарь полатъ тѣхъ к себе. Пришедшю же ему и ставшю пред нимь, и рече к нему цьсарь: «Хощеши ли ми работати всею душею и створю тя, да будеши ты единъ от славныхъ в полатѣ моеи?» Рече Андрѣи: «Кто ся можеть отричати добраго? Азъ бо и велми хотѣлъ быхъ орудью сему».

Рече цьсарь: «Да аще хощеши, да приими моея работы снѣдь». Да словомь вда ему нѣчто, яко и снѣгъ. И се вземъ, снѣде. Бѣаше же сладко, якояже сласти умъ человѣць приложити не можеть ни к

чемуже. Нъ бѣаше его мало, и се снѣдь, нача ся молити в себе, да быша далѣ ему и еще от того же. Молъвляше бо, яко «егда се ядяхъ, мнѣхъ, яко въ муро Божие приложилася есть сласть си».

И пакы вда ему, якоже се есть *кидонатъ**[16]*** кусъ малъ. И рече к нему: «Възми и яжь». И веземъ, снѣ. Бѣаше люто и горко, велми боле пелына, да яко гнуситися нача ему и она сладкая добрая снѣдь.

Видив же цьсарь съгнусившася его тако, рече к нему: «Видѣ ли, како не може притищати горкаго вкушения того свершенаго моего служения разумѣти? Сънѣдь вдах ти, та бо есть узкыи и оскорбленыи путь, водяи хотящая внити въ врата цьсарства моего».

Рече блаженыи: «Горко есть орудье се, владыко. Да кто се можеть ясти, а тобѣ работая?»

Рече цьсарь: «Да горкое разумѣлъ еси, а *сладкому нѣси ли разумѣлъ?* Нѣсмь ли ти вдалъ и първое сладкое и потомъ горкое?»

Рече онъ: «Тако, владыко. *Но* о горцѣмь единемь реклъ еси рабу своему, яко се есть скорбьнаго пути образъ».

Рече цьсарь: «Ни, нъ посредѣ сладкаго и горкаго есть путь. Да в горцѣмь показано ти есть вкушенье страстемъ и болѣзнемъ, яже ти есть прияти мене дѣля, а въ сладцѣмь и добрѣишимь бываеть хладъ и покои и утѣшенье стражющимъ мене дѣля. Оть моя благодѣти да нѣ горкое едино присно, ни сладкое по единому образу, нъ другоици се, а другоици оно, другъ друга прогоняща. Да аче хощеши, въвѣчаи ми ся, да быхъ вѣдѣлъ».

Рече Андрѣи: «Даи ми пакы ясти того же, да видивъ, повѣдѣ ти». Он же пакы вда ему горкое, потомь сладкое. Степе же ся болми горкымъ тѣмь вкушеньемь, рече: «Не могу азъ работати тебе сице ядыи. Орудье бо се горко есть и тяжко».

Цьсарь же улыснувся, выня ис пазухы своея *нѣчто узрачье,* еже бѣаше видиниемь, яко огнь, и вельми добрѣ воняя и цвѣтомъ одѣно образомъ. И рече ему: «Възьми и яжь, да забудеши все, елико еси видилъ и слышалъ». Онъ же вземъ, снѣ да на многы часы от сласти тоя и от великыя радости и от многыя воня и славы стояше забывся. На свои же умъ пакы нашедъ, паде на ногу великаго цьсаря того и моляшеся ему, глаголя: «Помилуи мя, владыко добрыи, и не отрини мене отселѣ от работы твоея. Яко разумѣхъ поистинѣ, яко велми сладокъ есть путь службы твоея, да кромѣ тоя не поклоню шия своея никомуже».

Рече ему онъ: «Сему ли вкушению ся еси удивилъ? Вѣру ми ими, яко в добрыхъ, сущихъ у мене, се есть хуже всего. Нъ аще мене покоиши, все мое твое будеть и створю тя друга собѣ и причастишися святаго цьсарства моего и наслѣдникъ мои будеши». Се рекъ к нему, яко се его послалъ бѣаше нѣгдѣ на орудье. И абие убудися.

Се же все блаженыи съблюдаше въ сердци своемь и дивляшеся, глаголя: «Что се хощеть быти?»

Пребывшю же ему въ церкви святыя Анастасия до 4-и мѣсяць, видивши церковныя слугы, яко не можеть ицилѣти, нъ пуще ся ему дѣеть, и възвѣстиша о немь къ господину его. Слышав же се Феогностъ, остався его, яко безумна и бѣшена, и повелѣ отрѣшивше пустити его, да снидеть. Отрѣшивше же его церковьници, пустиша. Видивъ же блаженыи, яко все, еже на сердцѣ имѣаше, сбывается ему, прослави Бога, створившаго, да ся сбудеть воля его.

Начало жития его

Ристати же оттолѣ нача и играти по улицамъ по образу дрѣвле бывшю похабу Смеона[17] оного дивнаго <…> и прѣхожаше день весь ни ѣдъ, ни посѣдѣвъ нигдѣже. Вечеру же наставшю, егда ему бѣаше любо, не спавше, нъ хожаше по улицамъ градьнымъ, молитвы дѣя на сердцѣ, всю нощь бдя пребываше, а заутра почиваше; егда же ли ся ему не хотяше ходити в нощи, да съглядаше по улицамъ мѣста, кдѣ же пси лежать, да тамо шедъ, единого от нихъ прогнавъ, лежаше, яко на одрѣ почивая, нагъ, лишенъ, неимовитъ, ни рогозины имѣя, ни сукна, ни власяницѣ или платъ понѣ малъ отруянъ. Се едино суконце, еже преже реченое, в немже хожаше, то имяше за все.

Заутра же пакы въстая, на сердцѣ своемъ к себѣ тако глаголаше: «Се, лишена боголиши Андрею, всю нощь пьсъ съ псы наспалъся еси по простору. Да идемъ пакы дѣлатъ, яко приближается смерть. И никтоже бо тебе да не прельстить, яко въ тъ час можеть ти помощи кто любо. Всякъ бо человѣкъ *трудъ плода* своего снѣсть въ время исхода жизни сея. Да уже потечемъ, лишене, съ трудомъ, укаряемѣ от человѣкъ в мирѣ семь, да хвалу и славу приимемъ от небеснаго цьсаря и Бога».

Се глаголя, тщашеся честныи человѣкъ, по велицѣмь апостолѣ Павлѣ, на прѣдняя спѣвати, а задняя забывати.[18] Зряще на нь человѣци глаголаху: «Се нова бѣшенина». Друзѣи же глаголаху, яко: «Земля си николиже бесъ салоса нѣсть». Да друзѣи пхаху его и по шии бьяхуть его и слинами лице его кропляху, гнушающеся.

Терпя же все се, алченъ, жадая пити, зимою умирая, зноемъ угараемъ и все зло терпя, пребываше непобѣдимъ. Молитву же толку приялъ бѣаше в таинѣмь храмѣ сердца своего, якоже шепту устенъ его далече и-звѣнѣти. Яко же бо котелъ безмѣрнымъ кипѣньемь възмутився, пару *густу* износить, тако и тому исхожаше из устъ пара Святого Духа, якоже зряще на него друзѣи глаголаху, яко: «Дѣмонъ, иже в немь живеть, от того пара си износится». А друзѣи глаголаху: «Ни, нъ сердце его нетища неприязниваго духа, тако дышеть». Нъ се не тако бѣаше, нъ молитва бѣаше бес прѣстанка богоугодна, яже си являше. Тѣмже невѣгласии, якоже древле прѣмѣнение языкъ пьяньствомь мнѣху, тако и сдѣ о славнѣмь семь помышляху.

О блудницах

Въ едину же близъ блудныхъ храмъ[19] мимоидяше играя. Едина от блудниць, яко се боголишь видивши, я его за скутъ лихого сукна, в немже хожаше, и въвлече его дну. Истиньныи же посмихатель сотонинъ, ослабивъ, вниде с нею. И якоже вниде въ храмину, събрашася о немь и прочая блудница и смѣющася ему, въпрашаху его: «Како ся створило есть тебе се?» Праведникъ же толико усмихашеся, не отвѣщая ничегоже. Пихающе его, веляху ему нудма скверненое дѣло блудное створити, таиныя его уды гнетуще. Другыя же лобызающе цѣломудраго, искушаху, на срамъ зовуще. Другыя глаголаху: «Бляди с нами, похабе, и насыти духовьную си похоть».

Чюдо бо дивно бѣаше видити, еже о немь. В толици скоктаньи, елико ему створиша, никакоже подвигънути или въсхотѣти смердящему недугу тому не могоша его навести.

Приложивъше же ся, тако глаголаху: «Любо мертвъ есть, любо ли дрѣво есть, да не чюется, любо ли камень неподвижимъ. Колико бо его нудихомъ на похоть и не могохомъ ничтоже сътворити ему».

Рече едина от нихъ: «Дивлюся безумью вашему, яко клюдите тако. Боголишь бо и бѣшенъ, алченъ и зименъ, не имѣя главы подъклонити, чимь хощеть имѣти таку похоть? Да останитеся его, да шедъ, творить безумье».

Видяше же праведникъ блуднаго дѣмона ту стояща посредѣ блудниць. Бѣаше видиниемь, яко синець, уснатъ, власа не имѣя на главѣ, нъ гнои конескъ, смѣшенъ с пепеломъ. А оци его бѣсте, якоже и лисици, и лиха прота платъ лежаше на плещю его. Смрадъ же исхожаше из него изъгнила гноя, якоже от горка смрада его нетища блаженыи нача плевати часто и портомъ своимъ зая носъ свои.

Видя же его скарѣды онъ дѣмонъ отгрѣбающаяся блуда, неистовъ ся дѣяше и глас испусти тако: «Мене, рече, человѣци имѣють, якоже сладокъ медъ на сердци своемь, а сеи, иже ся ругаеть ходя всему миру, брѣзгая мною, плюеть на *мя.* Да ты добра дѣля не створился еси похабомъ, но любо ли отлѣсти хотя симь образомь плотныя работы».

Блаженыи же видяше его явѣ, блудница же глас его слышаху, а не видяху никогоже. Сѣдя же средѣ ихъ, смияшеся смраду его и нелѣпотѣ его. Видяще же оны смѣхъ его, глаголаху: «Видите ли, како ся смѣеть с демономъ своимъ?» Едина же от нихъ рече: «Добра есть одежа его. Да вземше у него, продадимъ, да ны будеть пити днесь». Абие же въставша, съвлекоша его и поставиша его нага, а одежю продаша на сребреници и роздѣлше по двѣима чатамъ.

Рече старѣишия другымъ: «Не пустимъ его нага, нъ вдадимъ ему понѣ рогозину ветху». Принесоша же рогозину и прорѣзавше среду ея, възложиша на шью его въ мѣсто одежа и тако его изъгнаша изъ храма.

И шедъ же на улицю вне и нача ристати играя. Зрящеи же глаголаху, смѣющеся ему: «Добръ подъкладъ лежить на твоемь ослѣ, похабе». Он же глаголаше: «Право, похабе, в добрѣ рюи хожю. Патрика[20] бо мя есть створилъ Владыка».

Нѣцѣи же *христолюбци* даяху чаты по волѣ, а не по прошенью. Христосъ бо печашеся имъ. И елико же ему кто вдаяше, примаше. Другоици бо и двадесять чатъ днемь взимаше, любо 3-десять и боле. Нъ углядаше мѣсто таино, кдѣ же будяше сборъ нищихъ, да идяше к нимъ, носяи чаты в руцѣхъ, творяся играяи, да быша не разумѣлѣ дѣла его, сѣдъ, начняше играти чатами. Да егда кто от нищихъ, дерьзнувъ, въсхыщаше у него, пьхняше его пястью. Се же видивше прочѣи нищии мьстити хотяще друга своего, поидяху на нь с батогы. Вину же обрѣтъ бѣганье, повѣргъ же чатѣ, побѣгняше от нихъ. Они же к тому начняху грабити цаты его.

Видиние богатаго умерша

Пакы же ходящю ему на духовное свое дѣло и мало нѣколико прѣиде, да узри издалеча мертвеца несома противу себѣ. Бѣаше же мужь добръ, велми богатъ.

Множество же много идяше по немь. Глас же бѣаше слышати велми великъ поющихъ съ многами свѣщами и кадиломь. Голка же и въпль великъ исхожаше от своихъ ему.

Видив же святець, что ся дѣяше надъ мертвымъ, да ста и нечюти себе нача на многы часы. Узри и се, прѣдъ свѣщами множество ефиопъ дѣмонъ[21] идяше, болми пѣвець въпиюще: «Горе ему, горе ему». Все же, еже тамо кажаху, яко мотыла смердяху, и якоже мѣхы держаще в руку, известъ и попелъ сыпаху по единому. Идущю множеству тому пляшющемъ и смѣющимся бе-студа, якоже бестудныя блудница, да другоици лаяху, якоже пси, а другоици въпияху, якоже свинья. Да бѣаше имъ мерьтвець онъ веселье и радость. Да друзѣи около одра его идяху, гноимь и скалушьною водою лице мертваго кропяще, а друзии по вѣтри лѣтающе, около одра лѣтаху.

Великъ же смрадъ исхожаше изо одра того *и* ис тѣла того грѣшнаго, якоже се кыдающе и скалушу и мотыла истлѣвша и смердяща кромѣ кыдають. Да друзѣи пѣсья мотыла и масло морьскаго пса и съ инѣми смрады кладяху на лице его, друзѣи же вълслѣдъ идуще плясаху, плещюще рукама, а ногама тъпътъ великъ творяще, смѣющеся и ругающеся невидимо поющимъ и глаголюще: «Не даи вы Богъ видити ни единому васъ свѣта, лишенѣи хрестьяни, поюще надъ псомъ "съ

святыми си покои душю его”, нъ и раба Божия наричающе его, сущаго повиньна всему дѣлу злому».

И есть страшное видинье святаго. Възрѣ, и се: князь нечистыхъ дѣмонъ, имѣя оци, яко диковы, и страхъ творяща зрящему на него, держаше же и огнь в руцѣ своеи и сѣру, и смолу и идяше къ гробу лишенаго оного, охриту створити тѣло его и огнемь съжещи, еже и по погребенью створися.

Пакы же минувшю мерьтвецю, смотри, видивъ и се: въслѣдъ идяше нѣкыи уноша красенъ плачася, печалью одержимь. Плакашеся плачемь великомъ, мимо же идыи близъ бысть святого.

Он же мнѣвъ, яко по праву уноша есть нѣкыи *и* близокъ есть умершаго, да сего дѣля плачется, да яко забывъ по Бозѣ таинаго дѣла, простеръ руку свою, имъ плачющагося уношю, моляся, рече ему: «Тако ти Бога небеси и землѣ, кая ти вина есть, еяже дѣля слезы такы тоциши, плачася? Нѣсмь бо видилъ николиже никогоже тако ся плачюща о мертвѣцѣ, да повѣжь ми, молю ти ся, почто се тако твориши?»

Рече к нему ангелъ: «Моего плача вина си есть, яко оного, егоже оно несуть, егоже еси видилъ, взялъ его есть дьяволъ себѣ. То есть вина моего плача и печали, да погубивъ его, плачюся».

Рече к нему святыи: «Повѣжь ми, друже мои милыи, разумѣхъ бо, кто ты еси, что суть былѣ грѣси его?»

Рече к нему ангелъ: «Понеже еси, Анъдрѣа, и ты самъ изъбраныи Божии, разумѣхъ, да понеже достоить ти увѣдити, внимаи и да услышиши. Ныня бо твоя доброта красныя твоея душа чиста и льщиться, да якоже злато чисто узрѣвъ, понѣ мало утѣшихся от печали моея. Се *же* великъ мужь бѣаше у цьсаря, бѣаше же грѣшенъ человѣкъ и лютъ велми въ своемь житьи. По всему бѣаше же блудникъ и прѣлюбодѣи и съ отрокы лѣгаше, лестивъ и немилосердъ, буи и гордъ и сребролюбець, и лживъ и человѣконенавистникъ, памятивъ злу и мьздоимець, и ротникъ, убогую свою челядь моря гладомъ и ранами, и наготою, бес портъ и безъ обуви оставляя ихъ въ дни зимныя, многы жь обоимь убивъ и подъ коньскыи помостъ покопалъ. Такъ же бѣаше на скарѣдое и огнемь пожьжено мужелѣганье отроцие и скопьче и Богомъ ненавидиму похоть, яко осквернилъ есть до триста душь мерьзкымь

симь и скарѣдымь грѣхъмь. Да уже, друже мои о Господи, приде на него жатва, да пришедши смерть, обрѣте его не покаявшася, неизъглаголаны и многы грѣхы имѣюща, а скверненое его тѣло самъ еси видилъ, кацѣмь бесчестиемь несомъ есть къ гробу. Да сего дѣля, о святая душе, и азъ самъ тужю и печалью великою одержимъ, плачюся, понеже, возлюблене мои, дѣмономъ есмь смѣхъ, смраду скарѣду храмина».

О повѣсти ангеловѣ

Се Божию ангелу глаголющю, рече к нему святыи: «Молю ти ся, друже, да приимеши добру утѣху. Понеже неприязнену кончину приялъ есть, да якоже ся есть потщалъ на лихая, такоже да ся ихъ насытить. Ты же, пламянообразне, вели похоти исполнене, и о имени Господа Саваофа вседержителя будеши одержимъ в добрая отселѣ и въ вѣкы».

В такои же бесѣдѣ отиде от него ангелъ невидимо. Идущю же по улици, на неиже съ аньгѣломъ повѣсти дѣяше святыи, и видяше единого стояще и повѣсти дѣюща, ангела бо не видяху, недостоини суще, да глаголаху къ себѣ сами: «Зрите на боголишь ону, како ся глумить, къ стѣнѣ повѣсти дѣя, несмысля». Ринувше же его и отгоняще, глаголаху: «Что то есть, похабе, надшене, еже стоя бесѣды дѣяше къ стѣнѣ?»

Святыи же си словеса слышавъ, еже ти блядяху, помродавъ и молча. И посмиявъся невѣдѣнью ихъ, отиде от нихъ и шедъ на покровно мѣсто, умолча.

Молитва святого за умершаго

И помянувъ лишена оного, егоже бѣ видилъ несома къ гробу, и плакася горко, донелѣже немощи нача, якоже от многа плача опухлѣ ему бѣаста и оцѣ. Глаголаше же сию молитву къ Господу, плачася: «Неизвѣдомыи и покровныи и страшенъ Богъ Отець, творець и Господь, свѣршитель бесконѣчныхъ вѣкъ и изъобрѣтель *всякои* премудрости и художеству. Нерасудимое рожение, вьлелѣ*пие* святыя славы, подобныи и единочестьныи Отцю *и възлюбленому твоему и вседержителю Духу,* родивыися исперва от великаго ума, всегда бывая на лонѣ родившюму тя, единыи неприкосновенѣи Троицѣ и по вочеловѣчении твоемь. Молю ти ся, избави оного лишенаго тѣло от поругания смолнаго и сѣры, приклони утробу свою святую къ молитвѣ худаго твоего раба. Понеже

скверненая его душа избавленья не имѣеть, смерть бо уже заградила есть еже о немь, да молю ти ся прося понѣ тѣло его дабы ся избавило от студа того, дабы не отинудь веселитися наченъ о немь, глубныи змѣи[22] проклятыи пожерлъ душю его и с тѣломъ и оскорбится святое твое имя».

Се святому молившюся, Божие просвѣщенье бысть о немь. Въ ужасти бывъ, себе види пришедша на гробъ лишена того. И се, сниде ангелъ Господень, яко скора молния, держа палицю пламяну в руцѣ своеи и прогоняше нечистыя духы, сущая тамо. И ищезоша, и прѣста от трыжнения тѣло, да не згорить смолою *и* сѣрою.

Се видивъ святыи, благодѣть възда Богу, ускорившему на молитву его.

О тати гробномъ

По нѣколико же днии прѣставися дщи нѣкого болярина. Бѣаше же дѣвою, живши житье свое чисто. Закля же отца своего, прѣдъ градомъ сущю селу ихъ, да въ церкви сущѣи въ виноградѣ, ту да погребуть.

Да яко же успе, вземше, понесоша ю на то мѣсто, *гдѣ же бѣ закляла* отца своего.

В то же время бѣ нѣкто гробныи тать, иже отгрѣбая мертвеца, совлачаше с нихъ порты. Да стоя на пути, зряше, кдѣ ю хотя нести и погрести. И увѣдѣвъ, гдѣ есть погребена дѣвица, умысли и на тои то же створити.

Пригоди же ся мимоити тудѣ святому, Господа дѣля творящю ему обычаи свои. Да якоже прозря сердецьныма оцима, разумѣ духомь тщивую мысль лукаваго того. И хотя възбранити его от сего дѣяния, видяше бо, кака пагуба хощеть ему быти, да изувиро възрѣвъ ему на лице, рече к нему, яко се гнѣваяся: «Тако глаголеть Духъ, судныи ядущему[23] порты лежащиихъ въ гробѣхъ: “Уже ти есть не видити солнца, уже ти есть не видити дни, уже ти есть не видити образа человѣцьска. Затворять бо ся врата дому твоего и боле того не отворятся. И померкнеть день и не просвѣтится въ вѣкы”».

Он же се слышавъ, не разумѣ, что се глаголеть святыи, и небрѣгъ ни о комже, поиде.

Святыи же, възрѣвъ рече к нему: «Иди, иди, лишене, *укради.* Тако ми Исуса, аще створиши, нѣсть ти видити солнца».

Он же разумѣвъ гораздно, что ему есть реклъ, хвалити его нача, праведника его наричая:[24] «Право боголиши бѣшена, и ты глаголеши безвѣстьная и таина от смущения дѣмоньска. Язъ тамо хощю ити, да вижду, что успѣють твоя словеса». Святыи же играя, мимоиде.

Вечеру же наставшю, обрѣте годину лишеникъ и шедъ, отвали камень от гроба и вниде во нь. Да и първое взя саванъ и амафоръ,[25] добра суща и честна велми. Да егда се взя, въсхотѣ отити.

Ненавистник же человѣцьскому роду дѣмонъ научи его сняти и срацицю и оставити тѣло наго, еже и створи. Да егда взя и срацицю, повелѣньемь Божиимь, яко дивна есть *повѣсть* си, десную свою руку въздвигши мертвая дѣвица, удари его за скрань. И абие ослепосте оци его. И ужасъся, нача трепетати, яко от страха того начаша скрушатися челюсти его и съ зубы и колѣнѣ его такоже.

Отверъзши же уста своя мертвая дѣвица, тако ему отвѣща: «Оканьне и лишене буди, яко Бога ся еси не боялъ, ни ангелъ его. Да понѣ, яко и ты человѣкъ еси, да стыдитися бы было тобѣ видити женьское тѣло обнажено, то ти бы было досити, еже еси преже взялъ, а срацьку вдалъ бы лишеному моему тѣлу. Нъ немилостивъ человѣкъ и лютъ на мнѣ ся еси явилъ, да умыслилъ еси створити мя смѣху въ второе пришествие всимъ святымъ дѣвамъ. Да се ныня азъ тя устрою, да будеши к тому *не* кралъ николиже и да увѣси, яко есть Богъ живыи Христосъ и яко судъ есть и възданье и по смерти животъ, и весели будуть любящеи Господа».

Се рекши дѣвица въста и възemши срацицю, облачеся и саваномъ огнуся, и мафориемь, и пакы леже с миромь вкупѣ усну, се рекши, яко: «Ты, Господи, единого на упованье вселил мя еси».

Лишеныи же онъ одва възможе налѣсти стѣну виноградную и тако изиде. И близъ сущю людьскому п*у*ти, пытая рукама стѣну до стѣны, и приде въ вратомъ граднымь. И вопрашающимъ вину ослѣпленья его и како ся ему се есть створило, да тогда инако повѣдаше, а не яко ся есть створило. Послѣди же утѣшився, исповѣда все по праву *к некому* приязни своему. И оттолѣ нача просити и тако ся нача кормити.

Да другоици сѣдя и ко жрелу своему глаголаше, сваряся: «Проклятъ да будеши, несытыи гортане, яко тебе дѣля и чрева моего слѣпоту сию приялъ есмь». И пакы глаголаше: «Иже есть кормитель чреву своему, а не дѣлая, да тои крадеть и добываеться сего».

Поминая же святого, дивляшеся, яко прорече ему все, ели ся ему хотяаше створити.

Мнозѣ же в ту годину се чюдо слышавше, отвѣргошася сотонина дѣла и быша добрии нравомь и дѣломь.

О князи, емуже мерзяше святець

Иногда пакы играющю блаженому по обычаю своему на иподромии и нѣчто лихо дѣющю ему, да людие зряще его, друзии тужаху, а друзии брѣзгующе проклинаху его, якоже люта бѣса имѣюща, един же нѣкто великых боляръ мимоидыи и видивъ его, съгнусися ему и плюну на нь.

Угодьникъ же Христовъ долго зрѣвъ на нь и разумѣвъ житье его, рече к нему: «Лукавыи блудниче, церковныи поругателю, не ты ли, творяся, яко “Въ церковь иду на заутренюю”, *а идеши Сотонѣ на заутренюю,* безакониче, полунощи въстая. Нъ се уже приспѣла есть руга твоя, да приимеши, якоже еси и дѣялъ, утаитися мня страшному оку, пытающему все».

Се же онъ слышавъ, ударивъ конь, отиде, да ся бы не срамилъ. Хартулаи бо бѣаше плоимомь.[26]

По дни же нѣколико недугъмъ зломъ разболѣвся и нача помалу сушитися. И начаша его носити от *божъници къ божьници* и от лѣчьца къ лѣчьцю, и не бѣаше ему пользя. По малу бо лишенъи поиде въ вѣчную муку.

Нѣколи бо нощи сущи, види святець близъ двора его аггела Господня пришедша от запада, иже бѣаше пламенъ, лютѣ очи имѣя и держаше палицю велику пламяньну. И приде в домъ лишенаго того, грозяся и гнѣваяся, раскопати хотяи домъ его. Да егдаже к болному приде, услыша глас свыше глаголюще тако: *«Биете* поругателя того и содомлянина и блудника и нечестиваго. Бия же его, *глаголи* ему тако: “Или еще блясти начнеши или с мужьскомъ поломь или с цюжими женами, или на заутренюю поидеши къ Дьяволу?”»

Нача же его бити и глаголати к нему. Да глас бѣаше слышати клюдящаго и палицныи бои, а биющаго не видити.

Мучим же лишеныи, *нача* повѣдати хотя и не хотя, не стыдяся, яко: «Уже не бляду николиже. Да помилуите мене».

Тако же мучимъ три дни и 3 нощи и глаголя, яко «не бляду еще», душа своея не испустилъ бѣаше.

Се же, дружино моя, написахъ, слышалъ у блаженаго Андреа, на ползу и боязнь душамъ нашимъ, да быхомъ ся блюли, како ходяще на семъ свѣтѣ. Ничтоже бо не может ся Бога утаити, ни святымъ его.

Въспросих же святаго: «Како или кымь образомь творяше грѣхъ?»

Да отвѣща ми, рече, яко: «Имѣлъ есть скопца два, с нима же и блядяше. Ти бо ходяще, купляху ему обѣдъ, ходяще и сѣмо и онамо, искаху ему ово дѣвица, ово мужатица и нечестивыя жены. Да к тому вся печаль ему бѣаше о тѣхъ, прѣже бо куръ въстая, хожаше к нимъ.

Множицею възпрашаше его своя жена, кдѣ ходить в таку годину. Он же глаголаше, яко: “Въ церковъ хожю”.

Ходя же, и первое творяше дьяволе дѣло, потом же осквернився, смрадомъ воняя, хожаше въ церковъ.

Мнози же видяще его въстающа рано, глаголаху, яко: “Святъ человѣкъ сеи есть”. А онъ бѣаше потаенъ дьяволъ. Тѣмъже и Богови велми мерзять творящеи тако же. Не гонатъ бо ему, еже есть грѣшникъ, нъ и славу собѣ святьца творить».

О видиньи святыя Богородици Вълахернахъ

Неусыпающи службѣ бывающи въ святѣи церкви сущии Влахернах,[27] иде блаженыи Андреи тамо же, обычая дѣя своя. Бѣаше же Епифанъ и отрокъ его единъ с нимъ. Да стояху другоици до полунощи, а другоици до свѣта.

Часу же нощному сущю 4-му,[28] узри блаженыи Андреи святую Богородицю очивѣсть, вельми сущю высоку, пришедшю цьсарьскыми враты, страшнами слугами, в нихже бѣаше честныи Предтеча[29] и Громныи Сынъ,[30] обаполу держащю ю. И инѣи святци мнозѣ в бѣлахъ ризахъ идяху предъ нею, а друзѣи по неи с пѣсними духовными.

Да егдаже приде близъ амбона, приде святець къ Епифанови и рече: «Видиши ли Госпожю всего мира и цьсарицю?»

Он же рече: «Вижю, отче мои».

И сима зрящима, приклонь*ши* колѣни, на многы часы молитися нача, слезами кропящи боговидное свое лице. По молитвѣ приде къ олтарю, молящися о стоящихъ людѣи тамо.

Да егда ся отмоли, мафоръ[31] ея, яко молниино видиние имѣя, еже на пречистѣмь ея вѣрсѣ лежаще, отвивши от себе и пречистыма своима рукама вземьши, страшьно же и велико суще, вѣрху всѣх людѣи простре стоящихъ ту. Еже на многы часы видисте святца вѣрху люди

простерто суще и сияя, яко же иликтръ,[32] славу Божию. Да донелѣже бѣаше тамо святая Богородица, видисте и та, а понелѣже отиде, боле того не видисте, взяла бо будеть со собою, а благодѣть оставила есть сущимъ тамо.[33]

---

[1] *...Лва Великого...* — Имеется в виду, очевидно, византийский император Лев VI Мудрый (886—912).

[2] *...протоспафаревымъ саномь...* — Протоспафарий — титул среднего ранга в Византийской империи, присваивавшийся в основном военным.

[3] *... воеводу отвори на въсточныхъ странахъ.* — В греч. оригинале στρατηλάτης... ἐν τοῖς ἀνατολικοῖς μόρεσιν. Слово «стратилат» — полководец не имело четкого терминологического содержания и применялось в отношении как военных командующих, так и светских правителей. Феогност был, вероятнее всего, военным, чем можно было бы объяснить его пребывание со всем домом в Константинополе: военнослужащие восточных областей Византии могли подолгу жить в столице, осуществляя свои должностные обязанности главным образом в летний период.

[4] *...словѣнинъ.* — В оригинале σκύθης *скиф*. Древнерусский переводчик, несомненно, был знаком с византийской литературой, в которой «скифами» назывались самые разные северные по отношению к Византии народы, в частности болгары и русские.

[5] *«Полунощи въстаяхъ исповѣдатися Тебѣ».* — Ср. «В полночь вставал (я) славословить Тебя...» (Пс. 118, 62).

[6] *...козичиною своею.* — Точное значение слова «козичина», так же как и его греч. соответствия αἰγιομάλοις (от αἴξ ‘коза’ и μαλή ‘шерсть’), неизвестно; вероятнее всего, имеется в виду козья шкура или одеяло из козьей шерсти, а не род одежды, ибо, как было сказано выше, Андрей носил дорогое господское платье.

[7] *...тоштетину ялъ...* — Греч. ὁ τὰ σέλη ἐσθίων (τὰ σέλη — разновидность бобовых) является, очевидно, парафразом презрительного σελοφάγος 'бобоед'.

[8] *...на позорищи.* — Позорище — театр (θέατρον) — монументальное открытое сооружение, предназначавшееся для публичных зрелищ и народных собраний.

[9] *...множьство ефиопъ много...* — Ефиоп (αἰθίοψ), мавр (муринъ, μαῦρος), черный — средневековые наименования черта.

[10] *...бѣлоризець...* — В греч. λευσχήμων (=λευχείμων) ‘одетый в белое’ — об ангелах; белые одежды символизировали чистоту и святость.

[11] *...учѣрнене...* — Греч, ἠσβολομένος ‘измазанный сажей’.

[12] *...неудобь есть... възбраняющю завистью сему.* — Византийская церковь осуждала содержание в рабстве христиан.

[13] *...мученица Анастасия...* — Св. Анастасия считалась целительницей безумных.

[14] *...благовѣрный Левъ Мясникъ...* — Лев I Великий или Макел (μακέλλης ‘мясник’), византийский император (457—474). Называя этого императора Макелом, автор Жития очевидным образом противопоставляет его упомянутому выше Льву, названному им Великим, что является дополнительным аргументом в пользу идентификации последнего со Львом VI Мудрым (см. выше).

[15] *«Азъ есмь... Исуса Христа».* — Во время Тайной Вечери апостол Иоанн возлежал на груди Исуса (Иоан. 13, 23).

[16] *...кидонатъ...* — Кидонат — кидонийская айва (Кидония — древний город на северном побережье Крита, совр. г. Канея).

[17] *...похабу Смеона...* — Симеон Юродивый жил в г. Емесе в конце VI в. Из его Жития заимствованы автором Жития Андрея Юродивого некоторые сюжетные мотивы.

[18] *...на прѣдняя спѣвати, а задняя забывати.* — Ср.: «Братия, я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести вышнего звания Божия во Христе Иисусе» (Фил. 3, 13—14).

[19] *...близъ блудныхъ храмъ...* — Проституция была довольно широко распространена в Константинополе, где почти в каждом квартале имелись публичные дома.

[20] *Патрика...* — Патрикий — титул высшего ранга в Византийской империи.

[21] *...множество ефиопъ дѣмонъ...* — Буквально воспроизводит генитив мн. числа греч. αἰθιόπων δαιμόνων.

[22] *...глубныи змѣи...* — Змей — одно из воплощений Сатаны, терзающего грешников в аду.

[23] *...ядущему...* — Древнерусский перевод буквально воспроизводит греч. ἐστίοντι 'пожирателю'.

[24] *...хвалити его нача, праведника его наричая...* — Ошибка в древнерусском переводе (так в архетипах древнейших редакций) или результат порчи текста в греческом списке, с которого был сделан

перевод. В греческом оригинале — διεχλεύασεν τὸν δίκαιον εἰπών ‘стал ругать праведника, говоря...’.

[25] *Амафоръ* — мафорий (μαφόριον), длинный кусок ткани, покрывавший голову и плечи, носившийся женщинами вне дома.

[26] *Хартулаи... плоимомь.* — Морской хартуларий, заместитель командующего (друнгария) морских сил Константинополя.

[27] *...въ святѣи церкви сущии Влахернах...* — В греч. ἐν τῇ ἁγία σορῷ τῇ οὔση ἐν Βλαχέρναις. Имеется в виду, очевидно, влахернский Святой Сорос — церковь, которую построил в конце своего правления Лев I как помещение для собственно Сороса (реликвария), в котором хранился покров Богородицы, привезенный из Капернаума молодыми патрициями Гальбой и Кандидом. Влахерны — северо-западный район Константинополя.

[28] *Часу же нощному сущю 4-му...* — Поскольку ночь разделялась на двенадцать равных частей, «четвертый час» соответствовал приблизительно 10—11 часам вечера.

[29] *Предтеча* — Иоанн Креститель.

[30] *Громныи Сынъ* — Иоанн Богослов, автор Апокалипсиса.

[31] *Мафоръ* — мафорий (см. выше, коммент. к с. 352). В традиционной иконографии принято изображать Богородицу в пурпурном плаще и пурпурном мафорий в знак ее происхождения из царского рода.

[32] *Иликтръ* — τὸ ἤλεκτρον, янтарь или металл электр (сплав из 80 % золота и 20 % серебра).

[33] *... сущимъ тамо.* — Далее в греческом тексте следует заключительное предложение этого рассказа, опущенное в древнерусском переводе: «Епифаний видел все это через посредство богоносного отца (т. е. Андрея), ибо тот мог легко (мысленно) к нему обращаться и сообщать Епифанию все, что он видел, действуя для него как медиатор. Мысленно сопровождая его повсюду, он приобщал его к великолепной славе».

ПЕРЕВОД

ЭТА КНИГА — О ЖИТИИ И ЖИЗНИ СВЯТОГО И БЛАЖЕННОГО ОТЦА НАШЕГО АНДРЕЯ, ХРИСТА РАДИ ЮРОДИВОГО, И СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ЕПИФАНИЯ, ПАТРИАРХА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Слово первое. Как он стал юродивым

О жизни богоугодной и непорочном житии добронравного мужа, дорогие мои, хочу я вам поведать, и потому прошу вас выслушать мой рассказ со вниманием. Ибо повесть эта как бы источает медвяное благоухание, сладкий и дивный елей. Поэтому приготовьтесь всей душой насладиться ею, и это еще более подвигнет меня приступить к началу этой повести и открыть перед вами духовное величие этого мужа. Вот начало рассказа о нем.

В царствование христолюбивого императора Льва Великого жил в Константинополе некий муж по имени Феогност, которому благоверный император пожаловал титул протоспафария и назначил предводителем восточных областей.

Муж сей, имевший многочисленную челядь, купил после этого еще много новых рабов, среди которых был и тот, о ком мы теперь смиренно ведем рассказ. Был он родом славянин.

Когда господин купил его вместе с остальными, он был по виду моложе всех и весьма красив, поэтому господин пожалел его и решил взять его в личное услужение. Тотчас отдал он его, не умевшего еще говорить по-гречески, учиться Святому писанию.

Благодаря ясному уму отрок вскоре обучился Псалтири и счету и всему, чему учил его учитель, так что учитель дивился быстроте его успехов. Никто не предполагал в нем славянина, ибо был он пригож лицом, наделен духовным разумом, физической силой и умел красиво писать.

Поэтому господин стал поручать ему выполнение секретарских обязанностей. Он выполнял эту работу со всем прилежанием и тщательностью, за что был любим господином и госпожой и всеми домочадцами.

Феогност оказывал ему большую честь и одаривал своими одеждами, ибо видел, как усердно тот заботится о его имении, так что видевшие его говаривали: «Раб одет лучше своего господина».

Он часто ходил по церквам и любил читать священные книги, особенно мучения святых и жития святых отцов, и сердце его горело желанием

уподо-биться им. И в душе он решил начать праведную жизнь. Таким образом стал служить Богу.

Однажды ночью он встал с постели помолиться, следуя сказавшему: «В полночь встал я исповедаться Тебе». Ненавидя его доброе побуждение, злобный Дьявол, придя, начал громко стучать в двери дома, где находился юноша. Сильно испугавшись, юноша прервал молитву и поспешно лег в постель и укрылся своей козичиной. Увидев это, Сатана возрадовался и сказал как бы своему собрату: «Посмотри на этого. Недавно еще тощую похлебку ел, а туда же готовится бороться с нами». И сказав это, исчез.

После такого испуга блаженный крепко уснул. Во сне он увидел, будто находится словно в каком-то театре. И на одной стороне было огромное множество эфиопов, а на другой стороне — множество белоризцев и других святых мужей. И между обеими сторонами идет спор о состязании в беге и борьбе. Эфиопы, имея на своей стороне некоего черного великана, вопрошают у собравшихся белоризцев, нет ли среди них такого, который состязался бы в беге или вступил в единоборство с этим черным. Ибо, говорили они, он со многими боролся и никто и нигде не может ему противостоять. Ибо это был тысяцкий несытого сатанинского легиона.

И пока они так похвалялись, и блаженный там стоял и слушал, а белоризцы не знали, что отвечать, спустился с высоты прекрасный юноша, держа в руке три венца. Один из них был украшен чистым золотом и драгоценными камнями, а второй сиял крупным дорогим жемчугом, а третий, самый большой, был сплетен из всевозможных красных и белых цветов и неувядающих ветвей Божьего рая. Они испускали такое благоухание, что ум человеческий не в состоянии выразить.

Видя это, Андрей стал тужить и терзаться, как бы ему заполучить хотя бы один из этих венцов. И, подойдя к тому, который был в обличье юноши, сказал ему: «Христа ради, продаешь ли их? Если я не смогу их купить, подожди немного, я схожу к моему господину, и он даст тебе столько золота, сколько пожелаешь».

Юноша ответил ему с улыбкой: «Поверь мне, дорогой мой, что если даже ты принесешь мне золото всего мира, я не отдам тебе ни единого из этих цветков — ни тебе, ни кому другому, ни твоему мнимому господину. Ибо эти венцы не принадлежат этому суетному миру, как

тебе кажется, это венцы Христовы из небесных сокровищниц, которыми венчаются те, кто побеждает этих черных. И если ты хочешь получить не один только, но все три, то иди и борись с этим черным эфиопом. И если победишь его, то не только эти, но и другие, лучше этих, какие только пожелаешь, получишь от меня».

Услышав это, Андрей воодушевился и сказал ему: «Поверь мне, что я сделаю, как ты сказал. Только научи меня его уловкам».

И говорит ему юноша: «А ты разве не знаком с его уловками? Ведь грозные и страшные эфиопы немощны. Не бойся же его огромного роста и страшного вида. Он, как гнилое растение, гнил и немощен».

Укрепив такими словами молодца, прекрасный юноша обхватил его, как бы намереваясь бороться с ним, и стал учить, как ему противостоять эфиопу. И сказал ему на ухо: «Когда он схватит тебя и начнет тебя кружить — ибо я знаю это — ты не бойся, а зацепи его ногу — и узришь славу Божью».

И тотчас вышел блаженный на борьбу и крикнул громким голосом: «Иди сюда, черномазый, поборемся с тобой!» Эфиоп подошел, грозно сопя и хрипя, схватил Андрея и начал его кружить и кружил долго. И стали эфиопы хлопать в ладоши, а белоризцы побледнели, думая, что сейчас ударит его черный о землю, так что у него глаза выскочат. Андрей же, кружась вокруг эфиопа, изловчившись, зацепил его ногу. И демон, падая, ударился лбом о камень и стал вопить.

Обрадовались и захлопали в ладоши белоризцы. И, подняв праведника на руки, стали целовать его лицо, умащая его духовным елеем. Тогда все черные разошлись посрамленные. А прекрасный юноша отдал ему честные венцы и, поцеловав его, сказал: «Иди с добром. Отныне ты наш друг и брат. Устремись на добрый подвиг, наг будь и юродив меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Услышав это, блаженный пробудился от глубокого этого сна и подивился случившемуся с ним, потому что на губах своих он ощущал благовония; и лицо его благоухало как бы божественным благоуханием, <источник которого был>невидим.

Наутро он пришел ко мне недостойному и, решившись, рассказал мне о бывшем ему видении. И, выслушав его, я подивился его видению. Посовещавшись, мы решили, что ему нужно отныне преобразиться и представиться умалишенным и бесноватым ради того, который сказал ему: «Будь юродивым меня ради и великого блага удостоишься в день царствия моего».

Иначе он не мог бы уйти от своего земного господина, ибо никому не хочется отпускать своего холопа на волю, тем более на Божье дело, ибо дьявол ревностно старается помешать этому.

На другую ночь, поднявшись в полночь, Андрей помолился и, окончив молитву, взял нож и пошел к колодцу, который был возле спальни его хозяина. И сняв с себя одежду, которая была на нем, начал ее резать на куски. И притворяясь бесноватым, стал произносить бессвязные речи и бессмысленно бормотать, как делают умалишенные.

Хозяин его, проснувшись, подивился всему этому, тем более, что была полночь. Но поразмыслив, решил что это колодезный дух вылез из колодца и дохнул на первого встречного, и им оказался Андрей. И он промолчал до утра.

На рассвете повар пошел набрать воды и, увидев случившееся с Андреем, удивился. Оставив ведро, он пошел и рассказал хозяину, певшему на заутрени. Услышав это, хозяин удивился, что Андрей, как сказал <повар>, впал в безумие и, разодрав одежды, сидит на колодезном устье. Он вышел с женой и всеми домочадцами, и, увидев его в безумии, они горько плакали и сокрушались, думая, что он вправду стал жертвой нечистого духа. Господин его был весьма опечален этой напастью и, не зная, чем ему помочь, велел отвести его в церковь святой мученицы Анастасии, которую построил благоверный Лев Мясник, и там посадить его в оковы, и послал много сребреников церковному служителю на его содержание и кормление.

Весь день напролет праведник представлялся безумным и разговаривал, как юродивый, А ночью он заплакал от всего сердца, кланяясь и молясь мученице Христовой, чтобы она явилась ему и, если он достоин, чтобы сказала ему, угоден ли начатый им подвиг.

Когда он перестал плакать и молиться, он вскоре увидел, как в видимом образе пришли пять жен и с ними впереди почтенный старец. Они стали обходить лежавших там больных, посещая одного за другим. Пройдя всех, подошли и к Андрею, сначала остановился старец, а рядом с ним святые жены. Пристально глядя на него, старец ласково улыбнулся ему, что-то доброе замышляя. И сказал, как бы в шутку, обращаясь к пятой жене, которая сияла ярче всех: «Госпожа Анастасия, что же ты здесь не врачуешь?»

Она отвечала ему: «Господин учитель, здесь другой врачевал, и никто больше ему не нужен. Ибо тот сказал ему: “Будь юродивым меня ради и много добра стяжаешь в день царствия моего”. И после такого врача он не нуждается в исцелении. Он уже научился этому ремеслу и не оставит его до последнего своего дыхания, и будет сосуд богоизбранный, святой и возлюбленный Духом».

Старец произнес: «Я знал это, госпожа, и лишь шутя спросил тебя».

Так они говорили в присутствии Андрея, потом, оставив его с миром, они вошли внутрь церкви поклониться. И после этого он не видел никого из них ни выходящими, ни входящими, пока не застучал в било служитель. Пораженный увиденным, преподобный восславил Бога и поблагодарил святую мученицу за то, что она поспешила на его молитву.

Целый день он просидел в оковах, не принимая пищи и произнося непотребные слова. Когда же настала ночь и он, дождавшись полуночи, по обыкновению, стал молиться в тайном храме своего сердца, вознося молитвы и мольбы Богу и святой мученице, пришел к нему во плоти дьявол со множеством бесов, держа секиру, а бесы несли ножи, дубины, колья, мечи, копья и цепи. Это был тысяцкий демонского войска, и потому многие бесы пришли с ним, чтобы погубить блаженного.

И еще издалека зарычал гнилой старец <ибо он явился в образе старого черта> и бросился на святого, намереваясь убить его секирой, которую держал в руках. И все демоны, которые были с ним, бросились на него, желая его зарезать. Он же воздел руки и со слезами возопил к Господу: «Не предай зверям душу мою, верующую в тебя!» И еще сказал: «Святой апостол Иоанн Богослов, помоги мне!»

И тотчас раздался гром, словно в небесах, и крики многих людей. И явился старец с большими глазами, слегка возлысый, с лицом, сияющим светлее солнца, и с ним многочисленная свита. И грозно сказал он пришедшим с ним: «Затворите врата, чтобы никто не убежал». И те, которых было больше, чем бесов, немедленно исполнили это. И когда все бесы были пойманы, один из них тайком сказал другому: «Будь проклят тот час, когда мы соблазнились на это дело. Ибо Иоанн суров и намерен тяжко покарать нас».

Честной старец приказал своим спутникам снять железную цепь с шеи Андрея. И, выйдя за церковные врата, произнес: «Ведите мне их по одному». И привели первого и распростерли на земле. И апостол, взяв железную цепь, сложил ее втрое и ударил его раз сто. И вопил бес, словно человек: «Помилуй меня!»

Потом распростерли на земле другого демона, и тот был так же бит.

Слыша, как они вопят «Помилуй нас!», Андрей невольно начал смеяться. Ему казалось, что эфиопы, как люди, пойманы и их по-настоящему избивают. Распростерли и третьего, и тот столько же претерпел. Ибо Бог наносил им нешуточные удары, чувствительные для их естества. Избивая их всех по очереди, бьющие говорили избитым и отпущенным: «Идите и покажитесь отцу своему Сатане, любо ли ему это будет?»

И когда те разошлись, исчезли и все белоризцы. Благообразный же старец пришел к рабу Божию и, возложив оковы на его шею, сказал, шутя: «Видишь, как я поспешил к тебе на помощь. Ибо я весьма пекусь о тебе, потому что Бог повелел мне опекать тебя и заботиться о том, что более всего служит твоему спасению. Претерпи это, и будешь во всем искушен. Ибо вскоре наступит час, когда ты будешь отпущен и сможешь ходить свободно, где тебе заблагорассудится».

Андрей спросил: «Кто ты, мой господин? Я тебе не знаю».

Старец ответил: «Я тот, кто возлежал на честной и животворящей перси Господа нашего Исуса Христа». И сказав это, исчез из виду, словно превратившись в молнию.

Дивился блаженный Андрей и горячо прославлял милость Бога, помогающего ему в словах и делах, избавившего его от нечистой силы, ополчившейся против него. И молвил про себя: «Господи Исусе Христе, велика и непостижима сила твоя и безгранично милосердие твое, коль ты ко мне смиренному благоволишь и заботишься обо мне, являя мне дивное чудо. Сохрани и далее меня на пути истины твоей и сделай меня достойным обрести твою благодать. Вышний, великая сила, грозный, не оставляй нас».

Пока он молился, настала ночь, и задремав, увидел он себя во сне в царских палатах. Когда он там находился, позвал его царь к себе. И когда он пришел и стал перед ним, спросил его царь: «Хочешь ли ты всей душой работать для меня, и я сделаю тебя одним из почитаемых в моих палатах?» Андрей ответил: «Кто же отказывается от блага? Я бы очень хотел этого».

Сказал царь: «Если хочешь, прими пищу моего служения». И с этими словами он подал ему нечто похожее на снег. Взяв, Андрей съел ее. Было так сладко, что подобной сласти ум человеческий не в состоянии сравнить ни с чем. Но ее было мало, и съев, Андрей стал про себя молить, чтобы ему дали еще того же. «Ибо, — говорил он, — когда я ел, мне казалось, что с миром Божьим сравнима эта сласть».

И опять дал ему небольшой кусок чего-то, похожего на кидонат. И сказал ему: «Возьми и съешь». Андрей, взяв, съел. Это было жгучее и горькое, горьче полыни, так что ему стала противна и предыдущая сладкая добрая снедь.

Царь, видя его отвращение, сказал ему: «Видишь, как не смог ты воспринять этого горького вкушения, означающего служение мне? Пища, которую я тебе дал, — это узкий и скорбный путь, ведущий тех, кто хочет войти во врата царства моего».

Блаженный сказал: «Горька эта пища, владыка. Кто же способен вкушать ее и служить тебе?»

Отвечал царь: «Смысл горького ты понял, а сладкого понял ли? Не дал ли я тебе сначала сладкое, и потом горькое?»

Сказал он: «Да, владыка. Но только о горьком сказал ты рабу твоему, что это образ скорбного пути».

Сказал царь: «Нет, путь лежит посередине между сладким и горьким. И в горьком воплощено вкушение мучений и страданий, которые тебе предстоит принять ради меня, а в сладком и лучшем обретается прохлада, покой и утешение страждущим меня ради. От моей благодати не исходит одно только горькое или одно только сладкое, но порой одно, порой другое, перемежаясь и чередуясь. И если ты желаешь трудиться для меня, скажи мне, чтобы я знал».

Сказал Андрей: «Дай мне еще раз отведать того же, я попробую и скажу». И он опять дал ему горькое, а потом сладкое. Страдая от горечи, Андрей сказал: «Не могу я служить тебе, питаясь этим. Пища эта горька и тяжела».

Царь улыбнулся и вынул из пазухи своей нечто другое, с виду словно огонь, источающее благоухание и украшенное цветами. И сказал ему: «Возьми, съешь и забудешь все, что видел и слышал». Он же, взяв, вкусил и простоял долго в забытьи от этой сладости и от огромной радости и от великого благоухания и славы. А придя в себя, упал в ноги великому царю тому и взмолился со словами: «Помилуй меня, владыка добрый, и не отвергни отныне меня от служения тебе. Ибо уразумел я воистину, что весьма сладок путь твоего служения, и вне его не поклоню своей головы ни перед кем».

И тот ответил ему: «Это ли вкушение тебя удивило? Поверь мне, что среди моего добра это наименьшее. Но если ты меня успокоишь, все мое твое будет и ты будешь мне другом и причастишься святого царства моего и наследник мой будешь». И сказав это, словно на подвиг его послал. И тотчас Андрей пробудился.

Все это блаженный сохранил в своем сердце и дивился, говоря: «Что бы это могло быть?»

По истечении четырех месяцев его пребывания в церкви святой Анастасии, церковные слуги, видя, что он не выздоравливает, но, напротив, ему становится хуже, сообщили о нем его господину. Услышав это, Феогност отказался от него, как от безумного и бесноватого, и велел, сняв с него оковы, отпустить на свободу. И сняв с

него оковы, церковные служители отпустили его. Видя, что задуманное им сбывается, Андрей прославил Бога, устроившего так, чтобы сбылась воля его.

Начало жития его

С того времени он начал бегать и резвиться на улицах, следуя примеру своего предшественника Симеона Юродивого <...> и бродил целый день без еды и без отдыха. Когда же наступал вечер, он либо не спал, если ему было не угодно спать, а ходил по городским улицам и в душе молился и так всю ночь бодрствовал, а наутро почивал; либо, когда ему не было угодно ходить в ночи, искал на улице место, где лежат собаки, и прогнав пса, ложился на его место и почивал, словно на постели, — наг, убог, нищ, не имея ни рогожи, ни платья, ни власяницы или хотя бы куска материи. Вместо всего этого имел он на себе, как прежде было сказано, единственное суконце, в нем и ходил.

Вставая утром, он говорил себе: «Ну вот, презренный юродивый Андрей, наспался пес с псами всю ночь на приволье. Пойдем дальше работать, ибо приближается смерть. И пусть никто не соблазнит тебя, ибо в час смерти никто тебе не поможет. Ибо каждый человек плод своего труда принимает в час исхода этой жизни. Пойдем же поскорее, несчастный, поругаемый людьми в этом мире, и удостоимся похвалы и славы у небесного Царя и Бога».

Говоря это, стремился честный человек, по слову великого апостола Павла, простираться вперед, забывая заднее. Смотря на него, люди говорили: «Вот новый бесноватый». Другие говорили: «Не стоит земля без юродивого». А иные толкали его и в шею били, и с презрением плевали в лицо.

Терпеливо снося все это, голодный, жаждущий, умирая от холода, опаляемый зноем и терпя обиды, он оставался неуязвимым. И такую молитву носил он в тайном храме сердца своего, что, когда он шептал ее, она была далеко слышна. И как из бурлящего котла при бурном кипении исходит густой пар, так и из его уст исходил пар Святого Духа, так что некоторые видевшие его говорили: «Это сидящий в нем демон, это он извергает этот пар». А другие говорили: «Нет, это сердце его, гневаясь от присутствия бесовского духа, так дышит». Но это было не так, это являла себя непрестанная богоугодная молитва. Так что, как раньше несведующие считали пьяным всякого говорящего на другом языке, так и здесь об этом славном думали.

О блудницах

Однажды он проходил, играя, мимо блудилища. Одна из блудниц, видя юродивого, схватила его за край ветхой одежды, которая была на нем, и втащила его внутрь. Истинный насмешник над Сатаной уступил и вошел вместе с ней. И когда вошел в блудилище, вокруг него собрались и другие блудницы и, потешаясь над ним, спрашивали: «Как это тебя угораздило?» Праведник же только усмехался, ничего не отвечая. Толкая его, они пытались заставить его сотворить скверный блуд, лаская тайные его уды. Иные, лобзая, искушали целомудренного, стремясь склонить к сраму. Другие говорили: «Соблуди с нами, юродивый, и насыти свою духовную похоть».

Но дивное чудо явил он. Ввергая его в столь сильный соблазн, они нисколько не смогли подвигнуть его к желанию смердящего этого недуга.

Тогда они оставили свои намерения со словами: «Либо он мертвец, либо бревно бесчувственное, либо камень лежачий: сколько ни распаляем мы его на похоть, ничего у нас не выходит».

Одна из них сказала: «Удивляюсь я вашему неразумию и возмущению. Он ведь юродив и бесноват, голоден и холоден, и негде ему голову приклонить — откуда взяться у него похоти? Оставьте его, пусть себе безумствует».

Праведник же увидел блудного беса, стоящего среди блудниц, внешне он был похож на эфиопа, губаст, на голове вместо волос конский навоз, смешанный с золой. А глаза его были словно лисьи; ветхое тряпье покрывало его плечи. И исходил от него такой зловонный запах нечистот, что, не выдержав этого тяжкого смрада, блаженный начал часто плеваться и закрыл одеждой свой нос.

Видя, что Андрей гнушается блуда, разъярился блудный бес и завопил: «Люди меня лелеют, словно мед сладкий, на сердце своем, а этот глумится над всем миром, брезгуя мною, плюет на меня. Да сам ты благой ли цели ради стал юродивым, а не для того ли, чтобы таким образом уклониться от земных трудов?»

Блаженный видел его наяву, блудницы же только голос беса слышали, но никого не видели. Сидя среди них, блаженный смеялся над зловонным и безобразным бесом. Увидев, что он смеется, они сказали: «Поглядите, как он со своим демоном смеется». А одна из них сказала: «У него хорошая одежда. Давайте возьмем ее и продадим, и у нас будет сегодня питье». Быстро поднявшись, они раздели его, оставив нагим, а одежду продали за сребреники и разделили, каждой досталось по два медяка.

Старшая сказала остальным: «Давайте не отпустим его нагим, а дадим ему хотя бы ветхую рогожу». Принесли рогожу и, сделав прорезь в середине ее, возложили на шею его вместо одежды и прогнали его из дома.

И выйдя на улицу, он начал бегать, юродствуя. Видевшие его, смеясь над ним, говорили: «Хорошая попона лежит на твоем осле, юродивый». Он же отвечал: «Воистину это вы юродивые, я ношу добрую одежду. Ибо Господин мой сделал меня патрикием».

Некоторые христолюбцы сами давали ему медяки, хотя он не просил. Ибо Христос заботился о нем. И сколько бы ему ни давали, он принимал. Иногда приходилось до двадцати, иной раз тридцать и более медяков в день. И высматривал укромное место, где собирались нищие, и шел к ним с медяками в руках, притворяясь блаженным, чтобы они не разгадали его замысла, и, присев, начинал играть медяками. И когда кто-нибудь из нищих пытался отнять их у него, он давал ему затрещину. Видя это, остальные нищие шли на него с палками, желая отомстить за товарища. Используя это как повод для бегства, бросив медяки, он убегал от них. Тогда они присваивали себе его медяки.

Видение богатого покойника

Однажды, когда Андрей шел на духовное свое дело, отойдя немного, он увидел вдалеке, как навстречу ему несут покойника. Это был знатный, очень богатый человек.

Великое множество народа шло за гробом. Слышалось громкое пение идущнх со многими свечами и кадильницами. Стенания и громкие вопли испускали его близкие.

Видя, что происходит над покойником, святой остановился и на долгое время впал в забытье. И увидел: перед свечами идет множество черных демонов, кричащих, заглушая певцов: «Горе ему! Горе ему!» И все, что они кадили, смердело нечистотами, и они несли какие-то мешки и рассыпали попеременно пепел и золу. И все это множество, приплясывая на ходу и нагло смеясь, подобно бесстыжим блудницам, то лаяло по-собачьи, то по-свински визжало. И был для них мертвец предметом веселья и радости. И одни из них шли рядом с телом, кропя лицо покойника нечистотами и навозной жижей, а другие, летая по воздуху, вились около одра.

Нестерпимый смрад исходил из одра и от тела того грешника, как бывает, когда выгребают отхожие места и расплескивают вокруг навозную жижу и раскидывают смрадные нечистоты. И иные клали на его лицо собачий кал и жир морского пса и прочие зловония, другие же, идя следом, плясали, хлопая в ладоши и ужасно топая ногами, смеясь и издеваясь невидимо над поющими, и приговаривая: «Не дай Бог и никому из вас видеть свет, жалкие христиане, поющие над псом “со святыми упокой душу его” и называющие рабом Божьим того, который чинил всякое зло».

И вот страшное видение святого. Взглянул он и видит: князь нечистых бесов с разъяренным взором, наводящим ужас на смотрящих, держа в руках своих огонь, серу и смолу, идет к гробу того несчастного, чтобы опозорить его тело и сжечь огнем, что и произошло по погребении.

И когда покойника проносили мимо, взглянул Андрей и увидел: вослед идет красивый юноша и плачет, одержимый печалью. И рыдая, проходит мимо святого.

Полагая, что он и вправду юноша и <один> из родственников умершего, потому и плачет так, и словно забыв про тайные дела Господа, он протянул свою руку и, коснувшись плачущего юноши, обратился к нему со словами: «Заклинаю тебя Богом неба и земли, в чем причина твоего плача и почему ты такие слезы льешь? Никогда мне не приходилось видеть, чтобы кто-нибудь так плакал по мертвецу; скажи мне, пожалуйста, почему ты это делаешь?»

Отвечал ему ангел: «Причина моего плача в том, что того, кого сейчас хоронят, кого ты видел, дьявол взял себе. Он и есть причина моего плача и печали, и потеряв его, плачу».

Сказал ему святой: «Скажи мне, друг мой милый — ибо я понял, кто ты — каковы были его грехи?»

И ответил ему ангел: «Поскольку ты, Андрей, и сам Божий избранник и поскольку тебе позволено это знать, внемли и услышь. Ибо ныне твоя прекрасная душа чиста и светла, и я, словно чистое золото увидев, немного утешился в своей печали. Это был знатный муж у императора, но был он при жизни грешник и очень злой человек. Во всем он был блудник и прелюбодей и мужеложец, коварен и немилосерден, кичлив и гордец, и сребролюбец, и лжив, и человеконенавистлив, злопамятен и мздоимец, и клятвопреступник, бедных своих слуг морил голодом, и побоями, и наготой, оставляя их без одежды и без обуви в холодные дни; многих же, палкой забив, закопал в конюшне. И так распалялся он гнусной и богопротивной похотью к отрокам и скопцам, что осквернил до трехсот душ этим мерзким и отвратительным грехом. Но вот, друг мой в Господе, пришла на него жатва, и смерть, придя, застала его без покаяния, погрязшего во многих неописуемых грехах, а скверное его тело, ты сам видел, с каким бесчестием несут к могиле. И потому, о святая душа, и я тужу и в великой печали плачу, ибо, возлюбленный мой, я стал посмешищем демонам и вместилищем гнусного смрада».

О рассказе ангела

Когда ангел закончил, святой сказал ему. «Прошу тебя, друг мой, успокойся. Он заслужил скверную кончину: он стремился ко злу и теперь насытился им. Ты же, огнеподобный, исполненный услады, во имя Господа Саваофа вседержителя будешь пребывать во благе отныне и во веки».

После этих слов ангел невидимо улетел. Прохожие, шедшие по улице, на которой святой разговаривал с ангелом, и видя, что он стоит и разговаривает сам с собой — ибо ангела они не видели, будучи недостойны — говорили друг другу: «Взгляните на этого юродивого, как он дурачится, бессмысленно разговаривая со стеной». И толкая его и отгоняя, говорили: «Что это ты вздумал, дурак, бесноватый, стоишь и со стеной разговариваешь?»

Святой же, слыша, что они болтают, улыбнулся и ничего не сказал. И посмеявшись их неведению, отошел от них и, придя в укромное место, предался молчанию.

Молитва святого за умершего

И вспомнив о том несчастном, которого несли к могиле, стал горько плакать, пока не изнемог и глаза у него не опухли от долгого плача. И в слезах он произносил такую молитву к Господу: «Неисповедимый и невидимый и страшный Бог Отец, творец и владыка, создатель бесконечных веков и начало всякой мудрости и знания! Непостижимое рождение, великолепие святой славы, подобный и равночтимый с Отцом и возлюбленным твоим и вседержителем Духом, родившийся искони от великого ума, всегда оставаясь в лоне родившего тебя, один из нераздельной Троицы и по твоем вочеловечении! Прошу тебя, избави тело того несчастного от поругания смолой и серой, приклони утробу свою святую к молитве ничтожного твоего раба. Поскольку оскверненной его душе нет избавления, ибо смерть закрыла для него все, прошу тебя и молю, чтобы хотя бы тело его избавилось от такого позора, чтобы не до конца порадовался добыче проклятый глубинный змей и не поглотил душу его вместе с телом, оскорбляя святое твое имя».

И пока святой молился, на него снизошло озарение. И впав в экстаз, увидел себя пришедшим на могилу того несчастного. И вот спустился с небес ангел Господний, словно быстрая молния, держа в руке огненный жезл и прогоняя находившихся там нечистых духов. И они исчезли, и было прекращено поругание тела сожжением в смоле и сере.

Видя это, святой вознес благодарность Богу, исполнившему его молитву.

О могильном воре

Спустя несколько дней преставилась дочь одного вельможи. А была она девицей, жившей жизнь свою в чистоте. Умирая, она просила своего отца, чтобы ее похоронили в их загородном имении в часовне посреди сада.

И когда она скончалась, ее понесли хоронить на то место, которое она при жизни указала своему отцу.

В то время был один могильный вор, который, разрывая могилы, снимал с мертвецов одежды. И стоя на пути, он наблюдал, куда ее собираются нести и хоронить. И узнав, где она похоронена, задумал и с ней сотворить то же.

Случилось же проходить мимо святому, совершавшему Христа ради свои дела. И словно провидев сердечным взором, он постиг духом подлый умысел этого нечестивца. И желая отвратить его от этого деяния, ибо он знал, какое наказание тому уготовано, и грозно посмотрев ему в лицо, сказал ему с гневом: «Так говорит Дух, судящий похитителей одежд лежащих в гробах: “Не видеть тебе больше солнца, не видеть больше дня, не видеть больше человеческого лица. Ибо затворятся врата дома твоего и более никогда не отворятся. И померкнет день и вовеки не рассветет”».

Тот же, услышав это, не понял, о чем говорит святой и, ни о чем не беспокоясь, отошел прочь.

Святой же, посмотрев на него, сказал: «Иди, иди, кради, безумец. Клянусь Исусом, если сотворишь это, не видеть тебе солнца».

Тот же, вполне уразумев, что сказал ему <Андрей>, стал хвалить его, называя праведником <и говоря>: «Право, несчастный бесноватый, и ты по дьявольскому наущению говоришь о неизвестном и тайном. Я <нарочно> пойду туда, чтобы увидеть, исполнятся ли твои слова». Святой же, юродствуя, продолжил свой путь.

Когда настал вечер, безумец выбрал час и, придя к могиле, отвалил камень и вошел внутрь. И сначала взял саван и накидку, которые были красивы и драгоценны. И взяв это, хотел уйти.

Но ненавистник человеческого рода демон подсказал ему снять и сорочку и оставить тело нагим, что он и сотворил. И когда он взял

сорочку, по воле Божьей — ибо удивительна повесть эта — мертвая девица, подняв свою правую руку, ударила его по щеке. И тотчас его глаза ослепли. И ужаснувшись, он затрепетал так, что от страха стали стучать его челюсти и колени.

И отверзнув свои уста, мертвая девица так сказала ему: «Будь несчастен и убог за то, что не побоялся ни Бога, ни ангелов его. И хотя бы ты, как человек, постыдился видеть женское тело обнаженным и удовольствовался бы тем, что ты взял сначала, а сорочку оставил бы моему несчастному телу. Но ты поступил бесчеловечно и жестоко и задумал сделать меня посмешищем перед всеми святыми девами в день второго пришествия. Но нынче я тебя проучу, чтобы ты никогда больше не крал и чтобы ты понял, что Христос — живой Бог, и что будет суд и воздаяние и жизнь после смерти, и веселы будут любящие Господа».

Сказав это, девица встала и, взяв сорочку, облачилась и завернулась в саван и накидку, и вновь легла и уснула с миром, сказав: «На тебя единственного, Господи, мое упование».

Несчастный же тот едва сумел найти садовую стену и так вышел. И поскольку поблизости была дорога, он, идя наощупь от стены до стены, пришел так к городским вратам. И спрашивавшим о причине его слепоты и о том, как это с ним произошло, он поначалу сказал нечто другое, а не то, как было на самом деле. Но потом, успокоившись, рассказал всю правду своему другу. И с тех пор начал просить милостыню и тем стал кормиться.

И порой, сидя и обращаясь к своей глотке, ругался: «Будь ты проклята, несытая гортань за то, что из-за тебя и чрева моего я принял слепоту». И еще говорил: «Тот, кто чревоугодничает и не работает, тот крадет и получает по заслугам».

Вспоминая же святого, дивился, как тот ему предсказал все, что с ним должно было произойти.

Многие же в то время, слыша об этом чуде, отвергались сатанинских дел и были добры нравом и делом.

О вельможе, которому был противен святой

Когда блаженный время от времени глумился по своему обыкновению на ипподроме и творил нечто непотребное, и люди, видевшие его, одни скорбели, другие же, брезгая, проклинали его, как одержимого злым бесом, один из вельмож, проезжая мимо, увидев его, в отвращении на него плюнул.

Угодник же Христов, посмотрев на него долгим взглядом и прозрев его жизнь, сказал ему: «Лукавый блудник, насмешник над церковью, не ты ли, вставая ночью и прикидываясь, что направляешься в церковь к заутрени, ходишь, нечестивец, к Сатане на заутреню. Но вот уже пришло возмездие тебе, и получишь по делам твоим, которые ты совершал, надеясь укрыться от страшного всевидящего ока».

Услышав это, вельможа ударил коня и ускакал, чтобы не срамиться. Ибо он был морской хартуларий.

Спустя несколько дней он разболелся тяжелым недугом и постепенно начал чахнуть. И стали его носить из церкви к церкви, от врача к врачу, и не было ему облегчения. И вскоре он отправился на вечную муку.

Однажды ночью святой увидел у двора этого вельможи огнеподобного ангела Господня, прилетевшего с запада, который смотрел грозным взглядом и держал в руках большой огненный жезл. И он вошел в дом того несчастного, грозясь и гневаясь и намереваясь разрушить дом его до основания. И когда вошел к больному, свыше раздался голос, говорящий: «Бей этого хулителя, содомлянина, блудника и нечестивца. И, бия, наказывай ему: “Будешь еще блудить с мужским полом и с чужими женами? Будешь ходить на заутреню к Дьяволу?”»

И стал <ангел> бить его и наказывать ему. И был слышен голос ангела и звуки ударов, а бьющего не видно.

В мучениях несчастный волей-неволей, не стыдясь, взмолился: «Больше никогда не буду блудить! Помилуйте меня!»

Так мучимый три дня и три ночи и повторяя: «Больше не буду блудить!», — он испустил дух.

Это, друзья мои, я слышал от блаженного Андрея и записал для пользы и в назидание душам нашим, чтобы соблюдали себя в чистоте, ходя по этому свету. Ибо ничто не может утаиться от Бога и его святых.

И спросил я святого: «Как и каким образом несчастный грешил?»

И, отвечая мне, он сказал: «У него было два скопца, с которыми он и блудил. И они покупали ему обед и, расхаживая по городу, подыскивали ему то девиц, то замужних женщин, то блудниц. И все мысли его были заняты этим, и вставая до петухов, ходил к ним.

Жена его часто спрашивала, куда он ходит в такой час. Он же отвечал: “В церковь хожу”.

И уходя, он сначала занимался дьявольскими делами, а потом, осквернившись, смрадно воняя, шел в церковь.

Многие же, видя, как рано он встает, говорили: “Это святой человек”. А он был тайный дьявол. Поэтому Богу противны поступающие так. Не довольно ему, что он грешник, но еще создает себе славу святого».

О видении святой Богородицы во Влахернах

Когда бывало всенощное бдение в святой церкви во Влахернах, блаженный Андрей шел туда, совершая свои обычные дела. Епифаний с одним из своих слуг тоже бывал с ним. И стояли иной раз до полуночи, а иногда до рассвета.

В четвертом часу ночи блаженный Андрей увидел наяву святую Богородицу, вошедшую через Императорские врата — очень высокую, в сопровождении грозных слуг, среди которых были честной Предтеча и

Сын Грома, поддерживавшие ее с обеих сторон. И множество других святых в белых ризах шли перед нею и за ней с духовными песнями.

И когда она приблизилась к амвону, святой подошел к Епифанию и спросил: «Видишь Владычицу и Царицу мира?»

Тот ответил: «Вижу, отец мой».

И на их глазах она преклонила колени и долго молилась, орошая слезами богоподобное свое лицо. Окончив молитву, она подошла к алтарю и молилась за стоящих там людей.

И помолившись, она сняла с себя сияющий, словно молния, мафорий, который покрывал ее пречистую голову и плечи, и, взяв в свои пречистые руки, — был он велик и страшен — распростерла над стоящими там людьми. Долгое время видели его святые распростертым над людьми и излучающим, словно электр, славу Божью. И пока святая Богородица находилась там, они видели и покров, а когда она удалилась, они его больше не видели, ибо она взяла его, очевидно, с собой, а благодать оставила тем, кто был там.

ПОВЕСТЬ О ВАРЛААМЕ И ИОАСАФЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии И. Н. Лебедевой

ВСТУПЛЕНИЕ

Повесть о пустыннике Варлааме и царевиче индийском Иоасафе является одним из самых распространенных произведений в мировой литературе средневековья. Существует более 140 версий этой повести более чем на 30 языках. В славянские литературы «Повесть о Варлааме и Иоасафе» пришла в переводах с греческого языка. Греческая версия повести появилась в начале XI в. на Афоне и является в свою очередь переработкой версии грузинской. Древнерусский перевод «Повести...» относится к периоду Киевской Руси; по-видимому, он был сделан во второй половине XI или в самом начале XII в. Этот перевод сразу же вошел своими отдельными частями в состав русского Пролога, из которого заимствовал одну из притч повести Кирилл Туровский. Повесть широко распространилась в древнерусской письменности и в полном виде, и еще более в составе Пролога. В Пролог вошли прежде

всего притчи, которые рассказывает Варлаам Иоасафу. Это своего рода небольшие новеллы поучительного содержания; все они восточного происхождения. Мы публикуем семь притч из «Повести...»: 1) О трубе смерти и четырех ковчегах; 2) О соловье; 3) Об единороге; 4) О трех друзьях; 5) О благоразумном царе; 6) О царе и нищем; 7) О молодой серне. Кроме того, автор греческой версии включил в текст повести памятник позднеантичной литературы — «Апологию» Аристида, своего рода «турнир религий». «Апология» вошла и в древнерусский перевод, и ее текст также публикуется. Текст «Апологии» вложен в уста волхва Нахора — язычника и колдуна, тем большую силу приобретает то, что говорит он против своей воли.

По разнообразию перипетий сюжета, по богатству притч и диалогов «Повесть о Варлааме и Иоасафе» занимает одно из первых мест во всей литературе средневековья. Отрывки из текста «Повести...» издаются по списку Соловецкой библиотеки № 208, хранящемуся в *РНБ*. Это самый ранний (начало XVI в.) и самый полный и исправный список древнерусского перевода. Незначительные его лакуны восполнены по рукописи из собрания Хлудова № 60, хранящейся в *ГИМ*.

ОРИГИНАЛ

КНИГЫ ВАРЛАМ. ИЗОБРАЖЕНИЕ ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ИЗ УТРЕНЯЯ ЕФИОПЬСКЫЯ СТРАНЫ, ГЛАГОЛЕМЫЯ ИНДЕЙСКЫЯ СТРАНЫ,[1] ВЪ СВЯТЫЙ ГРАД[2] ПРИНЕСЕНО ИОАНОМЪ МНИХОМЪ И МУЖЕМЪ ЧЕСТНЫМЪ И ДОБРОДѢТЕЛНЫМЪ СУЩАГО ОТ МАНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВЫ

<...> Иньдейскаа глаголемаа страна далече бо прилежить Егупта, велика бо сущи и многочеловечьна. <...> Въста нѣкый царь в той странѣ именемъ Авенирь вели бо бысть богатствомъ и силою <...> зѣло о бесовьстѣй прелести[3] прилежа <...> Родися ему отроча отнуд красно <...> Иоасафъ нарече ему имя <...> Въ той же праздникъ рожение отрочяте приидоша къ царевѣ изборнии мужи яко до пятидесять и пять, от халдѣян[4] наученѣ мудростию о звѣздныихъ течений <...> Единъ же от звѣздословникъ с ними сы старѣй же всѣхъ и мудрѣй рече: «Яко научаютъ мя звѣзднаа течениа, о царю, поспѣшение <...> нынѣ родившюся отрочяте твоему не въ твое царство будеть, нъ въ ино въ лучше <...> Мню же и тобою гонимѣй крестьяньстѣй вѣрѣ прияти его...»

Царь же, яко услышавъ сиа, печаль бысть ему въ веселиа мѣсто. Въ градѣ Домосѣ[5] полату създавъ осъбъ красну <...> ту отроча всели по скончании перваго въздраста, не исшествовану ему быти ничегоже повелѣ, пѣстунѣя же и слугы пристави юны въздрастомь и образомъ красны, запретивъ имъ ничесо-же житиа сего явите ему, ни скорбна сътворити <...>, да <...> отнуд ни худымь глаголомъ о Христосѣ и учении его и о законѣ да услышить <...>

Бысть в то время мнихъ етеръ премудръ о божественыхъ, житиемъ и словомъ украшенъ <...> Варламъ бѣ имя сему старцю. Се убо

откровениемь некоторымъ от Бога бысть ему увѣдити о сынѣ царевѣ. Изьшедшю ему ис пустынѣ, <…> в ризы же мирьскыя облекся и в лодию всѣдь, прииде въ царствие Иньдиское и створився купцем, в град той приде, идеже царев сынъ полату имяше <…> Пришедъ особь, глагола <…>: «<…> Купец есмь азъ <…> имамъ камыкъ честныи, емуже подобие нигдѣже не обретеся, <…> можеть слѣпыя сердцемъ свѣтъ даровати премудрый и глухыимъ уши отверзати и нѣмымь глас дасть <…>»

Глагола Иасафъ к старцю: «Покажи ми многоцѣннаго камыка <…> Ищю слова слышати нова и блага <…>»

И Варлам вѣща: «<…> Бѣ бо нѣкый царь велий и славенъ, бысть же ему шествовати на колесницѣ позлащенѣ и окрестъ его оружници, якоже подобаеть царемъ; усрести два мужа растерзанами ризами и скверными оболчена суща, худа же лицемъ и зѣло поблѣдѣвша. Бѣ же царь сею зная, телеснымъ си томлениемъ и постныимъ трудом и потомъ тѣлу изѣдаему. Якоже узри я, съскочи абие с колесница и падъ при землѣ, поклонися има и, вставъ, обьятъ я с любовию и лобызаа ею. Велможе его и князѣ негодоваша о семъ, яко недостойно царьскыя славы се створити доумевающимъ. Не дерзающе же пред лицемъ обличити, искреному брату его глаголаша, да глаголеть къ царевѣ да не досажати высоту и славу царьскаго вѣнца. Сему же си къ брату глаголющю, негодующю ему тщеславиа его худаго, дасть ему отвѣтъ царь, егоже брат не разумѣ.

Обычай же бѣ тому царю, егда отвѣтъ смертный которому даяше, проповедникы къ вратомъ его посылаше, въ трубе смертьнѣй увѣдати глаголемое, и гласомъ трубныимъ разумяху вси, яко виноват смерти тъ есть. Вечеру убо наставшю, посла царь трубу смертную въструбити при дверехъ дому брата своего. Якоже услыша онъ трубу смертную, недоумѣваше о своемъ животѣ и размышляше о себѣ всю нощь. Утру же наставшю, оболкъся в худыя и в плачаныя одежа, купно с женою и с чады иде къ полатѣ царевѣ и ста при дверехъ, плачяся и рыдая.

Въведе же его царь к себѣ и тако видивъ и рыдая, глагола к нему: “О неразумне и безумне, яко ты тако устрашися преподобника[6] подобнорожена ти и подобночестна своего брата, к нему никакоже весма себѣ съгрѣшивша вѣдая, како на мя зазрѣние наведе, въ смирении цѣловавшю ми и проповидника Бога моего гласнѣе трубы наречествовавшю ми смерть и страшнаго усрѣтениа Владыкы моего, яко многа и велия в себѣ грѣхы свѣдая. Се убо нынѣ твоего обличяя неразумиа, таковымъ образомъ замыслихъ, такоже с тобою свѣщавшиимъ еже о мне зазора, скоро наявѣ обличю”. И тако угодивъ брату своему и показавъ, пусти в свой домъ.

Повелѣ же царь створити ковчеги четыре от древа, два же обложи златомъ и костѣ мертвыя смердяща вложити в ня, златыими же гвозды загвозди а. Другою же двою помазавъ смолою и попелом и наполни а камыкъ честных и бисеръ многоцѣнныихъ, всѣхъ вонь благоуханных исполнивъ. Власяными ужи обязая и призвав вельможи, зазрѣвъшиимъ царя от двою оною мужю смиреною сретшею, и постави пред ними

четыре ковчегы, да судять, колику достойна еста златаа, колику же осмоленая. Онѣ же двою златою осудиша я къ множеству цѣны достойна еста, мняхуть бо, яко царьстии вѣнци и поясы вложенѣ в ня. Смолою же помазаная и пепелом малы и худы цѣны достойна еста глаголаху. Царь же глагола к нимъ: “Видяхъ азъ, яко тако вамъ глаголати, чювьственыима очима чювьственый образъ разумеете, еще же не тако подобаеть творити, нъ утренима очима внутрь лежащее подобаеть видѣти, ли честь, ли бесщестие″.

И повелѣ царь отврѣсти златаа ковчега. Отверзенома же ковчегома, злый смрадъ повѣа из нею и некраснаа видѣна бысть видъ. Рече убо царь: “Се образъ есть въ светлыя и славныя оболченыимъ, много славою и силою гордящиимься, и вънутрь суть мертве смердящаа кости и злыихъ делъ исполнь”. Таче повелѣ отверсти осмолена и бекомъ помазана. Сима же отверзенома сущиимъ ту вся възвеселиста о лежащиихъ в нею свѣтлости, и благоухание изиде от нею. Глагола же к нимъ царь: “Весте ли, кому подобна еста ковчега си? Подобна еста смиреныима онѣма и в худыя ризы оболченома, ихъже вы внешний образъ видяще, досажение въмënисте лица ею мое поклоняние до земля. Азъ же разумныма очима доброту ихъ и честь душевную разумѣвъ, чюдився ею прикасание, лучше вѣнца и лучше царьскаго обдѣ честнейшая вменихъ″. Тако осрами велможа своа и научи я о видимыхъ не блазнитися, нъ и разумных вниматися» <...>

Иоасафъ же к нему отвѣща: «Велия и дивьныя вещи глаголеши ми, о человече <...> Что подобаеть сътворити намъ да избѣгнути уготованыихъ мукъ гръшникомъ и сподобитися радости праведникъ?» <...>

Варламъ же купно отвѣщаваше: «<...> Сущему бо въ неразумении Божии тма есть и смерть душевная или работати идоломъ на погыбелие естественое <...> Кому уподоблю и како ти образъ неразумѣющиихъ предпоставлю, нъ притчю ти приложю, нѣкорымъ мужемъ премудрыимъ изглаголано ко мнѣ. Глаголаше бо, яко подобнѣ суть идоломь кланяющиися человеку липителю, иже устроивъ лѣпа, ятъ единъ от малых птиць, соловей сию наричють. Приим же нож, закалаеть ю на ядь, дасться соловьевѣ глас язычный, и глагола к лѣпителю: “Кая ти полза, человече, о моемь заколении? Не возможеши бо мною наполнити своего чрева, нъ аще от сихъ узъ свободиши мя, дам ти заповѣди три. Аще храниши, то велика полза ти будеть паче живота своего″. Онъ же чюдивъся о глаголанию птици, воскорѣ свободить ю от узъ. Възвративъ же ся, соловей глагола человеку: “Никогдаже ничтоже от неприиманныхъ начни приимати, начнеши яти, и не буди каяся о вещи мимоходящи, и невѣрну слову никогда ими вѣру. Си убо три заповѣди храни, и добро ти будеть”.

Радуяся мужь о добрѣ видении и о разумнемъ глаголании, разрешивъ от уз, на аеръ пусти. Соловѣй же убо, хотя увѣдити, аще разумѣ мужь глаголаныих ему силу глаголъ и аще ли наплодися кою любо ползу от нихъ, глагола к нему парящи птица на аерѣ: “Въздохни о своемъ несъвѣщании, человече, каково бо днесь съкровище погуби. Есть бо внутренихъ бисеръ преимѣя величествомъ струфокамиловыих яиць″.

Якоже услыша си лѣпитель, печаленъ бысть, каяся, како избѣжа соловей тъ из руку его, и хотя абие яти ю, рече: “Прии в домь мой, и друга створившему тя добрѣ с честию отпущю”. Соловѣй же рече к нему: “Нынѣ убо крѣпко не разумѣ. Приимъ бо глаголанное к тебѣ с любовию и съ сладостию послуша, ни единоя же от них ползы стяжа си. Рекохъ ти — не кайся о вещи мимоидущи, и бысть ти печаль, яко от руку твоею избѣгохъ, каяся о вещи мимошедьши. Глаголахъ ти — не начни от неприатыхъ приимати, и хощети яти мя, не могый приимати моего шествиа. К симъже и невѣрна глагола не ими вѣры, глаголахъ ти, нъ се веру ятъ, яко есть вънутренихъ моиъ бисеръ паче възраста моего, и недомыслися разумѣти, яко весь азъ не могу прияти в себѣ толико великыхъ яиць струфокамиловыихъ и како бисера толика вмѣстити имамъ в себѣ”. Тако убо не разумѣють надѣющися на идолы своя <...>»

Иоасафь рече: «<...> Хотяхъ путь обрести хранити истинно и повѣлѣниа Божиа и не уклонитися от нихъ...»

Варлам же глагола: «...Связанѣ житейскыми вещьми и своих прилежа печалий и мятежа и въ пищи живя... подобнѣ суть мужю, бѣгающю от лица бѣсующюмуся инорогу, яко не терпящу гласа върля его и рютиа его страшнаго, нъ крѣпко отбѣгь, да не будеть ему ядь. Текущю же ему борзо, в великъ ровъ въпаде. Впадающю же ему, руцѣ простеръ, за древо твердо ятъся, держащю же ся ему крѣпко, яко на степенѣ нозѣ утвердивъ, мняше миръ уже есть и твердынѣ. Възрѣвъ же убо, видѣ двѣ мышѣ, *едину белу, а другую черну,* ядуща беспрестанѣ корень древа, идѣже бѣ держася, и елма же приближающися да погрызета древо. Възревъ въ глубину рва и змѣя види страшна образомь и огнемъ дышюща и горко взирающа, усты же страшно зѣвающа и пожрети его хотяща. Възрѣвъ же абие на степень онъ, идеже нозѣ его утверженѣ бѣста, четыре главы види аспидовы, из стены исходяща, идеже бѣ утвердился. Възрѣвъ очима, видѣ из вѣтвий древа того мало медъ. Оставивъ убо расмотряти одержащиихъ его напастей, яко внѣуду бо инорогъ злѣ бѣсуяся искаше его на ядь, долѣ же злый змий зѣяя да пожреть его, древо же, о немьже ятся, уже пастися хотяше, нозѣ же на колзание и нетвердо степенѣ утверженѣ, толикы убо и таковыихъ злыхъ забывъ, потща себе на сладость горкаго оного меду.

Се подобие въ прелести сущимъ сего жития створившемъ. Сию истину изглаголю ти мира сего прелщающихся, егоже сказание ныне реку ти. Ибо инорогъ образъ есть смерти гоняй выину и яти послѣдьствуеть Адамля рода. Ровъ же весь миръ есть, исполнь сы всѣхъ злыхъ и смертоносныхъ сѣтей. Древо же, от двою мышу беспрестанѣ грызаемо, ихже створихомъ путь есть, яко жившю комуждо ядомыи гибляяи час радѣ дневныхъ и нощныхъ и усѣкновение коренное приближается. Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшеных и безмѣстныхъ стухый[7] и съставлено человечьское тѣло съставляется, имиже бещиньствующемь и мятущемься телесный раздрушается съставъ. К симъже огненый онъ и немилостивый змий страшное изобразуеть адово чрево, зѣвающю приати же сущихъ красотъ паче будущихъ блахъ изволѣша. Медвеная же капля сладость пробовляеть всего мира сладкыхъ, имже онъ прелща злѣ своя другы и оставляеть я прилежания творити о спасении своемь <...>

Абие подобнѣ суть възлюбившеи всего мира красоту и сладости его насладившеся, паче же будущихъ и недвижимыхъ мимотекущая и немощна пречестнаа изволѣша человеку, три другы имущю, в нихъ бо двою с любовию чтяше и зѣло любовию въсприимаше, даже и до смерти ихъ подвизаяся и ею радѣ бѣды терплю глаголаше, на третьемь же много небрежение имяше, ни чти, ни яко достояше его сподобити когда любо чти и любве, мало нѣкое и ничесо же рещи на нь творяше дружбу.

Въ единъ от дний дойдуть к нему страшнѣи нѣции и грозении воиници, тщашеся скоростию велѣею сего вести къ царю, слово да дастъ, имъже есть долженъ тмою талантъ. Унывшю же бывшю ему, искаше помощника, да заступить его къ страшному цареву отвѣту, текъ же убо къ первому своему и всѣх искренѣйша друга, глагола: “Свѣдаеши, о друже, яко выину полагахъ душю свою тебе ради. Нынѣ же требую помощи зъ день сей от одержащаа мя радѣ бѣды и нужа. Тако убо исповѣжь, заступиши ли мя ныня и каа от тебе будеть ми надежа, о друже възлюбленне”. Отвѣщавъ убо, онъ глагола: ”Нѣсмь тебѣ другъ, человече, ни свѣдаю, кто ты еси, ины бо имамъ другы, с ними же ми днесь веселитися и другыя на прочее створити. Се дамъ ти сукняницѣ двѣ, да имаеши на путѣ, аможе шествуеши, от нею же ти будеть никакаяже полза, иноя же ни единоя не чай от мене надежа”.

Сия услышавъ онъ и недоумѣваяся о отвѣтѣ семъ, еяже помощѣ надѣяшеся от него, и тече къ етерому другу и глагола к нему: “Помниши, о друже, колико от мене приа честь и добрыхъ ученѣй. Днесь же и въ печаль впадь и въ напасть великую, требую съпоспѣшителемъ. Како убо можеши со мною потрудитися, и сихь да разумѣю”. Другъ же отвѣща: “Се празднень днесь с тобою потружатися, въ печалѣ бо и азъ и въ напастехъ впад, въ скорби есмь. Обаче мало с тобой пойду, аще обаче на ползу ти не буду и скоро обращаюся от тебе зде, своими печялми пекыйся”.

Тщама же рукама оттуду възвратився человекъ той и о всѣхъ недоумѣвая, рыдаа себѣ о суетнѣй надеже неразумныхъ своихъ другъ и непромысленъ страды своея, ихъже онѣхъ ради любве потерпи, таже иде къ третьему своему другу, емуже никогдаже створи, ни зва, и глагола к нему осрамленом лицемъ и долу зря: “Не имамъ устъ развести к тебѣ, свѣдаа истинною, яко не помниши мене никогдаже добро створшю ти, аще и дружбу приложихъ к тебѣ. То зане напасть ятъ мя лютая. Никакоже весма от другъ моихъ обретохъ надежю о спасении моемъ, придохъ к тебѣ, моляся, аще есть ти възможно малу нѣкую помощь да подаси ми, не отрицайся, помня моего неразумиа”. Онъже рече тихимъ лицем и с радостию: “Подобаеть друга своего искрняго глаголю тя суща и малое помню твое оно добродѣяние, съ прилежаниемь днесь въздаваю ти, изъумолю о тебе царя. Не бойся убо, ни устрашайся, азъ бо преже тебе дойду къ царю и не предамъ тебе в рукы врагъ твоихъ. Дерзай убо, возлюбленне друже, и не буди въ скорбѣ и печалѣ”. Тогда умилився онъ глаголаше съ слезами: “Увы ми, како преже поплачюся о любвѣ, юже на непамятивую и неблагодарьственую и лживу дружбу оною ли вредоумную поплачу недоумѣвание, еже нъ и истиннаго сего искреняго показа друга”».

Иоасафь же, и сего слова приимъ, чюдися, извѣтованиа искаше, и глагола Варламъ: «Первый убо другъ есть богатое имѣние, еже и златолюбезно желание, егоже радѣ многыя человекы впадають в бѣды и многыя терпять страды. Пришедши же послѣднѣй смертнѣй коньчинѣ ничтоже от всѣхъ тѣхъ со събою възметь, токмо еже на провожение безуспѣшных другъ. Вторый же другъ нареченъ бысть жена и чада и прочаа ужикы и свои, тѣхже любвѣ прилѣпнѣ есмь, злѣ отринутися имамъ самой души и тѣлу любвѣ ихъ радѣ призираемому. Каа же есть нѣкая от нихъ добродѣтельствуеть в час смертный, нъ токмо еже и до гроба провожают, абие же обращаеться, своихъ имуть печалѣ и напастѣ, не имея забыти память ли тѣло, некогда възлюбленаго погребше въ гробѣ. Третѣй же друг есть мимотекый временный неприкосновеный, нъизбежный и якоже от побѣды, иже добрыми дѣлы ликъ пребываеть, еже есть вѣра, надежа, любы, милостынѣ, человеколюбие и прочихъ добродѣтельныхъ полкъ, могый предь нами шевствовати, егдаже исходимъ от тѣла, нас радѣ помолитися къ Богу и от врагъ нашихъ насъ избавити, от злых истяжатель словодатие намъ горко есть на аерѣ движющемъся и яти горко искуще. Се есть доброразумный другъ и благый, иже горкое наше доброжитие в память износя, с любовию и с лихвою намъ вся отдаваа».

Абие убо Иоасафъ вѣща: «<…> Убо еще изобразуй ми образъ суетнаго сего мира, како убо кто с миромъ и твердынею сего придеть».

Въсприимъ же слово Варламъ глагола: «Послушай убо и сей притчи подобие. Градъ некый великый слышахъ, егоже гражане тако обычай имяху от древнихъ приимати чюжа нѣкоего мужа, ни разумѣющю о законѣ града того, ни обычая ихъ весма разумѣющю, и сего царемь поставиша у себе и всю власть приимшю и свою волю невъзбранимо держа, дондеже скончася едино лѣто. Таче внезапу в тыя дни сущю ему бес печалѣ, питающю же ся ему обило беспрестанѣ, мнящю же ему царствие в вѣкы пребывати, въсташа на нь и царьскую одежю снемше с него, нага поругаша по всему граду, на озимьствование послаша его далече в великий нѣкый островъ пустый, в немже ни пища имея, ни одежа, злѣ стража, не надѣющю же ся ему пища и веселиа, абие въ скорбѣ ни чаяния, ни надежа послано.

Полѣдьствующе же убо обычай граждань тѣхъ поставленъ бысть нѣкый мужь въ царствие тоже, разума много и промышлениа имы в себѣ, да такоже не восхищенъ будеть, еже внезапу бывыию ему обилие ни иже преже его царьствовавшимъ и злѣ изгнаномъ, не печалованиа, възьревноваъ печалѣ имяше душею подвижение. Тако убо о себе добрѣ исправить, частого же совета истова увѣда нѣкыимь премудрымъ съветникомъ обычай гражанъ тѣхъ и мѣсто озимьствованое, якоже подобаеть ему твердо бес прелсти увѣдати. Якоже убо сиа увидѣ,[8] яко коли любо в томьже островѣ быти ему, сущю же ему чюжю царьствиа, отвръзъ сокровища своа, ихже еще въ областѣ имяше и невъзбраньно требование, вземъ на требование злато и сребро и камыкь честныхъ и велеихъ множество, верныть своимь рабомь дасть, во онъ островъ посла, идеже ему послану быти.

Скончавшюся реченому лѣту вставьше гражане, якоже и на перваго царя, нага на озимьствование послаша. Прочии бо неразумнии цареве злѣ въ гладѣ пребываху, се же богатьства оного преже пославый въ обилии выну живяше и пищю неизьѣдому имяше, страха всего отвергъ невѣрныхъ гражанъ онѣхъ, мудрою ихъ хваляше добраго съвъта.

Град убо разумѣй суетнаго сего мира. Гражанѣ же начялствие и властѣ бѣсовъ мkillдержьца тмѣ вѣка сего,[9] льстящем насъ сладкымъ исправлением, яко нетлѣнное вкладающемъ размышляти намъ тлѣнныхъ и мимотекущих, якоже въ вѣкы пребывати снами и бесмертна всѣмь пребывающим въ сладости. Тако убо отложившемь намъ и никакоже о великыхъ онѣхъ и вѣчныхъ съвѣтовавьше напрасно придеть на ны погыбелие смерти. Тогда бо, тогда нагыя насъ отсюду злѣ и горции поимше гражане тмѣ, яко онѣ все время свое пребыша, водять “в землю тмы вѣчныя, идеже нѣсть свѣтъ, ни видити житиа человечьскаго”,[10] ни съвѣтника блага, истовыхъ всѣхъ показающему и спасенаа научивше *начинания* к мудрому царю, моея приимай малыя низости, яко благый путь и несоблазненый показати ти приидохъ въ вѣчныхъ же и бесконечныхъ въводя <…>

Притча о иномь царѣ и о убагом. Слышахъ бо царя нѣкоего бывьша, зѣло добрѣ сматряюща своего царствиа, кротокъ же и милостивь под нимь сущемь людемь. Симь бо единимъ блазнимься, якоже не имать богоразумнаго просвѣщениа, нъ блазнию идольскою диржимь бяше. Имяше же нѣкоего съвѣтника блага и всякымь украшена еже к Богу благочестие и прочее всею добродетѣлною премудростию, печалуяся и скорбя о прелщении царевѣ и хотя его о семъ обличити. Удержашется от таковыа вещи бояся да не злу съходатай себѣ же и своей дружинѣ будеть и бываемѣй имь многымъ на ползу усѣкнеть, обаче же искаше время доброугодное да привлечеть его на благое.

Вѣща убо единою въ днехъ царь нощию к нему: “Приди да изыдевѣ и походимъ по граду, егда что на ползу узрѣмъ”. Ходящема же имя по граду видиста свѣтлу зарю от оконца сиающю и к тому оконцю очи преложивша, узрѣста под землею мѣсто, яко вертепъ жилище, в немъже сѣдяще мужь въ послѣднѣй нищетѣ живяху и худыми рубами оболчена. Предстояшеть же ему жена его, вино черплющи ему. Мужю же чашю приимъшю сладк*ою* пѣснь поющи, веселие ему творяше, пляшющи и мужевѣ похвалами хвалящи. Окрестъ же царя сущии в часъ велии сиа слышащемъ чюдишася, яко в такой тяжьц*ий* нищетѣ сущема, яко ни дому имѣюща, ни ризъ, такымь веселомь житиемь пребывашета.

И глагола царь к первому совѣтнику своему: “Оле чюдо, друже, яко мнѣ и тебѣ никогда наше житие тако изволѣ в такой славѣ и пищи сиающема, яко худое се каянное житие таковых и неразумныхъ насладити и веселить тихимъ и веселъ острый сей ненавидимаа жизнь является”. Удобный же часъ приимъ, первосвѣтникъ глагола: “А тебѣ, царю, како таковыхъ являеться житие?” Рече царь: “Всѣхъ, елико когда видѣхъ, нелѣпын и тяжкыи насмисана же и безьнравна”. Тогда глагола к нему первопервосвѣтникъ: “Тако убо добрѣ разумѣй, о царю, и болма разлѣемо есть наше житие учителей видящимъ[11] вѣчное оного житиа и славу всѣхъ убо превосходящихъ благъ, а иже домове блещащимься

златомь и свѣта и одежа и прочаа пища житиа сего подзери еже и омрачениа суть очима некрашьшее видѣвшиимъ неизвѣщанныхъ добротъ сущихъ на небесе нерукодѣланыхъ кущь и боготканныа же одежа и нетлѣнный вѣнець” <...>

Слышахомъ убо, глагола Варламъ, сему царю благочстиво и вѣрно живша на прочее и без буря шествовавша и сущаго житиа прешедша, будущаго же житиа не уполучивша блаженьства». <...>

<...> Иоасафъ глагола къ старцю: «<...> Поимъ же мя с собою и изыдевѣ отсуду <...>»

Глагола же Варламъ к нему. «Младенець серний питаше нѣкый от богатыхъ. Възрастъши же ей пустыни желаше видити, роднымъ обычаемъ влекома. Ишедьши убо единою, обрете стадо сернъ пасомо и державшеся ихь, пребываше в пажитехъ селныхъ, вечеръ же обращашеся в домъ, идеже бяше въспитана, купно же пакы наутрѣя исходящи непризираниемь служаще о ней и с дивными въ стадѣ пребывающи. Стаду же далече пришедъшю пасущеся послѣдова же и та с ними. Богатаго же слуги се ощютивше, въсѣдавше на конѣ, погнаша въследь ихъ, свою бо уловивше, възвратишася, оттолѣ не исшествовати ей прочее створиша, прочее же стадо овы избиша, другыя же злѣ разгнаша, уязвивше. Симже образомъ боюся, да не будеть на насъ, аще съ мною послѣдьствовати имаши, да не излѣшен буду твоего сужительствиа и многомъ зломъ ходатай буду другомъ моимъ <...>»

<...> По отшествии Варламовѣ <...> Арахия <...> яко второй от царя <...> саномъ, вѣща: <...> «Азъ старца свѣдаю единого пустынника, Нахорь нарицаемъ, подобникъ Варламу всимь... нашея веры <...> и учителя моего въ учении бывша <...> Сего поставимъ яко Варламъ именовати его <...> Таче многымъ со прѣниемъ побѣжаемъ весма побѣженъ будеть. И сиа видя царевъ сынъ, яко Варламъ побежѣнъ бысть, <...> прелстивша его истовьствуеть <...>».

<...> Тогда бо повелъ царь всѣмъ събратися идолослужителемь и християномъ... Въведенъ же убо бысть Нахорь въ Варлама мѣсто отвѣщавати <...>

Глагола царь к вѣтиямь своимъ и премудрым: «<...> Се бо подвигъ предълежить <...> подобаеть бо которому быти днесь в нас или наша утвердити, блазнитися Варламомъ и иже с нимъ. Аще же обличите я, то <...> вѣнци побѣдными вѣнчаномъ быти. Аще ли побѣженѣ будете, <...> злою смертию умретѣ».

<...> Сынъ его ...явлениемь ему от Бога сномъ... превращение разумѣвъ... глагола къ Нахору: «<...> Аще ли побѣженъ будеши <...> руками своими сердце твое и языкъ твой искоренивъ, псомь на снѣдь сия съ прочимь тѣломь твоимь дам, да устрашятся вси тобою не прелщати сыны царевы». Сия глаголы услышавъ, Нахоръ унылъ бысть зѣло и осрамлен, видя себе впадша в ровъ, иже створи... Размысливъ убо себе приложитися паче к цареву сыну и его вѣру утвердить <...>

отверзъ уста своа, якоже Валамль оселъ[12] яже непреложнаа рещи та изглагола, и глагола къ царю:

«Азъ, царю, прилежаниемь Божиемь приидохъ в миръ и видивь небо и землю и море, солнце и луну и прочая, чюдихся красоту сихъ. Видивь же всего мира и сущая вся в немь, яко нужею и движема суть, разумѣхъ движащему и одержащю я есть Богъ. Все бо подвижаа крѣпкое есть движемаго и одержителнаго крѣплѣе держимо есть. Тому убо глаголю Богъ есть въставивьшему вся и одержащему, безначална и вѣчна, бесмертна и не требуя ничтоже, вышѣ всѣхъ грѣховъ и прегрѣшений, гнѣва *же и* забвение и творимая недоумѣвание и прочаа. Всяческая имь составлена быша. Не требуеть ни жертвы, ни требища, ни всихъ видимыхъ, *вси* же его требують.

Сия тако глаголана о бозѣ, якоже во мне вмѣсти о немъ глаголати, придемь же от человеческаго рода яко да видимъ, которѣи их держать истинну и которѣи соблазнь. Явѣ бо есть нам, о царю, яко три родѣ суть человечестии в семь мирѣ, в нихже суть поклонителе вама глаголемыхъ богъ, июдеяне, християне. *Тѣ же* пакы, иже многыя чтяще богы, на три роды раздѣляются, на халдѣяны и на еллины и на егуптяны, си бо быша начальници и учителе и прочимь языкомь, многоименных богъ служителе. Видимь убо, которѣи ихъ держатся истинны и которѣи прелсти.

Ибо халдѣяне, иже не вѣдающе бога, прелщенѣ быша послѣдовати стихий и начаша честити тварь паче створившаго ихъ,[13] ихъже образъ нѣкоторыхъ створше, нарекоша от изображениа[14] небеснаго и земьнаго, и морю, солнцю же и луне и прочимъ стухиамъ и звѣздамъ и поставивше я в капищехъ, кланяются, богы наричюще, ихъже и стрегуть с твердию да не унырими будуть от разбойникъ, и не разумѣша, яко стрѣгий вяще стрегомаго есть и творяй творимаго есть, ибо аще невозможнѣ бозѣ ихъ о своемь спасении, како инѣмь спасение даровати имуть. Блазнию бо великою соблазнишася халдѣяне, чтяще кумиры мертвеца и не позна я. И дивовати ми ся хощеть, о царю, тако глаголемии премудрии ихъ не разумѣша, яко и та стухиа тлѣеми суть бози, како кумиры, яже створена в честь ихъ, бози суть.

Придемъ убо, царю, и на сиа стихиа, яко да явимъ о нихъ, яко не суть бози, но тлѣема, измѣняема, от небытиа въ бытие створена повелениемъ истинным Богомъ, иже есть нетлѣемый, неизмѣнуемый и невидимъ, самь же всяческаа видить и якоже хощеть именуеть[15] и прелагает. Что убо глаголемь о стихиях?

Мняще небо есть богъ блазняться. Видимь бо его прелагаема и нужею движема и многыми уставлена, имьже красота же строй есть нѣкоего художника, устроено же начало и конець имы есть. Небо движется нужею светилома своима, ибо звѣзды чиномь и преступлениемь водими суть, знамениа въ знамение, ови бо заходять, и друзии же восходять и по вся лѣта шествование творять да совершать жатву и зиму, якоже повелѣно имъ есть от Бога, и не преступають своихъ повелений по разрушению естественою нужею с небесною красотою. Тѣмь явѣ есть, яко нѣсть небо богъ, но дѣло Божие.

Мнящеи же землю есть богъ либо богыню, и тии соблазнишася. Видимь бо ю человекы досажаема и обладаема, и возмѣшаема, и копаема ими, и неключима бываема. Аще бо испечена будеть, то мертва будеть, ибо от скудѣли прозябаеть ничтоже. Еще же наипаче мочима будеть, тлѣеться и сама, и плодъ ея. Топчема же человекы и прочихъ скотинъ, кровию убиеныхъ оскверняется, рыема наполняема мертвыхъ телесъ ковчегъ бываеть. Симь такомь сущемь не подобаеть земли богыни быти, но дѣло Божие на требование человеком.

Мнящеи же воду бога суща облазнишася. И та бо на требование человекомь бысть и одаляема ими, оскверняется и тлеема есть, измѣняется варима и вапы же размесима, и студеньствомь мразима, и кровию оскверняема и на нечистоту всякую на омывание и на опирание носима. Сего радѣ невозможно водѣ быти богомь.

Огнь бо бысть на требование человекомь и одаляемь, и мимоносимь от мѣста на мѣсто на варитву и на печитву всякимь мясомь, еще же и мертвыми телесы. Тлѣемь есть и многыми образы от человекъ огашаемь есть. Сего ради не подобаеть огню богомь быти, нъ дѣло Божие.

Мняще же человека суща бога блазнятся. Видимь бо его движема нужею и питуема, и състарѣющася, и не хотящю ему. И когда бо радуется, когда же печаленъ будеть, требуя пища и питиа и одежа. Сущю же ему гнѣвливу и невниму, небрегому и прѣгрѣшениа многа имуща, гыблема же многими образы от стихий и животинами, и от предлежащаа смерти. Неподобаеть убо человеку быти богомь, но дѣло Божие. Блазнятся убо и прелестию велиею прелщени быша халдѣяне, послѣдующе желаниемъ своимъ. Вѣрують бо во тлимаа стухиа и мертвыхъ кумиръ и не разумѣюще сиа богы творять.

Придемь убо къ елиномъ, что ти домышляються о бозѣ. Убо еллини премудрии глаголюще сущи уродѣви быша, хужьше халдѣянъ, приводяще богомь многомь бывшемъ мужьскых полъ, другыя и женьскыхъ полъ всяческыми грѣхи и всякы дѣлы безаконными. Тѣмъ смѣшеныхъ и уродивыхъ и нечестивыхъ глаголъ въведоша елини, о царю, не сущихъ богъ нарекоша богы по желанию своему злому, да суперникы сиа имуть от злыхь дѣяний и о злобѣ, прелюбы творят, въсхыщають, прелюбодеяние съ убийствомъ купно творять. Ибо бози ихъ таковаа створиша. От таковыхъ убо начинаниа прелестных ключися человекомъ брань имѣти и крамолъ частыхъ и закалание, и убийство, и пленение горкое. Нъ и по единому богомъ ихъ узриши безмѣстие и сквернаа дѣла ихъ, яже быша ими.

Преже всѣхъ богъ бысть им Кронь, и сему жертву творять своа чада, иже имѣяше детищь много от Рее жены, и възбесився изьядая чяда своя. Глаголють же урѣзати истеса своя[16] и въврещи в море, тѣмь Афродѣи бысть лжа. Связавъ убо своего отца, Зеусъ вложи его въ тимение.[17] Видиши прелесть и блазнь, и скверное зазрѣние ихъ, и блудъ, егоже воводять на богъ свой? Подобаеть ли и богу связаному быти истесомъ урѣзана? Оле неразумие разума имѣющимь сиа имаеть изглаголати.

Вторый же въводим есть Зеусъ, емуже глаголють царствовавша богомъ ихъ и преображатися во животины, яко да прелюбы творить с мертвыми[18] женами. Въводять сего преобразившюся въ юнець къ Европии,[19] а въ злато къ Данаинѣ, или коствованикомъ къ Антиопии, и въ градъ къ Емелини. Таче быти от тѣхъ женъ чада многа, Диониса, и Зифона и Афиона, Ираклина и Аполона, и Артемина и Персѣяна, Кастера же и Елина, Поледевки и Миноя, и Радаманфина, и Сарпидона, и девять дщерий, ихьже нарекоша богынѣ.[20] По семьже вводять яже о Ганимидинѣ. О царю, человекомъ подоблятися сиимъ всимъ и быти прелюбодѣйцемь, и ко мужескому полу бѣсование, и иныхъ злых дѣлъ дѣлателемь по подобьствию бога ихъ. Како убо довлити богу быти прелюбодѣяннику и къ мужескому полу похотника ли отцьубийца?

Съ сими же Ифестона нѣкоего приводять бога, держаща млатъ и клѣщѣ и кующу пищѣ радѣ. Убо требует ли богъ, иже не подобаеть богу си творити ли у человекъ просяща?

Таче Ермия въводять бога суща, желателя и тати, и хыщника, и вълъхва, и сухорука, словесемь толковати, еже не довлеть богу быть таковымь.

Асклипия же въводять бога суща и врача, и строителя былиемь, и помазателя пищи ради, проситель бо бѣ, послѣдь же поражену ему быти Диемь Дара[21] ради Лакодемонова сына и умрети. Аще Асклипий богъ сый пораженъ не возможе себѣ помощи, како инѣмъ помощи можеть?

Арѣй же въводится богъ сы воиникъ и ревнитель, и желатель скотинамъ и иному пленению, послѣди же ему прелюбодѣяние створившю съ Афродитиею, связану ему были от дѣтищю Еротомь и Ифестом. Како убо богъ бысть желатель и воиникъ, связанъ и прелюбодѣиць?

Деониса же воводять бога суща, на нощныя праздникы вводя и учителя пианьствию, и исхытающа искреных своихь женъ, и бѣсующася, и бегающа. Послѣди же убиену быти от титанъ. Аще убо Дионисъ от убийства себъ не возмоглъ помощи, нь бѣсуяся бысть пианица и бѣгатель, како бысть богъ?

Ираклея же воводять бога суща. Упившюся ему бѣсоватися и чада своа закалати, таче огнемь съжену быти и умрѣти. Кака убо богъ бысть пияница и чадоубийц и съженъ, како ли инѣмъ помощи хощеть, себѣ помощи не возмогый?

Аполона же въводять бога суща, ревнителя еще же и стрелца и тулъ держаща, овогдаже гудуща и пѣснотвора, и волхвующа человекомъ мзды ради. Убо проситель есть, якоже не подобаеть богу просителю быти и ревнителю и гудцю.

Артемию же воводять, сестрѣ его сущи, ловящи и лукъ имущи с туломъ, и сей ристати по горамъ единой со псы, яко да уловить елень ли инорогъ. Како убо есть богыни таковая жена и ловителница, рищющи со псы?

Афродитию же глаголють и си богыни сущи, прелюбодеица, овогдаже имяше прелюбодѣйника Арина, овогдаже Анхисина, овогда же Аданина, егоже искаше, смерть плачющи рачителя своего, иже глаголють, и въ адъ съшедъшю, яко да искупить Адонона от Персефонъ. Видѣ ли, о царю, вящьща сего безумиа, богыни воводити убийци, прелюбодѣици, рыдающи и плачющи?

Адона же воводять бога суща, ловца и злою смертию умрѣти, уязвѣна от сына[22] и не могша помощи окаяньствию своему. Како убо человекомъ прилѣжание сътворити можеть прелюбодѣйникъ и ловець и злосмертный?

Сия вся и много таковых, много множайша и сквернейша и злѣйша въведоша еллини, царю, от богъ своихъ, ихъже поистѣнѣ недостоить глаголати, ни в память приносити. Тѣмь приемше человеци таковыя вины от богъ своихъ творяху всякого безакониа и скверненое зазрѣние и бесчестие, оскверняюще землю и воздухъ злыми своими дѣянии.

Егуптяне же безумнѣйше и неразумнѣйше сихъ, уродѣвѣйше суще языкъ всѣхъ облазнишася, ибо не доволнѣ быша халдѣйсти и елиньстѣй вѣрѣ и покланянию, нъ еще и неразумныхъ скотинъ въведоша, богы наричаще, земныя бо и водныя, и древа, и зелиа, всякымъ бѣсовьствиемъ и скверныимъ зазрѣниемь хужьше всѣхъ языкъ, сущихъ на земли. Изначала бо вѣроваху въ Исону, имущи мужа и брата Осерна именемъ, заколена братомъ своимъ Туфоном, и сего ради бѣгаеть Исида съ Оромъ сыномъ своимъ увидивъ[23] суръстѣй, исщущи Осирида и горко рыдающи, дондеже възрасте Оръ и уби Туфона. Да не возможе Исиа помощи брату своему ни мужю, ни Осиръ убиемы Туфономъ възможе заступити его, Туфонъ же братоубийца, погубляемъ Оромъ и Исидою, не можеть себе избавити от смерти. Таче таковымъ бытиемъ вѣдоми суще ти бози от неразумныхъ егуптянъ въмѣними быша и не о сѣх еже доволнѣ быша ли прочиихъ вѣръ язычных и неразумных скотинъ въведоша богы суща, нъ нецꙇи от них овцамъ, ини же козломъ, етерѣи же телцемъ *и коркодилу, змии и псу, и влѣку, и курицы, и тряпяску, и аспиду, и лукуду, и плейму, и чесновитку,* и неразумеша, окаании, о всѣхь сихъ, яко ничтоже могуть.

Приидемъ убо, о царю, и к июдеомъ, яко да видим, что мыслять о Бозѣ. Си бо Аврамова ищадиа и Исакова и Яковля,[24] суть пришѣльствова въ Егупетъ, оттудѣже изведе я Богъ “рукою крепкою и мышцею высокою”, Моисѣемъ законодавцемъ ихъ и чюдесы многыми и знамениемъ показана имъ свою силу, нъ неразумнѣи явишася и непохвалнѣ, и многажды служиша языческу поклонянию и вѣрѣ, и посланымъ къ нимъ пророкы и праведникы избиша. Таче яко изволѣ Сынъ Божий прити на землю, негодовавше на нь, предаша и Пилату игѣмону римьскому, и осудивше, распяша и, не постыдившѣмъся добродътельствиа его и бесчисленыхъ чюдесъ, ихъ в них сътвори. И погыбоша своимъ безакониемъ, вѣрующе бо и нынѣ Богу единому Вседержителю, нъ не с разумомъ, Христа бо отмѣтаются Сына Божиа, и суть безаконици. Симь бо егда како приближатися истѣнѣ мнять, от нея же удалишася. О июдѣехъ бо тако есть.

Крестияне же родословять поченъше от господа Иисуса Христа. Сеже Сынъ Божий вышняго исповѣдаемъ есть, Духомь Святымъ с небесе сшед спасения ради человечьскаго, от Девы святыя рожься без сѣмени же и без истлѣния плоть въсприим и явися человекъ, яко да от многобожныя прелести възвратити человекы, и кончавъ дивнаго своего смотрения и распятиемъ смерть вкуси волею своею смотрениемъ великымъ. По трехъ же днехъ въскресе и на небеса взиде. Егоже слава пришествиа его от самех христианъ нарицаемое евангельское Писание подобаеть ти разумѣти, царю, аще бесѣдовати хощеши разумети. Се Христосъ 12 имяше ученикъ, си по вознесении его еже на небеса изидоша в начальствие всея вселеныя и научиша величествиа его. Единъ же от нихъ приде в нашю страну повеление проповѣдаа истины. Тѣмъ еще на службу оправданиемъ проповѣданиемь ихъ нарицаются крестияне, паче всѣхъ языкъ обретше истину. Свѣдають бо Бога творца и сѣдѣтеля, имъже всяческаа быша Сыномъ единочядымъ и Духомъ Святымъ. Иного бога паче сего не чтять, ни кланяются, имѣють же заповѣди гопода Иисуса Христа въ сердци ихъ написана, тыя храняще, чяють въскресение мертвымъ и жизнь будущаго вѣка. Не имуть прелюбодѣяти ни любодѣяти, не лжесвѣдительствують, не вжелають чюжаго, чтуть отца и матерь и искрених другъ, праведно судя, елико не хотять себѣ имъ да будеть, и иному не творять, обидящаа ихъ призывають тѣшаще и другы себѣ творять, на добродѣтельствиа тщаться; кротци суть и милостиви; от всякого счетаниа безаконна и от всея нечистоты въздержаться; вдовици не презрять, сиротамъ скорби не творять; имея неимеющему безь зависти подаваеть. Странна аще узрять, под кровь вcovodять и радуются о немъ яко о братѣ истѣннѣмъ, ибо не по плъти их братию нарицають, нъ сердцемъ и душею. Готовѣ суть Христа ради душа своя предложити; повелениа же его твердо хранят, преподобно и праведно живуще, якоже Господь богъ имъ повелѣ, благодарствующе его въ вся часы о всякой пищи и питии и прочихъ благъ. Поистинѣ убо тъ есть истинный, еликоже ихъ шествують по немъ, руководствуеть въ вѣчное царствие, обѣтованую Христомь в будущую жизнь.

И да вѣдай, царю, яко не о себѣ сиа глаголю, приклонився въ книгы крестианьскы, обрящеши ничтоже, кромѣ истино мя глаголюща. Добрѣ убо разумѣ и сынь твой, поистинѣ научи служити истинному Богу и спастися в будущий вѣкь шествующу ему. Яко велиа бо и чюдна християны глаголемая и творима, ибо не человечьскых глаголъ глаголють, нъ Божиа. Прочии же языцѣ блазнятся и блазнять себе и слушающимъ ихъ, шествующе бо во тмѣ падуть самѣ, яко пиани суще. Доселѣ к тебѣ мое слово, о царю.

Иже поистинѣ разумомъ моимъ изглаголана, сего ради да умолкнуть неразумнии твои премудрии, в пустошь бо глаголють на Господа. Подобаеть бо Бога Творца чтуще и кланяющеся и нетлѣнныхъ его глаголъ внушити, да суда избѣгше и мукъ, жизни негыблющиа явитеся наслѣдници».

[1] *...из утреняя Ефиопьскыя страны, глаголемыя Индейскыя страны...* — В греческом тексте «Повести...» произошло смешение топонимов Эфиопии и Индии. Греческая космография не знала внутренней Эфиопии, но уже в «Географии» Птолемея есть разделение Индии на внутреннюю и внешнюю. У христианских авторов, например у Козьмы Индикоплова, внутренней Индией назывались Эфиопия и Южная Аравия.

[2] *...святый град...* — Имеется в виду Иерусалим.

[3] *...бесовьстѣй прелести...* — идолопоклонству.

[4] *...от халдѣян...* — В древности в Греции халдеями называли вавилонских жрецов, обладавших познаниями в области философии, медицины и особенно астрономии и астрологии.

[5] *Въ градѣ Домосѣ...* — Ошибка переводчика: в греческом тексте ἐν πόλει δὲ ὅμως ἰδιαξούσῃ (в городе же особом) он два слова δὲ ὅμως (же) принял за название города Домоса.

[6] *...преподобника...* — Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «проповедника» (греч. κήρυξ — глашатай).

[7] *Четырѣ же аспиды еже о прегрѣшеных и безмѣстныхъ стухый...* — В древнегреческой натурфилософии четыре стихии, или элемента (στοιχεῖον) — первовещества природы, из которых состоит также и человеческое тело: вода, огонь, воздух и земля.

[8] *...увидѣ...* — Ошибка переписчика. В протографе, видимо, было «увѣде» (греч. ἔγνω — знать).

[9] *...начялствие...тмѣ вѣка сего...* — Ср. Ефес. 6, 12.

[10] *...в землю тмы...житиа человечьскаго...* — Иов. 10, 22.

[11] *...учителей видящимъ...* — Видимо, ошибка переводчика. В греческом тексте — «свидетелей и посвященных» (ἐποπταῖς καὶ μυσταῖς).

[12] *...якоже Валамль оселъ...* — Имеется в виду ослица пророка Валаама, которая, как рассказывается в библейской Книге Чисел, остановилась, увидев перед собой ангела, и, когда Валаам трижды ударил ее, чтобы заставить двинуться, заговорила человеческим языком (Чис. 22, 21—35).

[13] *...честити тварь паче створившаго ихъ...* — Ср. Римл. 1, 25.

[14] *...от изображениа...* — Неточный перевод греческого слова ἐκτυπώματα, которое было воспринято переводчиком как два слова: предлог ἐκ (от, из) и существительное τυπώματα (образы, отпечатки).

[15] *...именуеть...* — Ошибка переписчика. В греческом тексте: «изменяет» (ἀλλοιοῖ).

[16] *...урѣзати истеса своя...* — Неточный перевод. В греческом тексте: «Зевс отрезал у него детородный член...» (τὸν Δία κόψαι αὐτοῦ τὰ ἀνάγκαια). Переводчик, видимо, имя Зевса (Δία) принял за прилагательное «собственный».

[17] *...тимение...* — грязь. — Так переводчик понял греч. слово Τάρταρος — пропасть, подземное царство.

[18] *...с мертвыми...* — Ошибка переписчика. В протографе в соответствии с греческим текстом было «смертными» (θνητάς).

[19] *...Европии...* — Начиная с Европы, дочери финикийского царя, похищенной Зевсом, далее перечисляются имена персонажей греческой и египетской мифологий. В переводе эти имена даны в современной транскрипции.

[20] *...богынѣ...* — В греческом тексте — музы.

[21] *Дара* — Неверное прочтение переводчиком греческого имени Тиндарея (Τυνδάρεον): первую часть имени Τυν — он принял за артикль, а вторую за собственное имя.

[22] ...от сына... — Ошибка переводчика. В греческом тексте: «от кабана» (ὑπὸ τοῦ ὑός). Переводчик спутал два слова: «кабан» (ὕς) и «сын» (υἱός).

[23] *...увидивъ...* — Ошибка переводчика. В греческом тексте: «в Библос» (εἰς Βύβλον). Эти два греческих слова переводчик принял за одно, глагол εἰσβλέπω (смотреть).

[24] *Си бо Абрамова ищадиа и Исакова и Яковля...* — Авраам, Исаак и Иаков — библейские патриархи, родоначальники еврейского народа.

ПЕРЕВОД

КНИГИ, НАЗЫВАЕМЫЕ ВАРЛААМ, ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ, ИЗ ВОСТОЧНОЙ ЭФИОПСКОЙ СТРАНЫ, НАЗЫВАЕМОЙ ИНДИЕЙ, В СВЯТОЙ ГРАД ИЕРУСАЛИМ ПРИНЕСЕННАЯ ИОАННОМ, МОНАХОМ, МУЖЕМ ЧЕСТНЫМ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫМ, ИЗ МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО САВВЫ

<...> Страна, называемая Индийской, лежит далеко от Египта, велика и многонаселенна. <...> Правил в той стране некий царь по имени Авенир, великий богатством и могуществом <...> весьма привержен он был бесовской прелести. <...> Родился у него прекрасный сын <...> Иоасафом назвал его царь <...> В самый праздник рождения отрока пришли к царю пятьдесят пять избранных мужей, наученных халдейской мудрости звездочетства <...> Один из этих звездочетов,

самый старый и мудрый, сказал: «Как говорят мне движения звезд, о царь, преуспеяние <…> ныне родившегося сына твоего не в твоем царстве будет, но в ином, в лучшем <…> Думаю я, что примет он гонимую тобою христианскую веру…»

Царь, услышав об этом, впал в печаль вместо радости. Выстроив в городе Домосе уединенный прекрасный дворец, он поместил туда сына, как только тот вышел из детского возраста; и повелел, чтобы царевич не выходил никуда, и приставил к нему воспитателями и слугами молодых и самых красивых людей, запретив им рассказывать ему о жизни, о горестях ее <…>, чтобы <…> не услышал он ни одного слова о Христе, учении его и законе <…>

Был в то время некий монах, умудренный божественным учением, украшенный святой жизнью и красноречием <…> Варлаам было имя тому старцу. Божественным откровением дано было ему узнать о царском сыне. Покинув пустыню, <…> оделся он в мирскую одежду и, сев на корабль, прибыл в Индийское царство, прикинулся купцом и пришел в тот город, где жил во дворце царевич <…> Придя однажды, Варлаам сказал <…>: «Я купец <…> есть у меня драгоценный камень, подобного которому нет нигде; <…> может он тем, кто слеп сердцем, даровать свет мудрости, глухим открыть уши, немым дать голос <…>»

Сказал Иоасаф старцу: «Покажи мне драгоценный камень <…> Хочу услышать слово новое и доброе <…>»

И Варлаам отвечал: «<…> Был некий царь великий и славный, ехал он однажды на золотой колеснице и в окружении стражи, как и подобает царям; встретились ему два человека, одетые в рваные и грязные одежды, с изможденными и бледными лицами. Знал царь их, истощивших свою плоть телесным изнурением, трудом и потом поста. Как только увидел он их, сошел тотчас с колесницы и, пав на землю, поклонился им; поднявшись, обнял их с любовью и облобызал их. Вельможи его и князья вознегодовали на это, полагая, что сделал он это недостойно царского величия. Не смея обличить его прямо, уговорили они брата его родного сказать царю, чтобы тот не оскорблял величия и славы царского венца. Когда брат сказал об этом царю, негодуя на неуместное его унижение, дал ему ответ царь, которого брат не уразумел.

А у того царя был обычай: когда он выносил кому-либо смертный приговор, то посылал к дверям этого человека глашатая с трубой смерти возвестить приговор, и по звуку трубы узнавали все, что тот осужден на смерть. И когда настал вечер, послал царь трубу смерти трубить у дверей дома брата его. Когда же услышал тот трубу смерти, то отчаялся в своем спасении и всю ночь провел в мыслях о себе. Когда настало утро, то, одевшись в жалкие и траурные одежды, вместе с женой и детьми отправился он к царскому дворцу и встал у дверей, плача и рыдая.

Ввел его царь к себе и, видя его рыдающим, сказал ему: “О глупый и безумный, если ты так устрашился глашатая единоутробного и равного

тебе честью брата, перед каковым не знаешь никакой своей вины, то как же мог ты укорять меня за то, что я смиренно приветствовал глашатаев Бога моего, громче трубы возвещающих мне смерть и страшное предстание перед Владыкой моим, перед которым сознаю в себе многие и тяжкие грехи. Таким образом и задумал я поступить с тобой, чтобы ныне обличить твое неразумие, а также заодно с тобой советовавших укорить меня скоро открыто обличу”. И так вразумив брата своего, отпустил его в дом его.

И повелел царь сделать четыре ковчега из дерева, два позолотить и вложить в них смердящие кости мертвецов, забив золотыми гвоздями; два же других, обмазав смолою и дегтем, наполнить драгоценными камнями, дорогим жемчугом, умастив их всякими благовониями. Обвязав ковчеги волосяными веревками, призвал царь вельмож, осуждавших его за смиренное приветствие тех двух мужей, и поставил перед ними четыре ковчега, чтобы оценили они достоинства позолоченных и осмоленных ковчегов. Они же оценили два позолоченных как достойные самой высокой цены, ибо полагали, что в них вложены царские венцы и пояса. О ковчегах же, обмазанных смолой и дегтем, сказали, что они достойны малой и ничтожной цены. Тогда царь сказал им: “Знал я, что так скажете, ибо, поверхностное имея зрение, воспринимаете вы лишь внешний образ; но не так следует поступать, а внутренним зрением подобает видеть сокрытое внутри — ценное оно или не имеющее цены”.

И велел царь открыть позолоченные ковчеги. Как только раскрыли ковчеги, страшный смрад повеял оттуда и безобразное открылось взорам. И сказал царь: “Это подобие тех, кто облечен в сверкающие и дорогие одежды и горд своей славой и могуществом, внутри же полон мертвых и смердящих костей и злых дел”. Затем повелел открыть ковчеги, покрытые смолою и дегтем. И когда их раскрыли, все поразились прекрасным видом лежащего в них, и благоухание исходило из них. И сказал царь вельможам: “Знаете ли, кому подобны эти ковчеги? Подобны они тем двоим смиренным и в жалкие одежды облеченным; вы же, видя их наружный образ, поносили меня за то, что я до земли поклонился перед лицом их. Я же, разумными очами познав благородство их и красоту душевную, почел за честь для себя прикоснуться к ним, считая их дороже царского венца и лучше царской одежды”. Так устыдил царь своих вельмож и научил их не обманываться видимым, а внимать разумному» <…>

Иоасаф же ему отвечал: «Великие и дивные слова говоришь ты, человек. <…> Что же должны делать мы, чтобы избежать мук, уготованных грешникам, и удостоиться радости праведников?» <…>

Варлаам вновь отвечал: «<…> Тот, кто не ведает Бога, пребывает во тьме и смерти душевной и в порабощении идолам на погибель всей природы. <…> Чтобы уподобить и выразить неведение таких людей, поведаю тебе притчу, рассказанную мне одним мудрейшим человеком. Он говорил, что поклоняющиеся идолам подобны птицелову, который, устроив силки, поймал однажды малую птицу, называемую соловей. Взяв нож, собрался он уже заколоть ее, чтобы съесть, как вдруг соловей

заговорил человеческим голосом и сказал птицелову: “Какая тебе польза, человече, если убьешь меня? Ведь не сможешь даже наполнить мною свой желудок, но если из силков освободишь меня, то дам тебе три заповеди. Соблюдая их, великую пользу приобретешь себе во всю твою жизнь”. Подивился птицелов речи соловья и обещал, что освободит его от уз. Обернувшись, соловей сказал человеку: “Никогда не стремись достичь невозможного, не жалей о том, что прошло мимо, и не верь никогда сомнительному слову. Храни эти три заповеди и будешь благоденствовать”.

Обрадовался птицелов удачной встрече и разумным словам и, освободив птицу из силков, выпустил ее на воздух. Соловей же захотел проверить, уразумел ли человек смысл сказанных ему слов и получил ли какую-нибудь пользу от них, и сказала ему птица, паря в воздухе: “Пожалей о своем неразумии, человече, ведь какое сокровище упустил ты ныне. Есть внутри у меня жемчуг, превосходящий величиною страусово яйцо”.

Услышав это, опечалился птицелов, сожалея, что упустил соловья из рук, и, желая снова поймать его, сказал: “Приди в дом мой, и, приняв тебя как друга, с честью отпущу”. И ответил ему соловей: “Ныне оказался ты весьма неразумным. Ведь приняв сказанное тебе с любовью и охотно выслушав, никакой пользы не получил ты от этого. Сказал я тебе — не жалей о том, что прошло мимо, а ты печалишься, что выпустил меня из рук, жалея об упущенном. Сказал тебе — не стремись достичь невозможного, а ты хочешь поймать меня, не будучи в силах догнать. К этому же сказал я тебе — не верь невероятному, но ты поверил, что внутри меня есть жемчуг больше меня самого, и не сообразил ты, что весь я не могу вместить в себе такое большое страусово яйцо; как же может быть внутри меня жемчуг такой величины?” Таковы неразумием и те, кто надеется на идолов своих {...}»

И сказал Иоасаф: «<...> Я желал бы обрести путь, чтобы хранить в чистоте заповеди Божии и не уклоняться от них...»

Варлаам же отвечал: «...Те, что связаны житейскими делами, и заняты своими заботами и волнениями, и живут в наслаждениях... подобны человеку, убегающему от разъяренного единорога: не в силах вынести звука рева его и рычания его страшного, человек быстро мчался, чтобы не быть съеденным. А так как он бежал быстро, то упал в глубокий ров. Падая, простер он руки и ухватился за дерево, и, крепко держась, уперевшись ногами на выступ, считал он себя уже в покое и безопасности. Взглянув вниз, увидел он двух мышей, одну белую, а другую черную, грызущих непрерывно корень дерева, за которое он держался, и уже почти сгрызших корень до конца. Взглянув в глубину рва, увидел он дракона, страшного видом и дышащего огнем, свирепо глядящего, страшно разевающего пасть и готового проглотить его. Посмотрев же на выступ, в который уперся ногами, увидел он четыре змеиных головы, выходящих из стены, о которую он опирался. Подняв глаза, увидел человек, что из ветвей дерева понемногу капает мед. Забыв и думать об окружающих его опасностях: о том, что снаружи

единорог, свирепо беснуясь, стремится растерзать его; внизу злой дракон с разинутой пастью готов проглотить его; дерево, за которое он держится, готово упасть, а ноги стоят на скользком и непрочном основании, — забыв об этих столь великих напастях, предался он наслаждению этим горьким медом.

Это подобие тех людей, которые поддались обману земной жизни. Эту истину о прелыцающихся этим миром изложу тебе, смысл этого подобия сейчас расскажу тебе. Ибо единорог — это образ смерти, вечно преследующей род Адама и наконец пожирающей его. Ров же — это весь мир, полный всяких злых и смертоносных сетей. Дерево, непрерывно подгрызаемое двумя мышами, — это путь, который совершаем, ибо пока каждый живет, поглощается и гибнет сменой часов дня и ночи, и усекновение корня приближается. Четыре же змеиных головы — это ничтожные и непрочные стихии, из которых составлено человеческое тело; если они приходят в беспорядок и расстройство, то разрушается телесный состав. А огнедышащий и беспощадный дракон изображает страшное адово чрево, готовое пожрать тех, кто предпочитает наслаждения сегодняшней жизни благам будущей. Капля меда изображает сладость удовольствий этого мира, которыми он зло прельщает любящих его, и они перестают заботиться о спасении своем <...>

Возлюбившие же удовольствия этой жизни и наслаждающиеся ее сладостями, те, кто предпочитает быстропроходящее и непрочное будущему и надежному, подобны человеку, имевшему трех друзей; из них двух он весьма почитал и очень любил, говорил, что готов принять смерть и вынести любые испытания ради них; третьим же весьма пренебрегал, не уважал и никогда не удостоил его оказать ему честь и любовь, проявлял совсем малую дружбу, если не сказать — никакую вообще.

Однажды пришли к этому человеку страшные и грозные воины, чтобы немедля отвести его к царю отвечать за долг в десять тысяч талантов. Опечалившись, стал он искать заступника, чтобы помог ему ответить перед царем, и пошел к своему первому и самому близкому другу, говоря ему: “Ты знаешь, друг, что всегда готов был я душу положить за тебя. Ныне же и сам я нуждаюсь в помощи в постигших меня горе и нужде. Так скажи, поможешь ли ты мне теперь и на что я могу надеяться от тебя, любезный друг?” Тот же ему сказал в ответ: “Я не друг тебе, человек, и не знаю, кто ты; есть у меня иные друзья, с ними буду я сегодня веселиться и сделаю их друзьями и впредь. Тебе же дам два рубища, чтобы имел их в пути, которым пойдешь, но не будет тебе от них никакой пользы, а иной никакой не жди от меня помощи”.

Услышав это и отчаявшись в ответе того, на чью помощь он надеялся, отправился человек ко второму другу и сказал ему: “Помнишь ли, друг, сколько видел от меня чести и добрых советов? Ныне же и я в печали и в напасти великой и нуждаюсь в помощнике. Как можешь разделить со мною мои трудности, хочу знать”. Друг же ответил: “Нет у меня времени сегодня делить с тобой трудности, ибо я сам в печали и напастях, одолевших меня, и в скорби. Впрочем, немного пройду с

тобой, и если не смогу помочь тебе, то сразу вернусь от тебя сюда, свои имея заботы”.

Возвратившись и от второго друга с пустыми руками, тот человек и совсем отчаялся, оплакивая пустую надежду на помощь от своих неблагодарных друзей и бессмысленные труды, которые претерпел прежде ради любви к ним; и пошел он к третьему своему другу, которому он никогда не услужил, не приглашал, и обратился к нему со смущенным лицом и глядя вниз: “Не смею и раскрыть уст перед тобой, зная истинно, что не вспомнишь ты, чтобы я когда-нибудь сделал тебе добро или проявил дружбу. Теперь же напала на меня беда злая. Не получив совсем никакой надежды на спасение от моих друзей, я пришел к тебе и молю, если только можешь, помоги мне хоть немного, не откажи мне, памятуя о моем неразумии”. Тот же отвечал с ласковым и радостным лицом: “Я считаю тебя ближайшим моим другом и, помня небольшое твое ко мне благодеяние, сторицею сегодня воздам тебе, попрошу за тебя царя. Не бойся и не страшись, ибо я пойду вперед тебя к царю и не предам тебя в руки врагов твоих. Мужайся, любезный друг, и не будь в скорби и в печали”. Тогда, раскаявшись, сказал тот человек со слезами: “Увы мне, о чем прежде плакать мне — о любви ли, что была у меня к той забывчивой, неблагодарной и лживой дружбе, или оплачу сводящее с ума отчаяние, которое, однако, показало этого истинного и близкого друга?”»

Иоасаф, выслушав и эту притчу, удивился и попросил разъяснения, и сказал Варлаам: «Первый друг — это богатство и стремление к накоплению золота, из-за чего многие люди впадают в беды и многие терпят несчастья. Когда же приходит смертная кончина, то ничего из всего богатства не возьмет с собой человек, только на проводы напрасных друзей. Второй же друг — это жена и дети и другие родственники и домашние, к чьей любви привержены мы и ради любви к которым готовы отречься от собственных души и тела. Никакой нет от них пользы в час смертный, но до могилы только проводят, а затем сразу возвращаются, имея свои заботы и печали, похоронив память в забвении, как тело некогда любимого погребли в могиле. Третий же друг, мимо которого проходим, считаем временным, пренебрегаем им, избегаем его и которым в конце концов достигаем победы, — это лик добрых дел, а именно: вера, надежда, любовь, милосердие, человеколюбие и остальной строй добродетелей, которые могут идти впереди нас при исходе души из тела, помолиться за нас к Богу и избавить нас от врагов наших, от злых истязателей, которые движутся в воздухе, требуя безжалостно отчета от нас и непреклонно стремясь завладеть нами. Это благоразумный и добрый друг, который, помня и малое наше благотворение, воздает нам с лихвою».

Тогда Иоасаф сказал: «<…> Еще покажи мне образ этого суетного мира и как мирно и безопасно пройти эту жизнь».

Вняв ему, Варлаам сказал: «Выслушай пример и этой притчи. Слышал я про некий великий город, жители которого издавна имели обычай выбирать царем какого-нибудь чужестранца, не знакомого ни с законом того города, не знающего ничего об обычаях жителей, и ставили они

его у себя царем, и принимал он всю власть и беспрепятственно выполнял свою волю до истечения одного года. Тогда неожиданно в те самые дни, когда он жил без печали, в непрестанной обильной роскоши и думал, что царствование его будет вечно, они нападали на него и, сорвав царские одежды, нагого водили с позором по всему городу, изгоняли его и отправляли его в изгнание далеко на некий большой пустынный остров, на котором, не имея ни еды, ни одежды, горько страдал он, не надеясь уже на роскошь и веселье, но в скорби не было ему ни чаяния, ни надежды.

И вот по обычаю тех горожан был поставлен царем некий человек, весьма разумный и заботящийся о том, чтобы не быть ему таким же образом лишенным царства, чтобы внезапно выпавшее ему богатство, как и у царствовавших прежде него и безжалостно изгнанных, не сменилось на печаль; и, опечалившись, возревновал он об этом. Чтобы обезопасить себя, часто советовался он и истинно узнал от одного премудрого советника об обычае тех горожан и о месте изгнания, как и подобало ему без заблуждения знать. И когда он узнал, что ему на том острове предстоит быть, когда он будет лишен царства, открыл он свои сокровища, которые имел в своем распоряжении невозбранно, и, взяв сколько нужно золота, серебра и драгоценных камней, велел множество их отдать верным своим рабам, послав их на тот остров, куда ему предстояло отправиться.

По окончании года горожане подняли мятеж и, как и прежних царей, послали его нагим в изгнание. Прежние неразумные цари тяжко страдали от голода; этот же, послав заранее богатые запасы, жил в изобилии, имея нескончаемую роскошь, отбросив всякий страх перед теми коварными горожанами, и радовался своему мудрому и правильному решению.

Так вот, под городом разумей этот суетный мир. Горожане — это власть и господство бесов, владетелей тьмы этого мира, обольщающих нас покоем удовольствий и внушающих нам, чтобы тленное и преходящее мы принимали бы за вечно пребывающее с нами и считали бы, что все пребывающие в сладости бессмертны. И вот нас, живущих в заблуждении и никак не думающих об этом великом и вечном, внезапно постигает погибель смертная. Вот тогда-то злые и жестокие горожане тьмы, все свое время пребывавшие с нами, взявши нас, нагими отведут отсюда “в страну вечного мрака, где нет света, не видно жилья человеческого”, нет советника доброго, открывшего все истинное и научившего спасению мудрого царя, — подсоветником этим понимай мое ничтожество, ибо пришел к тебе, чтобы указать истинный путь, ведущий к вечным и бесконечным благам <...>

Притча о другом царе и о нищем. Слышал я о некоем царе, мудро правившем своим царством; был он кроток и милостив к своему народу. В одном только заблуждался он, ибо не имел света истинного богопознания, но одержим был заблуждением идолопоклонства. Был у него советник добрый и украшенный всяким благочестием к Богу и всей остальной добродетельной премудростью, который печалился и скорбел о заблуждении царя и желал обличить его в этом. Но медлил с

этим, боясь повредить себе и своим близким и лишиться приносимой им для многих пользы, и искал он благоприятного времени, чтобы привлечь царя к истинному благу.

И сказал ему однажды ночью царь: “Давай выйдем и походим по городу, не увидим ли что-нибудь полезное”. Идя по городу, увидели они луч света, исходящий из небольшого оконца, и, заглянув в это оконце, увидели они жилище под землею вроде пещеры, в котором сидел человек, живущий в крайней нищете и одетый в убогое рубище. Перед ним стояла жена его, наливая вино в чашу. И когда муж принимал от нее чашу, она пела, увеселяя его, и плясала, и ублажала мужа похвалами. Все, кто были вокруг царя, слыша это, дивились тем, кто среди столь тяжкой нищеты, не имея ни дома, ни одежды, пребывает в такой веселой жизни.

И сказал царь первому советнику своему: “О чудо, друг, ведь ни мне, ни тебе, живущим в такой славе и роскоши, жизнь никогда не была столь мила, как ничтожная и жалкая жизнь этих неразумных людей наслаждает их и тихо веселит, и радостной кажется эта злая и незавидная жизнь”. Воспользовавшись удобным случаем, советник сказал: “А какою кажется тебе, царь, жизнь этих людей?” Ответил царь: “Из всех жизней, какие мне пришлось видеть, это самая тяжкая, нелепая, поруганная и безобразная”. Тогда сказал ему советник: “Так знай же, царь, что наша жизнь гораздо хуже жизни тех, у кого мы должны учиться, кто видит истину вечной жизни и славу превосходящих все благ; дома же, сверкающие золотом и светом, одежда и прочая роскошь этой жизни неприемлемы, мрачны и некрасивы для глаз тех, кто видел несказанные красоты небесных нерукотворных жилищ, боготканых одежд и нетленных венцов” <...>

Слышал я, — сказал Варлаам, — что этот царь жил далее в истинной вере и благочестии, и спокойно прожил, и окончил свою жизнь, достигнув блаженства будущей жизни». <...>

<...> Сказал Иоасаф старцу: «<...> Возьми меня с собой и уйдем отсюда <...>».

Ответил ему Варлаам: «Один богатый человек вскормил молодую серну. Когда она подросла, то затосковала по свободе, влекомая прирожденным стремлением. Выйдя однажды, увидала она стадо пасущихся серн и пристала к ним; бродила она с ними по полям, а вечером возвращалась в дом, в котором была вскормлена, утром снова выходя, по недосмотру слуг, чтобы снова пастись со стадом диких серн. Когда однажды стадо отошло далеко, последовала и она за ним. Слуги богатого человека, увидев это, сели на коней и погнались за стадом; поймав свою серну, они вернули ее домой и заперли, чтобы не смогла выйти; из остального же стада они кого убили, кого разогнали, поранив. Боюсь, чтобы не было таким же образом и с нами, если ты последуешь за мной, чтобы не лишиться мне твоего сожительства и не причинить многих бед товарищам моим <...>»

<...> После того, как ушел Варлаам <...> Арахия <...> второй после царя <...> саном, сказал <царю>: «<...>Знаю я одного старца-пустынника по имени Нахор, который весьма похож на Варлаама... Он нашей веры <...> и мой учитель. <...> Представим Нахора за Варлаама. <...> В состязании с нашими мудрецами о вере он окажется побежденным. Царевич же, увидев это — поражение Варлаама, поймет, что тот ввел его в заблуждение».

<...> Тогда повелел царь собраться всем, и идолопоклонникам, и христианам... И приведен был Нахор, мнимый Варлаам, для спора <...>

И сказал царь ораторам и мудрецам своим: «<...> Предстоит вам подвиг <...> подобает сегодня ему быть нашим и утвердить нашу веру, а Варлаам, и те, кто с ним, окажутся заблуждающимися. Если обличите его, то <...> будете увенчаны победными венцами. Если же будете побеждены, <...> умрете жестокой смертью».

<...> Сын царя... узнав об обмане через посланный ему от Бога сон... сказал Нахору: «Если будешь побежден <...>, то своими руками вырву я сердце твое и язык и отдам на съедение псам вместе с остальным твоим телом, чтобы устрашились все твоим примером совращать царских сыновей». Услышав это, Нахор стал весьма уныл и пристыжен, видя, что упал в яму, которую сам вырыл... Размыслив, он решил стать на сторону царевича и утвердить его веру <...>; отверз он свои уста, как некогда Валаамова ослица, решив изречь непреложное, и сказал, обращаясь к царю:

«Я, о царь, по промыслу Божию пришел в мир и, увидев небо и землю, и море, солнце и луну, и все остальное, изумился красоте их. Увидев, что мир и все сущее в нем движутся по необходимости, уразумел я, что движущий и держащий все есть Бог. А все движущее сильнее движимого и держащее крепче держимого. Поэтому и утверждаю я, что Бог есть тот, кто создал все и устроил, он безначален и вечен, бессмертен и не зависит ни от чего, он выше всех грехов и прегрешений, гнева и забвения, того, что творит неведение, и всего остального. Все существует только через него. Он не нуждается ни в жертвах, ни в возлияниях, ни во всем остальном внешнем, но все нуждаются в нем.

После того, как я сказал о Боге то, что он удостоил меня сказать о нем, перейдем теперь к человеческому роду и увидим, кто обладает истиной, а кто пребывает в заблуждении. Известно нам, царь, что есть три рода людей в мире: почитатели ваших так называемых богов, иудеи и христиане. В свою очередь, те, кто почитает многих богов, разделяются на три рода: халдеи, эллины и египтяне; эти три народа были родоначальниками и учителями прочих народов, почитающих многих богов. Посмотрим же теперь, кто постиг истину и кто заблуждается.

Халдеи, не знающие истинного бога, будучи введены в заблуждение из-за существующих стихий, начали почитать сотворенное более творца; сделав некоторые изображения, они назвали их подобиями неба и земли, и моря, и солнца, и луны, и остальных стихий и звезд, и,

поставив их в храмах, поклоняются им, называя их богами, и охраняют их надежно, чтобы не украли их грабители; и не сообразили они, что стерегущий сильнее охраняемого и создавший выше созданного; если же не в силах их боги охранять самих себя, то как же могут даровать спасение другим? Итак, в великое заблуждение впали халдеи, почитающие мертвых и бесполезных идолов. И дивлюсь я, о царь, как те, кто называются у них мудрецами, не смогли понять, что если те стихии тленные не являются богами, то как же идолы, сделанные в их честь, могут быть богами?

Перейдем теперь, о царь, к самим стихиям, чтобы показать, что не боги они, но тленны и изменяемы, вызваны из небытия в бытие повелением истинного Бога, который нетленен, непреложен и невидим, сам же все видит и как хочет именует и изменяет. Что же скажу о стихиях?

Считающие небо богом заблуждаются. Ибо видим мы, что оно изменяется и движется по необходимости и состоит из многих частей, а красота есть устройство некоего искусного мастера; все устроенное имеет начало и конец. Движется же небесный свод по необходимости со своими светилами; звезды же движимы по порядку и пути своему, от созвездия к созвездию, одни заходят, другие восходят, и во все времена года совершают они свой путь, меняя лето и зиму, как повелено им Богом, и не преступают своих пределов, не нарушают естественного течения в соответствии с небесным порядком. Откуда явствует, что небо не бог, но творение Божие.

Считающие землю богом или богиней также заблуждаются. Ибо видим мы, что она оскверняется людьми, находится во владении у них, они размешивают и копают ее, и становится она непригодной. Если ее жечь, то делается мертвой; так, из черепицы ничто не произрастает. Если же, в особенности, намокает, истлевает сама и плодее. Топчут ее и люди, и животные, оскверняют кровью убитых, роют ее, и становится она ковчегом мертвых тел. И поскольку так обстоит все это, то невозможно, чтобы земля была богом, но она есть творение Божие на пользу людям.

Считающие воду богом заблуждаются. Ведь и она также существует на пользу людям; они распоряжаются ею, она оскверняется и уничтожается ими и изменяется; ее кипятят и меняют цвет ее красками, и твердеет она от холода, и оскверняется кровью, и употребляется для мытья всего нечистого, и носят ее для стирки. Поэтому невозможно воде быть богом.

Огонь также создан на пользу людям, они распоряжаются им и переносят его с места на место для жарения и варения всякого мяса, а также для сожжения мертвых тел. Он уничтожаем, и многими способами люди погашают его. Поэтому не подобает огню быть богом, он лишь творение Божие.

Считающие человека богом заблуждаются. Ибо видим, что и он подчиняется необходимости, и употребляет пищу, и стареет против своей воли. Он то радуется, то печалится, нуждаясь в пище, питье и

одежде. При этом он бывает гневен, ревнив, бывает в пренебрежении, имеет многие недостатки; он уничтожим разными способами, от стихий и животных и от предстоящей ему смерти. Поэтому нельзя считать человека богом, но лишь творением Божиим. Итак, в великое заблуждение впали халдеи, следуя своим выдумкам. Ведь почитают они тленные стихии и мертвых идолов и не понимают, что сами творят из них богов.

Перейдем теперь к эллинам, что же они думают о Боге. Эллины, считающие себя премудрыми, еще более оглупели, чем халдеи, утверждая, что существуют многие боги, одни мужского пола, другие женского, являющиеся творцами всяких грехов и беззаконных дел. Поэтому смешные, глупые и нечестивые речи, о царь, говорят эллины, провозглашая несуществующих богов по своим собственным дурным страстям, чтобы, имея их защитниками злых деяний и злобы, могли бы они прелюбодействовать, красть, творить прелюбодеяния вместе с убийствами. Ибо боги их совершали таковые дела. Вот от этих-то заблуждений и начались у людей войны, и частые мятежи, и убийства, и тяжкие пленения. Но и по каждому из их богов увидишь бессмыслие и дурные дела, которые пошли от них.

Первый из всех богов у них Кронос, и ему приносят они в жертву детей своих; у него было много сыновей от жены Реи, но, впадая в безумие, съедал он детей своих. Говорят, что он отрезал свой детородный член и бросил в море, откуда, как рассказывают в баснях, и появилась Афродита, Связав своего отца, Зевс вверг его в тартар. Видишь теперь, как они заблуждаются и обманываются, приписывая распутство богам своим? Подобает ли, чтобы бог был связан и лишен детородного члена? О неразумие, кто из имеющих разум может сказать такое?

Вторым почитается у них Зевс; о нем говорят, что он царствует над богами и превращается в животных, чтобы прелюбодействовать со смертными женщинами. Рассказывают, что он превращался в быка ради Европы, в золото ради Данаи, в сатира ради Антиопы и в молнию ради Семелы. От этих женщин родилось потом у Зевса много детей: Дионис, Зет, Амфион, Геракл, Аполлон, Артемида, Персей, Кастор и Елена, Полидевк, Минос, Радамант, Сарпедон и девять дочерей, которых называют богинями. Потом рассказывают они о Ганимеде. Так вот, царь, люди стали подражать всему этому и впали в разврат, и в преступную страсть к мальчикам, и в другие дурные дела, по подобию богов их. Как может быть богом прелюбодеец и мужеложник или отцеубийца?

Вместе с теми почитают они богом и некоего Гефеста, владеющего молотом и клещами и занимающегося кузнечным ремеслом ради пропитания. Разве требуется что-нибудь богу и может ли быть, чтобы бог занимался таковым делом и просил у людей пропитания?

Далее, почитают они богом Гермеса, лихоимца, вора, гадателя и увечного, истолкователя снов, но не подобает, чтобы таковым был бог.

Почитают они бога Асклепия, врача, составляющего лекарства и притирания пропитания ради, ибо и он в нужде, а потом Зевс поразил его насмерть из-за Тиндарея-лакедемонянина, и умер он. Если Асклепий, будучи богом, не смог помочь самому себе, пораженный громом, то как может он помочь другим?

Арес почитается ими как бог, воитель, завистник, жадный до стад и другого имущества; затем его, прелюбодействовавшего с Афродитой, связали Эрот и Гефест. Как же может быть богом алчный воитель, заключенный в оковы, и развратник?

Почитают бога Диониса, устроителя ночных празднеств, научившего пьянству, увлекающего за собой чужих жен, впадающего в безумие и беглеца. Убит он был потом титанами. Если же Дионис не мог себя спасти от убийства и был безумцем, и пьяницей, и беглецом, то как может он быть богом?

И Геракла почитают они как бога. Он же, опьянев, беснуется и убивает своих детей, а затем сгорел в огне и умер. Как же может быть богом пьяница и детоубийца, сгоревший в огне, как же может помочь другим тот, кто не смог защитить себя?

Считают они богом Аполлона, завистника, держащего лук и колчан, иногда играющего и сочиняющего песни, и гадающего людям за плату. Стало быть, он в нужде, но не подобает, чтобы богом был нуждающийся, и завистник, и играющий.

Почитают они Артемиду, сестру Аполлоиа, охотницу, обладательницу лука с колчаном, носящуюся по горам со сворой собак, чтобы выследить лань или вепря. Как же может быть богиней такая женщина и охотница, бегающая со сворой псов?

Об Афродите говорят, что и она богиня и прелюбодеица, ибо творит она прелюбодеяния то с Аресом, то с Анхизом, то с Адонисом, смерть которого оплакивает она в поисках своего возлюбленного; рассказывают, что и в ад спускалась она, чтобы выкупить Адониса у Персефоны. Видел ли ты, о царь, большее безумие, ведь вводят они в качестве богини убийцу, прелюбодеицу, рыдающую и плачущую.

Считают они богом Адониса, охотника, который погиб тяжкой смертью, убитый сыном, и не смог помочь несчастью своему. Как же может позаботиться о людях прелюбодей и охотник, погибший насильственной смертью?

Все это и много подобного и великое множество ужасного и дурного придумали эллины, о царь, о богах своих; о них поистине грешно и говорить, и держать их в памяти. А люди, беря такие примеры со своих богов, творят всякие беззакония, и скверные и злые дела, и бесчестие, оскверняя землю и воздух злыми своими деяниями.

Египтяне же еще более глупы и неразумны, впали в заблуждение хуже всех остальных народов, ибо они, не довольствуясь халдейской и

эллинской верой и поклонением, стали поклоняться еще и лишенным разума животным, земным и водным, называя их богами, и деревьям, и травам; своим всяким безумием и скверными делами они хуже всех народов, сущих на земле. Сначала веровали они в Изиду, имеющую брата и мужа по имени Озирис, убитого братом своим Тифоном, и потому бегает Изида с сыном своим Ором по сирийской земле, ища Озириса и горько плача, пока не возрос Ор и не убил Тифона. И ни Изида не могла помочь своему брату и мужу, ни Озирис, убиваемый Тифоном, не мог противостоять ему; ни Тифон-братоубийца не смог избавить себя от смерти, погубляемый Ором и Изидой. И пребывающие в таковых несчастьях, были они признаны богами неразумными египтянами; и египтяне, не довольствуясь этими или другими предметами поклонения язычников, также ввели в качестве богов и лишенных разума животных, ибо некоторые из них поклоняются овце, другие козлу, иные тельцу, другие крокодилу, змее, и собаке, и волку, и курице, и обезьяне, и аспиду, и луку, и терну, и чесноку, и не поняли, окаянные, что не могут они ничего.

Перейдем теперь, о царь, и к иудеям, и посмотрим, что они мыслят о Боге. Ибо они — потомки Авраама, Исаака и Иакова, пришли в Египет, откуда вывел их Бог рукою крепкою и мышцею высокою через Моисея, законодателя их, многими чудесами и знамениями показал им свою силу, но они оказались неразумными и неблагодарными и часто служили языческому поклонению и вере, а посланных к ним пророков и праведников убивали. После же того как Сын Божий соизволил прийти на землю, они, отвергнув его, предали его Пилату, начальнику римскому, и, осудив, распяли его, не устыдившись благодеяний его и бесчисленных чудес, которые он сотворил для них. И погибли они через беззаконие свое, хотя и веруют они ныне в единого Бога-Вседержителя, но не с разумом, ибо отвергают Христа, Сына Божия, будучи беззаконными. Ибо как же думают они, что близки к истине, на самом деле удалившись от нее? Вот это об иудеях.

Христиане же ведут свой род от Господа Иисуса Христа. Он исповедуем как сын Бога Всевышнего, через Духа Святого сшедший с небес ради спасения людей, рожден от Девы святой без зачатия и без истления, восприял плоть и стал человеком, чтобы вернуть людей от многобожного заблуждения к истине, и, совершив свой дивный промысел, принял смерть через распятие по своей воле, по великому предопределению. По истечении трех дней он воскрес и взошел на небеса. Славу же пришествия его подобает тебе знать, о царь, из книг, называемых самими христианами евангельским Писанием, если захочешь побеседовать об этом. Христос имел двенадцать учеников, которые, по возне-сении его на небеса, разошлись по областям всей вселенной, чтобы учить о величии его. Один из них пришел и в нашу страну, проповедуя учение истины. Откуда и пошло, что те, кто служат учению проповеди их, называются христиане, более всех других народов обрели они истину. Познали ведь Бога, творца и создателя всего, через Сына единородного и Духа Святого. Иного бога они не почитают и никому другому не поклоняются; заповеди же господа Иисуса Христа имеют записанными в своих сердцах и, сохраняя их, ожидают воскресения мертвых и жизни будущего века. Не

прелюбодействуют они, не предаются блуду, не лжесвидетельствуют, не желают чужого, почитают отца и мать и близких друзей, судят по справедливости: то, чего себе не желают, того и другим не делают; обижающих их призывают, утешая, и делают их друзьями своими, стараются творить добро; кротки и милостивы, воздерживаются от всякого беззаконного сожительства и от всякой нечистоты; вдовиц не презирают, сирот не обижают; имущий неимущему подает без сожаления. Если увидят странника, принимают под свой кров и радуются ему как родному брату, ибо не по плоти называют людей своими братьями, но сердцем и душой. Они готовы ради Христа души свои положить, твердо соблюдают его заповеди, живя благочестиво и праведно, как повелел им Господь Бог, благодаря его во всякое время за пищу и питье и прочие блага. Поистине это верный путь; всех, кто идет им, Христос ведет в вечное царство, в обещанную им будущую жизнь.

И знай, царь, что не от себя говорю это, то, посмотрев в книги христианские, не найдешь ты там ничего, кроме сказанной мною истины. Поэтому правильно уразумел сын твой и верно научился почитать истинного Бога, чтобы спастись в будущей жизни. Ибо велико и чудесно то, что говорят христиане и делают, ибо не человеческие слова говорят они, но Божии. Остальные же народы заблуждаются и вводят в заблуждение и себя, и тех, кто слушает их, ибо идут во тьме и падут сами, словно пьяные. Вот мое к тебе слово, царь.

Перед тем, что произнесено истиною через разум мой, пусть умолкнут неразумные твои мудрецы, ибо пустословят они, рассуждая о Боге. Ведь подобает, почитая Бога-творца и поклоняясь ему, вслушиваться в бессмертные его слова, чтобы, избегнув Страшного суда и вечных мук, стали бы вы наследниками негибнущей жизни».

ИЗ ПРОЛОГА

Подготовка текста, перевод и комментарии С. А. Давыдовой

ВСТУПЛЕНИЕ

Пролог — один из наиболее популярных сборников Древней Руси, который содержит слова на праздники и краткие жития святых, распределенные по дням года, в которые празднуется их память. Этот сборник был переведен с греческого на церковнославянский язык, по-видимому, на Руси в начале XII в. В греческой рукописной традиции он имел название Синаксарь (греч. συναξάριον — сборник), первоначально был частью Церковного Устава и читался на утренней службе в церкви. Церковным употреблением объясняется небольшой размер текстов житий, что отличает их от более обширных текстов житий другого агиографического сборника — Миней Четьих. В последних сборниках, однако, общее количество поминаемых каждый день святых гораздо

меньше, поскольку в нем содержатся только тексты житий отдельных святых, но отсутствуют памяти (упоминание лишь имени святого дня без текста жития), которые помещались в Прологе.

Сразу после перевода сборник, получивший новое название — Пролог, стал дополняться житиями русских святых и праздников, память которых стала отмечать русская церковь. Помимо имен канонизированных святых, с текстами житий или без таковых, в Прологе отмечались такие церковные праздники, как дни освящения различных церквей, дни перенесения мощей святых и т. д. Синаксарные тексты житий греко-римских святых были, несомненно, примером составления житий для древнерусских книжников, но все же по своему изложению они тяготеют более к летописному стилю.

На Руси Пролог также читался в церкви, но выполнял скорее функцию назидательную и воспитательную, поскольку в этот сборник древнерусские книжники вносили не только тексты канонических житий и похвалы праздников, но и отрывки из святоотеческой и повествовательной византийской литературы.

Мы издаем тексты по древнейшим спискам Пролога: с 4 сентября по 27 января по списку *РНБ*, Софийское собр., № 1324 (конец XII—начало XIII в.), л. 2—128 об.; 1 апреля и 15 июля по списку *РНБ*, F.п.I.47 (начало XIII в.), л. 1 об.—2 и 79 об.—80 об. с дополнениями по списку *ГИМ*, Синодальное собр., № 240 (1400 г.), л. 139 об.—140 об.

ОРИГИНАЛ

4 сентября. Страсть святаго священномученика Вавулы,[1] въ Никомидии бывшю учителю, купно и иже с нимь 80 и 4 мученикъ. Ти святии мученици бѣша при Максимиянѣ цесари[2] от села, нарицаемаго Кандавлии, иже и яти бывше, и исповѣдаша имя Исуса Христа. И того ради обѣшени бывше, стръгани быша, дондеже явитися костемъ ихъ. Посемь въвергоша я въ баню ражьжену крѣпко и назнаменану перстнемъ цесаревомь, да не изидуть, ангелъ же Господень възва я внѣ, и изидоша без вреда, затвореномъ дверемъ. Темъ ведоша я вънъ из града на пусто мѣсто, и испросивше час молитвѣ дати имъ, воиномъ попустиша; и ставше намнозѣ молишася и благодаривше, яко сподобишася по Владыцѣ Христѣ. Мучени быша тако: съсѣчени быша всѣми удесы, и голѣни ихъ скрушиша, и въврьгоша въ огнь. И телеса ихъ изгорѣша, а блаженыя ихъ и святыя душа възидоша на небо, радующеся и веселящеся.

25 сентября. Память прѣподобьныя Еуфросиньѣ Измарагда.[3] Та бѣ от Александрьскаго града,[4] дъщи Пафнутия нѣкоего богата мужа, иже въсхотя дати ю въ бракъ. Нъ она разумѣвши, притекши къ нѣкоему от святых старьць, бысть чьрноризца. Посемь обълкъшися въ мужьскыя ризы, преобразися въ мужь, и убояшися, да не обрящеть ея отець свои, отъиде въ мужьскыи манастырь.

Вънъже имѣяше по обычаю ходити отець ея. И съ слезами повѣдая игумену бѣжание дъщере; видяще ю въ манастыри, яко скърбяше о томь съ прочими мнихы, не знаяше ея.

Створи же в манастыри 38 лѣт, разболѣся и, призвавши отца своего, и исповѣдавши и глаголющи: «Азъ есмь дъщи твоя, и не скръби». И тако умре, и чюдишася вси.

1 октября. Покрова святыя Богородица.[5] О видѣнии святаго Андрѣя и *Е*пифана. Страшное и чюдное видѣние честною святителю Андрѣя и Епифана,[6] како видѣста святую Богородицю на въздусе, пришьдшю въ Влахѣрную цьркъвь[7] съ ангелы, и съ Предътечею,[8] и съ Богословьчемь Иоаномь[9] и съ иными святыми мъногыми. Народу стоящу въ църкви, видѣста молящюся съ сльзами за весь миръ. И глагола Андрѣи къ Епифану: «Видиши ли цесарицю и госпожю всѣхъ, молящюся за миръ?» Он же рече: «Вижю, отче, и покрывъши вься святымь своимъ амофоромь, свѣтящимъ ся паче еликтора, люди сущая въ цьркви».

Се убо егда слышавъ, помышляхъ: «Како страшное и милосьрдьное се видѣние, паче же, надѣяние и заступление наше бысть бесъ праздьника!» Надѣя же ся, Владычице, на милосьрдьная твоя словеса, юже къ Сыну, сиречь: «Цесарю Небесный, приими вьсякого человѣка, славящаго тя и призывающаго имя твое, и всяко мѣсто, идеже бываеть память имени моего; освяти мѣсто и прослави прославляющаго мя именемь моимь, приемля ихъ всяку молитву и обетъ».

Тѣмъ словесемъ надѣяся, въсхотѣхъ, да не безъ праздьника останеть святый Покров твои, блаженая, нъ якоже ты украсити хощеши честный праздникъ Покрова твоего, Всемилостивая, украси, да и прославляющии тя възвеселяться, видяще многоименьный твой праздникъ сияюща. Якоже тамо народы сущая покры милостивьно, тако и насъ грѣшныхъ рабъ твоихъ покрый кровомь милости твоея, ниизлагающи съвѣты и думы помышляющи на ны злая. Спаси по милости Сына твоего и твоей и въ сь вѣкъ и въ будущий и вся притекающая к тебе съ страхомь и вѣрою, надѣющаяся на тя, скорое заступление и помощи.

Устави же ся таковый праздьникъ праздновати месяца октября в 1 дьнь, на память святаго апостола Анание.

1 октября. Память прѣподобьнаго Романа, творца кондакарев. Тъ святый Романъ бѣаше от Сурия, от Емесийскаго града, дияконъ бывъ въ Вуритѣ святыя церква.[10] Дошьдъша же Костянтиня-града[11] въ лѣта Анастасиа цесаря,[12] въшьдъ пребываше въ церкви Пресвятыя Богородица.[13] Въ благобоязньствѣ пребывая, и обнощь пребывая въ нощьнѣй служьбѣ, и пакы възвращашеся, идеже и даръ сбора кондаки[14] и прия. Явльшися ему Пречистѣи Богородици въ снѣ и свитокъ харътиянъ дающи, и повелѣвши сънѣсти, мняше бо отъврести уста и пожрети харътию.

Бѣ же и праздьникь Христова Рожества. И абие въспрянувъ от сна, възлѣзе на амбонъ, нача пѣти: «Дѣва дньсь Пребогатаго ражаеть».[15] Створивъ и прочихъ праздьникъ кондакъ, яко тысяще, ти тако с миромь успе.

3 октября. Память Амуна Егюптянина. Прѣподобьный отець нашь Амунъ, богоносьць,[16] въ постьницѣхъ бысть дивьнъ, бысть от Егюпта, мнихолюбьць сый от уности. Въ времена же Максимияна цесаря отъиде въ пустыню, и отшедъ, единъ мълчаше. Въ единой ризѣ ходя нощь и день, и питаяся от възрастающихъ зелий. Пребысть же животъ его до подвигъ великаго Антония,[17] от негоже и блаженѣй души Амону от телесен шьдъши и на небо възносимѣ бывающи.

Сѣдя святый Антоний, уча нѣкыя от братия душепользныя глаголы, видѣ душю вънезапу, въставъ, зряще ея ведому ангелы, и славляше Бога. Въпросивше же и́ пришьдшии, и, увѣдѣвъше вещь, испытавше дьневныи час. И шьдъше въ Гегюпьтъ дьни, обрѣтоша, яко умре святый Амоунъ въ та час, вънъже рече Антони.

15 октября. Страсть святаго мученика Лукиана,[18] презвутера Великыя Антиохия.

Трепарь.[19] Море, приимъ святое тѣло чистителя и мученика, рыбою на сушю низложи, тѣмъ и мѣсто являеть чюдесъ дѣтель, бѣсъмь убо страшенъ, недужнымъ же врачь, всѣмъ всь бысть. Господи, слава тебе.

Лукиан мученикъ бѣаше от Антиохия Сурьскыя въ царство Диоклитиане.[20] По смерти же родителю, давъ имѣние свое нищима, вънимаше чтению Божественыхъ писании и многы от елинъ обращаше къ Богу. Оставль же Антиохию, доиде Никомидиѣ, идеже Диоклитианъ крьстьяны убиваше, и ельма же многы обрѣте страха ради, хрьстьяньства хотящемъ отврещися, укрѣпивъ и увѣщавъ мучитися. Толми же бысть добродѣтелию Богу подобьнъ, яко проходити градъ и от нихъже хотѣти видиму быти.

О семь увѣдѣвъ Диоклитиянъ и убоявъся на лице привести, да како от него обличенъ будеть, повѣсивъ платьно, бесѣдова с нимь. И, видѣвъ разума его непреложное, осуди гладъмъ уморити. И на многы же дний не приимъ пища, въ тьмници скончася, и въвьрженъ бысть въ море.

21 октября. Память прѣподобьнаго отца нашего Лариона Великаго, пустыни наставника. Прѣподобьный Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ,[21] от града Газы Пеластиньскыя. Желая же учитися книгамъ, приде въ Альксандрию Егюпьтьскую, и Божиею благодатию обоего приятъ — разумъ книжный же и еже къ Христови подобная. И по семь крестися. И слышав о житии Великаго Антония, иде къ нему и бысть его ученикъ, учася нѣколико время добродѣтели дѣла. Възвративъ же ся въ отьчьство, и родителя своя до си умьрша. Богатьство свое раздая нищима, и обълкъся въ ризу власяну и въ кожю овчю, постиже пустыню и добрѣ иночьствова, многъ сподобися чюдесъ, яко и будущая предьглаголати. Хотя же бѣжати человѣкъ мълчания ради, от мѣста до мѣста течаше. Живъ же лѣт 70, к Христу, егоже измлада възлюби, отъиде.

1 ноября. Успение святою безмездьнику Козмы и Дамьяна, сыну святыя Феодотья. Козма и Дамьянъ,[22] святая бесрѣбрьника, бѣста жены нѣкоей хрьстияны именьмь Феодотии, научьшася от нея убо правѣи вѣрѣ и Священымъ книгамъ, от Святаго же Духа врачьству и хытрости; не тъкмо человѣкы врачеваста, нъ и скоты врачююща, ничтоже от кого приимаста.

Ицѣлиста же жену нѣкую именьмь Паладью, яже та притекъши къ святому Дамьяну, принесе ему три яйца и закля и́. именьмь Божиемь възяти я´. Се слышавъ святый Козма, запрѣти не положити мощий Дамьяновъ на умьртии его с нимь. Умре же пьрвѣе святый Козма, и посемь умьршю святому Дамьяну; помышляху людье, кдѣ погре*ст*и. И вънезапу вельблудъ притекъ, разбьеный дьяволомъ и ицѣлѣвыи от святою, проглагола чловѣчьскомь языкомь положити моща съ святымь Козмою, яко не мьзьды ради приялъ яица, нъ клятвы ради Божия. Ти тако положена быста оба.

11 ноября. Память прѣподобьнаго отця нашего Феодора, игумена Студийскаго.[23] Въ царство Костяньтине[24] тъ бѣ въ Костянтини-градѣ рожься, всякъ же разумъ научения навъкъ. Въ царство Ирины[25] блаженыя благочьстивыя, двудесяте лѣту и дъву сый, ошедъ въ Сакудиовъ манастырь,[26] от своего отчя брата бысть мних, и от Тарасья патриарха[27] поставленъ бысть прозвютеромь. Посемь 30 лѣт сый бысть игуменъ сущаго ему своего манастыря. Изгнанъ же бысть въ Селунь,[28] зане не свѣщати ся любодѣйству цесареву,[29] нъ възвращенъ бысть пакы цесарицею Ириною,[30] и пришьствия ради срацинъ въ Цесарьград приде. И пакы изгнанъ бысть Никифоромь цесаремь, убьенымъ въ Българѣхъ,[31] такою же виною. Посемь изгнанъ бысть святыхъ и ради иконъ при Львѣ иконоборци.[32] И много томленъ бывъ, по благочьствии подвизавъся, и пѣснь о Бозѣ написавъ, въ глубоцѣ старости къ Господу отъиде.

12 ноября. Память прѣподобьнаго отця нашего патриарха Альксандрьскаго Иоана Милостиваго. Кюпрянинъ родъмъ, сь бѣ сынъ Епифания, тъгда сущаго властелина того острова. Приближь же ся женѣ по хотѣнию отчю, и чядомъ отець бывъ, и имьже житие *о*стави жена его и дѣтий, все хотѣние свое на вдание добродѣтелий, на Божие угодие прѣврати. Свѣтьлости ради жития Араклиемь цесаремь[33] и испрошьмъ людьмъ олександрьскыимъ патриархъ Альсксандрьскый поставленъ бысть. По правилу поставление приимъ, пособьствовавъ же лѣтъ многа въ святительствѣ и бещисльна сътвори чюдеса, трѣбующимъ нескудно подавъ еже на потрѣбу. И многыя ради милостыня Милостиваго ради наречения приимъ, и всѣмъ любьзнъ бывъ, якоже о немь книгы въ широту являють, и многы невѣрныя обрати къ Господу. Въ старости глубоцѣ землю оставль, на небеса възыде, радуяся.

29 ноября. Память прѣподобьнаго отця нашего Иоана Дамаскиньскаго.[34] Тъ бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его,[35] от града Дамаскиньскаго, рода славна и свѣтла и вѣрна. Получи же добронраволюбива отця, и наказанъ бысть вьсяко наказание елиньско, нъ и Божествьное писание.

Вѣры же ради, иже въ Христа, отечьское богатьство оставль и бысть мнихъ[36] с Козмою, егоже много слово въ святыя праздьникы творение пѣний и паче въ святую и великую недѣлю Святыя Пасхы. Прѣподобьный же Иоанъ силою словесъ и показаний от Писаний посрами иконоборѣць ересь,[37] тѣмь и различно изгнанъ бывъ от еретичьскыхъ цьсарь. Въ старости глубоцѣ и чьстьнѣ и в добрѣ исповѣдании скончяся.

6 декабря. Память прѣподобьнаго отца нашего Николы, епископа Мюрьскыя Лукия. Въ царство Великаго Костянтина бысть великый архиерѣй и чюдотворець, епископъ въ Мюрьстѣи Лукии. И първѣе убо бывъ мнихъ, и много подвизавъся на добродѣтель, имьже и епископомъ поставленъ бысть. Многа чюдеса створи; свободи же и три мужа от смьрти: оклеветани бо бѣша и связани бо бѣаху, и хотяху усѣчени быти, нъ самъ тече и ятъ за мечь, и възя от рукы слугы и пусти я.[38]

Инъгда пакы оклеветани быша ини трие къ цесареви Костянтину епаръхъмь Авлавиемь, яко ковъ творяще, и затворени быша в претворѣ. И егда хотяху тьи усѣкнути, молиша святаго Николу, и приде въ Костянтиньградъ въ снѣ и запрѣти цесареви и епаръху, и отпусти я. И ина многа чюдеса створивъ, с миромь сконьчася.

12 декабря. Память прьподобьнаго отца нашего Спиридона епископа Тримифиньть Кюпрьска.

Трепарь, глас 4.[39] Въ нельстьное Ияковле, въ Моисѣово кротье, въ Давыдово безлобие, священнолѣпно обълкъся, бысть и съсуда избьраннаго[40] образъ, и еже къ всѣмъ любъвь подобно имѣти богатое, отче прьподобьне, молишися Христови съпастися намъ.

Прьподобьныи отець нашь Спиридонъ бысть при Костянтинѣ цесари.[41] Образъмъ простъ, сердьцемь смѣреномь, пасяше же овьця, и жену поимъ, и дъщерь родивъ. Имьже и жена умре, бысть епископъ. Бысть же и чюдотворьць, ибо и въ бездъждие помолися — и одъжди, и от глада обилие створи; и змию прѣтвори на злато, и паки злато по въданию залога, и възайма дати нищеому и живу быти, и паки прѣтвори на змию и пусти; и рѣку текущу устави. Приде же и на Никѣйскыи сборъ и посрами и еретикы.

Жена же нѣкая дасть дъщери его скръвище. Посемь умьре дъщи его, и не обрѣтаему бывъшю положенному. Въпроси старьць мьртвую, и отвѣщавъши, рече: «На семь есть мѣстѣ». И ина мъного створивъ, с миромъ скончася.

14 декабря. Страсть святых мученикъ Филимона и Аполония и дружины их. Ти святии бѣша от Фивъ Еюпьтьскыхъ при Диоклитьянѣ цесари. Беша же вси 36, и понеже яти бывъше, единъ от нихъ, нарицаемый Аполоний, причьтникъ сый, дасть златьце стрѣгущему я Филимону гудьцу и помолися ему одѣтися в ризы своя и в себе мѣсто поклонитися и пожрѣти идоломъ. Филимонъ же одѣвъся въ ризы Аполония, егда идяше пожрѣти, исповѣда Христа. Игемонъ же, не сказавъ его, рече: «Призовѣте гудьця Филимона, да погудеть и пѣниемь утолить хрьстьяны пожрѣти».

И тъгда познанъ бысть Филимонъ, и мученъ бысть съ инѣми от гѣмона. Послѣдь же игѣмонъ вѣрова и иже с нимь.

И увѣдѣвъ си Диоклитиянъ, мучи и́. съ Арианъмь, богатымь нѣкыимь мужемь. Посемь связавъ вся и вмета въ вретищя, въвьрже въ море.

17 декабря. Страсть святаго мученика Вакъха Новаго. От страны Палестиньскыя тъ бѣ въ царство Ирины и Костянтина. Бѣста же родителя его от рода крьстьяна, нъ отець его от бѣсовъ прѣльстися, на срачиньскую вѣру срамную прѣложися и опоганися. Сътвори дѣтий седмеро и въспита въ той же злѣй вѣрѣ, и посемь умре, и осташа дѣти с матерью своею. От нихъ же единъ, Галасий нарицяемый, въ Иерусалимъ приде, и посемь отъиде въ лавру святаго Савы и бысть мнихъ, Вакъхъ нареченъ, добрѣ же поживъ. И посланъ бѣ игуменѣмь бѣжяти, да не увѣдѣнъ будеть, яко срацинина крьстилъ бѣ. И пришьдъ въсвояси, пять братий убо крьсти, единъ же не крьстивъся, оклевета Вакъха къ старѣишинѣ мира, и усѣкну и́.. Ти тако скончася.

11 января. Память прѣподобьнаго отця нашего Феодосия, обьщьна отцѣмъ.

Трепарь, глас 8. Сльзъ твоихъ источьникъ, исповѣдания поты смѣсилъ еси и купѣль мысльную съдѣлавъ, отче прьподобьне, омываеши въ ней творящихъ любовию память твою скверну дѣяний. Моли Христа Бога спасти душа наша.

Феодосий, въ святыхъ отьць нашихъ, нарицаемый обьщеновожильць,[42] бѣ от страны Кападокийскы, родителю добру. Бысть же мнихъ, и първѣе убо отъиде въ Антиохию къ святому Симеону Стълпьнику,[43] и благословленъ бысть от него, посемь — въ Ерусалимъ, оттуду же дойде

въ пустыню. Тридесяте лѣтъ хлѣба не ядый, нъ тъчию смоквы и былие, тѣмь многа чюдеса створи, и манастыря многы сътвори и бѣсы молитвою прогна.

Гладу же нѣкъгда бывъшю, и житьници манастырьстѣй пшеница не имущи. Едино зьрно обрѣтъ и благословивъ é, и от того зьрна житьницю испълнивъ пшеница. Многыхъ ради чюдесъ и цесаремъ знаемъ бѣ, и въ всемь мирѣ добродѣтели ради славьнъ бысть. Ти тако въ глубоцѣ старости къ Богу отъиде, егоже и въжела.

14 января. Страсть прѣподобьных отьць нашихъ, на Синайстѣи горѣ оконьчавъшихъся.[44]

Трепарь, глас 4. Яко пришьльци бывъше, и куща потъкше, въ пустыняхъ явѣ постистеся, прѣподобьнии, наготою украшьшеся, добродѣтели одѣниемь съобразни бывъше Христовамъ страстьмъ, тѣмь и прѣтьрпѣсте мучитьль заколение.

Изъ различьныхъ мѣстъ и странъ святии ти суще, оставиша миръ, и ближникы, и богатьство, идоша в гору Синайскую и быша мниси, работающе единому Богу и питающеся от зелия дивияго. Съ тѣми же святыми бысть святыи Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-градѣ,[45] мужь богатъ и благовѣрьнъ, нъ и тъ Христа ради остави славу свою и богатьство и бысть единъ от нищихъ мнихъ.

Нъ и дияволъ, възавидѣвъ, въздвиже дивий языкъ Глазатыхъ[46] на святыя отца. Си же суть от Аравиа до Еюпта, живущимъ на Чьрмьнѣмь мори, и надѣющеся обрѣсти богатьство, придоша плѣнити мнихъ. Ти яко не обрѣтоша ничсоже, тъчию рогозины, и святыя въ власяницахъ ходяща, прогнѣвашася, низрѣзаша я, ничсоже зла створьшемъ. Ти тако сконьчашася.

26 января. Память прѣподобьнаго Ксенефонъта[47] и подружия его, Аркадия и Иоана. Ксенефонтъ въ святыхъ отьць нашь бѣ суньклитикъ въ Костянтини-градѣ, богочьстивъ и правьдьнъ и милостивъ и всяку добродѣтель имѣя. Бѣ же и славьнъ и богатъ зѣло. Родивъ же два отрочати — Аркадии, Иоана — и въспитавъ я въ наказаньи и поучении Господни. Пославь я въ Вуритъ градъ, да навыкнета закономъ. Имѣяше же тъгда таковый градъ всѣхъ учени кънижьная хранилища. И понеже по морю ѣдуща истописта же ся сына

его, — увѣдѣвъ се от нѣего раба своего, — и изиде съ женою своею на възискание ею, и обрѣтъ я въ Ерусалимѣ, из моря извьржена, и мниха бывъша. И познавъ, одѣся самъ и жена его въ мнишьскый образъ и тольми прѣспѣста на добродѣтель, якоже и чюдеса творити сподобитися. Ти тако сконьчастася о Господѣ съ сынъма своима.

27 январяя. Прѣнесение мощий въ святых отца нашего Иоана Златоуста.[48] Изгънанъ бысть святый Иоанъ Златоустьць и отъиде въ Команы[49] арменьскыя, идѣже лежать мощи святаго Василиска,[50] иже и явися ему, глаголя: «Не бойся, брате Иоане, заутра бо купьно будевѣ». Яви бо ся и цьрквьному слузѣ, глаголя: «Уготовай мѣсто великому мученику, грядеть бо».

Измѣнивъ убо бѣлы ризы и службьу створь, и рекъ глаголъ, иже всегда глаголаше: «Слава Богу всѣхъ ради!» И прѣдасть духъ, и положенъ бысть близ гроба святаго мученика Василиска.

По 33 лѣтѣхъ, въспоминания ради патриарха Прокла,[51] пославъ Феодосии цесарь[52] принести мощи, рацѣ неотъвьрзущися, печальнъ бысть. И пришьдъшимъ чьстьнымъ мощемъ, прияты быша чьстьнѣ от цесаря же и патриарха и отъ всѣхъ людий, и положены быша въ святых Апостолѣхъ.[53]

1 апреля. Память прьподобьныя Марьи Египтяныни.[54] Прьподобьная Марья бѣ от Египта. Въ блужении же пожи, иже поживши за 31 лѣтъ, въ блуди поживши, послѣдѣ дасться зѣло воздержанию и добродѣтели, и толми възнесеся бестрастиемь, яко непреходимыя рѣки водныя преходити, и, вънегда помолитися, повѣшена бысть на воздусѣ. Прешьдши же Ерданъ, и бывши в пустыни за 47 летъ, подвизавшися без дому, бес покров, наго, ни единого имѣющи всевидяща, человѣческаго естества оступи. Послѣдѣже, по Божию промышлению, явися Зосимѣ святому старцю, въ внутрьняя пустыня вшедшю, и бесѣдовавши ему, и яже о собѣ повѣдавши. И в придущее лѣтъ Иерданъ бѣ прешедши и комкавши, посемъ на свое мѣсто възъвратившися поточьное, идеже Зосимѣ бесѣдовавши, успе. И придущее летъ пришедъ Зосима и обрѣтъ мощи ея погребшю льву звѣри, преднима ногама гробъ ископавшю промышлением Божиимъ.

15 июля. Святаго князя Володимира,[55] крестившаго всю Рускую землю. *Сь бысть сын Святославль от племени варяжска, князь Володимир. Первое ко идоломь много* тьщание *творя по* отцю преданию, *да егда Бог* въсхотѣ собѣ люди новы избрати, въдъ*хну*въ себе благодать

Святаго Духа и възбнувъ, акы от сна, от лютаго идолослужения, и посла по всѣмъ языкомъ, испытая законъ ихъ: како вѣрують. И увѣдѣвъ святую грѣчьскую вѣру, яко свѣщю на свѣтилѣ, и рече въ себе: «Сице створю: пойду въ землю их, и плѣню грады их, и обрщю учителя». Да еже умысли, то створи. Шед и взя Корсунь и посла к цесарю грѣчьскому, глаголя: «Дай за мя сестру свою. Аще ли не даси, то створю граду твоему, якоже и сему створих». Он же отвѣща: «Нѣс*ть* дѣ таковаго обычая крестьяномъ даяти за поганыя. Аще ли ся крестишь, то и се получишь, и вяще сего — Царство Небесное». И рече Володимиръ: «Тако створю. Пришедше от тебе съ царицею, крести мя». И въ то время впалъ бяше Володимѣръ в недугъ обѣма очима. И рече пославши цесарицу къ нему: «Аще не крестьшься, не избудеши болезни сея». Он же рече: «Крестите мя, ибо на то вы есмь призвалъ». И егда крестиша, и створися чюдо велье: вшедшю убо ему въ святую купѣль, и отверзостася ему очи, и бысть яко николиже имѣвъ недуга. Прозрѣвъ, похвали всѣхъ Бога, и просвѣщенъ бывъ, радовашеся душею и тѣлом.

И пришедъ къ Киеву, изби вся идолы: Перуна, Хорса, Дажебога и Мокошь и прочая вся кумиры. Посемь созва все множьство людий и заповѣда имъ креститися, нарекъ имъ день, рекъ: «Аще кто не обрящется утро на рѣцѣ, тъ будеть противенъ мне». И сниде на Почайну-рѣку весь възрастъ: мужи и жены и младенци свершени, иже стояху в водѣ ови до пояса, инии — до выя, а друзии бродяху; прозвутеры, по брегу стояще, молитвы глаголаху, яко над крестимыми. И оттолѣ наречеся мѣсто святое, идеже нынѣ церкы есть Петрова, и тъ бысть 1-я ходатай нашему спасению. Володимѣръ же възрѣвъ на небо, помолися за крестьяны, глаголя: «Призри на новопросвѣщеныя люди сия, и да же им, Господи, увѣдѣти тебе, истиньнаго Бога, утверди в них правую вѣру; и мнѣ помози, Господи, на супротивныя враги, да надѣяся на твою державу, попру козни его».

Повелѣ же людемъ ставити цьркви по всѣм градомъ, а сам создал церковь Святую Богородицю, удививъ. Пребывъ же нѣколико лѣтъ и преставися к Богу в 15 месяца июля. Тѣло же его положиша у церкви Святыя Богородица, юже самъ създа, и плакася его все множьство людий: бояре акы отца, людье акы заступника, сироты акы помощника, нищии и вдовицѣ яко печалника и кормителя.

Да како тя възможемъ по достоянию похвалити, створшаго дѣло *равно апостолом? Хвалить убо Римская земля Петра и Павла, Асыя — Богословца Иоанна, Египетьская — Марка, Антиохийская — Лука, а Грѣчьская —* Андрѣя, *вся же Ру*скаяземля — те*бе, Володи*мире***[56]***;* яко Господня апостола, молебными песнями память твою празднующе, похвалныя вѣнца приносим ти, глаголюще: «Радуйся, Володимѣре, приимый венець отъ Вседержителя Бога; радуйся, святая главо, вожю и учителю нашь, имьже избывше отъ тмы, а свѣт познавше; радуйся,

честное древо самого рая, иже възрасти намъ святѣи лѣторасли — святая мученика Бориса и Глеба, отъ неюже нынѣ сынове русьстии насыщаються, приемлюще недугомъ ицѣление; радуйся, дѣлателю вѣры Христовы, растерзавъ льстное тернье и раздрушивъ, взоравъ крещениемь всю землю и насѣявъ святыми книгами, от нихже жнють русьстии сынове пользныя рукояти покаянию. *И друзии уже ядять нескудную пищу ѳъ Царствии Небеснѣмь, еяже трапезы сподобимся и мы, недостойные, кающеся о согрѣшении».*

---

[1] *Вавула* — Вавила никомидийский был учителем детей в Никомидии, главном городе Вифинии, провинции Малой Азии.

[2] *...бѣша при Максимиянѣ цесари...* — Максимиан — римский император (305—311). Время жития или мучения святого всегда обозначалось периодом правления какого-либо императора.

[3] *Ефросинья Измарагд* — монахиня, жившая во время правления византийского императора Феодосия II (408—450). Происхождение прозвища неясно, но, возможно, оно было получено ею в мужском монастыре.

[4] *Александрия* — главный город в Египте, основанный Александром Македонским в 332 г. до н. э. До VIII в. н. э. был центром просвещения христианского населения северо-восточной Африки.

[5] *Покров святой Богородицы* — праздник, установленный на Руси не позднее второй половины XII в. и отмечаемый 1(14) октября. В Византии этот день не праздновался так широко, как на Руси, хотя связан с одним из событий ее истории — нападением сарацинов на столицу. Такие дни обычно отмечались в Синаксарях и были рядовыми церковными праздниками. На Руси же, особенно в XIV—XV вв. и позже, этот праздник отмечался наряду с двунадесятыми.

[6] *...видѣние честною святителю Андрѣя и Епифана...* — В основу «Слова» автором положен эпизод известного византийского «Жития Андрея Юродивого» («О видѣнии святыя Богородици во Влахернѣ»).

[7] *...въ Влахѣрную цьркъвь...* — т. е. церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах.

[8] *...съ Предътечею...* — Иоанн Предтеча, или Иоанн Креститель — евангельский пророк, предсказавший пришествие Иисуса Христа и крестивший его в реке Иордан.

[9] *...съ Богословьчемь Иоаномь...* — Иоанн Богослов — один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, автор одной из четырех книг Евангелий и «Апокалипсиса».

[10] *...дияконъ бывъ въ Вуритѣ святыя церква.* — Св. Роман был дьяконом в церкви Вознесения в г. Вирите. Современное название — г. Бейрут.

[11] *Дошьдъша же Костянтиня-града...* — древнерусское название г. Константинополя. Современное название — г. Стамбул.

[12] *...въ лѣта Анастасиа цесаря...* — Имеется в виду период правления византийского императора Анастасия I (491—498).

[13] *...въ церкви пресвятыя Богородица.* — Имеется в виду церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах.

[14] *...даръ сбора кондаки...* — Кондак — краткое церковное песнопение, в котором излагалась похвала святому или сущность праздника. При переводе с греческого на церковнославянский язык песнопения, как правило, теряли стихотворную форму.

[15] *...Дѣва дньсь Пребогатого ражаеть...* — слова из Рождественского кондака.

[16] *...отець нашь Амунъ, богоносьць...* — Преподобный Аммон был основателем Нитрийской пустыни иноков в среднем Египте, насчитывающей около 50 обителей. Умер в 350 или 356 г.

[17] *...до подвигъ великаго Антония...* — Преподобный Антоний Великий (260—365) считается основателем монашества, возникшего в Египте в конце III в.

[18] *Св. Лукиан* — христианский ученый, основал училище христианских богословов в Антиохии и был его пресвитером.

[19] *Трепарь* — древнерусское название тропаря, церковного песнопения, составленного в честь праздника или святого.

[20] *...въ царство Диоклитиане...* — Т. е. время правления римского императора Диоклетиана, гонителя христиан (284—305). По сведениям других источников, Лукиан был схвачен при императоре Максимиане в 311 г.

[21] *...Ларионъ бѣ при Костянтинѣ Велицѣ...* — Преподобный Иларион (291—372) — основатель палестинского монашества, жил не только при императоре Константине Великом.

[22] *Козьма и Дамиан* — братья-лекари, жившие во второй половине III в. около Рима. Были убиты из зависти врачом-язычником в 284 г. В некоторых богослужебных книгах их память отмечается также 1 июля.

[23] *Преподобный Феодор, игумен Студийский* (759—826) — аскетический деятель, писатель, основатель монастыря в Студиях, одном из районов Константинополя, автор Большого и Малого Катихизисов, посланий, касающихся различных сторон церковной жизни, а также правил монашеской жизни, записанных после его смерти в форме Устава. Одна из 9 его редакций (патриарха Алексея) была принята на Руси и действовала до начала XV в.

[24] *В царство Костяньтине...* — Преподобный Феодор родился в эпоху правления императора Константина V Копронима (741—775).

[25] *Въ царство Ирины...* — Византийская императрица Ирина, жена Льва IV Исавра, после смерти мужа управляла империей вместо малолетнего сына Константина VI с 780 по 790 г.

[26] *...Сакудиовъ монастырь...* — Этот монастырь находился в местечке Сакудион, около Константинополя.

[27] *...и от Тарасья патриарха...* — Тарасий был патриархом константинопольским в 784—806 гг. В истории церкви известен тем, что содействовал подготовке и проведению 7-го вселенского собора, на котором было осуждено иконопочитание.

[28] *Селунь (Солунь)* — древнерусское название города Фессалоники, в то время одного из главных городов на Балканском полуострове, входившего в состав Византийской империи.

[29] *...зане не свѣщати ся любодѣйству цесареву...* — Преподобный Феодор выступил против развода и нового брака императора Константина VI, за что и был им сослан.

[30] *...нъ възвращенъ бысть пакы цесарицею Ириною...* — Имеется в виду возвращение преподобного Феодора Студийского в 797 г., когда Ирина после переворота и ослепления Константина VI вновь вступила на престол.

[31] *И пакы изгнанъ бысть Никифоромь цесаремь, убьенымъ вь Българѣхъ...* — Император Никифор 1 (802—811) был убит в 811 г. в походе против болгар.

[32] *...при Львѣ иконоборци.* — Имеется в виду правление византийского императора Льва V Армянина (813—820), который продолжил политику иконоборчества, начатую еще императором Львом III Исавром по религиозным и политическим мотивам (например, стремление обратить в христианство магометан). Представители этого движения выступали против почитания икон, доказывая неописуемость и непостижимость человеческим разумом Божественной сущности. Политика иконоборчества была продолжена преемниками Льва III — Константином V Копронимом и Львом V Хазаром (775—780). Последующие византийские императоры то придерживались нейтралитета в этом вопросе, то поддерживали иконоборчество.

Иконопочитание было восстановлено лишь в 842 г. императрицей Феодорой, женой императора Феофила, после его смерти.

[33] *...Араклиемь цесаремь...* — Византийский император Ираклий (610—641).

[34] *Иоанн Дамаскин* (перв. пол. VIII—нач. IX в.) — византийский учитель церкви, философ, писатель.

[35] *...бѣ въ царство Льва Исаура и Костянтина, сына его...* — Имеется в виду время правления императоров Льва III Исавра и его сына Константина V Копронима.

[36] *...бысть мнихъ...* — Иоанн Дамаскин принял постриг в монастыре св. Саввы близ Иерусалима.

[37] *...посрами иконоборѣць ересь...* — Имеется в виду его полемическое выступление против иконоборцев на 7-м вселенском соборе в 786 г.

[38] *...свободи же и три...от рукы олугы и пусти я.* — См. «Чудеса Николы Мирликийского» и коммент.

[39] *...глас 4.* — Глас — тип музыкальной интонации (лада) в церковном песнопении. Гласы меняются каждую неделю, всего их восемь. Создание системы «осьмогласия» предание приписывает Иоанну Дамаскину.

[40] *...съсуда избьраннаго...* — Метафорическое упоминание апостола Павла.

[41] *...бысть при Костянтинѣ цесари...* — Имеется в виду эпоха правления византийского императора Константина II (337—340).

[42] *Феодосий, въ святыхъ отьць нашихъ, нарицаемый обьщеновожильць...* — Преподобный Феодосии Великий (424—529) — основатель общежития монахов, или монастыря в пещере, где, по преданию, провели ночь волхвы, возвращаясь из Вифлеема. Первым основателем общежительного монастыря был преподобный Пахомий Великий (292—348). В отличие от существовавших до сих пор лавр, в которых монахи жили изолированно друг от друга в хижинах или пещерах, иночество общежительное должно было жить в одном или нескольких помещениях под руководством настоятеля, подчиняясь общим правилам.

[43] *...отъиде въ Антиохию къ святому Симеону Стълпьнику...* — Симеон Столпник (V в.) — создатель столпничества, одной из форм аскетизма, когда отшельник затворялся в «столпе», т. е. в небольшой башне с помостом, никогда не покидая его.

[44] *...на Синайстѣи горѣ сконьчавъшихъся.* — Синайская гора, или Синай — в данной местности обитало много отшельников и было

построено несколько монастырей. В действительности, это группа гор, состоящих из гранитных скал, окруженных крутыми долинами, находящихся в южной части Синайского полуострова. Одной из христианских святынь считается место Богоявления пророку Моисею на горе Синай.

[45] *...святыи Нилъ, бывъ и епархъ въ Костянтини-граде...* — Нил Синайский, ученик Иоанна Златоуста, был действительно префектом в Константинополе.

[46] *...въздвиже дивий языкъ Глазатыхъ...* — Такое название получило одно из африканских племен от греческого населения (греч. βλέμμυερ). По преданию, африканцы, приплывшие к Раифе, сначала захватили селение, а затем устремились к обители, разграбив и убив почти всех монахов.

[47] *Преподобный Ксенофонт* — жил в V в.

[48] *Иоанн Златоуст* (347—407) — виднейший отец византийской церкви, оратор и писатель.

[49] *Изгънанъ бысть святый...отъиде въ Команы...* — Речь идет о второй ссылке Иоанна Златоуста в 404 г. в г. Кукуз в Армении, а затем, через два года — в г. Пициус (современное название — г. Пицунда), по пути в который он скончался в г. Команы в Армении в 407 г.

[50] *...мощи святаго Василиска...* — Св. Василиск, мученик, был племянником Феодора Тирона, пострадал ок. 308 г. вместе с братьями Евтронием и Клеопиком.

[51] *...патриарха Прокла...* — Прокл был константинопольским патриархом в 434—447 гг.

[52] *...Феодосии цесарь...* — Имеется в виду византийский император Феодосии II (408—450).

[53] *...положены быша въ святых Апостолѣхъ.* — Церковь св. Апостолов в Константинополе.

[54] *Мария Египетская*. — См. Житие Марии Египетской и коммент.

[55] *Святаго князя Володимира...* — Русский князь Владимир Святославич (987—1015) был канонизирован лишь к XIII в., и в начале XIII в. в Прологе появилось его Житие. В нем автор излагает летописную версию о крещении самого князя и крещении им русского народа. См. в т. 1 наст. изд. «Память и похвала князю русскому Владимиру» (с. 316—327). См. также Повесть временных лет, годы 6494 (986)—6523 (1015) — БЛДР, 1, с. 132—175.

[56] *Хвалить убо Римская земля...вся же Руская земля — тебе, Володимире...* — Здесь и далее заимствованы отдельные фразы и

образы, которые читаются в «Слове о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Ср.: *БЛДР, 1,* с. 42—52.

ПЕРЕВОД

4 сентября. Страсть святого священномученика Вавилы, учителя из Никомидии, и с ним вместе 84-х мучеников. Те святые мученики были при императоре Максимиане из села, называемого Кандавлии, которые были схвачены, и исповедовали имя Иисуса Христа. Из-за этого они были подвешены, строганы до тех пор, пока не стали видны их кости. Потом их бросили в сильно растопленную баню, запечатанную перстнем императора, чтобы они не вышли, но ангел Господень позвал их снаружи, и вышли они невредимыми, хотя двери были заперты. Тогда повели их из города на пустырь; и попросили они дать им времени для молитвы, и позволили им <это> воины; и стали они <на молитву> и усердно молились и благодарили, что уподобились <пойти вслед за> Владыкой Христом. Мучены были так: отсечены у них были все члены, перебили им голени и бросили их в огонь. И тела их сгорели, а блаженные и святые их души вознеслись на небо, радуясь и веселясь.

25 сентября. Память преподобной Ефросиньи Измарагда. Она была из города Александрии, дочерью Пафнутия, одного богатого человека, который собирался отдать ее замуж. И, узнав об этом, она пришла к одному святому старцу и стала монахиней. Потом, надев мужскую одежду, преобразилась в мужчину и, опасаясь как бы отец ее не отыскал ее, ушла в мужской монастырь.

Туда имел обыкновение ходить ее отец. Он со слезами рассказал игумену о побеге дочери; видя ее в монастыре, что горевала она о том вместе с другими монахами, не узнавал он ее.

Она провела в монастыре 38 лет, заболела и, призвав отца своего и открыв правду, сказала: «Я — твоя дочь, не печалься». И потом умерла, и все удивились.

1 октября. Покров святой Богородицы. О видении святого Андрея и Епифания. Страшное и чудное видение честным святителям Андрею и Епифанию было, как видели они святую Богородицу в воздухе, явившуюся во Влахернскую церковь с ангелами, и с Предтечей, и с Иоанном Богословцем и другими многими святыми. Народ, стоящий в церкви, видел ее, молящуюся со слезами за весь мир. И сказал Андрей Епифанию: «Видишь ли царицу и госпожу всех, молящуюся за мир?»

Тот ответил: «Вижу ее, отец, покрывшую святым своим покрывалом, светящимся ярче молнии, всех людей в церкви».

Когда же услышал я это, подумал: «Как же это такое страшное и милосердное видение, в особенности же надежда наша и заступничество за нас останется без праздника!» Надеюсь, Владычица, на милосердные твои слова к Сыну: «Царь Небесный, прими всякого человека, прославляющего тебя и призывающего имя твое, и всякое место, где бывает память имени моего; освяти место <то> и прославь прославляющего меня именем моим, принимая всякую молитву и обет их».

Надеясь на эти слова, захотел я, чтобы не остался без праздника Покров твой святой, блаженная, но если ты хочешь украсить честный праздник Покрова твоего, Всемилостивая, укрась <его>, чтобы прославляющие тебя возрадовались, видя сияющим твой многоименитый праздник. Так же, как бывших там людей милостиво покрыла ты, так и нас, грешных рабов твоих, покрой покровом милости твоей, ниспровергая заговоры и замыслы, затевающие злое против нас. Спаси милостью Сына твоего и своей и в этот век и в будущий всех приходящих к тебе со страхом и верой, надеющихся на тебя, на скорое заступничество твое и помощь.

Установлено было праздновать этот праздник в 1-й день месяца октября, на память святого апостола Анания.

1 октября. Память преподобного Романа, сочинителя кондаков. Тот святой Роман был из Сирии, из города Емеса, был дьяконом в святой церкви в Вирите. Дойдя до Константина-града, в годы <правления> императора Анастасия, вошел он в церковь Пресвятой Богородицы и остался там. В богобоязни находясь, и ночь проводил на всенощной службе, а когда возвратился, получил дар складывать кондаки. Во сне ему явилась Пречистая Богородица и, дав ему пергаменный свиток, приказала его съесть, то есть открыть рот и проглотить пергамен.

А был праздник Рождества Христова. И он внезапно проснулся, взошел на амвон и начал петь: «Дева днесь Пребогатого рождает». Сочинив и для других праздников около тысячи кондаков, вот так с миром отошел он к Богу.

3 октября. Память Аммона Египтянина. Преподобный отец наш Аммон, богоносец, был известным постником в Египте, с юности любил монашескую жизнь. Во время <правления> императора Максимиана ушел в пустыню, а когда ушел, стал отшельником. В одной и той же одежде ходил день и ночь, питаясь молодыми побегами. Дожил он до подвигов великого Антония, при нем блаженная душа Аммона вышла из тела и вознеслась на небо.

Святой Антоний сидел и учил некоторых братьев душеполезным словам, внезапно увидел он душу и, встав, глядел, как вели ее ангелы, и славил Бога. Спросили его пришедшие, и, узнав о причине, спросили и час дня. Дойдя до Египта за <несколько> дней, обнаружили <там>, что святой Аммон умер именно в тот час, о котором говорил Антоний.

15 октября. Страсть святого мученика Лукиана, пресвитера Великой Антиохии.

Тропарь. Море, принимая святое тело священнослужителя и мученика, положило его рыбой на сушу, поэтому и место то являет чудотворение, ибо бесам он страшен, больным — врач, для всех был всем. Господи, слава тебе.

Мученик Лукиан был родом из города Антиохии в Сирии в царствование <императора> Диоклетиана. После смерти родителей, раздав имущество свое нищим, стал он внимать чтению Священного писания и многих язычников обращал к Богу. Оставив Антиохию, пришел он в Никомидию, где Диоклетиан убивал христиан, и поскольку он обнаружил, что многие от страха хотели отречься от христианства, укреплял их и убеждал предаться мучению. Настолько был он подобен Богу добродетелями, что мог ходить через <весь> город и быть доступным всем, кто хотел его видеть.

О нем узнал Диоклетиан, но побоялся личной встречи с ним, что тот его обличит, <а потому> разговаривал с ним через повешенное полотно. И, видя непреклонность его мыслей, повелел уморить его голодом. Много дней Лукиан не принимал пищи, скончался в тюрьме, и был брошен в море.

21 октября. Память преподобного отца нашего Илариона Великого, наставника пустынножителей. Преподобный Иларион

жил при Константине Великом, <родом был> из города Газы в Палестине. Желая познать книжность, пришел в Александрию и по Божьей благодати овладел двумя вещами — премудростью книжной и тем, что есть Христос. После этого крестился. Наслышанный о жизни Великого Антония, пошел к нему и стал его учеником, обучаясь некоторое время добродетелям подвижничества. Вернувшись на родину, <обнаружил>, что родители его давно умерли. Раздав имущество нищим, он оделся во власяницу и в овечью шкуру, отправился в пустыню и был хорошим иноком, многих удостоился чудес, так что и будущее предсказывал. Чтобы не встречаться с людьми, ради безмолвия он переходил с места на место. Прожив 70 лет, к Христу, которого полюбил с юности, отошел.

1 ноября. Успение святых бессребреников Козьмы и Дамиана, сыновей святой Феодотьи. Козьма и Дамиан, святые бессребреники, были <сыновьями> одной христианки по имени Феодотья, от которой научились правой вере и Священным книгам, а от Святого Духа — лечению и умению; лечили не только людей, но и животных лечили, и ничего ни у кого не брали <за это>.

Вылечили они одну женщину по имени Палладия, которая, придя к святому Дамиану, принесла ему три яйца и упросила его именем Божьим взять их. Услышав это, святой Козьма запретил класть мощи Дамиана рядом со своими после смерти. Первым умер святой Козьма, а потом умер святой Дамиан; и люди раздумывали, где похоронить его. Внезапно явился верблюд, истерзанный дьяволом и исцеленный святыми, проговорил он человеческим языком, чтобы положили мощи рядом со святым Козьмою, потому что не ради мзды взял он яйца, а ради имени Божьего. Так и положены были они.

11 ноября. Память преподобного отца нашего Феодора, игумена Студийского. В правление Константина он родился в Константине-граде, изучив суть всякого учения. В царствование блаженной благочестивой Ирины, 22-х лет от роду, ушел в монастырь Саккудион, с помощью своего дяди постригся в монахи, и Тарасием патриархом был поставлен в пресвитеры. Потом в 30 лет стал игуменом того же монастыря. Изгнан был в Солунь, поскольку не одобрил любодеяния императора, но был возвращен снова императрицей Ириной и из-за нашествия сарацинов вернулся в Царьград. И снова был изгнан императором Никифором, убитым в Болгарии, по той же причине. Потом был изгнан из-за святых икон при Льве Иконоборце. Перенеся много страданий, за благочестие подвизался и, написав песнопение с Божьей помощью, в глубокой старости к Господу отошел.

12 ноября. Память преподобного отца нашего патриарха Александрийского Иоанна Милостивого. Родом с Кипра, он был сыном Епифания, в то время правителя того острова. По желанию отца женился, имел детей, но поскольку жена и дети оставили жизнь, он все свои желания обратил к добродетельной и богоугодной жизни. За чистоту его жизни император Ираклий по просьбе народа александрийского поставил его патриархом Александрии. Законное приняв поставление, он был святителем много лет и бесчисленные сотворил чудеса, нуждающимся щедро подавая необходимое. И из-за многого милосердия назван был Милостивым, и со всеми был ласков, как о нем много и говорится в книгах, и многих неверных обратил к Господу. В глубокой старости оставил землю, на небеса восшел, радуясь.

29 ноября. Память преподобного отца нашего Иоанна Дамаскина. Он жил в царство Льва Исавра и Константина, его сына, был из города Дамаска, из рода славного и светлого и верного. Имел отца добронравного, и обучен он был всяким еллинским наукам, но и Священному писанию.

Ради христианской веры он оставил отеческое богатство и постригся в монахи вместе с Козьмой, который сочинил для святых праздников много песнопений, особенно — для святой и великой недели Святой Пасхи. Преподобный Иоанн силой слов и свидетельствами из Писания посрамил ересь иконоборцев, поэтому всячески преследовался императорами-еретиками. В глубокой и честной старости и в благоверии скончался.

6 декабря. Память преподобного отца нашего Николая, епископа Мир Ликийских. В царство Константина Великого он был известный архиерей и чудотворец, епископ <города> Миры в Ликии. Сначала он был монахом, много трудился ради добродетели и поэтому был поставлен епископом. Много чудес сотворил; спас трех человек от смерти: они были оклеветаны, их связали и хотели убить, но он сам пришел, схватился за меч, взял его из рук слуги и отпустил их.

Еще как-то оклеветаны были трое других перед императором Константином епархом Авлавием в том, что они — злоумышленники, и заключены они были в притворе. И, когда хотели их обезглавить, они помолились святому Николаю, и явился он в Константинополь во сне императору и епарху и запретил <это делать>, и отпустил он их. И много других чудес сотворив, с миром скончался.

12 декабря. Память преподобного отца нашего Спиридона, епископа Тримифунта на Кипре.

Тропарь, глас 4. В правдивость Иакова, в Моисеево смирение, в Давидово беззлобие священнолепно оделся, стал и сосуда избранного образом, и, если ко всем любовь требуется щедрая, отец преподобный, ты молишься Христу о нашем спасении.

Преподобный отец наш Спиридон жил при императоре Константине. Обликом прост, сердцем смиренный, пас овец, взял жену и имел дочь. Когда его жена умерла, стал епископом. Был и чудотворцем, потому что в засуху помолился — и был дождь, а в голод изобилие сотворил и еще змею обратил в золото, чтобы потом, после внесения в залог золота взамен жизни нищего, снова обратить его в змею и отпустить; и реку текущую остановил. Пришел на Никейский собор и посрамил еретиков.

Одна женщина дала его дочери сокровище. Потом его дочь умерла, и неизвестно было, где оно положено. Спросил старец мертвую, и она ответила: «На этом месте». И другое многое сотворив, с миром скончался.

14 декабря. Страсть святых мучеников Филимона и Аполлония и дружины их. Эти святые были из Фив Египетских при императоре Диоклетиане. Всего было их 36 человек, и когда они были схвачены, один из них, по имени Аполлоний, причетник, дал золотую монету стерегущему их Филимону музыканту и упросил его одеться в свою одежду и вместо него поклониться и принести жертву идолам. Филимон, одевшись в одежду Аполлония, когда отправился приносить жертву, уверовал в Христа. Начальник же, не опознав его, сказал: «Позовите Филимона музыканта, пусть поиграет и пением убедит христиан принести жертву».

И тогда опознан был Филимон, и начальником предан был мучению вместе с другими. А потом и начальник сам уверовал, и те, что были с ним.

Узнал об этом Диоклетиан, предал их вместе с Арианом, некоим богатым человеком, мучению. Потом их всех связали, побросали в мешки и бросили в море.

17 декабря. Страсть святого мученика Вакха Нового. Он был из Земли палестинской в царство Ирины и Константина. Родители его были из христиан, но отец его, прельщенный бесами, перешел в сарацинскую веру позорную и осквернился. Породил он семеро детей и воспитал их в той же злой вере, а потом умер, и остались дети со своей матерью. И один из них, по имени Геласий, пришел в Иерусалим, а потом отправился в лавру святого Саввы и стал монахом, нареченный Вакхом, и жил достойно. И отправлен был игуменом <из монастыря>, чтобы никто не узнал <о том>, что он крестил сарацина. Вернувшись домой, Вакх крестил пятерых братьев, но один не принял крещения, донес на Вакха старейшине селения, и тот его убил. Так он скончался.

11 января. Память преподобного отца нашего Феодосия, начальника отцов <пустыни>.

Тропарь, глас 8. Слез твоих источник и исповедания пот смешал и сделал купель мысленную, отец преподобный, омываешь в ней творящих с любовью память о тебе скверну их дел. Моли Христа Бога спасти души наши.

Феодосий, святой отец наш, называемый новый общиножитель, был из земли Каппадокийской, из знатной семьи. Стал монахом, и сначала отправился в Антиохию к святому Симеону Столпнику, и был благословлен им, затем — в Иерусалим, а оттуда пришел в пустыню. Тридцать лет не ел он хлеба, а только смоквы и траву, много сотворил чудес, и много создал монастырей, и бесов молитвою прогнал.

Однажды был голод, и в житницах монастырских не было пшеницы. Он отыскал одно зерно и благословил его, и от этого зерна житница наполнилась пшеницей. Из-за многих чудес был известен и императору, а своими добродетелями прославился во всем мире. И так в глубокой старости он отошел к Богу, которого и желал <видеть>.

14 января. Страсть преподобных отцов наших, скончавшихся на Синайской горе.

Тропарь, глас 4. Быв пришельцами, оставив жилища, постились вы явно в пустыне, преподобные, украсившись наготой, одеждой добродетели вы уподобились Христовым страстям, оттого и претерпели смерть от мучителей.

Придя из различных мест и земель, те святые оставили мир, и близких, и богатство, пошли в гору Синайскую и стали монахами, работая лишь для Бога и питаясь дикой травой. Среди тех святых был святой Нил, бывший епарх в Константине-граде, человек богатый и благочестивый, но и тот ради Христа оставил славу свою и богатство и стал одним из нищих монахов.

Но дьявол, позавидовав, двинул дикий народ сарацинов на святых отцов. Были они из областей Аравии до Египта, жили у Красного моря и, надеясь обрести богатство, пришли, чтобы взять в плен монахов. Однако, поскольку они не нашли ничего, кроме рогожи и святых, ходящих во власяницах, то разгневались, зарезали их, не сделавших никакого зла. Так они скончались.

26 января. Память преподобного Ксенофонта и его супруги, Аркадия и Иоанна. Ксенофонт, святой отец наш, был сановником в Константине-граде, богочестивый, праведный и милостивый, любую добродетель имевший. Был он известен и очень богат. Имел двух сыновей — Аркадия, Иоанна, воспитал их в смирении и почитании Господа. Послал он их в город Вирит, чтобы изучили они законы. В то время в этом городе для всякого учения имелись библиотеки. Но, поскольку, плывя по морю, его сыновья тонули, — об этом он узнал от их слуги, — он со своей женой отправился на поиски их и нашел их в Иерусалиме, <куда> они были выброшены морем и <где> стали монахами. Узнав об этом, и он и его жена постриглись в монахи и так преуспели в добродетели, что удостоились дара чудотворения. Так они скончались в Господе со своими сыновьями.

27 января. Перенесение мощей святого отца нашего Иоанна Златоуста. Изгнан был святой Иоанн Златоустец и отправился в армянский <город> Команы, где лежат мощи святого Василиска, который явился ему, говоря: «Не бойся, брат Иоанн, утром вместе будем». Явился он и к церковному служителю, говоря: «Приготовь место великому мученику, ибо он идет».

Надев белые одежды и отправив службу, Иоанн сказал в конце то, что говорил всегда: «Слава Богу за все!» И он испустил дух, и был положен рядом с гробом святого мученика Василиска.

Через 33 года, благодаря тому, что вспомнил патриарх Прокл, император Феодосий послал за мощами, но рака не открылась, что опечалило его. Когда же принесли святые мощи, они достойно были приняты императором и патриархом и всеми людьми, и положены в церкви святых Апостолов.

1 апреля. Память преподобной Марии Египетской. Преподобная Мария была из Египта. Она жила в блуде, и прожив больше 31 года в блуде, потом предалась суровому воздержанию и добродетели, и так возвысилась бесстрастием, что проходила через непроходимые реки и, когда молилась, парила в воздухе. Перейдя Иордан, она была в пустыне больше 47 лет, совершала подвиги, не имея жилища и покрова, нагая, никого не видя, изменила человеческое <свое> естество. Позднее, по Божьему промыслу, явилась святому старцу Зосиме, пришедшему в глубину пустыни, и, беседовав с ним, рассказала о себе. Через некоторое время она перешла через Иордан и, причастившись, вернулась на то место при потоке, где беседовала с Зосимой, и скончалась. Через некоторое время пришел Зосима и обнаружил, что ее мощи похоронил лев, выкопав передними лапами могилу по Божьему промыслу.

15 июля. Святого князя Владимира, крестившего всю Русскую землю. Он был сыном <князя> Святослава из рода варяжского, князь Владимир. Сначала он был рьяным идолопоклонником по примеру своего отца, но когда Бог пожелал избрать себе новый народ, ощутил он в себе благодать Святого Духа и, очнувшись, как ото сна, от пагубного идолослужения, послал ко всем народам узнать об их законе: как веруют. И познав святую греческую веру, подобную свече на светильнике, сказал себе: «Сделаю так: пойду в их земли, возьму в плен их города, найду учителей». Что задумал, то и сделал. Пошел и взял Корсунь и послал к греческому императору со словами: «Отдай за меня свою сестру. Если не отдашь, то сделаю с твоим городом то же, что и с этим». Тот ответил: «Нет, дескать, такого обычая, чтобы христиане отдавали <женщин замуж> за язычников. Если крестишься, то получишь то, <что просишь>, и больше того — Царство Небесное». И сказал Владимир: «Сделаю так. Пусть придут твои люди с царевной и окрестят меня». В то время у Владимира заболели оба глаза. Послав царевну, <император> передал князю: «Если не крестишься, не избавишься от этой болезни». И тот ответил: «Крестите меня, ведь для этого я и позвал вас». И когда крестили <его>, совершилось великое чудо: только вошел он в святую купель, его глаза открылись, словно

никогда и не было болезни. Прозрев, восхвалил он Бога и, просвещенный, радовался душой и телом.

И, придя в Киев, он разбил всех идолов: Перуна, Хорса, Даждьбога и Мокошь и всех других идолов. Потом созвал весь народ и повелел им креститься, назначая им день, <при этом> сказал: «Если кто-нибудь не окажется утром на реке, тот — против меня». И пришли на Почайну-реку люди всех возрастов: мужчины и женщины и маленькие дети; одни из них стояли в воде до пояса, другие — до шеи, а иные бродили по воде; а пресвитеры, стоя на берегу, читали молитвы <как полагается> над крестимыми. С того времени называется это место святым — там, где ныне церковь стоит святого Петра, который был первым ходатаем за наше спасение. Владимир, взирая на небо, помолился за христиан, говоря: «Прими этих новообращенных людей и позволь им, Господи, познать тебя, истинного Бога, утверди в них правую веру; мне же помоги, Господи, одолеть врагов, и я, надеясь на твое могущество, разрушу его <дьявольские> козни».

И приказал он людям возводить церкви во всех городах, а сам построил церковь Святой Богородицы <всем> на удивление. Прожив несколько лет, он скончался 15 <числа> месяца июля. Тело его положили в церкви Святой Богородицы, которую <он> сам построил, и оплакивал его весь народ: бояре как отца, простые люди как заступника, сироты как помощника, нищие и вдовы как покровителя и кормильца.

Сможем ли мы оценить по достоинству тебя, сделавшего дело, равное апостольскому? Восхваляет Римская земля Петра и Павла, Азия — Иоанна Богослова, Египетская — Марка, Антиохийская — Луку, а Греческая — Андрея, вся же Русская земля — тебя, Владимир; подобно апостолу Господа, песнопениями память твою празднуя, достойную похвалы награду тебе приносим, говоря: «Радуйся, Владимир, принявший награду от Вседержителя Бога; радуйся, святой глава, вождь и учитель наш, с чьей помощью мы освободились от тьмы и узнали свет; радуйся, честное древо самого рая, которое вырастило нам святые побеги — святых мучеников Бориса и Глеба, от которых ныне питаются русские сыновья, принимая исцеление болезней; радуйся, трудящийся <ради> веры Христовой, ты уничтожил коварное терние и, разрушив, вспахал крещением всю землю, насеяв ее святыми книгами, от которых сыновья русские пожинают полезные снопы покаяния. А иные уже питаются обильной пищей в Царстве Небесном, этой трапезы удостоимся и мы, недостойные, каясь в согрешениях».

ИЗ ИЗБОРНИКА 1076 ГОДА

Подготовка текста, перевод и комментарии В. В. Колесова

ВСТУПЛЕНИЕ

Переписывая для великого князя Святослава Киевского из болгарского оригинала торжественно исполненный Изборник 1076 года, дьякон Иоанн собрал для себя самого (или для сына) выписки из различных нравоучительных текстов. Композиционная последовательность без особого выделения источников, которыми пользовались составители Изборника, в целом напоминает обычную для средневековой традиции компилятивно составленную беседу умудренного житейским опытом человека с «сыном» — быть может, сыном духовным, поскольку моральные требования первоисточников, несомненно, переработаны тут применительно к мирской жизни; «обмирщение» прослеживается отчетливо и проявляется даже в оформлении книги — карманной «осьмушки», писаной мелким почерком для себя, скромно украшенной.

Не очень еще развившиеся в пословичные формы, какими они стали позднее в связи с распространением их в устном обиходе, собранные здесь изречения воспринимаются как «заповеди для ненаказанных», т. е. людей неученых и вместе с тем — еще не постигших сложные ритуалы и нормы поведения христианской культуры. Эти изречения последовательно и упорно внедряют в сознание «новых людей» — новых христиан — моральные установки христианской этики. Все актуальные для середины XI в. нравственные проблемы нашли отражение в этом сборнике, который, по оценке современных ученых, и преследовал цели практической морали.

Многие статьи при переводе с греческого или в результате их обработки в Киеве претерпели идейное или художественное переосмысление; так, вполне сознательно при передаче греческой философской терминологии, особенно лексики стоицизма или неоплатонизма, приведены соответствующие славянские слова и понятия; встречаются перестановки или сокращения изречений; много отклонений и от первоначального южнославянского перевода. Текст, переработанный для нужд восточного славянина, широко использует русские формы произношения и грамматики, а также и слова: *ларь* вместо *ковчежьць*, *медъ* вместо *вино*, *вѣтвие* вместо вѣие, *поноси* вместо *укоряй* и т. п. Большинство текстов — переводы византийских стихотворных или, во всяком случае, ритмически организованных произведений. Славянские переводчики старались передать эту особенность оригиналов, повышающую художественно-изобразительную их ценность.

К некоторым отрывкам найдены и греческие параллели, однако возможные несоответствия этим текстам славянской версии не учитывались при переводе на современный русский язык.

Отдельные части Изборника получили на Руси особенную известность и неоднократно использовались в поучениях, посланиях и «словах», откуда и поступили в устную речь. Впоследствии сам принцип построения сборника стал образцом для составления других средневековых сборников нравственного содержания, стал прототипом Златой Чепи, Измарагда — с XIV в., а в конце XV в. — Домостроя.

Восемь текстов Изборника 1076 года (82 % всего состава его) публикуются по рукописи: *РНБ*, Эрмитажное собр., 20. Полностью сборник опубликован в прекрасно подготовленном издании: Изборник 1076 года. М., 1965 / Издание подгот. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов. В настоящем издании публикуется текст л. 1—80 об., 84—85, 101 об.—112, 134—187 об., 269—276 (по изданию соответственно с. 151—418, 425—426, 460—481, 687—701).

ОРИГИНАЛ

Слово нѣкоего *калугера* о чь<тении> книгъ[1]

Добро *есть*, братие, почетанье книжьное, паче вьсякому хрьстьяну, блаженеи бо, рече: «Испытаюштии *съвѣдѣния* Его вьсѣмь сьрдцьмь възиштють Его». Чьто бо, рече, «испытаюштеи съвѣдѣния Его»? — Егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумѣй, чьто глаголють книгы и словеса та, и тришьды обраштяяся о единой главизнѣ. Рече бо: «Въ сьрдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрѣшу тебѣ». Не рече «усты тъчью изглаголаахъ», нъ «и въ сьрдьци съкрыхъ, да не съгрѣшу тебѣ», и поразумѣвая убо истиньнѣ писания, правимъ есть ими. Реку же: «Узда коневи правитель есть и въздьржяние, правьдьнику же книгы я».

Не съставить бо ся корабль без гвоздий, ни правьдьникъ бес почитания книжьнааго, и якоже *плѣньникомъ* умъ стоить у родитель своихъ, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнѣмь. Красота воину — оружие, и кораблю — вѣтрила, тако и правѣднику — почитание книжьное. «Отъкрый бо, — рече, — очи мои, да разумѣю чудеса отъ закона Твоего» — очи бо глаголеть размыслъ сьрдьчьный и прочее; «Не съкрый отъ мене заповѣдий твоихъ», — разумѣй, яко не отъ очию съкрый, нъ отъ разума и сьрдца. Тѣмьже и похули не поучаюштаяся, глаголя: «Прокляти уклоняюштеися отъ заповѣдий Твоихъ». Тѣмьже и самъ ся похвали, глаголя: «Коль сладъка словеса твоя, паче меда устомъ моимъ, паче тысяштя злата и сребра». И въспѣтъ, глаголя: «Въздрадуюся азъ о *словесехъ* твоихъ, яко обрѣтая користь мъногу» — користь бо нарече словеса Божия, глаголя, яко: «Обрѣтохъ недостоинъ сы такъ даръ, еже ми ся поучяти словесьмь твоимъ дьнь и ноштъ», — то мы, братия, поразумѣимъ и послушаимъ разумьными ушима и поразумѣимъ силу и поучение святыхъ книгъ.

Послушай ты житья святааго Василия и святааго Иоанна Златоустааго, и святааго Кирила Философа, и инѣхъ многъ святыихъ, како ти съпьрва повѣдають о нихъ рекуште: измлада прилежааху святъхъ книгъ, тоже и на добрая дѣла подвигнушася. Вижь, како ти начятъкъ добрыимъ дѣломъ поучение святыихъ книгъ! Да тѣми, братия, и сими подвигнѣмъся на путь жития ихъ и на дѣла ихъ, и поучаимъся въину книжьныимъ словесьмъ, творяще волю ихъ, якоже велять, да и вѣчьныя жизни достоини будемъ въ вѣкы. Аминь.

Слово нѣкоего отьця къ сыну своему, словеса душепользьная[2]

Господи, благослови!

Сыну мой и чадо, приклони ухо свое, послушай отьця своего, съвѣтуюштааго ти спасьная.

Чадо, приближи разумы сърдьця своего и вънуши глаголы родивъшааго тя, не суть бо на врѣдъ души своей, нъ аште разумьнѣя и имеши я, то къ цьсарьству небесьному вождити будуть.

Простьри сърдчьныи съсудъ, да накаплють ти словеса слажьше меду, могуштая оживити и бесъмьртьна явити тя.

Нъ отъ *чесо* пьрвое начьну казати тя, сыну мой, чьто ти пьрвѣе явлю: мятежь ли или зълобы свѣта сего — житие ли богоугодьно и спасьно?

Паче же бы нама лѣпо*ты* мыслити, о чадо, отъ Адама, праотьца нашего, до сего нашего вѣка: колико множьство бысть чловѣкъ по земли, и вьси бес памяти бышя, едини же памятьни бышя, и прослушя на небеси и на земли, иже по заповѣдьмъ Божиямъ вься дьни своя пожиша и къ единому вышьнему възирааху; иже въ кротости пожиша и въ добрословьи уста своя учиниша; иже малъмь свѣта сего причящааху ся, вьсю же свою *мысль*, вьсе свое хотѣние въ бесъмрьтьное житие правляаху и о томъ единомь въздыхааху и моляаху *бъшью* Бога, яко достоиномъ его явити ся.

Тѣмь же, чядо мое, изволи си тѣхъ житие и тѣхъ норовы приими и порасудуй дѣломъ ихъ, възишти кыимь путьмь идошя и коеюю стьзею текоша.

<...>

Буди пониженъ главою, высокъ же умъмь, очи имѣя въ земли, умьнѣи же въ небеси; уста сътиштена, а сърдчьная въину къ Богу въпиюшта.

Нозѣ тихо ступаюшти, а умьнѣи скоро текушти къ вратомъ небесьныимъ; уши укланяя отъ зла слышания, умьнымъ же въину прилѣтая къ шюмѣнию святыихъ словесъ, яже въ святыихъ кънигахъ писана суть.

Руцѣ съгъбенѣ имѣй на събьрание зълааго имѣния свѣта сего, простьртѣ же на приятие убогыихъ.

Не стыдися вьсякому създаному въ образъ *Божии* главы своя покланяти, старѣйшааго дьньми почьстити не лѣнися, и покоити старость его потъщися.

Съвьрстьникы своя миромъ сърѣтай, мьньшая себе съ любъвью приемли, честьнѣйшимь себе не трудися стояти.

Чядо, не буди самохотью лишенъ вѣчьнааго *житья*, грѣха бѣжи яко ратьника, губящаго душу твою.

Не въсхошти веселоваться въ мирѣ семь, все бо веселие свѣта сего съ плачьмь коньчаваеться. И се явѣ видѣти въ мирѣ семь въ дъвоихъ сусѣдѣхъ: у сихъ сватьбу творять, а у другыихъ мрьтвьца плачються. И тъ же плачь суетьны: днсьс плачються, а утро упиваються.

Тѣмьже разумѣй суету вѣка сего и скоропадуюштюю плъть нашу: дньсь бо растемъ, а утро гниемъ.

Тѣмьже въ малѣмъ животѣ възишти вѣчьныя жизни, идеже отъ сея жизни вѣсть ни скърби, ни въздыхания, ни плача, сѣтования, нъ радость и веселие, свѣтъ немьрцяя: слъньце — самь Господь.

Ту жизнь възлюби, къ той по вься дьни тъштися и о той въину помышляй; буди ти съпяшту мысль възглавие помыслъ небесныя радости, въстающтю же брашьно память царьства небеснааго.

Чядо, алчьнааго накърми, якоже ти самъ Господь повелѣлъ, жадьнааго напои, страньна въведи, больна присѣти, къ тьмьници доиди, виждь бѣду ихъ и въздъхни.

Буди ти въ скърбь твою прибѣжиште цьркы, паче же и кромѣ скърбии по вься часы и дьни въшьдъ, припади къ Вышьнюуму лицемь си землю покрый, и принуди его поминати тя, не уклонить бо ся тебе душелюбьць, чловѣколюбьць, но прииметь тя и утешить тя.

Църковь же разумѣвай небо суште, олтарь же прѣстолъ Вышьняаго, служителя же аггелы Божия. Тѣмьже въ цьркъви акы на небеси съ страхъмь стой, яко прѣдъ очима самого Бога; исходя же не забывай, чьто бѣ или чьто слыша.

Сътвори си въ чловѣцѣхъ кротъкыи, да небесьныи житель будеши;

Скърби о грѣсѣхъ, въздыхай о съблазнѣхъ, печалуй и о падении своемъ да очистишися, да на исходѣ душьнѣмь обряштешися бес порока;

Съмьрть поминай въину, да та память научить тя паче вьсѣхъ, како бо жити въ малѣмь семь времени;

Буди съмъсльнъ, разумѣй, чьто е воля Божия, чьто трѣбует небесьный царь отъ земльныихъ, чьто просить отъ своея твари немалыя ли и удобь творимыя милостыни? Писано бо есть: «Помилуй и да помилованъ будеши!»

Чьто трѣбуеть отъ насъ Богъ, вьсего блага испълненъ? Хвалы ли? но хвалять Его ангелы; покланяния ли? но покланяються ему небесьныя силы.

Нъ *то Того* просить, еже намъ на пользю, на спасение: просить бо милостиня, желаеть кротости, любить миръ. Тѣмьже ты, чадо, Оного волю сътвори въ малѣ, и Онъ твою волю въ вѣкы: даруй малое — и възьми вѣчьное, дажь едино — възьми сторицею; присвоися Бозѣ, да врагомъ си видимыимъ вьсьмъ и невидимыимъ страшънъ будеши.

Въ влънахъ житийскахъ еси, въ бури ли морьскѣй бѣду приемлеши, показаю ти, сыну мои, истиньная пристанища: манастыря, домы святыихъ. Къ темъ прибѣгай и утѣшять тя, поскърьби къ нимь и обеселишися, сынове, бо бес печали суть и умѣють печальнааго утѣшити.

И аште чьто имѣеши въ дому своемь потребьно же онѣмь, донеси имъ, вьсе бо то въ руцѣ Божии вълагаеши и възд*анью* будеши.

Въ градѣ, въ немьже живеши, и въ инѣхъ окрьстьнихъ, поишти, ли единого человѣка бояштяся Бога и тому вьсею силою *служаш*тя, обрѣте ли такого чловѣка, то уже не скърби: обрѣте бо уже ключь царьствия небесьнааго; къ тому присьни и душею, и тѣлъмь, съмотри жития его хожения, сѣдания, ѣдения и вьсего обычая его пытая, паче же блюди словесъ его, не дажь ни единому словеси его пасти на земли: дражьша бо бисьра суть святая словеса.

Праздьникы же святыихъ почьсти, не самъ упиваяся, нъ алчьныя и жядьныя накърмляя.

Знаемыя твори дом свой ништиимъ, въдовицямъ, сиротамъ, не имущтиимъ, кде главы подъклонити. Богатъ ли имѣеши домъ свой, худъ ли — вьсе то Божиемь промыслъмъ, нъ потъштися вьсего имѣ.

Не рьци *бо имѣнию* своему: «Мое есть», — нь рьци: «Поручено ми есть на мало дний», да акы клучарь порученое ти раздавай, якоже велить поручивый ти. Тѣмьже еже ти далъ Вышьний, то Вышьняаго ты имѣние сътвори въ немь.

Не оставляй послѣдънему роду своему, нъ и *дѣти* своя и жену свою, и вьсе племя свое поручи Богу, добрууму блюстелю, егоже милость велика и богатьство несъвѣдомо.

Имѣние бо свѣта сего рѣцѣ подобьно есть: суда отъидеть вънизъ и пакы съвьрху приходить. Тѣмьже еда вышьнии граждяне рѣкы и съсудъ своихъ не наплъняють ли, или скота своего не напоять, рекуштеи, яко нижьниимъ граждянемъ оставимъ, а сами мало приимѣмъ? Ни убо, нъ до избытька череплють, а нижьними не пекуться, та же бо рѣка минуеть я.

Такоже бо и о имѣньи: не пецися послѣдьниими сыны, вънукы, правънукы, дъштерьми. Тѣмъ бо инако время ключиться ли напасть, ли татьба, ли рать, и тъгда изгубленое не станеть имъ помагая.

Тѣмьже въ животѣ своемь своей души размышляй и тою крѣпъко пьцися, яко едина ти есть душя, *едино врѣмя живота*, едина съмьрьть.

Тѣмьже собою поболи, собою поскърби, и сьде очищения грѣхомъ проси, и на исходѣ провожденія от бѣсъ, и *тамо пришьдъшю, како бы въ уготовано* прити и царьство же Божие отъ вѣка: и полаты же его свѣтьлыя учинены суть, нъ ашто сьде купилъ я будеши. Аште же бы мира сего богатьствъмь купити, едину отъ мьньшиихъ полатъ вышьняаго Иерусалима, то ни вьсего мира богатьство събьрано недостойно есть цѣны ея.

Милостынею же купиться царьствие Божие, милостыни же не въ велицѣмъ и мнозѣмь и малѣмь даянии лежить, нъ по силѣ даюштааго и всѣмь сърдьцьмь.

Даяние бо трѣбуюштиимъ то есть милостыни она блаженая, еяже бѣша пълни съсуди и онѣхъ 5 дѣвъ мудрыихъ, имже царьство отъвьрзеся небесное.

Су же милостыню и ты приими неотъпустьно и навяжи ю на выи своеи, да будеть съ тобою въину вѣкъ вѣки.

Глаголеть бо Писание: «Милостыни мужу, акы печять» — тѣмь же аште ту приимеши, ниединъже отъ супротивьныихъ въстанеть на тя, ни речеть ти: «Камо идеши?», видяште, яко царя небесьнааго печять носиши и к Тому идеши.

Въпрос: Како же ю´ прииму?

Отвѣт: Всяко можеши, аште хочеши, нѣсть бо тяжько: аште бо насытилъ ся еси пиштею — накърми альчьнааго, напилъ ли ся еси — напои жядьнааго, и съгрѣлъ ли ся еси — съгрѣй трясуштаагося зимою, въ храмѣ ли красьнѣ и высоцѣ възлежиши — въведи скытаюштаагося по улицамъ въ домъ свои. Възвеселилъ ли ся еси на тряпезѣ — обесели и скърбяштааго, обрадовали ся о чемь — обрадуй и сѣтуюштааго, почьстиша ли тя яко богата — почьсти и ты убогыя, весело ли ступаеши по степеньмъ, отъ князя исходя, — сътвори да в дому твоемь скърбяште не ходять.

И то бо не мала милостыни, еже домашьняя своя бе-скърбии, безъ въздыхания и бес плача сътворити. Аште *достойни* казни будуть при коей любо вине, то в того мѣсто помилованы будут. Тако аште будеши творяи, то и ты въ казни мѣсто въ исходѣ душя милость обряштеши.

Буди же домъ твой молитвѣ и покой иерѣемъ, служителемъ Божиемъ, и всякому чину цьркъвьну. И въведи таковыя въ домъ свой, съ вьсякою чьстью посади я, постави имъ тряпезу и якоже самому Христу, самъ же имъ стани въ службѣ.

Да у олтаря Божия молитва ихъ за тя, яко тьмьянъ къ Богу въсходить отъ нихъ. Свѣшта же твоя въину въ цьркви да свѣтить и просфора твоя такожде.

Поминай же суштиихъ въ манастырьхъ, аггельскый образъ носяштая; аште ти е како, въведи я въ домъ свой, постави имъ тряпезу въ чинъ манастырьскый, жену же свою и дѣти и отрокы научи съ страхомъ и мълчяниемь служити, яко аггеломъ Божиемъ. Проважая же съ покланяниемь отъпусти я, въдавъ имъ и манастырю ихъ потрѣбьная.

Мъного бо то, аште едино «Господи помилуи» на дьнь укупиши у нихъ, то и бес цѣны зѣло, писано бо есть: «Мъного можеть молитва правьдьнааго». Тѣмьже аште единого можеть, то чьто паче, аште мнози таци възъпиють к Богу.

Паче же къ суштиимъ въ горахъ самъ потрудися, къ плътьныимъ ангеломъ, иже мира сего устранивъшеся, угаждають единому Богу; неси потрѣбьное имъ, приими молитву ихъ, *въкладай* въ сьрдце си святая словеса, помажися благословлениемь, его молися единою за грѣхы твоя въздъхнути и отъидеши въ домъ свои чистъ.

Клеветы же не приимай ни на коегоже чьрноризьца ли святителя, аште и самъ видиши съблажняюштася. Послушай Бога паче очию си, рекъшааго: «Не осужайте, да не осуждени будете».

Паче же минуюштиимъ тя по пути не стыдися таковыимъ главы свое покланяти.

Аште тако можеши творити, не сътворить ти пакости богатьство твое, нъ якоже и прѣди рекох, вождь ти будеть царьству небесьнууму, акы ходатай и другъ добръ, а зълѣ *приемлемо* и хранимо зълѣе диявола явиться губя тя. Богу слава ныне.

Наказание богатымъ

Яко елико великыимъ сьподобилься еси отъ Бога благыимъ, тольма и большяя длъжьнъ еси въздаяти.

Отъвьрзай уши свои въ ништетѣ стражюштимъ, да обряштеши и ты Божий слухъ отвьрзенъ.

Аци же убо бываемъ нашимъ повиньникомъ, тако и о насъ обряштемъ *небесьнааго* Владыку.

Отъвраштяйся ласкавьць льстьныихъ словесъ, яко и врановъ: искалають бо очи умьнѣи.

Аште отъ вьсѣхъ хоштеши чьсть имѣти, буди всѣмъ благодѣтель обьшти; ашти хоштеши вся сущяя подъ собою исправити, добро творяштяя чьсти и зъло творяштимъ запрѣщай.

Такы убо себѣ другы и съвѣтьникы имѣй, иже не вься глаголемая тобою хвалять, нъ судъмь правьдьныимь тъштаться отвѣштати ти.

Разумьно послушяти *подобаеть* пьря судиямъ, неудобь бо есть правьды изобрѣсти скороотъбѣгаюште или отъгоняште; разумѣвай пьря мьдьльно, твори же расуждения не тъштася.

Твьрдо разумѣй: спасения своего хранилиште — еже николиже людина обидѣти.

Буди своимъ повиньникомъ страшьнъ сана ради, а любьзнъ поданиемь милостыня: елико силою прѣвышии еси вьсѣхъ, тольма и дѣлы добрыими свьтѣти ти подвизайся паче всѣхъ.

Проштения трѣбуя грѣховъ, праштай и самъ къ тебѣ съгрѣшаюштяя, еже бо на рабѣхъ нашихъ проштение Божия гнѣва бываеть свобода.

Тъгда наречеться къто убо истиньный властелинъ, егда самъ собою обладаеть и нелѣпыимъ похотьмъ не работаеть.

Съмьрть и гонение и напасть и вься видимая зълая прѣдъ очима ти да будуть по вься дьни и чясы.

Такъ буди о своихъ рабѣхъ, якоже молишися тебѣ Богу быти.

Не оправьдай неправьдьнааго, аште и другъ ти есть, *ни обиди* правьдьнааго, аште и врагъ ти есть.

Аште къто имать очиштену душу отъ чловѣчьскыя прѣльсти и видить худость своего естьства, умаления же, и напрасную съмьрть сего жития, — въ *грѣхъ* гърдостьный не въпадеться, аште и въ сану есть высоцѣ.

Въ извѣстьнѣмь сьрдьця твоего съвѣтѣ разумѣвай суштиихъ съ тобою норовы, да познаеши въ истину съ любъвью служяштиихъ ти или съ льстью ласкаюштиихъ. Мънози бо приязнию лицемѣрьною вельми извѣстьныимъ пакость творять.

Яко не достоить послушати клеветаря, сладъко ти глаголюшта, или слышати на ближьняаго, да не отъпадеши Божия лубъве и царьства.

Въвъздьржи клевештуштааго въ ушию своею, да не купно съ нимь погынеши.

Еже убо правовѣрьну вѣру имѣти основания добрыихъ дѣлъ есть,[3] тѣмьже отъ вѣры начьнеться слово къ тебѣ, брате, понеже бо вѣрою въстрѣбова, а нелукаво: ведѣ, яко въдасть ми Господь вѣры ради твоея написати ти словеса *ключема* спасению.

Вѣруй въ Отьца и Сына и Святааго Духа, въ Троицю нераздѣльну, Божьство едино, Отьця нерождена, Сына рожена, а не зъдана, Духа Стаа ни рождена и зъдана, нъ исходяштя: трие въ единой воли, едину славу, едину чьсть и едино поклонение отъ вьсея твари и отъ аггелъ и чловѣкъ приемлюштю, прѣвѣчьну и бесконьчьну прѣбываюштю въ вѣкы.

Въплъштение же Сына вѣруй истиньно суште, а не привидѣниемь: въ двѣ естьствѣ Божьство и чловѣчьство — Бога по Божьству, чловѣка по вьчловѣчению, въ обоемь съвьршена.

Крьсту Христову съ вѣрою *покланяйся*, яко на томь спасение вьсѣмъ чловѣкомъ сьдѣла Господь.

Иконѣ Христовѣ и прѣчистыя его матере и вьсѣхъ святыхъ его съ вѣрою чьсть въздавай, и яко къ самѣмъ любъвьно въ молитвѣ глаголи.

Страхъ Божий имѣй въ срьдьци въину и память, акы ту суштa Бога съ тобою на вьсякомь мѣстѣ, идеже идеши или сядеши.

Страхъмь же его, акы уздою обрьти умъ свой и въстязай по вся часы, да не безъ въстягновения ходя пустошьныимъ научишися.

Простѣйшааго въ всемь ишти — и въ брашьнѣ, и въ одежди, и не стыдися ништетою, понеже большяя чясть мира сего въ ништетѣ есть.

Не рьци: «Богата мужя сынъ есмь и срамъ ми есть» — никътоже бо богатѣй Христа, отьця твоего небесьнааго, родивъшааго тя въ купѣли святѣй, въ ништетѣ же ходивъшя и не имуштя, къде главы подъклонити.

Правьдою украшяйся и къ вьсякому тьщися истиньно глаголати, не мози ся лиця устыдѣвъ лъжи послухъ быти, яко губить Господь глаголюштяя лъжу, нъ съ покорениемь истиньно отъвѣштавай.

Уне бо есть чловѣку отъ истины пользу приемлюштю възненавидѣну быти, паче, нежели оть лицемѣрия врѣжену възлюблену быти.

Възненавидѣныя бо бес правьды въздвигнеть Господь, възлюбленыя же вьсуе уничьжить, клеветьници бо истиньни бывають безъ испытанья.

И аште ти правьду изъглаголавъшу и въ гнѣвъ въпадеши отъ кого любо, не скърби о томь, нъ паче утѣшайся, реченыимъ отъ Бога: «Блажени възненавидѣнии правьды ради, яко тѣхъ есть царьствие небесьное».

Кротькъ буди къ вьсякому чловѣку, къ старѣйшууму тебе и къ мьньшюуму, лицемѣрьная бо то кротость, еже большиихъ устыдѣвъшеся, а мьньшяя озълобити.

Кротъко ступание, кротъко сѣдение, кротъкъ възоръ, кротъко слово, — вься си въ тебѣ да будуть; отъ сихъ бо истиньный хрьстьянъ явишися.

Кротость же есть, еже никомуже не досажати ни въ словеси, ни въ дѣлеси, ни въ повелѣньи, нъ вьсякому чловѣку норовы своими осладити срдце.

Славы земельныя никоемьже дѣлѣ не похошти, слава бо земльная ругаеться любяштиимъ ю, припахнувъши бо въ мало время чловѣку, яко буря вѣтрьняя и плодъ добрыихъ дѣлъ обронивъши, въскорѣ же отъшьдъши посмѣеть неразумию его.

Иже хочеть славьнъ быти вь семь мирѣ, ть бештьстья не тьрпить, вѣру же дрьжяй беславие любить, помышляя реченое отъ Господа: «Како убо можете вѣровати, славу отъ чловѣкъ приемлюште, славы же, яже отъ Иночядааго, не ищете?»

Бештьстье люби акы чяшю пелына и приими е, аште и притрано ти есть, нъ на прогънание грѣхъвънуму недугу, иже бо грѣхъ сладостью вънидe, горестию да проженеться.

Желаюштюуму вѣчьныя жизни и худѣ земленыихъ причяштяюштюся и въину мысляштю о исходѣ своемь, не сътужить ему поношение чловѣчьско, яко гость бо, пришьдъ въ миръ сь, сътьрпить бештье господы своея, понеже утро надѣеться остити.

Съ мученыими Христа ради хотя ликъствовати, прѣдажь тѣло свое на наготу, волю на попьрание, утробу на постъ, срдце на крѣпость, кръвь

же аште не на пролитие извъну, то вънутрь исучи ю сухотою яди, да приимеши обѣштяная.

Вѣси, яко призываеши и князя, очищають храмы, и ты, аще желаеши Бога своего въ домъ тѣлесьный въселити на свѣтъ жизни твоей, очисти тѣло постъмъ, истрѣби жяждею, украси съмѣрениемь, накади благоуханьною *молитвою*.

Храни свѣштю отъ вѣтра и молитву же отъ *юности* украси, яко невѣсту, бъдѣниемь, трудъмь, търпѣниемь, да похоштеть еи царь небесьныи.

Тайно мѣсто обрѣтъ и сѣдъ съ тихостию помяни грѣхы и отъпадение царьства, и умилися срдцьмь и образъмь, преклони главу и рьци съ стенанием: «Охъ, мънѣ, яко пришьльствие мое удалися, и къто дасть главѣ моей воду, и очима моима сльзы? увы мънѣ, увы мънѣ, яко близь дьнь Господень!»

Сльзъ ли не имаши, нъ не отъчяйся, въздыхай же чясто и тяжько отъ вьсего срдця, сльзы бо суть даръ Божии, и помалу въздыханиемь и умилениемь испросиши у Бога: вьсякъ бо просяй прииметь.

Обрѣтъ сльзы, храни я вьсею силою своею отъ объядания и пияньства, паче же отъ осуждения вьсякого чловѣка; своему бо дѣлу зазирай, чловѣка же, егоже не създа, тому не суди.

Не вѣруй ни очима своима, аште видиши кого съгрѣшяюштя, яко и тѣ невѣрьнѣ есте, ибо и първое въ раи очи *съблазнистася*, и *падениемъ онѣмъ* отъ възора *быста*.

Иже бо имѣеть на ребрѣхъ своихъ язву, гноя испълнену, прыштиемъ чюжимъ не съгнусить си и помышляя въину с мъножьствѣ грѣхъ своихъ, николиже о дружьни съблазнѣ бесѣды съставить коли.

Чьрвь съмѣренъ зѣло и худъ, ты же славьнь и *гръдь*, нъ аще разумьнъ еси самъ, уничьжи гърдость свою, помышляя, яко крѣпость твоя и сила, чьрвьмъ покоиште бываеть.

Помяни първыя прослувъшая въ храбърьствѣ, въ богатьствѣ же и славѣ, и вьси яко без вѣсти отъидоша и беспамятьни бышя; худии же и убозии въ мирѣ семь, о души своеи подвигьшееся, како и на небеси прославлени и по земли хвалими, и на помошть призываеми.

Възведи очи милостивьно на сѣдяя въ наготѣ и зимою съкърчивъшаагося, понуди естьство свое прикрыти одеждею, лежаштею у *тобѣ*, и Господь дасть ти пакы съторицею жизнь вѣчьную.

Простьри руку скытаюштюмуся по улицамъ, въведи таковыя въ свою обитѣль, общъ ти буди съ нимь хлѣбъ твой, обьштя чяшя, воды ли или пития, яко же ти Господь далъ есть.

Страньна въведи въ домъ свой, бескровьнааго въ храмъ свой, даждь мокнуштюму сухоту, зимному теплоту, омый скверну тѣла его, яко убогъ есть зѣло и достоинъ помилования.

Посѣти суштиихъ въ тьмьници, по Господню повелѣнию, вижь бѣду, вижь страсть и рьци: «Охъ мънѣ! си за едино съгрѣшение стражють! Азъ же по вься чясы владыцѣ моему Христу съгрѣшяю и въ льготѣ прѣбываемъ!»

Аште видиши кого отъ нихъ, по оклеветании стражюшта, помози ему, Христа ради, яви истину къ нимъже оклеветанъ есть: велико бо то спасение есть, еже обидимыя избавляти.

Сѣдящю ти надъ мъногоразличьною тряпезою, помяни сухъ хлѣбъ ядуштааго и не могуштааго си воды принести недуга ради.

Насыштяяй тѣло свое, дажь чясть отъ тряпезы ты твоея души своей, яко та чьстьнѣиши тѣла есть, даждь же да душьную часть нищии хранять, да егда въстрѣбуеть, тьгда готово обряштеть. Будеть бо веремя на исходѣ и у вратъ небесьныихъ обряштеть, егда мъного трѣбовати имать.

Насыштяяся многосластьнааго пития, помяни пиюштааго теплу воду, отъ слъньца въстопѣвъшу, и ту же пороха нападъшу отъ мѣста незавѣтръна.

Въ богатьствѣ сы и земльныихъ благъ изобиль имѣя, помьни въину слово Авраамле, еже къ богатому: «Въсприя ты благая въ животѣ своемъ, якоже и убогыи зълая, тѣмьже онъ веселиться, а ты стражеши».

Възлагъ на мъногомякъцѣ постели и пространо протягаяся, помяни наго лежаштааго подъ единѣмь рубъмь и не дрьзнуштя ногу своею прострѣти зимы дѣля.

Лежащю ти въ твьрдо покръвенѣ храминѣ, слышащю же ушима дъждевьное множъство, помысли о убогыхъ, како лежать ныня, дъждевьными каплями, яко стрѣлами, пронажяеми, а другыя отъ неусъновения сѣдяштя и водою пъдъяты.

Сидяшту ти въ зиму въ теплѣ храминѣ и без боязни изнаживъшуся, въздъхни, помысливъ о убогыхъ, како клячять надъ малъмь огньцьмь съкърчивъшеся, большу же бѣду очима оть дыма имуште, руцѣ же тъкмо съгрѣвающе, плешти же и вьсе тѣло морозъмь измьрзъше.

Приклони ухо свое къ просяштюуму и обништавъшюуму въ житьи семь, заплати избывающтиимъ своимъ оного недостатъчьную диру его.

Духовьнааго и духовьная помышляй, а не земльная; вѣдый, яко по нетьлѣньному одѣнию крьштение вси равьни суть, и убозии, и богатии. Тѣмьже блюди, еда по земльному помышляя, прѣзриши убогааго, тьлѣньною одеждею съ тобою не равъно одѣна.

Святыихъ, угождьшиихъ Господу, моли, акы помоштьникы сушта и заступникы притѣкаюштиимъ къ нимъ, понеже прияшя дрьзновение къ Господу, акы угодьнии раби къ своему господину.

Мошти святыихъ съ вѣрою цѣлуй и чьсть въздажь имъ, яко чьстьномъ, понеже Христа дѣля пострадашя.

Тайнамъ Божиямъ вѣруй, тѣлу и кръви Его, съ страхъмъ причяштяяся, да причастьникъ будеши царьству Его.

Невѣрьство же отъмѣтай, не рьци, како хлѣбъ тѣло и вино кръвь? но слыши, яже отъ чловѣкъ невъзможьна, отъ Бога възможьна.

Вѣруй въскрьсению мрьтвыиихъ и жизни будуштааго вѣка, по неиздреченьну словеси Господню, еже въ еуагглистѣмь слыши учении.

Помни Судъ, чяи отъвѣта и въздаяния по дѣломъ, и вѣруй, яко будеть, будеть!

По семь же възлюби Господа Бога своего отъ всея души своея и отъ всея крѣпости и подвигнися вься твоя дѣла и добрыя норовы къ Его угождению творити лѣпо.

Пакы же искрьняаго своего възлюби, съ нимьже въ единой купѣли породися, рекъше всякого хрьстьяна, паче же брата си: «Въсхожю бо, — рече Господь, — к Отцу моему и Отцю вашему».

Поклоняй главу свою вьсякому старѣйшюму тебе, и врѣменьмъ и разумъмь, съмѣреныя бо въздвигнеть Господь.

Другы своя и съравьныя тебѣ любъвию сърѣтай и съ обятиемь целование дай ему, акы Елисавефь и Мария.

Мьньшяя тебе малыя върстою любъвьно приими и помилуй, и къ Богу о нихъ въздъхни, яко не ново начьнъшя познавати Господа.

Князя бойся вьсею силою своею, нѣсть бо страхъ его пагуба души, нъ паче научишися отъ того и Бога боятися.

Небрѣжение же о властьхъ — небрѣжение о самомь Бозѣ. Иже на власти земльнѣ поучения видимаго владыкы небояся, како невидимааго убоиться?

Боиться ученикъ учителева слова, паче же самого учителя, такоже бояйся Бога боиться и князя, имьже казняться съгрѣшяюштии: князь бо есть Божий слуга къ чловѣкомъ, милостью и казнью зълыимъ.

По семь же вьсякому богату главу свою покланяй и съмѣрения ради, древо бо многовѣтвьно: поклонениемь подъидеши и мимо идеши.

Приимъшеи бо власть и емѣние отъ князя своего, отъ другъ своихъ славы хотять, а отъ мьньшиихъ поклонения просять и чьсти.

Прѣдъ князьмь же бойся лъжю глаголати, яко губить Господь глаголюштяя лъжю, нъ съ покорениемь истиньно отъвѣштявай ему, акы къ самому Господу.

Аште бо въ врѣмя нѣкое неправо чьто възглаголеть ти, а тобѣ съвѣдуштю, блюдися, еда искушаеть тя, блюдеши ли своея душя? И аште явишися неистовьствуя, не можеши увѣритися ему, яко блудеши оного душя.

Умъ свой присно отъ суетьныхъ мыслий въстягай, въспуштяй же къ Господу горѣ, симь бо на стьзю подвига въступаеши, душу же отъ раслабления свобажяеши.

Нѣсть бо дивьно чловѣчьску естьству низъпадати къ земльныимъ, нъ еже падъшися не въстати? Къто бо заблудивъ съ пути не възиска пакы? Раслабленъ ли бысть отъчаяниемь пакы дньсь, утрѣшний пакы днь подвигу отдажь.

Неразумие же убо есть, еже приходяштямъ благостынямъ вѣчьныимъ даръмь благааго Бога, ти не пожьдати трьпѣниемь и вѣрою, нъ о

земльныихъ радоватися и тѣхъ приятися, акы невѣруюшту въскрьсению.

Аште бо бы слава сего мира приближилася славѣ небесьнѣй, не бышя сынове мира сего распяли Господа славы, то кый бо рабъ дрьзнеть въ томь дому обитати, идеже господина его не прияшя?

Алкоту и жяжду Христа дѣля люби, елико бо пакость тѣлу твориши, души благодѣть зиждеши. Въздаяй бо судъ противу словомъ и помысломъ въздасть пакы благая и за малое, еже Его дѣля потрьпимъ.

Молитвы же душьныя пищя не отълагай, якоже бо тужить тѣло и отънемагаеть пиштя лишяемо, тако душя молтвьныя сладости лишяема на раслабление и умьртвие умьное приближяеться.

Свѣтъ убо въ храминѣ свѣштя, свѣтъ же въ чювьствѣ молитвьный разумъ; яснъ же свѣтъ от свѣштя, не суштю въмѣсу никоемуже, свѣтла же зѣло молитва непримѣсна мысли земьныихъ.

Прѣдай хотѣние Богу, вѣдуштюуму вся прѣже бытия чловѣку, и не проси воли твоей быти: всякого бо чловѣка мысль о непользьныихъ, нъ глаголи къ Богу: «Да будеть воля твоя!» Тъ бо строить вься на пользю намъ, ихъже мы плътьнии не вѣмы.

Въстени акы мытарь, прибѣгни акы блудьныи, умилися акы Ахаавъ, плачися акы Петръ, зови акы ханааныни, прѣдъстои яко въдовица, молися акы Иезекия, съмѣрися акы Манаси, — аште тако молишися, прииметь благый Господь молитву твою, акы мати младенца.

Безгрѣшьнааго есть дѣло, еже грѣхомъ судити чюжимъ, къто же е без грѣха? Развѣ единъ Богъ. Тъ бо единъ неомѣримъ и тому подобаеть судити суштиимъ подъ мѣрою.

Еже судити чловѣку съблазивъшюся гърдость есть и съмнѣние; Господь же гърдыимъ противиться. Иже бо по вься чясы отъвѣтъ дати о своихъ

грѣсѣхъ чясть, не скоро главы своея възведеть съблазнъ чюжиихъ съмотрити.

Не буди гърдъ, да не похвалиться гробъ, гърдость твою обьдьржа, и убогый почиеть на гробѣ твоем и никоегоже врѣда прииметь.

Видѣвъ мьртвьць носимъ, акы свое естьство помиловавъ послѣдуй ему и до гроба, дъвое бо добро приемлеши: оного дѣля съмьрти свое умрьтвие помянувъ съмѣришися, и пакы тѣло его помиловавъ, гробу прѣдавъ, помилованъ будеши.

Боляштааго посѣти, неси егоже хочеть въкусити, самъ же послужи о немь, акы о своемь сьрдоболи, вѣдый, яко и ты такоже имаши пострадати.

Стенюштю оному тяжько отъ болѣзни, ты же милостьныя своя сльзы испусти и въздъхни о болѣзни его къ Богу, въ нейже есть, и аште и лѣчьць прилучиться, ты даждь цѣну ицѣления его дѣля.

Умираюштю же ему, ты своима рукама очи его сътисни и уста его, къ Богу о души его отъ вьсего срдця помолися и омый своима рукама, аще же и убогъ есть, попецися не нага погрести его.

Зѣло успѣшьно къ покаянию и сльзамъ посѣштение умираюшттиихъ. И къто бо тъгда не приидеть въ умиление, видя естьство свое въ гробъ съходяшть, и имя его угасъше, славу же богатааго въ тьлю съшьдъшу.

Аште имѣеши дрьзновение къ властелемъ и къняземъ, поскърби о обидимѣмь отъ сильнаго, и до пота попьри по сиротѣ, да въмѣнить Господь капля пота твоего съ крьвию мученичьскою.

Аште ли незнаемъ еси князьмъ си, то къ тѣмъ, иже имуть дрьзновение къ нему, потужи о убозѣмь, и Господь рано по първому се въмѣнить ти.

Цькрви Божии завушти на молитву, остави дѣло земльное кое любо и иди на душевьную пиштю съ тъштяниемь, акы Петръ, Иоанъ къ гробу.

Идушту ти въ святый храмъ помысли, еда кого прогнѣвалъ еси въ коемъ дѣлѣ, и всяко потъштися гнѣвъный мракъ разгънати, да яко слнце освѣтить ти душу молитвьная доброта.

Съкрываеть бо тьмьный облакъ сличьную красоту и свѣтьлость, погубить молитвьную красоту помнѣние гнѣвьное.

Ступивъ въ двьри црквьныя, помысли сама врата небесная прошьдъ, и ту глаголавъ вьсь чясъ таиныи, съ дивъмь и съ страхъмь стой, съмотря бываемыихъ съ вѣрою тѣлесьныима очима и душевьныима, тъгда и самъ прѣмѣнися отъ земльныихъ мыслий на будущая блага.

Видѣвъ Христа, закалаема въ жьртву къ Отцу за вьсь миръ, чьто ино моштьнъ еси помыслити плътьнъ сы, тъкмо руцѣ въздѣвъ, рьци: «Слава многуму ти чловѣколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же по вься часы чястая съгрѣшения чловѣчьска, прѣмъногое же и бештисльное чловѣколюбие Божие, еже на чловѣчьстѣ родѣ имать и еже съгрѣшаюштемъ намъ търпить, и до послѣдьняаго дыхания ожидаеть *покаяния* нашего. Тѣмьже варимъ лице Его исповѣданием. Прииди потъштися и припади предъ Господьмь и въсплачи прѣдъ сътворивъшимъ тя, зови милость его, приглашай штедроты его, да же съмьрть не варить.

Не рьци: «Много съгрѣшихъ, много беззаконьновахъ, не имамь дрьзновения, еже къ Богу припасти», ни убо не отъчай себе, не *прилагайся* тъкмо отъселѣ къ съгрѣшениемъ и силою вьсемилостиваага Бога не имаши посрамленъ быти.

Не лъжьнъ рекый: «приходяштяаго къ мънѣ не иждену вънъ», и по сихъ: «вьсѣ обратитеся къ мънѣ и азъ исцѣлю вы, и не хочу съмьрти грѣшьнику». Тѣмьже дьрзай и вѣруй, яко Чисть сый приближяюштаага ся къ нему очистить.

Аште истиньно покаяние хоштеши прияти, то яви е дѣлъмь: аште гърдости каешися, покажи съмѣрение, аште пияньства, покажи постъ, аште любодѣяния, покажи чистоту. «Уклони бо ся, — рече, — отъ зла и сътвори добро».

Тъкъмо не ожидай въ тинѣ *грѣховьнѣй*. Вънезапы приимеши и въздъхнеши и не будеть послущяюштааго: егда аггелъ не пожидая прѣдъ очима ти станеть, врази же твои, яко облакъ, покрыють тя.

Вънимай души своеи, яко едина ти есть, едино веремя живота и невѣдомъ коньць, и непрѣходьна пучина въздуха, и врагъ твоихъ исплънена, нѣсть же помагаюштааго, развѣ добрыихъ дѣлъ, тѣмьже всею силою своею възишти ихъ.

Въступи на добродѣтель стьзю, поиди скоро, да же вечеръ не постигнеть, потъштиимъ къ вратомъ града вышьняаго, не съкланяйся ни на десно, ни на шюе, да не заблудиши въ пропасти мучения.

Епископомъ и пастухомъ Христова стада словесьныхъ овьць главу свою покланяй и припадай къ ногама ихъ, и моли да дасть ти ся благословление ихъ.

Прозвутеры ерея Христовы, прѣдъстателя таинѣй его тряпезѣ и дробителя тѣлу его вьсякою чьстью почьсти и съ страхъмь възирай на ня.

Таже дияконы, иподьякони, анагносты и акы служителя Божия съ вѣрою помышляй, и тъштися ниединомуже ихъ ни въ чемь же прѣгрѣшити.

Аште убо стояштиихъ прѣдъ земльныимь царьмь съ страхъмь чьстиши, бояся словъмь прѣрешти имъ, како убо разумѣеши о слугахъ небесьнааго царя?

Въ манастыря домы святыихъ потружяйся, вижь житие и устрой чинъ и уставъ. Видѣвъ бо перебывание ихъ, окаеши свое житие и управишися отътолѣ.

Съ суштиимъ же въ горахъ не лѣнися, ишти молитвы, проси благословления, и аште чьто имѣеши тѣлесьныя потрѣбы, донеси имъ и приимеши душевьну потребу.

Паче вьсякого чьрноризьца не тъштися минути бес поклонения, аште бо знаемымъ тъкъмо покланяешися и чьстиши я, то по съдружию то есть, а не по чьсти образа сущааго на нихъ.

Коньць же вьсѣмь прѣжереченыимъ възлюбиши Господа отъ вьсея душя и страхъ его да пребываеть въ срдци твоемь.

И правъ буди и истиньнъ, съмѣренъ, кротъкъ, покоривъ, долу поничя, умъ же къ небеси простирая, умиленъ къ Богу и къ человѣкомъ привѣтьливъ и печальнааго тѣшитель, трьпѣливъ въ напасти и ништетѣ, штедръ и милостивъ, ништиимъ кърмитель, страньноприимьникъ, скърбьнъ грѣха ради, веселъ о Бозѣ, алчьнъ буди, жядьнъ, кротъкъ, робокъ, покоренъ, неславохотьнъ, не златолюбьць, друголюбьць, негърдъ, боязнивъ прѣдъ царьмь, готовъ въ повелѣнии его, въ отъвѣтѣхъ сладъкъ, чясто молитвьникъ, разумьнъ трудьникъ къ Богу, не осудитель вьсякого человѣка, попьрьникъ и обидимыихъ нелицемѣрьнъ.

Чадо Еуаггелия, сынъ въскрьсения, наслѣдьникъ будуштая жизни о Христѣ Иисусѣ, Господи нашемь, Ему же слава, чьсть ныня и присно и въ вѣк вѣкомъ. Аминь.

Наказание Исухия, презвутера Иерусалимьскаго[4]

Страхъ въину имѣй и Божиюю любъвь и чисто къ вьсѣмь срдце.

Самого надъ собою стояшта Бога вѣруй, елькраты чьто твориши.

Радуйся, егда твориши добро, нъ не высися, еда погрязение на отишьи будеть.

Елико же въ законѣ прѣдиидеши, толико же недостаточьнъ ся съврьшеньемь вѣжь.

Всякого дѣла коньць прѣдъ начялъмъ распытай дьнь и ношть, къ коньчьнуму же дни възирай въину.

Не съмѣшайся съ тѣми николиже, яже видиши хулимы от добрыхъ.

Спѣши же никомуже вереда сътворити въ своемь дѣлѣ.

Не веселися цвьтуштими мира сего, яко травьныи бо есть цвѣтъ: елико бо имь вьрпеши, толико же увядаеть.

Въ печяльхъ благодарьстви Бога, и ярьмъ ти грѣховьный облъгъчить ся.

Съмотримъ себѣ, да инѣмъ не зазираемъ, мъного бо того въ насъ, имьже то *инѣмь* зазираемъ.

Псалъмь въину да будеть въ устѣхъ твоихъ, Богъ бо мѣнимъ прогонить бѣсы.

Молитва ти съ трѣзвениемь да бываеть умьнымъ, да не тако молимъ ся, якоже нѣсть годѣ Богу.

Въину поминай Бога, да яко небо будеть умъ твой.

Съвяжи языкъ си: многашьды бо извѣштаеть, еже есть лѣпо таити.

Доброты своя таи, послухы же житию мъногы имѣй.

Толико тъчью дай тѣлу, елико же трѣбуеть, не елико же похочеть.

Не люби питати ся, любъвь бо съ симь житьемь творить, вражьда же отъ него къ Богу плодить ся.

Отъвраштай ся житийскыя радости: та бо подъплъзати ся творить, текуштиимъ на спасение свое.

Елико же еси съгрѣшилъ, то стенаниемъ поминай, бываеть бо оттуду отъпуштение.

Потрѣбию святыихъ приобьштай ся, тѣми бо ти будеть къ Богу приобьштение.

Въ цьрквъви акы на небеси ступай, и ничьтоже въ ней не глаголи, ни помышляй земльнааго.

Уне вьсего довълъ имѣй, уступай же Богу пешти ся о немь, да будеши въину обильнъ.

Съпону твори плъти въ благыихъ трудѣхъ.

Пий медъ помалу, елико бо е съкрачаеши, то благодѣть ти е: и незапинани творить.

Утоли гнѣвъ, бѣсу бо есть отьць, егда без мѣры исходить.

Въ *язвѣ* прѣже врачя имѣй молитву.

Попы вься единако чьти, а къ добрыимъ подвижьникомъ тьци.

Люби Божия домы, Божии же домъ потъштися самъ вътворити.

Въ църкъвь *чясти*, мятежь бо ны вънѣшьнихъ свобажаеть.

Егда молитву твориши, умъ си къ Богу възведи, аште же и отъпадеть, пакы и горѣ възведи.

Не прѣстаеть умъ, зълы помыслы ражяя — а зълыя мысли вымѣтай, а добрыя сѣй.

Весели ся съмѣрениемь, еже бо бываеть высость съмѣрениемь, то необаряеть ся, нъ великъ есть.

Толико тружайя ся, елико мошти начьнеши въсхластити плътьскыя похоти.

Помышляй небесьныихъ благолѣпие добротъ, да ти о земльныихъ не будеть никоеяже похоти, и еже земльная красота не приидеть ти на умъ.

Земльныя мысли — сѣмена суштя вражия, вѣруй. Яко и мысли прѣдстануть, и бѣси, иже на ны, ту абие осрамять ся.

Укланяй ся многа смѣха, раслабляеть бо душю, раслабѣвъши же отъ законъныя узды удобь исхлаштяеть ся.

На дѣла подобаеть душу разлучяти ти на молитвы, тако бо не обрящеть многа въхода въ ны дияволъ.

Дѣло законьное мьни чьтение книжьное: егда бо умъ съ языкъмь къто хочеть ицѣлити, то въ книгы въину да зрить.

Аште на дѣло руцѣ простираеши, языкъ ти да поеть, а умъ ти да молить ся, просить бо отъ насъ Бог въину *поминати* его.

Всяко дѣло молитвою печятьлѣвай — то же дѣло, о немьже ти ся умъ на двое не мутить.

Праздьный же да не ясть, и пакы слышимъ *иного* въ васъ бештина ходяща и ничьтоже дѣлаюшта, нъ лицемѣрьствуюштяя.

Любяй дѣло бес печали перебываеть, начало гърдыни — еже не потрудити ся съ братъмь *противу* силѣ; приходяшти же на дѣло — не много глаголѣмъ, на тъштание наше буди, егоже ради *изыдохомъ.*

Мати зъльмъ — лѣность: доброты бо, яже имаши, крадеть, а ихъже не имаши — не дасть обрѣсти.

Аште хочеши, да ти будеть ручьное дѣло ти божъствьно, а не земльно — то да ти буде обьче съ *убогыми*.

Радуй ся о молитвахъ святыихъ мужь. И поистиннѣ суштя святы отъ дѣлъ распытай: кое бо овоште отъ плода познавается.

Безълобие твори сърдьцьмь, а чистоту тѣлъмь; то бо обое сътворить тя Божию цьркъвь тѣлесьную.

<...>

Егда тя оклеветають, разумѣй, еда е чьто до *тебе въ* клеветѣ той, аште ли *нѣсть,* то мни акы дымъ расходяшту ся клевету.

Егда обидимъ еси, подъбѣгай къ трьпѣнию, и трьпѣние твое врѣдить обидяща тя и устро*ить*.

Егда богатьство или *славу* видиши, помышляй тьлѣньныихъ вьсе, и убѣжиши уды жития сего.

Търпи скърби, въ скърб*ьхъ* бо доброты цвьтуть, акы въ трьньи цвѣтьци.

Плачи ся грѣшьника въ обильи живуштя, мечь бо си судьный готоваеть.

Егда къто зъло творя, и не стыдить ся о немь — отяжьчя бо ему стру*пы, и въ отьчаян*ие приходить уже.

Елишьды възтужиши, помысли, колико ти правьдныимь приходить пакостии — и приидеть ти даръ его.

Подобаеть быти всякому хрьстьянину съмѣрену, а еже къ овѣмъ съмѣрити ся, а къ овѣмь ни, — то лицемѣрьныихъ то есть съмѣрение.

Не бесѣд*уй съ з*ълыими, они бо поучяють тя на зълое, а съ приобьштениемь ихъ грѣха того приобьштиши ся.

Послушяти присно и глаголати съ добрыими поспѣвай, на рать бо благу душу подвизають.

Цьркъвь домашьнюю къжьдо насъ имѣй умъ свой, да творити подобьно ны есть въ ней законы црквьныя.

Зълобу тъгда възненавидиши, егда разумѣеши, яко — бѣсовьскъ то есть нож, на ны обостренъ.

Егда съ святыими бесѣдуеши, въпрашай ихъ о духовьнѣмь, егда ли не съ тацѣми, то ты самъ духовьнѣ бесѣдуй.

Иже слабо живеть, то того не приводи на съвѣтъ, и иже бо ся о зълѣ радуеть, то тъ ненавидить добра и съвѣта о томь не хочеть дѣяти.

Аште хочеши мучьныя болѣзни гонезнути, то никогоже не оклеветай, ни осужай: о томь бо Божьство паче вьсего гнѣваеть ся.

Аште хоштеши вьсякого грѣха боли быти, чюжихъ испытай: много бо того есть въ тебѣ, имьже то иному зазираемъ.

Бѣжи величанья, о человѣче, аште и великъ еси: еда Бога отъмештюошта ся, тебе обряштеши?

Люби съмѣрение, аште и великъ еси, да въ дьнь съкончянья възвышенъ будеши.

Не похули чловѣка николиже — и похуления не приимеши въ всемь животѣ своемь.

Егда въ цьркъвь идеши, не глуми ся пустошьныими, иже бо стоять прѣдъ кънязьмь, то ни смѣють ся, ни глумять ся.

Не посмѣйся чюжему падению, да самъ скоро падъ смѣху будеши, отъ нихъже не хочеши.

Храни учения си — да вѣньця славы подадять ти ся.

Буди дьржявьливъ заповѣдьмъ симъ — да сътворять тя славьна въ чловѣцѣхъ и угодьна к Богу, тако бо славить ся Божьство, и тацѣми исправленьи въгодити есть Богу.

Тако подобаеть хотяштууму безъистьлѣньно житие жити, и ни въ чьтоже мѣнити тьлѣемыихъ.

Аште истовыя жизни жядиши, то присно съмрьти чяй чловѣчьскы.

Ненавиди настояштяя сея жизни, видиши бо ю, акы коло валяще ся.

Вьсего паче почьсти душу — да добрыи ти трудъ без болѣзни творить ся.

Вьсе бо сьде тьлѣньно, душя же едина бес тьля, чтити убо подобаеть бестьлѣньное паче тьлѣньнааго.

Не проси у Господа славьныихъ, нъ *точию* польдзьнааго проси: оного бо аште и просяшти, то не дасть, аште ли и дасть, то истьлѣеть.

Не весели ся о богатьствѣ, печяли бо его отълучяють ны отъ Бога, аште и не хочемъ.

Николиже не прѣзьри убога плачюштя ся — да не прѣзьримы будуть сльзы мольбы твоея.

Отътязати ся подобаеть пияньства, въ немь бо по истверезении стенание и каязнь бываеть.

Помыслъ плътолюбивыих уне гнушяти ся, тьлять бо душу и плъть осквьрняють.

И землъное бес труда добро не творить ся, да почьто благословленаго ради труда укланяемъ ся?

Аште хочеши бес труда добро творити, то поминай, яко трудъ малогодьнъ есть, а мьзда вѣчьная.

Святъ есть домъ мольбьныи, имьже святыи свято намъ ведеть.

Аште сѣеши ништиимъ въ руцѣ, то не чюже сѣй, нъ свое: небонъ чюже сѣмя половела горчѣе.

Аште небесьныихъ желаеши, то ненавиди земльныихъ, не дадять бо си къ онѣмъ възлѣтати.

Матери благынямъ си суть чистота и милостыни: да нѣльзѣ ни бес тоя, ни бе-сея къ Христу воиньствовати.

Не обиди милостыня и любъве: та бо благааго Бога съ небесе съведе.

Не прѣзри чистотьныихъ съсудъ, Творьца бо въплъштена чловѣкомъ показа.

Не хошти богатѣти зѣло ни славити ся: тьля бо то есть, а мы нѣсмь тьлѣньни.

Надъ мрьтвыимь не плачи, нъ надъ несъмысльныимь: онъ бо обьшть путь, а се своя воля.

Съгрѣшаюштааго плачи, а не убожаюштааго: вѣньчяти бо ся имать сий, а онъ — мучити.

Глаголи къ Богу много, а къ человѣкомъ мало, поушчениемъ же законьныимь исправляй обою.

Омывание души — благо*молитвьная* сльза, нъ по мольбѣ помяни, чьсо ради ся еси прослъзилъ.

Богатыихъ жития сего не блажи, сильнии бо сильнѣе испытаеми будуть, тѣмьже ти Судию пристрашьна имуть имѣти.

Аште сами судимъ си — то и *Суди ны укротить* ся, радуеть бо ся; яко Благъ видя грѣшьника, беремя си распраштяюштя.

Якоже бѣдьно въ путѣ ристати, такоже и обязавъшюму ся симь житиемь бѣдьно тешти на небеса.

Вьсе дѣло зъло възуштяеть диавола, вьзуштенъ же бывъ, горьцѣ на възуштенааго обраштяеть ся.

Аште хочеши врага ои немоштьна сътворити, то грѣхы си умаляй — и, опѣшенъ отъ крылу, акы птиця играемъ и смѣху будеть тобою.

Горе хульнику, съвяжеть бо ся ему языкъ и не мошти начьнеть къ судии отвѣщати.

Горе нечьстивуму, егда бо вьси просвѣтять ся, тогда онъ помрачить ся злѣ.

Горе безаконьнику, къ суди бо яру и правьдивуму придеть.

Горе лихоимьцю, богатьство бо его отъбѣжить, а огнь и прииметь.

Горе ленивому, станет искать, неправѣдьно погубивъ, но ничего не обрящетъ.

Горе блудьнику, осквьрняеть бо ризу невѣстьнику, да и — царьства брака съ студъмь изгънанъ будеть.

Путь же съмьрти есть въ *дѣлѣхъ* зълыихъ разумѣваемъ, въ томь бо есть невѣдѣние Бога, имьже бываеть блудъ и разбой, и прочяя зълая дѣла.

Прѣмудрость Исусова, сына Сирахова[5]

Вьсяка мудрость отъ Господа и съ нимь есть въ вѣкы: пѣсъка морьскааго и капля дъждевьныя, Господьни вѣкъ къто иштьтеть?

Прѣмудрость кто ислѣдить, корень прѣмудрости кому отъкрыся, и разумъ ея кто разумѣ?

Единъ есть прѣмудръ страшьнъ зѣло, сѣдяй на прѣстоле своемь Господь самъ създ*алъ ю видѣ и иштьте* ю, и пролия ю на вьсѣхъ дѣлѣхъ своихъ, и даровалъ ю любяштиимъ его.

Зачало прѣмудрости — страхъ Господень, страхъ Господень — слава и похвала, и веселье — и вѣньць радости.

Страхъ Господень възвеселить сьрдьце и дасть веселие и дългодьние.

Бояштяму ся Господа благо будеть напослѣдъкъ, и въ дьнь съконьчяния своего благословленъ будеть.

Мъножьство мудрости — бояти ся Господа: и напаяеть ся отъ плодъ своихъ, вьсь домъ свой испълнить желания, и житьниця отъ жить своихъ.

Вѣньць прѣмудрости — бояти ся Господа: страхъ Господень процвитая миръ и съдравие и ицѣление.

Въжделѣвъ прѣмудрости, съблюди заповѣди, и Господь дастъ ти ю, прѣмудрость бо и наказание — страхъ Господень и благословление, вѣра и кротость.

Не съкрыва прѣмудрости своея, словъмь бо познана будеть *прѣмудрость твоя*.

Не можеть ярость неправьдьна оправьдити ся, чясъ бо ярости его — падение ему.

До врѣмене сътрьпить дълготрьпѣливый — и напослѣдъкъ дасть веселие; до врѣмене съкрыеть словеса своя прѣмудрый.

Не вьзнеси себе — да не отъпадеши, и наведеши на душу свою бештьстие, и отъкрыеть Господь тайны твоя, и посредѣ съньма низъложить тя.

Чядо, аште приступаеши работати Господеви, то уготови душю своя въ напасти, управи сьрдьце свое и сътьрпи, и не тъштися въ врѣмя наведения.

Вьсе, елико нанесено ти будеть, — приими съ съмѣрениемь, дълго трьпи: яко огньмь искушено бываеть злато, а чловѣци приятьни въ веремя съмѣрения. Вѣруй ему — и заступить тя, и до времене потрьпи трьпѣниемь — и послѣжде ти дасть веселие. И устьны мъногыихъ исповѣдять съмыслъ его, и въ недузѣ своемь не прѣзри.

Нъ помоли ся Господеви, и исцѣлить тя, отъложи прѣгрѣшения и управи руку, и отъ всякого грѣха очисти срдьце.

Бояштеи ся Господа, вѣруйте ему — и не отъпадеть мъзда ваша.

Бояштеи ся Господа надѣйте ся на благая, възьрите на пьрвыя роды и видите: кто вѣровавъ Господеви, постыдѣся? или кто, пребы въ страсѣ Его — оставленъ бысть? или къто призъва и´ — и прѣзьрѣнъ бысть? — зане штедръ и милостивъ Господь и оставить грѣхы, и спасаеть въ врѣмя печали.

Горе грѣшьнику, находяштю на два пути.

Горе сьрдьцю, ослаблену, яко не вѣруеть.

Горе вамъ, погубивъшиимъ трьпение — и чьто сътворите, егда посѣтить Господь?

Бояштеи ся Господа и не противять ся глаголомъ Его и прѣдъ Нимь съмѣрять душа своя.

Да въпадемъ ся въ руцѣ Господни, а не въ руцѣ чловѣкъ: яко величие Его, тако и милость Его.

Мене, отьця, послушайте, чада, и сице творите — да съпасете ся.

Не прѣрѣкуй противу истинѣ и о ненаказаньи своемь срамляй ся.

Не постыди ся исповѣдати грѣхы своя, и не стани противу быстринѣ рѣчьнѣй, и не покори себе мужю безумьну, и не обини ся лиця

сильнааго. До съмрьти противи ся по истинѣ, и Господь Богъ побореть по тебѣ.

Не рьци: «Много съгрѣшихъ, и чьто ми бысть?» — Господь бо търпѣливъ есть и оцѣштение бестраха не буди приложити грѣхы на грѣхы; и не рьци: «Штедрота Его мънога есть, и мъножьство грѣхъ моихъ оцѣстить» — милость бо и гнѣвъ у него есть, и на грѣшьницѣхъ прѣстанеть ярость Его.

Не буди скоръ языкъмь своимь, и лѣнивъ и слабъ въ дѣлѣхъ своихъ.

Не буди яко львъ въ дому своемь и величяя ся въ рабѣхъ своихъ.

Не буди рука твоя простьрта на възятие, а на даяние съгъбена.

Не належи имъньи своемь и не рьци: довъльно ми есть.

Не ходи въ слѣдъ душа своея и не рьци: «Кто мя прѣможеть?» — Господь бо мьстяй мьстить ти.

Не жьди обратити ся къ Богу и не отълагай дьнь отъ дне, напрасно бо изидеть *гнѣвъ* Господень, и въ врѣмя мьсти погыбнеши.

Не належи имѣньи неправьдьныихъ, никакояже ти польза сътворить въ дьнь наведения.

Не ходи вьсяцѣмь путьмь съ грѣшьникъмь и дъвоязычьникъмь.

Буди утвьрженъ въ разумѣ своемь, и едино буди слово твое.

Буди скоръ въ послушянии своемь, дльготьрпѣниемь отъвѣштавай отъ*вѣтъ*, аште есть въ тебѣ разумъ — то отъвѣштяй искрьнюму, аште ли же нѣсть — то рука твоя буди на устѣхъ твоихъ: яко слава и бештьстие — въ бесѣдѣ и языкъ человѣчь — падение ему есть.

Не слови шьпътникъ и языкъмь своимь не лукуй, зазоръ бо зълъ *на* иноязычьнѣмь.

О велицѣ и о малѣ не разумѣвай, и въ друга мѣсто не буди врагъ: имя бо лукаво поношение наслѣдить, тако и грѣшьный и дъвоязычыи.

Душя лукава погубить сътворьшааго и´, и радости врагомъ своимъ сътворить.

Грътанъ сладъкъ умножить другы, и языкъ доброглаголивъ умъножить добру бесѣду.

Съмиряюштии ся съ тобою да будуть мнози, съвѣтьници же твои — одинъ отъ тысушть.

Аште сътвориши друга, то въ напастьхъ си и сътвори и, и не скоро увѣри ся ему.

Есть бо другъ въ врѣмя *радости* и не прѣбудеть въ днь печали твоея: и отъ другъ прѣмѣнуя ся и бывая врагъ, и сваръ поношения твоего отъкрыеть.

И есть другъ, тряпезамъ обьштьникъ, и не прѣбудеть въ днь скърби ти, а и въ добрѣ твоемь будеть якоже и ты, и на рабы твоя простьретъ ся, а аште съмѣренъ будеши, то и на тя будеть, и отъ лиця твоего съкрыеться. Отъ другъ своихъ отълучи ся и отъ другъ своихъ вънимай.

Другъ вѣрьнъ — кровъ крѣпъкъ, обрѣтый же его обрѣте съкровиште: другъ вѣрьнъ — утѣха житию.

Бояштеи ся Господа обряштють его.

Чядо, отъ уности своея избери наказание и до сѣдины обряштеши мудрость.

Якоже оряй и якоже сѣяй, тако приступи къ ней и жиди благыихъ плодъ ея.

Въ дѣланьи бо ея мало потрудиши ся и скоро имаши ясти отъ *житъ ея* благая.

Прѣмудрость бо имя ея есть, и не многыимъ есть явлена.

Слыши, чадо, и сътвори *волю мою*, и не отъверзи *съвѣта* моего, и въведи *нозѣ свои* въ пута ея, и въ гривьну ея — выю свою, подъложи рамо свое и *поноси* ю — и да не будуть *узъкы* узы ея.

Вьсею душею своею приступи къ ней, и *вьсею силою своею съблюди* пути ея, ислѣди и *изишти* и познана ти будеть, и *самъ* ся за ню не *оставиши*, напослѣдъкъ бо обрящеши покой ея, и обратить ти ся на веселие. *И будуть* ти пута ея на покровъ *крѣпости*, и гривьны ея на одѣние славы, *красота* бо злата есть на ней, и узы ея — извитье камене драгааго.

Въ одеждю славы облѣчеши ся ею и вѣньць радости възложиши на ся.

Аште въсхоштеши, чадо, наказанъ будеши, и аще въдаси душю свою — то разумьнъ будеши, и аште възлюбиши слышяти — то поживеши, и аште приклониши ухо свое — то мудръ будеши.

Чадо, въ мъножьствѣ старьць станн и аште къто е прѣмудръ, томь ся прилѣпи, вьсяку повѣсть въсхочи слышяти, и притъчя разума не убѣжить тебе.

Яште узьриши разумива, то утрьнюй къ нему, и степени двьрий его да търеть нога твоя.

Не твори зъла, да не постигнеть тебе зъло, отъступи отъ неправьды и уклонить ся отъ тебе.

Сыне, не сѣй на браздахъ неправьды — и не пожьнеши ихъ седмерицею.

Не проси у Господа владычьства, ни у князя сѣдалища славьна.

Не оправьдай себе прѣдъ Богъмь и паче цесаря не прѣмудряй ся.

Не ишти да буди судии, еда не мошти начьнеши неправьды отълучити, еда како убоиши ся отъ лица сильнааго и положиши блазнъ въ правости своеи.

Не съгрѣшай въ мъножьствѣ граду, ни низъложи себе въ народѣ.

Не сътвори дъвоици грѣха — в одинѣмъ бо повиньнъ будеши.

Не ругай ся чловѣку въ горести душя его суштй: есть бо съмѣряяй и въносяй.

Не глаголи на брата неправьды, ни другу того сътвори, *еже ти* себѣ не <хоштеши>.

Не въсхотѣи лъгати всякоя лъжа, воиньство бо ея не благо.

Не примѣшай себе множьства грѣшьникъ, помяни, яко гнѣвъ Господень не замьдлить.

Не измѣни друга различия дѣля, ни брата приснааго злата дѣля и камене драгааго.

Не *лиши* ся жены мудры и благы: благодѣть бо ея *есть* паче злата.

Не озълоби раба, дѣлаюшта въ истину, ни *наимьника*, дѣлаюшта душею своею.

Раба разумива да любить душя твоя и не лиши его свободы.

Су ли ти чада, то наказай я и прѣклони отъ уности выя ихъ.

Су ли ти дъштери, то вънимай тѣлесьмъ ихъ и не утишяй к нимъ лиця своего.

Въдай дъштерь — и будеши съвьршилъ дѣло велико, и мужеви разумиву въдай ю.

Е ли ти жена душевьна, то не изгони ея, и ненавидяшти тебе — не вѣруй еи.

Вьсѣмь сьрдьцьмь своимь прослави отьця своего, и матерьня болѣзни не забуди, *помяни*, яко тѣма *рожденъ еси, ничьто има* въздалъ еси, яко*же та тебѣ*.

Вьсею душею своею работай Господеви, иереомъ его покаряйся; вьсею душею своею възлюби Сътворьшааго тя и служитель его не оставляй.

Бой ся Господа и прослави иерѣя, и дай часть его, якоже ти есть заповѣдалъ Господь начатъкы о съгрѣшениихъ и жьртву святыня. Ништиимъ простьри руку свою, да съвьршить ся благословление и *благодать* даяния прѣдъ вьсяцѣмъ жив*ъмъ*.

И надъ мрьтвьци не възбрани *благодѣти* и не лиши ся отъ плачюштиихъ ся, и съ желѣюш*тиими сѣтуй* и не лиши ся посѣштяющихъ, — сими бо възлюбленъ будеши.

Въ всѣхъ словесьхъ своихъ поминай послѣдьняя своя и Судъ стра*шьный* — и въ вѣкы не съгрѣшиши.

Не свари ся съ чловѣкъмь сильнъмъ, еда како въпадеши въ руцѣ его.

Не *тишти* ся с чловѣкъмь сильнъмь, еда како отягьчить ти мѣру: *многы бо погубило* есть злато, и сърдьца *нъ на земъ* уклонило.

Не свари ся съ чловѣкъмь язычьныъмъ, и не накладай на огнь его дровъ.

Не играй съ ненаказаныимь — да не приимуть бештьстия прадѣди твои.

Не безъчьствуй чловѣка въ старости его: и отъ насъ бо състарѣются.

Не радуй ся о умьръшиихъ, помяни, яко вьси умираемъ.

Не прѣзьри повѣстий мудрыихъ и въ притъчахъ ихъ живи, яко отъ нихъ навыкнеши наказание и послужиши вельможамъ.

Не отъступай отъ повѣстий старьчь, *и ти* бо навъкли суть отъ отьць своихъ, да навыкнеши отъ нихъ и ты разуму, и въ врѣмя подобьно въдаяти отвѣтъ.

Не дай чловѣку крѣпльшу тебе въ заимъ, аште ли въдаси *бо ему* въ заимъ — то будеши *яко и* погубивъ е.

Не поручяй ся выше силы своея, и аште поручиши ся, то пьци ся, яко и въдаяи.

Не свари ся съ судиею *по прежѣ* бо судять ему.

О звании сильныихъ

Егда тя призоветь *сильный* — то отъступай, и егда паче призоветь тя — то не нападай, да не *отъринеши* себе, и не стани далече — да не забъвенъ будеши.

Не належи равьнъ быти съ нимь и не вѣруй *мъногыимь словесьмъ* его, мъногою бо бесѣдою искусить тя; и яко *смѣяти* ся испытаеть тя, съблюди и вънимай вельми, яко съ падениемь своимь ходиши.

Богатый бо колѣбля ся утвьржяеть ся другы, убогый же съпадъ ся пориновенъ будеть другъ его.

Богату съблазнивъшу ся, мънози заступници и глаголы *неиздреченьныими* оправьдять и.

Убогъй же съблазни ся — и припрѣтиша ему, и извѣшта разумъ — и не дашя ему мѣста.

Мързость гърдому — съмѣрение, такожде и же мьрзость богатуму — убогын.

Богатый възглагола — и *вьси умълкоша*, и слово *его* възнесошя до облакъ, убогый же възглагола — и вьси рекоша: «Чьто сь есть?» — и аште потъкнеть ся, въздринуть и.

Добро есть богатьство, въ немьже нѣсть грѣха, а зъло есть ништета въ устѣхъ нечьстиваго.

Чловѣку завидьливу нелѣпо е богатьство: ниже есть себѣ зълъ, иному добръ будеть? Возвесели ся въ имѣнии своем?

Завидь*ливу* у себя нѣсть зълѣйша, и се въздание зълобѣ его: аште и добро сътворить, то забывъ ся творить, и на послѣдъкъ изнесеть зълобу свою.

Око лихоимьця не насытить доръсти, и *обида* лукавааго исушаеть душю его.

Око лукаво завидьливо о хлѣбѣ, и скудьно на тряпезѣ своей.

Нѣсть веселия паче радости срдьчьныя, луче есть съмьрть паче живота горька.

Льсти душю свою веселиемь и тѣши сьрдьце свое, и печаль далече отърини отъ себе — да не въскорѣ състарѣеши ся.

Красьна есть милостини въ врѣмя скърби, якоже и облаци дъждевьнии въ время ведра.

Братия и помошть въ врѣмя скърби, и паче обоего — милостыни избавить. Имѣние и крѣпость възносить сърдьце, обаче обоего — страхъ *Господень*.

<...>

О вьсякомь дѣлѣ буди бъдръ, и вьсякъ недугъ не приступить къ тебѣ.

Чядо, въ животѣ своемь искуси душу свою и виждь, чьто ей есть зъло и не дажь ей: не ключить бо ся вьсе вьсѣмь, не вьсяка душя въ всемь благоволить. И не прѣсыштяй ся въ вьсякой пишти и не разливай ся на различьнѣ брашьнѣ.

Въ мнозѣ бо брашьнѣ недугъ бываеть и прѣсыщение до кручины доидеть, прѣсыштениемь бо мнози умьроша — помняй *же се*, приложить ся животѣ.

Нѣсть убо добро не хранити ся отъ всякого суда.

Чядо, якоже имаши добро сътвори себѣ и приношения Богу приноси достойно, помяни, яко съмьрть не замьдьлить, и завѣтъ адовъ не показнъ бысть.

Даже не умьреши, добро сътвори другу и по силѣ своей простьри руку, и даждь убогыимъ по силѣ своей.

Не лиши ся добра, и чясть добра не минеть тебе; и не инѣмъ ли оставиши тяжяние свое, и труды твоя на раздѣление жрѣбия, яко нѣсть въ адѣ искати пиштя?

Чядо, не люби множьства неключима и не весели ся о сынъхъ ненаказаныихъ — рекъше нечьстивыихъ; аште и умъножать ся. Не весели ся о нихъ, аште нѣсть страха Господня съ ними. Не вѣруй

животу ихъ, въздыхание бо и плачь невидимъ — и вънезапу коньчину ихъ разумѣеши.

Луче бо е одинъ, нежели тысяшти, и умрети добрѣе бештядъ, нежели имѣти чада невѣрьна. Оть единого бо разумива уселить ся градъ, колѣно же безаконьныихъ опустѣеть: мъного сицего видѣ око мое.

Чловѣкъ мудръ въ всемь угодить, и въ дни грѣха уклонить ся съгрѣшения, вьсякъ разумивый познаеть мудрость.

Разумьнии словесы ти умудришя ся и *удрьжашя* притьчя *испы*тьны.

Дѣлатель пияница не *обог*атѣеть.

Медъ и жены отворять разумьныя, и прилѣпляяй ся любодѣицяхъ дьрзѣи будетъ.

Слыша ли слово тайно — да умьреть съ тобою, и не всякому словеси вѣру емли.

И *одѣние* мужя, и смьяние зубъ, и ступание чловѣка възвѣстить яже о немь.

Есть мълчя обрѣтая ся мудръ, есть другый ненавидимъ многою бесѣдою, и есть мълча не имать бо отъвѣта.

Човеѣкъ мудръ умълчить до врѣмене, и умъножяй словеса мързъкъ будеть, гърдяй ся — възненавидѣнъ будеть.

Даяние безумьнааго не сътворить пользя никоеяже: мало бо въдасть, а мъного испоносить.

Поплъзение отъ земля добрѣе паче, нежели от языка.

Усты безумьнааго отъвържена будеть притъчя, не речеть бо ея въ время свое.

Порокъ зълъ чловѣку лъжа, и въ устѣхъ ненаказаныихъ присно будеть.

Уне е тать, неже лъжя присно, оба же пагубу наслѣдуета.

Мьзда и дарове ослѣпляють очи мудрыихъ, да видяштеи не видять.

Студъ отьцю о ненаказании рожденааго отъ него.

Дъшти же на умиление будеть, дъшти мудра почьстить мужя своего.

Отьца и мужя посрамить дързая, и отъ обою прииметь бещьстие.

Надъ мьртвыимь плачи ся — отъиде бо свѣта, и безумьнааго плачи ся — иштезе бо отъ него разумъ.

Вьргый на пътицѣ камень отъгонить ѣ, тако же иже поносить другу своему — разорить дружьбу.

За друга аште отъвързеши уста — не стыди ся, есть бо съмѣрение.

Не кльни ся именьмь святого: чловѣкъ кльныи ся мъного испълнить ся безакония, и не отъиметь ся отъ дому его рана, и аште съгрѣшить — грѣхъ его на немь.

Чловѣкъ, сълазя отъ одра своего, глаголя въ души своеи: «Кто мя видить? — и стѣны застоять мя, и никътоже мене видить, яко и крыю ся грѣхъ моихъ, — и не въспомянеть Вьшьнии». И почи чловѣчьскѣ страхъ его. И не разумѣ, яко очи Господни — тьмами есть свѣтьлѣйше сълньця, призирающи на вься пути чловѣчьскыя и съматряюшти въ тайныхъ мѣстѣхъ, и разумѣють оставльшеи, яко ничьтоже луче страха Господня, и ничьтоже слаже, еже вънимати заповьдѣмъ Господнямъ.

Стыди ся отьця и матери — блудъмь, сильнааго и властелина — о лъжи, судия и кънязя — о съгрѣшеньи, събора и людии — о безаконии, обьштьника и друга — о неправьдѣ, мѣста, на немьже живеши, — о татьбѣ и правьды Божия и завѣта Его.

Храни ся отъ словесъ поносьныихъ на другы, и не поноси ти давъшу, и не стыди ся о сихъ.

И на судѣ не оправьдай нечьстива.

О дързости

Съ дързъмь не ходи на путь — да не въстанеть на тя, тъ бо сътворить по силѣ своей, и въ неразумьи его погынеши.

Съ яръмь не свари ся и не ходи с нимь сквозѣ пустыню, предъ очима бо его кръвь яко ничьтоже есть, и идеже не будеть помошти, то ту и низложить тя.

Съ уродивыимъ свѣта не твори, не можеть бо словесе държяти.

Прѣдъ чюждиими не сътвори ничьто же тайна: не вѣси бо, чьто ти сътворять.

Не являй вьсякому чловѣку сьрдьца своего, да не възнесеть ти хвалы.

Не даждь женѣ душя своея, наступити ей на крѣпость твою.

Не сърѣтай жены блудьниця, да не како въпадеши въ сѣти ея.

Дѣвы не съматряй, еда како съблазниши ся въ опитимияхъ ея.

Не дажь блудьницамъ душя своея, да не погубиши наслѣдия своего.

Отъврати очи свои отъ жены красьны и не глядаи чужея доброты, въ добротѣ бо женьскѣй мнози заблудишя и *похоть* отъ нея, яко огнь разгараеть ся.

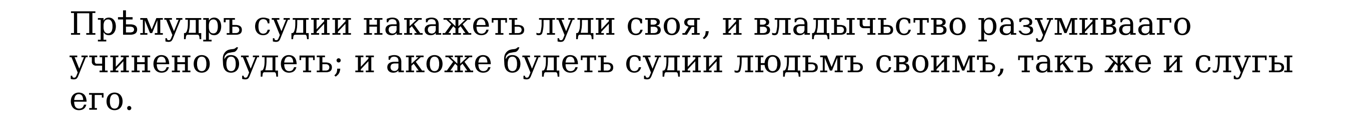
Съ мужатицею отинудь не посѣди и не побесѣдуй съ нею въ винѣ: еда како уклонить ся душя твоя на ню — и духъмь своимь поплъзнеши ся въ пагубу зълѣ.

Не рьвьнуй славѣ грѣшьника: не вѣси бо, како будеть раздрушение его.

Не оставляй старааго друга: новый бо нѣсть тъчьнъ ему.

И съ мудрыими съвѣщавай, и съ разумьныими буди размышление твои, и вься повѣсти твоя въ законѣ вышьняаго.

Мужи правьдьни да обѣдають съ тобою, и въ страсѣ Господни буди похвала твоя.


Прѣмудръ судии накажеть луди своя, и владычьство разумиваага учинено будеть; и акоже будеть судии людьмъ своимъ, такъ же и слугы его.

<...>

Не дрьжи гнѣва на ближьняаго своего, и не сътвори ничьсоже въ дѣлѣхъ досяждения; възненавидѣна прѣдъ Богъмь и чловѣкы гърдыни, и отъ обоихъ съгрѣшить неправьда.

<...>

Неправо есть укаряти убога разумива, и неподобьно есть славити мужя грѣшьна.

Самъ испьрва сътвори чловѣка и остави и въ руцѣ мысли своея. Иште хочеши — съблюдеши заповѣди, и вѣру *сътвориши* благоволения.

Прѣдъложилъ ти огня и воду: на неже аште хочеши — простьреши руку.

Прѣдъ чловѣкъмь животъ и съмьрть, и еже аште изволить — дасть ся ему: яко многа прѣмудрость Господня.

Крѣпъкъ силою и зьряй вьсего, и очи Его на бояштиихъ ся его, и Тъ познаеть вьсяко дѣло чловѣчьско.

Не заповѣдалъ ни одиному же бештьствовати, и не дасть ослабы ни единому же съгрѣшати.

Обраштая ся къ Богу, огрени ся грѣха, и отъврати ся отъ неправьды, и зѣло възньнавиди мързость.

Първѣе даже въ недугъ не въпадеши съмѣри себе, и въ *врѣмя грѣхъ* обрати ся къ Господу.

И не замьдьли въздати молитву въ врѣмя, и уготови себе *и не буди*, яко чловѣкъ, искушая Бога, помяни гнѣвъ въ дьнь съконьчания своего.

Добро *есть обличати*, нежели ярити ся.

Обличи друга: мъногашьды бо бываеть клевета; и не вьсякому словеси вѣру емли.

Словеса притъчьная

Прѣмудрыи словесы *прѣд*ъведеть ся, и чловѣкъ мудръ годѣ будеть вельможямъ.

Луче чловѣкъ, съкрывая *буесть* свою, *нежели* съкрывая мудрость свою.

<...>

Познанъ есть издалечя сильный языкъмь своимь.

Разумивый же вѣсть, въ чемь ся поплъзаеть.

Сърдьце буяго яко съсудъ утьлъ: вьсякого разума не удьрьжить.

Слово мудро аште услышить разумивый, въсъхвалить е и къ нему приложить.

Боголишивый же смѣхъмь възнесеть гласъ свои, мужь же мудръ одъва осклабить ся.

Осквьрняеть свою душу шъпътьникъ.

Якоже сълѣпляй съсудъ изломленъ, такоже учяий безумьнааго.

Иже повѣдаеть безумьному — и *на коньци* речеть: «Чьто бѣ?»

Дьвѣ вешти умножаеть грѣхы, и *третия* — идеть гнѣвъ.

О женахъ зълыихъ и добрыихъ. Мала есть вься зълоба противу зълобѣ женьскѣй, жрѣбий грѣшьника да испадеть на ню.

Жена *лукава* — язва сьрдьчьная.

Отъ жены начятъкъ грѣху — и тою вьси умираемъ.

Не *даждь женѣ* дрьзновения на тя глаголати, аште *не ходить* подъ рукою ти, отъсѣци ю отъ плъти своея.

Жены добры блаженъ есть мужь ея, и число днии его сугубо.

Жена добля веселить мужя своего, и *лѣта его* испълнить миръмь.

<...>

Жену мудру не удобь обрѣсти.

Въ женахъ рѣдъко обрящеши истину.

О женѣ лукавѣ. Волю жити съ львъмь, неже съ женою лукавою.

Лукавьство жены измѣняеть зракъ ея, и посупляеть лице свое.

<...>

Якоже емляй ся за стѣнь и *гоняй* вѣтры, такоже емляй вѣру съномъ.

Духъ бояштиихъ ся Господа поживеть, надежда бо ихъ на Спасаюштааго я, бои ся Господа ничимьже постыдить ся, очи бо Господьни на бояштяя ся Его.

Благословление Господьне еже отъступити отъ грѣхъ, и оцѣштение еже отъступити отъ неправьды.

Приносяй ся жьртву отъ неправьды, приношение его небрѣгомо есть, ни множьствъмь жьрьтвъ не отьпустить ся грѣхъ.

Якоже закаляй сына прѣдъ отьцьмь его, тако приносяй жрътву отъ имѣния убогыихъ.

Хлѣбъ бо — плъть ихъ, животъ убо ихъ, лишяяй же его чловѣкъ кръвь *проливаяй есть*.

Якоже *проливаяй кръвь*, тако же *удьржавый мьзду* наимьника.

О десятинѣ. Не яви ся прѣдъ Господьмь тъштъ — *вьсе бо* се есть запо*вѣди ради*: приношение правьдьнааго мастить олътаря и благоухания его прѣдъ Вышьнимъ.

Жьртва мужа *правьдива* благоприятьна, и память его не *забъвена* будеть: окомь благомь прослави Господа, и не *умали* начатъка отъ руку своею.

<...>

Дажь вышьнему подаяния Его, яко Господь въздаяй есть, и седмерицею въздасть ти.

<...>

О златолюбьци. Любяии злато не оправдять ся, и любяй растьлѣюштяя самъ насытить ся: мънози съпадоша злата дѣля и бысть пагуба ихъ прямо лицу ихъ.

Блаженъ *богатый* иже обрѣте ся бес порока и иже въ слѣдъ *злата* не иде; къто сь есть — да блажимъ его, сътворилъ бо есть дивьная въ лудьхъ своихъ.

Къто искуше*нъ имъ* бысть и съвьршилъ ся — и да будеть на похваление.

Къто бы моглъ прѣступьникъ быти и не прѣступи, и зло сътворити, и не сътворилъ — да утвьрьдять ся благая его и милостыни его исповѣсть цьркы святая.

Бояштааго ся Господа не съряштеть зъло, аште ли въ напасть въпадеть, то па*кы изьметь* его.

Чловѣкъ разумивъ вѣру иметь закону и по Христовамъ заповѣдьмъ ходить, и законъ его вѣрьнъ есть.

Боляре и судия славьни суть, и нѣсть ихъ ни единъ же болии боящаага ся Господа.

Рабу разумиву свободы поработають.

Не прѣмудряй ся, творя дѣло, и не слави ся *въ врѣмя тугы*.

У друга подъзираюштааго тя и у врага не повѣдай *съвѣта*.

<...>

Отъкрываяяй таину погубилъ есть вѣру и не обряштьть друга противу души своей.

<...>

Мудрость съмѣренааго възнесеть главу его и посредѣ вельможь посадить *и*´.

Пьрвѣе даже не слышиши — не отъвѣштявай, и не вълагай ся въ срѣду бесѣды, и на съвѣтѣ грѣшьныихъ не сѣдай.

<...>

И чяды своими познанъ будеть мужь.

И не всякого чловѣка въведи въ домъ свой: блюди ся зълодѣя, зло бо съдѣваеть.

<...>

Егда въ добрѣ будеть мужь, то врази его въ печяли будуть.

И не емли вѣры врагомъ своимъ въ вѣкы.

И якоже бо мѣдь обръжявѣеть, тако и злоба его; и аште и съмѣрить ся и поидеть поникъ, постави душу свою и храни ся оть него — и будеши ему, яко очиштено *зьрцяло*.

Не постави его у себя, да не въздривъ тя станеть на мѣстѣ твоемь. Не постави его одесную себе, да не поиштеть сѣдалиштя твоего, — и напослѣдъкъ разумѣеши словеса моя и о глаголѣхъ моихъ умилиши ся.

Устьнама своима усладить *тя* врагъ, а сьрдьцьмь своимь съвѣтуеть въринути тя въ ровъ.

Очима своима прослъзить ся врагъ, и егда обряштеть время — не насытить ся отъ кръви.

Даште обряштеть тя зъло, то ту его обряштеши първѣе себе, и яко *помагая* подъразить *пятѣ* твои, главою своею покываеть и въсплещеть рукама своима, и много пошьпъчеть, и измѣнить лице свое.

Беремене паче себе не въздвижи, и съ крѣплѣшиимъ себе и съ богатѣйшимъ не приобьштай ся: кое бо приобьштение гърньцю съ котьлъмь — *тъ* бо приразить ся и съкрушить ся.

Богатый, обиду сътворивъ, и самъ прогнѣваеть ся, убогый же, обидимъ, и самъ примолить ся. Аште ли имаше, то поживеть съ тобою, аште ли не имаши — то отъльстить тя отъ себе, и въсмѣеть ти ся, и възглаголеть ти добрѣ, и речеть: «Ти е ли ти, чьто трѣбѣ?» — и посрами тя борошьнъмь своимь, *дондеже не тъштить* тя дъвоици, и напослѣдъкъ поругаеть ти ся шютомь, узьрить тя — и оставить тя и главою своею покываеть на тя.

Вънимай, сыну мой, и не забуди, да не съмѣриши ся въ веселии своемь.

О меду. Въ меду не мужай ся, мъногы бо погубилъ медъ. Горесть души мъного пиемъ медъ съ гнѣвъмь и съ клеветою зълѣ.

Въ пирѣ меда не облыгай ближьняаго, и не сърини его въ веселии его.

Старѣйшиною ли тя поставишя, то не възноси ся, буди въ нихъ яко единъ отъ нихъ.

Идеже послушяние будеть — не изнеси бесѣды, и без ума въ пирѣ не мудри ся, буди якоже вѣды и мълчя.

Посредѣ вельможь не равьнъ ся твори, и иному не глаголюштю не зѣло прилежи, мужь бе съвѣтливъ не прѣзрить размышления.

Бе-съвѣта не сътвори ничьсоже, и егда сътвориши — не раскай ся.

Не съвѣщай съ подъзираюштиими тя, и отъ искушяюштиихъ тя съкрый съвѣтъ.

Не съвѣштавай съ страшивъмъ о брани, съ купьцьмь о приложеньи и съ купуюштиими о купли, и съ завидьливъмь о похвалении, и съ несмилостивыимь о помилованьи, и съ рабъмь лѣнивъмь о мънозѣ дѣланьи, — не наложи на сия о всякомь съвѣштяньи.

Съ мужьмь благовѣрьномь буди, егоже аште познаеши съблудаюшта заповѣди Господня: и аште съгрѣшиши — поболить съ тобою, и съвѣта сьрдьчьнааго поставить.

Есть мужь съмысльнъ и многомъ казатель, и своей души есть неключимъ.

И есть чловѣкъ мудръ своей души, и плодъ разума его въ устѣхъ вѣрьнъ.

Мужь мудръ люди своя накажеть.

О мьрьтвьцихъ. Чядо, надъ мрьтвьцьмь источи сльзы: и якоже зълѣ стражя, начьни плачь, и якоже достоить съкрый тѣло его, и не прѣзьри погребения его.

Горькъ сътвори плачь и рыдание дьнь единъ или дъва хуления ради: отъ печяли бо съмьрть бываеть, и печаль сьрдьчьная съломить крѣпость.

Помяни уставъ, яко и сице твой: «Мьнѣ — заутра, а тебѣ — дьньсъ».

Въспомяни ся о немь въ исходѣ душя его и утѣши ся, въ печяли бо и въ плачи не сътвориши ползя ему никоеяже.

Сьрдьце свое дажь утрьневати къ Господу, сътворьшууму тя, и прѣдъ Вышьниимь помоли ся, и отъврьзи уста своя на молитву; и о грѣсѣхъ своихъ помоли ся, и убога помилуй.

Печаль велия испьрва създана бысть вьсякому чловѣку.

Имѣние неправьдьныихъ яко рѣка исхънеть.

Чяда грѣшьныихъ мрьзъка будуть живуштя съ притъчями нечьстивыихъ.

Чядъ грѣшьныихъ наслѣдие погынеть и съ сѣменьмь ихъ будеть поношение.

О отьци нечьстивѣ зазьрять чяда, яко его ради приемлють поношение. Чада грѣшьныихъ не укоренять ся.

О чьсти родитьлъ. Господь прославилъ отьця о чядѣхъ, и судъ матерьнь утвьрдилъ есть о чядѣхъ.

Чьтый отьця оцѣсти грѣхы, и якоже богатяй ся прославить матерь свою.

Чьтый отьця възвеселить ся о чядѣхъ, и въ дьнь мольбы своея послушянъ будеть.

Прославляяй отьця длъгы дьни сътворить, и послушяяй Господа покоить матерь свою, и *ту же* владыкама поработаеть ражьшима его: дѣлъмь и словъмь чьти отьца своего, да наидеть ти благословление отъ него, благословление бо отьче утвьрьжяеть домы чядомъ, клятва же матерьня искореняеть до основания.

Не слави ся въ бештьстьи отьця своего, нѣсть бо ти слава къ *бештьстьи*, нъ слава чловѣку отъ чьсти отьця своего, и поношение чадомъ мати въ *беславьи*.

Чадо, заступи въ старость отьця своего, и не оскърби его въ животѣ его, и аште изумляеть ся — то не зазри емь и не укори его вьсею крѣпостью своею.

Милостыни бо отьчя не забъвена бываеть — и въ грѣхъ мѣсто привъзиждеть ти ся, и в дьнь печяли твоея въспомянеть ти ся, яко угъ на мразъ, тако растають ся грѣси твои.

Коль хульнъ оставлий отьця своего и проклятъ Богьмь раздражаяй матерь свою.

Чядо, лѣта своя съ кротостию прѣпровожяй — и чловѣкомъ възлюбленъ будеши.

<...>

Огнь поляшть вода угасить, а милостыни оцѣстить грѣхы.

Чядо, жита ништааго не лиши и не мини очью просьливу.

Душя алчушта не оскърби, и не разгнѣвай мужя въ *нищетѣ его*.

Сърьдця разгнѣвана не прѣвъзмути и не мимо неси даяния трѣбуюштааго.

Раба скърбяштя не отърѣй и не отъврати лиця своего отъ ништа.

И отрѣбуюштааго не отъврати очью.

Не дажь мѣста чловѣку кляти тя: кльнуштюуму бо тя въ горести душя его сушти — мольбу его услышить Сътворивый его.

<...>

Прѣмудрости похвала

Прѣмудрость похвалить душю свою и посрѣдѣ людий своихъ похвалить ся и въ църкъви вышьняаго уста своя отъвьрьзеть.

<...>

<Мудрость> трьми украсихъ ся и есмь красьна: прѣдъ Богомь и чловѣкы; лубъвь ближьнихъ и мужя, на селѣ тяжяштя; три же норовы възненавидѣ душя моя, и зѣло ми мьрзить животъ ихъ: убога хупава, и богата лъжива, и старца, умаляюштя ся разумъмь своимь — егоже въ уности не събьралъ еси, то како можеши обрѣсти въ старости своей?

<...>

Святого Василия, како подобаеть чловѣку быти[6]

Лѣпо есть чловѣку имѣти паче вьсего жития — да не прилежить имѣньи зѣло, нъ тѣлеси въздьржяние, уДобрение норову, гласу умиление и удобрение, ѣдение и питие без говора съ удьржяниемь.

Прѣдъ старьци — мълчяние, прѣдъ мудрыими — послушяние, съ тъчьныими любъвь имѣти, съ мьньшиими — лубъвьное съвѣщание.

Отъ плътьскыихъ и любосластьнынхъ вештий бѣгати, мало глаголати, а множѣе разумѣвати, не дьрзу быти словъмь, ни прѣрѣковати въ людьхъ.

Не скоро въ смѣхъ въпадати, соромяживу быти, долу очи имѣти, а не горѣ, не противу отъвѣщавати.

Послушьливу быти до съмьрти, тружяти ся до съмьрти, поминати присно страшьное и въторое пришьствие и дьнь съмьртьный.

О надежди радовати ся, молити ся непрѣстаньно, при вьсемь Бога хвалити.

Въ скърбьхъ търпѣти, къ всѣмъ съмѣрену быти, величяния бѣгати, говѣину быти.

Блюсти сьрдьце отъ помыслъ зълыихъ, събирати имѣние на небесьхъ, законъ хоронити, любити Господа вьсѣмь сьрдьцьмь и ближьняаго, яко самъ ся.

И самому ся испытати о помыслѣхъ и о дѣлѣхъ по вся дьни.

Не оплитати ся лихыми рѣчьми и не искати жития лѣнивыихъ, нъ тъкъмо подражяти я святыихъ отьць.

Радовати ся съ исправльшими доброноровие и не завидѣти, съ стражуштими страдати и съ плачюштиими зѣло плакати ся.

Осужену быти неже осудити, ниже поносити обраштяюшту ся отъ грѣхъ.

Николиже себе правьдьна творити, нъ грѣшьника себе имѣти прѣдъ Богъмь и чловѣкы.

Учити ненаказаныя, увѣштати малодушьныя, служити больньшъ, ногы святыихъ умывати.

Страньныихъ и братолубьи прилежяти, съ единовѣрьныими миръ имѣти.

Еретикъ чловѣкъ отъвраштяти ся, книгы прѣданыя почитати, а въ съкръвеныя отинудь не приницяти.

О Отьци и Сынѣ и Святѣмь Дусѣ не пытати, нъ единосуштьну святую Троицу съ дрьзновениемь глаголати.

Крьштяти ся есть лѣпо, якоже прияхомъ и не кляти ся отинудь, и не даяти сребра своего въ лихву, ни иного ничьсоже на умножение пиштя.

Бегай пияньства и отъ печалии жития сего, не бесѣдуй луками отинудь ни о комь же глаголати.

И никакоже послушяти клеветания, нъ вьсе съ испытаниемь, никомуже скоро яти вѣры.

Не томи ся гнѣвъмь, не быти дьржиму похотьу, не без ума гнѣвати ся на ближьняго.

Сълньце да не заидеть о гнѣвѣ вашемь. Не дьржяти гнѣва ни на когоже, не въздати зъла на зло, ни клеветы за клевету.

Нъ паче похулену быти, неже хулити, обидиму быти, а не обидѣти, отъштетити ся, а не отъштетити.

Паче же вьсего достоить чловѣку въздьржяти ся отъ бесѣдъ женьскыихъ и срамьныихъ словесъ, медъ бо и жены отъвраштяють и съмысльныя.

Въ заповѣди не сътужити ся, нъ мьзды и похвалы отъ Него чяяти и вѣчьныя жизни желати и прияти.

Имѣй Бога прѣдъ очима въину: яко сыну отъ вьсего сьрдьця и крѣпости и разума лубити Бога, и яко рабу — бояти ся, сумьнѣти и служити Ему.

Страхъмь и трепетъмь спасение себѣ съдѣвати, духъмь горѣти и тешти не лѣняшти ся, объльчену быти въ оружие Святааго Духа.

И бороти ся съ врагъмь въ изнеможени плъти и въ ништетѣ душя, и вьсе повелѣние творити, и непотрѣбьна себе глаголати, и благодарити Бога.

И ничьсоже съ завистью творити, и чловѣкоугождения бѣгай, зане Богъ расыпа кости чловѣкоугодьникъ, и не хвалити ся отинудь.

Ни похвалы себѣ глаголати, ни иному хваляшту послушяти, вътайнѣ вьсе творити, и не на видѣние чловѣкомъ творити, нъ тъкмо отъ Бога хвалы и милости просити.

Помышляти прѣшьствие отъсуду, приготованая благая правьдьныимъ, такоже уготованый огнь дияволу и ангеломъ его.

По вьсему и апостольское слово помьнѣти, яко не достоины страсти сего врѣмене противу будущимъ глаголати ся въ насъ, и съ Давыдъмь глаголати: «Храняштиимъ заповѣди Его — въздание много», и вѣньци мнози — правьдьныимъ, вѣчьнии крови, жизнь бес коньця, радость неизглаголанная отъ Отьця и Сына и Святого Духа.

Съ цьсари и патриархы, съ пророкы и апостолы и мученикы, и съ вьсѣми угождьшиими съ нимиже обрѣсти потъштим ся о Христѣ Исусѣ, Господи нашемь, Емуже славы ныня и присно и въ вѣкы вѣкомъ.

Ксенофонта, еже глагола къ сынома своима[7]

Азъ, чядѣ, реку вама, чловѣчя жития отити хоштю. Вѣста бо, како въ житии семь жихъ без лукы, како отъ вьсѣхъ чьстьнъ бѣхъ и лубимъ не сана ради велика, нъ норовъмь великъмь.

Не укорихъ никогожe, ни вередихъ и никогоже не оклеветахъ, ни завидѣхъ никомуже.

Ни разгнѣвахъ ся ни на когоже, ни на мала, ни на велика.

Не оставихъ цьркъве Божия вечеръ, ни заутра, ни до полудьне.

Не прѣзьрѣхъ ништиихъ, ни оставихъ страньна, и печальна не прѣзьрѣхъ никъгъда же, и иже въ тъмьницахъ заключении, потрѣбьная имъ даяхъ, и иже въ плѣньницѣхъ — избавихъ.

Не помыслихъ на доброту чужю, не познахъ жены другыя, развѣ матере ваю, и та дондеже ва роди, и потомь еште не познахъ ея, нъ съвѣштяховѣ ся чистою съвѣстью тѣлесьною, и о Господѣ мудрѣ съхраниховѣ ся по православьнѣй всякои вѣрѣ; тако сътворихъ до съмрьтьнааго дьне.

Тако и вы живѣта, чядѣ мои, да и ваю Богъ ублажить и длъголѣтьна явить и сътворить.

Убогыихъ посѣштяйта, въдовицѣ заштиштайта, немоштьныя милуйта и осужяемыя бес правьды изьмѣта, миръ имѣита съ всѣми.

Паче же вьсѣхъ, иже въ пустыни и въ печерахъ, и въ пропастьхъ земльныихъ добро творита.

Поминайта манастыря, чьрноризьць стыдитася и чьтѣта и милосрьдуйта.

Матери же ваю чьсть отъдайта, и вьсе добро сътворита ей, да Господа узьрита радуюштя ся, и о томь веселита ся въ вѣкы.

Вьсе, елико имата златъмь и сребръмь и ризами, неимуштиимъ подайта, и въ работѣ суштяя, акы своя чяда лубита, и уныя милуйта, и старыя свободы съподобита, пищу имъ до съмртьти дающя, и съпроста реку:

еже мя видѣста творяштя — и вы творита, да спасета ся и съподобита ся святыихъ.

Матере не забывайта, волу ея творита и послушяйта съ страхъмь Господьньмь.

Вѣдѣ бо, яко дѣло Господьне дѣлаета, заповѣди Господьня хранита, и Богъ мира сего буди съ вама. Аминь.

<…>

О милостивѣмь Созоменѣ[8] и о томь, како даяй нищему 100-рицею прииме

Бѣ нѣкыи чловѣкъ, живыи въ Иерусалимѣ, Созоменъ именьмь. Тъ идый единою сквозѣ градъ, узьрѣ нища, нага и печяльна; и съвлъкъ ся, дасть ему одеждю свою и иде въ домъ свой. И дьнь прѣклонилъ ся бѣ на отъвечерие.

И легъ; мало усънувъ, видѣ въ сънѣ, яко обрѣте ся въ дворьци прѣчюдьнѣ, и въ немь бяше свѣтъ безмѣрьный чисть и цвѣтове мънози различьни, и садове вьсяции.

И видѣхъ же ины ограды, яже бяаху обрасли отъ горы до долу плоды, добровоньныими и красьныими, и вѣтвие прѣклонило ся бѣ до земля, другъ друга добрѣе.

Пътиця же многообразьны сѣдяху вьрху ихъ, пѣснь поюштя сладъку, друга къ друзѣ прикланяюшти ся, млъчяния не имуште.

Яко же гласу слышяну быти отъ земля до небесе, садове же колѣбааху ся, стояште въ славѣ велицѣ, источьници же течяаху, яко и дуга въ красу стояшти.

Си же ему видяшту: приде къ нему нѣкый уношя, красьнъ зѣло, и глагола ему: «Поиде въслѣдъ мене». Онъ же иде въслѣдъ его, и придосте къ стоборию, золотъмь покръвену, и полаты зѣло славьны и красьны. И зьряштю Созомену тамо, и се изидошя ис полатъ тѣхъ мужи крилати, свьтяште ся, яко и сълньце, носяште ларѣ 4-ри, о коемьждо лари служяште 4.

Егда же прѣчюдьныя ты двьри миноваахy анъгели, разумѣ Созоменъ, яко къ нему бяху идуште, и егда приидоша къ стоборию оному и противу Созомену сташя.

Съньмъше же ларѣ съ шии своихъ и поставльше ѣ, жьдааху нѣкоего вельможѣ прити къ нимъ. И видѣ Созоменъ: и се мужь, красьнъ зѣло и доброобразьнъ вельми, излѣзъ ис полатѣхъ, прииде къ ангеломъ, носяштиимъ ларѣ, и глагола имъ:

«Отъкрыите ларѣ и покажѣте я чловѣку оному, чьто ему хранять свитъ за едину свиту, зане помилова нагааго оньсицю».

И ту абие отъкрышя единъ отъ златыхъ онѣхъ ларевъ, и начашя искладати — срачицѣ и свиты цьсарьскыя; и оскрилы красьны и различьны видѣниемь, и простираху прѣдъ нимь, глаголуште: «Воле, господи Созомени, угодьна ли ти суть прѣдъ очима?»

Онъ же глаголааше: «Нѣсмь достоинъ на стѣнь свитъ сихъ зьрѣти!» Кажюштемъ же имъ свѣтьлыя и пьстрыя и златыя ризы, и възиде число ихъ до тысяштя.

Егдаже показашя ему, еже глаголеть, «100-рицею прииметь и животъ вѣчьный наслѣдуеть — за едину свиту», глагола ему ангелъ: «Тебѣ глаголю, Созомене, се колико ти уготовахъ благыихъ за едину свиту, еже видѣ мя нага и умилосрьди ся и облѣче мя — иди убо и твори такожде, и въздасть ти ся 100-рицею!»

Се слышавъ, Созоменъ глагола ему, страхъмь одьрьжимь и радостью, глагола ему: «Да тако ли есть, иже милостыню творять убогыим?» — И

глагола ему: «Ей! всякъ бо, облачяяй убогааго, Христа облачить, и всякъ съвлачяя, Христа съвлачить. Или: накърьмляя, Христа накръмить и прииметь.

Се же ти заповѣдаю: не раскай ся николиже о милостыни, ни поноси ништю, яко далъ ему еси чьто, еда въ мьзды мѣсто сугубу тъштету въсприимеши, вьсякъ бо даяй милостыню и раскаявъ ся и поносивъ, мьзду си погубить».

И се слышявъ, Созоменъ въспрянувъ и дивляаше ся, чюдя ся видѣнию и помышляаше, глаголя: «Аште си тако, то и другую дамь свиту нищиимъ». И въ другую ночь видѣ тъ же сънъ.

И бысть милостивъ зѣло на убогыя, яко слышяти вьсѣмъ коньцемъ земля милостивое его житие и штедроты, яже на всякомъ чловѣцѣ, и бысть угодьнъ Богу и чловѣкомъ.

Иже всхочеть самовольствъмь и льготою бес труда спасти душу свою — милостынею можеть спасти ю, милуяй бо ништя, Богу въ заимъ даеть, и сѣяй съ благословлениемь и съ благословлениемъ и пожьнеть жизнь вѣчьную.

Якоже самъ Господъ въ Еуангелии глаголеть: «Блаженни милостивии, яко ти помиловани будуть». Богу же нашему слава и ныня.

Коньчяшя ся книгы сия рукою грѣшьнааго Иоана; избьрано из мъногъ книгъ княжихъ. Идеже криво, братие, исправивъше чьтѣте: благословите, а не клънѣте. Аминь.

Кончяхъ книжькы сия въ лѣт 6584 лѣто при Святославѣ князи Руськой земля. Аминъ.

[1] *Слово нѣкоего калугера о чътении книгъ.* — Искусное и умелое сочинение, по мнению ученых, в значительной степени принадлежащее составителю сборника Иоанну. Это первое в истории нашей книжности сочинение о пользе, целях и методе чтения. Легко проследить, как, отталкиваясь от стихов 118 псалма (здесь восемь цитат из него, в разной степени переработанных), автор строит свое рассуждение, отсылая читателя к признанным авторитетам средневековой учености и художественного мастерства, прежде всего к Василию Кесарийскому и Иоанну Златоусту, «и делает это с большим мастерством, обнаруживая при этом талант писателя» (*Розов Н. Н.* Как «сделана» вступительная статья Изборника 1076 года // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 46).

[2] *Слово нѣкоего отьця къ сыну своему...* — Поучения от отца к сыну — очень распространенный жанр византийской и древнерусской литературы, они всегда имели конкретного адресата, но, в духе средневековой литературы, не индивидуального, а типичного адресата, человека определенного социального положения. Средневековье за личностью всегда видело общественную группу, класс или ремесленный цех. Характерно снижение социального ранга «сына» с течением времени: царь-государь, знатный боярин, военачальник, богатый «гость», обычный купец — они проходили в веках, сменяя друг друга в качестве типичного для данного времени «героя», имевшего право поучать других. В Слове Изборника фрагменты из сочинений византийских писателей, отцов церкви, расположены в очень свободном порядке, который определялся вкусами писца и его возможностями получить тот или иной материал.

[3] *Еже убо правовѣрьну вѣру имѣти основания добрыихъ дѣлъ есть...* — Стословец Геннадия, патриарха константинопольского (ум. в 471 г.), переведен в Болгарии и на Русь попал уже в славянском переводе, но со многими изменениями в языке. Изборник 1076 года содержит древнейший список. Это сто афоризмов в стихотворной форме, толкующих основные положения христианской морали и вероучения, главным образом — на основе поучений (бесед, или Слов) Иоанна Златоуста. Стословец — один из главных источников нравоучительных сборников эпохи средневековья (Златая Чепь, Измарагд, Домострой), некоторые из них начинались с текста Стословца, который мог переписываться и как отдельное произведение. «Причина популярности этого памятника заключается в простоте изложения и поэтому удобопонятности для людей невысокого умственного развития» (*Яковлев В. А.* К литературной истории древнерусских сборников: Опыт исследования Измарагда. Одесса, 1893. С. 41).

[4] *Наказание Исухия, презвутера Иерусалимьскаго.* — На самом деле принадлежит перу Нила Синайского, ученика и последователя Иоанна Златоуста (он умер около 450 г.). Изречения Нила были очень популярны среди древнеславянских книжников благодаря своему содержанию: они также исповедовали «нейтральную этику», не касаясь крайностей ни языческой, ни христианской вер. Уже в ранних греческих списках текст приписывался Исихию. Эти изречения известны в трех переводах на славянский язык: древнейший славянский

сделан у южных славян (именно он и входит в состав Изборника 1076 года), в конце XII в. в составе Пчелы — сборника афоризмов — был выполнен и древнерусский перевод текста; тогда же на Руси был переведен и полный текст Наказания, который издан в Памятниках древней письменности (СПб., 1892. Т. 92).

[5] *Прѣмудрость Исусова, сына Сирахова*. — Относится к числу неканонических книг Писания (как и книга Премудрость царя Соломона). Здесь содержится множество изречений, впоследствии легших в основу пословиц и поговорок, в частности, и у древнерусских писателей (напр., у Даниила Заточника). Также существует несколько переводов, в том числе и сделанных на Руси. По мнению исследователей, в составе Изборника 1076 года содержится древнейший перевод, может быть, X в. Текст в составе современной Библии не всегда точно соотносится с расположением и характером приводимых здесь цитат.

[6] *Святого Василия, како подобаеть чловѣку быти.* — Своего рода небольшая подборка цитат из произведений Василия Великого, епископа Кесарийского (330—379), также бывшего одно время патриархом константинопольским; в основе лежит его «Слово о подвижничестве, как подобает украшать себя монаху», которое переделано в интересах всякого вообще человека, заинтересованного в развитии личных добродетелей. Перечни добродетелей и пороков совместно рисуют нравственный портрет человека эпохи раннего средневековья, и общей мыслью проходит идея «человечности человека» в этом жестоком мире. Произведение относится к жанру «слов» святых отцов, *како жити христианом*, широко известному на Руси и вошедшему в состав многих средневековых сборников.

[7] *Ксенофонта, еже глагола къ сынома своима.* — Фрагмент пересказа из «Жития Ксенофонта» с поучением детям, откуда многие заимствования, иногда буквальные, попали и в оригинальные древнерусские поучения, например, в Поучение Владимира Мономаха; также один из источников русского Домостроя и круга памятников, с ним связанных.

[8] *О милостивѣмь Созоменѣ...* — Отрывок древнеславянского перевода X в. из 69 главы Первой редакции византийского жития Нифонта Констанцского (V в.), в котором эта новелла является вставкой — образным обоснованием необходимости подавать милостыню. Как и все тексты, попавшие в Изборник, композиционно и стилистически переработан, в значительной мере сокращен, но в конце добавлено чисто светское рассуждение. Завершение Изборника именно этим произведением весьма знаменательно, поскольку вся композиционная линия Изборника 1076 года не лишена логической и художественной идеи, смысл которой — в утверждении доброты и помощи ближним.

ПЕРЕВОД

Слово некоего старца о чтении книг

Полезно, братья, чтение книг каждому христианину, ибо сказал блаженный: «Хранящие откровения Его всем сердцем — взыщут Его». Что это — «хранящие откровение Его»? — Читая книги, не старайся быстро читать от главы до главы, но вдумайся, о чем говорят книги и слова их, трижды возвращаясь к каждой главе. Ибо сказано: «В сердце моем сокрыл Я слова твои, чтобы не согрешить пред тобою». Не сказано «устами лишь произнес», но — «в сердце сокрыл, чтобы не согрешить пред тобою», — подразумевая глубины написанного, направляемый ими. Скажу и я: «Узда и правит конем, и сдерживает его, сущность же праведного — в книгах его».

Ни корабля без гвоздей не сделать, ни праведника — без чтения книг, и как у пленников на уме родители их, так у праведника — чтение книг. Воину красота — оружие, а кораблю — паруса, так и праведнику — чтение книг. «Открой, — сказал, — очи мои, — и постигну чудо закона твоего», — ибо очами он называет воображение внутреннее, и так далее; «Не сокрой от меня заповедей твоих», — так понимай, что не от глаз скрывай, но от разума и от сердца. Потому и осудил уклоняющихся от ученья, говоря: «Прокляты избегающие заповедей Твоих...» Потому и сам себя похвалил, говоря: «Как сладки слова твои, слаще меда устам моим, дороже тысяч золота и серебра». И восхвалил, говоря: «Возрадуюсь я о словах твоих, обретая великую прибыль», прибылью называя слово Божье и говоря: «Обрел, недостойный, я дар поучаться словам Твоим день и ночь», — так и мы, братия, постигаем ушами разума услышанное и познаем силу и смысл святых книг.

Послушай же жития святого Василия и святого Иоанна Златоуста, и святого Кирилла Философа, и многих других святых, как о них говорят впервые о них поведавшие: с детства предавались они святым книгам, а после и на добрые дела подвиглись. Смотри же, что начало добрым делам в поучении книг святых! Так вот, примером этих святых и подвигнемся мы на путь жития их и на дела их, и станем всегда научаться их книжным словом, исполняя их волю, как велят они; тогда и будем достойны мы вечной жизни во веки. Аминь.

Слово некоего отца к сыну своему, слова душеполезные

Господи, благослови!

Сын мой и чадо, приклони ухо твое, внимая отцу своему, изрекающему тебе спасительное.

Чадо, приблизь разум сердца своего и внимай словам родившего тебя, ибо не во вред душе твоей, но ради укрепления разума. И к царству небесному поведут тебя.

Отвори сосуд сердца, и пуст.ь стекают туда слова слаще меда, которые смогут и оживить, и бессмертным явить тебя.

Но с чего начну поученье мое, сын мой, что прежде всего явлю: метания и пороки света сего — или житие, богоугодное и спасительное?

Лучше всего нам, чадо, продумать жизнь от Адама, праотца нашего, до этого нашего века: как много людей прошло по земле, и все забыты, лишь единицы в памяти, прославившиеся на небесах и на земле, те, которые по заповедям Божьим все дни свои прожили, взирая лишь на Всевышнего; некоторые прожили кротко, только добрым словом уста свои утруждая; некоторые мало света сего касались, всю свою мысль, все желанья направив к бессмертной жизни и о ней единой вздыхая, Бога моля достойньш Его явиться.

Поэтому, чадо, предпочти тех житье и тех в образец возьми, и тех последуй делам, и вникни, каким путем шли они и какою стезею пустились.

<...>

Голову пониже держи, ум же — высоко, очи потупя к земле, духовное зрение — к небу; сомкнуты уста, уста же сердца всегда вопиют к Богу.

Тихо ногами ступая, мысленными стопами стремись к небесным вратам; уши закрывай для дурных речей, мысленным слухом звуки лови святых слов, что записаны в книгах святых.

Ладони сожми на стяжанье греховных богатств сего света, но простри их на милость к убогим.

Не стыдись преклонить свою голову перед любым, кто создан по образу Божью, старшего годами почтить не ленись и упокоить старость его постарайся.

Равных тебе с миром встречай, меньших тебя с любовью прими, стань перед тем, кто честью выше тебя.

Чадо, не лишай добровольно себя вечной жизни, как от врага, убегай от греха, душу твою губящего.

Не стремись веселиться в мире сем, ибо все радости света сего плачем кончаются. И это ясно видно на двух соседях: у этих свадьбу гуляют, а у других мертвеца оплакивают. Да и сам этот плач так суетен: сегодня плачут, а завтра пируют.

Так что примечай суету века этого и преходящую плоть нашу: ибо сейчас расцветаем, а завтра вянем.

Поэтому в краткой сей жизни и взыщи жизни вечной, у которой, в отличие от этой, нет ни скорби, ни воздыхания, ни плача, ни сетования, но радость и веселие, свет немеркнущий: солнце — сам Господь.

Ту жизнь возлюби, к ней каждый день устремляйся, о той всегда помышляй; пусть тебе, спящему, будет в изголовии — мысль о небесной радости, а пищей встающему — память о царстве небесном.

Чадо, голодного накорми, как тебе сам Господь повелел, жаждущего напои, путника приветь, больного посети, к темнице дойди, — взгляни на беду их и вздохни.

Пусть в скорбях твоих будет тебе спасение церковь, но и, кроме печалей, всякий день и час в церковь войдя, к Всевышнему припади, лицом покрывая землю, и попроси Его поминать тебя — и не уклонится от тебя душелюбец человеколюбивый, но примет тебя и утешит.

Под церковью же разумей небо, под алтарем — престол Всевышнего, служители же — это ангелы Божии. Поэтому в церкви, как на небесах, со страхом стой, как пред очами самого Бога; выходя же не забывай, что было или что слышал.

Стань кротчайшим из людей — и будешь небесным жителем;

Скорби о грехах, воздыхай о соблазнах, печалься в паденьи своем — очистишься, и при исходе души окажешься ты беспорочным;

Помни о смерти всегда, и память такая научит тебя больше всех, как прожить в этом кратком времени;

Будь разумен и размышляй, что есть воля Божия, чего царь небесный требует от земных, что просит от твари своей — не малой ли и легко исполняемой милостыни? Ибо писано: «Помилуй — и будешь помилован!»

Что требует Бог, преисполненный благ, от нас? Хвалы ли? — но хвалят его и ангелы; поклонения ли? — но поклоняются Ему и небесные силы.

Он просит того, что на пользу нам, во спасение: просит милосердия, желает кротости, любит мир. Этим ты, чадо, волю его исполни хоть в малом, а он твою волю — на веки: мало даруй — и получишь вечное, дай одно — и возьми сторицею; предай себя Богу — и будешь страшен врагам своим, видимым и невидимым.

Если в волнах житейских ты, в буре морской попадешь в беду, укажу тебе, сын мой, пристанище истинное — монастыри, жилища святых. К ним прибегай — и утешат тебя, в скорби приди — и возвеселишься, сын, ибо они беспечальны и могут утешить в печали.

Если же есть у тебя в доме что-то им нужное, снеси им, ибо все то ты в руки Божьи кладешь и получишь за то награду.

В городе, где ты живешь, или окрест него, найди хоть единого человека, который боится Бога и служит Ему всей душою, а если обрел человека такого, то уже не скорби, ибо тем самым обрел ты ключи к небесному царству; к нему прилепись и душою, и телом, смотри, как живет он: как ходит, сидит или ест, все привычки его изучи, но больше всего лови слова его, не дай ни единому слову его на землю упасть: ибо святые слова дороже жемчуга.

Праздники же святых почитай, не упивайся сам, но голодных и жаждущих накорми.

Пусть знают твой дом нищие, вдовицы, сироты, не имеющие где приклонить головы. Богат ли твой дом, беден ли — все то получено Божиим промыслом, все именье твое.

Не говори о владении своем: «То мое», — но скажи: «Поручено мне на недолгие дни», и точно ключник доверенное тебе раздавай, как велел то тебе поручивший. Поэтому, что тебе дал Всевышний, то сделай именьем Всевышнего.

Не оставляй его наследникам, но и детей своих, и жену свою, и всех потомков своих поручи ты Богу, хранителю доброму, ибо милость его велика и богатство несметно.

Ведь имение света сего подобно реке: стекает вниз и снова приходит с верховьев. Что же те, кто живет у истока, — не наполняют сосудов своих и скота не поят, говоря, что в низовьях живущим нужно оставить, сами же мало возьмем? — Нет, но черпают с избытком, не беспокоясь о тех, кто живет в низовье, хотя и одна их минует река.

Так и с именьем: не заботься о будущих сыновьях, внуках, правнуках, дочерях. Ибо случится другое время, и напасть, воровство иль война, и тогда пропавшее им не поможет.

Так что при жизни своей размышляй о душе своей и печалься о ней, ведь как она у тебя одна, так одно время жизни и смерть — одна.

Так страдай о себе, о себе и скорби, и еще здесь проси прощенья грехов, а при смерти — охраны от бесов, чтобы, туда отправляясь, в царство Божье от века, прийти на готовое: в палаты Его сверкающие — но только когда окупил их здесь. Если же мира сего богатством желал бы купить ты хоть самую малую из палат вышнего Иерусалима, то богатств, со всего мира собранных, не хватило бы на цену ее.

Только милостыней покупается царство Божие, а милостыня зависит не от величины, количества или малости даянья, а от возможностей дающего ее от всего сердца.

Ведь подаянье нуждающимся и есть та блаженная милостыня, наполнившая сосуды тех пяти мудрых дев, которым отверзалось царство небесное.

И ты прими ту же милостыню неотступно и навяжи ее на шею свою — пусть будет с тобою всегда на веки.

Ведь говорит Писание: «Милостыня мужа — точно печать»: если примешь ее, ни один из врагов на тебя не встанет, не скажет тебе: «Куда идешь?», видя, что носишь печати царя небесного и к Нему ты идешь.

Вопрос: Как же я приму ее?

Ответ: Все сможешь, если захочешь, ибо не трудно это: ибо если насытился пищей — накорми голодного, напился — напои жаждущего, согрелся — обогрей дрожащего от мороза, в хоромине ли красивой и высокой живешь — введи в дом свой скитающихся по улицам. Порадовался ли в застолье — возвесели и скорбящего, порадовался ли чему — порадуй и сетующего, почтили ли тебя, богатого, — почти и ты убогих, весело ли ступаешь по ступеням, выходя от князя, — сделай так, чтоб в доме твоем не ходили скорбящие.

И то уже не малая милость, если домашние твои без скорби, без воздыхания и без плача пребудут. А если достойны наказания за какую вину, пусть вместо этого будут помилованы. Если станешь так поступать, то и ты, вместо казни, будешь помилован при исходе твоей души.

Пусть твой дом будет — дом молитвы и покой иереям, служителям Божиим, и всякому чину церковному. Введи таких в дом свой, со всякою честью их усади, стол накрой им, словно Христу самому, сам же стань им служить.

И вознесут тогда у Божьего алтаря молитву они за тебя, будто фимиам восходит к Богу от них. Свеча твоя в церкви постоянно светит, и просвира твоя — лежит.

Поминай всех, живущих в монастырях, кто ангельский образ носит; а когда они будут, введи их в дом свой, поставь им трапезу по монастырскому чину, жену же свою, и детей, и слуг научи в молчанье и страхе служить им, как ангелам Божиим. А провожая их, отпусти с поклоном, дав им, что нужно, и монастырю их.

Это много, если одно лишь «Господи, помилуй!» хотя бы на день купишь у них — и это уже бесценно, ибо писано: «Много может молитва праведного». Так, если может молитва одного, насколько лучше, если многие из таковых обратятся к Богу.

Еще больше тем, кто живет в скитах, плотским ангелам, угождай; отвергли они сей мир, служа единому Богу; принеси им нужное, прими их молитву, вложи в свое сердце святые слова их, освятись их благословением, молись хоть однажды за грехи твои с воздыханием — и вернешься в свой дом чистым.

Клеветы же не слушай ни на монаха, ни на святителя, даже если и сам ты их видишь в соблазне. Больше чем глаз своих послушай Бога, сказавшего: «Не осуждайте, да не осуждены будете!»

А тем, что встречаются тебе на пути, не стыдись головой своей поклониться.

И если сможешь так поступать, не будет тебе ущерба от богатства твоего, но, как уже и сказал я прежде, станет оно водителем к царству небесному, словно защитник и добрый друг, а то, что неправедно получил и греховно хранил, явится злее дьявола, тебя губя. Богу слава ныне.

Поучение богатым

Раз уж великим от Бога сподобился ты благам, то и воздавать должен больше.

Открой уши свои к страдающим в нищете, тогда и ты встретишь Божий слух открытым.

Каковы мы бываем к рабам нашим, таков и небесный Владыка окажется к нам.

Отвращайся льстивых слов льстецов, они точно вороны: исклюют мысленное зрение.

Если хочешь, чтобы все почитали тебя, стань всеобщим благодетелем; если хочешь исполнить все, тебе данное, воздай честь творящим добро и накажи творящих зло.

Таких себе выбирай друзей и советников, которые не все тобой изрекаемое хвалят, но стараются отвечать рассуждением справедливым.

Разумно судьям подобает выслушать обе стороны, ибо нельзя решить справедливо второпях и без внимания; вдумайся в спор спокойно, суд твори не спеша.

Твердо знай: залог твоего спасения — никогда простолюдина не обижать.

Будь для своих подчиненных чином грозен, а добротою любезен: насколько силой ты выше всех, настолько и делами добрыми светить постарайся всех больше.

Прося прощенья грехов, прощай и сам пред тобой согрешающих, ибо прощая своих рабов, мы получаем свободу от гнева Божия.

И нарекут тогда истинным властелином, когда овладеет он самим собою и гнусным желаньям не станет служить.

Смерть и изгнанье, и беды, и зримые все несчастья пусть стоят пред очами твоими во все дни и часы.

Будь таким для своих рабов, каким просишь быть к тебе Бога.

Не оправдывай виноватого, даже если и друг он тебе, и не обидь не виноватого, если и враг он тебе.

Если кто-то имеет душу, свободную от страстей человеческих, и видит немощь своего естества, его увядание и скорый конец этой жизни, — в грех гордыни тот не впадет, даже будучи в чине высоком.

По тщательном размышлении в сердце своем обдумай характер всех, с тобой пребывающих, и тогда наверное различишь ты тех, кто с любовью служит тебе, и кто только льстиво пресмыкается. Ибо многие лицемерной приязнью самым славным приносят беды.

Потому и не следует выслушивать клеветника, сладко тебе напевающего, или поклепы на ближнего, — и не оставит тебя Божья любовь и царствие небесное.

Останови нашептывающего тебе в уши — и не погибнешь с ним вместе.

Поскольку иметь православную веру есть основание добрых дел, так от веры начинается слово к тебе, брат, ведь и ты просил с верой, а не с хитростью: знаю, что даст мне Господь ради веры твоей написать тебе эти слова, ключи ко спасению.

Веруй в Отца и Сына и Святого Духа, в Троицу нераздельную, Божество единое — Отца нерожденного, Сына рожденного, а не созданного, Духа Святого, не рожденного и не созданного, не исходящего: три — в единой воле, в славе одной, в чести; и единое поклонение от всей твари, от ангелов и людей приемлющую, превечно и бесконечно пребывающую во веки веков.

Веруй в воплощение Сына как истинно бывшее, а не воображаемое: в двойную сущность его Божества и человечества — Бога по Божеству, человека по воочеловечиванию, но в обоих них — совершенного.

Кресту Христову покланяйся с верою, ибо на нем сотворил Господь спасенье всем людям.

Иконе Христа и пречистой его матери и всех святых его с верою честь воздавай, точно к самим им с любовью обращайся в молитве.

Имей всегда страх Божий в сердце и помни, что Бог здесь с тобою на всяком месте, где идешь иль сидишь.

Страхом пред ним как уздой обороти свой ум и удерживай постоянно, ибо, блуждая безудержно, научишься лишь суетному.

Ищи во всем самого простого — и в еде и в одежде, и не стыдись нищеты, ведь большая часть сего мира живет в нищете.

Не говори: «Богатого мужа я сын, и потому мне то стыдно» — ибо никто не богаче Христа, отца твоего небесного, тебя родившего в святой купели, но нищим и он ходил, не зная, где преклонить голову.

Правдою украшайся и старайся всем говорить истину, не свидетельствуй ложно с бесстыдным лицом, ибо губит Господь извергающих ложь, но кротко истину излагай.

Ибо лучше правдивому человеку быть ненавидимым, чем испорченному лицемерием быть любимым.

Ненавидимых в правде возвысит Господь, любимых во лжи — уничтожит, ибо и без проверки клеветникам знают цену.

Но если в ответ на правду твою во гневе обрушатся на тебя, не печалься, утешаясь сказанным Богом: «Блаженны возненавиденные за правду, ибо их есть царство небесное».

Кроток будь со всяким человеком, и кто выше тебя и кто ниже, ибо лицемерная кротость — стыдиться пред старшими и презирать низших.

Кроткая походка, кроткое сидение, кроткий взор, кроткое слово — все это пусть в тебе будет; в том ты и явишься истинным христианином.

А кротость — это ведь не досаждать никому ни словом, ни делом, ни повелением, но каждому человеку нравом своим услаждать сердце.

Славы земной не желай ни в чем, ибо слава земная насмехается над привязанным к ней, точно буря ветренная, налетев на короткое время на человека и плод добрых дел обронив, тут же исчезнув, лишь посмеется его неразумию.

Кто хочет быть славным в сем мире, тот бесчестья не терпит, кто держится веры — безвестность любит, размышляя о том, что сказал Господь: «Как можете веровать, от людей принимая славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищете?».

Бесчестье терпи, точно чашу полыни прими ее, даже если тебе неприятно, или изгнанья недуга греховного, ведь грех через сладость входит, а горечью — изгоняется.

Того, кто мечтает о вечной жизни и худо с земным согласуется, всегда помышляя о кончине своей, не терзает поношенье людское, он как гость, пришедший в мир сей, — претерпит бесчестье от хозяев своих, поскольку завтра надеется отойти.

С мучениками ради Христа желая общаться, наготе предай свое тело, волю свою — на попрание, утробу — на пост, сердце — на твердость, а кровь, если и не на пролитье извне, то изнутри иссуши ее пищею черствой — и примешь тогда желанное.

Знаешь ты, что, приглашая князя, убирают хоромы, ты же, если желаешь Бога в дом свой телесный вселить на просвещение жизни твоей, тело очисти постом, жаждою истреби, смиреньем укрась, накади молитвою благоуханной.

Храни от ветра свечу, молитву с юности укрась, точно невесту, бденьем, трудом, терпением — и тогда возжелает ее царь небесный.

Тайное место найдя и присев в тишине, помяни и грехи, и падения царств, и умились и сердцем, и взором, голову преклони и скажи со вздохом: «Ох мне, ох, пребыванье мое затянулось, кто ж даст воду главе моей и очам моим слезы? увы мне, увы мне, ибо близок день Господен!»

А если нет слез, не отчаивайся, почаще вздыхай и тяжко от чистого сердца, ибо слезы — дар Божий, так мало-помалу умиленьем и вздохом выпросишь их у Бога, ибо всякий просящий получит.

Обретши слезы, охраняй их изо всей силы от обжорства и пьянства, но больше всего остерегайся осуждать других: делай дело свое, а не суди человека, ведь не ты его создал.

Не верь и очам своим, если видишь, что кто-то грешит, ибо и очи обманут: ведь и прежде в раю соблазнились очи, и свершилось падение их от взгляда.

Кто носит на ребрах своих рану, полную гноя, не гнушается чужими прыщами, всегда размышляя о множестве личных грехов и никогда не входя в беседы о соблазне других.

Червь мелок и слаб, ты же славен и горд, но если разумен ты сам, смири гордыню свою, размышляя о том, что твердость твоя и сила будут червям приютом.

Вспомни древних, прославленных храбростью, богатством, славой, ведь все они отошли безвестно и ныне забыты; слабые же и убогие в сем мире, о душе своей позаботившиеся, прославлены на небесах, и на земле их хвалят, призывая на помощь.

Милосердно очи свои возведи на сидящего в наготе и от холода скорченного, дай ему тело его прикрыть одеждой, лежащею у тебя, и Господь даст тебе сторицею вечную жизнь.

Подай руку скитающемуся по улицам, введи его в дом свой, раздели с такими и хлеб твой, и чашу воды ли или питья, какого тебе дал Господь.

Странника в дом свой введи, в хоромы — бездомного, мокнущего осуши, замерзающего согрей, смой грязь тела его, ибо убог он весьма и достоин спасения.

Навести в темнице сидящих по воле Бога, взгляни на беду их, взгляни на страдания и скажи: «Ох мне! это они за одно согрешение только

страдают! Я же все время пред владыкой моим Христом согрешаю, но нахожусь на свободе!»

Если видишь кого-то из них по навету страдающим, помоги ему, ради Христа, яви истину к тем, кто был оклеветан, ибо весьма спасительное это дело, облегчать обиженных долю.

Когда сидишь за обильным столом, вспомни о том, кто ест хлеб сухой и не может воды принести в недуге.

Насыщая тело свое, отдай часть еды твоей ради души своей, ибо честней она тела, чтобы душевную часть сохранили нищие, так что когда потребуется, она в готовности. Время будет твое на исходе, а она окажется у врат небесных, тогда потребует много.

Принимая сладостное питие, подумай о пьющем теплую воду, на солнце согревшуюся, полную сора от неприкрытого места.

Имеющий благ земных изобилье, помни всегда Авраамово слово к богатому: «Ты принял благое в жизни своей, как принял убогий — злое, потому веселится он, ты же — страдаешь».

Возлегши на мягкой постели, свободно потягиваясь, вспомни лежащего в наготе под единым рубищем, того, кто не может вытянуть ноги свои из-за холода.

Когда возлежишь ты под крепкою крышей в хоромах, слушая как шумит дождь, подумай и об убогих, что ныне лежат, пронзаемы точно стрелами дождевыми каплями, а другие без сна сидят, затопленные водою.

Когда в мороз сидишь ты в теплых хоромах, без страха раздевшись, вздохни, об убогих вспомнив, как сгорбились над огоньком, согнувшись, с большой болью в глазах от дыма, чуть-чуть согревая руки, тогда как плечи и тело — все мерзнет на холоде.

Ухо свое преклони к просителю, обнищавшему в жизни сей, поставь заплату избытком своим на зияние дыр его.

Помышляй о духовном, а не о земном; знай, что по нетленной одежде крещения все равны, и убогие, и богатые. Поэтому берегись, чтобы думая по-земному, не презирать убогого, не одинаково с тобою одетого тленной одеждой.

Святым, угодившим Богу, молись, ибо они помощники и заступники прибегающих к ним, поскольку они получили право обращаться к Господу, как рабы, угодные своему господину.

Мощи святых с верой целуй и честь им воздай как честным, ибо ради Христа пострадали они.

Веруй в Божии тайны, телу и крови Его причащайся со страхом — и станешь причастником царству Его.

Неверие же отметай, не говори: «как это, хлеб — тело, а вино — кровь?», но знай: что у людей невозможно, у Бога возможно.

Верь в воскресение мертвых, в жизнь предстоящего века, по неизреченным словам Господня, которые слышишь у евангелистов.

Помни о Страшном суде, ожидая ответа и воздаяния по делам — и верь: это будет, будет!

А еще: возлюби Господа Бога своего от всей души своей и со всею твердостью, и старайся угодить ему всеми делами твоими и добронравием.

Также и ближнего своего возлюби, с которым в одной породнился купели, то есть всякого христианина, а скорее — брата тебе, ибо, сказал Господь, «Восхожу к Отцу моему и Отцу нашему».

Склоняй свою голову перед всяким, кто летами старше иль разумом, ибо возвысит смиренных Господь.

Друзей же своих и равных тебе с любовью встречай, и, обнимая, целуй, как Елизавета и Мария.

Меньших тебя и малых годами любовно прими и помилуй, и к Богу о них воздохни, ибо только что начали те познавать Господа.

Князя бойся всей силой своею, ибо страх перед ним — не пагуба для души, лишь вернее научишься Бога от того бояться.

Пренебрежение властями — пренебрежение Богом. Ведь если кто власти земной не боится, поучения видимого владыки, то как устрашится невидимого?

Боится ученик учительского слова, но больше — самого учителя, так и страшащийся Бога боится и князя, через которого и наказываются согрешающие, ибо князь — перед людьми слуга Бога, милость иль наказанье преступных.

А кроме того, пред всяким богатым склоняй свою голову смирения ради, ибо у древа много ветвей: только склонившись, под ним пройдешь.

Принявшие власть и именье от князя своего, хотят от друзей своих прославления, а от низших ждут поклонения и почитания.

Пред князем страшись говорить неправду, ибо губит Господь изрекающих ложь, но покорно истину говори ему, словно Господу самому.

Если когда-нибудь неверно что скажет тебе, а ты это знаешь, вглядись, не искушает ли он тебя: бережешь ли душу свою? Если же явишь свое безумство, не сможешь доказать ему, что сохраняешь душу его.

Ум свой от суетных мыслей отринь, воспаряя высоко к Господу, ибо этим вступаешь на стезю добродетели, освобождаешь душу от слабости.

То не диво для естества человека — ниспадать к земному, но если, павши, не встать? Разве кто-нибудь, сбившись с пути, снова его не отыщет? Если разбит отчаяньем ты сегодня — завтрашний день посвяти подвигу.

Неразумно, когда приходят вечные достояния — дары благого Бога, не дожидаться их с терпением и верой, но радоваться земному и к нему стремиться, словно не веря в воскресенье.

Если бы слава сего мира приближалась к славе небесной, не распяли бы славы Господа мира сего сыновья, ибо какой раб дерзнет жить в доме, где его господина не приняли?

Голод и жажду терпи Христа ради: насколько наносишь вред телу, настолько душе создаешь благо. Воздающий суд за слова и помыслы воздаст благом и за малое, которое ради него претерпим.

Молитвы — пищи душевной — не откладывай, как тужит тело, изнемогая без пищи, так душа, лишаемая сладости молитвы, к слабости и душевной смерти приближается.

Свет в хоромах — свеча, свет же в чувстве — молитвенный разум; ясен свет от свечи, не знающей никаких примесей, но светла и молитва, не смешанная с земными помыслами.

Предай все желания Богу, ведающему все до бытия человека, и не проси о воле своей — у всякого человека мысль о ненужном, — но обращайся к Богу: «Да будет воля твоя!» Ибо строит он все нам на пользу, которой мы в нашей плоти не ведаем.

Стенай словно мытарь, вернись точно блудный сын, умились как Ахав, восплачь точно Петр, взывай как хананка, предстань как вдовица, молись как Иезекия, смирись как Манасия, — и если молишься так, примет благой Господь молитву твою, как мать — младенца.

Дело безгрешного осуждать чужие грехи, а кто без греха? Один только Бог. Один он безмерен, и ему подобает судить тех, кто измерен.

Гордыня и самомнение осуждать других заблуждающемуся человеку; Господь же гордым противится. Но тот, кто всегда готов дать ответ за свои грехи, не скоро поднимет голову свою, чтобы рассмотреть чужие заблуждения.

Оставь гордыню — и не похвалится гроб, гордость твою вбирая в себя, и убогий отдохнет на гробе твоем без всякого для себя вреда.

Увидев, что мертвеца несут, сжалившись как над собственным телом, проводи его до могилы и двойную получишь пользу: на смерти его свою кончину представив, смиришься, а тело его пожалев и предав могиле, сам помилован будешь.

Болящего посети, принеся ему то, что он хочет отведать, и сам ему послужи, как близкому своему, помня, что так же и тебе предстоит пострадать.

Если стонет кто-то тяжко в болезни, сострадательно слезы свои испусти и к Богу вздохни о болезни, в которой он находится, а если лекарь при этом случится, дай плату ему за его лечение.

Когда умирает он, то своими руками очи его закрой и уста его, о душе его сердцем всем помолись ты Богу и омой своими руками, а если убог, позаботься, чтобы не нагим схоронили его.

Важно для покаяний и слез посещение умирающих. Да и кто же тогда не придет в умиление, видя естество в могилу сходящее, имя угасшее, и славу богатого, рассыпавшуюся в тлен.

А если можешь просить властителей и князей, заступись за обиженных сильными, и до пота сразись за сирот — приравняет капли пота твоего Господь к крови мучеников.

Если же не знаком ты князьям, то тех попроси заступиться, кто близок к ним, поскорби об убогом — и скоро Господь, как и прежде, отплатит тебе.

Когда церковь Божья зовет на молитву, оставь свое дело земное и спеши за душевной пищей с тщаньем, точно Петр, Иоанн ко гробу Господню.

Когда направляешься в храм святой, вспомни, когда и кого прогневил ты в каком-то деле, и постарайся, как можешь, мрак гнева того разогнать и — тогда словно солнце осветит душу тебе доброта молитвы.

Ибо скрывает темная туча солнечную красоту и светлость, погубит красоту молитвы помышление гневное.

Ступив в церковные двери, помни, что там ты вратами небесными как бы проходил, творя молитвы весь тайный час, в трепетном страхе стой, с верою глядя на происходящее очами телесными и духовными, тогда и сам переменишь мысли земные на будущие блага.

Видев Христа, закалаемого в жертву Отцу за весь мир, что иное ты можешь помыслить, находясь во плоти, как только, руки воздев, сказать: «Слава великому твоему человеколюбию, Христе Боже!»

Размышляя же часто о многих согрешениях человека, увидишь премногое и бесконечное человеколюбие Божье, какое нисходит на род человеческий и нас, согрешающих, терпит и до последнего вздоха нашего ждет от нас покаяния. Потому спешим с исповедью еще до встречи с Ним. Приди, потрудись и припади пред Господом, и восплачь пред сотворившим тебя, призови его милость, проси щедрот его, пока не опередила смерть.

Не говори: «Согрешил я много, много совершил беззаконий и не дерзаю припасть к Богу» — не отчаивайся, но уж теперь не греши, и силой всемилостивого Бога не будешь отвергнут.

Прав сказавший: «Приходящего ко мне не выгоню вон», — и потом: «Все обратитесь ко мне — я исцелю Вас, не хочу смерти грешнику». Так дерзай же и веруй, что сам Чистый — приближающегося к нему очистит.

Если действительно желаешь принять покаяние, то яви это делом: если в гордыни каешься, покажи смирение, если в пьянстве, покажи воздержание, если в любодеянье, покажи чистоту. Ведь сказано: «Уклонись от зла и сотвори добро».

Но не медли в греховной тине. Внезапно поймешь и вздохнешь, но не будет слышащего: когда неожиданно ангел перед очами предстанет, враги твои, словно облако, скроют тебя.

Внимай душе своей, ибо она одна у тебя, время жизни одно и неведом конец, и непреходима пучина воздуха, наполненного врагами твоими, и нет никого, кто спасет, кроме добрых дел, — так что всей силой твоею их и взыщи.

Вступи на стезю добродетели, быстро пойди, пока не наступит вечер, подступая к вратам града вышнего, не отклоняясь ни вправо, ни влево, чтобы не заблудиться в пропасти мучений.

Пред епископами и пастырями овец словесных стада Христова голову свою преклоняй и припадай к их ногам, и моли, чтобы дали тебе благословение.

Пресвитеров и иереев Христовых, представителей тайной его трапезы и дробителей тела его всякою честью почти и со страхом взирай на них.

Затем диаконов и иподьяконов, и чтецов как служителей Божьих: с верою думай о них, стараясь никому из них ни в чем не вредить.

Ведь если стоящих перед земным царем почитаешь во страхе, боясь и словом им противоречить, то что подумаешь ты о слугах царя небесного?

В домах святых монастырей потрудись, посмотри на житье и устройство там устава и чина. Глядя на их пребывание, раскаешься в своем житье и тем исправишься потом.

И с теми, кто пребывает в затворе, не ленись общаться, ищи их молитвы, проси благословения, а если есть что у тебя из потребы для тела, им принеси — и примешь тогда душевную помощь.

Но больше всего старайся, как бы не пройти мимо монаха без поклона, ибо если только одним знакомым кланяешься и чтишь их, то это только по дружбе, не из почтения к образу, ими носимому.

В результате всего сказанного: возлюбишь Господа всею душою, и страх перед ним да пребудет в сердце твоем.

Будь и праведен, и правдив, смирен, кроток, покорен, долу склоняясь, ум простирая к небу, умилен пред Богом, а к людям приветлив, опечаленного — утешитель, терпелив в напасти и нищете, щедр и милостив, нищим кормитель, страннолриимник, скорбен греха ради, весел о Боге; постись и жаждай, кроток, робок, покорен, неславолюбив, не златолюбец, но друголюбец, не горд, трепетен перед царем, готовый к его повелениям, в ответах мягок, частый молитвенник, разумный

труженик Бога, не осуждающий всякого человека, защитник обиженных нелицемерный.

Дитя Евангелия, сын воскресения, наследник будущей жизни во Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава и честь, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Поучение Исихия, пресвитера Иерусалимского

Всегда имей страх и любовь к Богу и чистое ко всем сердце.

Что бы ты ни делал, знай, что сам Бог над тобою стоит.

Радуйся, творя добро, но не возносись, чтобы не утонуть при спокойной воде.

Знай, что насколько ты преуспеваешь в законе, настолько ты отстаешь в совершенстве.

Всякого дела конец перед началом его рассматривай день и ночь, и помни всегда о последнем дне.

Никогда не водись с теми, кого, ты видишь, порицают хорошие.

Старайся никому не вредить в его деле.

Не радуйся цветущему в мире сем, ибо все как цвет травный: только сорвешь — тотчас увядает.

В печалях благодари Бога, и ярмо грехов твоих облегчится.

Смотри на себя, иных не осуждая, ибо много и в нас того, что осуждаем в других.

Пусть псалом всегда будет в устах твоих, ибо Бог, поминаемый словом, прогоняет бесов.

Молитва твоя пусть будет с разумным смыслом, чтоб не молиться так, как неугодно Богу.

Всегда поминай Бога — и будет ум твой как небо.

Прикуси язык свой: часто он то выдает, что лучше таить.

Добродетели не выставляй свои, пусть лучше будет больше свидетелей твоему житию.

Лишь столько дай телу, сколько требуется, но не сколько захочет.

Не наслаждайся чрезмерно, ибо склонность к наслаждению привязывает к жизни, от нее же рождается враждебность к Богу.

Отвращайся от житейских радостей: на них поскользнется тот, кто ищет спасения вечного.

Все, в чем согрешил, со стенаньем вспоминай, это дает облегчение.

Приобщайся служенью святым, ибо ими ты приобщишься к Богу.

В церковь как в небеса ступай, в ней не болтай, не помышляй о земном.

Лучше всего имей достаточное, Богу доверь заботиться о том, чтобы всегда ты пользовался изобилием.

Плоти препону твори благими трудами.

Мед пей помалу, и чем меньше, тем лучше: не споткнешься.

Гнев утоли, ибо отец он бесу, если без меры исходит.

В болезни прежде врача прибегай к молитве.

Попов одинаково всех чти, а к помощи славных подвижников прибегай.

Божии домы люби, и сам постарайся создать Божий дом.

В церкви часто бывай, освобождает нас это от внешних сует.

Когда молитву творишь, ум возведи к Богу, а если сникнет, снова его вознеси ввысь.

Не утомляется ум, злые помыслы порождая, — так выметай же злые мысли, добрые — сей.

Возрадуйся смирением, ибо та вусота, что от смирения, непобедима, и в этом — величие.

Трудись до тех пор, покуда не начнешь обуздывать плотские желанья.

Помышляй о красоте небесного благолепия, и не будет привязанности у тебя к земному, и красота земная на ум тебе не придет.

Знай, что земные помыслы — вражие семена. Лишь оставлены эти мысли, тотчас бесы, напасть готовые, посрамятся.

Уклоняйся от частого смеха, ибо он расслабляет душу, ослабивший же узду закона становится необузданным.

На дела следует душу направлять и на молитвы, и тогда не отыщет входа в нас дьявол.

Обычным делом почитай чтение книг: ибо когда захочет кто ум с языком исцелить, пусть всегда обращается к книгам.

Когда же на дело простираешь руки, пусть язык твой поет, а ум твой молится, ведь просит нас Бог всегда о нем помнить.

Всякое дело отмечай молитвой — раздвоеньем твой ум от того не смутится.

Праздный же да не ест, но снова мы видим: иные из вас бесчинно бродят, не делая ничего, но притворяясь работающими.

Любящий труд без печали пребудет, начало гордыни — не потрудиться с близким посильно; выходя на работу — скажем, не много, но усердно выполним то, ради чего пришли.

Мать пороков — леность: добродетели, если есть, украдет, а которых нет — не даст обрести.

Если хочешь, чтобы дело рук твоих божественным было, а не земным — пусть будет делом с убогими вместе.

Радуйся о молитвах святых мужей. Святых познавай по делам их: всякий овощь по плодам познается,

Беззлобен будь сердцем, а телом чист; то и другое составит в тебе Божью церковь телесную.

<...>

Когда тебя оклевещут, подумай, что в клевете справедливо, и если нет ничего, уподобь клевету исчезающему дыму.

Когда обижают тебя, прибегай к терпению, и твое терпение поразит обидчика твоего и все устроит.

Когда богатство или славу предвидишь, вспомни, что тленно все, и тем избежишь крючка жизни сей.

Терпи несчастья, ибо в несчастьях цветут добродетели, точно в терниях цветы.

Оплачь же грешника, в богатстве живущего, ибо судный меч на себя готовит.

Если кто-то, зло творя, за него не стыдится — тяжки его раны, безнадежен становится он.

Как часто ни будешь ты в горести, подумай, сколько праведникам насылалось бед — и прибудет тебе их талант.

Каждому христианину надлежит смирение, если же пред одним смиряться, а пред другим нет, — это смирение лицемерных.

Не разговаривай со злыми, ибо они поучают тебя на злое, и с приближением к ним их же греху приобщишься.

Слушать добрых всегда и беседовать с ними старайся, ибо они подвигают на битву добрую душу.

Как церковь домашнюю каждый из нас имеет свой ум, чтоб исполнять в ней потребные церкви законы.

Тогда возненавидишь порок, когда поймешь, что он — нож беса, на нас наточенный.

Когда со святыми беседуешь, вопрошай их о духовном, а когда не с ними, то сам о духовном беседуй.

Кто не твердо живет, с тем не советуйся, а кто злому радуется, тот ненавидит добро и совета о нем не захочет дать.

Если хочешь избежать вечной муки, никого не осуждай и не клевещи ни на кого: за это Бог больше всего и гневается.

Хочешь подняться выше любого греха, вглядись в других: ибо много такого в тебе, что в другом осуждаем.

Избегай надменности, человек, даже если ты и велик: удаляясь от Бога, себя обрящешь ли?

Возлюби смирение, даже если ты и велик, чтоб в день последний тебя возвысили.

Не осуждай никогда человека — и не будешь осужден в этой жизни.

Когда идешь в церковь, пустяками не развлекайся, ведь когда стоят перед князем, не смеются, не потешаются.

Не смейся над чужим падением, иначе и сам скоро, пав, высмеян будешь теми, от кого не хочешь насмешки.

Сохраняй все это учение — и пребудешь в венце славы.

Твердо следуй этим заповедям — и сотворят тебя славным среди людей и Богу угодным, ибо славится так Божество, и этим можно ему угодить.

Подобает так жить и идущему к вечной жизни, ни во что вменяя тленное.

И, если чаешь истинной жизни, всегда ожидай смерть человеческую.

Возненавидь эту жизнь, ибо видишь, что вертится колесом она.

И выше всего почитай свою душу: славный труд и без устали она для тебя совершает.

Все здесь тленно, и только душа нетленна, а чтить подобает нетленное больше, чем тленное.

Не проси у Господа славного, но проси лишь полезного: ведь славного даже попросишь — не даст, а если и даст, оно истлеет.

Не радуйся о богатстве, ибо его печали удаляют от Бога, даже если и не хотим этого.

Не отвергай никогда убогого, который плачет, — и не отринутся слезы молений твоих.

Воздержаться нужно от пьянства, ведь за отрезвлением следуют стоны и раскаяние.

Помыслов сластолюбивых лучше гнушаться, ибо они растлевают душу и плоть оскверняют.

И земное добро без труда не творится, отчего же избегаем труда благословенного?

Если хочешь без труда добро творить, помни, что труд этот временный, а награда вечная.

Свят дом молебный, потому что свято святое приводит к нам.

Если сеешь нищим в руки, сей не чужое, но свое: ибо чужое семя горьче плевела.

Если стремишься к небесному, отринь земное, ибо не даст оно ввысь воспарить.

Мать благого — чистота и милостыня: ни без той, ни без этой нельзя Христу послужить.

Не пренебрегай ни любовью, ни милостыней: это они к нам благого Бога с небес свели.

Не презирай и сосуда непорочного, ибо Творца во плоти представил он людям.

Не пожелай чрезмерно ни богатеть, ни славиться, ибо все это тленно, мы же — нетленны.

Не над мертвым плачь, над неразумным, ибо тому общий для всех путь, а у этого своя воля.

Оплакивай грешащего, а не убогого, ибо этого ждет венец, а того — мучение.

Говори Богу много, а людям мало, требованиям же закона следуй и там и тут.

Омовение души — благомолитвенная слеза, но после молений припомни, ради чего прослезился.

Не завидуй жизни богатых, у сильных сильней испытания будут и тем страшнее их Судия.

Если сами себя осудим — и Судия не прогневается, ибо радуется Благой, видя грешника, бремя свое бросающего.

Как тяжко в путах состязаться, так и повязанному этой жизнью тяжело восходить на небеса.

Всякое дело порочное возбуждает дьявола, и он, возбужденный, свирепо на возбудившего поднимается.

Если хочешь врага сделать немощным, то свои уменьшай грехи — и, как птица, лишенная крыльев, станет он смеха достоин.

Горе хулителю, ибо запнется его язык и не сможет отвечать Судии.

Горе нечестивому, ибо когда просветятся все, он особенно помрачится.

Горе беззаконнику, ибо к Судье яростному и праведному приступит.

Горе лихоимцу, ибо богатство покинет его, а огонь его примет.

Горе ленивому, ибо станет искать, неправедно погубив, но ничего не обрящет.

Горе блудному, ибо оскверняет ризу жениха, — пусть из царства брака со стыдом будет изгнан.

Путь к смерти в делах порочных мы видим, в нем неведенье Бога, а таковыми бывают блуд, и разбой, и прочие злые дела.

Премудрость Иисуса, сына Сирахова

Всякая мудрость от Господа и с ним во веки: песок морской и капли дождя, и веки Господни кто исчислит?

Кто исследует премудрость, корень премудрости кому открылся, и смысл ее кто уразумел?

Один лишь премудр и грозен весьма, на престоле своем сидящий Господь, который создал ее и увидел, и исчислил ее, и пролил ее на все дела свои, и даровал ее всем, кто любит Его.

Начало премудрости — страх Господень, страх Господень — слава и похвала, и веселье — венец радости.

Страх Господень порадует сердце, даст веселие и долголетие.

Страшащемуся Господа благо будет в конце, и в день кончины своей благословен он будет.

Великая мудрость — страшиться Господа: насыщается тот от плодов своих, весь дом свой наполнит желаемым и житницы житом своим.

Венец мудрости — страшиться Господа: страх Господень мир украшает, здоровье дает и исцеление.

Возжелав премудрости, соблюдай заповеди, и ее тебе даст Господь, ибо премудрость и поучение — страх Господень, благословение, вера и кротость.

Не скрывай своей мудрости, ибо по словам узнают премудрость твою.

Не может неправедный гнев быть оправдан, ибо миг ярости его — его падение.

До конца вытерпит терпеливый — и напоследок получит радость; до конца утаит слова свои мудрый.

Не возносись — и не согрешишь, иначе нанесешь душе своей бесчестие, и тогда откроет Господь тайны твои и среди всех обличит тебя.

Чадо, если приступишь к служению Господу, то приготовь свою душу к напастям, обуздай свое сердце и претерпи, и не смущайся во время бед.

Все, что обрушится на тебя, — прими со смирением и терпением: как огнем очищается золото, так и люди в порыве смирения. Веруй ему — и тебя защитит, до времени потерпи в смирении — и даст тебе радость потом. И устами многих раскроется смысл его, и в немощи своей не отвергай.

Но помолись Господу, и исцелит тебя, отложи прегрешения и протяни руку, от всякого греха очисти сердце.

Страшащиеся Господа, веруйте в него — и не пропадет вам награда.

Страшащиеся Господа, надейтесь на лучшее, взгляните на прежние роды и увидите: кто, веруя в Господа, постыдился? или кто страшился его — и оставлен был? или кто призвал его — и забыт был? — ведь щедр Господь и милостив, и простит нам грехи наши, и спасет во время печали.

Горе грешнику, вступившему на два пути.

Горе сердцу, ослабленному в неверии.

Горе вам, потерявшим терпение — как поступите вы, когда явится наш Господь?

Страшащиеся Господа не противятся словам его и пред ним смиряют души свои.

Пусть впадем мы в руки Господни, а не в руки человеков: каково величье его, такова и милость его.

Выслушайте же, чада, меня, отца, и поступайте так — и спасетесь.

Не борись против истины и невежества своего стыдись.

Не стыдись исповедать грехи свои, не иди против речного течения, не поддавайся неразумному и не восстань против сильного. До смерти сражайся за истину, и Господь Бог защитит тебя.

Не говори: «Согрешил я много, так что мне будет?» — ибо Господь терпелив и простит тебя, если не станешь прикладывать ко грехам грехи; и не говори: «Щедрость его велика, и много грехов моих он простит» — ибо есть у него и милость, и гнев, и на грешников ляжет ярость его.

Не будь скор на язык свой и медлен и слаб на дела свои.

Не будь львом в доме своем, кичась пред рабами своими.

Пусть не будет рука твоя протянута, чтобы взять, а если дать, то согнута.

Не полагайся на богатство свое и не говори: довольно мне.

Не следуй душе своей и не тверди: «Кто меня осилит?» — ибо мстящий Господь отомстит тебе.

Не жди удобного времени, чтобы обратиться к Богу, откладывая это со дня на день, ибо нежданно изыдет Господень гнев и от мести погибнешь.

Не полагайся на неправедное богатство, не поможет тебе в день Судный.

Никаким путем не иди ни с грешником, ни с обманщиком.

Утвердись в мысли твоей, и верным пусть будет слово твое.

Внимательно вслушиваясь, обдуманно отвечай, и если умный готов у тебя ответ — отвечай собеседнику, если же нет — возложи руку твою на уста твои: и слава и бесчестие — в разговоре, и язык человека — враг его.

Сплетником не слыви и языком своим не лукавь, ибо великий позор клеветникам.

В малое и великое не вникай, и из друга не становись врагом: ведь имя лукавца заслужит презрение, как грешника и обманщика.

Душа обманщика погубит обманувшего, и радость врагам своим он тем доставит.

Сладость в гортани умножит друзей, а красноречивый язык — добрую беседу.

В союзе с тобою пусть будут многие, советником же твоим — один из тысячи.

Если изберешь себе друга, то только в несчастьях, и притом не сразу доверься ему.

Ибо есть друг на время радости, он не останется в день печали твоей: и из друзей превратясь во врага, брань оскорблений на тебя низвергнет.

А есть друг — соучастник в пирах, не будет его в день скорби твоей, но в богатстве твоем останется при тебе, и к рабам твоим потянется, а если кротко это снесешь, и против тебя поднимется и от лица твоего скроется. От друзей своих отрекись — и к друзьям своим прислушайся.

Верный друг — защита твердая, и обретший его обрел сокровище: верный друг — утешение жизни.

Страшащиеся Господа его обретут.

Чадо, в юности предпочти науку — и тогда до седин обретешь премудрость.

И как пашущий и как сеющий, приступи к ней так и ожидай благих плодов ее.

В работе над ней даже если мало потрудишься, но скоро будешь есть от плодов ее.

Ибо мудрость имя ее, и не многим она является.

Слушай, чадо, и соверши мою волю, и не отвергни совета моего, и вложи ноги твои в путы ее, и в колодку ее вложи шею, подставь плечо свое и неси ее — и пусть не будут тесными узы ее.

Всею душою своею приступи к ней, и всею силой своей исполни пути ее, исследуй и взыскуй — и познаешь ее, и сам уж ее не оставишь и наконец обретешь с ней покой, и обратится в радость тебе. И станут путы ее покровом твердости, и колодки ее одеждой славы, ибо золота блеск на ней и узы ее — ожерелье из драгоценных камней.

В одежды славы облечешься ею и венец радости на себя возложишь.

Если захочешь, чадо, научишься, и если вложишь душу свою — будешь разумен, и если полюбишь слушать — всё получишь, и если преклонишь ухо свое — станешь мудрым.

Чадо, средь множества старцев встань и выбери самого мудрого, к нему подойди и все, что скажет, выслушай, и тайны разума не избегут тебя.

Если встретишь разумного, то поспеши до света к нему, и ступени крыльца его пусть сотрет нога твоя.

Не делай зла, и не постигнет тебя зло, отступи от неправды — и отойдет от тебя.

Сын, не сей на межах неправды — и не пожнешь ее семикратно.

Не проси ни у Господа власти, ни у князя места почетного.

Не оправдывайся перед Богом и больше царя не мудрствуй.

Не старайся выйти в судьи: вдруг не сумеешь побороть неправду, вдруг устрашишься лица владыки и слукавишь в своем правосудии.

Не согрешай перед множеством сограждан, не изобличай себя перед толпой.

Не сотвори греха дважды — уже в одном виновен.

Не насмехайся над человеком, в горести пребывающим: ибо есть смиряющий и возносящий.

Не изрекай лжи на брата, и другу не сотвори того, чего для себя не хочешь.

Не пожелай и лгать бесконечной ложью, ибо ее постоянство — не благо.

Не смешай себя со множеством грешников, помня, что гнев Господенъ не замедлит.

Не меняй друзей разнообразия ради, и брата родного ради золота и драгоценного камня.

Не бросай жены мудрой и доброй: ведь ее благодать дороже золота.

Не оскорби раба, работающего старательно, ни работника, трудящегося с душою.

Раба разумного пусть возлюбит душа твоя, не лиши его свободы.

Если есть у тебя дети, их поучая, склони уже с юности шеи их.

Если есть у тебя дочери, заботься о теле их, и не оставляй их своим вниманием.

Выдай дочь — и совершишь великое дело, только мужу разумному отдай ее.

Если есть у тебя жена душевная — не выгоняй ее, а ненавидит тебя — так не верь ей.

Всем сердцем своим восхвали отца своего, и про материнские не забудь муки, помни, что ими рожден, и ничем не воздал им так, как они тебе.

Всею душою своей послужи Господу, иереям его покоряйся; всею душою своею возлюби Сотворившего тебя и служителей его не оставляй.

Бойся Господа и почти иерея, отдай долю его, как заповедал Господь, начав с согрешивших и принесших святую жертву. Нищим протяни ты руку свою, чтобы совершилось благословение и благодать даяния перед всяким живым.

И над мертвым не откажись сидеть, не уходи от плачущих, и с печальными сетуй и не оставь посещающих, — всеми ими возлюблен будешь.

Во всех словах своих помни о конце света и Страшном суде — и не согрешишь во веки.

Не бранись с человеком могущественным, не то попадешь к нему в руки.

Не спорь с человеком могущественным, не то умножит тебе забот: многих сгубило золото и сердца до земли свалило.

Не бранись с человеком бранчливым, не подкладывай дров в огонь его слов.

Не глумись над невеждой — и не примут бесчестья предки твои.

Не бесчесть человека в старости его: и от нас ведь состареваются.

Не радуйся об умерших, помни, что все умрем.

Не отврати объяснений мудрых и по поучениям их живи, потому что из них и наставление получишь и послужишь вельможам.

Не отступись от заветов старцев, ведь и те восприняли их от отцов своих, наберись и ты из них разума, чтобы в нужное время дать ответ.

Не давай взаймы человеку, который тебя сильнее, ибо если дашь ему что взаймы, считай, что сгубил это.

Не поручайся сверх своих возможностей, а поручился — отвечай, как и дающий.

Не ссорься с судьею прежде, чем он рассудит тебя.

О приглашении со стороны сильных

Когда призовет тебя сильный — отступи, если и снова тебя призовет, не приближайся — и не отвергнут тебя, однако не стой далеко — и не будешь забыт.

Не старайся быть равным с сильным и не всем словам его верь, ибо речами он проверяет тебя; и если со смехом пытает тебя, берегись, будь внимателен, ибо ходишь рядом с паденьем своим.

Пошатнувшись, богатый утверждается в друзьях, бедный же, пав, будет оставлен друзьями своими.

Когда ошибется богатый, много заступников и словами несказанными оправдают его.

Бедный же ошибся — и наказали его, произнес разумное, — но не дали ему места.

Мерзко гордому — смирение, как и богатому мерзок — бедный.

Богатый заговорил — и все умолкли, и речи его вознесли до облаков, а бедный заговорил — и все сказали: «Что это такое?» — а если оступится, еще и подтолкнут его.

Богатство, в котором нет греха, — добро, — но в устах нечестивого и бедность — зло.

Завистливому человеку не пристало богатство: разве тот, кто к себе зол, к другому будет ли добр? Радовался ли он имению своему?

Нет хуже того, кто даже к себе скуп, и вот расплата за порок его: если добр и творит, то ненамеренно, и всегда выкажет свой характер.

Око лихоимца не насытится лихвой, а обида лукавого иссушает душу его.

Око лукавое завистливо на хлеб, но скудно за своим столом.

Нет веселия больше сердечной радости, и лучше смертъ, чем горькая жизнь.

Душу свою упокой весельем и сердце свое утешь, и печаль подальше гони от себя — и не скоро состаришься.

Красна милостыня во время скорби, как и облака дождевые в жаркую погоду.

Братство и помощь во время скорби, но больше обоих — милостыня спасет. Богатство и твердость возносят сердце, но больше обоих — страх Господень.

<...>

Во всяком деле будь смел, и никакой порок не подступит к тебе.

Чадо, жизнью своей испытай свою душу и пойми, что ей вредно и не дай ей этого: не годится ведь все и всем, не всякая душа всему благоволит. Не пресыщайся всякою пищею и не набрасывайся на различные яства.

От многих яств возникает недуг, и пресыщенье доведет до кручины, от пресыщенья многие умерли — об этом помнящий продлит свою жизнь.

Ничего хорошего нет в том, чтобы не остерегаться суда.

Чадо, если есть у тебя добро — приноси достойное Бога подношение, помни, что смерть не замедлит, и завет ада не объявлен.

Пока не умрешь, твори другому добро и по силе своей протяни руку, подавай убогим по силе своей.

Не отказывайся от добра, и часть добра не минет тебя; и не другим ли оставишь стяжание свое, и труды твои на раздел по жребию, ведь не станешь в аду искать сласти?

Чадо, не ходи на бесполезные сборища и не радуйся невеждам, то есть нечестивым; если и умножатся. Не радуйся им, если нет страха Господня с ними. Не доверяйся обманчивой их жизни, ибо вздохи и плач невидимы — и внезапно конец их постигнешь.

Ибо лучше один, чем тысячи, и лучше умереть бездетным, чем иметь нечестивых чад. Ведь и от одного разумного заселится град, тогда как поколение неразумных исчезнет: много подобного видело око мое.

Мудрый человек во всем угодит и в дни греха избежит согрешений, всякий благоразумный познает мудрость.

Разумные речами умудрились и сохранили в точности притчи.

Работник пьяница не разбогатеет.

Мед и женщины отвратят разумных, а приставший к любодейцам наглее будет.

Услышал тайное слово — пусть умрет с тобою, да и не всякому слову веру давай.

И одежда человека, и лица усмешка, и походка его — все скажут о нем.

Есть молчаливый из мудрости, есть и другой, за велеречивость отвергнутый, но есть молчаливый оттого, что не знает ответа.

Мудрый человек промолчит до времени, а множащий словеса становится мерзок, заносчивого — возненавидят.

Дар неразумного не принесет никакой пользы: ибо мало даст, но многое выбранит.

Неверный шаг по земле все же лучше, чем языка ошибки.

Устами неразумного будет отвергнута притча, ибо не скажет ее когда следует.

Злой порок человека — ложь, и в устах невежд навсегда останется.

Лучше уж тать, чем вечная ложь, но оба равно уничтожатся.

Мзда и взятка ослепляют очи мудрых, так что и зрячие не видят.

Стыд отцу за невежество от него рожденного.

Дочь же на радость будет, мудрая дочь принесет почести и мужу своему.

Отца и мужа посрамит дерзкая, и от обоих примет бесчестие.

Плачь над мертвым — он лишился света, но оплачь и безумного — разум его покинул.

Кинувший камень в птиц их отгонит, тот же, кто друга своего бранит, разрушит дружбу.

Если на друга поднимешь голос, не скорби, ибо есть примирение.

Не клянись именем святого: человек, клянущийся часто, преисполнится беззакония, и не покинут дом его беды, и если согрешит — его грех на нем.

Человек, встающий с постели своей, говорящий в душе своей: «А кто меня видит? — и стены меня заслоняют, и никто не видит меня, так и скрою грехи свои, и не вспомнит Всевышний». Боится он глаз человека. И не понял, что очи Господни — и во тьме ярче солнца, взирают на все пути человеческие и видят в самых тайных местах, и понимают спасенные: ничего нет лучше страха Господня, и ничего нет слаще, как внимать заповедям Господним.

Стыдись отца и мать — из-за блуда, вождя и вельможу — из-за лжи, судью и князя — из-за согрешений, людей и совета — из-за беззаконий, соратника и друга — из-за неправды, места, на котором живешь, — из-за разбоя и измены правде Божьей и завету Его.

Остерегайся слов бранных на друга, но не брани их сказавшего и не стыдись за них.

И на суде не оправдывай нечестивца.

О жестокости

Одним путем не ходи с жестоким — и не поднимется на тебя, ибо поступит он по нраву своему, и в его безрассудстве погибнешь.

С яростным не спорь, и не иди с ним через пустыню, ибо кровь для него — ничто, и когда не будет помощи, тут же уничтожит тебя.

С глупцом не советуйся, ибо не сможет он слова сдержать.

Пред чужими не совершай ничего тайного, ибо не знаешь, как поступят с тобою.

Не являй своего сердца всякому человеку, чтоб не вознес он тебе хвалы.

Женщине не открывай души своей, не дай наступить ей на твердость твою.

Не встречайся с женщиной блудной, и не впадешь в ее сети.

На деву не взглядывай, не то соблазнишься ее чарами.

Не дай блудницам души своей и не погубишь наследия своего.

Отврати очи свои от красивой женщины и не любуйся чужой красотой, ибо в женской красоте погибли многие, и похоть от нее огнем распаляется.

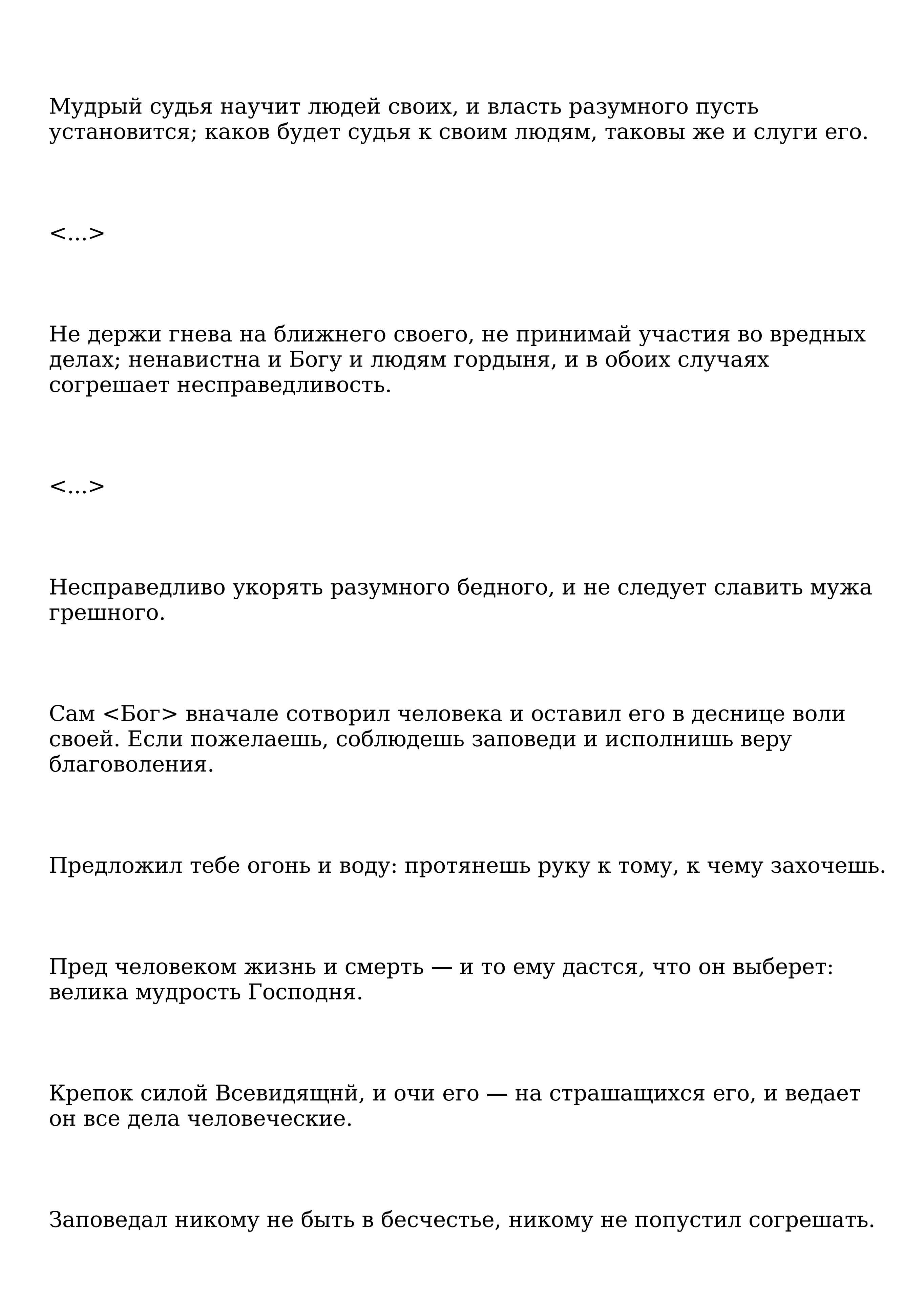
С замужней никогда не сиди и не беседуй с нею по <какому-либо> поводу: а вдруг как душу твою привлечет — и духом своим поскользнешься в большую беду.

Не завидуй славе грешника, ибо не ведаешь, как он погибнет.

Не оставляй старого друга, ибо новый его не заменит.

И с мудрыми советуйся, и с разумными входи в размышление, и все дела твои идут по законам Всевышнего.

Мужи праведные пусть вкушают с тобою, и в страхе Господнем будет хвала тебе.



Мудрый судья научит людей своих, и власть разумного пусть установится; каков будет судья к своим людям, таковы же и слуги его.

<...>

Не держи гнева на ближнего своего, не принимай участия во вредных делах; ненавистна и Богу и людям гордыня, и в обоих случаях согрешает несправедливость.

<...>

Несправедливо укорять разумного бедного, и не следует славить мужа грешного.

Сам <Бог> вначале сотворил человека и оставил его в деснице воли своей. Если пожелаешь, соблюдешь заповеди и исполнишь веру благоволения.

Предложил тебе огонь и воду: протянешь руку к тому, к чему захочешь.

Пред человеком жизнь и смерть — и то ему дастся, что он выберет: велика мудрость Господня.

Крепок силой Всевидящнй, и очи его — на страшащихся его, и ведает он все дела человеческие.

Заповедал никому не быть в бесчестье, никому не попустил согрешать.

Обращаясь к Богу, воздержись от греха, отвратись от неправды и отрекись от скверны.

И пока еще ты не впал в недуг, смири себя, а в грехах обратись к Господу.

И не медли воздать молитву вовремя, и приготовь себя, не будь человеком, искушающим Бога, помни о гневе его в день кончины своей.

Лучше обличать, чем гневаться.

Обличи друга: часто находит клевета; и не всякому слову веру давай.

Изречения

Премудрый словами руководствуется, и мудрый человек всегда полезен вельможам.

Лучше человек, скрывающий свою необузданность, чем скрывающий мудрость свою.

<...>

Издали познается сильный по своим речам.

Умный знает, на чем поскользнется.

Сердце вспыльчивого как утлый сосуд: никакого разума не удержит.

Если мудрое слово услышит разумный, оценит его и к себе применит.

Глупый со смехом возвысит свой голос, мудрый же человек едва улыбнется.

Душу свою оскверняет сплетник.

Что тот, кто чинит сосуд разбитый, то и учащий глупого.

Кто скажет глупцу — пусть в конце переспросит: «Что я сказал?»

Две вещи грехи умножают, а третья наводит — это гнев.

О женах злых и добрых. Всякое зло мало против зла отженщин, жребий грешника пусть выпадет ей.

Жена лукавая — язва сердца.

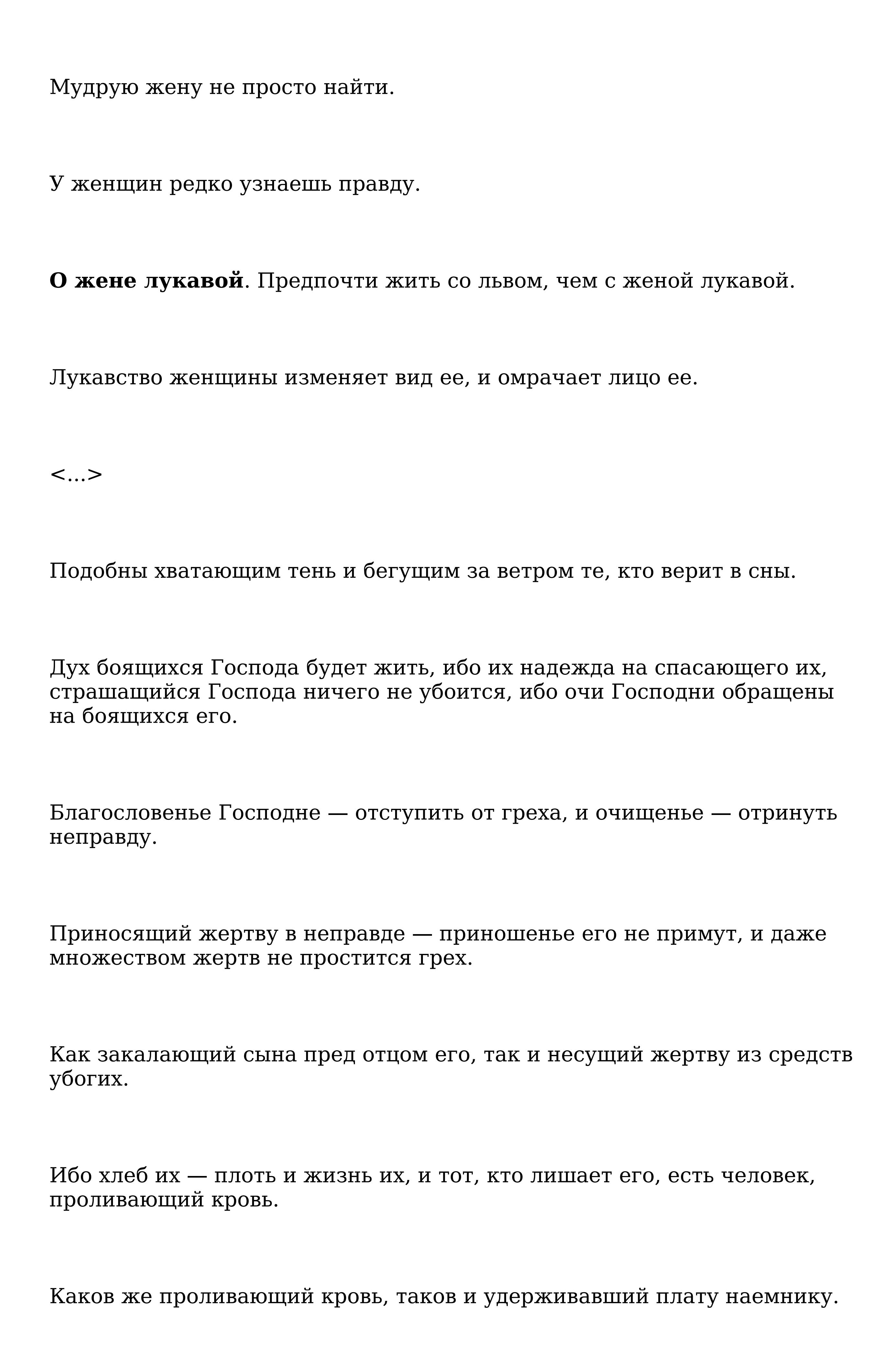
От женщин начало греха, из-за нее умираем все.

Не разрешай жене на тебя наговаривать, и если не ходит она под рукою твоей, отсеки ее от плоти своей.

У доброй жены блажен муж ее, и число его дней удвоится.

Жена хорошая радует мужа своего и годы жизни его наполнит миром.

<...>



Мудрую жену не просто найти.

У женщин редко узнаешь правду.

О жене лукавой. Предпочти жить со львом, чем с женой лукавой.

Лукавство женщины изменяет вид ее, и омрачает лицо ее.

<...>

Подобны хватающим тень и бегущим за ветром те, кто верит в сны.

Дух боящихся Господа будет жить, ибо их надежда на спасающего их, страшащийся Господа ничего не убоится, ибо очи Господни обращены на боящихся его.

Благословенье Господне — отступить от греха, и очищенье — отринуть неправду.

Приносящий жертву в неправде — приношенье его не примут, и даже множеством жертв не простится грех.

Как закалающий сына пред отцом его, так и несущий жертву из средств убогих.

Ибо хлеб их — плоть и жизнь их, и тот, кто лишает его, есть человек, проливающий кровь.

Каков же проливающий кровь, таков и удерживавший плату наемнику.

О десятине. Не являйся пред Господом пуст, ибо — по заповеди: приношение праведного умаслит алтарь и благоуханье его пред Всевышним.

Благоприятна жертва от мужа праведного, и память его незабвенна будет: оком благим восславил он Господа и не умалил начатка рук своих.

<...>

Дай Всевышнему подаяние, ибо Господь воздающий семижды воздаст тебе.

<...>

О златолюбце. Возлюбившие злато не спасутся, возлюбивший тленное сам пресытится: многие пали из-за золота и была их пагуба перед лицом их.

Блажен в богатстве, кто беспорочен, кто не идет вслед золота; кто таков — такого восславим, ибо дивное создал он средь людей своих.

И кто искушен им был и не поддался — да будет славен.

Кто мог бы преступником быть и не стал им, мог зло сотворить, но не сотворил — да увеличится благо его и о милосердьи его поведает церковь святая.

Кто Бога страшится, того не настигнет беда, а если впадет в напасть, то Бог его выручит.

Разумный человек доверяет закону и ходит по Христовым заповедям, и закон его прав.

Бояре и судьи славные, но нет средь них ни единого выше того, кто страшится Господа.

Рабу разумному и свободные служат.

Не мудрствуй, делая дело, и не хвались в годину тяжелую.

У недоброжелательного друга и у врага не проси совета.

<...>

Раскрывший тайну утратил доверие, он не сыщет друга по душе своей.

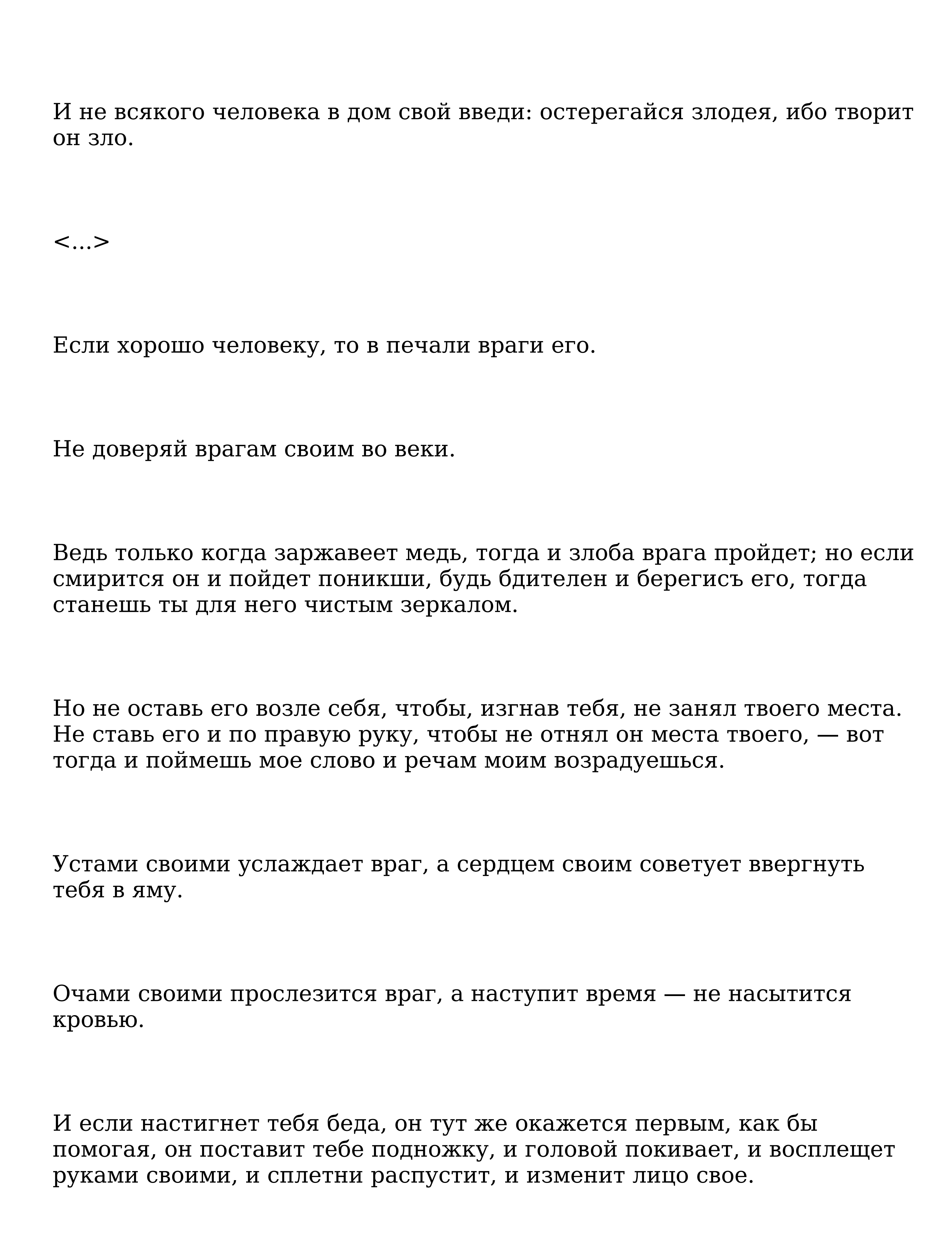
<...>

Мудрость кроткого возвысит главу его и среди вельмож усадит его.

Пока не услышишь — не отвечай, и не вмешивайся в беседу, и в совете бесчестных не восседай.

<...>

И по детям своим человек виден.



И не всякого человека в дом свой введи: остерегайся злодея, ибо творит он зло.

<...>

Если хорошо человеку, то в печали враги его.

Не доверяй врагам своим во веки.

Ведь только когда заржавеет медь, тогда и злоба врага пройдет; но если смирится он и пойдет поникши, будь бдителен и берегисъ его, тогда станешь ты для него чистым зеркалом.

Но не оставь его возле себя, чтобы, изгнав тебя, не занял твоего места. Не ставь его и по правую руку, чтобы не отнял он места твоего, — вот тогда и поймешь мое слово и речам моим возрадуешься.

Устами своими услаждает враг, а сердцем своим советует ввергнуть тебя в яму.

Очами своими прослезится враг, а наступит время — не насытится кровью.

И если настигнет тебя беда, он тут же окажется первым, как бы помогая, он поставит тебе подножку, и головой покивает, и восплещет руками своими, и сплетни распустит, и изменит лицо свое.

Раньше времени не возносись, и с теми, кто крепче тебя и богаче, не общайся: какое уж общение горшку с котлом — ведь этот прикоснется, а тот рассыпется.

Богатый обидит, и сам же прогневается, бедный же, обиженный, и сам извинится. Если есть у тебя что-то, пребудет он с тобою, если же нет, обольстит тебя, и насмеется над тобою, и проговорит приятно, и скажет: «Да есть ли что-то, что нужно тебе?» — и посрамит тебя едой своей, пока не истощит тебя вдвое, и напоследок обзовет шутом, взглянет на тебя — и оставит тебя, головою качая.

Внимай, мой сын, и не забудь, чтобы не осрамиться в веселье твоем.

О вине. Не увлекайся вином, ибо многих погубило вино. Горесть души — в гневе и с клеветою выпиваемое без меры вино.

На пьяном пиру не охаивай ближнего и не мешай ему в веселье его.

Если старшим над другими поставили, не возносись, будь для всех как один из них.

Если что услыхал — не выноси на сторону, безрассудно на пиру не мудрствуй, будь как тот, кто знает, но молчит.

Среди вельмож не равняйся с ними, и пока другие молчат, не торопись говорить, ибо муж в совете не отвергнет раздумия.

Без совета ничего не делай, а когда совершишь — не раскайся.

Не советуйся с недоброжелателем, а от искушающих тебя утаи намерение.

Не советуйся с трусливым о рати, с купцом о прибыли и с покупателем о купле, и с завистливым о похвале, и со злыми о милосердии, и с рабом ленивым о хорошей работе, — и даже не приступай к таким ни за каким советом.

Пребывай с благоверным мужем, если узнаешь, что он соблюдает Божьи заповеди: согрешишь — он тебе сострадает, сердечным советом поможет.

Бывает, разумный муж учитель другим, однако о душе своей не заботится.

Но бывает другой человек, для души своей мудр, и надежен плод разума в устах его.

Мудрый муж наставит людей своих.

О мертвых. Чадо, слезы свои источи над мертвым: возрыдай, точно в тяжком страдании и, как положено, тело его накрой, и не пренебреги его погребением.

Горький плач начинай и рыдай день иль два, чтобы избегнуть хулы: ведь от горести смерть наступает, и сердечное горе сломит твердость <души>.

Вспомни закон, он таков: «Мне — завтра, тебе — сегодня».

Подумай о нем при исходе души его и утешься, ибо печалью и скорбью ему не поможешь.

Сердце твое утром пусть устремляется к Господу, тебя сотворившему, перед Вышним молись, отверзая уста свои на молитву; и о грехах своих помолись, и помоги убогому.

Печаль великая от века людям была дана.

Именье неправедных точно ручей пересохнет.

Чада грешников в скверне пребудут, живя советами нечестивых.

Погибнут потомки чад грешников, позор будет с семенем их.

Укоряют детей за отца нечестивого, за него примут они позор. Дети грешников не пустят корней.

О почитании родителей. Восславил Господь отца за детей его, и суд <правый> матери основал за детей ее.

Чтущий отца искупил грехи, и, обогащаясь, прославит мать свою.

Чтущий отца будет счастлив в чадах, и в час молитвы своей он будет услышан.

Прославляющий отца получит долгую жизнь, и внимающий Господу упокоит матерь свою, и как владыкам послужит родившим его: делом и словом чти отца своего, чтоб получить благословение, ибо отчее благословение укрепляет чадам дома, а проклятие матери разрушает их до основания.

Не хвались бесчестьем отца своего, ибо нет похвалы от бесчестья; похвала человеку по чести отца его и позор детям — мать в бесславии.

Чадо, отцу помоги в его старости и не огорчай его при его жизни, а если теряет разум — не попрекай и не укоряй его в силе твоей.

Благодеянья отца незабываемы — против грехов укрепят тебя, и в день печали твоей напомнят тебе о себе, и, как жар на морозе, так растают грехи твои.

Сколь бесславен забывший отца своего и проклят Богом огорчающий мать свою.

Чадо, годы свои проводи в кротости — и возлюбят тебя люди.

<...>

Пламя огня угасит вода, а милостыня искупит грехи.

Чадо, не лишай нищих хлеба и не минуй очей умоляющих.

Души алчущей не оскорби, не обидь человека в бедности его.

Сердца обиженного не раздражай, не пронеси подаяния мимо нуждающихся.

Раба скорбящего не отгоняй и не отврати лица своего от нищего.

И от просящего у тебя не отводи очей.

Не дай повода человеку проклинать тебя: если кто клянет тебя в горести души своей, услышит мольбу его Сотворивший его.

<...>

Похвала премудрости

Премудрость восхвалит душу свою и посреди людей своих похвалится, и в церкви Всевышнего уста свои отверзет.

<...>

Мудрость тремя украсилась делами и тем прекрасна: миром между людьми и Богом, любовью между близкими, и пахарем, что трудится в поле; и три человека душе моей ненавистны, и омерзительна жизнь их: бедного гордого, и богатого лживого, и старца, ослабшего разумом, — ведь чего не собрал ты в юности, как сможешь то обрести ты в старости?

<...>

Святого Василия, каким человеку следует быть

Хорошо человеку, и лучше всего — в жизни не слишком предаваться богатству, но соблюдать воздержание телу, украшение нраву, голосу ласковость и доброту, есть и пить с воздержаньем и молча.

Пред старцами — молчание, пред мудрыми — послушание, с равными дружбу иметь, с младшими — дружеское согласие.

Плотских сладострастных дел избегать, меньше говорить да больше понимать, не дерзить словами, не перечить людям.

Не вдруг рассыпаться смехом, сохраняя стыдливость, очи долу держать, а не ввысь, не спорить.

Быть до смерти послушным, трудиться до смерти, всегда поминая ужасное — второе пришествие и день смерти.

Радоваться в надежде, непрестанно молиться, Бога благодарить за все.

В скорбях терпеть, со всеми смиренным быть, надменности избегать, пребывать в благоговении.

Сердце хранить от помыслов злых, собирать богатство на небесах, соблюдать закон, возлюбить всем сердцем и Господа, и ближнего, как самого себя.

И самому вопрошать себя о помыслах и о делах каждый день.

Не опутываться дурными словами, не подражать житию ленивых, но следовать жизни святых отцов.

Радоваться с достигшими добронравия и никому не завидовать, со страждущими страдать и с плачущими рыдать.

Лучше быть осужденным, чем осуждать, тем более не порицать спасающегося от грехов.

Никогда за праведника не выдавать себя, признавая себя грешником пред Богом и перед людьми.

Поучать неведающих, ободрять малодушных, служить больным, омывать ноги святым.

О странниках братски заботиться, с единоверными мир иметь.

Еретиков отвращаться, книги канона почитать, а в апокрифы не вникать никогда.

Об Отце и Сыне и Святом Духе ничего не выведывать, но единосущую святую Троицу смело призывать.

Креститься следует, как это принято, и никогда не клясться, не давать серебра своего за процент, и ничего иного для преумножения пищи.

Избегай пьянства и скорбей этой жизни, никогда ни о ком не говори за спиной его.

И никогда не прислушиваться к клевете, но все самому проверить и никому на слово не верить.

Не распаляй себя гневом, избавляясь от такого желания, без нужды не гневись на ближнего.

Ваша ссора — лишь до захода солнца. Ни гнева нельзя держать ни на кого, ни воздавать злом за зло, ни клеветою за клевету.

Но лучше быть оскорбленным, чем оскорбить, обиженным быть, чем обидеть, лишенным, чем лишать.

И больше всего человеку следует воздержаться от разговоров с женщиной и от бесстыдных слов, ибо вино и женщины совращают и мудрых.

Заповедями не пренебрегать, но надеяться на награду и славу от Бога, вечной жизни желать — и принять ее.

Всегда пред очами держи Господа: как сыну — любить его всем сердцем и твердостью разума, и как рабу — страшиться его, трепетать и служить ему.

Страхом и трепетом спасенье свое добывать, духом гореть и стремиться без лени стать во всеоружии Святого Духа.

И сражаться с бесом-врагом до погибели плоти, до изнеможения духа, все нужное исполняя и ничего не прося для себя, благодарить за все Бога.

И никому не завидовать, избегая лести — ведь Бог рассыпал кости льстецов, и ни в коем случае не похваляться.

Ни сам себе не возноси хвалы, ни к похвалам не прислушивайся, ибо следует все делать втайне, не на глазах у людей, и только от Бога просить похвалы и милости.

Помнить об отшествии отсюда, о приготовленных благах для праведников, как и об огне, готовом для дьявола и его бесов.

Слово апостольское припомнить о том, что страсти жизни земной не достойны тех, которые явятся в будущем, и повторить за Давидом: «Соблюдающим заповеди Его — великое воздаяние», и венцы многие праведникам, вечные кущи и жизнь бесконечная, радость неизреченная от Отца и Сына и Святого Духа.

С царями и патриархами, с пророками и апостолами, с мучениками и со всеми, им угодившими, — с ними постараемся мы обрести Христа Иисуса Господа нашего, которому слава ныне и присно и во веки веков.

Из Ксенофонта, который сказал двум сыновьям своим

Я, чада, вам говорю, кончая жизнь человеческую. Оба вы знаете, что прожил я жизнь нелукаво, всеми почтен и всеми любим не ради сана высокого, но из-за хорошего нрава.

Не укорил никого, не навредил никому, никого не оклеветал и никому не завидовал я.

Ни на кого не разгневался — ни на малого, ни на великого.

Службы церковной не пропускал: ни вечерни, ни заутрени, ни литургии.

Не отвергал я нищих, не оставил странников, заботился всегда о печалующихся и тех, кто сидит в темницах, все нужное им доставляя, а тех, кто в плену, — избавлял.

Не помыслил я на красоту чужую, не познал другой женщины, кроме матери вашей, да и ту, пока родила она вас, а потом уж ее не познал я, но советовались мы с ней обо всем с чистой совестью телесно и по Господней мудрости в чистоте соблюдались согласно православной вере; так поступал я до смертного часа.

Так живите и вы, мои чада, тогда и вас наградит Господь и даст вам долгую жизнь.

Посещайте бедных, вдовиц защищайте, немощных милуйте и осужденных невинно освободите, живите со всеми в мире.

Но больше всего — с теми, кто в пустыни и в пещерах, и в ущельях земных — творите добро им.

Помните о монастырях, слушайтесь и почитайте черноризцев, милость им даруя.

Мать свою почитайте и поступайте по-доброму с ней, тогда узрите Господа в радости и возвеселитесь о том во веки.

Все, что имеете в золоте, серебром и одеждами, отдайте неимущим, и тех, кто в рабстве, как детей своих возлюбите — и юных помилуйте, старых — освободите, пищу до смерти давая им, да просто скажу: видели вы, как я поступал, то делайте также и вы — и спасетесь и уподобитесь святым.

Матери — не забывайте, волю ее исполняйте, ей повинуйтесь в страхе Господнем.

Знаю я, что Господни заповеди исполняете, совершая его дело, и пусть будет с вами Бог мира сего. Аминь.

<...>

О милостивом Созомене и о том, как подающий нищему сторицею получил

Жил в Иерусалиме один человек по имени Созомен. Однажды шел он по городу и увидел нищего, нагого и печального; сняв с себя, отдал ему одежду свою и пошел в дом свой. А день склонялся уже к вечеру.

И лег; немного поспав, увидел во сне, что находится в прекрасном дворце, а в нем ослепительно яркий свет и много различных цветов, и растения всякие.

И тут же увидел другие сады, поросшие сверху донизу плодами, благовонными и прекрасными, а ветви склонились до земли, одна прекрасней другой.

И самые разные птицы сидели на их вершинах, распевая сладостную песню, друг друга к себе призывая в неумолчном пении.

Так что слышался голос от земли до небес, и колыхались деревья, стоящие в славе великой, и протекали источники, и радуга поднималась во всей красе.

И вот он видит: подошел к нему юноша некий, прекрасный, и сказал ему: «Ступай за мною». И пошел он вослед ему, и вошли они оба в колонный зал, весь покрытый золотом, с прекрасными в нем палатами славными. И пока озирался там Созомен, выступили вдруг из палат тех мужи крылатые, солнцем блистающие, неся четыре ларца, и у каждого ларца их четверо.

Когда же пречудные эти двери уже миновали ангелы, постиг Созомен, что это к нему они прибдижаются, ибо уже вошли в колонны зала и стали напротив Созомена.

И, опустив с плеч ларцы и поставив их, стали ждать кого-то, видимо старшего, кто должен еще прийти. И увидел Созомен: вот муж, прекрасный и в светлом образе, вышел из тех же палат, подошел к ангелам, подносившим ларцы, и сказал им:

«Откройте ларцы, покажите их человеку тому, какие для него хранятся одежды — за одну ту одежду, которою одарил он нагого».

И тотчас открыли один из этих ларцев золотых, и стали выкладывать — сорочки и одежды царские, и прекрасные длинные одежды, различные видом, и расстилали пред ним, говоря: «Вот господин Созомен, нравится ли тебе все то, что перед твоими глазами?»

Он отвечал: «Недостоин я и на тень от одежд этих глядеть!» Показали ему и белые, и цветные, и золотые ризы, и дошло их число до тысячи.

И когда показали ему, согласно сказанному «Сторицею получит и вечную жизнь наследует за единую одежду», — сказал ему ангел: «Тебе говорю, Созомен. Смотри, сколько я приготовил тебе за единую свитку твою, за то, что увидел меня нагого, и пожалел, и меня одел — иди, и поступай так, и воздастся тебе сторицею!»

Слышав это, сказал Созомен ему в страхе, радостью одержимый: «Да так ли бываёт тем, кто милостыню подает убогим?» — И ответил ему: «Ей! ибо всякий, одевший убогого, Христа облачит, и всякий, его раздевший, с Христа совлечет. Или: его накормивший, Христа накормит и примет.

И вот тебе заповедаю: никогда не жалей о милостыне, нищего не порицай за то, что ты дал ему, иначе вместо награды сугубый убыток потерпишь, ибо всякий, подавший милостыню и о ней пожалевший, награды лишится».

Услышав все это, Созомен очнулся и, удивляясь чудесному видению, размышлял, говоря: «Если так это, то и вторую отдам я одежду нищим». И на другую ночь видел от тот же сон.

И был он очень добр к нищим, так что прослышали все края земли о милостивом его житии и щедрости ко всякому человеку, и был он угоден Богу и людям.

Кто пожелает добровольно и с легкостью без труда спасти свою душу — милостынею может ее спасти, ибо тот, кто о нищих заботится, Богу взаймы дает, и сеющий с благословением — с благословением и пожнет вечную жизнь.

Как сам Господь говорит в Евангелии: «Блаженны милостивые, ибо помилованы будут». Богу нашему слава, и ныне.

Закончены книги эти рукою грешного Иоанна; избранные из многих книг княжеских. А где ошибки, братья, там, исправив, читайте: благословите, а не кляните. Аминь.

Кончил я книжки эти в лето 1076-е при Святославе, князе Русской земли. Аминь.

СЛУЖБА ВОЗДВИЖЕНЬЮ КРЕСТА КОСЬМЫ МАЮМСКОГО

Подготовка текста, перевод и комментарии Т. В. Ткачевой

ВСТУПЛЕНИЕ

Праздник Всемирного воздвижения честнаго и животворящего креста (14 сентября) установлен церковью в воспоминание обретения креста Господня в 335 г.

Центральной частью службы Воздвиженью является канон Воздвиженью Креста, принадлежащий одному из крупнейших византийских гимнографов VII—VIII вв. Косьме Маюмскому (Иерусалимскому). Современник и друг Иоанна Дамаскина, он подвизался одновременно с ним в лавре савваитов близ Иерусалима, позднее был епископом города Маюмы близ Газы.

«Канон — жанровая форма византийской гимнографии, сложившаяся к VIII в. Структура канона сложна: он состоит из девяти “песней” (нормально — из восьми, ибо вторая “песнь” опускается во всех канонах, кроме великопостных), причем каждая “песнь”, соотносимая с определенным библейским моментом, членится на “ирмос” (зачин) и несколько “тропарей”; полное “чинопоследование” канона включает и другие компоненты. Поэтика канона отмечена торжественной статичностью, медлительной витиеватостью» (*Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., I997. С. 341).

Служба Воздвиженью входит в числе других служб в состав служебных миней. Славянский перевод миней — древний, осуществлен в конце X—начале XI в. на славянском юге. Этот древнейший перевод дошел до нас в так называемой русской редакции. Все сохранившиеся списки имеют обширный репертуар грамматических, орфографических и лексических русизмов.

Публикуемый славянский текст Службы Воздвиженью содержится в древнерусской служебной минее XII в. из собрания Новгородского Софийского собора (*РНБ*, Софийское собр., 188). Служба Воздвиженью наряду с другими издана и исследована И. В. Ягичем в его работе «Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—97 гг.». (СПб., 1886). В качестве основного им использован список Праздничной минеи, данные Софийского списка учтены в разночтениях. Нами выбран Софийский список, поскольку именно в нем Служба Воздвиженью в большинстве случаев содержит корректные чтения. Ряд исправлений в нашей публикации делается с учетом списков, изданных И. В. Ягичем, а также греческого текста канона Косьмы Маюмского (PG. 98. 501—504).

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПАМЯТНИКЕ

Икос — (греч. οἵκος — дом) — церковное песнопение, вмещающее в себе прославление святого или празднуемого события.

Ирмос — (греч. εἵρω — связываю, соединяю) — первый тропарь в ряду других, составляющих одну песнь канона, служащий для них образцом.

Кондак — греч. κοντάκιον — церковное песнопение, содержащее похвалу святому или выражающее сущность праздника. Кондак — краткая песнь, икос — более пространная. Икос читается после кондака.

Подобен — греч. προσόμοιος — помета в богослужебных книгах над стихирами и другими песнопениями, указывающая на «подобие», сходство их с предыдущими по содержанию, размеру и гласу.

Прокимен — (греч. πρόκειμαι — положен впереди) — стих из Псалтири, приноровленный к значению праздника.

Самогласен — греч. αὐτόμελος — песнопение, размер, глас и содержание которого совершенно самостоятельны.

Седален — греч. κάθισμα — стих, во время исполнения которого разрешено сидеть.

Слава и ныне — возглас священника: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне, и присно, и вовеки веков, аминь!»

Тропарь — греч. τροπάριον — краткое песнопение, составленное в честь праздника или святого.

ОРИГИНАЛ

МЕСЯЦЯ ТОГО ЖЕ ВЪ 14

ВЪЗДВИЖЕНИЕ ЧЬСТНААГО КРЬСТА

Тропарь гласа 2. Живящий крестъ твоея благости, егоже дарова намъ недостойныимъ, Господи, тебе приносимъ въ молитву. Спасай князя[1] и люди молящая тя, Богородица ради, едине Человеколюбьче.

Сѣдаленъ гласа 6. Днесь пророческое събысться слово, се бо покланяемъся на мѣстѣ, идеже стоясте нозѣ твои, Господи. И древо

спасения приимъши, грѣховныихъ страсти свободу улучихомъ молитвами Богородица, едине Человеколюбче.

Крестъ твой, Господи, освятися, тѣмь бо бывають цѣления болящиимъ грѣхы, темь припадаемъ ти, помилуй насъ.

Тъкмо въдружися древо крьста твоего, основания подвизашася съмьрти, Господи. Егоже пожьре, любя адъ, отъпусти трепѣща. Показа намъ спасение твое, святый. Славословимъ тя, Сыне Божий, помилуй нас.

Спасение съдѣя посредѣ земля, Христе Боже, на крьстѣ пречистѣи руцѣ свои простьрѣ, събирая вся языки, въпьюща: «Господи, слава тебе!»

Кондак гласа 4, самогласен. Възнесыйся на крьстъ волею, тьзънууму и нынѣ граду твоему[2] щедроты твоя подаждь, Христе Боже. Възвесели силою своею вѣрнаго князя нашего, побѣду дая ему на супостаты, пособье имуща твое оружие — мира непобѣдиму побѣду.

Икос, подобен. Иже по третьимь небесе въсхыщенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченьныя Божия,[3] ихъже не лѣть языкы глаголати, чьто къ галатомъ пишеть яко рачителемъ? Писание почтьтосте и разумѣстѣ. «Мьнѣ, — рече, — хвалитися да не будѣть, тькмо еже о единомъ крьсте Господни»,[4] на немъже страдавъ, уби страсти. Того убо и мы извѣстьно дьржимъ, крьста Господня, похвалу вьсѣхъ, есть бо намъ спасьное се древо.

Стихира гласа 6, подобна: Вьсе упование. Моиси прообразуя, руцѣ въздѣвъ на высоту и побѣжая Амалика мучителя крьстъмь чьстьныимь.[5] Тъ бо вѣрьныимъ хвала, мученикомъ крѣпость, апостоломъ украшение, правьдьнимъ възбраньникъ, вьсемъ преподобнымъ спасение. Темьже и´ въздвижемъ видящи, вься тварь веселиться и праздьнуеть, славящи Христа, тѣмь бо растоящая събьравшааго и отъ коньць благодатью.

Крьстъ, въздвизаемъ на немь възнесенуму, страсть пречистую пѣти повелѣваеть твари всея, на томь бо убивъ нас убившааго, и умьрщвении въставихомъся. И удобри, и на небесьхъ жити сподоби, яко милосьрдъ,

премъножьствъмь благости. Тѣмь радующеся, възнесѣмъ имя его и того възвеличимъ великое съшьствие.

Крьсте преславьный! Тя хвалять чинове англьсции, въпьюще, днысь възносима Божиемь велѣниемь. Възносиши бо вся ядью оступльша и въ съмьрть въпадъшася.[6] Тѣмьже тя сьрдьци и устьнами вѣрьнии лобызаемъ, съвящение приемлюще: «Възносите, — въпьюще, — Христа, прѣблагого Господа, и тому кланяйтеся — Божию подъножию!»

Ина стихира, глас 8, подобен: О преславное чюдо. О преславьное чюдо! Животворяй садъ, крьстъ пресвятый, на высоту въздвижемъ, являеться днысь. Славословестять и´ вьси коньци земля. Прогоними же бывають вси дѣмони. О, Божие дарование земльныимъ даровася! Имьже, Христе, спаси душа наша, яко милостивъ.

О преславьное чюдо! Широта крьста и дългота небесьмъ равьна есть. И Божиею благодатию свящаеть коньца земли. Симь бо языци варварьсции побѣждени бывають, симь бо вѣра утвьржаеться и Божия лествица, еюже въсходимъ на небеса, възносяще пѣсньми Христа Бога.

О преславное чюдо! Гързнъ испълнь живота, понесый Вышняго, отъ земля възимаяся, — крьстъ въздвизаеться днысь, имьже къ Богу приведѣни быхомъ вьси и пожьрта бысть до коньца съмьрть. О древо чистое, имьже въсприяхомъ въ Едемѣ бесъмьртную пищю, Христа славяще.

По прокимне глас 8, самогласен. Егоже древле Моиси, прообразивъ собою, Амалика, низъложивъ, побѣди,[7] и Давидъ пѣвьць подножью твоему, въпья, кланятися повѣлѣвааше,[8] чьстьному кресту твоему, Христе Боже, днысь грѣшьнии кланяемъся. Устьнами недостойнами, тя, изволыпааго пригвоздитися на немь, и, въспоюще, молимъ ти ся: Господи, съ разбойникъмъ царьствию твоему съподоби насъ.[9]

Стих. Възносите Господа Бога нашего. Глас пророка твоего Мосеа. Боже, испълнися, глаголющий: «Узьрите животъ нашь, висящь прямо очима вашима».[10] Дьньсь крьстъ въздвизаеться и миръ отъ льсти свободися. Днысь Христово въскрьсение обнавляеться и коньци земля радуються, въ бубънѣхъ давыдьскы пѣснь ти приносяща и глаголюща: съдѣлалъ еси спасение посрѣдѣ земля,[11] Христе Боже, распятие и

въскрьсение, имъже насъ спасе, благый Человеколюбьче, вьсесильне Господи, слава тебе.

Стихира. Възнесыйся на небеса. На «слава и на ныне», глас 6. Четвероконьчьный миръ днься освящаеться, четвероконьчьну възвышаему твоему крьсту, Христе Боже нашь. И рогъ вѣрьнааго съвъзвышаеться кънязя нашего, на томь вражиемь съкрушенъмь рогъмь. Велий еси, Господи, и дивьнъ въ дѣлѣхъ твоихъ, слава тобѣ.

Заутреня

На стих<овне>, глас 8. Вънесеся на крьстъ, Христе Боже, и спасе человечьскыи родъ. Славимъ страсти твоя.

Иже въ Едеме раи древле древо сьнѣдьное прозяблъ есть посрѣдѣ садовия,[12] цьркы же твоя, Христе, крьстъ твои процвьтѣ, источьшаго вьсему миру жизнъ. Нъ ово умьртви сънѣдью ядъша Адама,[13] ово же животъ сътвори вѣрою спасъшася разбойника, егоже отъданью причастьникы яви ны, Христе Боже, страстью своею раздреши иже на насъ гневъ вражий и съподоби ны цьсрьствию твоему, Господи.

Мосеова палица чьстьныи крьстъ твои пробразоваше, Спасе нашь, тѣмь бо спасаеши яко из глубины морьскыя люди своя,[14] Человеколюбьче.

Глас 6. Крьстѣ Христовъ! Крьстьяномъ упование, заблужьшиимъ наставьниче, тружающиимъся тишина, на браньхъ побѣда, вьселенѣй утвьржение, недужьныимъ врачю, мьртвыимъ въскрьсение, помилуй насъ!

Канон крьсту. Глас 8

Пѣснь 1

Крьстъ начьртавъ, Моиси въпрямъ жьзлъмъ Чьрмьное пресѣче, Израилю проходящю; то же, обращь *на* фараона съ колесницами, ударь съвъкупи, въпрекы написавъ[15] непобѣдимо оружие. Тѣмь Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Образъ древле Моиси пречистыя страсти на сѣбе прообразова, священою середѣ стоя, крьстъ же въображься простертама побѣду дланьма въздвиже, дьржаву погубивъ Амалика[16] вьсегубителя. Тѣмь Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Горѣ въздвиже Моиси на копие ицѣление, тьлятворения избавление и ядовитааго уядения. И древу образъмь крьста пресмыкаема по земли змия привяза[17] лукавьное, о семь обличивъ вредъ.[18] Тѣмь Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Показа небо крьстьную побѣду благочьстья дьржателю и цьсарю богомудру,[19] на немьже врагъ противьныихъ разори шатание. Льсть превратися и вѣра простьреся на земли коньцемъ божьствьна. Тѣмь Христа въспоимъ Бога нашего, яко прославися.

Пѣснь 3

Жьзлъ въ *образъ таинѣ* приемлеться, прозябениемь бо расуди иерея.[20] Неплодящии же прежде цьркъвь ныне процвьте дрѣво крьста въ дьржаву и утвьржение.

Яко испусти ударяемъ воду камень[21] противныимъ людьмъ и жестосрьдыимъ, богозъванѣй цьркъви проявляаше тайну, ейже крьстъ дьржава и утвьржение.

Ребромъ пречистыимь копьемь прободѣномъ, вода съ кръвию истече,[22] обнавляющи завѣтъ, и омъвение грѣху. Вѣрьныимъ бо крьстъ похвала и цьсаремъ държава и утвьржение.

Пѣснь 4

Ирмос. Услышахъ, Господи, сьмотрения твоего тайство, разумѣхъ дѣла твоя, и прославихъ твое Божьство.

Горькочадьныя преложи древъмь Моиси воды въ пустыни[23] древле, крьстъмь на благочьстие языкъ проявляя преложение.

В глубинѣ погрязьшюю сѣкущюю въздасть *Иоръданъ* древъмь,[24] крьстъмь и крьщениемь сѣчениемь льсти знаменавая.

Священьно укрѣпляються четверочастьнии людие преходяще, образѣ свѣдѣтѣльства скинии крьстообразьными чинъми проявляяся.[25]

Дивьно простираемъ сълньчьныя луча испущааше крьстъ — исповѣдаша небеса славу Бога нашего.

Пѣснь 5

О трьблаженое древо, на немьже распятъся Христосъ, Цесарь и Господь, имьже падеся, иже древъмь прельщий, тобою прельщенъ бысть, Христови пригвождьшюумуся плътью, подающюуму миръ душамъ нашимъ.

Тѣбѣ, препѣтое древо, на немьже распятъся Христосъ, Едема хранящее, обращающееся оружие, *крьсте*, устыдѣся, и страшьнъ же херувимъ[26] оступи ти, распятуму Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Преисподьнихъ силы, противьнии крьсту, устрашаються начьртаемааго знамения на въздусѣ, по немуже ходять. Небесьныихъ, земльныихъ родъ же колѣна кланяються Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Зарями нетьлеющами явься Божьствьныи крьстъ омраченыимь языкъмь грѣхъми, въ тьмѣ льсти сущии Божий свѣть облиставъ, въводить на немъ распятому Христу, подающему миръ душамъ нашимъ.

Пѣснь 6

Водьну звѣри въ утробѣ длани Иона крьстообразьно распростьръ,[27] спасьную страсть проображаше яснѣ, тѣмь, тридъньвьнъ ишьдъ, премирьное въскрьсение прописааше плътью пригвождена Христа Бога и тридьневьныимъ въскрьсениемь мира просвѣщьшааго.

Старостью преклонься и недугъмь отягъченъ, исправися Ияковъ, руце преложь,[28] дѣйствье являя живодавьца крьста. Обѣтъшание бо и законьнааго стѣнааго писания понови, писавъ, пригвождийся на немь Христосъ Богъ и душетленьный недугъ — льсть отъгналъ есть.

На уная възложь длани божьствьный Израиль крьста образьно на главу,[29] являаше, яко старѣйши слава законьнослужьбнии людие. Мънѣвъ тѣмъже съпрельститися, не изменова живоносьна образа, преминуть бо людие Христа Бога обновлении въпьяху, крьстъмь огражаеми.

Пѣснь 7

Безумьна заповѣдь мучителя зълочьстива людьми поколѣба, дышющи прещениемь и злохулениемь богостужьныимъ. Обаче три отрокъ не искуси ярость звѣрьская, ни огнь сънедаяй.[30] Нъ дышющю хладьнууму духу, съ огньмь суще пояаху: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ».[31]

Отъ древа вькушь, пьрвый въ человецехъ въ тьлѣние въселися,[32] въпадениемь живота, бещьствьемь осуженъ бывъ, всему роду *тѣлотлѣньнъ**[33]*** нѣкакъ яко врѣдъ нѣкакъ недуга подалъ есть. Нъ обрѣтьше, земльнии, възведение, крьстьноуму древу зовемъ: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ».

Разруши велѣние Бога ослушание, и древо изнесе смьрть зьмьныимь, еже не благо время преложено. Въ утвьржение зѣло чьстьнууму отъсѣле живоносьное дрѣво възбраняеть еже разбойнику нечювьственууму, отъвьрзе благоразумьну,[34] въпьющю: «Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ».

Жьзлѣ ся касаеть краеви Иосифъ,[35] бывающиихъ зьря Израиль цьсарьства дьржавьное, яко прѣспѣеть, преславьный крьсть проявляя. Сь убо есть цьсаремъ побѣдьная похвала и свѣтъ вѣрою зовущиимъ: «Прѣпѣтыи отьць нашихъ Боже благословенъ».

Пѣснь 8

Благословите, дѣти, Троици равьночисльнии, Съдѣтеля Отьца Бога, пойте съшьдъшааго Слова, и огнь въ росу претворьшааго,[36] и превъзносите вьсемъ живота дающааго Духа Пресвятааго въ вѣкы вься.

Въздвизаему древу, окроплену кровью въплъщьшюся Слову Божию, пойте, небесьныя силы, земльныихъ въздвижение! Праздьнующе людие, поклонитеся крьсту Христову, имьже миру въскрѣшение въ вѣкы.

Земльныя длани, съмотрителе блгодѣти, крьстъ, на немьже ста Христосъ Богъ, въздвижете святолѣпьнѣ и копье, Божия Слова тѣло прободъшее, да видять языци вси спасение Божие, прославляюще въ вѣкы вься.

Божиемь судъмь избьрании, веселитеся, крьстьяньскыи верьнии цьсаре, хвалитеся побѣдоносьныимъ оружиемь, приимъше отъ Бога крьста чьстьнааго, симъ бо колѣна, брани дьрзость поискающе, расыпаються въ вѣкы вься.

Пѣснь 9

Тайный си Богородице рай, невъздѣланьно вздрастивъши Христа, имьже крьстьное живоносьное на земли насажено бысть древо. Тѣмь нынѣ възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Да въздрадуються дубравьная древеса вьсячьская, освящьшюся естьству ихъ, отъ негоже бѣ испьрва насажено бысть, Христови распростьршюся на дрѣвѣ. Тѣмь ныне възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Священый въста рогъ богомудрыимъ главѣ вьсѣмъ крьстъ, на немьже грешныихъ мысльныихъ сътираються рози вьси. Тѣмь нынѣ възносиму, покланяющеся ему, тя величаемъ.

Сънѣди ради древяныя роду пребывшия, съмьрть крьста ради упразнися дньсь, ибо праматере всеродьная клятва раздрушися прозябениемь чистыя Божия Матере, юже вься силы небесныя величають.

Не горесть древнюю[37] оставль убийственую си крьстьмь до коньца потребилъ еси. Тѣмь и древо услади древл*е* горесть, водъ мерьскъ,[38] прообража крьстьную дѣтѣль. Темь тя с силы небесныя величаемъ.

Непрестаньно тружаема мракъмь праотьца, Господи, крьстъмь въздвиже дньсь, яко бо льсти зѣло неудьржаньно естьство прежде съведено бысть. *Вьсепричьтено*[39] ны пакы исправи свѣтъ крьста твоего, егоже верьнии величаемъ.

Да образъ покажеши мирови покланяемо, Господи, крьста вьсьхъ, яко славна на небеси, украсилъ еси, свѣтомь неугасаемыимъ озаренъ, цесареви оружие непобѣдьно. Тѣмь тя силы небесныя величають.

---

[1] *...князя...* — В греч. βασιλεῦς (царь). Такая лексическая замена дала в ряду других основание М. А. Моминой для выделения киевской редакции XI в. (*Момина М. А.* Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // ТОДРЛ. Л., 1992. Т. 45. С. 207).

[2] *...тьзънууму и нынѣ граду твоему...* — В греч. τῆ ἐπωνύμω σου καινῆ πολιτεία — названному твоим именем, новому государству. В более поздних редакциях миней — тезоименитому твоему новому жительству.

[3] *Иже по третьимь небесе въсхыщенъ бывъ на рай, и глаголы слышавъ неиздреченьныя Божия...* — См. 2 Кор. 12, 2—4.

[4] *«Мънѣ, — рече, — хвалитися да не будѣть... о единомъ крьсте Господни».* — Ср. Гал. 6, 14.

[5] *Моиси прообразуя... крьстъмь чьстьныимь.* —См. Исх. 17, 12.

[6] *...ядью оступльша и въ съмьрть въпадъшася.* — См. Быт. 3, 6.

[7] *Егоже древле Моиси... Амалика, низъложивъ, побѣди...* — См. Исх. 17, 10—13.

[8] *...Даеидъ пѣвьць подножью твоему... кланятися повѣлѣвааше...* — См. Пс. 98, 5.

[9] *Господи, съ разбойникъмъ царьствию твоему съподоби насъ.* — См. Лк. 23, 40—43.

[10] *Узьрите животъ нашь, висящь прямо очима вашима.* — Ср. Вт. 28, 66.

[11] *...съдѣлалъ еси спасение посрѣдѣ земля...* — См. Пс. 73, 12.

[12] *Иже въ Едеме... прозяблъ есть посрѣдѣ садовия...* — См. Быт. 2, 8—9.

[13] *.../дрѣво/ умьртви сънѣдью ядъша Адама...* — См. Быт. 3, 3—19.

[14] *Мосеова палица... люди своя...* — См. Исх. 14, 16.

[15] *Крьстъ начьртавъ... въпрекы написавъ...* — См. Исх. 14, 16—30.

[16] *Образъ древле Моиси... погубивъ Амалика...* —См. Исх. 17, 10—13.

[17] *Горѣ въздвиже Моиси... змия привяза...* — См. Чис. 21, 6—9; Иоан. 3, 14.

[18] *...обличивъ вредъ...* — В греч. θριαμβευσάς τὸ πῆμα — прославив страдание.

[19] *Показа небо крьстьную побѣду... цьсарю богомудру...* — Византийскому императору Константину Великому (274—337), по свидетельству церковного историка Евсевия Кесарийского, было явлено знамение креста на небе со словами: «Hoc vince» (сим победиши).

[20] *Жьзлъ въ образъ таинѣ приемлетъся, прозябениемь бо расуди иерея.* — См. Чис. 17, 8.

[21] *...испусти ударяемъ воду камень...* — См. Исх. 17, 6; Чис. 20, 8—11.

[22] *Ребромъ пречистыимь... вода съ кръвию истече...* — См. Иоан. 19, 34.

[23] *Горькочадьныя... воды въ пустыни...* — См. Исх. 15, 23—25.

[24] *В глубинѣ погрязьшюю... въздасть Иоръданъ древъмь...* — См. 4 Цар. 6, 6.

[25] *...четверочастьнии людие ... крьстообразьныими чинъми проявляяся...* — См. Чис. 2, 1.

[26] *...древо... Едема хранящее... страшьнъ же херувимъ...* — См. Быт. 3, 24.

[27] *Водьну звѣри въ утробѣ длани Иона крьстообразьно распростьръ...* — См. Иона 2, 1; Мф. 12, 40.

[28] *Старостью преклонься... Ияковъ, руце преложь...* — См. Быт. 48, 2.

[29] *На уная възложь... Израиль... на главу...* — См. Быт. 48, 14.

[30] *Обаче три отрокъ не искуси ярость звѣрьская, ни огнь сънедаяй.* — См. Дан. 3, 20—25.

[31] *«Прѣпѣтый отьць нашихъ Боже благословенъ»*. — См. Дан. 3, 26.

[32] *Отъ древа въкушь, пьрвый въ человецехъ въ тьлѣние въселися...* — См. Быт. 3, 17—19.

[33] *...тѣлотлѣньнъ...* — В рукописи *тѣлоносьнъ* — ошибка переводчика, ожидали бы *тѣлотлѣньнъ*, в греч. σωματοφθόρος, а не σωματοφόρος; конъектура И. В. Ягича.

[34] *...разбойнику нечювьственууму, отъвьрзе благоразумьну...* — См. Лк. 23, 39—43.

[35] *Жьзлѣ ся касаеть краеви Иосифъ...* — См. Быт. 47, 31. Этот стих читается по-разному в Масоретском тексте Библии и в Септуагинте. Жезл (ῥάβδος) упоминается в Септуагинте и в ц.-сл. переводе. В Синодальном переводе с Масоретского оригинала — «ложе». Чтение Септуагинты содержится в примечании.

[36] *...дѣти, Троици равьночисльнии... огнь въ росу претворьшааго...* — См. Дан. 3, 20—26.

[37] *...горесть древнюю...* — Ожидали бы «древяную» — в греч. πικρίαν τὴν τοῦ ξύλου — горечь дерева.

[38] *...древо услади... горесть, водъ мерьскъ...* — Ср. Исх. 15, 23—25.

[39] *Вьсепричьтено.* — Греч. источники дают два варианта: παγκλεῶς — «всеславно» и παγκλήρως — «все наследуя».

ПЕРЕВОД

ТОГО ЖЕ МЕСЯЦА В ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ ДЕНЬ

ВОЗДВИЖЕНИЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА

Тропарь второго гласа. Животворящий крест твоей благости, который ты даровал нам недостойным, Господи, тебе приносим как молитву. Спасай князя и людей, молящихся тебе, ради Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Седален гласа шестого. Сегодня сбылось пророческое слово, ибо вот мы поклоняемся на месте, где стояли твои ноги, Господи. И приняв древо Спасения, получили мы свободу от греховных страстей молитвами Богородицы, о единственный Человеколюбец.

Крест твой, Господи, освятился, ибо от него бывают исцеления болеющих грехами, с ним к тебе припадаем, помилуй нас!

Только водружено было древо креста твоего, сдвинулись основания смерти, Господи. Кого ад поглотил с жадностью, того отпустил, трепеща. Ты показал нам спасение твое, Святый. Славословим тебя, Сын Божий, помилуй нас.

Соделав спасение посреди земли, Христе Боже, ты простер на кресте свои пречистые руки, собирая все народы, вопиющие: «Господи, слава тебе!».

Кондак четвертого гласа, самогласен. Вознесшийся на крест добровольно, тезоименитому ныне граду твоему щедроты твои подай, Христе Боже. Возвесели силою своею верного князя нашего, даруя ему победу на супостатов, ибо помощь твоя ему — оружие мира — непобедимая победа.

Икос, подобен. Кто вознесен был до третьего неба, а потом в рай, и слышал неизреченные божественные глаголы, которые нельзя высказать языком, что пишет к возлюбленным галатам? Прочли вы писание и поняли: «Я не буду, — сказал он, — хвалиться ничем, только одним Господним крестом», на котором он, пострадав, убил страдания. Его и мы будем неколебимо держаться, креста Господня, похвалы всех, ибо для нас это древо спасения.

Стихира шестого гласа, подобна: Все упование. Моисей прообразуя <крест>, воздел руки на высоту и победил Амалика мучителя <образом> честного креста. Ибо крест верным похвала, мученикам крепость, апостолам украшение, праведным защитник, всем преподобньш спасение. Поэтому, видя его воздвигаемым, вся тварь веселится и празднует, славя Христа, благодатью <креста> собравшего рассеянных со <всех> концов <земли>.

Крест, воздвигаемый вознесенному на нем, повелевает всей твари воспеть пречистую страсть, ибо на нем убил он убившего нас, и, умерщвленные, мы восстали. И ублаготворил нас премножеством благости и сподобил жить на небесах, ибо он милосерд. Поэтому вознесем имя его, радуясь, и возвеличим его великое сошествие.

О преславный крест! Тебя, ныне воздвигаемый по божественному велению, хвалят ангельские чины, вопия. Ибо ты возносишь всех, отступивших через греховное ядение и впавших в смерть. Поэтому мы, верные, лобызаем тебя сердцами и устами, принимая освящение и вопия: «Возносите Христа, преблагого Господа, и поклоняйтесь <Кресту> — Божию подножию!»

Ина стихира, глас восьмой, подобен: О преславное чудо. О преславное чудо! Животворящий сад, пресвятой крест, воздвигаемый на высоту, является ныне. Славословят его все концы земли. Изгоняются все демоны. О Божие дарование, дарованное земным! Им, Христос, спаси души наши, ибо ты милостив.

О преславное чудо! Широта креста и долгота равна небесам. И Божественною благодатью освящаются концы земли. Ибо им побеждаются варварские народы, ибо им утверждается вера — божественная лестница, по которой восходим на небеса, вознося в песнях Христа Бога.

О преславное чудо! Гроздь, исполненная жизни, поднявшая Всевышнего, взимается с земли — воздвигается ныне крест, которым мы все были приведены к Богу и которым была пожрана окончательно смерть. О древо чистое, чрез которое мы восприняли в Эдеме бессмертную пищу, славя Христа.

По прокимне, глас восьмой, самогласен. Тому, которого древле Моисей прообразил собой и победил, низложив, Амалика, и подножию которого Давид-певец повелел поклоняться, мы, грешные, поклоняемся ныне, Христе Боже, честному кресту твоему. Воспевая недостойными устами тебя, изволившего пригвоздиться на нем, молимся тебе: Господи, с разбойником царствия твоего сподоби нас.

Стих. Возносите Господа Бога нашего. Слово пророка твоего Моисея исполнилось, Боже, возвещавшее: «Увидите жизнь нашу, висящую перед глазами вашими». Ныне крест воздвигается и мир от лжи освободился. Ныне Христово воскресение обновляется и концы земли радуются, принося тебе песнь с бубнами, подобно Давиду, и говоря: совершил ты спасение посреди земли, Христе Боже, — распятие и воскресение, которым ты спас нас, благой Человеколюбец, всесильный Господь, слава тебе!

Стихира. Вознесшийся на небеса. На «Слава и ныне», глас шестой. Четвероконечный мир ныне освящается, когда возносится твой четвероконечный крест, Христе Боже наш. И рог верного князя нашего совозвышается, когда на нем сокрушены рога вражии. Велик ты, Господи, и дивен в делах твоих, слава тебе!

Заутреня

На стиховне, глас восьмой. Вознесся ты на крест, Христе Боже, и спас человеческий род. Славим страдания твои.

Как прежде в райском Эдеме произросло дерево плодовое посреди растений, так церковь твоя, Христе, дала цвет кресту, источающему всему миру жизнь. Но то умертвило вкусившего Адама, это же оживотворило спасшегося верою разбойника, к награде которого

сопричти нас, Христе Боже, страданием своим освободи нас от гнева вражьего и сподоби нас царствия твоего, Господи.

Жезл Моисея прообразовал крест твой, Спаситель наш, ибо им спасаешь словно из глубины морской народ свой, Человеколюбец.

Глас шестой. О крест Христов! Упование христиан, наставник заблудших, покой труждающихся, победа в сражениях, укрепление вселенной, врач болящих, воскресение мертвых, помилуй нас!

Канон кресту. Глас восьмой

Песнь первая

Крест начертав жезлом напрямую, Моисей рассек Красное <море>, так что прошел Израиль; и его же, обратив на фараона с колесницами, соединил, ударив, наоборот написав непобедимое оружие. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Образ пречистого страдания явил собою прежде Моисей, стоя между двух священников, простертыми руками изображая крест, погубив державу Амалика всегубителя. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Ввысь поднял Моисей на копье исцеление, избавление от тления и ядовитого укуса. И к древу, образу креста, привязал ложь пресмыкающегося по земле змея, обличив тем зло. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо он прославился.

Показало небо владыке благочестия и богомудрому царю победу креста, и им разрушил он мятежи сопротивляющихся врагов. Ложь прекратилась и вера божественная распространилась до концов земли. Потому воспоем Христа, Бога нашего, ибо прославился.

Песнь третья

Жезл принимается в образ тайны, ибо он цветением указал на иерея. Бесплодная же прежде церковь цвет дала ныне древу креста в державу и утверждение.

Как ударяемый камень испустил воду сопротивляющимся и жестокосердым людям, так крест являет тайну богозванной церкви, для которой он — держава и утверждение.

Пречистые ребра пронзены копьем, и вода с кровью истекла в обновление завета и омовение греха. Ибо верным — крест — похвала, а царям — держава и утверждение.

Песнь четвертая

Ирмос. Господи, я внял тайне твоего предначертания, уразумел дела твои и прославил твое Божество.

Горькие от природы воды прежде в пустыне Моисей превратил древом <в сладкие>, прообразуя обращение язычников через крест к благочестию.

Утонувшую в глубине секиру возвратил Иордан, из-за древа, через крест и крещение отсечение лжи знаменуя.

Священно укрепляется народ, разделенный на четыре части, образ свидетельства скинии являя крестообразными построениями.

Дивно простершийся крест испускал солнечные лучи — небеса исповедали славу Бога нашего.

Песнь пятая

О треблаженное древо, на котором распялся Христос, Царь и Господь! Тобою прельщен был и пал тот, который прельстил <людей> древом, когда плотью пригвожден был <на тебе> Христос, подающий мир душам нашим.

Тебя, воспетое древо, на котором распялся Христос, устыдился вращающийся меч, охраняющий Эдем, и в страхе отступил херувим от тебя, когда распят был Христос, подающий мир душам нашим.

Силы преисподней, противные кресту, устрашаются начертаемого в воздухе, где они витают, знамения. Колена же небесных и земных родов кланяются Христу, подающему мир душам нашим.

Как негаснущая заря явился Божественный крест помраченным грехами народам, Божественным светом пребывающих во тьме лжи просветил, приводит к распятому на нем Христу, подающему мир душам нашим.

Песнь шестая

Внутри утробы морского зверя Иона распростер руки крестообразно, ясно прообразуя спасительное страдание и, выйдя через три дня, явил собою образ надмирного воскресения пригвожденного во плоти Христа Бога, просветившего мир трехдневным воскресением.

Согбенный от старости и отягчаемый недугом, поднялся Иаков, перекрестив возложенные руки, являя действие живоносного креста. Ибо ветхое и подобное тени законное писание обновил Христос Бог, пригвожденный на кресте, и <тем> прогнал растлевающий души недуг — ложь.

Возложив руки крестообразно на юные головы, божественный Израиль явил как старшую славу подвластный закону народ. Подозреваемый в

заблуждении, не изменил он образа живоносного <креста>, ибо придет обновленный народ, ограждаемый крестом, ко Христу, вопия.

Песнь седьмая

Безумная заповедь злочестивого мучителя, изрыгающая угрозу и хулу богомерзкую, заставляла людей трепетать. Но трех отроков не коснулась ни ярость звериная, ни огнь пожирающий. Когда веял хладный дух, они пели, находясь в огне: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Вкусив от древа, первый человек вселился в тление, осужденный на отпадение от жизни и на позор, всему роду <человеческому> передал он телесное тление как недуг, как заразу. Но с обретением пути ко спасению мы, земнородные, взываем к крестному древу: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Ослушание нарушило Божие веление, и древо, к которому неблаговременно прикоснулись, принесло смерть земнородным. Отселе живоносное древо возбраняет неблагоразумному разбойнику то, что открыло благоразумному, вопиющему: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Касался края жезла Иосиф, провидел будущее державное царство Израиль, ибо достигнет оно славы, явив преславный крест. Ибо крест есть царям победная похвала и свет с верою взывающим: «Воспетый Боже отцов наших — ты благословен!»

Песнь восьмая

Благословите, дети, равночисленные Троице, Творца Отца Бога, воспойте сошедшего <Бога> — Слово, превратившего огонь в росу, и превозносите всем подающего жизнь <Святого> Духа вовеки!

При воздвижении древа, окропленного кровью воплотившегося Слова Божия, воспойте, небесные силы, воздвижение земных! Люди,

торжествуя, поклонитесь кресту Христову, <подавшему> воскресение миру навеки!

Хранители благодати, земными руками воздвигните святолепно крест, на котором встал Христос Бог, и копье, пронзившее тело Слова Божия, — да видят все народы, спасение Божие прославляя вовеки!

Избранные Божиими судьбами, веселитесь, христианские верные цари, хвалитесь победоносным оружием, приняв от Бога честной крест, ибо им все племена, ищущие брани, побеждаются навеки.

Песнь девятая

Богородица! Ты есть таинственный райский <сад>, невозделанно взрастивший Христа, который насадил на земле живоносное крестное древо. Потому величаем тебя, <Богородица>, поклоняясь ныне возносимому кресту.

Да возрадуются все деревья лесные, ибо освятилось естество их от того, кто насадил их, когда распялся на древе Христос. Потому величаем тебя, <Богородица>, поклоняясь ныне возносимому <Кресту>.

Встал священный рог головы всех богомудрых — Крест, на котором мысленно стираются рога всех грешников. Потому величаем тебя, <Богородица>, поклоняясь ныне возносимому <Кресту>.

Из-за древесного плода пребывавшая в человеческом роде смерть из-за креста ныне отменена. Ибо проклятие праматери всех людей разрушилось <плодом>, который произрастила пречистая Божия Матерь, которую все силы небесные величают.

Не оставив древней убийственной горести, крестом ты уничтожил ее до конца. Потому и древо некогда усладило горечь вод Мерры, прообразуя действие креста. Потому тебя с силами небесными величаем.

Непрестанно мучимого мраком праотца <Адама> ты, Господи, воздвиг сегодня крестом, ибо от лжи, прежде бывшей, <человеческое> естество было низведено <в ад>. Нас снова всеславно исправил свет креста твоего, который мы, верные, величаем.

Чтобы показал миру образ поклонения, Господи, Ты украсил, озарив светом неугасаемым, славное знамение <креста> на небе, — подавая царю непобедимое оружие. Потому Тебя силы небесные величают.